

СУЛЬДЕР
(Книга отражений)

Роман

МОСКВА
2018

Компьютерный набор, верстка,
техническое и художественное оформление

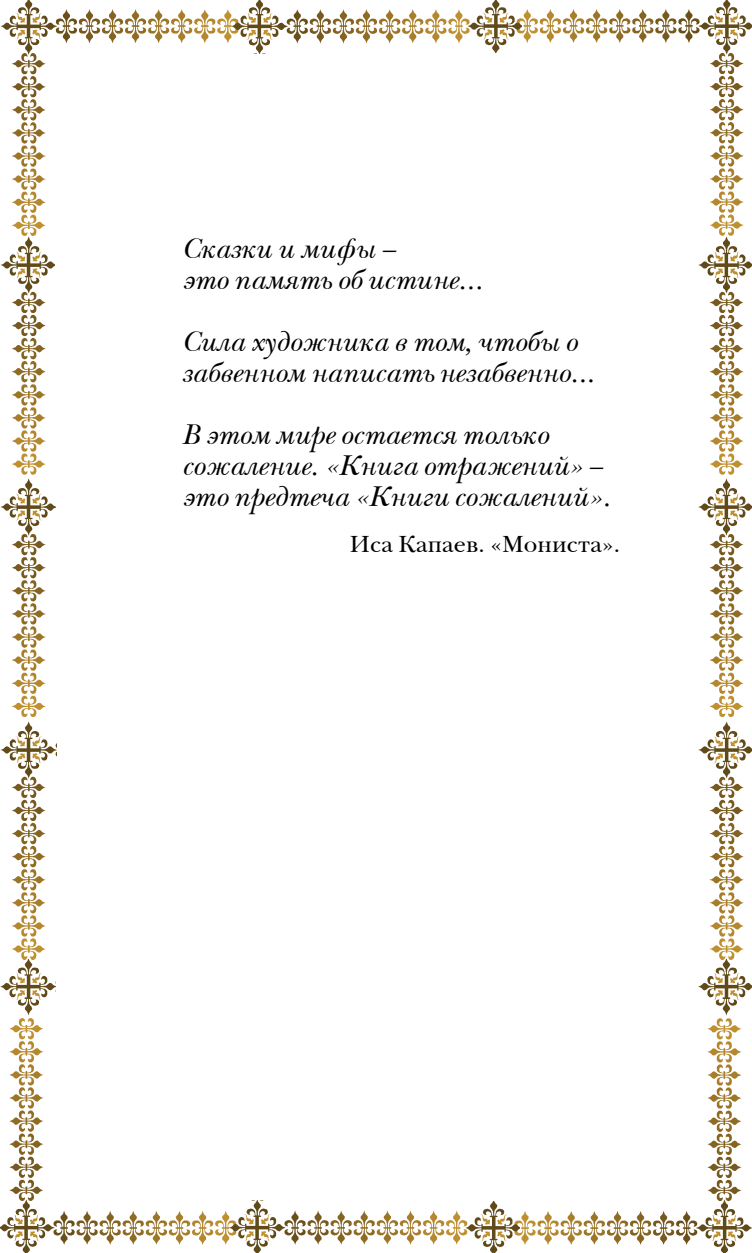
А.Я. Алимовой

«Роман «Сулдер. Книга отражений» – многоплановое художественное произведение, обобщающее идейно-стилевые искания автора, вобравшее в себя творческие накопления, открытия иобретения. Его содержание и форма – сложное, порой противоречивое переплетение истории и современности, реальности и ирреальности, сущего и желаемого, обусловленное потребностью воссоздания этно-национального мира». В 1989 и 1991 годах вышли в свет первая и вторая часть книги на ногайском языке. В 1996 году был опубликован перевод романа на русский язык. Данное второе издание доработано автором.

К $\frac{4802490100}{9\Pi\Pi(03) - 2018}$ без объявл.

*Сказки и мифы –
это память об истине...*

*Сила художника в том, чтобы о
забвенном написать незабвенно...*

*В этом мире остается только
сожаление. «Книга отражений» –
это предтеча «Книги сожалений».*

Иса Капаев. «Мониста».

*Различья будешь признавать –
Найдешь единство на земле,
Различья будешь истреблять –
В огромном возрастут числе.*

Рабиндранат Тагор. «Письмена».

*А ты кто, человек, что споришь с
Богом? Изделие скажет ли
сделавшему его: «зачем ты меня
так сделал?»»*

Исаия. 29:16; 45:9.

*...Я довольно скоро проникся
интересом и даже некоторой
нежностью к этим робким, всеми
презираемым и оклеветанным
созданиям.*

Норберт Кастере.

«Моя жизнь под землей».

*Если самого станешь выше головой,
Голову склони к себе, чтобы стать
самим собой.*

Рабиндранат Тагор. «Письмена».

Часть первая. *Ск р е щ е н и е*

Открытие героя

С возрастом мы теряем остроту восприятия: то ли от избытка знаний, то ли от нехватки ощущений притупляются, что ни говори, наши чувства. Умудренные жизнью, мы даже самые святые предания воспринимаем как досужий вымысел посмеиваемся недоверчиво: сказка, мол, и есть сказка, чего не придумают люди... Да и как поверить в то, что происходило во времена, оживающие только в преданиях, где возможно все?. А было ли это все, не было – кто знает!..

Лет десять назад от пасечника Амита, моего аульчанина, я услышал это предание. Я тогда поехал к нему за медом, но не застал дома, и его жена сказала мне, что он держит ульи у Яман-йылги¹ – на берегу Кубани. Я переехал через мост возле станции Беломечетской и поехал дальше по проселочной дороге. До пасеки оставалось километров пять, как вдруг неожиданно сгустились тучи, стало темно и разразился шквальный ливень. За какую-то минуту дорога наводнилась, со стороны горы, тянувшейся вдоль дороги, потекли ручьи. Когда я подъехал к Яман-йылге, с балки уже неся стремительный поток. Я зажег фары и, поняв, что мне не проехать до пасеки, заглушил мотор. Ливень с гулом обрушивался на машину, и через стекла, залитые водой, ничего не было видно. Долгий час продолжался хлесткий ливень. А когда небо просветлело, неугомонный дождь

¹ Яман-йылга – Плохая балка (пог.).

еще барабанил в крышу машины и по балке проносился тяжелый бурый поток. Время шло медленно, и я уснул, глядя на водоворот, через который никак нельзя было проехать. Проснулся я ночью. Дождь все так же барабанил по крыше, темное небо казалось низким, и во мне вдруг стали просыпаться инстинкты древнего человека, неуверенно чувствующую себя под открытым небом: меня тревожила темнота, я начал озираться по сторонам и, чтобы немного успокоиться, включил приемник. Пошла негромкая музыка, и, забыв о своей тревоге я снова уснул. Проснулся я на рассвете, вылез из машины и, шлепая по грязи, добрался таки до голубого вагона пасечника. У Амита я гостевал до полудня: он боялся, что машина не проедет по грязи, и советовал подождать, пока просохнет дорога. Из открытых дверей вагончика было видно, как мечутся внизу мутные воды Кубани. Рокот реки доносился до нашего слуха и вмешивался в неспешный разговор.

— От бывшей Кубани ничего не осталось, — сказал Амит, когда мы утолили душевный голод рассказами о житье-бытье.

— Еще бы, в верховьях столько воды уходит в канал, — поддакнул я.

— Я помню, каким было это место. Под стать своему названию. К берегу не подойдешь — и буруны в рост человека, несколько водоворотов. Не зря назвали Яман-йылгою. Не зря... А раньше, до нас, рассказывают, Кубань еще шире и полноводней была, — опечаленный, пасечник ладонью потер свой лоснившийся подбородок.

— Наверное, так. Природа все скудеет и скудеет. А интересно, почему так назвали балку? — спросил вдруг я.

— Еще в детстве слышал я одну историю, которая будто бы произошла здесь. Может, из-за нее так назвали, а может, и из-за места... Хотя таких мест на Кубани немало! Кто знает! старик бросил небрежный взгляд на реку.

— Что за история? — поторопил я.

— Послушай... — проговорил Амит и начал свой нехитрый сказ.

...Было время, когда Кубань была границей. Правый берег принадлежал России, а на левом — турецком шла длительная и тяжелая война. Кровь лилась в Закубанье, народ изнемогал от междоусобий и набегов. Смутное было время. Однажды один опальный князь — да забудется его имя и зачахнет его род! —

вместе с тридцатью всадниками задумал набег на правый берег. Но вслуду на бродах он наталкивался на вооруженные пикеты ногайских джигитов и никак не мог перебраться на эту сторону. Сильна была жажда добычи у князя и его людей. Наконец в поисках брода отряд князя добрался до этого места. Тут им встретился десятилетний мальчуган на коне. Князь и его свита окружили его, спросили: кто он и откуда. Ногайского мальчика звали Камаем. Когда узнали, что он с правого берега, очень удивились — трудно было поверить, что мальчик переправился на коне в таком опасном месте. Сами они тут даже лошадей не решались напоить. Тогда князь велел Камаю показать брод. Сказав, что это совсем нетрудно, мальчик тотчас опустился по обрыву и ринулся в воду. Через некоторое время конь вынес его на другой берег. Видя, как легко переправился маленький всадник, князь первым вошел в воду, но, не успев его конь и шага ступить, как течение сбило его, а самого князя еле вытащили из реки. Княжеского скакуна поглотили страшные буруны. Дали князю другого коня. Тогда он снова позвал мальчика. И так же легко, как перебрался с этого берега на тот, мальчик вернулся обратно. Диву давались взрослые наездники. Князь велел мальчику еще раз переправиться через реку. И, не раздумывая, Камай опять направил своего коня к воде. Следом за ним последовали два княжеских нукера, но, как только их кони ступили в воду, течение понесло их, и никого не удалось спасти.

Видя все это, рассвирипел князь — он ведь слыл знатным джигитом в этом немирном краю, и то, что какой-то сопляк показал такую удачу, задело его. Не смог он снести обиду и сказал себе, что убьет маленького наездника. Когда мальчик добрался до середины реки, он поднял заряженное ружье, прицелился, но не решился выстрелить сам, а приказал своим людям:

— Все стреляйте!

Нукеры послушно подняли ружья и выстрелили в спину маленького всадника. Как подбитая птица, вылетел он из седла, а за ним снесло в воду и коня...

— Рассказывают, что с тех пор и называют это место Яман-йылгой. А может, и раньше так называли. Князь тот был проклят всеми народами, живущими на Кубани. И умер, говорят, мучимый видением мальчика с горящей спиной... Не хотел тот князь прослыть нечестивцем, потому и велел всем

стрелять... – Амит взволнованно закончил свой рассказ, достал из кармана клетчатой сорочки аккуратно сложенный носовой платок и промокнул пот на лбу и на шее.

Через какое-то время он вышел из вагона:

– Пожалуй, уже можно ехать. Ну и духота стоит! – Позвал он меня и проводил до самой машины.

Много времени прошло с тех пор, а я почему-то никому не рассказывал эту историю. Но как только вспоминал о ней, перед моими глазами вставало хрупкое детское тело, бритый затылок, тощая спина, и я воочию видел летевшего в реку мальчика, не успевшего осознать коварство взрослых людей. Никак не пойму, почему я никогда не рассказывал эту историю! Может быть, потому, что в ней так прямо говорится о людской жестокости? Наверное, я не хотел, чтобы меня обвиняли в несправедливости к человеческому роду! Но ведь это предание живет в народе, и я должен был позаботиться о том, чтобы его сохранить... А может быть, я не хотел расставаться со своей болью, ведь это предание вросло в мою душу... Чаще всего я представлял себя мальчиком. Но иногда и князем – в нем меня всегда поражал дьявольский расчет и боязнь расплаты за свой смертный грех...

Люди, творившие зло чужими руками, все чаще встречались мне в жизни, и я постепенно терял представление о мире как о царстве добра и благочестия. Представления эти рушились от постоянных встреч с людьми безвинно пострадавшими – кем-то преданными или униженными. Злодеев я сравнивал с тем князем, а их жертвы – с тем мальчиком. В этом предании, рассказывавшем о моей боли, было так много правды, что оно не умирало во мне. Я даже не сомневался в том, что был тогда у Яман-йылги и видел все своими глазами.

Однажды мой друг-художник нарисовал портрет одного нашего знакомого. Он изобразил его с горящей спиной, и это меня поразило! Тогда я понял, что предание о Камае не может быть только моим достоянием.

* * *

А героя своего я открыл для себя давно. Только не сразу узнал по-настоящему, да и дела его были мне непонятны. Не знал я и того, что назову его Рауфом, а фамилию дам – Карамов.

Он жил во мне как неродившийся ребенок. Как-то ночью я не выдержал и на чистом листе бумаги записал странный, тогда еще ни о чем не говоривший мне и совсем не реальный рассказ. Только в одном я теперь уверен: все, о чем я рассказал тогда, произошло именно с Рауфом Карамовым.

Вот как выглядела эта запись:

«Раскрыв рот от удивления, он застыл на месте. По улице шел мальчик-альбинос лет десяти, на нем была зеленая майка, белые шорты, на светлой макушке сидела черная ворона. Когда он приблизился к мальчику, ворона холодно оглядела его. А мальчик как ни в чем не бывало спокойно и даже торжественно прошептал мимо. Когда это необыкновенное видение исчезло за поворотом, он пришел в себя и расхохотался. Прохожие оборачивались, потому как хохотал он самозабвенно, держась за дерево и судорожно корчась.

– Чего только не бывает на свете! – произнес он сквозь смех».

И откуда ему было знать, что самое невероятное случится с ним самим. Я и сам тогда этого не знал, ведь эта запись сделана задолго до встречи Рауфа Карамова с Дуче...

Испытание

«Какой же я дурак! Какой дурак! Тряпка, слизняк безмозглый!» – Рауф Карамов ругал себя тогда и днем, и даже ночью, когда ворочался в постели, пытаясь уснуть, но лишь забываясь на время, чтобы внезапно проснуться в холодном поту и уже до рассвета не сомкнуть глаз... «Ну на кой черт я связался с этим мерзавцем? Как меня угораздило?! Какое затмение нашло? Улыбался, поддакивал, хихикал угодливо, как будто согласен во всем с этим хамом, как будто я такой же, как он, – такое же тупое самоуверенное животное. Гнать его надо было в шею... А может, я и в самом деле такой же, только не признаюсь в этом? Даже самому себе... Нет-нет, не может этого быть. Во всем виновата моя дурацкая деликатность: как бы не рассердить, не обидеть гостя, пусть даже он тебе противен! Будь проклято это интеллигентское кисляйство!.. В результате я – вор! И нет мне другого

названия!.. Черт побери, если б можно было вычеркнуть из жизни тот день! Если б случилось чудо — сделалось так, словно его и не было!..»

Рауф — и оставаясь один, и на людях — крепко стискивал зубы, чтобы не застонать от стыда, когда, всегда внезапно, всплывали в памяти нестерпимо четкие подробности того злополучного дня, и особенно крупно — лицо Риммы! «Провокаторша! Торжествующее ничтожество! Наверняка чувствует себя победительницей, улыбается ехидно. И все-таки, разболтала она или нет? Конечно, разболтала!.. А вдруг — нет. Ну и что, что нет? Сама-то ведь она все равно считает меня вором. Или другом вора — какая разница!.. Что же делать? Что делать?!»

Он несколько раз порывался зайти к ней, чтобы поговорить, а может быть, извиниться, а может, и оправдаться, но стоило ему выйти из своего кабинета, как начинало казаться, что все сотрудники, пряча ухмылки, наблюдают за ним, томясь от предчувствия скандала. Заискивающе улыбаясь, Рауф искательно заглядывал в их глаза: «Знает? Нет? А иногда, еле сдерживаясь, чтобы не заорать: «Ну, выкладывайте, что вы обо мне думаете! Нечего хихикать по углам!» — резко разворачивался к какому-нибудь сослуживцу и спрашивал то приторно добродушно, то неприкрыто зло: «Вы хотите мне что-то сказать?» На него поднимали удивленные, растерянные, недоумевающие глаза, пожимали плечами: «Нет, Рауф Алимжанович. Почему вы так думаете?» Он бормотал что-то невразумительное и почти бегом возвращался в кабинет. «Притворяются, что ничего не знают. А может, действительно не знают? Значит, она никому не рассказала», — думал он и опять вызывал в памяти лицо Риммы, с которой уже дважды сталкивался в коридоре и, цепенея от страха и ненависти, напускал на себя серьезность, здоровался сухо, а Римма, змея подколотная, один раз посмотрела насмешливо — или показалось, что насмешливо? — а в другой раз равнодушно и холодно. «Мерзавка распутная! Подлая шантжистка! Держит меня на крючке, чтобы в любой момент опозорить, поломать мою жизнь!.. И вот из за нее, из за какого-то ничтожного пустяка, из-за копеечного расчета все пошло насмарку, все того и гляди рухнет: десять лет безупречной службы, ясное и такое заманчивое будущее — все-все!..»

Рауф Карамов попал в проектный институт по распределению. С первых же дней показал себя перспективным специалистом, болеющим, к тому же, за общественные интересы — активно выступал на собраниях, организовывал субботники, поездки в колхоз, на овощную базу... И коллеги, и руководство, поначалу только присматривавшиеся к новому сотруднику, стали относиться к нему со все возрастающей симпатией: в неслужебное время он не чуждался компаний, был отзывчивым товарищем; на работе старался вовсю, умел казаться собранным, сосредоточенным; оставаясь со всеми корректным, мог настоять на своем... На службу Рауф всегда приходил в безупречном костюме и, как того требовала негласная установка руководителей области, — при галстучке, причем этот галстук — тщательно и со вкусом подобранный — не позволял себе ослабить даже в изнуряющую жару. Дело свое Карамов знал, выполнял его без суеты и аккуратно, безошибочно и в срок. Поэтому никто не удивился, когда пять лет назад Рауфа Алимжановича — так его вскоре стали звать все, даже старшие по возрасту и чину, — поставили начальником отдела... Теперь Рауф со дня на день ждал повышения — в институте поговаривали, что Карамов займет место замдиректора по науке — старый уходил на пенсию, а время требовало выдвигать молодых... И вот — все рушилось!

«Ну почему, почему нам не дано знать, что ждет впереди? Почему судьба так безжалостна и несправедлива — за единственный промах, за один только необдуманный шаг, за случайный проступок наказывает так безжалостно, бьет так немилосердно?! — забыл о покое отчаявшийся Рауф. — Если б знал, что дело так обернется, я бы этого подонка Дуче на порог не пустил. Под зад коленом выпер бы!»

Дуче заявился к нему рано утром и, как только открылась дверь, весело, по-свойски подмигнул хозяину, толкнул, прижимая к груди свертки и кульки, плечом в плечо.

— Вот и я! Прибыл как обещал! — он широко улыбнулся, отчего жесткие черные усы встопорщились, обнажив крупные зубы...

Еще не совсем проснувшийся, Рауф силился разлепить глаза, а узнав гостя, обомлел, чуть было не наки-

нулся на него, но, одумавшись, сдержался и даже изобразил на лице что-то вроде улыбки.

— А, Дуче! Привет! Какими судьбами?..

Но тот уже не слушал, деловито устремился на кухню, ориентируясь в квартире так легко, как будто бывал здесь каждый день.

Удрученный, Рауф поплелся за ним. Этого высокого крепкого мужика с огромным животом он видел только раз, когда был в командировке в глубинном райцентре. Встретились они случайно, разговорились. Оказалось — земляки, из одного аула. И с той минуты Дуче не отпускал от себя Рауфа. Настоящего имени этого человека Рауф так и не узнал, но его, наверное, и никто не знал — все обращались к здоровяку: «Дуче», да он и сам так себя называл. Работал Дуче заготовителем в конторе, денег имел много, но не дорожил ими, не берег, швырял налево и направо, не считая. Застольничали они в тот раз почти до утра: пили, ели, опять пили и опять ели. Неведомо откуда появились на столе бутылки, закуски; приходили и уходили какие-то люди, произносились тосты, гремел магнитофон было весело и легко. Правда, кто-то, помнится, нашептывал Рауфу, чтобы он не очень-то доверял хозяину, поскольку тот — известный делец и проныра и за эту свою комбинаторскую прыть как будто бы даже сидел. Дуче, похоже, услышал это, но не рассердился, наоборот — затрясся от хохота, да так, что стол заходил ходуном.

— Не слушай их, — и махнул при этом рукой, небрежно и беззаботно. — Это они от зависти. Не понимают, что я просто жить умею... Хотя, если хочешь, слушай! Узнаешь, как рождаются легенды о твоём друге. Я ведь легендарная в районе личность! — и, откинув голову, Дуче оглушительно захохотал...

Теперь он широко развел руки над кухонным столом, успел на лету подхватить вынырнувшую из газеты бутылку коньяка; кульки и пакеты со стуком упали на стол — выскользнули из лопнувшей бумаги шоколадные конфеты, пестро сверкнули упаковки азербайджанского чая, оранжевыми шарами раскатились мандарины. А Дуче, еще шире улыбнувшись, щелкнул пальцем по коньячной бутылке.

— Надо принять капель по сто за встречу! Правильно я говорю, земляк? — он молодцевато подкрутил усы и, тронув — словно проверяя, на месте ли — бородавку, раскинул руки и облапил Рауфа. — Ну, здравствуй, здравствуй, дос! Давненько мы не виделись! — он прерывисто дышал землячку в ухо и с силой похлопывал по спине то широкой ладонью, то бутылкой.

Рауф натянуто улыбнулся, съежился и тоже обнял гостя, тоже похлопал его по спине, хотя больше всего ему хотелось сейчас вырваться из его объятий, встряхнуться и остаться одному. «Оперетка какая-то... — думал он. — А до чего же бесцеремонен этот заготовитель. И кто он мне: кум, брат, сват? Что за лицемерие!»

— А домочадцы твои где? — Дуче откинулся назад, посмотрел Рауфу в глаза подчеркнуто озабоченно и несколько смущенно. — Надо позвать их к столу, а то нехорошо получается.

Голос его опустился до театрального шепота, такого «поставленного», что слышен был, наверное, даже у соседей.

Рауф, все еще натянуто улыбаясь, покрутил головой, разгоняя кровь в онемевшей шее. «Пропало утро. Опять не разомнусь — какая уж тут зарядка! Да и в институт попаду не раньше, чем всегда, а ведь собирался перепроверить квартальный отчет».

Хотел он ответить гостю, что жена и дети еще спят, но дверь скрипнула и жена появилась на кухне. Собрав в ладонь ворот халата, словно защищаясь от холода, она с недоумением оглядела Дуче: суконную большую кепку, замшевый несколько засаленный пиджак, вельветовые брюки, кроссовки... Дуче стремительно поставил на стол бутылку, сдернул кепку с головы, бросил ее на табурет и, слегка согнувшись, протянул уважительно обе руки женщине.

— Здравствуй, сноха!

Жена с веселым удивлением взглянула на Рауфа, протянула гостю руку. Тот почтительно принял ее, тряхнул несколько раз. Женщина хмыкнула.

— Что это вам приспичило пить с утра? — стараясь, чтобы голос звучал насмешливо, а не раздраженно и не оскорбительно, спросила она, показав взглядом на бутылку.

— Как это — «приспичило»? Почему — «приспичило»? — высоко взметнув широкие брови, изумился Дуче. — Разве я каждый день к вам приезжаю? Разве такое событие не надо отметить?.. И ты, сноха, с нами выпьешь. За мое здоровье. А я — за твое, — и, сладко улыбнувшись, отчего его черные глаза заблестели, Дуче дотронулся кончиками пальцев до плеча женщины.

Та смутилась и, чтобы не выдать этого, тоже улыбулась — несколько растерянно, но, как показалось Рауфу, и слегка кокетливо. Это его покорило. Но жена, поняв это, поспешила придать лицу снисходительно-ироничное выражение.

— Дорогой, гляжу, коньячок. Красиво живете... Деньги лишние завелись, что ли?

— Деньги? — Дуче всем своим видом изобразил величайшее презрение. — Что такое деньги? Так... бумажки. Сегодня есть, завтра нет. И наоборот. Стоит ли о них говорить? — и он принялся умело раскупоривать бутылку. — Подай, пожалуйста, стаканы, сноха, — попросил он как о само собой разумеющемся. — И себе взять не забудь!

К удивлению Рауфа, жена, которая всегда неодобрительно относилась к спиртному, исполнила просьбу охотно, чуть ли не с удовольствием, достала из серванта самые дорогие, подаренные к свадьбе хрустальные рюмки. Протерла их, поставила чуть поспешнее, чем следовало бы, на стол.

— Деньги щедрых любят, — философствовал тем временем Дуче. — Они приходят только к тому, кто умеет ими распоряжаться, а распоряжаться ими надо так, чтобы доставлять радость друзьям. — Он разлил коньяк по рюмкам. — Деньги для того и созданы, чтобы их тратить. И, кто усвоил этот закон, к тому они сами потекут, успевай только подставлять карман... Прошу вас, сноха! — Дуче широко улыбулся и подал рюмку жене Рауфа.

Та осторожно приняла ее, покосилась на мужа.

— Понял теперь, как надо относиться к деньгам? — спросила она у Рауфа. Хотела, чтобы это прозвучало как шутка, но получилось почти с досадой или осуждением: ты, дескать, не такой.

Рауфу не хотелось пить. Таких — утренних возлияний он не позволял себе уже давно. Но сейчас не решил

ся отказаться — очень-то уж долго пришлось бы объясняться с Дуче: тот стал бы убеждать, закатывать глаза... Нудное это дело — лучше выпить.

— А если мне нелегко проявить щедрость? — с усмешечкой спросил он, глядя на Дуче, но адресуясь к жене. — Если у меня никогда не было, да и не будет, наверное, столько денег, чтобы я мог сорить ими? — и в упор посмотрел на жену, задетый тем, что она поддержала совсем незнакомого ей человека, чтобы только уколоть его. «А может, она действительно так думает? Вот уж не знал!» Дуче, одним глотком осушивший роюмку, восхищенно зажмурился. Затем вытер ладонью губы, открыл глаза.

— Главное — быть щедрым! — он назидательно поднял толстый волосатый палец. Для друга, если понадобится, последнюю рубашку сними, но выручи. Будь широкой натурой. Тогда, уж поверь, деньги сами к тебе дорогу найдут...

— Каким это образом, интересно? — Рауф презрительно усмехнулся. — Деньги на дороге не валяются...

— Деньги везде есть. И на дороге, и около дороги, — авторитетно заявил Дуче. — Надо только уметь их взять.

— Воровать, что ли? — еще презрительней спросил Рауф и просительно посмотрел на жену: поддержи, мол.

Но та, смакуя маленькими глоточками коньяк, с любопытством глядела на гостя.

— Зачем воровать? — возмутился Дуче. — Я сказал: взять! — И, моментально забыв о своем недовольстве, Дуче беззвучно засмеялся, поколыхивая огромным животом. — Впрочем, если тебе нравится, можешь называть это воровством. Хотя умные люди называют это умением жить. Возьмем, к примеру, сферу обслуживания. — Он опять назидательно поднял вверх указательный палец. — Оклады у этих людей крохотные, а живут лучше тебя — инженера. Согласен? Согласен! Теперь возьмем сельское хозяйство. — Дуче выбросил вверх второй палец. — О нас, заготовителях, я не говорю. Мы — особая каста, свое имеем. Чтобы к нам устроиться, немалые тысячи нужны. Давай лучше поглядим на простых сельских тружеников. Дуче быстро убрал средний палец, а указательным энергично ткнул вниз. — Это люди земли, самые добросовестные, так? Так!.. А скажи мне, до-

рогой дос, как эти честные труженики умудряются держать по два-три бычка на откорме, если пастбищ нигде нет — все распаханно? Где эти крестьяне корм берут, если им его не выписывают? Воруют!

Он перевел дух и победно оглядел хозяев.

— Об экономистах, бухгалтерях, бригадирах я и не говорю — начальство ворует по-крупному, по высшему разряду ворует...

— Ну и представления у тебя, — ошеломленный Рауф покачал головой. — Не стоит, наверное, всех под одну гребенку стричь... — и, не отрывая от гостя снисходительно жалеющего взгляда, поднес к губам рюмку.

— По-твоему, преувеличиваю? — Дуче вытаращил глаза, пораженный, видимо, наивностью и неосведомленностью собеседника. — А ты думаешь, у вас в городе не воруют? Подождав секунду-другую и положив Рауфу руку на плечо, Дуче сказал проникновенно и немного опечаленно: — Я тебе скажу: если за каким-нибудь заводом — за любым заводом! — не будет присмотра, его в три счета растащат. Все сопрут, даже будку сторожа!

Рауф фыркнул, его жена недоверчиво хихикнула, а Дуче, грустно глядя на обоих, проговорил почти ласково:

— Ты ведь тоже воруеть, и когда Рауф, потягивавший коньяк, поперхнулся, закончил: — Только другие крадут тысячи, а ты — автобусные пять копеек зажимаешь.

Жена, осуждавшая Рауфа за его вечное стремление выглядеть безукоризненным в глазах людей, звонко расхохоталась. Рауф осуждающе стрельнул в нее глазами и зло уставился на Дуче.

— Как ты смеешь говорить такое? Кто дал тебе право?

— Не сердись, дос... — Гость снова облапил его, прижал к своему животу. — Это я так, к слову... Но... если честно... — громко шепнул он ему на ухо. — Бывало ведь, что надо ехать всего одну остановку — и не заплатил? Пороешься-пороешься в кармане, а тут и выходит пора. Бывало? — откачнувшись от Рауфа, он шуливо погрозил ему пальцем: — Бывало! — но, увидев, что хозяин не улыбнулся, сразу же посерьезнел: — Ладно, поговорим о твоей работе. Я не знаю, чем ты там занимаешься и какую пользу государству приносишь. Но допустим, что твоя

деятельность необходима и ты соответствуешь занимаемой должности. Хотя есть сколько угодно должностей, я знаю, где получают деньги только за то, что сидят за столом. Разве это не воровство? Хорошо, хорошо, не будем об этом! — Дуче даже ладони перед собой выставил, словно защищаясь от возражений Рауфа. Верю, что твоя служба не такая. Но, скажи мне, разве ты в рабочее время никуда не отлучаешься? Неужели не сидишь, хоть иногда, без дела? Неужели не болтаешь с сотрудниками в коридоре или курилке?

— Так не бывает, чтобы человек с утра до вечера занимался только работой, — Рауф дернул плечом и подчеркнул таким образом наивность вопроса. Конечно, позволяешь себе отдохнуть...

— Ага! — возликовал Дуче. — Это и есть твои украденные пять копеек.

— А-а, ерунду мелешь, — отмахнулся Рауф. — Неубедительный довод. Примитивный. У нас ведь план, — начал втолковывать он размеренным голосом, — и результаты нашей работы оцениваются по плановым показателям.

— План, план! — перебил Дуче, презрительно выпятив нижнюю губу. — Знаю я эти планы, — и убежденно повторил: — Все воруют, кто как может и сколько, может. Меня не разубедишь...

— Меня тоже, — раздраженно оборвал его Рауф. Если все, значит, и я? Ты думаешь, что говоришь?!

— Я не думаю, я знаю! — Дуче хотел важно выпятить грудь, но впереди оказался живот, нарушив его первоначальный замысел. — Если ты ни разу не согрешил, то... я впервые вижу такого человека. — Склонив голову набок, он ехидно изучал Рауфа. — Пусть будет по-твоему, дорогой дос: ты никогда ничего не украл и не украдешь, — он издал легкий вздох и сказал смиренно: — Давай забудем об этом споре. Согласен?

Ответа дожидаться не стал. Засуетился, схватил бутылку, быстро и ловко наполнил рюмку, не дав хозяевам опомниться.

— Я хочу выпить за нашу дружбу. За настоящих мужчин! — приняв торжественный вид, он чокнулся с Рауфом. — А также — за настоящих женщин! — повернувшись к жене Рауфа, он подмигнул ей и улыбнулся.

Жена даже икнула от неожиданности, но быстро овладела собой и ласково улыбнулась гостю — хотела, наверное, скрыть свое смущение. Получилось неловко, и Рауфу стало стыдно за нее. Поморщившись, он залпом выпил коньяк и, мотнув головой в сторону двери, приказал жене уйти.

— Вот всегда ты так, — неприязненно, сквозь зубы, сказала она. — Не дашь побыть с интересным человеком!..

Но послушаться мужа она не посмела. Гордо вскинув голову, ушла в комнату, откуда уже доносились хныканье и ворчливая перебранка проснувшихся дочерей.

— Зачем прогнал ее, а? — подчеркнуто огорченно спросил Дуче. — Бедная женщина весь день с детьми крутится, покоя не знает. Посидела бы с нами, вот и был бы для нее маленький праздник. Да и тебе радость: жена веселая, довольная.

Рауф исподлобья взглянул на него: шутит гость или нет? А тот, перехватив взгляд и истолковав его по-своему, заговорил совсем другим тоном:

— Вообще-то ты правильно сделал, — и одобрительно кивнул, — без жены лучше. Молодец! Настоящий глава семьи, настоящий мужчина, в доме тебя без слов понимают и слушаются. Ты мне нравишься! — Засопев, полез во внутренний карман пиджака. Вытащил три сторублевки. — Значит, так. Нужна твоя помощь, дос. Эти деньги мы с тобой должны сегодня истратить.

— Ты хочешь что-то купить?

— Купить? Может быть, может быть... хе-хе-хе, — Дуче одышливо засмеялся-завсхлипывал. — Кутить с тобой будем! Я угощаю.

— Ты сдурел! — поразился Рауф. Такие деньги — на выпивку!

— Тебе жалко? — Дуче брезгливо поджал губы. Мне — нет!.. Я их, как ты говоришь, украл, — и опять засмеялся булькающим, довольным смехом, но, увидев окаменевшее лицо хозяина, посерьезнел. — Шучу, шучу, — сказал успокаивающе. Мне премию за лук отвалили. — Помолчал, задыхал учащенно. — Неужели не разделишь со мной радость? Неужели хочешь, чтобы мы, земляки и друзья, поссорились? Что скажу в ауле, когда узнают, как

ты меня встретил, побрезговал провести с Дуче вечер, отделаться хотел от Дуче!

— Ну, хорошо, давай придумаем что-нибудь! — хмуро пообещал Рауф.

— Вот так-то лучше! — обрадовался Дуче. — Вот это по-мужски, вот это по-настоящему, по-ногайски: друг — дороже брата!

Он подсел к столу и, пока Рауф торопливо завтракал, пока собирался на работу, наблюдал за хозяевами, смакуя коньяк. Молчал, о чем-то раздумывая, и вроде даже помрачнел.

Но на улице Дуче опять оживился, обхватил Рауфа за плечи и прижал к себе.

— Ей богу, хороший ты человек! Но слишком серьезным себя показываешь! Даже неудобно как-то! — внезапно остановившись, Дуче развернул к себе Рауфа, пристально и азартно посмотрел ему в глаза. Выдохнул возбужденно: — Слушай, давай баб найдем! Вернее ты найди! — говорил Дуче торопливо, горячечно, все больше возбуждаясь. — Вы, городские, любите похвастать своими любовными похождениями, дайте и нам сладкого отведать. Помнишь, тогда, в первую нашу встречу, ты сказал, что у тебя в городе баб, которые не ломаются, до чертиков. Таких... — он прищелкнул пальцем. — Ну, ты знаешь — каких...

Рауф покраснел. Он не помнил, что говорил такое, но знал за собой этот грех: когда выпьет, любит прихвастнуть. Может, и наплел что-нибудь да запомнил — почти год прошел после того тоя у Дуче.

— Сомневаюсь я, что говорил такое, — неуверенно буркнул Рауф. — На меня это непохоже.

— Говорил, говорил, — горячо заверил Дуче. — Не отпирайся... Все вы, городские, такие! Он презрительно скривился. Наобещаете, а как приедешь к вам, — в кусты!

Рауф, покусывая губы, оглядел его, стараясь не задерживать взгляд на бородавке, на выпирающем животе. «Какая, интересно, женщина пойдет с тобой?» подумал про себя, но сдержал ухмылку и неопределенно сказал:

— Надо было заранее предупредить, а сейчас... придется созваниваться, договариваться, чтоб они смогли выкроить время.

— «Созваниваться», «договариваться»... — передразнил Дуче. — У тебя же впереди целый день!.. Трепачи! Создаете о себе легенду, а как до дела дойдет, начинаете влиять... — Он, заложив руки за спину, пошел не спеша по тротуару. Но, повернувшись, бросил уверенно, почти приказал: — Короче, я тебе сказал, что хочу. Думай, где взять, кого?

«С кем же его свести?» — уныло размышлял Рауф, проклиная... и Дуче, и тот день, когда познакомился с ним: отработывай теперь его гостеприимство, закатывай, хочешь — не хочешь, угощенье ...

Подшли к институту, а тут и коньяк стал забирать Рауфа: мысли повеселели, воображение стало богаче и прихотливей, и, поднимаясь вместе с Дуче по лестнице, Рауф уже решил, что попытается уговорить Римму. Слышал в курилке, что она женщина легкого нрава, доступная. Римма нравилась ему — стройная, с богатыми формами, и веселая. Знал Рауф, что и он нравится ей — девушка откровенно заигрывала с ним, когда случайно они оказывались наедине. А как-то раз на одном институтском вечере Рауф даже танцевал с ней и видел в ее черных огромных глазах и радость, и обещание, а под рукой податливое, готовое откликнуться на ласку тело — в чем — в чем, а в этом Рауф не ошибался. Кружась с девушкой в вальсе, он оказался с ней в отдаленном, слабо освещенном углу и почувствовал, что Римма прижалась плотней, слегка откинула голову, прикрыла глаза — ее полуоткрытые губы ждали поцелуя. Рауф уже склонился над ней, готовый поцеловать, но... рассудок не молчал — «А как же репутация? — подумалось ему, а устойчивое и престижное положение? а будущее? Пойдут сплетни, двусмысленные слушки, докатится, чего доброго, до ружья — и вот она, аморалка!»

Но сейчас выбора не было — рядом тяжело и уверенно сопел Дуче, которому понадобилась женщина. А где ее взять? Только Римма может выручить. И в коридоре своего этажа Рауф решительно свернул в закуток, где был ее кабинетик. Распахнул дверь, пропустил вперед Дуче.

Войдя, тот снял кепку, пригладил волосы и скромненько застыл у входа. А Рауф непринужденно подсел к столу. Римма подняла голову, и черные глаза ее радостно заблестели. «Это хорошо, — отметил Рауф, но в глазах девушки уже мелькнуло недоумение, — оттого, наверное, что я сам пришел, да еще в рабочее время...»

— Ты прекрасно выглядишь, — смело и даже чуточку развязно начал он. Такая умопомрачительная прическа, — он нарисовал в воздухе контур пышно взбитых волос. — Декольте... — он задержал взгляд на глубоком вырезе платья.

— Что с вами, Рауф Алимжанович, — Римма прыснула в кулачок. — Вы сегодня странный какой-то. Или... того? — она щелкнула по шее вишневым ноготком.

— Есть маленько, — благодушно заулыбался Рауф, откинувшись на стуле. — Сегодня утром родственник приехал, вот и позволили себе немного, — Рауф показал глазами на Дуче, который с широкой, будто приклеенной улыбкой слегка поклонился, прижимая кепку к груди.

Римма через плечо бросила на него равнодушный взгляд, поджала еле заметно губы.

— Что же вы стоите? Присядьте, — предложила. И опять повернулась к Рауфу.

— Да-да, садись, — он лениво махнул рукой. Сделал озабоченное лицо, почесал бровь. — Прямо не знаю, как быть. У моего двоюродного брата, — и опять повел глазами в сторону Дуче, — сегодня личное, так сказать, торжество. Хочет организовать что-то вроде банкета. Такое, знаешь, щедрое, размашистое застолье...

— Мне бы ваши заботы, — фыркнула Римма и вновь посмотрела, вернее, покосилась на гостя, но уже с любопытством, заинтересованно. И в чем же проблема? Можно и размашисто... А в честь торжества, глядишь, и меня бокалом шампанского угостят!

Рауф, глубокомысленно наморщив лоб, хотел что-то сказать, но Дуче опередил его.

— О чем речь?! — он вскочил со стула. — Конечно, угощу, с удовольствием. — И деловито предложил: — Пойдемте в ресторан. Что ни закажете — все исполню.

— В нашем городе порядочные девушки по ресторанам не ходят, — назидательно сказал Рауф.

— Где же тогда мой праздник отметить? — умело изображая растерянность, Дуче округлил глаза и даже раскрыл рот.

— Надо подумать, — Рауф вздохнул, посмотрел просительно на девушку: — Может, ты сможешь, Римма?. — Подождал немного, но, не услышав ответа, добавил: — Или хоть посоветуешь что-нибудь...

— Как вас зовут? — глядя в раздумье на Дуче, спросила она.

— Магомет, — Дуче бочком скользнул к столу, протянул руку. — Но вообще-то меня кличут Дуче, так же, как Муссолини.

Римма часто-часто заморгала от удивления и вдруг звонко расхохоталась.

— Ой, не могу! Дуче! Как Муссолини!.. Точно итальянец какой!

— Он всегда считал себя итальянцем, — Рауф счел нужным тоже засмеяться: негромко, сдержанно, снисходительно. — Мы его в детстве «макаронником» дразнили.

— Ой, не могу, ой, уморил!.. — заливалась Римма. — Так как же мне вас называть? Магометом?

— Нет, лучше зовите Дуче, — масляно шурясь, встопорщив, точно мартовский кот, усы, попросил «итальянец». — Я к этому имени привык, как, наверное, и Муссолини. Но, честно говоря, Муссолини тут ни при чем. «Дуче» — первое слово, которое я произнес еще в колыбели. Вот родители и дали мне эту кличку. А слово родителей свято. — Прижав еще плотней кепку к груди, он закатил глаза и произнес проникновенно: — Очень уж чту я отца с мамой!

— Ну, Дуче так Дуче, — переводя дыхание, но все еще всхлипывая от смеха, согласилась девушка. Осторожненько, чтобы не размазать тушь, вытерла пальцем глаза.

— Так как же, Римма, организуем? — торопливо спросил Рауф, пока она не оправилась от разморившего ее смеха. — Нехорошо обижать такого славного, симпатичного человека. Может быть, у тебя, а?

— Я не прочь, — Римма, сдавленно фыркнула, удержала новый приступ смеха и достала из сумочки зеркальце. — Но я живу не одна. Надо спросить у подруги, у Аси:

не будет ли она возражать. Поворачивая голову, пытливо посмотрелась в зеркальце, чтобы убедиться, что с косметикой все в порядке.

— Ты уговори ее, уговори, прошу, — зашептал Рауф.

— Ну, хорошо, — Римма игриво взглянула на него и улыбнулась. — Приходите. Я думаю, что Ася возражать не будет.

Дуче, радостно ослабившись, показал Рауфу большой палец, пряча руку за спиной девушки, и по его сияющему лицу было видно: он ликовал, он доволен Рауфом.

Пока Рауф и Римма отсиживали в своих кабинетах служебные часы, Дуче проявил завидную расторопность. Он обошел все магазины, торговые ряды на рынке и набрал всего, что требовалось для богатого, способного поразить воображение стола: не торгуясь, платя втридорога, закупил ранние помидоры, фрукты, которые завезли с юга, взял три килограмма лучшей баранины, несколько коробок дорогих конфет, шампанское, коньяк.

К концу рабочего дня он подкатил к институту в такси, и, когда смущенные и оттого притворно веселые Рауф и Римма вышли на улицу, торжествовавший Дуче уже поджидал их. Он галантно распахнул переднюю дверцу машины, подержал Римму под локоток, пока она садилась рядом с водителем, потом, неожиданно проворно, юркнул на заднее сиденье, где уже пристроился рядом с покупками Рауф.

— Трогай, шеф, — барственно приказал Дуче. — Дама скажет — куда.

И, незаметно потирая ладони, ткнул локтем в бок Рауфа. Тот вяло улыбнулся он все это время надеялся, что банкет по какой-нибудь причине сорвется, но оказалось, надеялся зря: Дуче времени не терял. И Рауф приуныл, соображая, как бы предупредить жену, что вернется поздно, но ничего путного не придумал. И решил: а, будь что будет, выкручусь как-нибудь.

Машина, попяля по улице, остановилась у подъезда пятиэтажного дома в новом микрорайоне. Римма выпорхнула, осторожно осмотрелась и, смущенная, стала даже пританцовывать от нетерпения недовольная тем, что мужчины копаются, побаиваясь любопытных соседей.

Дуче, не глядя, сунул шоферу десятку и задом выбрался из машины. Подождал, пока вылезет Рауф, и потянул с сиденья два туго набитых полиэтиленовых мешка, в какие бережливые люди обычно укладывают костюмы. Мешки никому не доверил, нес сам, прижав их к животу, точнее — разложив на животе, так и шествовал, задрвав голову и таращась вверх.

На втором этаже Римма нажала на кнопку и, виновато улыбнувшись, пояснила:

— Не хочу открывать своим ключом — вдруг Ася не одета.

Тяжело сопевший Дуче засмеялся, точно хрюкнул.

— Это ничего, если не одета. Мы не в обиде. Верно, Рауф?

Тот ожег его взглядом, но смягчить эту грубоватую шутку не успел — дверь открылась.

Ася — беленькая, хрупкая, глазастая подружка Риммы, увидев незнакомых мужчин, не удивилась, а даже как будто обрадовалась.

— О-о-о, к нам гости! — она приветственно всплеснула руками и отошла в сторону. — Проходите-проходите, очень приятно.

Ася работала в бухгалтерии хлебозавода, была замужем, правда, всего полгода и не официально, имела шестилетнюю дочку, которая жила в ауле у родителей, и мечтала выйти замуж, только теперь уж обязательно с регистрацией, за спокойного, домовитого мужчину. Мужчины были, но в загс Асю не приглашали, и она без сожаления с ними расставалась, чтобы познакомиться с новыми. У Риммы все было почти так же. Относились молодые женщины к этому легко и спокойно, считая, что все у них впереди, что появится — и у той, и у другой — свой, единственный, верный и самый-самый... а пока чего грустить, не старухи ведь! Дружили Римма с Асей с детства, все друг о друге знали, во всем были согласны, да и к жизни относились одинаково, потому-то Асю и не удивило, что Римма пришла в дом с двумя незнакомыми мужчинами.

— Ой, сколько вы всякой вкуснятины принесли! — она, чтобы польстить гостям, радостно захлопала в ладоши, посматривая при этом то на подругу, то на ее спут-

ников; по быстрому взгляду Риммы она поняла, что та равнодушна к молодому, значит, ей, Асе, достанется этот пузатый, с бородавкой на носу, но не расстроилась: пузатый так пузатый. — Несите все на кухню, защебетала она. Мы с Риммой быстренько приготовим, потерпите уж, пожалуйста, немного.

Пока женщины хлопотали на кухне, готовя закуски и жаркое, пока накрывали на стол, пока суетливо сновали по дому, запираясь в спальне, чтобы переодеться, Рауф и Дуче сидели на тахте и курили, делая вид, что наслаждаются блюзами, которыми была исписана лента магнитофона, включенного на бегу Риммой.

— Прощу к столу, все готово, — Ася в светлом, коротеньком платьице, делавшем ее похожей на девчонку, плавно повела рукой в сторону умело и красиво сервированного стола.

Мужчины торопливо затушили окурки, враз встали, деловито уселись там, где им показали.

Сначала разговор не клеился, но это продолжалось недолго. Стоило выпить, и беседа стала непринужденной, женщины оживились, мужчины, стараясь перецеголять друг друга, принялись произносить тосты: за милых хозяек, за то, чтоб хорошим людям никогда не было одиноко, за любовь... и за многое другое. Тосты становились все двусмысленнее, намеки все прозрачнее, и разгорячившийся, покрасневшийся Дуче, решив, что пора приступить к делу, начал рьяно и развязно ухаживать за Асей: пытался обнять, положить руку ей на колени, тянулся к ее щеке масляными губами. Ася, все еще улыбалась, но теперь уже с откровенной брезгливостью, отшатывалась от него, прогибалась назад, в сторону, отталкивала несильно и наконец не выдержала — резко ударила Дуче по руке. Он обиделся, выпрямился. Увидел, что Римма многообещающе шепталась с Рауфом, и решил переключиться на нее, полагая, что она более податлива. Решил, что раз он — Дуче — организовал это застолье, значит, он и хозяин положения, почетный гость, уважаемый, дорогой человек — и Рауф, и женщины сразу поняли это по его, ставшему надменным и властным, лицу, по самоуверенной позе. Римма пререстала обвола-

кивать Рауфа манящим взглядом, Рауф насторожился, Ася презрительно опустила уголки губ.

Тяжело привстав и подтягивая за собой стул, Дуче перебрался к Римме. Не обращая внимания на Рауфа, начал нашептывать ей, какая она красивая, какая соблазнительная, прямо гурия, и все пытался прикоснуться губами к ее волосам, а рука его ползала по спине женщины, опускаясь все ниже и ниже. Римма окаменела. Глаза ее впились в Рауфа, умоляя, чтобы он образумил своего двоюродного брата. Но Рауф, скривившись, как от боли, только тяжело вздохнул.

А магнитофон, до того сладкозвучный, разразился вдруг бодрыми ритмами дискомузыки.

— Пойдем, красавица, танцевать! — властно предложил Дуче и сжал запястье Риммы.

Она попыталась выдернуть руку — не удалось.

— Что же, пойдем, красавец! — сказала она насмешливо и вышла из-за стола.

Танцевала она с непроницаемым лицом. А Дуче чуть не лопался от самодовольства. Его потное лицо лоснилось, глаза масляно блестели. Поколыхивая животом, он пытался выделять замысловатые фигуры, поводил и взмахивал руками. Танцуя, он часто приближался к столу, наливал в рюмку коньяка, чокался со всеми и выпивал, словно выплескивал содержимое в бездонную бочку.

— Девушка, вас ждет потрясающая ночь! — истошно выкрикивал он. — Сам Дуче, точно с неба, к вам свалился!.. Дуче все может, любите его! И он вас любить будет. Ох, и крепко же он вас будет любить!

И хохотал. И глазами показывал Рауфу на Асию: чего, дескать, не танцуешь! Но Рауф, изобразив усталую улыбку, вяло отмахивался — веселись, мол, не обращай внимания, а сам пристально наблюдал за Риммой, и ему становилось все тревожней. По холодному, лишь на секунду ставшему презрительно-насмешливым — словно судорога света! — лицу девушки он понял, что близится развязка, и был уверен, что она будет неприятной, а может, и оскорбительной для него и Дуче.

Дискоритмы оборвались, словно захлебнулись, и сразу же полилась томная расслабляющая мелодия тан-

го. Дуче облапил Римму, прижал к себе, и пятерня его еще нетерпеливей, чем за столом, еще похотливее заходила по ее спине.

Рауф смущенно отвел глаза, посмотрел на Асю может, действительно пригласить, наверное, ей хочется потанцевать и увидел, как хищно расширились ее глаза, как сжались, побелели, губы, и тут же услышал дрожащий голос Дуче:

— Пора, ласточка! Сколько же можно меня мучить?!

Рауф, уже заранее зная, что ему будет стыдно, повернулся к танцующим.

Дуче навалился на Римму, в испуге откинувшуюся назад, и пытался поцеловать — сопел и бормотал, захлебываясь:

— Хватит танцевать, ласточка, ну их к шайтану...
Пойдем...

— Отпусти, — отталкивала его Римма, и лицо ее, которое Рауф видел отчетливо, исказилось в брезгливой гримасе. — Пусти. Я согласна.

— Вот и отлично! — довольным и почти спокойным голосом сказал Дуче. Разжал руки, оставшись, однако, в позе, похожей на борцовскую стойку.

Римма отскочила, тряхнула головой, поправляя волосы, полоснула Рауфа ненавидящим взглядом.

— Я сейчас приду, — сказала она, ни к кому не обращаясь, и быстро, твердым шагом вышла из комнаты.

Ася, словно ею выстрелили, сорвалась со стула, выскользнула вслед за подругой в коридор.

Дуче, потирая ладони, развернулся к столу. Налил в фужер шампанского, выпил гулкими. крупными глотками. Вытер ладонью рот.

— Все в порядке — она моя! — самоуверенно усмехнулся, нахально подмигнул Рауфу. — Не сердись, дос. Придется тебе сегодня уступить мне свою ласточку. Думаю, мы из-за бабы не подеремся, а?

— Что же мне-то делать? — чувствуя себя так, словно искупался в помоях, спросил Рауф, думая лишь о том, как бы без скандала выбраться отсюда и увезти с собой этого скота Дуче.

— Как это — что делать? — поразился Дуче. — Займись Асей. Побольше напора, настойчивости. Женщины это любят. А то сидишь, как школьник.

Рауф, чтобы не видеть сытой физиономии этого самоуверенного самца, опустил голову, слабо отмахнулся.

— Дурак, — презрительно процедил сквозь зубы Дуче. — Ни одна баба не уступит перед сильным мужчиной. Поднажми на эту беленькую, покажи себя, и она — твоя...

Он приготовился к наставлению, но в комнату вошла Римма — деловитая, энергичная, решительная. Дуче, раскинув руки, двинулся к ней с видом капризного повелителя.

— Ласточка, я соскучился. Сколько же можно...

— Уже недолго, — твердо сказала она. — Подожди немного.

Войдя в спальню, она оставила дверь открытой, и сквозь нее Дуче и Рауф хорошо видели все, что там происходило. Римма остановилась около платяного шкафа, задумалась, прижала ко лбу кончики пальцев. Потом, словно очнувшись, вздрогнула всем телом, открыла шкаф и достала сиреневый атласный халат. Развернулась, направилась было к двери, но задержалась около трюмо. Посмотрела на свое отражение... Изучая себя, рассеянно и привычно стянула с левой руки золотые кольца: массивный перстень-печатку — со среднего пальца, и толстое, украшенное рубином, — с безымянного. Не глядя, опустила их в латунный узорчатый кувшинчик на предзеркальном столике — кольца звонко стукнулись о металл. Римма устало огладила щеки, поиграла губами, то втягивая их, то выпячивая. Выпрямилась, повернулась к зеркалу сначала левой, потом правой стороной.

Дуче, прищурившись, наблюдал за ней, и лицо его становилось все серьезнее.

Когда Римма, взглянув мимоходом на гостей, прошла через комнату и скрылась в коридоре, Дуче шевельнулся. Слышно было, как хлопнула дверь в ванную, потом донесся шум водяных струй — Римма готовилась принять душ.

— Иди, посмотри, что там Ася делает, — деловито скороговоркой попросил Дуче и, положив ладонь на спину Рауфа, легонько подтолкнул его.

— Что делает? — на кухне, наверное, сидит, — буркнул Рауф, которому не хотелось видеть ни Асю, ни Римму, ни Дуче, а мечталось лишь об одном: как можно скорее уйти отсюда.

— Иди-иди, — уже требовательно повторил Дуче, и рука его нажала на спину Рауфа куда решительней. — Может, договоришься ... — Он похотливо хохотнул и, увидев что Рауфа передернуло, добавил: — В любом случае тебе надо с ней потолковать, чтоб не мешала нам с ласточкой, не совалась сюда, — и Дуче показал глазами на спальню.

Рауф нехотя встал, прошел уныло на кухню. Он ожидал увидеть Асю колючей и злой, в лучшем случае, насмешливой, но, к его удивлению, подруга Риммы была настроена весьма игриво. Она почти дружелюбно улыбнулась, хотя уже через какое-то мгновение эта улыбка сделалась язвительной, а серо-зеленые глаза уставились на него оценивающее и с зорким прищуром, точно Ася знала о Рауфе что-то нехорошее. «Да и как не знать, — подумал он, — ясно ведь, зачем мы пришли».

— Устала? — спросил он и постарался улыбнуться как можно дружелюбнее.

— Нисколько, — решительно замотала она головой. — Наоборот, сейчас чувствую себя распрекрасно.

Рауфу показалось, что она нажала на слово «сейчас». «Неужели из-за того, что я пришел? Но не спать же мне с ней?!»

— Доставил вам хлопот мой товарищ, — и вздохнул удрученно. Хотел извиниться за Дуче, но Ася не дала договорить.

— Товарищ? — насмешливо переспросила она и поправила: — Родственник! Двоюродный брат, кажется?

— Да-да... Я оговорился, — и Рауф отвел глаза. За его спиной раздались босые шаги, слегка стукнула дверь в комнату.

— Ты уже выкупалась, ласточка моя, — донесся притворный, но, как показалось Рауфу, какой-то непривычный — то ли слегка испуганный, то ли удивленный — голос Дуче.

— Не лапай! — зло отозвалась Римма. — Иди пока к своему брату. Мне надо привести себя в порядок.

К удивлению Рауфа, Дуче послушался — вышел из комнаты и тотчас появился на кухне, подбрасывая на ладони крупное красное яблоко. Рауф посмотрел на него вопросительно, но Дуче никак не откликнулся. Прислушиваясь, что там, за дверями, происходит, Дуче шаркнул яблоком по рукаву и с хрустом откусил от него чуть ли не половину.

Почти следом за ним вошла Римма. Рауф успел заметить, как торжествующе, хоть и коротко — всего на секунду — она взглянула на Асю. И та сразу перестала улыбаться, уперлась ладонями в колени и поднялась с табуретки.

— Ну, вот что, мальчики, пора вам домой, — заявила она решительно. — Не ищите приключений на свою голову — не в ваших это интересах. Время позднее, поэтому — прошу! — и властным жестом указала на дверь.

Ошеломленный такой бесцеремонностью, Рауф заморгал, невольно втянул голову в плечи, взглянул на Дуче, ожидая яростного отпора и готовый к скандалу. Но Дуче, перестав жевать, лишь ненадолго задумался. Потом проглотил то, что было во рту, швырнул, тщательно прицелившись, огрызок яблока в мусорное ведро.

— Ладно, — сказал миролюбиво. — Вижу, мы вам не понравились. Бывает... Как говорят русские, насильно мил не будешь. Откачнулся от двери косяка, навалившись на который стоял все это время. — А добиваться ласки силой — не в моих правилах. У Дуче гордость имеется, — и с силой постучал себя кулаком по груди. — Дуче себе цену знает!

Его поведение поразило Рауфа даже больше, чем выходка Аси, но он обрадовался, что скандала не будет и предчувствие неприятной развязки не оправдалось. Торопливо встав, Рауф заулыбался, на сей раз искренне и облегченно.

— Да-да, мы пойдем, — и первым поспешил в коридор. — Поздно уже. Извините за беспокойство.

Ася, скользнувшая мимо него к входной двери, уже открыла ее настежь. А Дуче, натянув почти на глаза свою кепку, вышел не спеша, с достоинством. Даже не попрощался. И не оглянулся на хозяек. Рауф же слегка задержался, чтобы услышать от Риммы объяснение: что про-

изошло, почему все так сразу изменилось... Та смотрела в его глаза с откровенным презрением.

— Может, скажешь, в чем дело? — оскорбленно спросил он.

— У братца узнаете, — желчно ответила она. — И впредь выбирайте себе родственников попримечнее, Рауф Алимжанович.

Рауф хотел возмутиться, но Ася с силой вытолкнула его.

— Спокойной ночи, ухажеры, — прошипела она. — Любовнички липовые! — засмеялась и захлопнула дверь.

Рауф сбежал по ступенькам, выскочил на улицу и набросился на поджидавшего его Дуче.

— Объясни, что случилось? Ничего не пойму!

Почему ты так покорно ушел? Что произошло у вас с Риммой?

— Характерами не сошлись. Она оказалась не в моем вкусе, — отшутился Дуче. — Своего я добился — уломал горожанку. А дальше уже неинтересно. Глянул искоса на Рауфа, заметил, посмеиваясь: — Есть ценности поважней, чем ночка у случайной бабы. Этим ценностям я всегда верен! — И опять, как на кухне, постучал себя кулаком по груди. А потом горделиво добавил совсем уж непонятное: — Вот я и развеял легенду о городских.

Когда они добрались до дома, жена и дети Рауфа уже спали. Рауф, чтобы не беспокоить их, принес для себя с балкона раскладушку, поставил ее рядом с диваном, на который уложил гостя ...

Проснулся от несильных, но настойчивых толчков.

Открыл глаза, увидел уже одетого Дуче. Двусмысленно как-то — издевательски и одновременно покровительственно — улыбаясь, тот попросил шепотом:

— Дос, открой дверь. Мне пора.

— Так рано? — удивился Рауф, машинально взглянув на часы. — Куда ты сорвался?. Позавтракаем, потом пойдемь.

— Некогда. Пора мне, — все так же загадочно улыбаясь, решительно заявил Дуче. И так загостился. Могут быть неприятности... Там... — он пошевелил пальцами, указав куда-то за спину, и уточнил: — на работе.

— Ну, если так... — Рауф, почувствовав страшное облегчение, сумел-таки придать себе расстроенный и огорченный вид. Не имею права задерживать. Неприятности — убедительная причина...

Просеменил в коридор, набрал на замке, который ему подарил побывавший во Франции начальник, трехзначный код и выпустил Дуче. Тот выплыл за порог и, уже отойдя от двери, обернулся, подмигнул Рауфу и повторил торопливым шепотком вчерашнюю нелепицу:

— Вот и развеял я легенду о вас — горожанах. Взмахнул прощально рукой и рысцой побежал по ступеням, больше уже не задерживаясь и не оглядываясь.

Рауф подождал, пока он скроется, и захлопнул дверь. И сразу же исчезла с его лица вежливо-дружелюбная, с оттенком прощальной грусти улыбка — Дуче уехал! На душе у Рауфа стало так хорошо, что сжалось сердце: все — сгинул наконец, оставил его в покое этот незванный гость! И даже стыд за вчерашний вечер, который ожег его сразу же, как только он проснулся, и не оставлял, пока длилось прощание, сейчас поутих и почти забылся...

По дороге на работу довольный Рауф старался не вспоминать ни о Дуче, ни о вчерашнем банкете необходимо было вычеркнуть это из памяти; жену он сумел убедить, что задержался у родственников гостя, перед Риммой решил извиниться, доказать ей, что сам огорчен и возмущен, что готов чем угодно искупить свою вину. О чем же тужить? Все утрясется, все наладится!

На автобусной остановке Рауф сунул руку в карман, чтобы достать кошелек, и почувствовал, что пальцы наткнулись на какие-то выпуклые металлические бляшки. Удивился. Вытянул их и, пораженный, чуть не вскрикнул, чувствуя, что кровь ударила ему в голову: на ладони лежали кольца Риммы. Точно, они! Рауф хорошо их запомнил: перстень-печатка и кольцо с рубином. Рауф обессиленно опустился на скамейку. Как попали в его карман эти кольца? откуда? Он поднес их к глазам, осмотрел со страхом и недоумением и чуть не рассмеялся от внезапного открытия: кольца были вовсе не золотыми, а поддельными: печатка — из бериллиевого сплава, такие делают умельцы в институтской мастерской за пятерку

(«Впрочем, ей, — зло подумал Рауф, — перстень мог достаться и бесплатно: улыбнулась какому-нибудь слесаришке, глазки состроила...»), а тот, что с «рубином» — ширпотреб, такие продаются в каждом газетном киоске. Смех, уже вырвавшийся у Рауфа, превратился в нервный, похожий на клекот, всхлип: такая пощечина! И от кого! От этой свиньи Дуче, от этой похотливой, пузатой, бородавчатой скотины!.. Но зачем, зачем он это сделал?! Черт бы с ним, если б позарился на дорогие вещички, а потом разобрался что к чему. Ну, и выкинул бы их, я бы ничего не знал. Зачем он мне-то их подсунул? Что он хотел этим доказать?. Полыхнуло перед глазами ухмылявшееся лицо Дуче, прозвучал в ушах его голос, дважды повторивший: «Вот я и развеял легенду о вас горожанах». Какую легенду?. И вдруг он вспомнил, как спорил с Дуче о том, что не все воры, а этот мерзавец утверждал — все! И даже пытался доказать, будто и он, Рауф Карамов — вор! Рауф застонал:

«Мерзавец, подонок, дерьмо собачье, — и обомлел: Вот я и стал вором — в моем кармане чужие вещи!»

Что же делать! Что делать! Когда он немного успокоился и обрел способность соображать, ему открылись два, вполне возможные, варианта. Первый: поехать в райцентр, где живет Дуче, взять его за грудки, потребовать объяснений, а потом притащить за руку к Римме и заставить во всем признаться. Рауф отчетливо представил себе, как он будет допрашивать Дуче, как тот поблещет, будет мяться, прятать глаза, а потом, сникший и потерявший уверенность, станет каяться перед Риммой. Но, насладившись этой картиной, Рауф тяжело вздохнул: ничего не получится. Во-первых, Дуче просто-напросто не поедет, да и за грудки его схватить не удастся — сам кого хочешь схватит за грудки, если не за глотку. И насчет колец... В лучшем случае Дуче посмеется: «Не понимаете вы, городские, шуток! Я же разыграл вас. А вы, мелочники, шум подняли из-за копеечных безделушек. Выходит, что вам самим цена — копейка!» Но Дуче, скорее всего, будет запирается, корчить из себя невинного: «Какие кольца? — и изобразит удивление. — Понятия не имею, как они попали к тебе!» А потом может устроить

целый спектакль: «Так значит, ты вор? То-то, я смотрю, в бумажнике десятки не хватает... Хорошо, что я рано уехал, а то бы ты меня как липку обчистил: Дуче, мол, пьяный, ничего не помнит, ничего не заметит, если деньги швыряет, не считая. Вот ты какой, оказывается! Вот вы какие, городские-то!..» У этого мерзавца хватит наглости закатить такую сцену.

Рауф отер платком лицо, перевел дух.

Второй вариант — поехать к Римме и все рассказать — представился, после недолгого размышления, таким же сомнительным: для нее он, Рауф, навсегда останется если не вором, то другом вора, а значит, таким же подлым и безнравственным человеком. Дело ведь не в том, какие именно вещи украдены, а в самом факте воровства!.. И пособником Дуче, его подручным, или, как это называется? — наводчиком был он Рауф Алимжанович Карамов, всеми уважаемый человек. Нет, к Римме идти нельзя увидит, что извиняюсь, и пиши пропало: шепнет подружке, что Рауф Алимжанович по пьянке — пусть даже только по пьянке — украл у нее драгоценности; подруга выкатит глаза — еще бы, такая сенсация! расскажет другой подруге, та — еще кому-нибудь. И все — конец! Катастрофа! Гражданская казнь!

Рауф крепко зажмурился, стиснул зубы: надо молчать, надо делать вид, что ничего не знаешь, Римма, даже если захочет, ничего не сумеет доказать. Да и не будет она болтать о том, что пригласила на ночь мужчин, не в ее это интересах... А если все-таки проболтается? Если ей выгодно разнести по институту, что Рауф Алимжанович домогался ее? Это же добавит ей славы: неотразимая, мужчины голову теряют, даже такой добродетельный, как товарищ Карамов... Все равно, молчать, молчать: ничего не знаю, все ложь, клевета!.. «Проболтается или нет?» Рауф попытался вспомнить лицо Риммы, чтобы определить, на что она способна, и опять увидел, как она снимает с пальцев кольца, опускает их в кувшин, а после ванной, зайдя на минутку в спальню, становится решительной и даже агрессивной — тогда-то она и решилась выгнать гостей, словно знала, что те не пикнут. «Значит, она уже тогда обнаружила пропажу! — опалила Рауфа догадка. — Зашла в спальню, проверила и... промол-

чала. Отработанный прием! Теперь Рауфу все стало ясно: он вспомнил и лицо, и поведение Аси. — Так вот оно что! У них это отработанный способ испытать мужчин на порядочность и честность. Они это проделывали не раз!»

И, поняв это, Рауф почти успокоился. Если для Аси и Риммы трюк с кольцами привычен, значит, они не придают ему значения; главное — выпроводить неприятных гостей, а остальное — ерунда. Из этого следует... из этого следует, что Римма не будет звонить по институту. И хотя Рауф понимал, что в глазах женщины он человек нечестный, раз не выдержал испытание, ему стало легче. Придав лицу обычное, как ему казалось, выражение, он отправился в институт.

Какое-то время Рауф был почти спокоен, хотя думал только об одном: скажет Римма или не скажет. И доводы, которыми он себя успокаивал, казались ему то логичными, то — никуда не годными. Теперь его трудно было узнать: он похудел, перестал следить за собой, забывал надеть галстук, что совсем недавно казалось коллегам немислимым, а иногда и не брался — отчего сослуживцы испытывали что-то вроде шока. Римму Рауф избегал, и это ему почти удавалось — только два раза столкнулся с ней в коридоре, ведь он почти не выходил из кабинета. Сотрудники жалели его: уважаемый Рауф Алимжанович стал непохож на себя: нервный, напуганный, жалкий... «Наверное, у человека неприятности, а может, и беда. С женой, может, не поладили...» — шушукались они, и при его появлении посматривали всегда сочувственно и сострадающе. А он и эти шушуканья, и эти взгляды понимал, холодея, по-своему: вот оно, свершилось! Все стало известно!

Наконец Рауф не выдержал и после трех месяцев самоистязаний подал заявление об увольнении. «По состоянию здоровья». Директор долго не подписывал заявление, предлагал пойти в отпуск, обещал путевку в любой санаторий, пообещал в ближайшее же время выдвинуть его на должность своего зама. Но Рауф ни на какие уговоры не поддавался — стоял на своем: прошу уволить. И директор в конце концов сдался.

Подписав обходной и получив трудовую книжку, а значит, уже распростившись с институтом, Рауф решительно направился в кабинетик Риммы. Вошел смело, выдержал такой же, как тогда, на вечеринке, презрительный взгляд. Не спеша достал из кармана небольшой бумажный пакетик, спокойно развернул его и выложил на стол кольца.

— Вот. Забери, — сказал он желчно.

Римма потрясенно, словно не веря, посмотрела на кольца, потом на Рауфа.

— Так это вы взяли? Вы — вор! — лицо ее стало жестким, и после недолгой паузы она повторила с какой-то изобличительной твердостью: — Вы — вор! Какая двойная жизнь!

Рауф, с ненавистью глядя ей в глаза, утвердительно кивнул — да!

— Ну и мразь же вы! А казались порядочным человеком! — протянула Римма и отвернулась к окну.

— Сама ты — мразь! — убежденно сказал Рауф. Потом развернулся и — вскинув голову, распрямив спину, расправив грудь — вышел из кабинета.

Череп

Череп хранился в мастерской моего друга — художника, который ничего не знал о его происхождении: достался он ему от студента графического факультета, приходившего поработать в его мастерской. Как он попал к студенту — неизвестно, об этом они никогда не говорили: поработал две-три недели в этой мастерской, студент защитил диплом и уехал по распределению куда-то в Западную Сибирь. Череп остался у моего друга. Каждый раз, приходя сюда, я пристально вглядывался в него. Он стоял на полке между книгами и репродукциями великих мастеров. Странное это было сочетание: Гоген, Рембрандт, Ван Гог, Павел Васильев, Петров-Водкин и среди них этот безымянный череп. В этом странном сочетании я все время старался усмотреть какой-то смысл, но не находил его. Мне все казалось, что появление черепа в мастерской не случайно.

Стены мастерской были увешаны картинами моего друга, и я понимал, что он подражает тем самым мастерам, чьи репродукции стояли у него на полках, а самое главное, что это не было подражанием какому-то одному мастеру — в его работах можно было найти характерные черты каждого: с миру по нитке. Потому-то картины мало волновали и пробуждали у меня лишь умозрительные заключения, таким же умозрительным — образом они, по-видимому, и были созданы. В них прочитывался кругозор автора, и не больше. Быть может, я ошибался, кто знает, ведь среди посетителей мастерской я встречал и таких, кто восхищался картинами, и таких, кто сыпал комплименты только для того, чтобы не обидеть хозяина. Я тоже хвалил полотна, потому как говорить напрямую считал бесполезным, да и не хотел обидеть друга — он был очень самолюбивым человеком... На его просьбы об искреннем отзыве отвечал согласием, но знал, что эта искренность может его оскорбить. Уже сколько раз у нас бывали споры — и какие ожесточенные! — о его ранних работах. Вдобавок ко всему, я знал, что он не считался с чужим мнением и уважал только собственное, больше того, он учил себя быть одержимым, поэтому так упорно постигал секреты великих мастеров, молился на них, а мнение таких, как я, — земных людей было для него пустым звуком. Поэтому, наверное, мы никогда и не говорили с ним об искусстве. Дружили мы давно и много времени проводили вместе. Конечно, без разговоров о живописи не обходилось, но я всегда вел себя сдержанно, торопясь поскорее переменить тему; когда же это не удавалось, всем видом показывал, что не расположен говорить о том, в чем мало смысла.

Если же с нами был кто-то еще, я замолкал, а когда, во время таких бесед, Мой друг, распаляясь, доказывал что-то очередному оппоненту, отсаживался от стола и смотрел на этот череп.

В поле моего зрения, когда я разглядывал этот помертвый лик человека, попадали картины друга и, конечно же, книги с репродукциями — такое вот созерцание и навело меня однажды на удивительную мысль. Мне вдруг показалось, что картины друга похожи на череп,

сделанные по всем, известным ему, художественным законам, они были лишены одухотворенности и живой плоти. В картинах угадывались образы, уже воплощенные когда-то великими мастерами, так же, как в черепах угадывались черты живых людей, которых, увы, уже не было на свете. Сказать об этом вслух было бы, наверное, жестоко, хотя мой друг постоянно твердил о том, что именно критика побуждает творца к сознательным поискам. Только вот кому как... Я сам однажды резко критиковал начинающего литератора, думая, естественно, что он избавится от своих недостатков, а получилось так, что этот литератор совсем забросил работу и в своем отречении от литературы обвинял, как выяснилось позже, именно меня. Я и сегодня чувствую свою вину перед этим человеком и, если случается выступать арбитром, стараюсь быть более милосердным. Даже о беспомощных поделках не говорю прямо. Что же до моего друга, то я знал, что он не бездарь и раз ищет себя — то, наверное, найдет. Хотелось верить, что такой неистовый труд не пропадет даром, поэтому и помалкивал о своем искусствоведческом откровении. А между тем этот череп не давал мне покоя. Картины, ладно... В них были отражены сугубо личные впечатления моего друга. А вот череп — это же слепок живого человека и соотносится, я думаю, с каждым представителем рода человеческого. Во все времена люди предавали умерших земле и все религии освящали этот обряд. Может быть, поэтому присутствие посмертной маски среди живых было кощунственным актом, хотя... Хотя мы знаем, что скульпторы, художники, медики обращаются с останками человека запросто, ведь они им просто необходимы, чтобы изучить живую природу.

Я впервые в жизни увидел настоящий череп. Помню, как в школе на уроке анатомии нам показывали скелет человека и я ужаснулся, увидев череп. «Неужели от твоей головы останется лишь это?» — эта мысль, невыносимая для каждого человека, посетила тогда и меня. Да и сейчас, при виде этого черепа, мне становится не по себе, хоть я и стараюсь отогнать от себя этот малодушный страх.

Этот череп был небольшим, и я каждый раз, бывая в мастерской, обмеривал мысленно головы присутствующих и старался представить размер их голого черепа — прямая противоположность деятельности известного скульптора, восстанавливающего по черепу облик человека. Я, конечно, не знал его тайн, но, к своему удивлению, обнаружил, что размеры головы вовсе не соответствуют размеру тела — бывало, человек ростом за метр восемьдесят, а голова у него меньше, чем у самого что ни на есть коротышки.

Череп был цвета слоновой кости, с какими-то грязными рыжими пятнами, двух передних зубов не было, и установить причину этого было невозможно, самым же устрашающим были, наверное, пустые глазницы. С правой стороны темени была вмятина, и, как она появилась, я тоже не мог догадаться. Может быть, от этой раны и погиб человек, а может, вмятина появилась намного позже, во время извлечения из земли, или же еще позднее. Мне оставалось только предполагать... Двери мастерской никогда не закрывались, и, кто бы ни заходил туда, обязательно останавливал свой взор на этом черепе.

— Ох, ты! Настоящий? — непременно был первый вопрос.

Хозяин ухмылялся в усы:

— Подделка, — хмуро шутил, но быстро менял тон и объяснял: — Ну, разумеется, настоящий.

Тогда посетитель подходил к полкам, брал в руки череп и, разглядывая его, пересыпал речь всякими дежурными восторгам.

Меня до крайности раздражали эти церемонии.

Случалось, что завсегдатаи мастерской от нечего делать брали череп в руки и начинали вертеть, постукивая по нему пальцем.

— Не тронь! Оставь человека в покое! — так и хотелось выкрикнуть мне.

Конечно, я сдерживал себя, но раздражение не проходило, поскольку, как ни странно, у меня уже начали складываться какие-то отношения с этим человеком. О том, кто он такой, я задумался сразу же, да и не будь этой душевной связи, я никогда бы не согласился с тем, что

человеческая плоть — живая или мертвая — может быть бездушной. Конечно, я понимал, что эти кости подобны куску высохшего дерева или закаменевшей глины, но мне казалось, что вокруг них — как память о владельце — обитает какой-то живой дух. Бывало и так, что за целый вечер я бросал в его сторону один — единственный взгляд и, начисто забыв о его существовании, уходил домой. Но уже потом, дома, я долго не находил себе места меня беспокоило отсутствие этого лика. А гораздо позже, анализируя то состояние и что-то поняв, я стал замечать, что в мою душу закрадывается обида, которую я сам нанес этому лику прошлого своим невниманием.

Однако до подобного рода отношений было еще далеко, они только зарождались, когда я впервые остался наедине с этим костяным изваянием. В мастерской часто встречались друзья: то пили чай, вспоминая какие-то знаменательные деньки, то перемывали друг другу косточки, разжигая в себе бывшие обиды и воздавая себе самим и своим ближним за какие-то заслуги или прегрешения.

В тот раз, если мне не изменяет память, мы отмечали день рождения одного нашего товарища. Произносилось множество тостов, декламировались стихи, пелись песни, а под конец были танцы и наши национальные, и современные. Никто из нашей компании танцевать не умел, но подогретые — и весьма! — чувства требовали выхода, и каждый танцевал как мог. Так, по крайней мере, было со мной, и, поскольку мои товарищи знали, что от этих моих танцев до состояния еще более безмятежного — один шаг, то, беспокоясь за меня, оставили ночевать в мастерской. Уложив меня на диване и забыв потушить свет, они разошлись по домам. В ту ночь мне снился какой-то фантастический сон: я путешествовал по незнакомому мне краю. Никогда не виданные очертания гор, неживая, безлюдная долина, усеянная большими валунами. Я пробирался через валуны, искал затерянный в этой долине ногайский аул. Я не сомневался, что он расположен именно здесь, я читал о нем в исторических справках, и, хотя в действительности жители аула еще в прошлом столетии переселились в

Турцию, мне давно хотелось побывать в этих местах. Во сне я и очутился там, где этот аул был или есть до сей поры, но поиски его были мучительны. Я ходил между валунами и каждую минуту ожидал увидеть и узнать его очертания. Во время этих поисков встретился мне незнакомый старик в черной бурке и белой войлочной папахе. Он спросил меня, за- чем я пришел сюда. Я ответил, что ищу аул, который должен быть где-то здесь. Тогда старик повел меня к себе. Возле большого, величиной со скалу, валуна стояла его сакля с плоской крышей.

— Вот это и есть тот аул, который ты ищешь, — сказал мне старик, показывая на свой, единственный на всю округу, дом.

Потом мы со стариком вошли в саклю. Она показалась мне очень странной. И наружность старика, и его одежда говорили о том, что он человек прошлого, из прошлого была и его допотопная сакля, внутри которой, однако, я увидел телевизор, стоявший возле старинного тахтамета. Старик скинул с плеч бурку, остался в длиннополой черкеске с пустыми газырями и без кинжала, он снял также сапоги и, взобравшись на тахтамет, сел, по ногайскому обычаю, на корточки, и то же велел сделать мне. Я охотно скинул туфли и взобрался на тахтамет. Приглядевшись к старику, я понял, что мы уже когда-то встречались — лицо его было мне знакомо, но где и когда — так и не вспомнил. Пока я гадал об этом, в саклю вошла девушка в длинном старинном платье темно-вышневого цвета с тостуйме¹ на груди и плоской крымской шапке. Меня поразило ее бледное удлинненное лицо, миндалевидные глаза и длинная белая шея. И ее я где-то видел. Старик велел девушке принести нам поесть. Она стояла на месте и из-под бровей стыдливо посматривала на меня... Теряясь в догадках, я проснулся...

В первые секунды я не мог сообразить, где нахожусь. Знакомые стены с картинами и книжными полками вернули меня в сегодняшний день, но тут же, как в тумане, блеснуло явившееся мне во сне лицо девушки, и я испу-

¹Тостуйме — нагрудное украшение.

гался, закрыл глаза, а когда вновь открыл их — увидел стоявший на полке череп. Я одернул себя и твердо решил подавить эти мистические представления, но в глазах промелькнуло лицо девушки, и снова потребовалось усилие, чтобы отогнать от себя этот лик.

На круги своя...

Слова Риммы не давали ему покоя ни днем ни ночью: «Какая двойная жизнь! Ну, и мразь же вы!»

Хоть он и не проглотил обиды — ответил на эти слова, но те, Риммины, доходили до самых глубин его сознания, вызывали и сегодня дикое негодование. И он впервые признался себе, что мог бы убить человека. Он осознавал, что так ненавидеть женщину нелепо, но не мог умерить свою ненависть. Целую неделю он просидел дома. Когда жена приходила с работы, а дети — из школы, он, не желая ни с кем разговаривать, ложился на диван и, отвернувшись к стене, лежал, притворяясь спящим. А когда они уходили, стоял у окна, выходил на балкон и обозревал дальние предгорья, темно-синее небо, рваным плащом покрывавшее землю; успокоившись, возвращался в комнату, ложился и думал-думал — о чем думал, потом и вспомнить не мог. И, как вспышка молнии, ослепляла фраза: «Какая двойная жизнь!»

Через неделю он, обрюзгший и небритый, вышел на улицу. Соседка тетя Паша, посмотрев на него, прикусила кончик платка и испуганно спросила:

— У вас кто-нибудь умер, несчастье какое?

Раньше он ни с кем из соседей не разговаривал, на приветствия пожилых людей — всегда словоохотливых — только кивал головой, кивал и шел своей дорогой. Шел и чувствовал их взгляды за спиной, чудилось, как они говорят про него: «Хорошо идет!», — одобряя не только его походку, но и образ жизни. Ему и сейчас не хотелось ни с кем разговаривать, и он только обронил:

— Да, умер...

Бабка, удивленно оглядываясь, заторопилась домой.

Он же пошел в сторону небольшого парка, который был разбит вокруг старой церкви. Сев на скамейку, вспомнил этот мимолетный разговор.

— Кто же у меня умер? — спросил он себя самого и, подумав, ответил: — Сам я умер.

Ответил серьезно, но потом, повторив свои слова, усмехнулся и насмешливо произнес:

— Играл роль!.. Долго играл, Рауф Алимжанович! Долго!

Он неподвижно сидел на скамейке и невидящим взглядом смотрел на пирамидальные туи, ели. Молчал. Потом поплелся домой.

— У подъезда стояла тетя Паша. Она сочувственно глядела на него, а когда он подошел, чуть не кланяясь, сказала:

— Приношу вам свои соболезнования. Царство небесное покойной душе! — и она руками развела морщины на лице, поглядела куда-то в небо, будто кого-то там увидела.

Удивленный, он провел взглядом по старческой фигуре, но ничего не сказал — не нашел слов, и вошел в подъезд.

Когда растворилась дверь лифта, прошептал:

— Пришел, проклятый ящик, ну, тянись себе! Царство ему небесное!

Вечером пришла жена с детьми. Девочки, увидев, что он настроен незло, подошли к нему, сперва старшая тронула его колено, за ней подошла младшая.

— Очухался? — спросила жена, ставя на пол сумку и разглядывая его.

— Да вроде, — ответил он.

— Чувствую, что у нас новая жизнь начинается! Ты только посмотри на себя! — то ли с сожалением, то ли с укором сказала она.

— Ерунда! — отмахнулся он. — Дай лучше поесть.

— Взял бы сам. Все ведь на кухне оставила. Вчера тоже ни до чего не дотронулся, на одном чае и умереть можно.

— Я и умер, — он, похоже, и сам не знал, что говорил.

— Что-что? — удивилась жена.

— Да нет, теперь я уже жив, — поправился он, поняв, что переборщил.

— Пойдемте есть! — почти приказала она дочерям и ему.

Старшая закапризничала:

— Мы не хотим!

— Не хотим! — захныкала и младшая.

Тогда он встал и прошел на кухню. Жена прихватила сумку и, открыв холодильник, стала выкладывать из нее пакеты — с мясом, сардельками и фаршем. Он знал, что уже лет десять она выписывает продукты с мясокомбината, где работает, а иначе бы им и не прожить... Он всегда смотрел на это как на должное, а жена даже кичилась этим, ведь — по ее мнению — это было одним из ее достоинств.

— Другие годами не видят мяса, а мы, что ни говори, неплохо живем, — проговорил он все так же меланхолично.

— И все благодаря мне! — похвалилась жена.

— Ну, конечно, благодаря тебе и твоему мясокомбинату.

— Как ты стал разговаривать! Причем тут мясокомбинат?

— Мясокомбинат производит мясо.

Жена посмотрела на него как на сумасшедшего, но язык прикусила — даже испугалась за него.

— Тебе надо хорошую работу найти. Сейчас порядочные люди на окладе не сидят.

— Я, наверное, был непорядочным? — ему снова вспомнились слова Риммы.

— Ты что, издеваешься надо мной? — возмутилась жена.

— Да нет, я действительно играл роль, — поправился он.

Жена промолчала, снова подумав о самом плохом и, чтобы отогнать от себя эти мысли, занялась делом. Поставив на плиту кастрюлю, она села напротив и, подперев своими полными белыми руками подбородок, посмотрела на него как врач на пациента.

— Какую это роль ты играл? О чем ты говоришь?

— Я не так жил, — сказал он, глядя на ее вздернутый нос.

— А вот это верно! У нас даже приличной квартиры нет. Хоть бы на брата своего посмотрел, вот кто умеет жить, — подавляя возмущение, стараясь быть хладнокровной, произнесла жена.

— Ну, нет. Жизнь, о которой ты говоришь, не для меня. Я мошенничать не умею. Для этого нужно быть таким, как Дуче, — нахрапистым и наглым. Да и брат мой хорош...

— Никак не пойму: а ты-то какой?

— Я и сам не знаю. Но совсем не такой, какой ты думаешь.

Жена сморщила носик и понимающе кивнула: вот, мол, до чего дожили.

— Ну, хорошо, хорошо! А какой ты — другой? За десять лет я тебя все-таки изучила. Может, у тебя есть какие-то не раскрытые еще способности?

— Не в способностях дело. Дело в характере, я очень важничал перед тобой и перед другими.

— Вот это правильно! — хлопнув в ладоши, жена подошла к плите и стала помешивать соус. — Я и сама поражалась тому, как ты важничаешь. Работая в такой приличной организации, ты ни разу не похлопотал о квартире. А люди в твоём положении уже не одну квартиру поменяли.

— Ты не о том! — оборвал ее муж.

— А о чем же? — она взяла тарелки и наполнила

— Да нет, ты не поймешь, — махнул он рукой.

* * *

Наверное, его жизнь должна была измениться. Человек ведь всегда ищет свою дорогу и рано или поздно находит. Он не досадовал больше на Дуче и Римму, а старался изменить самого себя. «Главное простота и искренность, — заклинал он себя. — Не смей заноситься, не живи напоказ». Раньше он упивался самим собой и хотел, чтобы все восхищались его целеустремленностью и примерностью: прекрасный семьянин, общественный деятель, незаменимый работник! И все это он поставил под сомнение: кому нужна эта мнимая деятельность! И он ахнул: ощущение было такое, будто он голый оказался на улице. Возможно, другой человек легко обелил бы себя — как и в истории с Дуче непричастностью к воровству, непреднамеренностью своих действий, отчитал бы ви-

новника, да и забыл обо всем. Но Рауф был неспособен на это. Он мучился от всевозможных подозрений и совершенно нелепую историю возвел чуть ли не в криминал. И еще очень долго — на прогулке и дома, днем и ночью — бился он над собой, разоблачая все свои слабости и пороки.

Прекрасный семьянин! Как бы не так! Женился не по любви. Дети появились, когда жена, как и всякая женщина, осознала ненадежность их союза. Отношение к детям? Вместо любви — сострадание, вместо отцовской заботы необременительная жалость.

Образцовый работник? Куда там! Использовал чужие проекты — домов, микрорайонов, одним словом, копировщик. Ни одной своей идеи. Все серо и однообразно! Но ведь это можно было изменить, если бы он действительно был творцом, мастером своего дела, не соглашателем, а истинным новатором.

Активный общественник! Опять показуха. Ни одного правдивого выступления, всегдашняя оглядка на начальство, порой угодничество; чтобы не показаться кому-то корыстным, он не добивался даже того, чего заслуживал, — квартиры...

Возможно, что не все в его прошедшей жизни было именно так, ведь он все-таки заботился о доме и на работе помогал кому-то, если, конечно, удавалось не восстанавливать против себя начальство. Но он не хотел признавать этого из-за самого главного: он не был самим собой. Невыносима была мысль, что все эти долгие годы он плыл по течению и кто-то, как ему казалось, вел его, уводя от него самого и заставляя безропотно, как марионетку, исполнять его приказания...

* * *

Возможно, что его жизнь наладилась бы, но теперь он и сам хотел ее изменить. А ведь совсем недавно он гордился своим европейским именем Рауф Алимжанович Карамов. В детстве его звали Кобеком — домашним именем. Имя Рауф было вписано в свидетельство о рождении, красовалось оно и в классном журнале, и на каких-

то лакированных корочках. Он и подписывался этим—именем, но относил ли его к себе — неизвестно. Сам он называл себя Кобеком, так что и одноклассники, и учителя привыкли к этому имени (это ведь все равно, что уменьшительное имя: Николай — Коля, Иннокентий — Кеша). Ногайцы испокон века давали ребенку два имени, чтобы уберечь его от шайтана или от врагов: оставшись не узанными ими, ребенок, по древним поверьям, был в безопасности. А в обычной жизни люди носили имена своих «меньших братьев», а то и совсем несурзные, не имевшие никаких объяснимых корней. Если же до появления ребенка на свет в семье погибали дети, его называли именем чего-то устрашающего или непривлекательного, чтобы он не был угоден богу смерти. Ногайцы и сегодня называют детей двумя именами, но уже не из-за суеверия, потому что никто не знает, зачем это делается, а по традиции. Не знали этого и родители Кобека. Им казалось, что имя Рауф — приятно на слух и значительно, а сами они называли сына Кобеком, потому что так звали его дядю по материнской линии. Рауф не последовал этой традиции — у его девочек было по одному имени. Старшую звали Алтын, а младшую — Кумис: Золото и Серебро, так пожелали родственники со стороны жены.

В те дни, когда он не находил себе места и изводил себя попреками, ему часто вспоминалось, как во время учебы в институте он заставлял себя забыть собственное имя. За пять лет учебы никто так и не узнал, что в родном городе все звали его Кобеком.

А когда он вернулся домой, сверстники попробовали было назвать его как раньше, но он строго-настрого запретил им это: он стал Рауфом и уже не признавал своего детского имени. Даже родные и близкие, чтобы не рассердить его, должны были его так называть. Кобек, такое ласковое и милое имя, казалось ему теперь оскорбительным. В душе он не раз попрекнул родителей за *эту* глупую причуду, да и себя осуждал за то, что раньше не поправлял их. «Кобек — песик, собака. Кличка какая-то, а не имя!» — возмущался он.

Теперь же он понимал, что отказ от своего настоящего имени был первым шагом к его отречению от самого себя.

«Кобек — ну и что? Чем это плохо? И чем лучше Рауф Алимжанович — испанец с ногайской кровью? Это ж надо, куда занесло!» — иронизировал он над собой.

А самым удивительным было то, что, когда он выходил на улицу, ему казалось, что кто-то зовет его: Кобек! Он оглядывался по сторонам, но никого не видел. Конечно, ему очень хотелось, чтобы кто-то назвал его настоящим именем, и это желание стало просто неотвязным. И он вспоминал свою покойную мать, детство, школу. Даже самые неприятные минуты, когда его дразнили и доводили до слез «песик! песик!» — казались ему теперь счастливыми. «Может, кто-то сглазил мое имя?» — подумалось ему тогда.

Согретый этими воспоминаниями, он и решил навестить своего отца. Отношения между ними были неважные, а с некоторого времени и вовсе прервались — они почти не встречались. Отец прогонял и его, и его брата — Самета, хотя сам иногда навещал их по праздникам. Не потому, что хотел их видеть, а чтобы позлословить всласть. Сгорбившийся и неопрятный, он заходил в квартиру, презрительно озираясь, давал выбежавшим и напуганным его появлением внучкам по конфетке, на невестку не обращал никакого внимания, а на сына бросал гневный взгляд.

— Ну, есть что-нибудь? — бурчал он.

Рауф молчал, чувствуя себя виноватым. Тогда отец бесцеремонно проходил на кухню, открывал холодильник, в котором на случай праздника всегда стояли одна-две бутылочки, и, достав одну, засовывал себе в карман.

— Это — отцовская доля! — говорил он и уходил так же бесцеремонно, как и появлялся.

Такие же набеги он совершал и на другого сына.

Рауф узнавал об этом после случайных встреч с Саметом. Работая в проектно-институте, Рауф стыдился отца и почти никому не рассказывал о нем: боялся скомпрометировать себя столь неблагополучным родителем. Даже из памяти выбросил. Ему было приятно вспоминать молодого отца, свое детство, когда отец еще не был таким, как сейчас.

Рауф женился сразу после окончания института.

Родители, жившие тогда в городе, разменяли свою трехкомнатную квартиру и подарили молодым однокомнатную. Сразу же за Кобеком женился и Самет. Младший брат не стал испытывать судьбу: не остался под одной крышей с родителями, а ушел к жене, после чего быстро получил трехкомнатную квартиру в ведомственном доме.

И родители остались одни. Отец никогда не любил городскую квартиру и думал только о том, как бы перебраться в аул, но мать противилась этому: она не хотела жить вдали от детей. Сыновья с невестками навещали родителей, но матери этого было мало и она сама попеременно ходила то к одному, то к другому. Она давно болела астмой, а вскоре болезнь ужесточилась, и на пятьдесят восьмом году — когда Рауфу исполнилось двадцать девять — она умерла. Отец, оставшись один, предложил сперва одному, а потом и другому сыну съехаться с ним. И Рауф был, в общем-то, непротив, но Кунбийке, его жена, не согласилась жить под одной крышей со свекром; и он, человек с далекими перспективами, поддался ее уговорам — неудобно, что ни говори, жить вместе с пожилым человеком, хотя бы и отцом. Не захотел обременять себя лишними заботами и его брат — Самет.

Тогда-то отец и обменял свою квартиру на домик в ауле — противозаконное дело, сказал бы ему Рауф, если бы отец вздумал посоветоваться с братьями. Но он не нуждался в их советах — вернуться в аул было его давнишней мечтой.

Он сожалел о том, что построил себе дом в городе. Он даже не успел вселиться в него, как кем-то было решено сравнять с землей улицу, на которой он стоял. Отец долго ходил с жалобами во все инстанции, но добиться ничего не смог. Городок превращался в областной центр, и перестройка была ему просто необходима. Отец проклинал проектировщиков и архитекторов. И, может быть оттого, что Рауф поступил на архитектурный, не уставал повторять, что городу необходимы другие строители. Еще тогда, в те далекие года: «Ульи, — твердил он, — настоящие ульи, сотни людей заключены в клетки и живут, как скотина: где едят, там и нужду справляют», — возмущение отца не знало границ.

И только на старости лет, уже пенсионером, он уехал из ненавистного города. У него был приусадебный участок, где он сажал картошку, и, хотя после переезда он пил почти каждый день, его хозяйство не было запущено и он даже умудрялся держать корову.

Сыновья помогли ему переехать и изредка навещали его, но к концу того года он их прогнал: сперва Рауфа, а потом — и Самета.

— Мерзавцы, чтобы ноги вашей не было в моем доме, считайте, что свое семя я выкинул в пустоту!

Братья затаили обиду, так и не поняв, что случилось с отцом. О собственной вине они не думали, искали причины в отцовских слабостях, а узнав, что он женился на своей аульчанке, стали обвинять его в том, что он предал их мать, а значит — и их. Прошло несколько лет, и женщина, с которой жил отец, умерла. Тогда-то отец и стал появляться у сыновей по праздникам. Рауф даже специально покупал лишнюю бутылку, и так же, наверное, поступал брат. Но в отцовский дом ни один, ни другой уже не ездили. У Рауфа отец был последний раз на майские. Взяв свою отцовскую долю, он ушел, как обычно, не сказав ни слова.

И вот теперь, когда Рауфу захотелось вернуть себе настоящее имя, он решил навестить отца. В нем вдруг проснулось чувство вины перед ним. «Какие же мы дети, если оставили его одного на старости лет!», — он был вполне искренен, осуждая себя и брата.

Он захватил для отца гостинцы и поехал в аул, где родился, но прежние ощущения не могли возвратиться, ведь он был тогда совсем маленьким. По дороге он думал об отце, который тогда, еще при жизни матери, работал в городе механиком, вспоминал праздники, когда он привозил им обновки и конфеты и катал их на служебной машине по городу... Сыновние чувства пробудились в нем, и он хотел предстать перед отцом раскаявшимся и просящим, как блудный сын, прощения. С такими чувствами он подошел к отцовскому дому, надеясь во дворе сразу же увидеть отца, но двор был пуст. Тогда он вошел в дом — отец одетым лежал на кровати и, как видно, спал. Рауф остановился в нерешительности, потом положил сетку с гостинцами на стол и присел на кон-

чик стула. В комнате было прибрано. На табуретке возле кровати он увидел недопитую бутылку и кусок сыра, мухи вились над столом и садились на бритую голову отца. Он спал так крепко, что Рауф наконец не выдержал и толкнул отца в плечо. Старик спокойно открыл глаза, потом поднялся и пригладил короткие седые волосы. Он в упор глядел на сына, и глаза его постепенно наливались кровью; протянув руку к бутылке, он отхлебнул из нее глоток:

— Так... Зачем ты тут, Кобек? — прохрипел он. у Рауфа кольнуло сердце, ему вдруг показалось, что это именно тот голос, который он так хотел услышать ... Но нет, сказал он себе, тот голос не может быть таким чужим.

— Захотелось поведать, отец, — виновато проговорил Рауф.

— Просто так? — отец удивился, но голос его звучал по-прежнему сурово.

— Просто так, — ответил Рауф.

— Не верю! Может, метишь в наследники? Чего тебе — дом, огород, корову? Шиш вам обоим! Ничего не получите! А у меня ведь и на книжке есть. Только шиш вам! Все отдам государству — для дома престарелых!

— Мне ничего не надо, отец, да и Самету тоже, — Рауфу стало не по себе, и он встал, чтобы уйти.

— Не верю — и все! — отец подскочил к нему и заглянул в глаза.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, — проговорил Рауф, останавливаясь и отводя глаза.

— Ах, ты, смотри-ка, даже гостинцы привез, — отец подскочил к столу, развернул пакеты с пряниками, конфетами и яблоками. — Не верю я тебе! Скажи, что надо? Отец сделает, отец все для вас, мерзавцев, сделает! А может, возьмете меня к себе? — не требуя ответа, он посмотрел прямо в глаза сыну.

— Да у нас же тесно, ты знаешь, — промямлил Рауф.

— Тогда переезжайте ко мне! Что ни говори — старик, больной и немощный. Переезжайте. Дом, огород, корова — хозяевами будете, — язвительно пересчитывая свое добро, отец не сводил с Рауфа налитых кровью глаз.

— Ты ведь знаешь, что я работаю, да и семья не захочет, — произнес Рауф, надеясь, что отец уже смирил свой гнев.

— Ну, так и иди! Иди к своей семье! И чтобы я вас больше не видел. Собачьи дети! Я и сам кобель, раз породил вас! И даже на похороны мои не являйтесь! — отец грозно двинулся на Рауфа.

Рауф попятился и вышел во двор.

— Иди сюда, Кобек! — рявкнул выскочивший из дома отец.

Рауф остановился и увидел перед собой совсем другого человека.

— Деньги у тебя есть? — униженно спросил отец.

Рауф вытащил из кармана свернутые бумажки.

Отец выбрал из них пятирублевку и выкрикнул:

— На бутылку! Это все, что вы можете дать родному отцу... — и судорожно мотнул головой: — Убирайся!

Рауф, подавленный, зашагал со двора.

— Собачье отродье! — несло ему вослед. — Пожалеть решили. Я вам пожалею! Я пожалею! Отца забыли, так и самих себя забудете! Так и будет!

Возвращение домой было тягостным. Он долго еще вспоминал эту поездку. Вместо того, чтобы избыть свою вину, он еще сильнее ее почувствовал: каким он был — неблагодарным, таким и остался. История с Риммой отодвинулась вдруг на дальний план, хотя ненависть к учительнице еще просыпалась в нем. Но главное — отец. «Если я виноват перед отцом, если не мог ему сделать доброе, то какой вообще от меня толк?» — этот вопрос, неожиданный для него самого, требовал ответа, но предпринять что-то конкретное он не решался.

По возвращении он закатил жене скандал.

— Это ты виновата в том, что мы тогда не съехались с отцом! — выпалил он.

— Ну, и жил бы со своим алкашом, а он бы еще и мачеху привел, — она отреагировала спокойно, понимая, в каком он состоянии.

— Ну, и жил бы — это ведь мой родной отец! Но ты и матери сделала больно, когда не поехала на похороны!

— Я же болела тогда, сколько можно говорить об этом! — не чувствуя за собой вины перед матерью Рауфа, она тут же поменяла тему разговора. — А отец сам от тебя отвернулся. Разве ты не говорил этого? — пытаюсь уколоть, она предъявила свой главный козырь.

— Но это же было после всего, а если бы мы жили вместе, он не стал бы таким.

— Если бы! Если бы! Откуда ты знаешь? — Кунбийке тоже повысила голос.

— Я-то знаю. Это ты испортила мою жизнь. И мои дети ответят когда-нибудь такой же неблагодарностью. А случись что-нибудь со мной, ты меня уж точно без призора оставишь! У тебя же во всем расчет! — произнося эти обличительные речи, Рауф гневно сводил брови и все сильнее озлоблялся.

— Ну, хорошо, я плохая! Так ты будь хорошим, настаивай, убеждай! Но я ведь чувствовала тогда, что ты и сам не хочешь съезжаться!..

— Не выдумывай! — оборвал ее Рауф и тут же осекся: ведь это была правда, в которой он сам себе не признавался. А чтобы не показать, что жена попала в самую точку, он с угрозой произнес: — Я вот теперь поставлю на своем! А тебе все припомню! — он даже покрутил в воздухе пальцем, так распалился.

— Да у меня и так никакой жизни нет! Зачем только я детей родила! — выкрикнула она и заплакала.

Обстановка в доме стала невыносимой. Но Кобеку по-прежнему, как и до поездки к отцу, хотелось только одного: услышать, все равно от кого, свое собственное имя. И в те дни, когда он с утра до вечера бездельничал — ни собраться с мыслями, ни устроиться на новую работу он не мог, — случилось нечто, чему он придал очень большое значение. Принимая душ, он, сквозь шум лившейся воды, различил однажды сердитый окрик:

— Кобек, иди сюда! — голос был очень знакомый, и Рауф подумал, что это отец зашел ненароком, однако, выйдя из ванной, никого не обнаружил.

Тогда он решил увидеться с братом, хотя заранее знал, что пользы от этого будет мало.

— Заблудился что ли, Рауф Алимжанович? — приветствовал его оторопевший брат.

— Не зови меня так, Самет, — недовольно сказал Рауф, не переступая порога квартиры.

— Прикажешь называть тебя Кобеком? — усмехнулся Самет.

— Да, именно так.

— Но ты же обижался, когда я называл тебя так по привычке! — удивился Самет.

— Я был не прав, ведь так звала меня наша мама! — проговорив это, он кашлянул, подсказывая брату, что эта тема исчерпана. — Выйди, пожалуйста, Самет! Ты мне нужен, — сказал он голосом старшего.

— Да ты заходи, дома и поговорим, Лялька нам что-нибудь приготовит, — Самет не дождался ответа и стал одеваться.

Из комнаты тем временем высунулась светловолосая, перемазанная всеми тенями и румянами жена Самета.

— Заходите, Рауф. Зачем же в дверях стоять! — и женщина набросила на свое лицо приветливую улыбку.

— Здравствуй, Лялька! Самет мне на минутку нужен, — виновато проговорил Рауф.

— Секреты от меня? Я обижена, — сказав так, блондинка фыркнула и исчезла в комнате, но быстро вернулась и вопросительно посмотрела на Рауфа.

— Я хотел поговорить об отце, — сказал Рауф.

— Что-нибудь случилось? — бросила искрометный взгляд синеглазая Лялька.

— В том-то и дело, что ничего, — сказал Рауф.

— Ну раз так... — Лялька махнула рукой и исчезла насовсем.

— Ей до лампочки, в общем-то, как и мне, — проговорил Самет, закрывая за собой дверь.

Рауф молча спускался по лестнице. Во дворе он повел брата к дальней скамейке и, когда они сели, начал разговор.

— Я последнее время много думал о нашей жизни, Самет. Чего-то мы не понимаем. Я убежден, что до сих пор жил неправильно. Думал только о себе, а человек не

имеет права забывать тех, кому обязан жизнью, он должен отвечать за свои поступки. Взять хотя бы нас с тобой. Мы братья, а живем как чужие. Не то что жены, даже наши дети не знают друг друга, а когда вырастут — и вовсе потеряют родство. Это ведь ужасно, что между нами оборвались все связи. Мать наша умерла, светлая ей память, она не давала им угаснуть. Но у нас есть отец — пока что глава рода. И, по-моему, мы должны чтить его и все сделать для того, чтобы с ним помириться, — Рауф замолчал и пристально посмотрел на брата.

Ростом и лицом Самет был удивительно похож на отца. Белокожий, с прямым носом, даже усы отпустил, как у отца, чтобы прикрывать ими некрасивые тонкие губы. Кобек вспомнил, что Самет в детстве был любимцем отца. Отец всегда ставил Самета в пример, и Кобек даже ревновал его к брату.

— Ты, Кобек, действительно изменился. Только недавно говорил, что отец нас позорит, и хотел даже, чтобы его поскорее поглотила земля... — усмехнулся Самет.

— Я был неправ, я зря грешил, — сказал Кобек.

— А я вот себя грешным не считаю. Ты вспомни, разве мы мало сделали, чтобы между нами были нормальные отношения. А как он нас погнал и проклял, помнишь? Наверное, и это бы снесли, если бы он не женился. В его-то годы так опозорить нас! Нет, нет! — и Самет сказал, как отрезал: — Ты как хочешь, а у меня нет отца!

— Но ведь мы сами виноваты, Самет. Никто из нас не хотел взять его к себе. Ты — из-за своей Ляльки, я — из-за Кунбийке. А ведь можно было съехаться и жить с ним. Он просто вынужден был уехать. Да и относиться к нам — таким жестокосердным — по-доброму он тоже не может.

— Да брось ты! Что он, из-за нашей жестокосердности женился? По-моему, из-за чего-то другого! А как он унизил нашу мать! И ты после этого защищаешь... — дернул плечами Самет.

Кобеку вдруг представилась сцена из детства, как маленький Самет ползает по волосатой груди отца и они оба визжат от восторга, а он, будто раненный, лежит под одеялом в своей кроватке и тихо стонет, незаметно подглядывая за их весельем.

— И все же жалко, он — наш отец, — проговорил Кобек.

— Ну, хорошо, чего ты хочешь? — прямо спросил Самет.

— Я думаю, что мы должны взять отца к себе.

— Бери! — выпалил Самет.

— Я бы взял, но у меня, ты знаешь, двое детей и квартира однокомнатная. К тому же родители, по обычаю, должны жить с младшим сыном, а я бы, конечно, помогал ему материально.

— Ну, нет! — выкрикнул Самет и резко встал. — Нашел дурака! Дело даже не в Ляле, я и сам этого не вынесу. Плевал я на обычаи, раз у нас такой отец!

— Да, — вздохнул Кобек. — Я знал, что ты так скажешь.

— А зачем же прикатил ко мне с таким предложением?

— Да, видишь ли, как-то нехорошо себя чувствуешь, когда родной отец прокликает тебя. А что будет с нашими детьми, если и мы дойдем до того, что проклянем их?

— Не беспокойся, не проклянем! — самодовольно проговорил Самет. — Ты, я вижу, и вправду изменился. Какой-то чувствительный стал, где только твоя твердость?

— Глупости все это...

— Нет-нет, я же помню, как ты учил меня еще несколько лет назад, что главное — поставить цель и достичь ее любыми средствами. — Я-то думал, что ты уже в высших сферах!

— Глупости все это, глупости. Не это главное. Надо делать то, чего душа просит, тогда в жизни есть какой-то смысл. А жить наперекор своим желаниям — насилие над собой. Я бросил свой институт, потому что судьба чиновника претит мне, да и нервишки когда-нибудь подвели бы меня...

— А где же ты сейчас?

— Да нигде. Выбираю работу по душе.

— По душе? — передразнил Самет, напомнив отца даже своим голосом. — Не бывает работы по душе. Что будет, если весь мир станет работать по душе? Все захотят быть артистами или писателями, что тогда?

— Все не захотят, — возразил Рауф.

— Ну а вдруг? — упрямылся Самет.

— ...

— Вот так-то! — удовлетворенно проговорил Самет. У Рауфа не было веских аргументов, и, оставшись при своем мнении, он не стал спорить с братом.

— Ладно, я пойду. Только из-за этого я и приходил, — сказал Рауф, вставая со скамейки.

— Ничем не могу тебе помочь, — бросил на прощание Самет. Но когда они дошли до подъезда его дома: — Если хочешь — заходи, — пригласил он без особого желания.

— Да нет, спасибо, — проговорил Рауф, скрывая возникшую вдруг обиду. — Прощай, — и он протянул брату руку.

— Прощай, Кобек, — Самет усмехнулся и холодно ответил на рукопожатие.

— Кобек! — окликнул Самет, когда его старший брат уже дошел до угла дома.

Этот голос был очень похож на тот, который Рауфу так хотелось услышать, и он оглянулся.

— Да нет, ничего, — махнул рукой Самет и исчез в дверях.

В эти дни жена неожиданно заявила ему:

— А знаешь, Рауф, я встретила на улице Адлеса, помнишь, того парня с нашего двора, он еще на свадьбе нашей был?

— Это тот, что ухаживал за тобой? — усмехнулся Рауф.

— Скажешь тоже ухаживал! — улыбнулась Кунбийке. — Просто проходу не давал. Но не в этом дело. Он сказал, чтобы я тебе — Кобеку, так он тебя и назвал, передала привет. Странно все-таки, прошло столько времени, а детское прозвище все еще не забылось. Мне так неудобно стало, когда он тебя так назвал! — и она развела руками.

— Ничего тут нет странного, меня раньше все так звали! — резко проговорил Рауф.

Последние дни он часто выказывал свое нерасположение, и жена поэтому не обратила никакого внимания на его тон. Только с явной насмешкой повторила несколько раз:

— Кобек! Кобек! Как это забавно!

— Чего это ты смеешься? — взорвался Рауф. — Меня всегда звали Кобеком, называйте так и сейчас. И ничего смешного в этом нет!

Жена повертела головой.

— Ну, что ж, если тебе так хочется, я буду называть тебя Кобеком. Вот только дети, что они подумают? — сказала она и вопросительно взглянула на мужа.

— А что дети? Не стыдиться же мне собственного имени?

— Но Рауф — все-таки лучше, благороднее? — и жена не отрывала от него вопросительного взгляда.

— О чем это ты? Аллах мой, о каком благородстве имени может идти речь. А Кобек, если хочешь знать, это прославленное в истории имя — так звали знаменитого половецкого хана, жившего тысячу лет назад!

Рауф подивился выскочившим вдруг словам, потому что про хана Кобека узнал совершенно случайно: прочитал об этом когда-то и удивился совпадению... Но все это было так давно, что он не мог понять, почему сейчас вспомнил об этом.

— Ну, если я буду так тебя называть, ты не обидишься? Хотя нет, я буду звать тебя, как и прежде, Рауфом.

— Как знаешь! — буркнул Рауф-Кобек и вышел на балкон, надеясь вернуться к своим привычным раздумьям.

Но в голову ничего путного не шло. Он стоял на балконе и смотрел на зеленые предгорья, окружавшие дома, на облачное небо. Ему казалось, что там, где небо соприкасается с землей, скачет всадник на белом коне. Подумалось вдруг, что это скачет он сам. Но, опомнившись, он трезво спросил себя: «Чего это я должен там скакать и на каком, спрашивается, коне — его ведь теперь ни за какие деньги не достанешь. И почему, собственно, я вижу себя там, когда на самом деле я здесь, на балконе?» — все-таки можно было удивляться: и своему неумному воображению, и этим вопросам...

— Иди сюда, Кобек, — окликнула его жена.

Рауф-Кобек не удивился этому новому обращению, но удивил этим свою жену. Не зная, какой будет реакция мужа, Кунбийке натянуто улыбалась, но, увидев серьезное лицо Кобека, сказала привычно:

— Я займусь стиркой, а ты погуляй, пожалуйста, с детьми.

Рауф-Кобек ничего не ответил и повел уже одетых девочек на улицу.

Так он во второй раз стал привыкать к своему имени. Проходя как-то по улице, он снова услышал: «Кобек!» – но голос на этот раз был абсолютно реальный – навстречу ему торопился Адлес.

– Как же давно мы не виделись, Кобек! – проговорил молодой человек и обнял его.

Кобек немало удивился этому объятию...

В те годы, когда он работал в своем институте, ему было не до разговоров, а уж Адлеса-то он и вовсе не замечал. Коротко отвечал на его приветствия и с деловым видом проходил мимо.

Теперь же они разговорились. Рауф недоверчиво глядел на рослого худощавого приятеля, пытаясь обнаружить в нем знакомые черты. Они познакомились, когда Рауф ухаживал за Кунбийке, а значит давненько. С тех пор утекло немало воды, и поэтому сейчас в лысеющем здоровяке с кофейным лицом он с трудом узнавал того худенького паренька по имени Адлес. Было время, когда он как тень ходил за ними. Рауф был постарше Кунбийке, а Адлес был ее ровесником. По всему было видно, что он влюблен в Кунбийке, но девушка не принимала его всерьез. Рауф приходил во двор, где жила Кунбийке, и всегда замечал, как недружелюбно ведет себя этот парень. Но он не обращал на это внимания и, поджидая Кунбийке, играл с ним в шахматы. Когда Рауф и Кунбийке уходили, он чувствовал на себе ревнивый взгляд Адлеса. И вечерами, когда Рауф провожал девушку до дома, он обязательно встречал Адлеса. А однажды, когда жених и невеста уединились в поздний час, чтобы потолковать о своем будущем, Кунбийке затряслась от страха и прижалась к Рауфу.

– Там кто-то есть в кустах, – прошептала она дрожащим голосом.

Страх передался Рауфу, и он встал, вгляделся в темноту и сделал шаг вперед. За кустами послышался шорох. Рауф прыгнул в кусты и увидел убежавшего человека. Он тотчас узнал Адлеса. На свадьбе Кунбийке и Рауфа парень не сводил глаз с невесты. Рауфа это раздражало, и он постоянно следил за Кунбийке: не отвечает ли она на эти взгляды. До ревности тогда не дошло, ведь Кунбий-

ке относилась к Адлесу как к мальчишке, и это успокоило Рауфа. Потом Адлес уехал учиться, но поступил, как говорили, не сразу, где-то работал, служил в армии, а в городе объявился несколько лет назад с дипломом выпускника института культуры. Здесь он женился, и теперь у него уже был сын.

Год назад Рауф был приглашен в гости к школьному другу — художнику и там, к своему удивлению, встретил Адлеса, который в это время готовил какую-то выставку. В этой компании все называли Рауфа Кобеком, потому что знали его с детства, и Адлес с тех пор называл его только так. Замечая неудовольствие Рауфа, он с каким-то мстительным удовольствием повторял это имя.

Рауфа это всегда раздражало, но в последний раз он отнесся к этому довольно равнодушно. По видимому, он уже попрощался с «Рауфом»...

Адлес рассказал тогда о себе, расспросил о жизни Кобека, о здоровье Кунбийке. Узнав, что Кобек без работы, сообщил, что есть неплохая должность в обществе охраны памятников, и даже пообещал похлопотать за него в управлении. Кобек не очень-то поверил ему, но через неделю, наведавшись в управление, встретил там Адлеса, и тот в самом деле представил его начальству.

Как в пустыне

Когда он был Рауфом, то жил по четкому расписанию, стараясь не терять не только часа, но даже минуты. Казалось, что, остановись его часы — остановится и сердце. Но с тех пор, как он ушел из проектного института, его часы с замершими стрелками пылились на крышке шифоньера, и он заметил их только тогда, когда стал ходить на новую работу: взглянул на них неодобрительно и положил обратно. Став Кобеком, он все чаще видел себя босоногим мальчишкой, скачущим по улице на деревянном коне.

Жена и не представляла его таким. Не успела она привыкнуть к его раздражительности, как он стал из-

бегать всякого общения с ней. Обычно, если Кунбийке не была занята по дому, она смотрела по вечерам телевизор, смотрели и дети, если шла какая-нибудь сказка, а если нет — играли на полу — ни Кунбийке, ни даже Рауфу шум никогда не мешал. Теперь же Кобек искал уединения. Телевизор не смотрел принципиально, разве что детективы. Уходил с книжкой на кухню, а если у Кунбийке были там какие-то дела, разворачивался и шел в туалет; сидел там до тех пор, пока укладывавшиеся спать дети не начинали тарабанить в дверь, тогда он выходил и искал другого уединенного места.

— Что ты как наэлектризованный? Или у нас полюса разные? — заметила как-то жена.

— Может быть, — неопределенно ответил он. Только по ночам они были рядом, и то только из-за того, что у него не было своей постели. Обнимая жену, он замечал, что стал абсолютно холоден к ней, у него даже было ощущение, что он отбывает какую-то повинность. Были случаи, когда он одетым засыпал на диване, но, чтобы не задеть ее женское самолюбие, виновато признавался наутро, что это получилось у него случайно.

* * *

Мужчина, которого когда-то звали Рауфом, женился сразу после окончания института. Он исполнил волю родителей, хотя и сам полагал, что женитьба — это необходимость, которую не обойти. Мать торопила его из-за Самета, у которого уже была невеста, но по обычаю он не мог жениться раньше старшего брата. С Кунбийке его свела невеста младшего брата, которая, в нарушение народных обычаев (и прикрываясь обычаями городскими!) хаживала в гости к Самету и Самета приглашала к себе. Отец и мать всегда баловали своего любимчика, а потому и сейчас смотрели на все сквозь пальцы. После знакомства с Кунбийке Рауф не показывался с ней у родителей — обычай это запрещал, а встречался с ней в укромных, скрытых от глаз родителей, местах. Он сразу

же смекнул, что девушка себе на уме, сноровистая и хозяйственная. Она даже сама готовила себе приданое долгие годы — невеста Самета сказала об этом Рауфу. А Кунбийке она сказала, что у Рауфа есть диплом, и про однокомнатную квартиру, а то, что жених недурен собой, Кунбийке увидела сама. О любви и страсти ни тот, ни другой не думали. Следовали обычаю и радовались, что кем-то и когда-то так было заведено.

И даже свадьба была сыграна только для проформы. Собрались человек по двадцать с каждой стороны в отцовской квартире, свезли приданое в квартиру Рауфа, а потом пошли в ресторан: самые смелые, человек десять, произнесли тосты, а после всего этого полупьяные потанцевали под оркестр; когда их заставили поцеловаться по-русски, гости прятали глаза от стыда. И никаких обрядовых церемоний: ни согревания лица, ни показательного танца невесты, не говоря уж о сложных приготовлениях сватов со стороны невесты. Все просто! Наутро они проснулись как муж и жена. Рауф в глубине души надеялся, что что-то у него изменится в этот знаменательный день, ожидал каких-то необычных ощущений и прилива новых сил. Но надежды не оправдались, хотя то, что Кунбийке была невинна, все-таки порадовало его. До Кунбийке у Рауфа были женщины, и все же он был не настолько опытен, чтобы насладиться моментом в полную меру; он, конечно, старался быть пылким, но и Кунбийке, так же как он сам, хорошо запомнила наставления родителей: даже, когда он ее целовал, она стыдливо отворачивала голову и закрывалась руками. Наутро он увидел отвернувшуюся к стене Кунбийке, сказал сам себе: «Ничего хорошего», но быстро поправился: «Разве в этом дело!», — и утешил себя тем, что могло быть хуже, если б невеста не была невинна. Потом они разом встали с постели, и так, будто долгие годы прожили вместе, стали переговариваться и наводить порядок в квартире.

Все заботы о доме и семейных расходах Кунбийке взяла на себя. Рауф и сам не хотел в это вмешиваться.

До рождения детей Кунбийке копила на мебель потом — на телевизор и ковры. С детьми она неторопилась, считала, что надо сперва обустроиться. В их тесной квар-

тире очень скоро появился импортный гарнитур, потом телевизор и ковры... Отпуск они проводили вместе — на море. Жили ладно, и хотя Рауф был старше, Кунбийке верховодила в доме и тонко управляла действиями мужа. Да и тогдашний Рауф не прекословил ей, считался с ее советами и жил экономно: даже на карманные расходы не оставлял себе ничего. Они перестали ходить в кино — разве телевизора недостаточно! Устраивались у экрана сразу после ужина и смотрели все подряд, даже программы передач на следующий день не пропускали. Наверно так чинно и текла бы их семейная жизнь, если не одно обстоятельство. У Кунбийке, по ее слова было большое сердце, и Кобек всерьез беспокоился о ее здоровье. В момент каких-то разногласий, что бывало нередко, она держалась за сердце и чуть не падала в обморок. Рауф, напуганный, осуждал себя за то, что довел жену до обморока, и подавал воду, и немедленно соглашался с ее мнением, и даже извинялся... Ссоры были пустяшные: кому сходить в магазин — ему? Но ему этого не хотелось! Надо бы вытряхнуть ковер сегодня — но сегодня ему было некогда! Или требовалось съездить на базар, а он не хотел. Когда Кунбийке не в силах была убедить мужа она начинала жаловаться на сердце... Но Рауф не чуял подвоха, и даже знакомых уведомил о ее серьезной хвори. Когда умерла его мать, Кунбийке заявила, что не вынесет этого скорбного зрелища, и не поехала на похороны. Рауфа укоряли близкие за то, что похоронах нет новости, он же искренне защищал свою жену, уверяя родственников, что она тяжело больна.

Беспокоясь о ее здоровье, он даже уговорил одного знакомого врача сделать жене кардиограмму, и... оказалось, что оно у нее совершенно здоровое. Кунбийке оправдывалась, но оправдания звучали нелепо: не могло же, в самом деле, большое сердце излечиться в одночасье. Рауф был возмущен притворством жены и не простил ей того, что, когда его постигло такое великое горе, как смерть матери, она коварно воспользовалась этим предложением. Уличенная в притворстве, Кунбийке больше не заикалась о больном сердце, но вела себя так, будто ничего не произошло. Она не чувствовала за собой никакой вины. В тот же год родилась Алтын. Появление

ребенка в семье принесло новые заботы и заняло все внимание молодых родителей — у них просто не оставалось сил на выяснение отношений.

Неискренность жены сделала неискренным и Рауфа. Разрыв между супругами становился очевидным. Совместная жизнь стала почти невозможной, когда Кобек решил покончить со своим двойным существованием...

В проектном институте его считали знатоком своего дела и примерным работником. К нему обращались по всем вопросам современного градостроения, но знания его были невелики, и всех обманывали его умение вести себя и видимая усердность. Он давно понял, что выделяться из общей среды невыгодно. В институте успевающие студенты были предметом насмешек как однокурсников, так и преподавателей, а способным доставалось за то, что они были в центре внимания: с них больше спрашивали, их отсутствие замечали, на них вымещали злобу те, кого они обходили. Намявшись в школе, студент Карамов старался не повторять ошибок прошлого и затеряться в середнячках. Он все делал вовремя, не пропускал занятий, но и в отличники не рвался, понимая, что главное — не растратить себя за пять лет учебы. Принцип был верен, и он старался не изменять ему: быть как все — таким, каким его хотят видеть, и это ему удавалось. Когда он был вознагражден за свое усердие продвижением по службе, он ничуть не удивился, ведь он знал, что этот принцип беспроегрышен.

Так бы у него все и продолжалось, наверное: достиг бы и степеней известных, и положения. Но потрясение, испытанное в доме Риммы, открыло в нем какие-то затаенные душевные силы. «Планировать улыбки для людей!», — с горькой усмешкой вспоминал он слова своего отца, и все ученые занятия стали казаться Рауфу верхом пошлости. Прожитая жизнь представилась вдруг светливой возней, и ему захотелось чего-то неизведанного. Привыкший к самоанализу, он уже не мог скрывать от себя, что прошлое было бессмысленной тратой времени. Даже не верилось, что он мог жить так, словно служил у какого-то всевластного господина, повелевавшего ему толочь воду в ступе и переливать воду из пус-

того стакана в порожний. Архитектура, в которой все было унифицировано и существовало под девизом: просто, экономно, эффективно — и была тем господином. Город развивался в одном направлении и во время его работы, и раньше. Архитектурные разработки, пришедшие к ним со всех концов страны, копировались их институтом и тиражировались. Как-то он хотел оценить эстетическую сторону своей работы и увидел перед собой голую пустынную местность. «Казармы, бараки, улы», — неистовствовал уже не Рауф — Кобек.

Душа его жаждала какой-то вдохновенной деятельности, но он не знал, в какой именно области. Естественные науки он сразу же отгнул, поскольку никогда ими особенно не интересовался, да и знаний было маловато. В гуманитарных науках он тоже подотстал. Многие в наш век мечтают быть отшельниками, но он, человек городского склада, да еще градостроитель, не питал к природе особой страсти. Может быть, спорт? Он любил спортивные передачи, но заниматься спортом у него не было никакой охоты...

Он тосковал по человеческому идеалу, но не находил его даже в книгах. «Ногаец с испанской кровью», каким был Кобек еще совсем недавно, любил только детективы и фильмы с «клубничкой». На чтение у него не хватало душевных сил, хотя сам он говорил, что не хватает времени. За два часа у телевизора или в кино — он просматривал книгу, на чтение которой надо было потратить месяцы. Для человека практичного это, конечно же, было непозволительной роскошью.

Того делового человека, которого звали Рауф, привлекали только два типа героев: первый — герой-любовник, мужчина, умеющий любить красивую женщину и добывающийся ее расположения, или, что еще лучше, всеобщий любимец, любящий многих женщин... И второй герой — детектив, распутывающий длинную цепь преступлений: бывало и так, что его симпатии завоевывал преступник, искусно творящий злодеяния, но — по досадным законам жанра — не уходящий от расправы. С героями литературных произведений было сложнее. В детстве ему нравились благородные разбойники вроде

Робин Гуда или Залимхана; он часто представлял себя и Робинзоном, побеждающим страх и одиночество; и мятежным Спартаксом, восставшим против патрициев; немало повзрослев, он воображал себя графом Монте Кристо и героем Джека Лондона; еще позже — в студенческие годы — его восхищали гении и финансисты Драйзера, жертва собственного преступления Раскольников, Григорий Мелехов, попавший в сети исторических парадоксов...

Все эти герои жили в его воображении, но в действительности он их не находил. Сопереживать им было трудно, но соотнести их опыт со своим собственным Кобек не мог.

Как всякий ногаец, Кобек не шутя интересовался историей. Даже тогда, когда он заставлял себя забыть собственное прошлое, он не забывал о прошлом своего народа: почитывал исторические труды, интересовался археологическими изысканиями... Правда, тогда это было скорее любопытство, которое удовлетворялось без отрыва от насущных дел. А любопытство подогревалось тем, что в его паспорте черным по белому было написано: ногаец.

Историей он увлекался и в школе, и в институте: читал все, что попадалось под руку, — и учебные пособия, и исторические романы. Хетты и шумеры, древний Вавилон и Египет, история Греции и Рима — все его занимало так же сильно, как события недавнего прошлого. Рушились и рождались империи, строились башни, пирамиды, аллеи славы, триумфальные арки — его сознание наполнилось всем этим. О ногайской истории он хотел знать гораздо больше, но знал только то, что его народ имел когда-то государство, претерпел массовое переселение в Турцию и страшные междоусобицы. Он читал об этом в разных научных изданиях, многие из которых передавались из рук в руки и были нарасхват в среде его друзей — ногайцев не только вдали от родины, но и дома. Ногайская история вызывала у Кобека чувство горечи, и он негодовал на безумных правителей, обрекших его народ на самоистребление... «Безумцы! — хотелось ему прокричать этим властолюбцам, обездолившим народ. — Некому чтить вас, ибо нет у вас

потомства!» Кобек чувствовал себя опустошенным, но уйти от этой правды уже не мог.

Он не думал о себе как об исследователе или создателе исторических трудов просто не мог отрешиться от исторических параллелей, вмешивавшихся во все его дела.

И его новая работа в обществе охраны памятников его, конечно же, радовала.

Приступив к работе, он сразу же понял, что движется вслепую — ему явно недоставало знания предмета. И хотя его работа, как и работа других сотрудников общества, не требовала научной подготовки — кто-то из его коллег подшивал бумажки, кто-то регистрировал почту — Кобек стал серьезно знакомиться с литературой, посвященной памятникам культуры. Чтение это было беспорядочным и убедило лишь в том, что местные достопримечательности были в полном забросе и никем и никогда не охранялись. Не то что исчезнувшие в прошлых веках мечети и мавзолеи, дольмены и даже городища, но и памятники, еще не так давно упоминавшиеся в литературе, в каталогах общества отсутствовали — на их месте, как оказалось, уже давно стояли жилые дома или заводы. Кобек не слишком удивился этому, поскольку в газетах нередко появлялись заметки об исчезнувших или уничтоженных памятниках старины — так было всюду. Даже в столице не все было благополучно. Уродовались старые улицы, сносились и барокко и ампир, приходили в запустение целые архитектурные ансамбли. И все же перемены к лучшему намечались в столице, а вот в провинцию эти идеи не торопились, а если и попадали, то долго не могли расшатать утвердившихся представлений.

В первый же год работы у Кобека вышла история с одним курганом. Он был, что называется, учтен, но строители, несмотря на это, снесли его при расширении химического завода. Областной архитектор уверял, что на его карте кургана не было. И, как ни старался Кобек доказать существование и историческую ценность этого кургана, ему это не удавалось: представители городских властей, которым он объяснял положение, и слушать его не хотели. А руководство химзавода стояло на том, что

никакого кургана и в помине не было. Поводом для беспокойства послужило анонимное письмо, в котором сообщалось о том, что нарушен закон, а виновники не наказаны. Кобек перезнакомился с уймой людей, работавших на заводе, но найти автора письма не смог. «Может, кто-то подсиживает директора, и дело вовсе не в кургане, хотя... — оборвал себя Кобек, — какое это имеет значение!..» Курган был, и это подтверждали рабочие, которые видели какой-то холм, и даже человеческие останки. Черепом они потом долго пугали друг друга, но вскоре он исчез, и никто не мог сказать, куда.

Кобек тогда написал статью в местную газету, но ее вернули в управление культуры с просьбой перепроверить эти факты.

Начальник управления вызвал Кобека и, указав на то, что памятники старины следует охранять до того, как они уничтожены, чуть было не вклеил ему выговор. Кобек пробовал объяснить, что уследить за всеми стройками невозможно и что очень немногие в их обществе обеспокоены этим всерьез, а энтузиастов — общественников найти почти невозможно. Начальник выслушал его с неудовольствием и сурово осудил за самостоятельность и желание вступать в спор с начальством.

— Работать надо, а не спорить. Ваше дело — охранять памятники. И больше следите за тем, что содержит положительный опыт наших предков. Отголоски всех этих пережитков и реакционных настроений нам не нужны: Точнее сказать, нам нужно то, в чем проявились лучшие традиции народа. А ты, я слышал, сожалеешь об исчезнувших мечетях. Какие-то религиозные настроения! — начальник с усмешкой и даже укоризной посмотрел на Кобека.

— Но при чем же тут религиозные настроения, ведь эти мечети строил народ, а не князь и не мулла.

— Ну вот, опять возражаешь! Мечети для того и строились, чтобы победили реакционные настроения, а ведь они — это надо понимать! — передаются потомкам!..

Кобек хотел было возразить, но начальник уже ставил точку:

— Все! За невыполнение своих прямых обязанностей объявлю тебе, Карамов, предупреждение, хотя мог бы и выговор!

— Я, Магомед Султанович, все равно остаюсь при своем мнении. За снос исторического памятника руководство завода должно быть наказано.

— Да с чего ты взял, что это памятник? — удивился начальник.

— Существует регистрационная запись. И она сделана задолго до моего прихода на работу.

— По-твоему, что ж, никто на заводе об этом не знал? И архитектор области тоже?.

— В этом надо бы разобраться. Но у меня нет никаких полномочий и никто со мной не считается. А курган действительно был историческим памятником. Сами рабочие говорили, что на этом месте были найдены человеческие останки.

— Человеческие останки! — ухмыльнулся начальник. — Да мало ли их на белом свете! Если мы будем охранять какие-то кости, ни на что другое не останется времени. Ты только вникни в это!

— Но курган — это историческое захоронение, разве этого мало? А может быть, там еще что-то было, но никто этого не заметил?

— Может-может! — передразнил начальник и решительно добавил: — Ничего там не было, кроме жалких останков.

— Ну, а теперь и их нет!

— Да зачем они тебе, зачем? — начальник начал терять терпение.

Кобек хотел сказать, что кощунство — нарушать покой усопших и что он бы не хотел, чтобы самого начальника, в неблизкие, конечно же, времена постигла такая участь, но не сказал, чтобы не показаться бестактным.

— Это нужно для музея! — выпалил он.

— Да ты понимаешь, что будет, если мы все найденные черепа начнем таскать в музей, а?

— Понимаю. Но по черепу могли восстановить лицо и вполне вероятно, что это какая-нибудь историческая личность. А может, и еще о чем-то рассказали бы эти останки?

Этот вопрос Кобек задал и самому себе. Неожиданно вспомнилась фотография, на которой была пирамидка из черепов, изъятых из ногайского мавзолея, — картина была страшная, но заставляла задуматься.

— Этих курганов миллионы, — начальник устал спорить и уже не казался таким бодрым, как всегда. Неожиданно он сменил тон и заговорил почти доверительно: — Другое дело, если бы это был череп какого-нибудь питекантропа или другого представителя древнего мира — юрского, там, или другого какого-нибудь периода. Ты мне такое найди... Ну, что представляет интерес для науки. Уникальное что-нибудь. Найди — и тогда поговорим.

— Будем искать, — пробурчал Кобек.

— Настырный ты, Карамов! И откуда ты только такой взялся! — устало проговорил начальник и помахал перед лицом ладонью как веером.

Кобеку ушел, чувствуя себя еще более опустошенным.

Ему стало ясно, насколько равнодушны его земляки к истории родного края.

— Курган, простоявший столетия и нетронутый, а значит, кем-то охраняемый, снесен в двадцатом веке, когда, казалось бы, сознание людей выросло... Как ты на это смотришь? — спрашивал он Адлеса, который частенько заходил в его кабинет.

— А что такое курган, если в нем ничего нет? — фыркнул Адлес.

— Как это — ничего? Да, по мне, иной курган интереснее архитектурного шедевра. Разве мы не должны знать, как трудились наши предки, как относились к ближним...

Но Адлес пропуская мимо ушей эти слова, и, похоже, они его даже раздражали.

Кобек не мог понять, почему так нелюбознательны эти молодые люди.

— Ну, хорошо, если у тебя нет интереса к прошлому, то, может быть, будущее тебя волнует? Или тебе все равно, сохранят наши потомки то, что мы создали, или разрушат?

— Если все это будет им не нужно, пусть разрушают...

— Ну, нет! Я бы все-таки оставил парк, в котором и

сам когда-то посадил дерево; оставил бы довоенные постройки, да и здание нового театра должно сохраниться — оно хоть и безобразно, но многое может сказать о нашей эпохе.

— Меня это совсем не волнует, — отвечал Адлес. — Потомки сами во всем разберутся, а ты это говоришь потому, что сейчас многие идеализируют прошлое.

Кобека поразило, что Адлес говорит такие заученные слова. «И он вовсе не исключение, превратить землю в пустыню способен каждый», — заключил он.

Когда, в начале работы, Кобек засел за исторические труды, его любовь к этой науке стала еще сильнее, однако после поездок по ближайшим районам он попросту спик. Кроме двух — трех христианских храмов, нескольких разрушенных ногайских крепостей на территории области ничего не сохранилось. Исчезли мечети, остатки мавзолеев, разобраны и куда-то спрятаны дольмены. Отношение к старине было варварское. В одном из аулов он увидел кипчакскую бабу с отбитой головой, она служила столбом, к которому прикреплялись ворота. В основании забора он заметил несколько надмогильных плит со стертыми надписями. Кобек стал выяснять, откуда они, но никто толком ничего не знал. Спасти плиты было невозможно, поскольку для этого пришлось бы разбирать весь забор — предлагать такое хозяину не имело смысла, и Кобек попросил его отдать школьному музею хотя бы статую. Но хозяин наотрез отказался, сказав, что эту статую нашел еще его отец и что для всех будет лучше, если она останется на воротах. Кобек говорил, что на дворе ее может сбить трактор и что ее могут расколоть мальчишки, но все уговоры были напрасны.

Неудивительно, что, возвращаясь из таких поездок, он долго не мог прийти в себя: пустыня надвигалась на его дом, и он не знал, как этому помешать. «Все работают кое-как, чего же мне из кожи лезть!», — и Кобек попробовал стать прежним, и работать так же, как все его коллеги. С начальственным видом он представлял на открытиях только что построенных памятников, охранять которые придется еще не скоро, но необходимые бумаги он должен был составить и составлял. В об-

щем, занимался какой-то регистрационной волокитой, да время от времени «чтобы не застояться», как выражалось начальство, присутствовал на всевозможных лекциях и докладах. Шло время, а Кобек все не мог примириться со своим положением. Он, как и прежде, мечтал о вдохновенной деятельности и жаждал великих открытий. Предпринимать что-то было пока не в его силах, и он затаенно ждал своего звездного часа, который должен был когда-нибудь наступить. Только теперь Кобек не скучал. Он жил в мире своих фантазий, которым правил дух противоречия, и считал, что с помощью парадоксальных умозаключений и даже нарушения привычных норм сможет утвердиться в среде пустынников и невежд.

* * *

Как в школьные годы, так и теперь, он любил уединяться. В детстве он сторонился всяких компаний, а теперь уходил в себя, пренебрегая обществом близких и даже не замечая того, что творится вокруг. Кобеку было трудно с людьми, и он был счастлив, когда оставался один. Как пьют родниковую воду медленно и смакуя — вдыхал он теперь воздух свободы.

Но фантазии его были умозрительны и доискаться истины он пока не мог. Его знаний, однако, хватило на то, чтобы прийти к мысли, опровергавшей целостную систему развития общества. Он знал, что европейский прогресс стал возможен благодаря высокому уровню материальной и духовной культуры; размышляя о развитии своего народа, он вместо прогресса видел регресс, ведь все значительное — и в архитектуре, и в искусстве, и в литературе — было создано его соплеменниками в средние века. Двадцатый век принес его народу только забвение традиций и опустошение — и это, похоже, был неотвратимый процесс. Понимая это, он хотел вмешаться в него и прокрутить стрелки в обратном направлении: от все сметающих революционных дней до периода расцвета национальной культуры в двенадцатом-тринадцатом

веках, до эпохи Шарукана¹, когда его народ стал многочисленным, расширил границы своего государства, когда возникали новые, надежно защищенные города и росла материальная культура...

О многом передумал тогда Кобек. Эти мысли, как световые сигналы, вспыхивали в его сознании: шум еры, тенгрианство и шаманизм, древний Китай, скифы, древние тюрки, христианство и сам Иисус Христос, угроза ядерной войны, космические успехи нашей страны, фантастический взлет техники Японии, проблемы экологии и археологии, тайны народных врачеваний, загадка сновидений, синдикаты гангстеров и мафиози, масоны, Ближний Восток, детективная литература и кинопрокат — все это мешалось в его голове, и как ни хотелось ему упорядочить свои мысли, логической линии не возникало. Порой он даже боялся, что сойдет с ума в этом головокружительном омуте.

Легче было вообразить, что во всем есть какой-то невидимый и неизъяснимый порядок. «Но тогда, причем здесь я? — возмущался Кобек. — Кто-то изводит меня информацией, а потом следит, как я веду себя, и если захочет — ломает, как игрушку», — и чем дальше уносился он в воображении, тем больше укреплялся в своей правоте. В такие минуты он чувствовал себя песчинкой, взметенной страшным ураганом. И, хотя это было неутешительно, приходил к мысли, что так оно и есть. «Но если существует такая могучая стихия, то мне, может, и удастся подчинить себе этот хаос?» — слабейшая надежда держала его, как утопающего соломинка.

Иногда он спрашивал себя: «Дон Кихот — он таков от природы или таким сотворил себя, перевоплотившись или воплотившись в выдуманный образ?» Реального Дон Кихота он не мог себе представить, а самым истинным созданием природы считал Манилова. «До чего же трагическая личность!» — поражался он. Сам Кобек был далек и от того, и от другого. Он вообще не встречал в литературных сочинениях того, кто был бы хоть

¹ Шарукан — столица половецкого ханства, названа так по имени могущественного хана.

чем-то на него похож, а читал он в последнее время немало.

Ему очень хотелось представить себя литературным героем, но все известные типологические рамки были, по-видимому, слишком узки: он находил в себе множество несовместимых черт, которые отличали многих героев, но не относились к кому-то одному.

И опять ему приходило в голову: «А не игрушка ли я в чьих-то руках? Быть может, есть какой-то особый смысл в моем появлении на свет?» — и начинал анализировать сперва прошедший день, потом промелькнувший месяц, десятилетие... Недоумевал, почему он не поступил тогда иначе, и гадал, что бы вышло из этого; всегда, как ни странно, получалось, что все в его жизни могло быть гораздо лучше тогда-то и возникали эти гнетущие сомнения. Не мог он смириться с тем, что кто-то управляет его жизнью. Но ночью ему снился сон и на следующий день он встречал того человека, которого видел во сне. Случайность это или закономерность? И кто он хозяин своей судьбы или невольник? — на этот вопрос он не находил ответа. Легче было думать, что он невольник, и объяснять все фатальной неизбежностью. Но тогда возникал другой вопрос: если он невольник, то чей: неведомой высшей силы или своих собственных инстинктов? Об этом он думал постоянно.

Затерявшись в этой голой пустыне, он мог только иронизировать над собой: «Живу как парниковый огурец или инкубаторский цыпленок кто-то наблюдает за мной и ждет, когда я созрею»...

Но что же такое Земля, в таком случае? Подопытное поле, засеянное неведомо кем, или дикая пустыня, из которой должно прорасти красивое двуногое существо?

* * *

В подтверждение моих догадок, хозяин мастерской убежденно сказал:

— Это женский череп.

— А как это определить?

— Да очень просто. Это видно по его размерам и особенностям строения...

Вот теперь, глядя на этот череп, я был твердо уверен, что его владелицей была женщина. Целая вереница исторических лиц прошла перед моими глазами. Кем была эта женщина, какая кровь текла в ее жилах — ничего этого я не знал. Специальной литературы под рукой не было, а биологический анализ не смогли бы, наверное, сделать не только в нашем городке, но и во всем северокавказском. Поэтому я доверялся только своему воображению, а у него, как известно, безграничные возможности. Мне даже подумалось, что судьба свела меня со знаменитой ногайской ханшей Сююмбийке. Я легко перенесся в ее владения. Видел ее статную фигуру, проникал во все тайнства дворцовых интриг... Узнал я и ее мужей, сперва первого — погибшего маломощного Жана-ли; второго — любимого и рано ушедшего из жизни хана Сафа-Гирея; потом третьего — ненавистного ей касимовского царя Шигалея, которого она хотела отравить, но была разоблачена и отправлена в подземелье вместе со своим ребенком; видел я и всех представителей ее знатного рода: отца и его братьев, правивших в Ногайской орде, ее опальных братьев, изгнанных после смерти отца Юсупа, тех отцовых братьев, что насильственно были отправлены к Ивану Грозному, дабы не сеяли смуту, и давших — между прочим — знаменитое потомство российских дворян Юсуповых... Видел я и портреты самой Сююмбийке, хранившиеся в покоях этих князей. И я еще долго, наверное, разжигал бы свое воображение, если бы в мастерской не появился однажды Кобек Карамов...

Художник и Кобек были школьными друзьями.

— Какой интересный человек, — сказал мне друг, когда Кобек ушел, — в школе он был застенчивым и тихим. Когда ребята, нашkodив, разбежались, он оставался на месте и преспокойно принимал все упреки: наказывали его и за разбитые окна, и за сломанные чернильницы... Он никогда не защищал себя, и ребята этим пользовались — эта черта всегда поражала меня. В последних классах мы с ним сдружились, и я часто у него спрашивал: зачем это он отдувается за всех? И он мне преспо-

койно отвечал, что при случае и сам сделал бы то же самое: что-нибудь разбил или сломал, а главное, говорил он, его не пугает наказание. Мне даже показалось, что он считает себя героем — смелее и умнее всех.

После школы мы с ним долго не виделись. Он закончил архитектурный и стал работать в проектно-институте. Так ты представляешь! Он еле здоровался со мной. Я поражался, видя его, и думал: как же может измениться человек! А как-то у меня собрались одноклассники. Так пришлось прямо упрашивать его прийти. А явившись, он сидел, нахохлившись как индюк, и не хотел ни с кем разговаривать. Все просто диву давались. И вот это посещение... Я все время следил за ним. Он был совсем не похож на себя: какое-то невероятное оживление, заинтересованность во всем... — и художник, недоумевая, пожал плечами.

Мое внимание, признаюсь, тоже привлек этот человек, но его живой реакции на всякий разговор я не придал особого значения. Меня удивила частая смена настроений, отражавшаяся на его лице. Он, словно актер, то делал вид, что весь внимание, то казался вдохновенным беседой и произносил одобрительные реплики, то рассеянно смотрел по сторонам, думая о чем-то своем. И, хотя его лицо было таким изменчивым, я заметил в глубоко запавших глазах какую-то привычную грусть, даже не грусть, а как мне показалось — затаенное чувство вины или страх; меня это поразило, и я подумал: какая нелегкая жизнь у этого человека!

Он пил за все и за всех и, как умудренный жизнью человек, после каждого тоста добавлял:

— Да сбудутся эти хорошие слова! — выпив стакан водки, он долго морщился, но потом удовлетворенно цокал и говорил одобрительно: — Прелестный напиток!

Череп он заметил лишь к концу застолья.

— Ого! — вскрикнул он и, резко вскочив, подошел к полке. — Настоящий?

— Нет! Подделка! — пошутил мой друг.

— Настоящий! — воскликнул Кобек Карамов, не обращая внимания на шутку приятеля. — А когда, скажи, он у тебя появился?

— Интересный вопрос! Тебе все надо знать, — капризно произнес мой приятель.

— Но это не праздный вопрос, — виновато проговорил Кобек.

— Ну, месяцев шесть назад, — ответил художник.

— Потрясающе, как раз в это время снесли курган на территории химического завода, не оттуда ли этот череп? — и Кобек вопросительно взглянул на нас.

— А что это был за курган? — спросил я.

— Сам курган мне видеть не пришлось, его никогда не исследовали, но, по рассказам рабочих, возле останков в кургане нашли ножницы, и это говорит о том, что могильник женский. Хотя ногайцы редко возводили курганы женщинам. Обычно только султану или мурзе, а женщин хоронили на общем кладбище. Но, может быть, это какой-то особый случай — женщину, совершившая самоубийство, или иноверка не хоронились на общем кладбище. Так что курган могли возвести или ее родственники, или даже целый аул.

— А к какому времени можно отнести этот курган? — не отставал я от Кобека Карамова.

— Я, к сожалению, не видел этого места, да и увидев, не смог бы сделать точного анализа, но, судя по рассказам рабочих, это позднее захоронение — оно не так богато убрано, как древние могильники, да и предметов домашнего обихода, украшений в нем совсем не много. Это, по-видимому, захоронение семнадцатого или девятнадцатого века. Если я не ошибаюсь, оно совершенно особое. Можно предположить, что это могильник дочери знатного человека, который по каким-то причинам не смог похоронить ее на кладбище и возвести ей достойное кешене¹, а взял и похоронил вдали от родных мест. Возможно, — и Кобек показал на череп, — что смерть настигла эту женщину в пути и ее пришлось похоронить в отдаленном месте, может быть, даже украдкой — кто-то привез сюда тело и совершил погребение. В семнадцатом и девятнадцатом веках ногайские курганы были групповыми и располагались обычно неподалеку от общего кладбища...

¹ Кешене — мавзолей (ногайск.).

Хотя рассказ Кобека и не был документальным: откуда ему было знать, что произошло на самом деле? — он совершенно перевернул мои вольные представления. О Сююмбийке, которая, по легенде, погибла в Казани, а по историческим данным — где-то в средней полосе России, я уже не думал. Ведь это не совпадало даже хронологически.

Кобек Карамов исчез так же неожиданно, как появился, а я все чаще заходил в мастерскую, но видел перед собой уже не Сююмбийке, а прекрасную Мейлек-хан. Я очень жалел, что не обладаю даром художника: глядя на этот костяной лик, я видел перед собой писаную красавицу — конечно же, это была Мейлек-хан. Я брал у друга ключи, чтобы остаться в мастерской одному, и, замороженный, следил за тем, как она рассказывает по комнате, принимает гостей, веселится...

Предание о Мейлек-хан было записано еще в прошлом веке русским землемером Агафангелом Архиповым, и я восстанавливал страницы этого труда, оживляя не понятые русским человеком особенности нравов и обычаев. Я уже не мог жить без Мейлек-хан и ее суженого — храбреца Джелалдина.

Предание о золотой пуле

Солнце спешило к закату. По пыльной дороге трусил фатон. В нем сидел землемер — мужчина средних лет, в белой форменной фуражке и летнем костюме. Он восторженно смотрел по сторонам. Над равниной величественно высились пять вершин, вдали серебрились ледники Главного Кавказского хребта. Благоухало лето, волновалось море цветов по обе стороны дороги.

Конь весело перебирал ногами, легко было и на душе у землемера.

На ближней поляне показалась курчавая отара, чуть дальше — развалины аула. Над белой тонкорунной грядой возвышалась фигура чабана — статного старика в кебене¹, летней

¹ Кебене — куртка, одежда бедняка (ногайск.).

войлочной папахе и с ярлыгой в руках. Фазтон приблизился к большому загону для овец, расположенному вдоль дороги. Возле загона землемер приметил летний кош².

Небольшая кибитка стояла чуть наклонившись, с раскрытыми у дверей занавесками. Неподалеку от кибитки сидел на снятом седле белобородый старик и двое мальчиков.

– Останови возле них, – попросил кучера землемер, когда фазтон поравнялся с кошем.

Фазтон остановился, и землемер подошел к сидевшим у коша.

– Салам алейкум! – поприветствовал он сидевших.

– Алейкум салам! – ответил старец, откладывая в сторону палку: незнакомец приветствовал его по-ногайски, и он был немало этим удивлен.

Землемер подошел ближе и поздоровался, протянув обе руки.

– Арувсизбе? (Как чувствуете себя?) – спросил землемер, изумив знанием языка и белобородого старика, и безусых юнцов.

– Олагый, ару, ару! (Слава аллаху, хорошо!) – произнес в ответ старик и взглядом направил мальчиков к кибитке.

Мальчики вынесли бурку и расстелили ее гостю.

Когда гость сел, они продолжили беседу по-ногайски.

– Далеко ли до Пятигорска? – спрашивал землемер.

– Верст тридцать. Засветло не добраться. И надо ли топиться? Вот кош, переспите на свежем сене, а ребята ягненка освежают, – сказал старец.

Землемер встал и крикнул кучеру:

– Ванька, а что? Переночуем здесь. До Пятигорска еще далеко. Распрягай лошадь!

Кучер послушно съехал с дороги и завернул к кошу.

Ночь. На костре в большом казане варилось мясо, на углях поджаривался шашлык. Мальчики подавали шампуры сидевшим: старику, чабану, землемеру и кучеру.

– Бисмилла! – произнес старик и первым откусил мясо.

Все принялись за шашлык.

Потом на большом деревянном подносе подали вареное мясо. Старец накалывал его на нож и раздавал всем по куску: мальчикам поменьше, взрослым – поувесистей.

² Кош – временное жилище пастуха.

Съев мясо и запив его бульоном, все вытерли белым полотенцем руки.

– Скажи, кунак, какими судьбами попал ты в наши края? – спросил старец.

– Землемер я, нашему царю надо знать, сколько земли в его владениях.

– Вуах, вуах! – воскликнул старец. – Никогда не слышал, чтобы меряли землю. Разве можно измерить землю? Удивительное дело, даже земле русские ведут учет! – сказал он и глянул поучающе на чабана и на мальчишек: вот, мол, как надо.

– Учет земли важен. Царь скоро будет одаривать его своих дворян и ваших князей.

– Русские мизры берегут землю, хлеб выращивают. А вот эта земля принадлежала когда-то владельцу того опустевшего аула, – старик посмотрел в темноту, – но он бросил ее, не жалко было, и теперь она без хозяина. Князь подался в Турцию и народ за собой увел.

– А кем же он был? – заинтересовался землемер.

– Это долгий разговор, но, если гость не устал, я могу рассказать о том, что за история приключилась в этом некогда богатом ауле...

– Я рад буду послушать. Люблю ногайские предания.

– Тогда наберитесь терпения и послушайте историю о прекрасной Мейлек-хан¹.

* * *

В стародавние времена часть ногайцев кочевала в степях, а другая часть жила оседло в верховьях Кубани – на берегах обоих Зеленчуков и на Лабе. Народ бедствовал. Крымский хан и турецкий султан донимали ногайцев своими набегами. Сильных юношей они забирали в свои военные отряды, а красивых девушек увозили в гаремы... Но еще больше терпел народ от собственных князей – простой люд они обирали до нитки, да и от междоусобиц, которым не было конца, страдали тоже они – много тогда погибло народу. В те времена на речке Саплы по-

¹ Использовано ногайское предание «Золотая пуля» А. Архипова, опубликованное в прошлом веке в журнале «Москвитянин» (прим. автора).

селось небольшое племя казыварцев. От всех ногайских племен их отличала вера – из-за нее то и были они презираемы всеми. Вместо того чтобы молиться Всемогущему Аллаху, они поклонялись языческому богу Тенгри, не совершали, как положено мусульманину, намаза, не было у них ни мечетей, ни мулл. Казыварцы верили в то, что существует Страна Света, в которой они пребывают на земле, и Страна Теней, где они будут жить после смерти, – с той лишь разницей, что светилом в Стране Теней будет не солнце, а луна. Еще они поклонялись собаке – своей прародительнице, и перед домом выставляли большие собачьи корыта, из которых кормили священных собак, за это их и прозвали Собачьим корытом ... Так они и жили, поклоняясь Тенгри, благословляя небесные светила и свою Собаку – прародительницу. Но не было мира в их жилищах: все праведные мусульмане проклинали их за вероотступничество. Невыносимой была их жизнь, и с каждым годом казыварцев становилось все меньше. И наступило время, когда из всей родовой знати остался один бесстрашный джигит по имени Темир-Кол – Железная Рука. Чтобы продолжить свой княжеский род, ему надо было жениться, но никто не хотел выдавать свою дочь за человека из такого презренного племени. С горсткой людей он отбивал у князей лучших белых скакунов, мстя за своих соплеменников, и вознамерился занять невиданный доселе табун породистых аргамаков. Какая же мать согласится отдать дочь за такого разбойника!

После одного неудачного набега – в долине реки Кумы – Железная Рука укрывся у княжеского чеботаря Дуисемби. Он увидел красивую дочь чеботаря и сразу в нее влюбился. Карашаш тоже полюбила Железную Руку, и джигит зачастил в этот аул... Втайне от всех Железная Рука не раз сватался к княжескому чеботарю, но тот страшился этого неравного брака, ведь он, что ни говори, был простой уздень, а Железная Рука происходил из княжеского рода. Боялся чеботарь отдать гонимому джигиту единокровное дитя. А в один прекрасный вечер джигит и девушка встретились и решили бежать в аула. Так Железная Рука ввел в свою саклю жену – Карашаш.

Разгневанный чеботарь проклял свою непослушную дочь и не мирился с Железной Рукой даже тогда, когда у молодой было уже двое детей. Преследуемый князьями, Железная Рука увел семью далеко в горы, и там же, в пещерах, укрыв свой табун.

Наверное, его мечта о богатом табуне и исполнилась бы, если бы князья не сговорились и не решил сообща покончить с Железной Рукой. Дуйсемби, узнав о княжеском сговоре, смирил свой гнев и простил дочь – он-то и предупредил зятя, что князья затеяли облаву. А на следующее утро княжеские воины уже преследовали Железную Руку по всему Пятигорью и берегам Кубани. Они прикончили всю его свиту и наконец, загнали его самого на вершину горы Далабас, куда вела лишь одна дорога, – настоящая западня! Железная Рука оказался на краю глубокой пропасти, а по дороге мчались вооруженные всадники обступали его со всех сторон. С одинаковой яростью конь и всадник наблюдали за тем, как все ближе подступают насмехающиеся враги.

– Железная Рука, слезай с коня, ты – наш пленник. Но если скажешь, где спрятаны наши скакуны, мы подарим тебе жизнь!

Погладив в знак дружбы захрипевшего коня, Железная Рука захохотал в ответ и погнал своего спасителя по кругу, чтобы враги не набросились на него.

Тогда выступил вперед сын могущественного мурзы Мансура молодой Айтек – он многим храбрецам сократил жизнь.

– Я знаю, что ты, собачье корыто, – трус, вор предатель! Если ты не таков, выходи на честный поединок, я хочу посмотреть, каков ты в бою!

Железная Рука знал, что как только он возьмет за оружие, остальные накинутся на него и свяжут – и он еще сильнее захохотал, продолжая кружить на коне. Но недолго торжествовал обидчик Айтек.

– Аллах свидетель! – раздался грозный крик Железной Руки. – Я никогда не затыкал рот спесивым людям. Но я не успокоюсь, пока ты, Айтек, не заберешь свои слова обратно! – и он направил в его сторону коня.

Ошеломленные преследователи стали очевидцами того, как храбрый джигит выхватил аркан, привязанный к седлу, и на полном скаку метнул в Айтека; князь и глазом не успел моргнуть, как петля сдавила ему горло... Еще мгновение и зарканенный пленник с отчаянным криком полетел в пропасть, догоняя своего бесстрашного противника.

И никто не узнал тогда о гибели Железной Руки, посрамившего могучих князей. В горах они обнаружили табун, а табунщику в отместку отрезали язык и уши, чтобы тот не

болтал о подвигах «собачьего корыта».

Мало кто подозревал в то время, что Железная Рука был зятем чеботаря и счастливым отцом. После его гибели чеботарь Дуйсемби убрался с семьей из родных мест и поселился неподалеку от аула знаменитого на весь край султана¹ Аман-Гирея. Едва Джелалдину – сыну Железной Руки – исполнилось пять лет, а Ботай, его дочери, – два года, скончалась их мать, бедная Карашаи. Воспитание сирот легло на плечи горбатого чеботаря, но жизнь уже давно была ему не в радость. Столько страданий и лишений претерпел бедный старик, что рад был найти покой в могиле, но тогда остались бы без опеки его малые внуки.

Бедная лачуга чеботаря была в нескольких верстах от аула Аман-Гирея – богатого и почтенного султана. Его многочисленные стада и отары привольно паслись в долинах реки Кумы. Почитаем был султан и в ногойском крае, и за его пределами: и у черкесских князей, и у дагестанских шамхалов; с правителями далекой Дигории он был в родстве, а князьям Большой Кабарды приходился зятем – распригожая Айша, княжеская дочка, была его женой.

Султанский род Аман-Гирея восходил к исчезнувшим ныне ногойским ханам, которые царили некогда во всех уголках обширного Кавказского края, их высокородные потомки жили среди разных народов и считали себя братьями по крови, хотя общались довольно редко: на больших торжествах или во времена крутых перемен – в военной или мирной жизни.

Аман-Гирей, возвысившийся среди знати благодаря своей хитрости и богатству, имел влияние на всех своих родственников, а это были весьма знатные люди. Дом его славился хлебосольством, и целый год к нему съезжались кунаки из разных мест. Иногда кунаки приезжали по делам, но нередко его дом становился прибежищем праздных гуляк и любителей шумных пирушек. Редко когда он выражал свое неудовольствие, поскольку гости – даже незваные ничуть его не обременяли. Все, кто посетил этот дом, поражались радушию хозяина: гостей всегда приглашали на охоту и одаривали щедрыми подарками. В жизни у Аман-Гирея была лишь одна печаль – судьба не дала ему сына, и была лишь одна радость – его раскрасавица дочь. Ей и отдавал он всю свою любовь, о ее счастье и молился коленами: да ниспошет ей небо радость и благополучие. И, конечно же, мечтал он о том, чтобы обрести в один прекрасный день достойного зятя.

Но кто бы мог подумать, что судьба сблизит надменного султана с жалким и нищим чеботарем – неисповедимы пути твои, вседержитель!

Чеботарь Дуйсемби выбивался из последних сил, чтобы прокормить себя и маленьких сирот. Нужда по пятам преследовала горбуна, но он не падал духом.

Была у него лошадка с арбой, несколько овец, мяса которых едва хватало на зиму, да с десяток коз, поивших детей молоком. Кроме чеботарного дела, Дуйсемби занимался знахарством, и многим приходившим к нему людям помогли его снадобья, а часто он и сам ходил по аулам... Летом Дуйсемби заготавливал сено и возил дрова, чтобы не замерзнуть в своей убогой полуземлянке – их еще называли саклями, что означает «оберегающее жилище». В короткие зимние дни семья чеботаря спасалась в ней от холода. Седой в зимнее время было плохо, но дети забывали обо всем, слушая сказки – Дуйсемби знал их множество. А иногда он брал в руки домбру и пел протяжные погайские песни. Дети, словно замороженные, слушали старфика, и воображение их уносилось в те далекие времена, когда смелые джигиты защищали родной край от жестоких врагов и не давали спуску самым чванливым ханам.

Дуйсемби, переживавший на своем веку вдоволь горя, мечтал, чтобы внук занялся мирным ремеслом. Он часто сажал его рядом и учил всему, что знал сам.

– В жизни, сынок, все пригодится. Учись держать в руках шило и ножницы... Мой отец научил меня этому, и вот до самой смерти я добываю своим ремеслом кусок хлеба, – приговаривал Дуйсемби.

Дуйсемби очень огорчался, видя, что мальчику не нравится его занятие. Совсем не бездельник, он все-таки больше всего любил смотреть в окно или слушать рассказы деда о героях песен и легенд. Старфик страдал от того, что не мог рассказать внуку о судьбе его отца, а Джелалдин надо сказать, донимал его расспросами.

– Разбойники убили твоего отца Темиф-Кола, и он, бедный, так и не увидел вашего сегодняшнего дня. – После этих непомятых слов Дуйсемби замолкал. А дети, думая, что их дед тяжело страдает, и страдают сами от своего сиротства, довольствовались тем малым, что знали об отце.

В летнее время старфик ездил в аул вместе с детьми. Возил их на торжества и праздники, брал с собой и тогда, когда доставлял в аул снадобья для больных.

Благословенная пора – лето! Вокруг их дома пахло цветами и травами. Пышно зеленел лес вокруг высокой горы, прилежавшей к их дому. Все семейство отправлялось с утра пасти скот, а заодно – и собирать лекарственные травы: на склонах горы Кинжал их было видимо-невидимо.

Джелалдин, оставляя позади старика и сестренку, гонялся за быстроногими козами. Они взбирались на самую вершину, а Джелалдину только того и надо было. Горбун Дуйсемби не мог подняться так высоко, а сестренка была мала, да и боязлива.

Затаив дыхание, Джелалдин смотрел вниз, восхищенный красотой и безграничностью открывшегося ему мира: в каждом его уголке мальчику хотелось побывать. Насытившись этими мечтами, Джелалдин вытаскивал из кармана свирель и играл сочиненную им самим мелодию... Ах, как хотелось ему, чтобы все в округе слышали его, как хотелось, чтобы все его видели... Забыв обо всем на свете, Джелалдин спускался вниз, когда солнце уже заходило... Рассерженный старик набрасывался на него с упреками:

– Ах ты, негодник! И где тебя только носит, сорвиголова! А если бы зверь напал на тебя, что бы ты делал?!

Джелалдин, чтобы смягчить гнев деда, показывал ему собранные травы:

– Акай, а я вон сколько зверобоя нарвал! И душицы вон сколько! Ты же сам говорил, что на вершине травы намного лучше! А вот и та с белыми цветочками про которую ты говорил, что она помогает от одышки... Тебе же нужно ее пить!.. – и мальчик показывал старику травы, при виде которых у него сразу же проходил гнев: он бережно брал их в руки, разбирал и благодарно смотрел на смиренного внука.

– Молодец, сынок, это тебе всегда пригодится, люди ведь благодарны тем, кто знает средства от болезней.

– Опять, дедушка, он тебя обманывает, надо же его поругать за то, что он так долго заставил нас ждать, – жаловалась сестренка.

– Твоя правда, дочка! Надо бы поругать, – соглашался старик и отводил детей в свою ветхую саклю.

Ее большую часть занимал широкий тахтамет, на котором они все спали; на тахтамете лежала циновка из куги, войлочные старые ковры, три подушки; в дальнем углу старик занимался своим сапожным делом; здесь были разбросаны колодки, на столике лежали молотки, ножи, крючки. В другом углу

сакли стоял кованный кубанский сундук, который старик никогда не открывал при детях, и что в нем, они не знали. Тут же на стене висела двухструнная домбра старика, на полке хранились высохшие пучки трав и различные склянки для лекарств. Возле дверей, у очага, где все было таким закопченным, висела почерневшая очажная труба с цепью, на которую вешали чугушки.

Пока старик с Джелалдином загонял овец и коз, маленькая Ботай хлопотала по дому. Она приносила воду, подбрасывала к очагу сухой кизяк и, раздув тлеющие с утра угли, готовила чай из высушенных трав. С наступлением темноты семья собиралась за круглым столом-сыфра и ужинала. Набегавшись за день и проголодавшись, дети с аппетитом ели черствые кукурузные лепешки с кислым овечьим сыром и запивали их забеленным чаем. Поев, Дуйсемби принимался за свое сапожное дело, а Джелалдин устраивался рядом. Его, конечно, тянуло на улицу, но нужно было помочь деду, и он делал все что мог. Ботай же, помыв посуду, стелила для всех постель.

Дуйсемби работал до глубокой ночи, при свете луны или светильника, заполненного нефтью, а иногда до рассвета, если его торопил заказчик.

Когда приходила пора сдавать работу, дети отправлялись в аул с дедом. Конечно, это не шло ни в какое сравнение с праздником, но они любили бывать в ауле: и в обычные дни особой жизнью жили аульчане, и совсем другие развлечения были у аульской детворы. Поражали брата и сестру просторные дома, совсем не похожие на их бедную саклю, а особенно – княжеские хоромы в центре аула. Двухэтажное строение, покрытое красной черепицей, казалось детям сказочным.

Вокруг дома, в пристройках с земляными крышами и в войлочных переносных кибитках, жила прислуга князя – это и были главные заказчики Дуйсемби. Вместе с детьми он обходил их жилища, заносил им чуваки и сапоги, а взамен брал кожу, муку и другие необходимые продукты.

Однажды шил он обувь и для маленькой княжны, единственной дочери князя Аман-Гирея.

В тот день дети впервые увидели одетую в шелка девочку. Джелалдин и Ботай были восхищены и красивой одеждой, и белизной кожи, и поведением маленькой княжны. Девочку вывели к ним, чтобы Дуйсемби снял мерку с ее ноги. Она была ровесницей Джелалдина и Ботай и, может, быть поэтому с любопытством разглядывала детей.

– Как вас зовут? – спросила она звонким голоском. Джелалдин и Ботай как будто воды в рот набрали, молча глядели на нее, боясь шевельнуться, а она подошла к ним, оглядела и, тронув пальчиком, сказала:

– Вы что же, боитесь меня? Я не кусаюсь, – сказав так, она рассмеялась и снова тронула их пальчиком.

– Ну, как же вас зовут? – повторила она.

– Его, дочка, – Дуйсемби показал на внука, – зовут Джелалдин, а ее, – он кивнул на девочку, – зовут Ботай.

– Джелалдин, Ботай, – несколько раз повторила княжна.

Девочка не обращала никакого внимания на чеботаря, и ему так и не удалось бы снять мерку, если бы в это время не появилась мать юной княжны высокая статная женщина в зеленом платье и шапке, похожей на башенку. Она отвела девочку в сторону и велела ей постоять хотя бы минуту смирно. Дуйсемби, раболепно согнувшись и не касаясь ножки княжны, снял мерку. После этого мать показала ему красивый, расшитый золотом чарык из красного сафьяна.

– Сможешь ли ты сшить такой же? Этот чарык привезли купцы из Анапы, но наша дочь растет и мы не можем ждать, когда они приедут снова: девочке нужна обувь для дома, – гордая женщина смотрела поверх головы Дуйсемби.

– Госпожа, я постараюсь, но не знаю, получится ли чарык таким же, какие шьют в Анапе, – тихо вымолвил Дуйсемби, беря в руки чарык.

Чарык Дуйсемби получился ничуть не хуже того – анапского. А когда чеботарь привез их в княжеский дом, случилась история, о которой долго помнил восьмилетний Джелалдин.

Обрадовавшись чувякам, маленькая княжна побежала по дорожке и упала. Она чуть было не расплакалась от боли, но в этот момент поспешивший ей на помощь Джелалдин подхватил ее на руки. Никто не ожидал от босоного оборванца такой дерзости, и наступила всеобщая растерянность: не благодарить же оборванца, осмелившегося прикоснуться к луноподобной госпоже! Старый Дуйсемби был напуган проступком внука и немедленно расплатой, которая тотчас и наступила... Из дома выбежал князь и на ходу отвился подзатыльник распорядителю, а Джелалдина отдубасил так, что тот оказался на земле. Схватив дочь за руку, князь зовопил:

– Не смей прикасаться к своей госпоже! – и, смерив всех гневным взглядом, увел в дом плачущую девочку.

Джелалдин так и не понял, что плохого он сделал, хотя дед всю дорогу говорил о том, что простолюдин не должен приближаться к высокой особе. Тогда-то чеботарь и проговорился о том, что пример отца, всю свою жизнь враждовавшего с князьями, должен был послужить уроком Джелалдину.

Джелалдин не раз потом заговаривал об этом, но дед твердил, что такого разговора просто не могло быть. И все же все тайное становится когда-нибудь явным скрывать свою тайну не смог и старый Дуйсемби. А случилось это тогда, когда мальчик подрос.

Познакомившись на одной из ярмарок с сыном мельника Исаком, Джелалдин подружился с ним. Выполнив домашнюю работу, он спешил в аул, чтобы повидаться с другом. Они забрались на гору, с которой сакля чеботаря казалась птичьим гнездом.

Где только ни бродили юные удалыцы! Побывали в удивительной пещере, на самой вершине горы, у дальнего родника... Они любили охотиться на куропаток, ставя самодельные силки, и сидеть у костра, готовя птичье мясо и рассказывая другу другу легенды о молодцах, не боявшихся всевластных князей. Спали они здесь же, под открытым небом, а утром возвращались домой, ожидая от родителей порядочной трепки.

В один из таких вечеров, сидя у костра, мальчик по имени Казий, сын муллы, научившего Джелалдина многим молитвам, рассказал такую историю:

– Говорят, что в наших горах давным-давно жил бесстрашный джигит по имени Темир-Кол – Железная Рука...

Когда Джелалдин услышал имя своего отца, у него гулко забилося сердце...

– Так вот, эта Железная Рука уводил у богачей красивых скакунов и прятал их в пещерах. Всем он насолил и не мог, конечно, ожидать пощады. Когда его окружили на вершине скалы и прижали к краю пропасти, он, чтобы не попасть в плен, бросился вместе с конем в пропасть...

– Вот джигит так джигит! – воскликнул Исаак, сын мельника.

* * *

Джелалдин крепко подружился с Исаком. Целые дни проводили они вместе, а по ночам укрывались на мельнице. Здесь

их никто не беспокоил. Отец Исхака, мельник Бектемир, уходил на ночь домой, и на мельнице оставался только работник. Слушая скрип мельничного колеса и монотонное журчание Кумы, они смотрели на высокое звездное небо и мечтали. Наутро им обоим доставалось от родителей. Мельник Бектемир ругал Исхака на чем свет стоит, а иногда угощал и палкой. Дуйсемби, хотя и не поднимал руки на внука, ругал нещадно, скрывая за своими грозными наставлениями постоянно растущее беспокойство. Он понимал, что его внук упрям: что задумает – сделает, но радоваться ли этому! Хорошо, конечно, что Джелалдин держится молодцом и не дает себя в обиду, но... Но как бы не унаследовал он строптивый характер отца – не напрасны, он чувствовал, эти опасения.

Джелалдин часто уходил в горы и почевал там. А однажды он пришел на рассвете и, бросив возле очага пару убитых куропаток, сказал:

– Какая история со мной случилась, акай!.. Вчера я загнал коз, а потом мы с Жийреном пошли проверить силки. Три куропатки попались. Стемнело в лесу, и я решил заночевать у костра. Тихо вокруг, спокойно... И вдруг я вижу, как мой Жийрен весь затрясся... Что-то неладное, думаю. Огляделся по сторонам: никого нет. Съел я куропатку, а Жийрен так и жмет ся ко мне. Думал я лечь, но увидел, что за деревьями чьи-то глаза блестят. Сперва перепугался и даже палку схватил, но глаза исчезли – и Жийрен успокоился. Тогда я накидал побольше веток в костер, слава аллаху, их целый воз был рядом. Но уснуть уже не мог и все же, когда костер стал гаснуть, задремал... А проснулся я от ржанья Жийрена, гляжу – он трясется весь и в чаще снова чьи-то глаза видны. Тогда я взял горящую головешку и кинул в кусты – тогда-то и увидел я волчью голову. А уснуть так и не смог...

– Вот видишь, сорви-голова, а если б он тебя съел?! Говорил же тебе – не выходи из дому по ночам!..

Дуйсемби, как и положено, отругал внука, но в душе и по радовался за храбреца: и в ночном лесу не оробел, и волка не испугался!..

– Ярабий, значит, на горе волк, чтоб ему пропасть, теперь и козам опасность грозит, и Жийрену – надо, как видно, ружье твоего отца достать. Слышал, как пастухи по ночам стреляют? Это для устрашения зверя...

– Акай, у нас есть ружье, чего же ты раньше об этом не говорил?! – Джелалдин был поражен. Дуйсемби досадовал, что выдал незначай тайну, хранимую столько лет, и совершенно потерялся, когда Джелалдин спросил:

– Так мой отец был охотником?

Дуйсемби подумал о том, что ничего невозможно утаить от внука, и, словно подтверждая эту мысль, прозвучал – как гром! – еще один вопрос Джелалдина:

– Скажи, Акай, а ты никогда не слышал про подвиг Железной Руки?

– Замолчи! – не сдержал гнев Дуйсемби. – Не хочу даже имени его слышать! Разве это подвиг – оставить детей сиротами?!

Раскрыв от удивления рот, Джелалдин замер, собирая мужество для решительного вопроса: – Так это мой отец? Почему же ты скрывал это от нас?

– Потому что... – задохнулся от гнева Дуйсемби. – Пусть земля ему будет пухом, но человеку не пристало так жить! – У него вырвались эти слова, и Джелалдин – четырнадцатилетний мальчик, лишенный даже памяти об отце, – почувствовал себя оскорбленным.

– Не говори плохо о моем отце! – крикнул он и выскочил из дому.

Дед обеспокоенно поспешил за ним, но Джелалдин, не останавливаясь, бежал к реке.

– Сынок, вернись, вернись! – прокричал Дуйсемби сквозь наворачнувшиеся слезы, но Джелалдин не слышал его слов.

– Что случилось, акай? – прибежала на крики Ботай.

– Обидел я Джелалдина, надо его вернуть, – проговорил дед и, взяв Ботай за руку, пошел в сторону реки.

С трудом они отыскали лежавшего в траве мальчика – горестно всхлипывая, он бил по земле кулаками.

Усталые, они вернулись домой. Усадив детей на тахтамате, Дуйсемби раскрыл сундук и неторопливо начал свой рассказ.

– Дети мои, Джелалдин и Ботай, вы теперь взрослые, и вряд ли помните, какими вы были, когда оказались у меня на руках. А отца вы и вовсе не знаете, и я хотел, чтобы вы никогда о нем не слышали, потому что много опасностей подстерегает тех, кто носит это имя... Но мало кто знает о том, что у Темир-Кола, вашего отца, остались дети. Он причинил много зла самым почтенным людям, и они жестоко расправились с ним...

– Наш отец погиб? – тихо спросил Джелалдин.

Недовольный тем, что его перебили, Дуйсемби укоризненно посмотрел на внука.

– Да, у него было немало врагов. И если бы они знали, что Темир-Кол оставил потомство, то оплатили бы и вам – таковы законы мести. Сами того не ведая, вы могли навлечь на себя беду. И надо ли вам было знать, что на свете есть злые и жестокие люди. Темир-Кол ведь невиновен в том, что происходил из презренного племени казыварцев...

И Дуйсемби поведал своим внукам историю их отца, бывшего последним вождем племени казыварцев, рассказал о том, как он бросил вызов князьям и как героически погиб в горах.

Ботай, потрясенная рассказом деда, тихо плакала, но Джелалдин не проронила ни слезинки: глаза его горели ненавистью. Он и раньше задумывался над тем, почему судьба, сделавшая их сиротами, так немилосердна. Но теперь он был горд, что у него такой отец.

– Я отомщу за него! – тихо проговорил он.

– Вот этого-то я и боялся больше всего, – произнес Дуйсемби, подсаживаясь к Ботай и нежно гладя ее по голове. – Дети мои, не говорите никому, что вы дети Темир-Кола. Иначе не миновать вам беды. Я, Джелалдин, только об одном прошу тебя: пожалей мою старую голову! Покажись мне, что никогда не будешь хвастать именем отца! – и Дуйсемби с мольбой посмотрел на внука.

Джелалдин молчал, но в душе его кипели страсти: он уже видел себя героем, мстящим за отца, и не мог, хотя и жалел деда, поклясться ему в смирении.

– Прошу тебя, Джелалдин! Ведь мстью за отца ты ничего не изменишь! У Темир-Кола было много врагов, и одолеть их всех ты не сможешь – так не бывает в жизни. Пожалей себя и Ботай. Если ты объявишь, что твой отец – Темир-Кол, не миновать беды. Ты теперь и сам знаешь об этом. Покажись же! – молил испуганный старик.

– Без нужды, акай, я никому не скажу об этом, клянусь тебе в этом! – почти прошептал Джелалдин.

Дуйсемби горестно вздохнул, сожалея о том, что был так откровенен, но сказанного не воротил. Подумав так, он подошел к сундуку и достал из него – словно в продолжение своего рассказа – кинжал с поясом, саблю, два пистолета и ружье в расшитом чехле. С самого дна сундука были извлечены черная

черкеска с бешиметом и серая каракулевая папаха. Джелалдин не мог опомниться от удивления: в простом сундуке, на который он никогда не обращал внимания, оказались такие сокровища!

Но Дуйсемби продолжал свой рассказ; теперь он держал в руках большой узел.

– Это вещи моей дочери Карашаи – вашей матери. Вот эти платья и украшения будет носить Ботай, когда станет взрослой... а это, – он показал на черкеску и папаху, – праздничная одежда вашего отца. Ее принес бедняга Тоган, скрывавшийся вместе с вашим отцом в горах. Убийцы отрезали ему язык, чтобы не узнали о подвигах Темир-Кола. Когда он – спустя год после гибели Железной Руки – принес его вещи, мы помнили джигита: мир его душе! Теперь эти вещи принадлежат тебе, Джелалдин. Он нагнулся к сундуку и достал оттуда шелковый куржун с золотыми монетами. Дав Джелалдину и Ботай по монете, он сказал: – Это богатство, Джелалдин, завещаю тебе. На монетах ты увидишь пасть собаки – это родовая тамга твоего несчастного рода, прозванного злыми людьми «собачьим корытом». На эти деньги ты сможешь купить себе любимую невесту...

– Посмотри, Ботай, эти монеты держал в руках наш отец...

– Да, эти монеты очень красивы! – сказала девочка.

Дуйсемби собрал монеты в куржун и опустил на дно сундука, туда же спрятал узел и одежду Темир-Кола. Из оружия он оставил только ружье.

– Дети мои, – произнес он с горечью, – родители оставили вам все необходимое, а я не могу дать вам ничего. Лишь это жилище, – он обвел взглядом его темные углы, – и себя самого.

– Нам ничего не надо! – вскочив с тахтамета, Ботай подбежала к деду и обняла его. – Ведь ты с нами, и мы за все тебе благодарны! – воскликнула она.

– Мне нечего больше желать, дети мои! – расчувствовавшись, Дуйсемби не потерял нити своего повествования: из черного чехла он достал ружье, зарядил его холостым патроном и, выйдя во двор, выстрелил в воздух.

– Это для острастки, – сказал он, вешая ружье на стену. – Скоро и ты научишься стрелять. Ты ведь уже взрослый...

Засыпая, Дуйсемби видел перед собой горящие глаза Джелалдина. «Чему быть, – подумал он, – того не миновать. Джелалдин весь в отца, и жизнь у него, похоже, будет нелегкой...»

* * *

Можно ли свернуть с дороги судьбы!

Джелалдин и Исхак часто бывали в княжеском дворе и всегда встречали там княжну и ее подругу Кумис. Подростками они просто забавлялись, проникая в этот роскошный сад: вот, мол, мы какие! А когда возмужали, не могли и дня прожить, не увидевшись со своими красавицами. У Исхака и Кумис дело было почти слажено, и они часто уединялись, оставляя наедине Джелалдина и Мейлек-хан. Не свернешь, как видно, с дороги судьбы! – вскоре они поняли, что не могут жить друг без друга, и поклялись, что соединят свои жизни. Узнай о том их близкие, «нет!» – вскричали бы, но... можно ли противиться судьбе! Султан Аман-Гирей давно искал себе зятя, но его строптивая дочь отвергала всех женихов. И только тогда, когда мать не таясь поговорила с дочерью, Мейлек-хан дала слово, что о своем решении она объявит на свадьбе Исхака и Кумис.

Свадьба, по обычаю, завершалась конным состязанием, и Джелалдин – отличный наездник – был признан победителем. – Аперим¹ – кричали все вокруг.

Судья остановил состязание и, взяв коня за уздечку, отвел в сторону. Люди долго не успокаивались: молодежь выкрикивала поздравления Джелалдину, старики цокали языками, выражая изумление.

Когда Джелалдин сошел с коня, судья объявил, что он выиграл состязание и сейчас получит главный приз. Джелалдин поприветствовал всех сидевших на возвышении, и каждый, откликнувшийся на его приветствие, с любопытством смотрел на джигита. Джелалдин, сомкнув губы и пряча глаза, обошел всех и вернулся к судье. Тут он снова заметил эти изучающие взгляды, от которых ему стало не по себе: особенно жестким был взгляд Аман-Гирея.

¹Аперим – молодец

Джигит искоса поглядел на князя, и его поразило то, что у этого человека голова будто вросла в туловище и, если он куда-то смотрел, то поворачивался всем телом. Джелалдин впервые так близко видел отца Мейлек-хан, и непонятный страх овладел им от одного его вида. Еще вчера он грезил о том, что отец девушки смилостивится над ними, но сейчас понял, что князь неколебим как скала.

И Аман-Гирей внимательно изучал джигита. Ему понравилась его благородная внешность: и тонкое лицо парня, и его мягкий взгляд вызывали доверие. «Надо приблизить его ко двору из парня может выйти хороший нукер, полезный в лихие времена, видно, что отважен, и людей за собой поведет», – решил Аман-Гирей.

Судья посоветовался с почетными гостями, и было решено, что приз победителю вручит молодая княжна. Узнав об этом решении, девушки во главе с Мейлек-хан направились к положу. Все они были нарядны, одежда Мейлек-хан, богато и щедро изукрашенная, просто пламенела на солнце – и ее красное бархатное платье с золотыми застежками и золотым поясом, и синяя шапочка, и платок, прикрывавший половину лица... На вытянутых руках княжна несла белую черкеску с белым башлыком. Когда девушки приблизились к положу, судья подтолкнул Джелалдина.

– Иди же, возьми подарок.

Джелалдин подошел к Мейлек-хан. И все увидели, какими нежными взглядами они обменялись: дерзость победителя была удивительна, ну, да победителей не судят, а вот горячий взгляд молодой княжны смутил и молодых и старых – люди словно забыли о том, зачем они здесь собрались. Пауза длилась так долго, что султан Аман-Гирей даже посинел от напряжения и глаза его готовы были выкатиться из орбит.

В толпе послышался ропот. А когда молодая княжна протянула победителю приз – черкеску и башлык, стоявшие рядом услышали:

– Самому лучшему джигиту – от девушек аула!

Произносить какие-то слова девушке, по обычаю, не полагалось, а уж выразить свою нежность к человеку простого звания – и подавно. Но князь Аман-Гирей разгадал смысл сказанного, ведь он был предупрежден женой, да и сам, измученный дурными предчувствиями, ожидал самого худшего. И вот это худшее явилось...

Но князь сказал себе, что это всего лишь блажь его дочери, и – порядком смущенный утешился тем, что все еще можно поправить. Ну, а суд голытьбы, присутствовавшей при его позоре, для него ничего не значил... Знатные люди ничего не узнают, и это главное.

Аульчане подивились поведению княжны, но каждый истолковал его по-своему: одни решили, что княжка недостаточно умело выразила свое восхищение; другие – как и Аман-Гирей – увидели в этом девичий каприз. Однако молодые люди – и среди них Исхак – усмотрели в этой истории любовный зацеп и гадали о том, какая сложится песня, если княжна действительно влюблена в Джелалдина.

Все, кто был на состязаниях, а это почти весь аул, возвратились на княжеский двор: здесь их ожидало обильное угощение – вареная баранина, мед и буза, различные фрукты, сёк¹, баурсаки² украшали стол. Люди усаживались и начинали пировать.

Молодежь разносила еду, а заодно угощалась чем придется. Напившись меда и бузы, беспутные гуляки ходили толпой от стола к столу, горлачили песни и снова выпивали. Все женщины разбрелись по комнатам, где их угощали чаем и сладостями, молодые девушки вместе с енге³ сидели в комнате навесты.

Султан Аман-Гирей, вернувшись с состязаний, оставил дядю Кумис за старшего и удалился в дом. Тотчас же карагул⁴ был послан за его женой.

Возвратившись, карагул встал подле левой руки князя, а за ним следом вошла Айша: на ее каменном лице ничего нельзя было прочесть.

– Ты видела? – с угрозой спросил князь.

– Да, – кивнула женщина.

– Надо позаботиться о том, чтобы наша дочь оставила свои детские капризы – пора бы уж ей всерьез подумать о жизни. Так опозорить нас перед голытьбой! Так унижить себя! Хорошо еще, что парень нездешний. А то бы еще долго чесали языки наши пустомели!

¹ Сёк – национальное блюдо из жареного проса в сметане.

² Баурсаки – жареные в масле лепешки.

³ Енге – жены братьев.

⁴ Карагул – букв. черный раб, раб по дому.

– Здешний он или нет, не знаю. Но вот уже год, как он приходит в наш дом с женихом Кумис.

– Как же так! – поразился Аман-Гирей. – Уже год – и ты ничего не говоришь об этом? Куда же ты смотрела? – гневно вскрикнул князь.

Благородная Айша потупилась, и Аман-Гирей поубавил свой гнев.

– Клянусь, что ни один оборванец не взглянет отныне на мою дочь! Мейлек-хан больше и шага не сделает из дома...

* * *

Наступила осень. Тучи все чаще заволакивали небо. Ветер гнул полуобнаженные деревья. Дожди хлестали в земляные крыши и окна ногайских жилищ.

Кое-где в саклях мерцали огоньки. Лаяли собаки, фелел скот, слышались крики детей. Но все эти звуки заглушали прерывистый ветер и барабанивший по ветхим крышам дождь. Кто-нибудь из взрослых выходил иногда на улицу, но быстро возвращался обратно. Дым из очажных труб сразу же рассеивался над крышей, запах сырой гари кружил среди беспорядочно раскинутых домов.

Людские голоса чаще слышались во дворе князя, где никак не могла угомониться прислуга, да и собаки лаяли здесь громче, чем в других местах.

Из дома князя то и дело выглядывала голова распорядителя и склонялась в сторону дороги.

Когда к дому подъехала крытая арба, появились люди и помогли сойти странному арбачи¹. Главный муртазак – управитель – сделал своим людям несколько наставлений, и они провели приезжего толстяка, обвешанного куржунками, к дверям дома. Гость оказался в непривычной темноте, остановился, ступив на мягкий ковер, но тут вышла навстречу госпожа и, взяв его за руки, нетерпеливо повела в дом.

Гость послушно шел следом, чувствуя рукопожатие и не зная, как освободиться от него, чтобы не уронить висевшие на плечах куржунки.

¹ Арбачи – погонщик арбы.

Странный гость закашлялся и стал переминаясь с ноги на ногу, когда следом за госпожой оказался в тускло освещенной комнате.

В комнате, у раскрытой постели, сидела девушка, склонившись к изголовью больной. Ее тяжелое дыхание прерывалось иногда глухими стонами. Тахтамет, на котором она лежала, великолепно убранный, сиял парчовыми узорами покрывал и дорогих персидских тканей, в беспорядке разбросанных по коврам. Подруга больной прикладывала руку к ее лбу и горестно вздыхала. Одеята она была в зеленый аркалук¹, опоясанный голубой лентой. На маленьком серебряном треножнике лежал переплетенный в бархат Коран с алой, шитой золотом ленточкой вместо закладки, а возле него стояла золотая баночка с лекарством. На другом столике, за прозрачной занавеской, горела восковая свеча, вставленная в серебряный подсвечник; тут же были большие золотые часы и незаконченное женское рукоделие, накрытое газовым платком. На двух небольших кроватях было разложено праздничное одеяние Мейлек-хан.

Когда вошли госпожа и ее гость, девушка встала и неслышными шагами приблизилась к столику, на котором горела свеча, – она подняла светильник, чтобы получше разглядеть гостя. Больная повернула голову к огню и, увидев стоявшую возле нее девушку, чуть слышно, ласковым голосом произнесла:

– Отдохни, Кумис, сколько можно плакать! Ты же видишь... мне легче... а слезы портят лицо... подойди и поцелуй меня, джаным²...

Обрадовавшись словам подруги, Кумис бросилась к ней на грудь и зарыдала.

– Ханым³, – сказала она сквозь слезы, – ты должна поправиться! И жизнь будет счастливой, ханым!

К ним подошла госпожа и, нагнувшись, приложила руку к горячему лбу больной.

– Не беспокойся, мама, мне уже лучше! – проговорила девушка.

¹ Аркалук – верхняя одежда.

² Джаным – душа моя.

³ Ханым – ханша моя.

– Я привела к тебе лекаря, сказала мать, показывая на вошедшего с ней в комнату горбатого старика в ветхой, покрытой грязными пятнами одежде. Горбун быстро осмотрелся, постоял с минутой в нерешительности, а потом молча снял с плеча свои куржуну и, бережно положив их на ковер, сел возле них – уверенно и спокойно.

– Лучше ли тебе, душа моя? – спросила княгиня, наклонившись к больной дочери и прильнув к ее щеке материнским поцелуем.

– Да, мама, – тихо ответила больная, – мне лучше...

– Но ты вся горишь... словно в огне... Лекарь! – произнесла она, – у нее горячка... она бредит по ночам... ее мучает бессонница... Я много слышала о твоём чудесном искусстве, вылечи мою дочь – и ты будешь вознагражден.

Лекарь молчал.

– Ты должен сделать все, лекарь, – продолжала она, – ты должен...

Незнакомец кивнул головой и, не проронив ни слова, словно прирос к полу, не смел шевельнуться. Девушки пристально смотрели на него...

– Что же ты медлишь, лекарь? – поторопила его нетерпеливая мать, – время уходит... Уже поздний час...

Лекарь тяжело приподнялся, развязал один из своих мешков, с ловкостью юноши вынул из него несколько склянок, потребовал чашку, высыпал в нее что-то из грязной тряпки, раскупорил один из пузырьков – и вылил из него половину жидкости, потом размешал составленное лекарство, взял со стола свечу и подошел к кровати...

Седой и безобразный этот старик пристально всматривался в лицо девушки. Княжна, почувствовав его взгляд, отвернулась.

После столь долгих приготовлений старик принялся за лечение. Плеснув жидкости на полотенце, он провел им по лицу больной и дал ей выпить несколько капель чудодейственного снадобья.

Лицо княжны тотчас преобразилось, и она уже не сводила глаз с безобразного старика. Румянец окрасил ее бледные щеки – и исстрадавшаяся мать облегченно вздохнула.

– Аллах благословил твое искусство, лекарь, – и она нагнулась к княжне, – тебе уже лучше, дочь моя?

– Да, мама, – отвечала Мейлек-хан. – Я чувствую, что силы возвращаются ко мне.

– Я боюсь обмануться в своих надеждах и хотела бы, лекарь, чтобы ты побыл с моей дочерью до утра, – отдав приказание старцу, княгиня повернулась к Кумис.

– Будь и ты при ней, подруга моей бесценной! А мне пора идти, – и княгиня вышла из комнаты.

Старик уселся поодаль, на полу, и, казалось, погрузился в дремоту.

Прошло некоторое время. Кумис сидела рядом с больной и, взяв за руку, шепотом пересказывала ей старинную легенду.

– Прекрасная Балыш и солнцеликий Бозджижит, во сне увидели друг друга и полюбили на всю жизнь.

На следующий же день солнцеликий Бозджижит отправился в путешествие, чтобы найти свою возлюбленную...

Послышались шаги за дверью, и в комнату вошел седоусый Аман-Гирей, истомленный духом, но по-прежнему бравый. В руках он сжимал большое красное яблоко.

Кумис при появлении князя встала и отошла в дальний угол комнаты.

– Тебе лучше, моя драгоценная Мейлек-хан? – чеканя слова, проговорил князь.

– Да, отец, мне теперь лучше, – ответила больная, приподняв голову.

Князь положил яблоко на стол и, увидев сидевшего в углу лекаря, громко кашлянул.

Лекарь, открыв глаза, вскочил и смиренно склонился перед ним. С головы до ног оглядел его суровый владыка.

– Проси у меня, что хочешь, лекарь, но сделай так, чтобы моя дочь выздоровела. Слава о твоём искусстве разнеслась по всему ногайскому краю, но она приумножится во сто крат, если ты вернешь здоровье дочери князя Аман-Гирея.

– Я сделаю все, что могу... – еле слышно прошептал лекарь.

Князь повернулся к дочери и расплылся в улыбке – его дочь выглядела вполне здоровой! Кинув взгляд на укрывавшуюся в углу Кумис, князь еще раз посмотрел на дочь, сомкнул одобрительно веки и молча вышел из комнаты, затворив за собой дверь.

Старик – лекарь сел на свое прежнее место, а Кумис, пристроившись возле кровати, продолжила свой рассказ.

Прошло какое-то время, и свеча наполовину сгорела.

– Отдохни, Кумис, уже сколько ночей ты не спишь, – попросила княжна.

– Я отдохнула, когда с тобой сидела мать.

– Прилегла бы там, – и княжна показала на свободную кровать, – или рядом со мной...

– Как же можно! В одной комнате с незнакомым мужчиной! – ответила Кумис.

– Но ведь это лекарь, – ответила Мейлек-хан, который всегда должен быть там, где больные, да к тому же он старик и такой безобразный...

Подруга молчала, стреляя глазами в сторону лекаря, свернувшегося в клубок в дальнем углу комнаты, – ей просто не верилось, что можно спать в такой неудобной позе.

Наконец она увидела, что старик держит в руке сафьяновый тавалдрык – башимачную колодку – подруги. Девушка не поверила своим глазам и сделала знак княжне. Та тоже взглянула на седовласого чудака, который, казалось, ни о чем не подозревая, продолжал гладить тавалдрык.

– Оставь в покое тавалдрык, дедушка! – раздраженно произнесла Кумис, – уж не спишь ли ты, часом?

– Нет, уважаемая, я не сплю, – произнес старик, приблизившись к подругам.

Мейлек-хан готова была закричать и даже ухватила за рукоятку крошечного кинжала, спрятанного у нее в одежде ...

– Сон мой прошел, уважаемая. Но мне не забыть его, потому что в том сне мне привиделась невиданной красоты девушка! – проговорил он, упиваясь взглядом Мейлек-хан.

Став против девушек, старец сорвал с себя ветхую одежду, из-под которой, к великому изумлению девушек, выпала подушка, горбившая его спину; так же быстро отлетела приклеенная борода, сплюснутый нос, вылепленный из бараньей кожи. Все это было так невероятно, что девушки застыли от удивления...

Перед ними стоял стройный молодец с горящим взором, едва смягченным смущением. Одет он был в коричневый бешмет, увешанный дорогим оружием... Джелалдин! У Кумис словно язык отнялся, и она еще долго не могла прийти в себя, а Майлек-хан счастливо улыбаясь – восторженно глядела на своего исцелителя. Взяв любимую за руку, Джелалдин повернулся

к Кумис и приложил палец к губам, но... Но она, и при желании, не могла бы поднять шума: язык ее не слушался, а голос пропал...

* * *

За окном брезжил рассвет. Склонившись над любимой, юноша шептал:

– Моя бесценная, ненаглядная! Тебя ли, солнце мое, тебя ли, свет моей тоскующей души, тебя ли видит твой верный Джелалдин! И я, несчастный, не в силах вернуть жизнь своей гурии...

Она тихо приподнялась и, пылая страстью, посмотрела на джигита:

– Если отец узнает, что ты здесь, он убьет нас – в эту комнату никогда еще не заходил посторонний мужчина.

– Будь что будет – я не боюсь. И буду приходить сюда до тех пор, пока ты не поправишься.

– Тогда я буду болеть еще долго-долго, – засмеялась Мейлек-хан, – чтобы ты мог приходить ко мне.

– Мейлек-хан – жизнь моей души!

– Джелалдин! – трепетно повторила она его имя и, протянув руки, коснулась его щеки.

Юноша обнял ее.

– Ах, Мейлек-хан, как безумно я люблю тебя...

В комнате было уже светло, когда, догорев до конца, свеча потухла. В углу, все в той же позе, сидел безобразный горбун.

Перед рассветом та же арба, запряженная одной лошастью, выехала из княжеского дома. В арбе сидел горбатый лекарь...

Когда арба отъехала далеко от аула, арбщик затянул молодецкую песню. Вдали блестела серебристая цепь Кавказских гор. Над Пятигорьем поднималось солнце. Буйная зелень была так же молода, как арбщик, а шелковистая трава стелилась по земле так же, как и его песня.

* * *

Одиноко стояла сакля над высоким обрывом реки. Небольшая дверь, ведущая внутрь жалкого жилища, была загорожена арбным колесом: время от времени между его длинными спи-

цами показывалась кудрявая голова четырнадцатилетней девочки, смотревшей вдаль...

– Нет, агай, не видать никого, – проговорила она, войдя в землянку.

Дуйсемби, услышав эти слова, не обратил на них никакого внимания и спокойно продолжал чинить изношенный чарык, обшитый полинявшим галуном.

– Агай, – произнесла девочка вполголоса, – я испекла чурек и приговорила чай, поешь, а я еще посплю...

Старик, углубившись в свою работу, промолчал и на этот раз. Он устал, и ничто, казалось, не могло вывести его из равновесия. Но вот светильник от неосторожного движения девочки покачнулся и старик тяжело вздохнул: быстро наклонившись, он схватив еще не потушенный светильник и подул на него. Но дневной свет не проникал в их маленькое окно – и в комнате стало совсем темно.

– Недаром, видно, ты носишь такое имя – Ботай, – сердито сказал старик, – неуклюжа, как настоящий верблюжонок.

Бойкая девочка пристально взглянула на деда и ответила:

– Ботай – только имя, а я совсем не верблюжонок. Старик сокрушенно покачал головой.

– Посмотри-ка еще раз, Ботай, – произнес старик. Но девочка не отозвалась на его слова – она заснула. Старику ничего не оставалось, как выйти во двор самому, но в этот момент в дверях кто-то появился.

Кто это был? Еще один горбатый старик. Двойники были так похожи, что, посмотрев друг на друга, не смогли удержаться от смеха. Вошедший сбросил с себя куржуну, перекинутые через плечо, проворно снял ветхое одеяние и отцепил седую бороду.

– Салам алейкум!

– Долго же ты гостил, – сказал Дуйсемби, – посмотри, ведь уже утро... Сопутствовала ли тебе удача, молодой проказник?

Юноша, услышав эти слова, бросился в объятия доброго старика и нежно поцеловал его в плечо.

– Я знаю, агай, сколько беспокойства тебе доставил. Прости меня! Я не мог не пойти на эту хитрость!

– Джелалдин, мальчик мой, ты поешь, твоя сестра спозаранок приговорила тебе еду, но так и не дождалась тебя – уснула, –

старик заботливо укрыл спавшую девочку. – А вчера мы так волновались за тебя, что она не прилегла до самого рассвета.

Джелалдин подошел к Ботай и, поцеловав ее, проговорил:

– Бедная сиротка, и тебе я не дал покоя.

– Главное, что ты уже дома, – сказал старик.

– Не стою я таких беспокойств, агай, и я буду огорчен, если вы всегда будете волноваться за меня, – и он сел за стол, накрытый для него заботливой Ботай.

– Ты с каждым днем все больше становишься похож на своего отца – Железную Руку.

– Расскажи про него еще что-нибудь, агай! – попросил Джелалдин.

– Что же рассказывать? Никого не слушался твой отец. Упрямый был, дерзкий. Смирись он со своим положением – жил бы преспокойно где-нибудь в глуши. А он вздумал состязаться со знатью, честь свою защищать... И ты, Джелалдин, плохое дело затеял. Я ведь знаю, куда тебя носит по ночам – о состязаниях на свадьбе Исхака все теперь говорят. А с богатыми шутки плохи – Аман-Гирей никому не простит такого позора.

– О чем это ты, агай? – и Джелалдин попытался уйти от этого разговора.

– Нет-нет, Джелалдин, не надо меня обманывать! Я хочу сказать, что мы бедные люди. А ты и подавно будешь ненавистен знати, ведь о твоём отце еще не забыли...

– Но что же тебя беспокоит, агай? – Джелалдин сделал вид, что не понимает деда.

– А то, что твоя сестра рассказала, какая беда постигла Аман-Гирея и какому лекарю он обязан теперь исцелением дочери. В ум не возьму, как ты посмел обмануть князя, ведь если узнают об этом не снесут тебе головы.

– Я только разыграл своих друзей! – Джелалдин притворно вздохнул, но, не снеся собственной лжи, рассмеялся.

* * *

Мутные воды Кумы шумно хлестали о глинистые берега, пытаясь вырваться на волю.

Густой туман окутал валуны, тучи спускались все ниже, хлесткий ветер набрасывался на сырую тьму – но сумрак все сгущался.

Мейлек-хан, словно спасаясь от преследования, бежала по берегу реки, шепча молитву:

– Акбар Мухаммед расул Алла...

Она остановилась возле высокого камня, прижалась к нему.

– Я, безумная Балыш, не в силах владеть собой, – сказав так, она вытерла лоб ладонью и осмотрелась.

Ей вдруг привиделась девушка в белом одеянии, с развевавшимися волосами.

– Бисмилла! Да это же сама Балыш! – воскликнула Мейлек-хан. – Она ищет погибшего возлюбленного.

Раскинув руки, девушка в белом одеянии шла берегом реки и пела песню о погибшем друге.

Пусть на степи падет сухие
Много снега в урочный час,
Пусть красавицы молодые
Не утешатся после нас.
Пусть не пляшут они, не поют,
В память нашу пусть слезы льют.
Прошлым летом с женой простившийся,
Не вернется домой джигит.
Плачет, плачет красавица белая.
Косы падают на подол.
Из волос она ложе делает,
Только муж бы ее пришел.
Что, бессильная, неумелая,
Станет делать она одна?
И опустятся руки белые,
И согнется ее спина.
Прошлым летом с женой простившийся
Не вернется домой джигит!

Мейлек-хан в страхе все сильнее жалась к камню, но не сводила глаз с безумной Балыш. Ее песню подхватывал ветер, и печаль, словно туча, заволакивала небо и землю.

Мейлек-хан закрыла в истоме глаза и очнулась лишь тогда, когда почувствовала что-то прикосновение: конь изречевой масти стоял перед ней.

– Ой, Жийрен! Ты не оседлан: значит, Джелалдин не смог прийти на место наших свиданий. Но почему же его нет с

¹Перевод Н. Гребнева.

тобой? Где он? Что с ним? – она погладила голову коня и осмотрелась.

Ветер стих, и тучи стороной обошли Пятигорье.

– Верный мой друг, Жийрен! Храни своего хозяина, надежду и радость души моей. Я не в силах этого сделать, Аллах дал мне робость в удел, но ты мчишься быстрее пули, быстрее птицы и всегда спасешь моего джигита.

– Э-эй! – раздался сзади тихий голос.

Мейлек-хан оглянулась и... печаль, завладевшая было ее душой, отлетела: «прошлым летом с женой простившийся» возвратился домой джигит!..

– Ненаглядная моя! Второй день я жду тебя на этом месте!

– О, Джелалдин! Как же горька жизнь без тебя! Белый свет не мил! Отец теперь следит за каждым моим шагом, и, только надев этот тастар¹, – она откинула край белого платка, – я смогла выбраться из дома. Без тебя не мила мне эта жизнь.

– Я украду тебя, любимая, и мы будем вместе.

– Нет, Джелалдин, нет! Только не это. Отец пустит за нами погоню, и тебя убьют. Ты не боишься этого, я знаю. Но подумай обо мне. Что станет со мной, если это случится?

– Но я думаю о нас двоих, любимая! И не пристало джигиту отступать. Разреши мне поговорить с твоим отцом!

– Нет, Джелладин, нет! Он и слушать тебя не станет. Лучше это сделаю я...

* * *

Множество почетных гостей собрались в этот день в доме князя Аман-Гирея.

– Приветствуем тебя! – закивал головой мулла, завидев хозяина, торжественно входившего в комнату, – приветствуем тебя, светило мудрости и великодушия! Пусть Великий Аллах усеем твою дорогу цветами здоровья и семейного благополучия! Пусть он осенит тебя своим неисчислимым милосердием и ниспошлет на весь твой род бесконечное и неисчерпаемое изобилие! Да прольются все эти блага и на твоих домочадцев и верных рабов! Пусть всемогущий и всеильный Аллах укроет

¹ Тастар – платок замужней женщины.

тебя крылом милости своей – и сохранит твою мудрую голову на крепких плечах! Приветствуем тебя, хозяина мудрости и любви, правоты и гостеприимства!

Собравшиеся низко поклонились и, подойдя к султану, благоговейно приложили свои ладони к его руке. Повелительный жест этой руки пригласил всех сесть на поданные арабом – невольником сафьяновые подушки, приготовленные для торжественных приемов. Все взобрались на тахтамат и, скрестив ноги, уселись.

– Высокочтимые гости! – отвечал после короткого молчания растроганный хозяин, тусклый взгляд прошелся по каждому из присутствующих. – Вы славите мое богатство и мудрость? А я самый беспомощный из отцов и самый несчастный из всех, кто знавал когда-либо душевные муки...

Гости хотели было возразить, но султан остановил их презрительной улыбкой.

– Ровно год назад, – продолжал он, – я объявил всему правоправному миру, что тот, кто понравится мне, получит руку моей дочери и, принеся – как велит обычай – калым, приобретает после моей смерти все мое богатство. И что же? Много богатых юношей явились тогда в мой дом, и все они были достойны руки моей дочери. Я даже пожалел тогда, что, не имея дюжины дочерей, не смогу породниться с такими геройскими молодцами: все они были богаты и знатны. Но Аллах дал мне только одну дочь, и, любя ее всей душой, я предоставил ей право выбора жениха...

– И кто-нибудь из этих доблестных джигитов удостоился этой чести? – решил спросить самый отважный из гостей.

– Ничуть не бывало: дочь отказала всем... – ответил князь.

Гости были удивлены и, в знак великого недоумения, прикусили недовольно указательные пальцы...

– Да, она отказала им всем. Я и сам был удивлен, как и вы, но вскоре узнал настоящую причину...

В это время в комнату вошел горбатый старик:

– Салам алейкум, высоко почтенный Аман-Гирей! – и горбун поклонился хозяину, а затем и гостям.

Ему досталось оставшееся не занятым место в углу комнаты, как будто нарочно приготовленное для него.

– Обещает ли почтенный лекарь, – вкрадчиво сказал хозяин, обращаясь к старику, – что не будет прерывать никого,

пока не наступит его очередь говорить и пока ему не напомнят об этом?

Лекарь приложил руку к груди, не поднимаясь со своего места и не глядя ни на кого из гостей: смею ли я не подчиниться твоим требованиям! – был его безмолвный ответ.

– Скоро я узнал, – удовлетворенно продолжил князь, – настоящую причину отказа моей дочери... И какая же, вы думаете, эта причина? Как бы вы ни ломали голову, это останется для вас неразрешимой загадкой, какой она оставалась и для меня до тех пор, пока княжна не призналась своей матери, что давно уже любит одного храброго джигита и никому другому не может отдать свое сердце... Я был просто уничтожен этим ответом: моя единственная дочь посмела избрать себе жениха, не посчитавшись с волей родителей. Выходит, что я позволял ей слишком много. И это, почтенные, моя единственная улада и самая светлая мечта! Но она ведь еще ребенок, дитя малое! – с горечью произнес князь и, сделав паузу, продолжил совсем другим тоном: – В моем ауле, почтенные, появился голодранец, который хочет опозорить мои седины...

Старик тяжело опустился на подушки и, обессиленный, поник головой.

– Кто же этот негодный? – закричали в один голос его гости. – Назови его имя!

И только лекарь безучастно восседал в своем углу, не удостоивая вниманием горемычного князя...

– Мы отрежем ему голову, вырвем язык, – гости как могли утешали Аман-Гирея.

Выставив вперед руку, князь принялся успокаивать их.

– Но ты так и не назвал нам, султан, имени того нечестивца...

– Скажи, кто он?

Но князь, простерев вперед руку, хранил молчание.

В наступившей тишине горделиво поднялся лекарь и, обратив на себя всеобщее внимание, долгое время молчал, не в силах, как видно, справиться с охватившим его волнением. Было видно, что он колеблется... Но почетным гостям, собравшимся в гостиной зале Аман-Гирея, не было дела до его колебаний: они пытались понять, по какому праву проник сюда этот без-

родный и не унижает ли это их чести. Безродный тем временем овладел собой, но от его гордого вида не осталось, как заметили гости, и следа – попытка выпрямиться во весь рост, похоже, обессилила его.

– Что скажу я почтенному собранию? – прохрипел он разбитым голосом, – я лишь исполню поручение одного храброго человека, который просит у князя руки его дочери – Мейлек-хан... Его имя известно князю... Вот и все, уважаемые, что я должен был сказать здесь... Пусть теперь князь ответит, согласен ли он отдать свою дочь за джигита?

По комнате прокатился смешок.

Князь вздрогнул от дерзких слов старика и невольно схватился за кинжал, висевший у него на поясе... Движение это осталось не замеченным гостями, но не скрылось от взора лекаря, пристально следившего за ним... Князь встал...

– Правоверные! – произнес он с горькой улыбкой, – с каких это пор достоинство султана стало у нас столь ничтожно, что может быть отдано на поругание всякому оборванцу! И с каких это пор позволено обидчику безнаказанно порочить княжескую честь!

Усмехнувшись в бороду, лекарь оставался, как и прежде, спокоен.

– О, Мейлек-хан, дочь моя! – прокричал в отчаянии Аман-Гирей, – до чего довела ты своего отца упрямством и не послушанием!..

Гости еще пуще заволновались.

В эту минуту скрипнула дверь, и в комнату, околдовав всех гостей, вошла Мейлек-хан: блеснули на солнце бархатные башмачки, шитые серебром, мелькнули, отражаясь в зеркалах, шелковые шальвары, прикрытые малиновой исподницей, и парчовый архалук, стянутый на талии драгоценным поясом... Перед гостями предстала красавица, слава о которой пронеслась по всему горному краю. Благоуханием повеяло тогда на восхищенных гостей князя...

Красавица явилась без девичьего покрывала, хотя и носила его всегда, когда нужно было выйти из дома или пройти через гостинные комнаты.

– Ты звал меня, отец, – произнесла она, почтительно поклонившись, – я пришла.

Князь поднял голову.

– И тебя-то, мою бесценную, – проговорил он едва слышно, – хотят отнять у меня. Но отец тебя не выдаст... ско-

рее убьет твоего нечестивца или сам будет убит... Скажи же им, дочь моя, что ты навсегда отказываешься от своего недостойного избранника – и пусть он ищет себе другую невесту... Я разделю с ним пополам свое богатство, дам и золото, и скот, только бы он отказался от тебя...

Взглядом подозвав дочь, старик привлек ее к себе, и глаза его увлажнились. Но княжна вырвалась из его объятий и, отважно шагнув к гостям, проговорила:

– Не быть этому, люди, и уж если жизнь не соединит нас, то смерть выроет нам одну могилу!!! Послушайте меня, уважаемые. Я клянусь, что никому, кроме Джелалдина, не будет принадлежать его верная Мейлек-хан!

Слова девушки поразили всех.

– Когда же это было, чтобы дочь противилась воле отца! – грозно проговорил мулла.

– Какое бесстыдство! – дружным хором пропели гости.

– Конец света близок, если правда все то, что мы слышим.

В дальнем углу, занимаемом убогим старцем, послышался непонятный шум, и гости, оглянувшись, увидели, каким пламенным взором обнял старик луноподобную княжну.

– Достопочтенные князь и вы – мудрые мужи! Было время, когда любимая дочь Аман-Гирея, прекрасная Мейлек-хан, безнадежно хворала. Тогда-то, призванный князем, чтобы облегчить ее страдания, я и вошел в его дом. И разум мой чуть не помутился при виде красавицы...

– Замолчи, лекарь! Иначе я укорочу твой поганый язык! В уме ли ты, что славословишь княжескую дочь! Я что же – ровня тебе? – свирепо проговорил князь.

Но лекарь не снизошел до извинений.

– Тогда-то я и решил приложить все силы, чтобы спасти этот райский цветок. Князь не скупился на обещания, и в случае исцеления дочери обещал мне все, что я захочу... – старик вопросительно взглянул на князя: подтверждает ли он его слова?

– Так чего же ты хочешь? – презрительно усмехнувшись, спросил князь.

– Я, достославный князь, прошу руки твоей дочери Мейлек-хан! – громогласно произнес лекарь.

– Что-о! – взревел израненный князь, хватаясь за свой верный кинжал.

Вскочили от неожиданности и его почтенные гости. Одна Мейлек-хан не выказывала ни малейшего удивления и таинственно улыбалась.

Князь заметил эту улыбку и накинулся на нее:

– Что же ты молчишь, дочь моя? Неужели ты пойдешь за этого полоумного горбуна?

Муртазаки – исполнители султанской воли окружили несчастного лекаря и, обнажив кинжалы, ожидали приказаний князя.

– Повтори свои слова, безумец! Или я велю муртазакам проколоть твое дряхлое сердце! – гневно прокричала князь.

Но слова уже были не нужны: лекарь смело сорвал с себя маску, упали на половицы его ветхие одежды и седой парик – спина старика распрямилась...

Гости всполошились пуще прежнего.

– Отец, это Джелалдин – тот самый джигит, мой избранник! – взявшись за руки, княжна и Джелалдин пали на колени перед князем.

– Ты больше мне не дочь, и я тебе – не отец!.. Возможно ли такое бесстыдство! Нет-нет, у меня нет больше дочери!.. – оттолкнул он княжну. – Какой позор! Дочь султана бесчестит себя перед безродным бродягой!..

– Достославный князь! И вы, почтенные гости! – произнес Джелалдин. – Я – сын Железной Руки, и наш род не менее знаменит, чем какой-нибудь другой, и не менее славен...

– Что он говорит! – не веря своим ушам, прокричал князь.

А мулла прошипел презрительно:

– Казыварцы всегда были неверными, это проклятое племя...

– Железная Рука, он достал меня из могилы! – простонал сраженный князь.

Гости сокрушенно вздыхали.

– Казыварцы, если и не почитали священную книгу, то лучше всех соблюдали народный обычай – адат, – возразил Джелалдин.

– Наверное, за то, что твой отец соблюдал адат, его и не навидели в народе? – усмехнулся Аман-Гирей.

– Простолюдин поднял руку на благородных мужей, – прокричал один из его родичей, поддержанный, конечно же, всеми гостями.

– Но князья презирали отца, и ему ничего не оставалось, как отвечать им тем же, ведь по адату человек не должен унижать человека... – ответил Джелалдин, уже не надеясь на то, что его услышат. И вдруг...

– Мы все знаем, что Темир-Кол был храбр, – произнес кто-то. И все оглянулись на старика – аульского ювелира Ат-Чалара. – Но как нам поверить, что ты – сын Железной Руки? – спросил он.

Джелалдин, словно ожидая этого вопроса, достал из нагрудного кармана бешимета золотые монеты:

– Вот золотые монеты с тамгой отца! – и он передал монеты старику.

Гости разобрали монеты, и каждый из них с удивлением произносил имя Темир-Кола. Последним их взял в руки князь и, внимательно разглядывая, держал так долго, что гости стали переглядываться, а затем разошлись. Князь остался наедине с дочерью и Джелалдином.

– Теперь послушай меня, храбрый джигит, – начал он, – сегодня я пригласил сюда гостей, ставших свидетелями моего позора. У меня была дочь, которая посрамила мое доброе имя, избрав себе жениха против воли отца, и вот – ее у меня не стало. Я предлагаю тебе, сыну славного Темир-Кола, условие: ты должен теперь же заплатить мне калым моего бесчестия, а заплатив его, отправиться на три года в чужие края, чтобы на это время оружием добыть себе славное имя и приличествующее твоему званию состояние. Когда протекут эти три года, ты возвратишься, чтобы слава о тебе дошла до нас: это загладит проступки беспечной юности и послужит уроком для других столь же непокорных детей... Ты, казыварец, оскорбил меня и тем, что проник в мой дом под чужим именем, нарушив этим законы гостеприимства, но через три года я смогу простить И это – и тебе, и твоей невесте! Принимаешь ли ты мое условие? Ответь мне – и как оскорбленному отцу, и как старейшине правоверного народа.

– Но где же будет жить Мейлек-хан все эти годы? – покорно склонив голову, спросил Джелалдин.

– Мейлек-хан, обещаю тебе, будет под строгим присмотром; поклянись и ты, что до срока не будешь пытаться увидеться с ней. Согласен ли ты?

– Да, я согласен, – ответил Джелалдин, – эти условия справедливы. А три золотые монеты с тамгой моего отца – прими как калым.

Князь усмехнулся, перебирая в руках монеты.

– Большого у меня нет, – сказал джигит, – это все, что досталось мне от покойного отца, а ему – от деда... Я – их наследник... Согласен ли ты, князь, принять от меня залог и дать верное слово, что сдержишь свое обещание...

– Неблагодарный, – выфалось у князя, но он быстро овладел собой. – Вот тебе, моя рука, – отвечал он решительно.

– К назначенному сроку, – Джелалдин не сводил глаз с сиявшей Мейлек-хан, – я пригоню князю табун самых лучших скакунов Закубанья. А если меня настигнет смерть, наш договор потеряет силу, и Мейлек-хан будет свободна.

* * *

Аробная дорога вилась вдоль ущелья, поросшего густым лесом. Черкес Джанка и Джелалдин уходили от погони, уводя с собой двух чистокровных арабских скакунов. Держа в руках ружья, они постоянно оглядывались на преследовавших их всадников – расстояние между ними то увеличивалось, то сокращалось.

– Торопись, друг Джанка! – кричал товарищу Джелалдин и еще круче прищипывал коня. – Если мы доберемся до Красной крепости, скакуны – наши. А оружие нас не подведет.

Джанка в ответ закивал головой и в который уж раз оглянулся.

Топот коней преследователей раздавался совсем близко. Послышались выстрелы, и Джанка, развернув на полном скаку коня и привстав на стременах, выстрелил тоже. Выстрелил и Джелалдин. На макушке скалы показалась Красная крепость.

– Смотри, Джанка, крепость! Мы спасены! – закричал Джелалдин.

Крепостные стены вырисовывались уже совсем отчетливо, и скакавший во главе преследователей князь Адамей обеспокоенно взмахнул плеткой, показывая на них. Следовавшие за ним всадники изо всех сил стали хлестать своих лошадей.

– Быстрей, быстрей! – заметался князь. – Нельзя дать им укрыться в крепости.

Но и у преследуемых словно удесятерились силы, кони Джелалдина и Джанки, почувствовав волнение своих седоков, пом-

чались что есть мочи: преодолев отлогий подъем, они – уже победным галопом домчали их до четырехугольной башни. Опасность миновала. Из шести небольших окон высунулись тогда дула ружей и пистолетов. Раздались выстрелы, и казалось, что стреляют из всех шести оконных проемов. Несколько преследователей упали. Повелительным жестом князь Адамей оставил своих людей, и всадники отступили от крепости на расстояние выстрела.

Князь Адамей поднял руку и прокричал беглецам:

– Джанка! Мы все адыги, братья по крови. Выдай нам ногайского абрека, сына проклятого Темир-Кола, и мы пощадим тебя!

– Да отсохнет твой язык, князь Адамей! Джанка никогда не предавал своих друзей. И ты не дождешься этого. Джелалдин – мой брат по чести, а ты кровожадный шакал, терзающий своих братьев!

– Чего же ты хочешь, Джанка! Подумай: если выдашь неверного, я подарю тебе одного из скакунов, которых вы угнали у меня, как воры.

– Я хочу твоей смерти, князь Адамей, – и ты ее заслуживаешь. Когда мы с сестрой остались без отца, ты отнял ее у меня и продал в Анапе, ты разорил мой дом – и я ушел в абреки. Только кровью я смогу смыть свой позор. А этих коней ты получил от турецкого паши за сестру – я знаю. Так признай хотя бы это, и убирайся отсюда, а не то я вкачу пулю в твой чугунный лоб.

– У-у! Гяур! – прохрипел взбешенный князь и, выхватив саблю, ринулся на крепость.

Его люди поскакали за ним, но раздались выстрелы, и с пронзительным воплем князь Адамей свалился с коня. Всадники подскочили к нему, но князь встал сам и отошел – в бессильном негодовании – от загубленного коня. Из крепости раздался хохот беглецов.

– Ну, подождите, разбойники! – и разъяренный князь вскочил на коня своего телохранителя.

– У нас с тобой особые счеты, князь Адамей. Но пока убирайся или получишь такую же пулю, как твой гнедой! – раздался крик Джанки.

– Погоди, гяур, ты еще ответишь за это! – прокричал князь, удаляясь от крепости.

Когда преследователи были уже далеко, Джелалдин и Джанка выбрались из крепости и направили коней в горы. Вдали заблестели ледники. Мирно шелестели листья деревьев, и все располагало к беседе.

– Джанка! – промолвил Джелалдин. – Возьми этих коней. Я ведь не знал, что они значат для тебя.

– Нет, Джелалдин! Так оценил сестру проклятый князь. Но никакое богатство не заменит ее... Мы должны отбить у князя охоту грабить людей, и мне по душе твоя мечта о белом табуна.

– Это не моя мечта – так задумал отец... А я просто должен собрать калым, ведь я дал слово отцу Мейлек-хан...

– Отберешь у одного князя и вернешь другому. Какая же польза от этого?

– Мейлек-хан мне дороже жизни. Вот и вся польза... Это отец не искал никакой выгоды. Он бросил вызов князьям и заслужил громкую славу – потому и жива память о нем...

– Жива ли, Джелалдин? Князья не хотят вспоминать о Железной Руке. Но, живи я в этом краю, я бы, наверное, стал его другом...

Всадники поднялись на вершину и спешили. Навстречу им из пещеры вышел немой старик в косматой папахе...

– Салам алейкум, Тоган! – в один голос приветствовали старика Джанка и Джелалдин.

Старик в ответ склонил голову и улыбнулся.

– Князья и теперь боятся отца, – и Джелалдин кивнул на старика. – Они вырвали ему язык, чтобы никто не узнал о делах Темир-Кола, и отрезали уши, чтобы он не опроверг их бесстыдных наветов...

– Как же он выжил? – спросил Джанка, с состраданием глядя на старика, готовившего им еду.

На ковре перед входом в пещеру он разложил куски мяса, овечий сыр и кувшин с айраном. Скинув с себя черкески, джигиты присели на ковер и плотно поели.

Утром Джелалдин отправился на охоту. Шумно раскачивались кроны деревьев, травы утопали в росе. На цветущей поляне Джелалдин увидел косулю, чутко поводящую ушами. Он хотел выстрелить, но опустил ружье, увидев бредущую вдоль опушки Балыш.

– Безумная Балыш, обратившись в ветер, ищет своего возлюбленного, – прошептал он самому себе и бесшумно, чтобы не испугать девушку, прокрался на поляну.

Балыш пела свою песню, и Джелалдину казалось, что он видит не ее, а свою далекую возлюбленную. – И зачем только я дал слово князю? Мучается Мейлек-хан, мучаюсь я! И все из-за того, что я сын своего отца!

Подул сильный ветер и унес безумную Балыш.

Джелалдин долго искал ее глазами, но видение исчезло.

А Мейлек-хан в этот час сидела с Кумис в своей комнате.

– И зачем только я согласилась на условия отца! Уж лучше бы Джелалдин похитил меня – не перенести мне разлуки. Сердце чует недоброе.

Из соседней комнаты доносились голоса пировавших гостей.

– Совсем я не узнаю тебя, Мейлек-хан, печалишься понапрасну, изводишь себя. А ведь что суждено – того не минуешь. И никто не знает, что случится завтра. А если Джелалдин, возвратившись, не найдет тебя в кругу веселых подруг, то обвинит в этом себя и будет несчастлив. Так не горюй же, прошу тебя!

– Как же мне не горевать, дорогая Кумис. Второй год нет от него вестей. А может быть, он забыл обо мне. Может, и вправду не судьба нам быть вместе. Говорят же люди, что он женился в чужих краях, что одолели его враги...

– Не верь этому, княжна. Джелалдин смел и никому не уступит. И сердце у него верное – он не может изменить. А люди разное говорят: и то, что женился он будто на сестре какого-то черкесского узденя и то, что князей испугался, и то, что, изгнанный ими из тех краев, подался в Турцию...

– О, Аллах! Неужели же это правда?

– Нет, дорогая моя, нет! Болтают люди!

– Ах, Кумис! Покуда мы были вместе, я жила в его сердце, но сейчас мы далеко друг от друга... Не случайно, видно, смеются люди: не жена, мол, Мейлек-хан и не невеста... А он, бессердечный, разве не мог дать мне знать, что жив, что думает обо мне! Да и жив ли он, о, Аллах! – и Мейлек-хан расплакалась.

– Сестра моя, прогони от себя эти мысли, Джелалдин жив, и ты скоро его увидишь, – успокаивала подругу Кумис.

В просторной гостиной Аман-Гирей принимал богатого гостя Мирзабека Уракова. Карагул, стоявший в углу, прислушивал за столом. Во дворе угощалась челядь приезжего князя, и их довольные голоса доносились в гостиную.

Уже неделю гостил Мирзабек, а хозяин, не торопясь с распросами, все обхаживал гостя. Они поохотились вместе и в то же утро, за завтраком, откровенно побеседовали.

– Плохие времена настали, мой друг, – все ноги попали под опеку русского царя. Теперь нам запрещено торговать живым товаром. Я еле вывез в Анапу пять девок, а детей перед каждым сторожевым постом приходилось прятать в мешках. Вдобавок ко всему на дорогах разбой. На обратном пути встретились мне черкесский уздень Джанка с сыном Железной Руки...

Аман-Гирей резко поднял голову:

– Проклятое Собачье корыто!

– Да, да, продолжал старый князь, – я возвращался, довольный поездкой. Смог все же довести товар, а на выфученные деньги закупил всякой всячины, и даже обезьянку приобрел, Мирзабек встал и подозвал хозяина к окну.

Внизу, возле стоявшей у ворот арбы, столпились люди. Они окружили клетку с обезьянкой и заливались хохотом.

– На девку поменял! – похвалился гость.

– Очень похожа на человека, – цокнув языком, проговорил хозяин, приглашая Мирзабека к столу.

И они снова сели.

– Ну, так вот, Джанка и Джелалдин – эти трусы – хотели напасть на меня, одного из благороднейших людей горного края. Но мои джигиты так им всыпали, что им вовек не забыть моих гостинцев...

– Надо было покончить с этими негодьями! – как отрубил разгневанный князь, взмахом руки пресекая наглые действия бандитов.

– Эти трусы, князь, получили свое. Теперь они неопасны. Еле шевелились, когда я исхлестал их плетьюми! Произнеся это, Мирзабек притворно кашлянул и не таясь – желая узнать, верит ли ему князь, заглянул ему в глаза.

А верить можно было лишь тому, что хвастливый Мирзабек на самом деле повстречался однажды с Джелалдином и Джанкой.

Он гнал тогда обоз по дороге и, окруженный своими верными кольчужниками, не чувял никакой опасности. Перед деревянным мостом, перекинутым через бурную речку, отряд спешился. Мирзабек подумал, что по мосту не проедет арба, и приказал воинам отыскать брод – в этом месте со скалистым берегом переправиться было трудно. Решился и сам пройти по мосту, но из осторожности пропустил вперед старшего нукера, и тот, взяв коня за повод, прошел через мост. Его примеру последовал старший Мирзабек, но, как только он перешел на другую берег, бревна разошлись и с грохом рухнули вводу. На одном берегу реки стояли нукер и князь, а на другом кольчужники смотрели на то, как река медленно сносит бревна. Сосредоточившись на этом великом чуде, они не заметили, как из-за валунов на противоположном берегу выскочил вооруженный джигит и приставил пистолет к голове князя. Его нукер схватился за кинжал, кольчужники выхватили пистолеты, но...

– Прежде чем ваши пули достигнут этого берега, дражайший князь отправится во владения Азраила! – ткнув пистолет в перепуганного князя, Джелалдин вскинул курок.

– Не стрелять! – крикнул насмерть перепуганный старик.

На скале в это время появился Джанка и, повернувшись к кольчужникам, фокричал:

– Если кто сдвинется с места – убью! Все вы знаете, что Джанка бьет без промаха.

– Благородный князь, мне не нужно твоего кошелька, но ты щедр и захочешь, наверное, подарить мне своего скакуна. Я приму этот дар, ведь твой конь неплох! – проговорил Джелалдин, не отнимая пистолета от головы князя.

– Прошу тебя, добрый джигит, не убивай меня, только не убивай, – взмолился князь.

– Если ты отдашь скакуна и твои люди будут послушны...

Старший нукер вдруг рванулся к Джелалдину, но раздался выстрел и, замерев на месте, нукер рухнул на землю.

Джанка откинул ружье и вытащил из-за пояса пистолеты.

– Стоять! Джанка не знает промаха! – крикнул он.

– Ну, так как, благородный князь, подаришь ты мне своего скакуна? – спросил Джелалдин.

– Он стоит больших денег... – простонал князь, обласкав взглядом свой кинжал. – Назови свое имя, храбрый джигит! Я ведь должен знать, кому дарю коня.

– Меня зовут Джелалдин, я – сын Железной Руки!

– Железной Руки?! – поразился князь.

– Наверняка и ты, князь, охотился за моим отцом? – усмехнулся Джелалдин.

– Нет, Джелалдин, нет. Беги коня – от чистого сердца дарю...

И князь не успел оглянуться, как Джелалдин вскочил на коня и был таков...

– Надо было убить этого голодранца! Снял бы камень с моей души! Ты ведь слышал, наверняка, в какие сети заманил он мою дочь? – спросил хозяин.

– Так это тот самый выскочка! Ну, тогда успокойся, – засмеялся Мирзабек. – Таких надавали мы им тумачков, что они еле ноги унесли. Так же, помню, я разделался и с его трусливым отцом – Железной Рукой! Вот этими самыми руками схватил его за шиворот...

– Но-но!.. Друг мой, это уж слишком. Всем хорошо известно, как погиб Железная Рука – храбрый был джигит. Да и сын его... – задумался Аман-Гирей, запнувшись на полуслове.

– Правду говоришь, и сын храбр! Среди бела дня – и охраны не побоялся – напал на наш обоз. Скакуна жалко, вот что, – сознался Мирзабек и рассказал все как было.

– Плохие времена настали, князь, заговорил опечаленный Аман-Гирей. Между князьями нет согласия, каждый поровит ограбить ближнего, а их самих, между тем, грабят такие вот оборванцы...

– Надо избавиться от него, князь. Я задумал облаву, чтобы вернуть скакуна – большие деньги отдал за него.

– Нет-нет, уважаемый! Хватит с нас одной Железной Руки! Ведь, если ты, чего доброго, упустишь его, то во сто крат умножишь его славу!

– Тогда вот что: подговорим верного джигита и пусть он выследит его и убьет.

– Все, мой дорогой друг, идет к тому, что моя дочь должна будет отдать ему руку – судьба мне, наверное, породниться с безродным.

– Не бывает этому! – вскипел спесивый Мирзабек.

Аман-Гирей горестно опустил голову.

– Я знаю, князь, – сладко запел Мирзабек, – какой прекрасный цветок взрастил ты в своем саду, о красоте Мейлек-хан слышан весь горный край. Очень бы я хотел еще раз взглянуть на нее.

Аман-Гирей не заставил себя просить и тотчас же обратился к прислуживавшему за столом карагулу:

– Позови мою дочь, раб.

Карагул вышел из комнаты и вскоре вернулся, следом за ним вошла Мейлек-хан. Не поднимая головы, она остановилась перед почтенными стариками.

– Неужели это она – Мейлек-хан? Разве можно держать взаперти такую красавицу! Никакому гостю не нужно будет твоих угощений, Аман-Гирей, покажи им свою прекрасную дочь – и всякий твой кунак будет сыт по горло!

Аман-Гирей недовольно посмотрел на гостя, но не подал вида, что его лесть весьма оскорбительна.

– А ты помнишь меня, Мейлек-хан? – закатывая в восхищении глаза, спросил Мирзабек.

– Нет, – прошептала Мейлек-хан.

– Как же – не помнишь? – вспыхнул Аман-Гирей. – Мирзабек не раз бывал в нашем доме и всегда одашивал тебя гостинцами!

– Ну-ну, – попытался успокоить его Мирзабек. – Я уже давно не бывал в вашем доме... И потом, здесь бывает столько людей, что всех и не упомнишь!

– Всех и не надо... но ты – один из почтеннейших наших кунаков, – недовольно проговорил Аман-Гирей.

Мирзабек смиренно склонил голову и страстно, как молодой юноша, взглянул на Мейлек-хан. Девушка содрогнулась, заметив этот алчущий взгляд.

– Дочь моя! – ласково проговорил Аман-Гирей. – Называю тебя дочерью, хотя и зарекся называть тебя так. Послушай же меня. Прошло уже два года, а от твоего Джелалдина нет никаких вестей. И он, как видно, не совершил никаких славных дел, ведь, прославь он свое имя, мы узнали бы об этом. К тому же, наш гость – уважаемый Мирзабек – видел его с черкесом Джанкой, и люди говорят, что они хотят породниться.

Мирзабек кивнул головой, подтверждая слова князя.

А Аман-Гирей продолжил:

– Поэтому-то я и думаю, что Джелалдин отказался от тебя. Не каждому по силам жизнь на чужбине.

– Не говори так, отец! Джелалдин не мог отказаться от меня. И он сделает все, чтобы его имя стало знаменитым! – сказав так, Мейлек-хан выбежала из гостиной.

– Настоящая пэри! Гурия! Какой прекрасный цветок растет в твоём саду, князь! – и Мирзабек едва не захлебнулся от восторга.

– Она запятнала меня позором, связавшись с этим ничим, – печалась, проговорил Аман-Гирей.

– Послушай, что я скажу, князь. Я, конечно, уже не молод, но ты знаешь, как славен и богат род Ураков. Только что проку в богатстве и славе, если ты так одинок и стены родного дома холодят душу.

Аман-Гирей поначалу не поверил своим ушам: так ли понял он Мирзабека?

Но намеки гостя были так прозрачны и... так заманчивы, что князь просто расцвел, представив себе возможный родственный союз...

– Что и говорить, Мирзабек, я, как и все, почитаю род Ураков. Да и сам ты всегда был опорой в наших общих делах. И кто же не знает о твоём огромном богатстве и храбрых кольчужниках! Но у тебя, князь, взрослые сыновья, не решат ли они, что их отец чернит память их матери?

Мирзабек ухмыльнулся:

– Князь знает, что я давно разделил свои имения между сыновьями, и, выросшие в послушании, они и теперь не перечат своему отцу, хотя уже давно выросли и сами стали отцами. Да и шарият не запрещает мне жениться. Ведь уже прошёл год со дня смерти моей жены.

– Я рад этому, Мирзабек, но мы все же не сможем договориться, если не разорвём прежнее обязательство.

– Это я беру на себя! – Мирзабек, улыбаясь, протянул князю руку.

И, довольные друг другом, старые кунаки скрепили свой договор рукопожатием.

* * *

Вечерело. Две девушки, в сопровождении вооружённого караула, шли по долине.

– Пусть навеки погаснет свет в моих глазах, если я забыта Джелалдином! – вытирая слезы, произнесла Мейлек-хан. – Как видно, правду сказал Мирзабек: он полюбил другую и потому не дает знать о себе. Не только дружба связывает его с черкесским узденем...

– Люди завидуют тебе, моя несравненная, ведь о такой любви слагаются песни! – успокаивала подругу Кумис.

Мейлек-хан сорвала два тюльпана: один Джелалдин, другой – она, Мейлек-хан – и ударила их друг о друга. От двух-трех соприкосновений лепестки цветков осыпались. Мейлек-хан показала подруге голые стебли и безутешно зарыдала.

– Не надо искушать судьбу, – утешала ее Кумис, – ханум недавно гадала, и эти цветки сказали ей, что джигит не разлюбит ее до самой смерти и сама ханум не переживет своей любви...

– Нет, дорогая Кумис. Любить джигита, не сдержавшего слова – то же самое, что любить труса...

– Прости мне эту дерзость, сестра моя, но Джелалдин не трус. Угрюмый ветер доносит его дыхание. А любовь, Мейлек-хан, сильна надеждой. Надейся же – и все будет хорошо!

– Ах, ветер! Принеси мне надежду! – Мейлек-хан посмотрела вдаль и увидела, среди цветов, развешавшиеся одежды Балыш.

– Безумная Балыш поет свою песню! – со страхом прошептала Мейлек-хан.

Девушки укрылись в объятиях друг друга. А по долине разносилась скорбная песня безумной Балыш...

* * *

Ночь. Тишину разрывал бесконечный лай собак. У дверей сакли стояла женщина в белом тастаре.

– Кто это? – раздался мужской голос.

– Это я, – чуть слышно отвечала женщина.

– Кого это носит в такое время?

– Это я, почтенный Ат-Чапар...

– Ат-Чапар... Нетрудно затвердить мое имя. Но назови сначала свое, – приоткрыл дверь аульский ювелир.

Хозяин раздул огонь в горне, зажег светильник и, увидев посетительницу, отпрянул назад.

– Что это значит? – растерянно произнес старик, – с каких это пор наши стыдливые женщины стали разгуливать по ночам? Прежде они, помнится мне, не междудворничали...

– У меня к тебе весьма важное и неотложное дело, почтенный Ат-Чапар, – отвечала незнакомка, изменив до неузнаваемости свой голос, хотя... – Дело, – повторила посетительница, которое ты должен немедленно кончить...

– Что я слышу! – воскликнул старик, не веря ушам своим, – у меня в гостях высокогородная княжна... И как же мне не узнать голос госпожи, которую я нянчил еще ребенком?.. Но возможно ли это? Может быть, слух изменяет мне?

– Ты не ошибаешься, мой верный слуга...

Незнакомка откинула с лица покрывало и предстала перед удивленным добряком во всем блеске своей красоты... Ат-Чапар засуетился, усадил красавицу на самую мягкую из своих подушек и стал от нее в почтительном отдалении, у двери.

– Что прикажет моя славная госпожа? – спросил он робленно, подойдя к ней и поцеловав край ее атласного архалука.

– Я тайно пришла к Ат-Чапару, – был ответ, – чтобы он сделал пулю из этих монет...

Девушка развязала шелковый платок и подала ювелиру три золотые монеты. Тот взял их, повертел в руках, осмотрел с видом знатока и на минуту задумался.

– Где-то я уже видел эти монеты? Ах, да, вспомнил он, – но для чего ты принесла их мне? За работу этого слишком много!

– Ат-Чапар должен отлить из этого золота пулю. Займись этим сейчас же. Я тороплюсь – уже поздно...

– Ханум шутит? – недоверчиво спросил ювелир.

– Ханум сказала тебе, чтобы ты немедленно сделал пулю вот к этому пистолету.

Девушка отцепила от пояса небольшой пистолет, украшенный алмазами и золотом, и подала его обескураженному ювелиру.

– Так это не шутка? – спросил он, глядя на блестящее дуло.

– Я и не думала шутить, старый чудак! Изволь потропиться – твои рассуждения занимают слишком много времени.

– Величина небольшая, – пробормотал ювелир, вложив указательный палец в дуло, – достаточно и двух монет...

– Я же сказала тебе, что ты должен отлить пулю из всех трех... из всех трех... непременно... слышишь ли ты меня?..

– Уже тридцать лет я занимаюсь ювелирным ремеслом, но, чтобы изводить золото на пули!.. – он покачал головой и вопросительно взглянул на гостью. – Для кого же предназначена эта золотая смерть? И разве свинец хуже?.. Неужели же кто-то думает, что от золотой пули умереть приятнее? Золотая пуля ... Может быть, ее хотя бы проглотить?..

Княжна, потеряв терпение, опустила руку в карман архабука и подала старому ювелиру горсть серебряных монет.

– Это что же, тоже на пули? – испуганно спросил добряк.

– Это за работу, старик. Но, повторяю тебе, надо потопиться...

Старик покачал головой, что означало: будь по твоему! – и, встав с места, бойко принялся за дело.

Через час пуля была готова – сверкающая, гладкая. Княжна ловко вкатила ее в дуло пистолета, как будто весь свой век обращалась с оружием и, тщательно завернув в тот же платок, достала еще одну горсть серебра, которую, теперь уже с жадностью, принял благодарный мастер.

– Ат-Чапар никому не расскажет об этом, – произнесла девушка, смотря ему в глаза, – и, что бы ни случилось, он должен быть нем.

– Ат-Чапар клянется, ханум! Даже если будут угрожать – он не скажет ни слова... Не проводить ли ханум?

– Не нужно, Ат-Чапар! Спи спокойно!

С этими словами девушка накинула тастар и, выторгнув из сакли, скрылась в ночной темноте...

* * *

Два всадника спускались с горы в широкую долину. Быстроногие кони гарцевали по узкой тропе, внизу шумела Кубань. Весело шелестели листья деревьев, по небу катились облака. В пронзительной тишине отчетливо слышались голоса.

– Как часто ты выручал меня, друг Джанка! Ты сделал все, чтобы осуществилась моя мечта, и я хотел бы помочь тебе отомстить ненавистному Адамею...

– Для меня дружба превыше всего, Джелалдин. А Адамей и так заплатит за все. Когда ты соединишься со своей любимой и предашься мирной жизни, – дай Аллах тебе благополучия! –

горы загремят о деяниях Джанки. Я уничтожу всю родню князя Адамея, оставлю ему только одного из шестерых сыновей и буду ждать в Красной крепости, когда он приползет к моим ногам и станет молить о жизни единственного наследника... И я не хочу, чтобы сказали, что все это сделано не моими руками.

– Но я не могу оставить тебя одного, ведь Адамей хитер, как лис, и ты не справишься с ним в одиночку.

– Большого горя, чем потеря сестры, для меня нет. Этот лис отнял ее у меня, когда я был мал. Но Аллах дал мне руки и ноги не для того, чтобы я, как зверь, карабкался по этим скалам. Одна женщина дала нам с сестрой жизнь, и одна материнская грудь питала нас молоком. Пусть же оно станет ядом, если я не отомщу за сестру! Отец научил меня держать в руках кинжал. Но какой же я защитник, если позволю безнаказанно похитить дочь своего отца? Князь Адамей запятнал память об отце и матери. И я должен отомстить!

Дорога сузилась, и Джанка пропустил вперед Джелалдина.

– Ты помог мне, и я хочу быть полезным в твоём деле, ведь мы с тобой поклялись в верности. А Адамей силен не только хитростью – у него много людей.

– Посмотри, как тесна эта дорога нашим скакунам, – я боюсь, что и нам будет тесно на тропе мести.

В глубокой котловине показался аул. Сизые струйки дыма текли из очагов. Копошились люди, казавшиеся на расстоянии едва заметными точками.

– Родной аул! – вздохнул растревоженный Джанка. И друзья обнялись на прощанье.

– Если что случится – дай знать, и Джелалдин придет на помощь!

– Я знаю – ты верный друг! И когда исполнится все, что я задумал, я дам тебе знать. Прощай!

Еще раз обнявшись, друзья сели на коней. Джанка стал спускаться в аул, а Джелалдин пустил коня обратной дорогой. Расстояние между ними выросло вдвое, втрое и... цокот копыт смолк. Но раздался выстрел, и эхо разнесло его по склонам. Конь Джелалдина взметнулся и вместе со всадником полетел в пропасть, в клубившиеся волны Кубани.

Затаившийся в кустах убийца, закутанный в чёрный башлык, вывел коня из леса и поскакал прочь.

Что есть сил мчался Джанка по дороге, но в лесу уже никого не было. Тогда он взглянул вниз и увидел пльвившее по волнам тело друга. Обезумевший от ярости, он кинулся на поиски убийцы, но вскоре оставил эту затею – не найти ветра в поле! – и поскакал к реке.

Джанка преклонил колени у тела друга и, не сдержавшись, зарыдал... Вокруг них собирались люди. Подошел старик в белой чалме, дотронулся до руки Джелалдина и приложил ухо к его груди – рука молодца была бесчувственной, и старик покачал головой: сердце Джелалдина не билось; и старик сокрушенно взглянул на Джанку...

* * *

В комнате Мейлек-хан сидели плакальщицы – и голоса их, не умолкая, звучали то глуше, то сильнее. Княжну, утонувшую в слезах, поддерживали подруги – она была безутешна.

По двору беспокойно сновал князь Аман-Гирей. Он не сводил глаз с окон комнаты, откуда доносился плач. По его лицу блуждала улыбка, и, с неохотой отрываясь от своих сладких дум, он отдавал распоряжения суетливым работникам.

* * *

Догорал костер, и небо начинало светлеть; показались развалины аула. Белобородый старик, набив свою трубку, закурил. Землемер, не отрываясь, смотрел на развалины.

– Может, я утомил кунака этим долгим рассказом? – спросил старик.

– Совсем нет. Но мне непонятно, кто убил Джелалдина?

– Постой, постой. Сабур бал! (будь терпеливым!) – проговорил рассказчик и посмотрел на чабана. – Приготовь-ка гостю чай!

Чай вскоре был готов, и, глубоко затянувшись, старик продолжил свой рассказ.

– Стрелял в Джелалдина искусный убийца, подсланный Мирзабеком. Князья, надо сказать, не могли обойтись без этих арамзаде – убийц – и не скупились на их содержание. Арамзаде могли проникнуть в любой дом и придушить даже ребенка, заколоть даже старика – они не знали жалости. Таким арамзаде был и тот, что стрелял в Джелалдина. Да только не убил он Джелалдина – ранил.

Поначалу и Джанка поверил в его смерть. Но старый мудрец из аула Адамея не был, по счастью, так легковверен: он приложил к устам Джелалдина блестящий клинок – и увидел на нем едва заметный след. Джигит был жив! Тогда Джанка увез друга в их старое жилище и начал выхаживать. Тем временем весть о смерти Джелалдина разнеслась по всему ногайскому краю. Дошла она и до дома Аман-Гирея...

Известие это сразило Мейлек-хан. Много дней была она между жизнью и смертью. Княгиня Айша, любившая дочь больше жизни, и верная подруга Кумис не отходили от ее постели ни днем, ни ночью.

– Очнись же, моя милая, – молила несчастная мать. – Увидеть тебя здоровой, со светящейся улыбкой и соловьиным пением на устах – мое единственное желание!

– Бесценная моя подруга! – причитала Кумис. Велико твое горе, но и мы теперь так же безутешны: не сумели сбегать тебя, ненаглядную, извела тебя печаль, истомила...

– О, всемогущий Аллах! Всегда ты был милостив ко мне – не оставь и сейчас: спаси двух своих рабынь – мать и дочь, души которых неразлучны. Истомилось сердце матери, болезнь иссушила дочь. Помоги нам, всемогущий!

– Мейлек-хан! Душа моей души, утешь нас, молю! Растопи лед печали в наших сердцах! Смирись, моя бесценная подруга, ведь Джелалдина уже не воскресить...

– Джелалдин, – едва слышно повторила Мейлекхан. – Я хочу к нему... Я не хочу быть там, где его нет... Не хочу... – княжна открыла глаза, но не узнала ни мать, ни подругу. Ей показалось вдруг, что она – Балыш: свободна, как ветер, и, как ветер, близка небесам.

* * *

В далекой пещере укрывал Джанка своего друга. Джелалдин был еще очень слаб. Разведя костер, уздень разделявал медвежью тушу. В чужунке топилось сало. Подождав, пока оно остынет, Джанка подошел к Джелалдину.

– Выпей, это поможет тебе победить болезнь. Джелалдин попытался встать, но товарищ удержал его.

– Лежи, джигит, – сказал он, – тебе нужно набраться сил, а для этого ты должен быть терпелив.

– Какой сегодня день? – тихо спросил Джелалдин.

– Остался только месяц до назначенного срока. Но, если ты будешь послушен, встанешь на ноги через неделю.

Старик-табуңчик закивал головой и обнял джигита.

– А через две недели мы погоним табун к твоему будущему тестю! – весело пообещал Джанка.

* * *

Аман-Гирей сидел в задумчивости у раскрытого окна и смотрел на заходящее солнце. Его надменное лицо было непроницаемо и урюмо.

– Раб! – окликнул он стоявшего у входа слугу, позови ко мне дочь...

Карагул поспешно вышел и, шепнув несколько слов старшей прислужнице, возвратился.

– Выйди и не пускай никого в комнату, – не оборачиваясь, резко сказал Аман-Гирей, – даже княгиню.

Карагул вышел. Старик поправил папаху, застегнул на все крючки архалук и снова скрестил свой взгляд с приветными солнечными лучами.

Через какое-то время в комнату тихо вошла Мейлек-хан, но старик не повернул головы.

– Можешь сесть, – мягко сказал он.

Мейлек-хан не тронулась с места.

– Я знаю, что тебя настигла болезнь, и догадываюсь о причине. Но что же делать! – люди смертны, и никто еще не воскресал из мертвых. – Он посмотрел на дочь: слышит ли она его? – но Мейлек-хан, похоже, была далеко отсюда. – Три года назад много удалых джигитов хотели породниться с твоим отцом. Но всем этим почтенным людям было отказано – ни один из них не понравился девушке. Забыв стыд и совесть, она встречалась с наглым оборванцем. Моя дочь запятнала мою честь. Но любовь к ней взяла верх и я покорился своей участи. Однако с условием: через три года джигит должен был вернуться, прославив себя и разбогатев. Но Аллах справедлив. Помнишь ли ты о том, что Джелалдин обещал отказаться от тебя, если мое условие не будет выполнено? – старик замолк и с надеждой посмотрел на дочь.

Мейлек-хан тихо выдохнула:

– Я все помню, отец...

– Уздень Джанка оказал удальцу последнюю услугу: он вытащил его из воды и похоронил так, как велит обычай... Теперь я и моя дочь избавлены от своего обязательства. И мы должны соблюсти законы, установленные нашими предками. Воля дочери – это воля отца! Так ли я говорю, дочь моя? – и Аман-Гирей впился взглядом в трепещущую фигуру дочери.

– Да... – прошептала девушка.

– А раз у моей дочери нет избранника, пусть она приготовится ровно через пятнадцать дней – ко дню истечения нашего обязательства – выйти замуж за почтенного Мирзабека из рода славных Ураков.

Громовым раскатом показались девушке слова Аман-Гирея.

– Я не хочу жить, отец...

Шатаясь, она упала на ковер и обняла ноги угрюмого старика...

* * *

Может быть, это вымысел – я не ведаю того, но у всякого вымысла есть правдивый источник. Так случилось, что день свадьбы Мейлек-хан совпал с днем возвращения Джелалдина. Двор Аман-Гирея оделся в свадебные одежды, на крышах кибиток развевались разноцветные флаги. Повсюду горели огни. Мужчины разделявали овец, детвора веселилась. На высоком крыльце князь встречал дорогих гостей.

Приняв лошадей, работники провожали знатных гостей в кунацкие сакли, где они должны были провести свадебные дни. Женщины помогли сойти с повозок почтенным княгиням и их дочерям.

Приехал со свитой и князь Адамей. Аман-Гирей, сойдя с крыльца, поздоровался с почетным гостем.

– Поздравляю, поздравляю! – приветствовал хозяина Адамей. – Новая папаха тебе к лицу, князь. Зять это новая папаха. Да умножатся ваши богатства, да возрастет ваше могущество на благо всех правозверных!

Из большой крытой повозки высаживали рабынь подарок к свадьбе. Трех девушек в нарядных одеяниях подвели к Аман-Гирею.

– Прими от меня этот скромный подарок, князь. И пусть они преданно служат в твоём благодатном доме!

Аман-Гирей закрыл глаза, показывая, что он доволен подарком. Потом обратился к старшему муртазаку:

– Покажите князю Адамею кунацкую. Князь устал с дороги. Попотчуйте также и всю его свиту.

А в комнате невесты уже заканчивались приготовления. Высокородные княжны сидели на стульях, подружки невесты стояли рядом. Тихо играла гармонистка. В темном углу, за занавеской из прозрачной ткани, сидела в великолепном одеянии горестная невеста.

А жениха с почетом встречали далеко от аула. С приближением почетной депутации все изменилось в княжеском доме: раздалась пальба из ружей, громко заиграли на домбрах и свирелях музыканты. Гости старались выдвинуться вперед, чтобы увидеть приближавшегося Мирзабека: в сопровождении нукеров он уже входил во двор. Люди посторонились, давая ему дорогу.

Чтобы взглянуть на него, подружки невесты бросились к окну, и до Мейлек-хан донеслись насмешливые голоса княжеских дочерей:

– Какой же он старьей!

– Что же он будет делать с молодой красавицей?

– Держать в клетке, как свою знаменитую обезьянку.

Наша Мейлек-хан не обезьянка, но и ее участь будет не лучше.

И даже в толпе аульчан раздавались разочарованные голоса.

– Этот мирза, видно, выжил из ума, раз срывает такой цветок! – бурчал себе под нос недовольный стафик.

– Неужели этот старьей пень не знает, что невеста любила молодого джигита и все еще тоскует о нем? – печально вздохнул молодой кольчужник.

– Тише вы, фотозеи! Разве можно так говорить о высокопочтенном мире! – презрительно проговорил богатый горец, пробиваясь в первый ряд...

* * *

Вдали от аула показалось темное облачко. Это Джелалдин, Джанка и бедолага-немтырь гнали белый табун. Топот оглашал всю округу и скоро стал слышен даже в княжеском дворе...

Там по-прежнему гремела музыка. Совершались свадебные обряды, за которыми холодно наблюдала толпа: потешной была эта свадьба!

Огромная свита окружила жениха. Аман-Гирей учтиво пригласил их всех в дом.

– Жених идет! Жених идет! – раздались голоса княжеских дочерей.

Они отпрянули от окна и чинно расселись по своим местам.

– Нет, – прошептала Мейлек-хан, – лучше смерть! В ее руках сверкнула золотая пуля, и она приставила к груди пистолет.

Раскрылась дверь, и перед глазами Мейлек-хан предстало шествие знати во главе с отцом. Их оглушил выстрел, раздавшийся в таинственной полутьме.

Застыли в изумлении гости. Ужасом наполнились сердца девушек.

Наступила тишина, по которой прокатился вскоре оглушительный топот коней Джелалдина – они ворвались во двор... Но старый Аман-Гирей ослеп от горя: хрупкое тело дочери он положил на расстеленную на земле бурку.

* * *

Случилось это в 1158 году хиджры, по мусульманскому календарю, закончил старик. – Старый Аман-Гирей не в силах был оставаться в доме, где погибла его любимая дочь. И вместе со всем народом подался в Турцию...

– А что же случилось с Джелалдином? – спросил землемер, глядя в сторону бывшего аула.

– Говорят, что Джелалдин с Джанкой отправились в Закубанье. Что с ними дальше было, не знаю, но там до сих пор помнят о двух друзьях-абреках...

Землемер прощался со стариком и его друзьями. Кучер подал фаэтон. Лучи ослепительного солнца упали на развалины аула. Вдали виднелась двуглавая вершина Эльбруса, величаво глядевшая на поникшую землю.

* * *

Я много раз перечитывал «Предание о золотой пуле», но чувство неудовлетворенности не покидало меня. Наверное, современному человеку эта романтическая история и должна казаться вымыслом: мы сегодня живем иначе. Но ведь Мейлек-хан и в самом деле пришла из преданий. И так же, как череп, хранимый моим другом—художником, она не могла обрести живую плоть. Не знаю, не знаю... Но, когда я читал о ее бедах, Мейлек-хан была со мной, а расставаясь с преданием, я расставался и с ней. И, по-прежнему, глядя на тот костяной лик, я спрашивал себя: кому он принадлежал? В моем воображении возникали люди, которых я когда-то знал. Я мечтал, чтобы какое-то сверхозарение нашло на меня и явило лицо, доселе не виданное, но родное...

Часть вторая. *Квартира*

Квартирант

Он жил в квартире. Она отделяла его от окружающего мира и сама была миром. Будущая планета, если, конечно, она сохранит мир, представлялась ему сплошь разлинованной под квартиры: и на суше, и на море стояли огромные небоскребы с балконными садами, цветниками, с подземными бассейнами и улицами. Воображение уносилось в грядущие тысячелетия, и ему виделись новоселья потомков на Антарктиде и в высокогорных районах Тянь-Шаня; представлялись и небоскребы на Луне или на другой планете, где к тому времени создадут искусственную воздушную среду и приживутся живые организмы; виделся даже искусственный спутник, на котором будут все те же квартиры. Все это в случае, если на старой Земле не произойдет катастрофы, которая истребит род человеческий, о которой так много писали и говорили во времена Кобека.

А пока что квартира Кобека была на земле. Одна комната, кухня, ванная с туалетом, небольшая ниша в стене — всего двадцать четыре квадратных метра полезной площади. Тесно, но, как говорится, свой угол, своя крыша над головой. Радостное ощущение свободы. Он поселился в высотном доме, где таких, как у него, сорок восемь квартир, рассчитанных в основном на молодежь.

нов, а всего таких домов на главной улице города девять: возвышаясь над пяти этажками, они придавали улице вид крепостной стены с зубчатыми бойницами. При всем том, этот архитектурный «ансамбль» — без иронических кавычек его не представить! — выглядел достаточно убого, отчего и казался символом нашего поточного времени — прямой угол царил здесь, как и всюду...

Квартира заставляет всякого смириться с судьбой. Хочешь-не хочешь, а должен к ней привыкнуть. Все мечтают иметь свою дверь, свое окно, свой угол, а точнее свои углы... И углов в этой квартире множество. Куда ни глянь — углы. Они и на стенах, и в проемах дверей, и на окнах — всюду; углы даже на мягкой мебели и коврах — и все положительно прямые. Но разве это плохо? Всматривайся в углы, уголки и уголки — и вырабатывай свой угол зрения. Во всех углах есть свои углы зрения, они состоят из двух скрещивающихся взглядов. Это, наверное, очень важно...

Углов зрения много, до бесконечности много. И все они поучают: хватит быть цельным, хватит нежиться под куполообразным шатром неба, пора и небо увидеть таким, каким его видят прохожие на заостренной крышам домов улице. Когда наблюдаешь такое разодранное углами небо, ясно понимаешь, что оно — всего лишь прямоугольное пространство, уходящее в бесконечность. Когда Кобек почувствовал, что оброс углами, до его сознания дошел чей-то грозный окрик: «Вырастешь ты когда-нибудь из своей утробной округлости! Не медли — пора уже определиться в своих углах!» Но как же трудно человеку, состоявшему, как и все природные тела, из общающихся живых окружностей, смириться с этой давящей прямоотой!..

Но надо было свыкнуться с квартирой, никто ведь уже не поселит тебя в войлочном шатре, смиришься, гордый человек, с выпавшим на твою долю образом жизни и не противься ни острым, ни прямым углам. Не щурь свои круглые глаза, соображая, что ты можешь постигнуть вселенную и познать ее тайны. Не ищи радости в ощущении бесконечного простора — и твоя душа успокоится: все, что когда-то было твоей жизнью, кануло в

миф. В старый и никому не интересный миф. Как не греют отгоревшие костры, так не греют и эти мифы...

Весь твой простор в однокомнатной квартире, но тебе дана голова, и, если ты напряжешь воображение, этот простор покажется тебе безграничным. Будь изобретательней, побольше фантазии, загляни в самого себя — и ты обретешь свободу. Если же ты сможешь, поменяй квартиру — сейчас это нетрудно; если же и в новой квартире ты будешь стеснен углами, меняйся на другой город, можно даже на Чукотку или Новую Землю. Но из Квартиры большое «К», как ты понимаешь, говорит о сути явления, а не о его размере! — так вот, из Квартиры ты все равно никуда не уйдешь, разве что в прямоугольную яму.

Но расскажем все по порядку... Он был таким, каким' был задуман, обтекаемым, податливым, гибким... Таким он был даже тогда, когда его еще не было, — и материнская утроба, в которой он провел девять, отмеренных природой, месяцев, была такой же округлой. Но на этом, увы, и оборвался его блаженный покой... С первой секунды его появления на свет в него врезались острые углы. Живое существо упорствовало и не хотело вбирать их в себя, оно держалось за свою цельность (а может быть, божественность!), но углы терзали его...

Кобек мало что помнил из своего раннего детства. Разве что ту историю, случившуюся с ним в детском саду. Он и сейчас не понимал, почему то одноэтажное здание называли садом. Сейчас в нем помещался вытрезвитель, а вокруг по-прежнему не было ни одного деревца. Почему же сад? Может, деревьями или цветами считались дети, которых там заботливо выращивали? Метафора какая-то! Ну, да ладно, теперь о той истории. В первый же день пребывания в детском саду его поставили в угол. А за что? Он и сейчас вспоминает об этом с чувством какого-то стыдливого умиления. Наказали его за то, что он не смог во время тихого часа проснуться и попроситься на горшок. А он видел такой изумительный сон: будто он маленький щенок и бежит по лужайке за порхающей бабочкой. Солнце светит ему прямо в

глаза, от радости брызжут слезы — и светло-светло на душе: мир для него прост, нет никаких забот, тревог, страха — живи и тянись вверх! Как деревце! И он, повинаясь своему щенячьему инстинкту, помочился под первым же кустиком; и после еще долго нежился, продлевая состояние счастья. Нежился до тех пор, пока, не почуяв запах, не подошла к его кровати очкастая воспитательница. Она разбудила его, тронув за плечо, и впилась в его лицо квадратными глазами. Он не на шутку испугался, почувствовав, как вонзился в него увеличенный толстыми стеклами угол зрения... Ему было непонятно, почему нельзя представлять себя щенком, когда тебе еще нет трех лет, почему нельзя бегать по лугу, если тебя зовет легкокрылая бабочка, и что плохого в том, что он лежит в мокрой постели. Откуда ему было это знать? И он тогда так и не понял, за что его наказали...

Тогда, возможно, он впервые задумался над тем, что не все, что хочешь, осуществимо. И понял, наверное, что действительность требует от него подчинения ее законам, что надо быть послушным и проститься наконец со своим щенячьим раем. Но проститься с воспоминаниями о той счастливой поре он не мог, и в душе по-прежнему жили самые фантастические картины. О недозволенности своих неумных фантазий он даже не подозревал, потому что был, как и прежде, таким, каким его задумали: родители, прародители, Природа... Он замыкался в себе при виде очкастой воспитательницы — боялся, что сделает какой-нибудь опрометчивый шаг, и потому краснел и смущался. Даже ничего не совершив, он дрожал от ее строгого взгляда, резких движений и металлического голоса. Если же ей было не до него, он осмеливался наблюдать за ней. Он видел, что воспитательница чем-то похожа на мать, и представлял, как она — по-матерински — приласкает его: ему очень хотелось подбежать к ней и уткнуться в мягкую грудь или дернуть за подол... Когда же воспитательница резко оборачивалась, эти мечты рассыпались, и он краснел, боясь, что она разгадает их...

Такое же желание было у него и в школе, с учительницами. Почему-то за все время его учебы у него не было ни одного учителя — мужчины, все женщины.

А одну из них он и сейчас вспоминал, хотя, в общем-то, в ней не было ничего особенного, — Кобек вообще не признавал никаких отношений с учителями! Поведения он был отменного, не баловался, не хамил... И руки никогда не тянул, если спрашивали — отвечал... В пример его никогда не ставили, но он и сам не хотел быть примерным: не любил задаваться. Он был резвый парень и ни в чем не отставал от своих сверстников, играл вместе со всеми и никому не уступал ни в силе, ни в споровке — но это на улице. А в классе он садился за последнюю парту, и — вдали от учительских глаз — чувствовал себя свободным и от преподавателей, и от учеников. Но и там он был недостаточно свободен и готовил себя ко всяким злоключениям. Та учительница напоминала ему воспитательницу с квадратными глазами. Она делала бесконечные замечания его одноклассникам, но Кобек знал, что в любой момент она может придраться и к нему — потому и вел себя смирно, защищаясь от напастей своим черепашьям панцырем. Учительница была молода и любила одеваться в такие облегающие одежды, что выделялись ее бедра и округлый живот. И Кобек, спрятавшийся в свой непроницаемый панцырь, прямо-таки видел, как он утыкается в ее мягкий живот, как она гладит его голову. Напуганный тем, что учительница может поймать его на этой запретной мысли, он краснел и не находил себе места...

После четырех начальных классов его перевели в другую школу, где было гораздо больше учителей, а все дети, учившиеся вместе с первого класса, были ему незнакомы.

И любимая им последняя парта была занята другими — его в наказание посадили перед самым учительским столом. А случилось это так. Первого сентября учительница привела его в класс.

— Ребята! Знакомьтесь, это наш новый ученик, — конопатая классная руководительница поправила очки и заглянула в шпаргалку, спрятанную в рукаве. Карамазов Рауф, так? — спросила она Кобека.

— Карамов! — весело поправил Кобек. — Только меня все зовут Кобеком, а Рауф — это так, по свидетельству о рождении.

— Чуть какая-то! — смутилась учительница. — Как же тебя называть? Фамилию-то твою я запомнила, ты извини за ошибку! — ноздри учительницы раздулись, очки сползли к кончику носа.

— Зовите меня Кобеком, — робко попросил новенький.

— Кобеком? — насмешливо повторила учительница.

— Кубок! — выкрикнул с первой парты черноволосый парень с нагло вытаращенными глазами.

По классу прокатился смешок.

— Вот видишь, что бывает, когда у тебя не как у людей, — тихо, будто самой себе, проговорила учительница и, улыбнувшись, любовно посмотрела на черноволосого ученика. — Карамов будет сидеть на первой парте, вот с этим джентльменом, — показала она рукой на мальчика.

— Это Артур-то — джентльмен? — выкрикнул кто-то, и ребята снова покатались со смеху.

— А почему бы и нет? У него прекрасные манеры: умеет себя держать, вежлив, не теряет чувства собственного достоинства, — многозначительно проговорила учительница, и в классе вновь раздался смех.

— Садитесь, Карамов! — оборвала смех учительница.

Кобек знал, что первые парты отдаются обычно примерным ученикам, чтобы они были на виду у учителя и чтобы никто им не мешал. Сам же он любил милую галерку, где так удобно было прятаться ото всех и видеть все, что творится в классе; а самым неудобным местом Кобек считал середину, где голова должна была вращаться как на шарнире: и за учительницей следить, и оглядываться по сторонам.

Кобек не спеша сел, изучающе посмотрел на соседа, который с ухмылкой оглядел новенького и громко, чтобы все услышали, задорно крикнул:

— Ну, что, Кубышка, будем учиться!

Класс взорвался смехом.

— Артур, Артур! Нельзя тебя и похвалить, как вижу, сразу начинаешь перебарщивать! — строго проговорила учительница, с почтением, однако, посмотрев на мальчика.

У Кобека горели уши: такое посрамление в первый же день не предвещало ничего хорошего. Он удивленно смотрел на конопатое лицо учительницы — его смущало, что эта надзирающая за порядком распорядительница поощряет нарушителя: тогда-то все в этой женщине — и ее манеры, и облик — стало казаться ему неестественным. Кобек не слушал слов, а был захвачен этими перевоплощениями учительницы. К действительно-сти его возвратила щемящая боль в боку — это сосед, незаметно для учительницы, протянул руку под парту и больно щипал его. Кобек, затаив дыхание и еле сдерживаясь от боли, попытался убрать руку.

— Что у вас там? — нервно вскрикнула учительница, грозно взглянув на Кобека.

— Артур шипается, — еле выдавил из себя Кобек.

— Этого не может быть, Артур? — натянуто улыбнулась учительница.

— Конечно, такое не может быть! — и Артур, подержанный смешливыми товарищами, замахнулся на Кобека.

Кобек едва успел выставить руку.

— Артур! — вскрикнула учительница. — Не к лицу такое взрослому человеку! Встань! — приказала она, небрежно взглянув на Артура, и грозно — на Кобека. — И ты встань! Выйдите оба из класса!

— Ура! — закричал Артур и, снова насмешив класс, побежал к дверям.

Кобек же стоял не шелохнувшись: ему было обидно, что он ни за что ни про что наказан.

— Я и тебе велела выйти! — сурово, как детсадовская воспитательница, проговорила женщина.

— Но за что? — удивился Кобек.

— Да за то, что ты ввязался в скандал! — отчеканила учительница.

Кобек вышел. За дверь его поджидал Артур.

— Пойдем стукаться! — задиристо крикнул он.

Прозвенел звонок, и, как только ребята высыпали из класса, Артур еще больше разошелся: он схватил Кобека за подбородок. — Пойдем! Или трусишь? — сказал он.

— Не трушу, — ответил Кобек и пошел за Артуром.

Ребята гурьбой проводили их до лестницы, где их уже никто не мог видеть.

— Ну что, Кубышка? — зло усмехнувшись, Артур резко ударил его ниже пояса.

Страшная боль раздалась в паху. Кобек согнулся. Следующий удар Артура снес его с ног, и он очутился в углу. Артур с оттяжкой бил по лицу лежавшего Кобека.

— Так его! Так! — горланили болельщики, стараясь попасть в такт ударам.

Как оказалось, Артур был грозой класса. Все его боялись и всегда разбегались в стороны, когда он проходил по коридору или входил в класс. У него была поддержка: брат, учившийся в старших классах, и родственница-учительница, работавшая в этой же школе.

Кобек долго не понимал, что за человек — Артур. Новенький никогда не убегал от своего противника, и каждый раз ему доставалось: то он получал подзатыльник, то бывал избит, как тогда под лестницей. Одноклассников поражало то, что, как жестоко ни бил Кобека Артур, он не жаловался и не плакал — за это они даже уважали его, ведь к слезам и жалобам учителей, жертв Артура, они уже привыкли. Артур был настоящий террорист, а поскольку у него была такая мощная защита, многое сходило ему с рук.

Жизнь Кобека в новой школе не задавалась. На уроках он был невнимателен и шел туда с большой неохотой. Через какое-то время он узнал, что Артура посадили за первую парту, чтобы он был на виду, а его самого поместили рядом с Артуром потому, что никто не соглашался сидеть с ним. Посадили как новенького. Кобека, как и прежде, привлек ала последняя парта, но он не знал, как перебраться туда: жаловаться учителям не имело смысла, да и родители не смогли бы ему помочь. Желанная развязка пришла сама собой.

Артур хулиганил не только на переменах, он невозможен был и во время уроков: пользуясь тем, что учитель ничего не видит, он пулял в учеников то мелом, то книгой, любил покричать петухом и притвориться, что он здесь ни при чем. Его выходки вызывали всеобщий смех и гвалт, а учителя были бессильны — они часто делали вид, что не могут найти нарушителя, или же выго-

няли Артура с урока, что, в общем-то, было ему на руку. Только на одном уроке было относительно спокойно. Математичка приходила на урок, резко стуча каблуками и, сделав одну-две проходки, презрительной улыбкой обводила всех, кто был в классе. Она была еще молода и одевалась по последнему слову. Небольшая челка прикрывала ее белый лоб, тонкие губы были аккуратно накрашены, на ногтях всегда был перламутровый маникюр... Она носила короткие юбки — выше колен. Все в классе наблюдали за ее походкой, движениями, улыбкой... Если же вдруг в классе поднимался шум, то она кривила ярко накрашенные губы и убийственно произносила:

— Скоты!

Класс замирал.

На одном из уроков Артур решил рассмешить одноклассников — пискнул, как мышь. Но она его заметила.

— Встань, придурок! — побелела она от злости. — И запомни, ничтожество: если еще раз пикнешь, будешь ходить на уроки с мамкой!

И самое удивительное, что эти слова действовали на Артура — на уроках математики он сидел смирно и не раскрывал рта.

Эта учительница нравилась Кобеку, и он всегда учил ее уроки и был внимателен на классных занятиях.

Однажды, во время занятий, математичка что-то писала, Артур в это время полез под парту. Отложив журнал, учительница подождала, пока он вылезет.

— Ручку доставал, — объяснил Артур, вылезая из-под парты.

Когда же учительница, постукивая каблуками, отошла к доске, Артур нагнулся к Кобеку и прошептал:

— А трусики у нее розовые.

Кобек просто обмер от этих слов. Весь урок он просидел как на иголках, ему было стыдно оттого, что он знал такие невидимые подробности, и даже казалось, что это не Артур, а он залезал под парту. Целую неделю он был сам не свой, а на очередном уроке математики, когда учительница сидела перед ним за столом, у него случайно упала ручка. Кобек полез под парту и, как назло, боясь повернуть голову в сторону учительницы, вспом-

нил вдруг те слова Артура... Кобек покраснел от одной лишь мысли, что может взглянуть на ее ноги, и вылез из-под стола вконец смущенный. Его встретил усмехавшийся взгляд синих глаз математички. Она отложила в сторону журнал и встала, не сводя глаз с покрасневшего Кобека.

— Вот что, Карамов! — сказала она раздраженно, пересядь-ка на последнюю парту. Из-за твоей изобретательной головы не видно учеников, сидящих сзади.

И Кобек вновь обрел свой любимый угол, принесший ему избавление от террора самого неблагополучного ученика и вернувший ему какое-то спокойствие — далекое, конечно, от того щенячьего своеволия, но все же похожее на него.

Возможно, что это столкновение с углами сыграло определенную роль и в выборе профессии: он решил стать архитектором. А то первое наказание, о которое он споткнулся как об угол, запомнилось ему на всю жизнь. Осознавал ли он, запертый в том остром углу, что ему придется стать невольником, — неизвестно!

В то время, когда он и его младший брат пошли в детский сад, его семья уже жила в новой квартире. И это многое изменило в их жизни: его мать, долгие годы занимавшаяся домашним хозяйством — работой на приусадебном участке, выращиванием птицы, огородом, не находила себе занятий в стенах городской квартиры. Тогда-то она и устроилась на работу...

Если бы у Кобека не родился брат, его жизнь, возможно, сложилась бы иначе: мать была заботлива и делала для сына все, что могла. Кобек старался представить себе другое будущее: что было бы, если б мать не устроилась на работу, как сложилась бы его школьная жизнь, если бы он пошел в другую школу... — но это было нелегко. Почти невозможно... Естественно, что мать страдала своими углами зрения и, соизмеряясь с ними, поучала детей, да и сама поступала не так, как хотела, а так, как было нужно... — но больше всего ей хотелось сохранить свое собственное, не зависимое от обстоятельств, лицо. Не отдавая себе отчета ни в своем поведении, ни в своих желаниях, она сковывала детей своими объятиями, заботой и лаской, мечтая о том, чтобы они принадлежали только ей. Но несбыточные желания

не сбываются. Кобек понял это уже в том мистическом, а может, метафорическом детском саду!

Когда у него появился брат, Кобек потерял еще одну возможность. Но этого он, похоже, сейчас не помнил. Хотя именно тогда в жизни его матери, а значит, и в его жизни появился болезненный угол зрения: угол между сыновьями. Мать была бессильна что-нибудь изменить. Брат Кобека был совсем другим — они и не хотели походить друг на друга. Мать, конечно, старалась относиться к ним одинаково, но угол зрения подводил ее, и братья бились об эти углы.

Кобек долго не понимал, почему изменились его отношения с матерью, но до ревности к брату, как это нередко бывает у детей, дело не дошло — он как-то сразу смирился со своим новым положением. Глядя на то, как мать лелеет новорожденного, он понял, что это, по-видимому, неотвратимая реальность, против которой он бессилён.

Когда появился Самет, родители заканчивали постройку нового дома. Зачем нужна была эта постройка, если они все равно должны жить в городской квартире? Непонятно! Отец возмутился этим и передал свое на строение детям, особенно — Кобеку. Кобек не участвовал в той великой стройке, он тогда уже чувствовал себя потенциальным квартирантом. По рассказам матери, маленький Кобек был исполнительным и послушным, а когда брату исполнился год, трехлетний Кобек присматривал за ним... В общем-то, и брат тянулся к нему и, хотя он только недавно встал на ноги, старался не отставать от старшего брата. Если Кобек играл на улице, брат ввязывался в игру, в общем-то, он всегда был обузой. Кобек играл в футбол, а Самет, болея за него, нередко засыпал на зеленой поляне. Брат во всем подражал ему, и это продолжалось и тогда, когда они получили квартиру. Построенный родителями дом сразу же снесли, и, как Кобек ни старался потом вспомнить, каким он был, ничего не получалось, но зато он хорошо помнил, сколько вздохов и проклятий было связано с этим домом. С той поры, как его снесли, начался новый отсчет времени в семье Кобека. Воспоминания о той поре и о том доме воплотились в единственную картину: он, еще совсем малень-

кий, семенит по жаркой улице, а за ним, стараясь не отстать, шлепает совсем крошечный брат. Тогда, наверное, он любил брата, или ему только казалось, что он его любит. Похоже, что и брату он был тогда дорог... Однако с тех пор как они оказались в детском саду, эта связь оборвалась. Хотя мать и говорила, что их братские чувства всегда были достаточно сильны, он не особенно верил этому, а его брату, когда он немного повзрослел, просто отшибло память — он совершенно не верил в братские чувства Кобека. Он, надо сказать, вообще не верил своему детству — считал его временем глухих и пустых иллюзий.

— Я тебя таскал, как рюкзак, на спине! — сказал как-то Кобек, когда у них вышла небольшая размолвка.

— Ну, уж в это-то я никогда не поверю! Да и вообще, детство — это дурной сон, все мы были дураками, и лучше всего забыть о том времени, — и на этот раз, как всегда, Самет решил все в свою пользу.

В его жизни была одна цель — стать состоятельным человеком. Свою учебу в технологическом институте он считал пустой тратой времени, потому что после института работал не по специальности — это было невыгодно, а заделался сантехником и получал столько, сколько не получает ни один инженер. Он прекрасно усвоил, что жизнь состоит из углов, и совершенно сознательно следовал кривой линии; живущий по прямой, как он заметил, обязательно упрется в стену, а если не завернет за угол сломается.

На Кобека, не желавшего принимать всерьез ни эти углы, ни эти теории, Самет смотрел свысока — таких людей он на дух не переносил: гордецы!

Однажды, когда Кобек пришел к нему в гости, ему устроили настоящий прием: в зале, освещенной хрустальной люстрой, гудел иностранный магнитофон, братья говорили о том о сем, жена Самета угощала их и принимала участие в разговоре. На столе чего только не было: и хорошая водка, и отменные закуски, и икра, и свежая баранина. Самет всячески подчеркивал свое превосходство над братом, доказывая сразу две неопровержимые истины: что он, в отличие от брата, живет роскошно и что только такая жизнь достойна современного человека.

— А ты знаешь, Ляля, в детстве моего брата все звали Кобеком, — он с трудом вытянул вилку из жирного куска баранины и наставил — как указующий перст — на брата.

— А что это означает? — спросила жена.

— Кобек — это собака, песик! — загоготал Самет. — Только на эту кличку наш братец и откликался. — Самет прямо умирал со смеху: — Ой, не могу, ой...

— Перестань, — оборвала его Ляля. — Что в этом смешного?

Кобек тогда очень обиделся и долгое время не бывал у брата... А впрочем, в то время он и сам не любил это имя, ему даже не верилось, что оно когда-то было ласковым. Бабушка по матери наградила его этим именем, и оно стало частью его, вошло в плоть и память. А по записи в метрической книге он был Рауф — это имя подсказали отцу сослуживцы: оно казалось им куда благозвучнее, чем Кобек — Щенок. Этим именем его пыталась называть и крутонравная воспитательница, но Кобек не понимал, что зовут его, и воспитательница раздраженно, как будто и в самом деле окликала щенка, бросала: Кобек! Кобек!

Так все и было, а если немного отвлечься и снова подумать об углах, так этот острый угол, возникший между братьями, вонзался в них обоих:

Рауф >
Кобек

Они были словно в тени скрещенных сабель, и, если острие одной из них соскальзывало вниз, удар приходился на их бедные головы.

Может быть, это и есть один из главных углов зрения. И как, в самом деле, не почувствовать себя беспомощной шестеренкой, если в тебе накопилось столько углов!

И все-таки Кобек сопротивлялся этому. Самет нет, он двигался по ломаной линии уверенно, как по проложенной кем-то тропе. Потому, наверное, и не хотел ничего помнить — боялся замедлить шаг, отстать от других, да и не нуждался он ни в чем ненужном: ни в ненужных людях, ни в ненужных воспоминаниях. Кобек, в отличие от него, хотел помнить все. Он ясно видел, как совсем маленьким он носит на спине сопливого ползу-

на Самета, как раскачивает его на веревочных качелях, как моет под краном, когда тот выпачкается... Ему очень хотелось возродить в себе эти братские чувства и, конечно же, оставить за собой право старшего. «Все это должно быть моим, — думал он, — и эти ковры, и хрусталь, и серебро», — но, переборов себя, успокаивался: ведь Самет был его родным братом и завидовать ему не пристало. «Любил же я его тогда?» — уже не слишком веря в это, сокрушался Кобек — любить вот этого, сидевшего перед ним, толстяка он уже не мог.

Самет, вспоминая детские годы, видел перед собой воспитательницу с квадратными глазами и так же, как прежде, думал, что, не будь Кобека, все в его жизни было бы хорошо — старший брат мешал ему. Да что Кобек, даже мать, когда Самет заставлял себя вспомнить о ней, представляла перед ним лишь на фоне квадратных глаз и сурово сдвинутых детсадовских бровей ...

У Самета, судя по всему, была своя формула жизни: мать — это круг, воспитательница — квадрат, а все вместе равняется замкнутой ломаной линии. Поскольку от законов математики все равно не уйти, скажем так: Самет равен кругу в квадрате, другими словами — он загнал свое солнечное Я в глухой ящик квадрата...

Кобек, а точнее — Рауф, пробовал так жить, но эта жизнь ему претила, и он уже давно смотрел на того Рауфа, как и на Самета, глазами стороннего наблюдателя. В заглавной букве его имени — К заключался угол, от которого исходили две прямые: одна — материнская — была постоянным стремлением к кругу; другая — независимая от него, но постоянно угнетавшая — была частью воспитательного квадрата. Ну, не разорваться же ему! Бесконечен мир реальности, и бесконечен мир души. Он знал, что гармония — не выдумка, это яркая точка соприкосновения двух строгих прямых, которая, как ему хотелось верить, была в его жизни лишь однажды: тогда, когда он появился на свет. Он жил и живет памятью о той гармонии. Когда он думал о своей новой жизни, то поражался этому знаменательному совпадению, ведь и в собственной душе он стремился сберечь то, что осталось от прошлого.

Кобек был человеком, скорбевшим об ушедшем, но думавшим о будущем.

Встреча

Кобек изо всех сил сопротивлялся своей зависимости. Конечно же, он об этом никому не говорил — это была его тайна. Хотя ему, наверное, стало бы легче, если бы он кому-нибудь признался в этом. Смиряться со своей эпизодической — зависимой от кого-то — ролью той, как не хотелось, но что-то подсказывало ему, что другой роли может и не быть... Противоречия раздирали его душу...

* * *

Приподняв воротник и опустив шапку на самые брови, он шел по улице, съездившись от холода. Кобек глядел прямо перед собой, но никого и ничего не замечал. Его мечтательного состояния ничто не выдавало, напротив, на его лице был заметен след утомленности, особенно выделялись черно-синие провалы под глазами. Все-то у него было не так, как у людей: шел он, с трудом передвигая ноги, а душа его летела — радовалась чистоте морозного утра. Он чувствовал себя птицей, вырвавшейся из клетки, или... кобеком — песиком, убежавшим от поводка... Домашняя жизнь, что ни говори, угнетала его: возня детей, пересуды жены, какой-то непрекращавшийся шум... Стоило ли ему вообще обзаводиться семьей, если за самим нужен уход, своя-то голова еле держится на плечах, точнее... Точнее, он просто не понимал, стоит ли так уж дорожить такой головой, а иногда и вовсе мечтал о том, чтобы ее не было... «Ах, не все ли равно! — думал он, — что она есть, что нет, лучше бы вообще не было на плечах этой думающей приставки!»

На то он и был Кобеком, чтобы посещали его самые неожиданные мысли!

И кто бы мог подумать, что такой обыкновенный, ничем не примечательный человек может вдруг возомнить, что общается с иными планетами, да еще и возмущаться этой связью, стремиться избавиться от нее... Но нет, шагая по улице, Кобек, конечно же, не думал об этом: он просто-напросто мечтал о чем-то. И, если бы у него были крылья, он взлетел бы над заснеженной ули-

цей, поднялся бы выше высотных домов, да еще расхотался бы в вышине, чтобы его услышал весь город. Но какая же это мечта? Щенячьи потуги, да и только! И все-таки в его воображении метались крылья, и он даже сделал пару-другую взмахов... Но стоило ему увидеть согбенную старуху, нагрузившую провизией детские санки, как всю его мечтательность как рукой сняло и он возвратился на землю.

Бесцветные глаза и бесчисленные морщины на желтом лице — это было первое, что он увидел; заметил он и большой серый платок, скрещенный на старческой спине, и тонкие ноги в войлочных сапогах... И сразу же зарокотал пылесос, включился холодильник, раздался пронзительный крик трехлетней дочери, заворчала жена, ударило в голову высокопарное вранье начальства, сотрудница—доносчица посмотрела на него с подозрением ... послышались скрип обуви на снегу и оглушительный рев машин. Сдавило уши. Собачье воображение заставило его увидеть в сморщенной старухе жену и сразу же перевернуло картинку: старуха предстала перед ним молодой и привлекательной женщиной. «С ума можно сойти! — вздохнул Кобек. — Проклятое воображение!» Ему вдруг показалось, что старуха подмигнула ему своим васильковым глазом и провела рукой по его лицу — он так явственно ощутил это, что дотронулся до своей щеки, стирая прикосновение... «Придет же в голову!» — и Кобек постарался стряхнуть с себя наваждение — прошли какие-то секунды, не более...

Возле газетного киоска он увидел мужчину в темно-синей нейлоновой куртке, который, наклонившись, завязывал шнурок на ботинке. Кобек улыбнулся — и инопланетное, инородное сознание оставило его: чтобы закрепить в своем человеческом обличье, он захотел подойти к незнакомцу и изо всей силы шлепнуть по широкому заду — так пригласительна была его поза. И Кобек мгновенно представил, как мужчина, поверженный в снег, встает и бросается на него, а он, всегда такой неуклюжий, отражает его удары как заправский каратист. Вообразив себя таким увертливым и быстрым, он не мог не рассмеяться. А мужчина все не разгибался, и Кобек, оглядываясь на него, не переставал возмущаться: «Ну,

не зад, а стыд какой-то!..» И опять ему представлялась сцена схватки, где он прыгал выше головы и размахивал в пылу борьбы ногами... И он долго бы еще потешался над собой, если бы не увидел вдруг шагнувшего вслед за ним грузного мужчину — того самого, в темно-синей куртке. Он был таким могучим, что Кобеку стало не по себе, когда он представил, что и он, наверное, может разгадать его тайные мысли. Страх почему-то поразил его печеньку, и Кобек сразу стал ниже ростом. К нему вернулось прежнее состояние, и он боялся оглянуться, чувствуя на себе взгляд верзилы. Захотелось оторваться от преследователя, но мысль о том, что это невозможно, испугавшая его, и о том, что верзила не собирается его преследовать, успокоившая, заставили его пропустить верзилу вперед. Когда Кобек повернул голову, преследователь смерил его таким взглядом, что он не выдержал и отвернулся. Сбавив шаг, он уныло проследил за его движением, и вдруг ... Лохматая дворняжка, задиристо вскинув голову, твякнула на его преследователя. Верзила взмахнул рукой, будто что-то бросил, и присвистнул. Дворняжка метнулась на дорогу, и послышался скрежет тормозов. Из светло-зеленой «Волги», ругаясь, вышел таксист и, увидев лежавшую вверх лапами собаку с разможенной головой, зло плюнул и сел в машину.

— «Какое несчастье! — ужаснулся Кобек. — Убить мало этого подонка!..»

А «подонки» тем временем стремительно удалялись от места происшествия, с опаской оглядываясь на погубленную дворняжку.

«Так и я напорюсь на кого-нибудь, тогда несдобровать!» Грубая боль сдавила сердце Кобека, и он помчался прочь: и от недобрых наваждений, и от реальности, превратившей живое существо в безликое ничто.

Боль улетучилась, когда он увидел женщину в белом вязаном платке. Конечно же, красивая и молодая, — решил он. И хотя он не успел взглянуть в ее лицо, он был уверен, что она улыбнулась ему, — так ему подсказывала его щенячья предрасположенность к человеку: в каждом встречном Кобек видел друга. Но женщина и впрямь была хороша: она мелодично покачивала бедрами, и Кобек уже не мог оторвать от нее взгляда. «А что если

подойти к ней!», — мелькнула вдруг шальная мысль, и мир сразу же показался ему цветущим садом: с неба лилось тепло, зеленели травы, от цветов исходил чарующий аромат... Щенячья нежность заполнила всю его душу. Женщина свернула в проулок, и Кобек, забыв о том, что спешит на работу, послушно побрел за ней.

...В некоем море на некоей яхте плыли Он и Она. Пили игристое шампанское, любовались друг другом и — в коротких перерывах — морскими пейзажами. Она была в белом воздушном платье, ее черные волосы развевались по ветру, а глаза — черные и жгучие обжигали сердце Кобека нежностью и любовью. Кобек был такой же изящный, подтянутый — куда-то исчез его намечавшийся животик, редкие волосы сменились богатой шелвелурой — красавец-мужчина обнимал взглядом гибкий стан своей подруги. Внезапно они оказываются на ложе из звериных шкур, ее кожа цвета персика белеет на шоколадном фоне мужских рук, и он совсем лениво целует ее мягкие податливые губы...

Упоенный своими сладостными мечтами, он поровнялся с женщиной. И сразу же почувствовал, как он далек от того супергероя, которому подвластно все... Он был чрезвычайно строг к самому себе: стоило ему только представить себе, как неприметно и даже невзрачно он выглядит, он тут же становился робким и нерешительным. Он и в лучшие-то времена не слишком на себя рассчитывал — с покорителями женских сердец у него было мало общего: среднего роста мужчина, с пробивавшимся брюшком... А чтобы не привлекать к себе внимания, он ходил быстро, и для дамы прогулки с ним были сплошным мучением... К тому же он так и не научился занимать их каким-нибудь разговором... Он ведь только в своем щенячем воображении был что ни на есть франт и донжуан... Вернувшись на землю, где он был таким, каким был, Кобек приуныл и решил было поотстать от женщины, но она неожиданно повернула голову и... Кобек так и застыл на месте.

— Фейруз, это ты? — растерянно промямлил он.

И ни некоего моря, ни некоей яхты — все как в жизни!

— Как ты изменился! — воскликнула Она.

— А у тебя были белые волосы, правда же, — сказал Он.

— Правда! — ты говоришь, как ребенок! — Она.

— Где ты живешь? — Он.

— Я живу в этом городе, вот уже третий год.

— Замужем?

— Да, — ответила Она и опустила голову.

— Что такое? Я что-нибудь не так сказал?

— Нет-нет, просто взгрустнулось.

— Со мной это тоже бывает.

О той бегущей по волнам яхте он уже не думал, но Фейруз вдруг заулыбалась и не то чтобы томно, но все же не без кокетства взглянула на него.

— А где ты живешь? — спросила, как вы понимаете, Она.

— Тоже здесь. А работаю в обществе по охране памятников культуры. — Он.

— Вот это да! У меня сейчас как раз дела по этой части — мы проводим кое-какие исследования. И как это мы до сих пор не встречались! — и Она опять если не томно, то, по крайней мере, растроганно взглянула на него, чем проняла его до самых сердечных глубин.

— Очень уж ты важная стала, — пробормотал наш робкий и нерешительный донжуан.

— Ах, боже мой! Ну что ты говоришь! — воскликнула Она, выражая свое недовольство на редкость довольным голосом.

— К тебе, как видно, и не подступишься! — продолжил Кобек.

Недовольство Фейруз несколько поутихло.

— Ну, почему же, сказала Она, — я самая что ни на есть обыкновенная женщина. Могу даже дать тебе телефон позвони, и мы поговорим обо всем... вспомним детство...

Кобек записал ее телефон, и они простились. Она продемонстрировала ему свою легкую походку, которой он залюбовался, и гордый независимый облик — стройный стан и развернутые плечи, — от которого ему стало не по себе. Кобек провожал ее взглядом и думал о том, какая мягкая линия — чем не бегущая волна! — соединяла их больше двадцати лет тому назад...

Купол неба весь изрезан звездными треугольниками — блестящими, как стекло, измолотое в мелкую крошку. Они, как снежинки, кружились по небосводу. Над ночным городом стояла жаркая тишина. Слышен был шелест деревьев. В остывавшем воздухе разносились запахи сирени. Горожане давно разошлись по домам, и лишь дети — Он и Она — так и не наигравшись за день, не хотели расходиться. Они играли в пряталки так искусно, что уже более часа их не могли найти ни родители, ни товарищи по играм: дети укрылись в заброшенном сарае, и стояли, прижавшись к стене и касаясь друг друга — смущение их было велико, и, чтобы скрыть его, они забавлялись звездным представлением. Они молчали, но это молчание не тяготило — они, оказывается, понимали друг друга без слов! Само прикосновение было так сокровенно, что слова теряли смысл — любое слово могло развеять эту связующую нить. Они бы, наверное, так и простояли до утра. Ее теплое плечо и его обгоревшее на солнце и оттого горячее — были рядом. Если бы они были постарше, то, без сомнения, обнялись бы, но в том-то и заключалось это волшебство, что они не делали этого...

— Ручеек! Ручеек! — закричали во дворе их неудачливые соперники: они так и не смогли их найти.

Чувствуя себя победителями, Кобек и Фейруз выскочили из сарая и побежали на голоса

«Ручеек» была самая любимая детская игра. Взявшись за руки, мальчишки и девчонки выстраивали коридор, а тот, кто оказывался лишним, проходил под этим сводом и, разбивая пару, становился на освободившееся место... Так и тек нескончаемо этот «ручеек» — дети играли молча, но их поведение и без того говорило о многом. У каждого из них была своя тайна, неизбежно становившаяся явной. Затаив дыхание, они ожидали, кто же выберет их, и не шутя горевали, если их выбирали не те, кто был им мил... А ведь случалось и так, что кто-то другой заключал союз с твоим, и только твоим парт-

нером! В больших «ручейках», состоявших нередко из пятнадцати, а то и двадцати пар, «двойники» подолгу стояли неразлучно, и даже тогда, когда какой-нибудь озорник пытался их разбить, они вновь соединялись. «Ручейки» обычно устраивались подальше от дома, поскольку все игроки считали ее игрой не во что-нибудь, а в любовь, потому и стеснялись родительских глаз.

Играли обычно за сараем, под Большим деревом.

Под тем раскидистым кленом детвора чувствовала себя особенно уютно. Играли они обычно до тех пор, пока не раздавались недовольные голоса встревоженных родителей... Вот и тогда Кобек радовался тому, что никто не нарушил их союз, и, весь светясь от счастья, держал за руку маленькую Фейруз. Ее, как ни печально, уже несколько раз окликали из дома.

— Я уже иду-у! — каждый раз откликнулась она, но продолжала стоять.

В этот момент кому-то твердо пообещали, что не пустят ночевать, и смущенные этим вздыхатели и воздыхатели начали расходиться по домам.

Кобек, как всегда, проводил Фейруз и увидел, как она взбирается по пожарной лестнице, как перелезает через балкон — он смотрел на нее до тех пор, пока девчоночья фигурка не исчезла за балконной дверью. А потом он долго стоял под балконом, надеясь, что она еще выйдет и он сможет ее увидеть... Но этого не происходило. Тогда он залезал на высокий забор и, удобно расположившись на остроконечных горбылях, всматривался в окна: должна же она догадаться, что он здесь! Чтобы не разбудить родителей, он возвращался не через дверь, а через окно — они тогда жили на первом этаже. Сняв ботинки, он находил впотьмах свою кровать и, не раздеваясь, ложился. Но мать никогда не спала и, как бы беззвучно он ни крался, видела его: не зажигая света, она подходила к его кровати и протягивала кружку с молоком.

— Где ты шляешься, нечестивец, глаз из-за тебя не сомкнула! На-ка, выпей! — говорила она.

— Мы играли! — отвечал Кобек.

После таких игр Кобек долго не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок, и в его воображении всплывали

картины прошедшего дня, или долгого месяца, или короткого года — всей его до краев наполненной жизни. И всюду была она — Фейруз, и в прошлом, и в будущем: ее светлые волосы, блестящие, как смородина, глаза, улыбающиеся губы.

* * *

Помнится, она забралась на Большое дерево, а он, сидя на земле, перебирал в руках камешки и исподтишка поглядывал на ее длинные ноги. Было неловко, но что он мог поделать: розовая полоска, выглядывавшая из-под платья, просто приковывала его внимание.

— Бессовестный! — крикнула она.

Кровь ударила ему в голову, и он, покраснев как рак, убежал в подвал. Долго он не мог выйти оттуда и, как наказание за собственное бесстыдство, вдыхал зловонные испарения, тянувшиеся из затопленных щелей. Когда он, почувствовав, что наказан достаточно сурово, решился выйти на свет божий, то тут же увидел Фейруз, спускавшуюся к нему по лестнице.

— Кобек, ты здесь? — испуганно спросила она, двигаясь на ощупь по темному коридору.

Кобек молчал. А когда она коснулась его плеча, закричал так, что она должна была испугаться, но не испугалась...

— Тише! — прошептала она и прижалась к нему. — Мне страшно, здесь, наверное, живут черти! — и она всхлинула.

Кобек от ее прикосновения задрожал и покраснел краской, но этот всхлип вернул ему решительность... Он и сам не заметил, как взял ее за руку и потянул на свет...

— Фейруз, Фейруз, — шептал он, и это имя, произносимое им с молитвенным жаром, придавало ему силы. Он и ее представлял сейчас такой же: вот она встает с постели, снова ложится, но сон не приходит к ней — она думает о Кобеке... Тогда он воображал себе, как подходит к ее постели и ложится рядом...

«Мы одни в этом мире, только мы, одни на всем белом свете... Мы — нежные, ласковые и сильные. Мы...» — задыхавшимся голосом шептал он...

Если бы он не переломил тогда своего чувства, эта встречная линия — Фейруз и Он — имела бы продолжение. Она бы, наверное, и была его линией жизни, но... Между сегодняшней Фейруз и той девушкой уже образовался угол и две прямые скрестились в нем ...

Завороженный этой неожиданной встречей, Кобек долго смотрел вслед Фейруз. И так же, как прежде, с молитвенным жаром произносил это имя: «Фейруз! Фейруз!»

И, словно услышав этот зов, Фейруз оглянулась и грациозно, как искусная танцовщица, взмахнула рукой: этот прощальный жест обещал новую встречу.

Чудо

— Ну и дела! — воскликнул он, взглянув на часы: сегодня он опаздывал как никогда. Он поискал себе оправдание, но, поскольку ничего путного не приходило в голову, оставил эту затею.

— Придумаю что-нибудь! — он попытался бесстрашно взглянуть на предстоящий инцидент, но его воображение подсказывало ему не слишком приятную сцену ...

Начальник управления обязательно потребует его к себе. Что же ему сказать? Первым делом, он, конечно, поздоровается. Но начальник, соблюдая дистанцию, не ответит на его приветствие — это ясно. Хотя они почти ровесники, начальник есть начальник: у него власть, и он не прочь ею воспользоваться. О равенстве тут не может быть и речи. Начальник взглянет на часы и подожмет губы: «Так-так!» — потом он метнет на него презрительным взглядом — от этого тоже никуда не уйти.

«Скажу, что водил ребенка в поликлинику? Хотя нет, это я уже говорил. Долго прождал автобуса? Наивно. И, кажется, тоже уже было. Проспал? Скажет: не спи. А может, сказать правду? Правду!»

Ха-ха! Даже самому смешно. Можно ли вообще говорить правду, и кому она нужна? Ну, допустим, скажу, что

размечтался по дороге, повстречал подругу детства. Ну, нет! Это только разъярит тигра. Лучше вовсе не оправдываться, ведь оправдание это признание вины. А что если накинуться на него и сказать все, что я о нем думаю. Вот взбеленится! Проглотить захочет! Но я ведь колючий, не по зубам ему. Скажу, что знаю о всех его проделках, махинациях, мошенничестве... «Ты — мошенник!» — так прямо и скажу. А у него глаза на лоб. «Как ты посмел?» — сразу вскочит. А я скажу — оформил какую-то потаскуху заведующей клубом, а она ни разу на работе не показалась, сколько денег извел. Деньги, отпущенные на культуру, списывал, чтобы получать премиальные, да цветной телевизор, да массу всего — я сам относил тебе домой два кресла — а они совсем новенькие! Надоел этот обман! Так и скажу».

Распалившись от гнева — ну чем не обличитель! не защитник правды! — Кобек подошел к высокому зданию управления. Ступая по ковровой дорожке, он уже поутих и начал думать в несколько ином направлении. «Прав Адлес, тут работает настоящая мафия. А та девка, заведующая клубом, — племянница жены одного из самых влиятельных людей в области. Даже имя его боязно произнести. Такие не пощадят: упрячут за решетку, и кукуй там. Обвинят в том, что разъезжал без дела по области, там ведь у них все заведующие — свои люди: не родственник, так закадычный друг — эти подтвердят каждое слово начальства. А как докажешь, что это кресло или тот телевизор украдены. Только заикнешься — как они все сожгут. И останешься оплеванный. За клевету еще и в суд подадут. Натравят весь город. Был Кобек и нет Кобека! А ведь у меня есть святое дело. Ради него хотя бы не стоит на рожон лезть. И потом, разве другие не видят? Видят, конечно, но молчат. Почему же Кобек должен всех разоблачать! На всех меня и не хватит. Мало ли кругом беспорядков! Вон, магазины всегда пусты, а на людях импортные вещи. Поди тут разберись!» — и он, тяжело вздохнув, направился в свой кабинет.

Ему в этой конторе принадлежали две комнаты, в одной — сидел он сам, а в другой — девушки: инспектора учреждений культуры.

— Здравствуйте! — поздоровавшись, Кобек посмотрел на девушек, надеясь что-то прочесть на их лицах; особенно внимательно посмотрел на Хабибу инспектора музыкальных школ.

Девушки ответили на его приветствие, а Хабиба, оттолкнув его взгляд, поджала губы. Две другие, не отзываясь на любезности, продолжали вязать.

Кобек прошел к себе, а из комнаты девушек послышались удалявшиеся шаги. «Хабиба», — решил Кобек.

— Пошла докладывать, — подтвердила его мысль полнотелая Фатима — инспектор по сельским домам культуры.

— Приготовьтесь на ковер, Карамов! — злорадно констатировала Аминат — библиотечный инспектор.

Все знали, что Хабиба осведомительница и дальняя родственница начальника. Девушка и не скрывала этого. Так что при ней никто не говорил откровенно. Только Кобек сболтнул что-то однажды, собственно, то, о чем теперь говорил открыто, — так он и хотел, чтобы это стало известно! Но замечания его были столь незначительны, что начальник отвечал лишь тем, что на каждом собрании поносил их общество. Когда же Кобек запаздывал, что бывало довольно часто, Хабиба ставила начальника в известность, и он непременно вызывал его. За опоздания, несвоевременный уход с работы, за игнорирование каких-то мероприятий Кобек имел массу выговоров и замечаний. Начальнику было не лень отчитывать Кобека, а Кобек, хоть это и начинало несколько надоедать, — выслушивать его. Не всегда смиренно, но выслушивал.

Раздался щелчок селектора.

— Карамов, зайдите, пожалуйста! — послышался руководящий голос.

И только он открыл дверь кабинета, как сидящий за столом усатый человек вздернул волосатую руку и, поглядев на часы, громогласно произнес:

— Так-так, Карамов! — в его взгляде был вопрос, который немедленно прозвучал: — Когда же прекратятся все эти нарушения?

Кобек молчал.

— Вы нарушаете ритм работы нашего управления. Я уже указывал на это и вынужден повторить. Но сколько же можно испытывать наше терпение! Вы ведь не новичок! И не так молоды! Или вам хочется воспользоваться моим расположением? — начальник вопросительно и с усмешкой взглянул на Кобека.

Нерадивый сотрудник молчал.

— О безобразиях в нашем управлении уже осведомлены! — и он ткнул пальцем в потолок. — Там уже знают! А каково мне отвечать за все?

Начальник перешел на верхние ноты, и эта тональность не понравилась Кобеку. «Да что я ему, мальчик что ли?» — возмутился он.

— А откуда, собственно, там знают о том, что я опаздываю? — огрызнулся Кобек.

Начальник резко поднялся и вытянулся на носках, увеличивая таким образом свой незавидный рост.

— Знают! — выкрикнул он. — Такие у нас работнички. Могут и об этом случае донести. Пора, видимо, положить этому конец. Нужны крутые меры. Иначе эти безобразия никогда не прекратятся. Пусть на месткоме обсудят твое поведение!

— Из-за каких-то пятнадцати минут на местком? — преуменьшив свое опоздание, Кобек преувеличил свое недоумение: — Как? За что?

Стянув брови, начальник возмущенно посмотрел на него, — и это было так смешно, что Кобек чуть не расхохотался, но ведь и защитник справедливости должен быть осмотрителен: Кобек сдержался.

— Пятнадцать минут, понимаешь? Да нам каждая минута дорога! — рявкнул грозный начальник, не опуская глаз и не опускаясь до какого-то там рядового: он, как и прежде, стоял на носках.

«Дорога, конечно, — усмехнулся про себя Кобек, — но только для собственных дел или для ничегонеделанья».

Начальник сосредоточил взгляд на лице Кобека, будто хотел прочитать мысли на его лбу, и стал ждать, что же он скажет в свое оправдание. Но у Кобека хватило ума промолчать — он только помялся, неловко и виновато

то. Начальнику, по-видимому, это понравилось, и он, сменив тон, пренебрежительно обронил:

— Это все, что я хотел вам сказать. Идите!

И Кобек вышел. Настроение было такое, как будто он только что вывалился в луже. «Надо было что-то сказать. Он ведь не имел права так разговаривать!» — по-возмущавшись для порядка, он направился в свой кабинет.

Там его встретил ехидный взгляд Хабибы.

— Такая молодая, и вроде бы хорошенькая, а сексотничаешь, — выместил он и собственную злость.

— Подбирайте выражения, Карамов, я ведь могу и истерику закатить! — с ненавистью ответила Хабиба, обнажая — как разъяренный зверек — свои мелкие зубки.

— Не надо ссориться, — устало проговорила Фатима, не отрываясь и на сей раз от вязания.

— Действительно — не надо, — упрекнула Хабибу и Аминат.

— А ты бы помолчала! — огрызнулась Хабиба. — Он сам вас закладывает, трезвонит везде, что вы бездельничаете, что вяжете с утра до вечера, в потолок плюете.

— Ну, это уж слишком! — возмутился Кобек. — Кому это я вас закладываю?

— Да всем, — надула губы Хабиба.

— Ну, кому, кому? Назови хоть одного человека.

— Да хотя бы начальнику нашему, Магомеду Султановичу!

Кобек запнулся на полуслове.

— Но я никого не закладывал. Я говорил в целом о работе управления. Магомет Султанович спросил, а я ответил, что работы еще непочатый край.

— Вы бы, Карамов, лучше за себя отвечали, — отложив вязание, съязвила Фатима.

— Вообще-то, да! — многозначительно хмыкнула Аминат.

— Но он требует от меня работы, а я делаю то же, что и вы. Документация у меня в порядке, работаю я не здесь, а так же, как вы, на местах. Может, потому я и называл всех нас «молодыми пенсионерами». Извините, если что не так, — пожал плечами Кобек.

— Ясно, что не так! — выпалила Хабиба.

— Что же теперь говорить, — махнув рукой, Кобек прошел в свою комнату и сел за стол.

— Оказывается, чудовища рождаются и в конце двадцатого века, — громко проговорил он.

— От чудовища слышу, — отозвалась Хабиба.

В селекторе послышался предупредительный кашель бдительного начальника.

— Будем работать! — едва сдерживая смех, проговорил Кобек.

Дверь отворилась и вошел Адлес.

— Работаете? — удивленно спросил он девушек.

— А то как же, — с еле заметной усмешкой ответила Фатима.

Адлес подошел к столу Кобека.

— Ну, и как дела? — спросил он.

— Работаем, как видишь, — и, улыбаясь, добавил: — Одним местом.

В селекторе снова послышался кашель. Изобразив испуг, Адлес показал на селектор.

— Да пусть себе слушает, — Кобек уже не мог совладать с проснувшимся в нем духом противоречия.

Адлес схватился за голову и притворно закатил глаза.

— Главное, чтобы никто не сидел без дела, правоучительно произнес Кобек, не скрывая, конечно, что сказанное им уже не однажды звучало в высоких кабинетах.

— Если нужно, поедem в командировку. Привезем оттуда справки. Сделаем парочку необдуманных предложений выкинем их в корзину. Похвалимся достижениями прошлых десятилетий. Сообща напишем доклад ...

Последний пункт этой повестки дня должен был особенно задеть начальника.

— Зарабатываешь очки в пользу противника, — тихо проговорил Адлес.

— Да пусть, что изменится. Как работали, так и будем работать. Лишь бы кожа на пятой точке не износилась.

— Время Робеспьеров прошло, разве не ясно! — пытался урезонить Кобека смышленный коллега.

Но боязнь Адлеса еще больше разжигала Кобека:
— С Карамовым шутки плохи — черта с два его выживешь! Я всегда буду говорить то, что думаю.

Селектор снова заверещал:

— Карамов, зайдите к начальнику управления.

Чувствуя себя «факелом Прованса», а может быть — Спартаксом, восставшим против патрициев, Кобек направился в кабинет начальника.

Магомет Султанович не поднял головы на вошедшего.

— Вы вызывали меня, — послушно произнес Кобек.

— Ну так садись, — распорядился начальник.

Стараясь воссоздать атмосферу нешуточного разговора, он барабанил пальцами по столу и грозно поглядывал на строптивного рядового.

— Скажите, пожалуйста, чем вы занимались весь прошлый месяц? — и начальник просверлил его требовательным взглядом.

— Прошлый месяц? — задумчиво повторил Кобек, все еще не прощаясь с игривым настроением.

— Да-да, прошлый месяц?

— Во-первых и во-вторых, я составил месячный план и работал в строгом соответствии с ним. А в-третьих, приходил, как и все, ровно в девять и уходил в восемнадцать ноль-ноль.

— Не будем преувеличивать: не всегда — ровно в девять, и очень редко — в восемнадцать ноль-ноль.

— Вы правы, Магомет Султанович, — подхватил Кобек, — бывало и так, что я задерживался... на работе...

— Но что вы все-таки делали, за что, собственно, получали зарплату?

— В прошлом месяце я ездил в отдаленные районы, проверял состояние памятников, написал отчет об этих командировках — эта цель оправдала вложенные в нее средства. Был еще на открытии барельефа, сооруженного в честь погибших в Отечественную партизан, этот памятник взят под охрану государством. Занимался описанием древних курганов на берегах Зеленчука — им грозит снос, и потребуются работа квалифицированной комиссии, чтобы зафиксировать их как памятники истории.

– Что я слышу – опять курганы? – недовольно отмахнулся начальник. – Все курганы на территории области давно описаны, изучены и взяты под охрану – с пятидесятых годов ведется работа.

– Нельзя все-таки утверждать, что все так благополучно, – возразил Кобек.

– Не будем спорить. Лучше скажи, что внес в это дело ты сам! Как поработал хотя бы над теми – уже открытыми и зафиксированными – памятниками?

– Такие памятники лучше не трогать. Может быть, только Архызские храмы требуют реставрации, но на это, вы знаете, нет средств. А разговор идет уже давно.

– Вот видишь. Тебе бы только критиковать. Такие, как ты, и сеют повсюду иждивенческие настроения.

– Ну, зачем же так, Магомет Султанович? Вы, как мне кажется, говорите с чужого голоса.

– Я знаю, что говорю! – стукнул по столу начальник. – Ничего ценного вы не предложили, так чего же ерепенитесь? К чему эта демагогия?!

Ему бы надо было промолчать, начальник простил бы его, и жизнь покатила бы по накатанной колее. Кобек понимал, что лучшего момента ему не дожидаться, самое время признать себя виновным и отдаться во власть этого сурового добряка. Но он и сейчас не в силах был обуздать своих бесов.

– Я же предлагаю настоящее дело – памятнику возле Эдер-аула грозит снос и его необходимо сберечь.

– Опять ты про снос! – перебил его начальник. – Опять негативные моменты, измышления... Нет, ты все-таки невозможный работник!

– Так уж и невозможный! – огрызнулся Кобек. Давайте говорить доказательно!

Не привыкший к такому тону начальник оторопел, но сдержал свой гнев и, снисходительно обращаясь к рядовому как к равному (демократия сейчас в моде!), спросил:

– Ну, на что тебе этот собачий памятник? Я все никак не пойму, объясни мне, пожалуйста, но покороче! – и он кивнул головой.

— Это действительно собачий памятник. Других таких нет, или они еще не открыты — я, по крайней мере, не встречал даже описаний подобных памятников.

— Он, что же, по-твоему — единственный? — промычал начальник.

— Возможно, — спокойно ответил Кобек. — А может быть, в пещере найдено изображение не известного на сегодня вида животных. Может быть, даже этот наскальный рисунок придется разгадывать как какую-то тайну... Знаю только, что в нашей стране такие изображения нигде больше не найдены...

— Вы, что же, в самом деле уверены, что на рисунке изображен исчезнувший вид животных? Летающая собака? — начальник развел руками и заглянул Кобеку в глаза.

— Возможно, — сам тон этой беседы заставил Кобека принять ученый, а может быть, и академический вид. — Возможно. Ну, представьте себе, Магомед Султанович! По пещере днем и ночью бродят собаки. Может быть, на скале изображен их бог? — Кобек рассмеялся. — Я, конечно же, шучу, но в каждой шутке... вы знаете. Я совершенно уверен, что это изображение весьма ценно для науки.

— Ты похож на верующего, который никогда не читал Корана: заладил одно — представляет интерес, ценно для науки... А можешь ты, хотя бы примерно, назвать дату создания этого памятника или сказать, какой культуре он принадлежит? Получается ведь так, что этот памятник — отражение собачьей цивилизации?..

— Может быть, и так, — почувствовав, что его слова возымели действие, Кобек вошел в раж. — Известняк, который хотят добывать в этой горе, можно было бы добывать в другой. Недопустимо, чтобы здесь открывали карьер.

— Нет-нет, не будем отвлекаться, — перебил его начальник. — Ты сказал, что это памятник собачьей культуры?

Кобек несколько стушевался и решил — опять-таки во имя справедливости! — отступить хотя бы на шаг.

— Я не могу этого утверждать, хотя посвятил этой теме большое исследование. Я только предполагаю, что мы имеем дело с памятником какой-то другой цивилизации. Может быть, я ошибаюсь.

— Ну, знаешь, теперь ты похож на атеиста, который замахнулся на веру, не прочитав ни одной священной книги. Мой тебе совет, Карамов: не лезь куда не следует. В этом деле нужен обстоятельный анализ, нужны неоспоримые доказательства. У тебя есть такие?

— Конечно. И я готов их немедленно представить.

Теперь стушевался начальник, и единственное, на что он решился в этот критический момент, это молчаливый кивок: неси, мол.

И Кобек поспешил в свой кабинет. Вернувшись, он положил на стол начальника толстенную рукопись, прошитую канцелярской скрепкой: — Вот, пожалуйста.

— Что это такое? — начальник даже испугался.

— Это, Магомед Султанович, мои соображения по поводу того наскального рисунка.

— Но здесь же какие-то непонятные закорючки? Иероглифы, что ли?

— Не иероглифы, конечно. Но мои доводы, я уверен, очень ценны, и до какого-то времени их не стоит разглашать. Для этого я и придумал шифр.

— Что же это за шифр? — поморщился начальник.

— Довольно простой, но ключ знаю только я.

— Прекрасно! Чего же еще можно было от тебя ожидать! Такого никто бы не придумал — только ты! — начальник с опаской посмотрел на рукопись-тайнопись. — Но это уж ни на что не похоже. И ты сам все это выдумал?

Мятежный Спартак уже не угрожал патрициям, поскольку его место занял Архимед, завладевший заветным рычагом, — и что ему стоит нажать на него!

— Да, — гордо заявил первооткрыватель, — это единственный в мире алфавит. И очень может быть, что его скоро назовут «кобековским», — вспомнив о том, что скромность украшает, Кобек заставил себя замолчать.

— Да вы, как я вижу, большой оригинал! — усмехнулся начальник. — А я даже и не предполагал. Только чего

ради вы подсунули мне рукопись, которую я не в состоянии прочесть! Для меня это тот же Коран, — и начальник внимательно оглядел Кобека: — А вы не дурачите меня?

— Я, Магомед Султанович, мог бы сделать доклад на эту тему. Конечно же, я всего не скажу, но постараюсь доказать, что этот памятник имеет научную ценность.

Начальник так и не понял, насколько серьезен этот разговор.

— Ну, хорошо, сделай доклад на коллегии, выскажи свои соображения — и если они убедительны, мы тебя поддержим! — он протянул Кобеку рукопись и одобрительно кивнул: — Там действительно нарисована летающая собака?

— Да. Она выбита на камне каким-то острым предметом.

— Интересно взглянуть. Может быть, нужна фотография?

— К сожалению, у меня ничего не вышло — в пещере темно.

— Ну, тогда хотя бы рисунок!

— Рисунок, я думаю, можно сделать. Напишу письмо в дом пионеров, а там в краеведческом кружке найдется, наверное, кто-нибудь, кто умеет рисовать.

Где собака зарыта

В квартире всегда душно, особенно в такой маленькой, как у Кобека, — однокомнатная на четверых. Душно еще и потому, что душа у него была такая широкая, прямо собачья — любвеобильная. Но он знал, что Карамову или кому-то другому, или даже самому господину Богу квартира необходима, это начальный и конечный пункт бытия. Развитие человеческого общества не могло не привести к квартире. Исключения, как и во всем, конечно, есть, но это всего лишь исключения. Редкие счастливицы имеют сегодня особняки, но и это временно — когда-нибудь им все равно придется распроститься и с участ-

ком земли, и с родимым крылечком — на этом месте построят многоэтажный дом, и это неизбежно; есть еще редкие несчастливцы, у которых нет крыши над головой, но и им (вернее, их потомкам) все равно придется все-литься в квартиру (социальное зло будет уничтожено — и мы верим в это).

Вся наша Земля — огромная квартира, а мы — квартиранты. Получаем какую-то жилплощадь, а потом сдаем другим в такое же, временное, пользование.

Кобек — это неудавшийся архитектор, а может, человек, не пожелавший им стать, а может, архитектор, попавший под некое сокращение, ведь в век типового строительства отпадает необходимость в творцах.

Кобек — квартирант. Таких, как он, миллионы и миллионы, повсюду, во всем мире. Так что с уверенностью можно утверждать, что он типичен, что он сотворен по образу и подобию Человека. И сам он, и его двойники заключены в углы. И, чтобы не чувствовать их уколов, он, как и все, бежит из квартиры — на волю! к свету! — но и ему, как остальным, приходится возвращаться. Привык ли он к этому? Не очень, ведь и это необходимость — угол, в него забиваются, в нем пребывают, и из него, хотя и не слишком часто, вырываются ... Уходя на работу или прогулку, он знает, что должен вернуться: гуляя по саду, он тоскует по своим углам. Наверное, он уже стал привыкать к ним...

У его отца была неискоренимая страсть собственника, поэтому он и ненавидел квартиры и многоэтажные — ничьи — дома. Квартира — это иллюзия собственности. Но Кобек жил этой иллюзией. Так же, впрочем, как и те, кто жил по соседству. Их тоже заключило в себя пространство, и тоже — ненадолго. Если ты платишь — живешь, а не сможешь платить — тебя выселяют. И все стараются платить, понимая, что это необходимость.

Но и в этом платеже есть свои исключения. В доме, где живет Кобек, одиннадцать месяцев не работал лифт, и ему, как и прочим, приходилось подниматься наверх пешком — тогда он отказался платить за то, чем не пользовался. Это был чрезвычайный случай, и никто в домоуправлении — ни инженер, ни бухгалтер — не хотел отвечать за неисправность лифта. Кобека выставили на-

рушителем и решили наказать, чтобы другим неповадно было. За одиннадцать месяцев набежала кругленькая сумма, и нарушитель дэзовского покоя был вызван в суд. Двухдневное представление, устроенное женой, — упрёки и слезы, заламывание рук и закатывание глаз, — сломило его упорство: он заплатил. Все платят, и ты плати! Собачье отродье — ийттен тувган!

Выходя из квартиры, Кобек всегда вздыхал, как будто сбрасывал с плеч непосильную ношу. А ещё он чувствовал, что освобождается от углов. «Наконец-то, мои родные, я вас покидаю, — ласково шепчет он, не понимая, к кому, собственно, обращается. — Может быть, я вернусь сегодня другим. Но что вернусь — это точно!» — и глубокий вдох сменяет глубокий выдох, или новый вздох, или стон...

— До свидания, — говорил он дочерям, расставленным за пустышную провинность по углам, — это у него от воспитательницы, другого наказания он не знал. Наказание, казалось бы, гуманное, но ему ли не знать, что это не совсем так.

— Ты плохой, папа! — кричали девочки, скрепящая свои голоса в режущий угол.

— Это я-то — плохой, — вскипал Кобек, — каждый выходной, между прочим, пасу вас во дворе!

— Если бы каждый, — заостряла вопрос жена, — не ври детям!

— Но ты же не скажешь, что я не приношу зарплату, или не одеваю и не кормлю вас?

— Это делает всякий порядочный отец! — обрывала его Кунбийке.

— Да, папочка, — согласно кричали девчонки, — это делает каждый отец!

— А вас никто не спрашивает, разойдитесь-ка по своим углам! Я, бывало, простаивал в углу часами и даже тогда, когда воспитательница забывала обо мне, — и он поворачивался к жене: — А ты не настраивай детей против отца — это может плохо кончиться!

— Как же, не настраивай! Ходишь, как неприкаянный, только собой и занят. А как помочь — нет тебя. Вчера у меня целый день ушел на стирку. И на кого, скажи, я стала похожа!

— Стирка — не мужское дело. И разве, выходя замуж, ты не знала, на что идешь?

— Если бы знала, не пошла бы.

— Никогда не поздно развестись.

— Ну, конечно, ты только об этом и мечтаешь.

— Если честно...

— Ну что же, обойдемся и без тебя. А детей своих ты не увидишь!

— Положим, такого права у тебя нет.

— Все права у меня! Я мать — что хочу, то и делаю...
Все права у меня!

— Мамочка все делает правильно! — послушно повторили девочки.

— Это ужас какой-то! Вымуштровала детей. Ты, что же, мстишь мне за прошедшую ночь?

— Что-что? Никогда не подумала бы, что ты можешь такое сказать! У тебя наверняка кто-то есть!

— Зачем, кто-то, сразу — несколько...

— Валяешься ночью, как тюфяк...

— Потому что ты мне надоела.

— А если бы я тебе такое сказала?

— Ну и говори, — ухмыльнулся Кобек.

— Я только одно скажу: если ты заведешь кого-то на стороне, я от тебя не отстану, сделаю то же самое.

— Шлюха!

Кобек даже поднял руку... Поднять руку на женщину, каково! Хорошо еще, что дети были рядом ...

— Все надоело! Ухожу! Нет больше сил!

— А у меня есть! Тебе со всеми нехорошо, особенно — с родными детьми!

— Опять! Каждый день одно и то же! — Кобек схватился за голову и, эффектно покачнувшись, начал быстро одеваться.

— А мы что, так и будем здесь стоять? — захныкали девочки.

— Хватит с вас, уматывайте! — закричала Кунбийке.

Умотав, дети подбежали к Кобеку.

— Возьми нас с собой! — загалдели они.

— Не смейте подходить к нему! Это не ваш отец! — гневно прокричала Кунбийке.

Испугавшись крика, дети послушно отошли.

— Я никогда не забуду этих слов! — и он повернулся к дочерям: — До свидания, Алтын! До встречи, Кумис! Запомните, как ваша мать отравляет мне жизнь! — и он вышел из квартиры.

«...Наверное, я скоро вернусь, — подумалось ему. — Меня будут ждать — и семья, и квартира».

Кобек нажал на кнопку лифта — и в шахте загудело.

«Тянишь, проклятый ящик!» — еще не остыв, он приложил ни за что и это чудо техники. «Как бы не застрять, а то опять опоздаю, — и он, сменив гнев на милость, ласково взмолился: — Дорогой, золотой, только не ломайся, довези меня, ну, пожалуйста!..» Самое интересное, что такое с ним уже случилось: застряв в лифте, он однажды даже опоздал на самолет. И всякий раз это бывало тогда, когда он забывал задобрить его — поневоле становишься суеверным. Шайтан, наверное, и в многоэтажном доме не теряется. Машина не осталась глуха к его мольбам, и он благополучно добрался до первого этажа.

«Какое суеверие, — подумал Кобек, и решительно произнес: — Проклятый ящик! Я не прощу тебе те одиннадцать месяцев, пусть даже три шайтана сидят в твоём двигателе! Собачье отродье — ийттен тувган!»

Ну это он хватил! Какое же он собачье отродье, если чувства благодарности в нем ни на грош! Какая-то мешанина получается. И хороший Кобек, и плохой, и простой, и сложный... А какой он на самом деле — неизвестно...

Все расплывалось перед его глазами: какая-то сила давила на них так, что рябило не только в глазах, но и в голове... Он готовил доклад, выписывал что-то из своей закодированной работы... В висках стучало, как будто кто-то оттягивал гитарную струну, но не для того, чтобы что-то сыграть, а так — для забавы. Он очень ответственно работал над докладом, ведь на коллегии должны были присутствовать не только его сослуживцы, но и ответственное лицо из высших инстанций.

Чтобы напомнить ему об этом, начальник вызвал его еще раз: просил не подрывать авторитет управления. А еще пожаловался на свою судьбу, чего с ним никогда не бывало. Станный получился разговор.

— Годы идут, — затанул начальник, — а текучка заедает, чувствуешь, как становишься равнодушным ко всему.

Если бы не карьера, я бы тоже занялся научным трудом. Да какая тут работа, если все силы направлены на руководство! А ты молодец, Кобек! — нашел себе достойное занятие!

— Но я бы не сказал, что все у меня получается, — проговорил Кобек, отбиваясь от начальственной лести.

— Послушай, Кобек. Ты что же, совершенно уверен, что твой труд привлечет внимание ученых? И не боишься об этом заявить?

— Не боюсь, потому что уверен в этом. Конечно, в моей работе много спорного, но этими проблемами еще никто не занимался, — и Кобек снова почувствовал под рукой архимедов рычаг: держись, старушка—земля!

— Интересно-интересно! — и начальник по-детски повел пальчиками. — А ты осилишь одну такую работу?

— Постараюсь! — мотнул головой Кобек.

— Подумай хорошенько: ее надо будет напечатать, потребуются связи в издательствах...

— Что правда, то правда! Без знакомств в таком деле нелегко.

— Вот-вот, но об этом мы можем подумать вместе!

— Спасибо, Магомед Султанович, не ожидал от вас!

— Не стоит благодарности! Если дело заслуживает того, я готов подключиться. Так что перед коллегией ты покажи мне доклад — я должен быть в курсе.

Сидя за своим рабочим столом, Кобек пытался сосредоточиться, но перед глазами, вызывая то удивление, то досаду, маячила юркая фигура начальника: его белое лицо, бегающие глаза, странные ужимки то он поглаживал усы, то заискивающе улыбался, то тянулся на носках, как балерина. «Чего-то он недоговаривает!», — и Кобек безуспешно пытался найти объяснение такому странному поведению начальника.

После перерыва он зашел в его кабинет. К Кобеку он обычно обращался по настроению, а вернее, как придется: то на «вы», то на «ты» — зато теперь Магомед Султанович кинулся к нему как к родному:

— Проходи, проходи, Кобек. Давай-ка посмотрим, что ты там накопал, — и он потянулся к рукописи.

Чтение увлекло его — это было видно, но, прочитав последнюю страницу, начальник уже не был ни увлечен, ни заинтересован: его лицо выражало равнодушие.

— Послушай, Кобек, а если этот памятник снесут?

— Этого нельзя допустить! — заволновался Кобек.

Начальнику так понравился этот быстрый отпор, что он не удержался от улыбки.

— Прекращение работ на этом участке будет стоить предприятию немалых денег. Так что теперь все зависит от нашей коллегии — если мы привлечем ученых и докажем, что твоя пещера действительно уникальна, горнякам придется убратъся. Нужно сделать все возможное, иначе они снесут эту пещеру в два счета, и конец всем нашим разговорам. Правильно я говорю, Кобек?

— Да, конечно, — ответил Кобек, все еще не понимая, к чему это клонит начальник.

— Это хорошо, что ты такой догадливый. Я ведь многое могу, и от меня тоже зависит — взять памятник под охрану или нет. Могу и с изданием брошюры помочь. Денег мне не нужно... — и начальник стыдливо опустил глаза.

— Теперь, кажется, я все понял, — на Кобека нашла вдруг какая-то оторопь.

— Вот и прекрасно. Эта работа у нас будет совместная. Как ты на это смотришь? — и начальник смерил подчиненного холодным взглядом.

Кобек был ошеломлен:

— Как же так? Ведь это мое детище? — еле слышно проговорил он.

— Ты, дружище... как это у нас говорят: продаешь на базаре не выловленную из пруда рыбку. Тебя просто на смех могут поднять — и оплакивай тогда свои благие намерения!

— Пусть только попробуют. Все мои гипотезы научно обоснованы.

— Пойми, дружище, твоего памятника не было и люди легко обходились без него. А когда он появится, у них только прибавится хлопот. И району не будет житья, и нашему управлению, и всей области.

— Да, но после...

— И после — то же...

— А если вмешаетесь вы, хлопот не будет?

— Ну, почему же! Будут, но когда мы вместе, мы — сила! До поры до времени я о своем участии — молчок.

А когда памятник получит известность, ты расшифруешь свою рукопись, и мы уже в соавторстве — издадим ее. Обещаешь?

— Я не знаю. По-моему, это несправедливо.

— Ну, почему же! Разве я не вкладываю свой труд? Обещаю тебе, что и районный отдел культуры подключу, и областные инстанции, и прессу. Только ты меня не подведи! Хотя, что я говорю! — как прочитал твой доклад, сразу понял: здесь подвоха нет. Так что подумай! — и начальник пронзил его напряженно взыскующим, гипнотизирующим взглядом.

Кобек не знал, что ответить. В его работе были такие личные моменты, которыми преступно было бы делиться — с начальником или с кем-то другим. И вдруг его осенило: «А что если сделать вид, что я согласен: и время выиграю и, главное, памятник будет спасен!..»

— Ну, так что скажешь? — спросил Магомед Султанович.

— Скажу, что согласен, но только после того, как пещеру возьмут под охрану.

— Прекрасно, Кобек! А теперь идите — готовьтесь к коллегии, — и начальник, улыбнувшись, добавил: — Я и сам, между прочим, подожду — надо быть уверенным, что занимаешься настоящей наукой, а не то, зачем же имя пачкать!..

«Ну и прохвост!» — Кобек понимал, что без помощи начальника остановить работы на Ак-тау невозможно, но ненависть просто душила его. Ненависть и бессилие. Он написал два письма в Центральный археологический институт, и что же! На первое вообще не ответили, а на второе пришла отписка: мол, несколько лет назад археологической экспедицией были исследованы все отроги больших Кавказских гор, и институт не имеет возможности посылать повторную экспедицию. А местный историк, которому Кобек показал рисунок, просто плечами пожал: «Скифам этот рисунок принадлежать не может, аланам — тоже, а уж о кипчаках я и не говорю — совершенно не их стиль!» И все же он пообещал сделать сообщение в археологическом сборнике...

Кобек попросил краеведов аула Эдер срисовать тот пещерный рисунок и прислать ему, чтобы, как он объяс-

нил, помочь этому шедевру выжить. Краеведы быстро исполнили его просьбу и этим, конечно, порадовали Кобека, но к этой радости примешалось жгучее беспокойство, когда он прочитал о том, что на Ак-тау вот-вот начнутся горные работы: ребята сообщали, что туда уже подтягивается техника и прибывают взрывники.

Обида на начальника, посягнувшего на его достоинство, все еще жила в его душе, но внезапно он подумал, что уж в этом-то случае действительно нет худа без добра: только начальственная рука могла воспрепятствовать захватническим действиям горнодобытчиков. И все же он ничего не мог поделать с собой: когда он представлял себе эту брошюру с двумя отгиснутыми на обложке фамилиями, с языка снова срывались проклятия и угрозы. «Негодяй, — клеймил он начальника, — подлец, проходимец!..» Перед самой коллегией, чтобы хоть как-то унять свое волнение, Кобек решил прогуляться по зимнему парку. Плутая среди заснеженных елей, он начисто забыл о времени, а когда спохватился, понял, что опаздывает — коллегия давно началась. Он помчался назад и, не успев даже перевести дух, открыл дверь кабинета; яркий свет ослепил его, и он, не успев взглянуть сидевших за столом, громко поздоровался.

Начальник, а вслед за ним и подчиненные никогда не говорили на таких собраниях в полный голос, поэтому громогласное приветствие Кобека вызвало улыбку. Магомед Султанович нахмурился и, дабы подчеркнуть свою серьезность, сдержанно произнес:

— Здравствуйте-здравствуйте! Но ведь можно было бы и не опаздывать, хотя бы на коллегую. Мы вас тут расхваливаем, а вы вон как необязательны, подводите, Карамов, подводите!

Вдоль стен сидели множество приглашенных: Кобек окинул их взглядом, но, не заметив ни одного свободного стула, растерянно топтался на месте — народу собралось больше, чем он думал. А вот этого лысого дядю с острым и длинным носом он видел впервые, — по-видимому, ответственный работник.

— Вон же стул, — удивленно сказал начальник, преданно взглянув на ответственного работника.

Кобек снова оглядел кабинет и так растерялся, что сотрудники захихикали: докладчик был неловок и вконец смешался. Тогда один из сотрудников, встав со своего стула, показал ему на свободное место посреди кабинета, прямо перед начальственным креслом. Такого, конечно же, Кобек не ожидал, ведь он привык сидеть скраю, вдали от начальственных глаз, а тут — самая середина!

— А-а-а, — невесело улыбнулся Кобек, стараясь не выдать своего смущения.

Ухватившись за стул, он хотел было отодвинуть его в сторону.

— Нет-нет, сидите здесь. Все должны вас видеть, а как-же!

И Кобек неохотно сел.

После этого начальник смог наконец приступить к своей руководящей роли.

— Начинаем заседание коллегии нашего управления. Сегодня мы рассмотрим работу общества охраны памятников. Она имеет значение для всех нас, и не случайно к ней привлечено внимание общественности. Только в нашей области работу по охране памятников истории и культуры ведет более ста тысяч человек, которых объединяет более пятисот первичных организаций.

Там, где успешно решаются вопросы охраны и пропаганды этих памятников, воспитание трудящихся, и особенно — молодежи, находится на должном уровне...

Начальник еще долго говорил, и Кобек, перед тем как взять слово, решил еще раз просмотреть доклад: он рассеянно листал страницы и время от времени, словно иллюстрируя текст, оглядывал собравшихся. Увидев среди прочих Фейруз, он вздрогнул от неожиданности: все поплыло перед его глазами, и только луноподобное лицо Фейруз не потеряло своих очертаний. Ее внимательный и чуть лукавый взгляд растопил его сердце, но он не смог ни улыбнуться, ни подать ей какой-то дружеский знак — его захлестнуло какой-то могучей волной, и он так смутился, что не мог смотреть в ее сторону: лоб его взмок, и, забыв о платке, он вытер его такой же запотевшей ладонью. Кобек ясно чувствовал, как его небритое и опухшее лицо просто набухает от пота, и рука его оглаживала лицо все чаще и чаще.

«Почему именно сегодня она оказалась здесь? Неужели опять какое-то стечение обстоятельств! Невероятно, хотя... она ведь говорила, что имеет какое-то отношение к этим вопросам. Тогда все понятно», — и он немного успокоился.

Но оттого, что его взгляд на себя становился все более пристальным: «Ну, и неловок же я, ну, и неуклюж!» — его лицо стало похоже на тучу, из которой пролился неудержимый дождь. Небритый, обрюзгший, и еще этот пот, эта краснота!.. Кобеку становилось все хуже. Надо было хотя бы приодеться. «Зачем, спрашивается, я надел сегодня этот старый пиджак, ведь он же по швам трещит. Чертова расхлябанность! И жена хороша: нет, чтобы сделать ему замечание — то не так, это... Так нет, ей хоть бы что... Видела бы меня Фейруз, когда я был тем преуспевающим оболдуем — Рауфом! Но мне ведь тогда было не до любовных приключений. И все-то у меня не по-человечески. Вот этот идиотский доклад — зачем он? Выгляжу посмешищем...» — бичуя себя, Кобек сжимался от удушливых взглядов, сосредоточенных, как ему казалось, на нем одном...

Смирившись в конце концов со своим положением, он взглянул на Фейруз и прочитал на ее беспокойном лице не то волнение, не то тревогу...

* * *

Да, все не как у людей. Уже больше двадцати лет... Два десятка лет я с ней не разговаривал. Делал вид, что не замечаю, избегаю ее, хотя при каждом удобном случае старался попасться ей на глаза, увидиться с нею — наедине или при ком-то... «Глупо, — уже в который раз осудил он себя. — Теперь-то уж она меня, наверное, забыла. Ведь и я теперь смотрю на нее иначе. И все-таки она что-то значит в моей жизни»... — Кобек отвел взгляд от лица Фейруз и увидел тот день...

...Темно-зеленая трава на берегу, белая галька у серой воды, в которой отражается голубизна неба. Где-то пенятся волны, и глухой рокот стоит над рекой. Она тогда сидела на берегу и, раскинув ноги, играла в мячик: ударила о землю и ловила... Около нее сидел отец

и внимательно читал газету. А Кобек, увидев ее, поотстал от дворовых мальчишек, и старший из них — Юнус — крикнул ему:

— Эй, не отставай!

— Я не поплыву на тот берег, — ответил Кобек, не забывший еще, как быстрое течение чуть было не унесло его однажды. К тому же, здесь была Фейруз...

— Ты что, боишься? — уколол его Юнус.

— Еще чего! — задиристо ответил Кобек.

— Боится! — рассмеялась Рая, эта девчонка всегда таскалась за парнями, и все знали, что ей до смерти хочется дружить с их главарем — Юнусом.

Мальчишки засмеялись и, зажав в руках одежду, по одному зашли в воду и пустились вплавь. Кобек увидел, как Рая, следом за мальчишками, вошла в воду — ее красный купальник совсем по-взрослому облегал ее высокую грудь... Кобек посмотрел тогда на Фейруз, играющую в мяч, и понял, что она — и по виду — еще совсем малолетка: худенькие плечи, едва заметная грудь...

В то лето он целыми днями пропадал во дворе Юнуса. Мальчишки разводили там голубей, отчего их и прозвали голубятниками. Нужно было накормить голубей, убрать клетки... Забот много, но не меньше и радости: они устраивали лет, подлавливали чужаков, бегали на разведку по чужим дворам, где держали голубей, совершали всякие сделки с другими голубятниками: обменивали голубей, покупали, продавали... Не оставляли без внимания и «дикарей», живших по чердакам, и, если туда прибывался «домашний», устраивали облавы. Юнус был старше других ребят, и его уважали, особенно, может быть, за то, что он уже побывал в милиции; он и теперь подворовывал голубей, а еще — он курил и научил всю свою свиту затягиваться табачным дымом частенько он сбегал из дома и ночевал в чужих сараях или на чердаках, подбивал на это и других ребят. Несколько раз с ним сбегала и Рая. Она «крутила с ним любовь» — об этом знали все. Девочка была ему «верна», и, если в отсутствие Юнуса кто-нибудь из старших ребят обижал ее или заводил в угол, чтобы поприжиматься, она грозилась, что расскажет обо всем главарю... И когда такое случалось, развязка зависела от настроения ее ухажера, бывало, что и избивали обидчика, но чаще все обходилось.

Кобек только недавно подружился с голубятниками, и его не считали за своего, хотя и чужим не выставляли. В их ночных походах он не участвовал — боялся родителей, а во всем остальном не отставал от других. А главное, он не был жадюгой; когда мальчишки собирали деньги на что-нибудь или нуждались в «жратве», он вносил свою долю и, если было нужно, приносил из дома все, что требовалось для ночных прогулок, — так что и в этом деле Кобек был и своим, и чужим.

Однажды он зашел к Юнусу, но во дворе его не было и на зов никто не откликнулся.

Кобек уже собрался уходить, как вдруг услышал возню в сарае и чье-то всхлипывание. Он направился туда и услышал обиженный голос Раи:

— Пусти, пусти!

Кобек неслышно подошел к сараю и, найдя щель между досками, заглянул внутрь. Там было темно, но он, прищурившись, увидел все... Юнус с всклокоченными волосами лежал на Рае и, задрав ей платье, пытался стянуть с нее купальный ситчик... Рая упорно сопротивлялась и повторяла как заведенная:

— Пусти меня ради бога, пусти!

У Кобека захватило дух. Сперва он испугался и, отскочив от сарая, стал в отдалении. Ему было стыдно, что он подглядывает, но любопытство одолело его — и он еще раз прильнул к щели... Чувство стыда все-таки взяло верх над любопытством, и он, выскочив со двора, кинулся что есть мочи бежать по улице. Целый день он ходил сам не свой, но никому ничего не рассказал, а вечером снова был в компании голубятников. Совершенно неосознанно (но сознавая, что не хочет этого!) он следил за Раей, и когда он в который уже раз бросил на нее пристальный взгляд, она это заметила.

— Чего это ты? — вздрогнула девочка, испугавшись даже не взгляда, а того, что было за ним.

— Ничего, — ответил Кобек и больше уже не смотрел в ее сторону.

— Ну, что же ты! Так никогда и не переплывешь речку! Бояка! — подтрунивала над ним Фейруз.

— Я не бояка, это — ты... — возмутился Кобек.

— Да если бы не папа, я бы запросто переплыла, — и она показала, как бы она это сделала: сильный взмах левой рукой, потом — правой...

— Хвастунья, — упрекнул ее Кобек.

— Нет, не хвастунья, — она действительно не боялась, но ей не хотелось ни плавать, ни похвастаться, и она переменяла тему: — Пойдем собирать ежевику?

— Пойдем, — охотно согласился Кобек.

Оставив отца на поляне, они углубились в тенистую чащу. Густой кислый запах исходил от кустов ежевики. Боясь наступить на колючки, они осторожно ступали боковыми ногами по земле. Стебли ежевики кололись так же больно, но они не обращали внимания на это и, собрав в горсть темно-синие ягоды, забрасывали в рот целую горсть. Губы и руки быстро стали синими. Забыв обо всем на свете, они перебежали от одного куста к другому и улыбались друг другу. Стоя совсем рядом с Кобеком, девочка состроила гримасу и вытерла мокрую от сока руку о плечо Кобека — детская шалость, но Кобек помнил, как погнался за ней, не разбирая дороги, как бесстрашно они ступали по жгучим колючкам и весело кричали. Но Фейруз неожиданно поскользнулась и, сжавшись от боли, замерла... Приблизившись к ней, Кобек, неожиданно для самого себя, заключил ее в объятия. Девочка от удивления даже забыла о боли только задышала часто-часто. Когда она повернулась к нему, щека мальчика коснулась ее щеки. Непонятная истома прокатилась по их телам, они оба это почувствовали. У девочки ослабли ноги, и ей никак не удавалось овладеть собой.

— Кобек, отпусти, — тихо прошептала она.

Кобек ясно почувствовал, что девочка не оттолкнет его и еще сильнее прижал ее к себе: они оказались на траве — и сладкая пелена затянула его глаза. Но Фейруз внезапно опомнилась и стала яростно отталкивать его.

— Отпусти, отпусти, — приказывала она.

«Наверное, в этом ничего такого нет, если все так делают!», — подумал Кобек, припомнив ту оглушительную сцену с Юнусом и Раей. Его охватило какое-то безумие, и он, уже не размышляя, набросился на девушку — ничто, казалось, не могло его остановить, он так распался, что даже не почувствовал боли, когда Фейруз уку-

сила его в плечо. Вдруг его словно поразило молнией — на миг даже солнце перестало светить; Кобек почувствовал безумную слабость. Опомнившись, он повалился на траву и от бессилия чуть сам не заплакал. У Фейруз катились слезы и, поправляя полосы, она поднимала глаза к небу — в них было отчаяние — и — с тем же отчаянием опускала в землю, а на себе Кобек ловил взгляды злые и непоправимо отчужденные.

Кобек ничего тогда не сказал, но ему стало ясно, что девушка ему этого не простит и наступит, повидимому, конец их дружбе. Он вскочил и побежал туда, где шумела река. Войдя в воду, он остервенело посмотрел назад и бросился навстречу волнам. Кобек спорил с течением, пытаясь заглушить постигшее его разочарование, и удивлялся тому, что в мире — с того памятного для него мига — ничего не изменилось: так же радужно светило солнце, так же неистово неслась речная волна... И берега были на прежнем месте. Только в нем — Кобеке — все стало иным: он впервые пытался смыть с себя позор и только сейчас понял, насколько это трудно...

Кобек уже давно не бывал у этой реки. Но ее хлещущие волны, как и чувство стыда, пережитое в тот день, не покидало его вот уже двадцать лет. Он даже видел сны, погрязавшие его в те дни и в ту реку стыда.

* * *

— Карамов! — оборвал его воспоминания Магомед Султанович. — Вам предоставляется слово!

Кобек вытер пот с лица и встал. Сделав несколько шагов, он снова взглянул на Фейруз: увидев, как она одобритительно склонила голову, он почувствовал себя смелее. Чувство неловкости прошло, и пиджак уже не казался ему таким тесным, и даже взгляды сотрудников, даже надутая физиономия ответственного работника его не пугали. Он редко делал доклады без шпаргалки, но на этот раз решил пользоваться ими только в крайнем случае.

— Памятники старины — это связующие звенья, начал он, — обеспечивающие непрерывность духовных и культурных традиций на нашей планете...

И он поведал о том, что сделано обществом за последние годы. Были названы цифры, даны описания: столько-то памятников, такого-то века, такой-то цивилизации... К последним событиям Кобек перешел незаметно: рассказал о наскальном изображении, найденном им в пещере, о том, что сегодня это пристанище собак, но неизвестно, насколько долго она еще будет способна их укрывать... На рисунке, который он показал всем, была изображена крылатая собака — и удивлению его коллег не было границ: рисунок переходил из рук в руки, его комментировали... К начальнику управления он попал не скоро.

— Продолжайте, Карамов, — он, по-видимому, решил дослушать доклад, а потом уже заняться рисунком.

Кобек попытался углубить проблему.

— Ученым всего мира, — сказал он, — известны изображения полиморфных чудовищ. Подробно изучив эти материалы, я обнаружил, что существуют памятники, изображающие крылатую собаку, подобную нашей. Но мне придется употребить здесь иранское название: «сенмурв-паскудж», что в переводе означает — собака-птица. В ногайском языке есть слово «самыр», и мы можем воспользоваться им... Я хочу только привести несколько примеров, связанных с этим явлением: в сасанидском дворце в Мшитге сохранились вазы, на стенках которых изображены сенмурвы, стоящие друг против друга; при раскопках у станицы Елисаветской — в Придонье — найдены золотые чеканные обкладка и ножны с изображением собаки-птицы, в Семибратском кургане обнаружена золотая чеканная пластинка с изображением такой же — оскаленной — собаки, в Эрмитаже демонстрируются серебряное блюдо и серебряная чаша из Ставрополя, вазочка — из Дагестана, в Стамбульском музее есть мраморный рельеф с таким же изображением... Подобных предметов достаточно в разных концах света, но что, собственно, мы знаем об их происхождении! Каноническая форма изображения говорит о принадлежности памятников одной культуре. Можно было бы предположить, что все эти памятники связаны с космогоническими представлениями древнего человека. Но почему тогда изображена именно собака-птица, а не какое-нибудь

другое животное? Скорее всего, этот образ сложился задолго до того, как его стали изображать, и вполне возможно, что все эти рисунки сделаны с натуры!.. Наше пещерное изображение один из древнейших и уникальнейших памятников... И мне остается только сделать вывод, что памятник, сохранившийся на нашей территории, имеет огромное значение и открывает еще одну страницу био-истории нашей земли...

Кобек закончил свою, поначалу очень сумбурную, речь на высокой и длинной ноте — она продолжала звучать и после того, как он замолк. Не случайно начальник удовлетворенно кивнул, а коллеги и сотрудники аппарата восхищенными взглядами выразили свое отношение. Когда Магомед Султанович протянул руку за докладом, Кобек, не задумываясь, отдал: он был доволен собой и не шутя гордился победой. Но, увы, когда он увидел, что все внимание его коллег обращено на начальника, он понял, что никого особенно не удивил и никого не обрадовал. Он и сам всегда называл работников культурных учреждений пенсионерами, и был прав — теперь, например, все думали только о том, чтобы закончилась наконец эта бодяга и можно было уйти домой. Только Адлес и Хабиба были чем-то обеспокоены и старались разгадать намерения начальника. Понятно, почему волновался Адлес: он завидовал Кобеку и был обеспокоен тем, что его работа и впрямь может оказаться неординарной. «Но что нужно было этой Хабибе? Зависть отпадает потому как мы не ровня и делить нам нечего! Что же тогда означает это беспокойство?» — выражение ее лица было пугающе нервным.

Фейруз рассматривала рисунок, словно осененная какой-то догадкой. И Кобек немало удивился этому, ведь и по образованию, и по строю души она была далека от подобных проблем. «Если уж работникам культуры нет дела до такого уникального памятника, то что в нем находит она — социолог?» — взглянув на нее еще раз, он понял, что ей хочется что-то сказать. Но начальник в это время произносил заключительную речь.

— Трудно сейчас делать какие-то выводы, — говорил он, — хотя уже ясно, что сообщение Кобека Карамова заслуживает внимания. В ближайшие дни я буду в Мини-

стерстве культуры и поговорю об этом. А пока что мы должны помочь обществу взять под охрану этот уникальный памятник. Напишите письмо в райисполком, главному архитектору области — и пусть они прекратят работы в этом районе...

Адлес и Хабиба заерзали на стульях — им становилось все неудобнее — и не сводили изумленных глаз с неузнаваемо изменившегося начальника: что означает его служебное рвение?!

После того как все разошлись, Фейруз подошла к Кобеку.

— Каким образом ты здесь очутилась? — спросил Кобек, обрадовавшись тому, что это она сделала первый шаг.

— Я же говорила тебе, что провожу исследования в вашем управлении, а сегодня меня просто попросили остаться, — вспомнив про то, что на ней очки, Фейруз смутилась и, быстро сняв, затолкала их в сумочку.

— Никогда не видел тебя в очках. Они тебе идут, — сказал Кобек.

— Да что там! Я просто хотела сказать, что мне очень понравилось твое выступление. Ты, как мне кажется, стоишь на верном пути...

Разговор наверняка бы имел продолжение, если бы его не прервал подошедший начальник.

— Нам пора, Фейруз Асхадовна, я вас провожу, — сказал он, не удостоив Кобека даже взгляда.

— Одну минуту, — ответила Фейруз и отвела Кобека в сторону.

— До свидания, Кобек, я буду рада видеть тебя в нашем доме, приходите с женой. Просто так или по какому-то случаю, — она посмотрела Кобеку в глаза и протянула руку.

Кобек не выдержал ее взгляда и опустил глаза.

— Я позвоню тебе, Фейруз, — промямлил он, чувствуя, что теряется, становится ничтожным — и все из-за того, что не может найти каких-то настоящих слов.

Начальник и ответственный работник подхватили Фейруз, и они ушли. Выйдя следом за ними в коридор, Кобек остановился и пробыл там до тех пор, пока они не исчезли в дверях. От злости Кобеку захотелось

подскочить до потолка, закружиться волчком, пасть на колени и до иступления биться об пол — какая-то собачья ярость. Тогда он ясно осознал, что становится каким-то особенным человеком, ведь такие чувства не могли бы возникнуть у невольника — уж это-то он твердо знал. И, путаясь в предположениях, задыхаясь от неистового восторга, он обрушился на себя с проклятиями: «Ийттен тувган! Собачье отродье! Такая женщина! Нежная, тонкая — а ты не можешь выбраться из своего болота!»

Наедине с собой

Время шло, и он все острее чувствовал, что должен остаться с собой наедине.

Дома он был чем-то вроде гостя, по необходимости возвращался туда — чтобы спать, есть, видеться с детьми, но утром исчезал так быстро, как только мог.

Между супругами нередко вспыхивали перепалки, ведь больше всего на свете Кунбийке боялась развода: в ее жилах текла кровь добропорядочной жены, а не матери-одиночки.

— Лучше бы уж ты умер! Воспитывала бы детей одна! — с ненавистью кидалась она на мужа.

Кунбийке верила в то, что говорила, и Кобек не мог, конечно же, отрицать справедливости этих слов. Но как, спрашивается, жить с человеком, который желает тебе смерти! — говорил он себе, обиженному, оправдывая свой гнев и раздражение. Но и порвать с ней он не мог, ведь оставить детей без отца было бы несправедливо. Он аккуратно, как обязательный взнос, приносил домой зарплату, и ворчливые попреки жены казались ему незаслуженными: что же, собственно, еще нужно?

— Нужно, чтобы ты был главой семьи и разделял со мной все заботы! — втолковывала Кунбийке.

— Не много ли хочешь! У меня только одна жизнь, и я должен сделать то, для чего родился.

— Ты уже сделал двоих сопливых — вот и смотри за ними! Несчастливые дети! Лучше бы они умерли! — по-

добные разговоры всегда кончались проклятиями и угрозами.

Но этого Кобек уже не мог вынести. Забыв о присутствии детей, он хлопал кулаком по столу:

— Стерва! Ноги моей больше не будет в этом доме!

Но Кунбийке уже ничто не могло остановить.

— Предатель! — кричала она. — Только того и ждешь, чтобы развестись! И как только я могла положитьсь на такого: каким был ненадежным, таким и остался.

Кобек приходил в бешенство от этих слов. Уведя плачущих детей, он первым, что попадало под руку, — веником, книгой, а то и кружкой — охаживал жену... А однажды чуть не придушил, не желая, конечно же, ее смерти, а лишь так — для остратки: не Отелло же он, в самом деле!

После таких скандалов они не разговаривали неделями, расходились по своим углам и... по своим кроватям. Первые шаги к примирению делала обычно Кунбийке — то неожиданно спрашивала о чем-нибудь, то вступала в его разговор с детьми... Но этот худой мир быстро сменялся такой же худой ссорой.

Все начиналось, как всегда, с унижительных мелочей. Кобек не мог не понимать, что и новый скандал вызван его поведением, но Кунбийке защищалась так агрессивно, что это почти снимало с него вину — иногда ему даже казалось, что он может наложить на себя руки, хотя... нет, руки на себя он, конечно, не наложит, но свою семейную жизнь, наверное, оборвет... Холостяцкое житье представлялось ему на редкость ярким, но... опять же «но»! Решиться на этот шаг он не мог, потому как отдавал себе отчет в том, что это желание эгоистично. Когда же, в последнее время, все чаще ему что-то не удавалось, он снова думал о своей зависимости и о том, что обречен на какие-то случайные закономерности и неосознанные необходимости. Одолеть их он не мог и, отчаявшись в этой борьбе, давал себе хотя бы относительную волю и в компании друзей напивался до светопреставления. Когда его голова становилась совсем легкой, мысли улетучивались и тревоги забывались, появлялась уверенность в том, что ничего страшного не произошло: и жизнь не загублена, и очаг не погас, и жена небезразлична... Он преспокойно возвращался домой, но с

наступлением утра приходило раскаяние, и он чувствовал себя таким ничемным, что готов был зарыдать.

Сознание родительского долга было у него в крови, и он не должен был внушать себе, что именно это — его главная забота. Чтобы утвердиться в роли отца, он водил детей в парк или на прогулки — «пасти» их, как он любил выражаться, ему было нетрудно, но разговор с детьми не клеился, близости между ними не было ни раньше, ни теперь — он представлял себя жалеющим, а не любящим отцом, так оно и было на самом деле. «Дети борющейся Анголы, дети многострадального Ливана!» — посмеиваясь над собственными детьми и над своей жалостью к ним, Кобек осуждал себя за эту холодную иронию... Но, как бы он к этому не относился, жена и дети занимали его мало...

Месяца за три до той коллегии, у него собралось множество материалов о пещерном рисунке появились и догадки, которые, как он чувствовал, можно было положить в основу научного труда. Они показались Кобеку настолько «авторскими» и сенсационными, что он, желая скрыть их от любопытных глаз, придумал свой алфавит. Прочитав массу книг, он понял, что одни и те же мысли кочуют из одной работы в другую, а недобросовестные авторы даже не делают сносок, чтобы отделить собственные мысли от заимствований... А раз такое случается даже с известными людьми, опубликовавшими не один труд, можно было представить, что произойдет с его неопубликованным — творением: кто угодно мог его присвоить и выдать за свое. И Кобек решил, что, справившись с главной задачей — написав сочинение, он должен будет найти серьезного и честного ученого, который мог бы помочь ему с публикацией; не исключал он и того, что его труд, основанный на интуитивных и, может быть, даже фантастических предположениях, не удовлетворит его и тогда отпадает всякая необходимость публикации. Для того и понадобилась ему эта тайнопись. И все же, хоть Кобек и не был самонадеян, его гипотезы казались ему оригинальными — зачем же было болтать о них раньше времени!

В любом случае он должен был уединиться — и для того, чтобы поработать по-настоящему, и для того, что-

бы разобраться в самом себе. Иногда ему даже казалось, что это — одно и то же.

В тот день, когда он раздобыл путевку в дом отдыха, он пришел домой поздно — все уже легли. Стараясь не шуметь, он прошел на кухню — что-то съел, что-то выпил... Вернувшись в комнату, быстро разделся и, перемахнув через спящую жену, прижался к подушке. Лежа в постели, Кунбийке подмечала каждое движение мужа.

— Ну что, прибыл, квартирант? — сухо проговорила она.

Кобек повернулся к жене и, то ли почувствовав, то ли сделав вид, что почувствовал стыд, бессмысленно произнес:

— А я думал, ты спишь! Не хотел беспокоить!

— Опятьпил! — недовольно проговорила Кунбийке, отбросив его бесчувственную руку.

— Ну и что! Выпили с Адлесом бутылочку.

— Да хоть с кем! Тебе здесь что — вытрезвитель?!

— Но ведь с Адлесом — с твоим поклонником, — утаивая насмешку: только такой, мол, на тебя и польстится! — примирительно произнес Кобек.

— Никакой он не поклонник, — рассердилась Кунбийке, но ее голос дрогнул и потянул за собой цепочку его ревнивых предположений: «Конечно, она думает о нем и о том, какая жизнь могла бы у нее быть», — эти бредовые, как он сам понимал, идеи, ему захотелось развить.

— Почему же не поклонник? Ухаживал за тобой, следил за каждым твоим шагом. Кстати, он и теперь все время спрашивает о тебе! — приврал Кобек: чего-чего, а этого Адлес себе не позволял, потому-то Кобек и подозревал, что он все еще неравнодушен к его супруге, — как иначе можно было объяснить его безразличие!

— Нечего валить с больной головы на здоровую! Скажи лучше, собираешься ты нормально жить или нет?

— Собираюсь, — твердо пообещал Кобек.

Жене захотелось заглянуть ему в глаза, но что она могла увидеть в потемках!

— Собираюсь! — повторил Кобек и спокойно добавил: — Как абсолютно нормальный человек я хочу поехать на курорт.

— Куда-куда? — с издевкой спросила жена.

— Я же говорю: на курорт!

— Ну, конечно! В нашем положении только по курортам разъезжать! Твоей зарплате едва хватает на пропитание. Что за бред ты несешь?

— Ничего страшного, мне хватит и отпускных, а ты в этом месяце просто ничего не отложишь... Вот и все... А поехать я должен — устал! — вздохнул Кобек.

— Скажи на милость! От чего же ты устал? — подскочила жена.

— От всего сразу... От жизни.

— А тебе не кажется, что ты давно уже не разговариваешь по-человечески? И что это за причуды! Я, может, тоже хочу на курорт, но ведь не еду!..

— А кто тебя держит, поезжай!

— Тебе бы только смеяться. Знаешь ведь, что с девочками я не могу никуда поехать. Это просто невыносимо! Посмотрите на него, курорт ему, видите ли, нужен! А может быть, и еще что-то? — Кунбийке просто распирало от гнева.

— Ну, конечно, мне еще многое нужно, я, в сущности, еще ничего не сделал, но обязательно сделаю — ты просто не знаешь Кобека...

Разговорам тогда не было конца, но Кобек стоял на своем: упрямо, будто речь шла о жизни и смерти. Эта поездка и впрямь была ему необходима: надо было посмотреть на все со стороны, подышать воздухом свободы, а главное — поработать. И даже то, что жена прокляла его на дорожку, не испортило ему настроения.

— Ну, смотри! — посулила она, — если изменишь, не миновать тебе лютой болезни или катастрофы!

— Авиационной или на железной дороге? — поинтересовался Кобек.

— Ты и в самом деле — Кобек! — и она отмахнулась от него брезгливо, как от шелудивой собаки.

— Это, между прочим, имя половецкого хана! — огрызнулся Кобек и вышел вон.

По дороге на курорт он уже чувствовал себя другим человеком свободным, легким. Предчувствие свободы окрыляло его. Оно стало еще острее, когда он ступил на крымскую землю, покорившую его своим высоким небом, роскошной зеленью и, конечно же, морем. Он ви-

тал над ним то сизой горлицей, то чайкой. В роли горлицы он чувствовал себя уверенней и, налюбовавшись морем, мечтал уже о том, чтобы перепорхнуть в свой далекий город, увидеть с родного балкона детей и неблагодарную жену: все-таки интересно, изменяет она ему или нет! Хотелось увидеть и Фейруз, она тогда так ласково смотрела на него. О Фейруз он думал постоянно и все мечтал о том, что встретит ее в этом курортном местечке — а почему бы и нет! Все возможно!.. И он пристально всматривался в женщин, но... Ийттен тувган! Это желание было неисполнимо.

Бархатный сезон уже кончился, но на побережье все еще приезжали северяне, желавшие продлить свое жалкое лето, да и те, кто не смог приехать раньше. Дом отдыха стоял на горе, а до моря нужно было добираться автобусом — желающих было много, хотя уже стало прохладно и почти каждый день лил дождь. Кобек работал и почти не выходил из своей комнаты. Для него, изголодавшегося по тишине и покою, эта комната была раем, и он не жалел, что потратился на слишком дорогую путевку. Со своими соседями он виделся только в столовой, и они даже толком не познакомились, потому и встречали его всегда любопытными взглядами. Кобеку это было неприятно, и он старался не задерживаться в столовой. За его столом сидела пожилая супружеская пара из Якутии, молодая веснушчатая женщина и пожилой мужчина с Украины — у него был какой-то особый выговор; супружеская чета вела себя чинно, украинец ухаживал за молодой женщиной, но ей это не нравилось: она то и дело поднимала глаза на Кобека, но он не замечал этого. Работа отнимала все его силы: он жил ею, но его фантастические предположения, как он ни бился, не обретали ни строя, ни линии — все было сумбурно и запутанно.

Он целиком перенесся в эпоху самыра — неизвестной доселе земной цивилизации. Он вспоминал то, что происходило миллионы лет назад: вспоминал о единственных в то время хозяевах планеты, о летающих существах, обладавших разумом и державших между собой связь с помощью ультразвука. Они действительно были единственными хозяевами земли и неба. Ему казалось, что самыры — это пришельцы из космоса, которые, по-

пав на землю, не смогли освободиться от ее влияния, так и не адаптировались в земных условиях.

Он исписал уже около семидесяти страниц, центром работы было пещерное изображение возле Эдер-аула. Он считал, что это изображение, так же, как первое изображение первобытного человека в Альтамировской пещере, поведет человечество по пути новых поисков: в современном мире должны были остаться следы той эпохи.

Когда он поставил точку, чувство неуверенности не покинуло его, наоборот... Он прекрасно понимал, что недостаточно искушен в этом вопросе: он не был ни биологом, ни зоологом, и знаний по этологии у него было совсем немного. Написав этот труд, он понял, что первым делом надо показать его специалисту, занимающемуся изучением психики и физиологии животных. Но даже если его толкование прошлого Земли было из разряда утопий — а Кобек допускал и это, оно имело право на существование и могло бы в дальнейшем иметь научное подтверждение. И он поклялся молчать о своих гипотезах — ключ к разгадке земных тайн, как и ключ к его тайнописи, был в его руках.

Закончив работу, он решился было пуститься в курортный загул, но, по возвращении на эту грешную землю, знакомое ощущение несвободы возвратилось к нему. Оно быстро стало привычным, и, так же как прежде, жестоко угнетало его. Кобек почувствовал, что равнодушен ко всему. Заводить какие-то знакомства было уже поздно. А когда он попробовалтаки приударить за молодой женщиной, сидевшей с ним за одним столом, оказалось, что за ней давно ухаживал парень из соседней турбазы. Погода тоже не располагала к веселью. Солнце выглядывало редко, и в тяжелые тучи не хотелось взлетать ни горлице, ни чайке. Как-то, гуляя под дождем, он простудился и много дней — почти до конца срока — чувствовал себя скверно. Настроение упало, ему ничего не хотелось делать, и даже книги, которые он взял в библиотеке, лежали мертвым грузом.

Комната Кобека выходила на север, и в ней всегда было холодно — даже стены никогда не просыхали. Вдобавок ко всему ему приходилось открывать балконную

дверь, ведь Кобек курил так, что в комнате дым стоял коромыслом. С первых же дней его болезни началась эта тяжба с дирекцией: он хотел перейти на южную сторону, где комнаты были теплее и светиле солнцем. Те, кто отдыхал на той половине, не утруждали себя прогулками к морю, а загорали прямо на балконе. Кобек несколько дней ходил по начальству, но толку не было. Он, может, и не упорствовал бы так, если б не знал, что очень многие из отдохнувших уже перебрались с северной стороны на южную. Они, конечно же, не приходили к начальству с пустыми руками, но Кобек не догадывался об этом: его доводы были убедительны — чего же еще! Но дирекция стояла на том, что номера комнат указаны в путевках, а порядок есть порядок!

— Но я мерзну! — отчаянно жаловался он директору.

— Что же делать! Если хотите, я распорядюсь, чтобы вам выдали три одеяла! — пряча усмешку, говорил директор — пузатый краснорожий дядя.

В конце третьей недели ему стало совсем нехорошо, и он даже подумал, не женины ли проклятия его донимают... Но ведь он был чист перед ней... Если, конечно, не считать измену с Фейруз, но эта измена была платонической и не заслуживала такого сурового наказания. Он постоянно пил таблетки, бегал в поликлинику, ставил горчичники... Но болезнь не проходила, и он, в который уж раз, спрашивал себя: почему в его жизни все так неустроено и нелепо, почему ему приходится довольствоваться тем, чем он не может быть доволен?! Он, конечно же, не искал причин в собственной несостоятельности, не винил себя за то, что не приучен преодолевать трудности или, как большинство людей, проще смотреть на вещи, не бросаться в крайности и не наживать себе врагов, да и вообще быть сдержаннее и уметь держать язык за зубами. Он допускал, что, если он согласится со своей несвободой, его жизнь изменится к лучшему, но его кобековская душа не умела смиряться поводом. Склонить себя к этому он не мог, а другого пути не было.

Когда ему уже не надо было ходить на процедуры, он просыпался только для того, чтобы идти на завтрак, приходило время обедать — и он тащился на обед; пообедав, гулял по набережной — не замечая ни диковинной растительности, ни белых пароходов, причаливап-

ших к самому берегу, — гулял до тех пор, пока не надо было идти на ужин; потом он смотрел вместе со всеми телевизор, а когда все было пересмотрено, уходил в свою комнату — его, вдобавок ко всему, одолевала бессонница, и часто он не мог уснуть до утра.

Так и закончился бы этот бестолковый отпуск, если бы не одно событие, произошедшее в тот самый день, когда появилось на небе пол-летнему щедрое солнце. Все отдыхающие с самого утра заторопились к морю, чтобы хоть раз искупаться и увезти с собой это прикосновение голубой волны. А Кобек, прямо по пословице: разозлившись на блоху, всю шубу сжег — раз не получился отпуск, так и не надо ничего: ни моря, ни солнца — валялся на постели и настраивал себя и против сосен, заглядывавших в окна, и против кипарисов, черневших на ярко-голубом небе. В пансионате было тихо, слышались щелчки падавших на асфальт желудей и цоканье скакавшей с ветки на ветку белки, перед самым балконом пролетали сизокофейные горлицы. Но он уже не мечтал о высоте... Кобек то смотрел на открытую дверь, то, разозлившись непонятно на что, закутывался в одеяло и отворачивался к стене. То ли он сам растравил себя, то ли сказалась болезнь, но его бросало и в жар, и в холод. Он и сам не заметил, как уснул, но этот сон был беспокоен — он то и дело просыпался. Проснувшись, он заставлял себя закрыть глаза — ему хотелось забыться. Когда он в очередной раз открыл глаза, ему привиделось нечто фантастическое: на балконе его номера стоял конь коричневой масти — небольших размеров, чуть выше балконных перил, аккуратно расчесанная грива поблескивала на солнце. Он стоял почти неподвижно, наблюдая темно-синим глазом за Кобеком. Конь вздрагивал всем телом, то закрывая, то распахивая свой всевидящий глаз. Кобек поначалу даже не удивился — чего не бывает на свете. Близость живого существа умиляла его — он совсем не часто видел лошадь так близко, хотя в детстве, помнится, его даже сажали в седло. Правда, он боялся тогда и от страха плакал. К лошадям Кобек относился совсем не так, как некоторые: много ведь есть таких, что приходят в восторг от одного их вида... Собравшись с мыслями, Кобек повернул голову к свету и снова увидел коня.

На этот раз он удивился. «Ведь этого не может быть!» — и он даже ущипнул себя: не во сне ли он это видит. Но конь по-прежнему наблюдал за ним темно-синим глазом, и от этого взгляда почему-то становилось спокойнее. Он вновь сомкнул глаза, а открыв, подумал, как было бы хорошо, если бы конь был рядом. И коренастый крепыш действительно стоял на своем месте и, будто в ожидании, моргал глазом. Теперь уже Кобек с любовью смотрел на него, а конь отвечал таким же преданным и благодарным взглядом. Не веря происходящему, Кобек долго страшился встретиться с ним взглядом, но в конце концов пересилил себя, и ему показалось, что конь улыбнулся. Тогда он вдруг понял, что еще никогда не смотрел прямо в глаза и даже никогда не задумывался над этим — только сейчас поразился своему открытию. Они долго смотрели друг другу в глаза, будто рассказывали о себе все что можно, и поняли друг друга. Когда он подумал, что есть на свете существо, которое его понимает, конь исчез. И Кобека до самого утра мучил вопрос, что же это все-таки было: сон, галлюцинации или еще что-то? Ясно было только то, что его душа жаждет откровения, и, наверное, настанет такой день, когда он и кто-то другой объяснятся друг с другом и от одного этого станут счастливее.

Наутро он подошел к зеркалу и долго смотрел на себя: морщил лоб, показывал зубы, подмигивал своему отражению, разговаривал с ним, задавал ему вопросы и сам же отвечал, наблюдая за его реакцией.

Он всматривался в запавшие глаза и, остановив взгляд прямо на блестящем зрачке, спросил:

— Как тебя зовут?

— Кобек Карамов, — ответило отражение.

— Зачем ты родился?

— Чтобы жить...

— Как жить?

Зеркальный лик погрузился в раздумья и, погладив высокие залысины, произнес:

— Еще не знаю. Но я хочу яркой и бесполезной жизни...

— А разве бывает бесполезная жизнь?

— Думаю, что да.

— А вдруг и твоя жизнь бесполезна?

— Ну, почему же? Я оставил след в жизни, — дрогнувшим голосом произнесло отражение.

— А как, по-твоему, ты — хороший человек?

— Во всяком случае, я еще никому не делал зла. Наверное, это нормально.

— И все-таки, чего ты ждешь от жизни?

— Трудно ответить на этот вопрос. Наверное, чего-то необыкновенного... Я теперь многое понял. До этого я был образом и подобием других, а теперь хочу жить по-своему, и я знаю, почти уверен, что у меня есть собственное предназначение.

— Но цели своей ты не знаешь?

— Я знаю, что она есть и что рано или поздно она должна мне открыться.

— Какой главный вопрос, поставленный перед тобой жизнью, ты хотел бы решить?

— Что доминирует в ней: случайность или предопределение?

— А мог бы ты стать героем?

— Да.

— И это, по-твоему, не смешно: Кобек — и вдруг герой?

— Не вижу в этом ничего смешного. Если бы была война, я мог бы отдать жизнь во имя победы.

— Но ты бы, наверное, хотел, чтобы твой подвиг был отмечен?

— Да, ведь это было бы справедливо.

— А если о тебе сразу забудут?

— Это ужасно. Хоть действительность и готовит к этому, это ужасно...

— Но так, ведь, не раз бывало?

— К несчастью, да. И это всякий раз ужасает меня. Но можно все-таки, я верю, прожить так, чтобы о тебе никогда не забывали.

— Ты будешь ловчить и хитрить, чтобы создать себе ореол славы?

— Ловчить и хитрить я не умею, но от славы не откажусь, если она придет.

— Но как же жить без определенной цели?

— Именно это меня беспокоит больше всего. Я сейчас во тьме и вслепую иду к своей цели.

— Ну, а если ты заблудишься?
— Это тоже бесполезно, ведь я искал то, что, возможно, будет необходимо еще кому-то, но он уже не пойдет моим путем...

— Ну, а если о твоём пути никто не будет знать, если ему вообще не придадут значения и не захотят считаться с опытом какого-то Кобека?

— Значит, они заслуживают этого: брести, как и я, по ложному пути и испытывать те же муки... Но это печально и я не хотел бы этого.

— Ты считаешь себя исключительным человеком?

— Да, а иначе жил бы как все — по стандартным установкам и типовым проектам.

— И ты никогда не сомневаешься?

— Сомневаюсь, конечно. Без сомнения нет человека. Только фанаты думают, что знают все. Я же земное существо — как лошадь или собака — и я не знаю, что будет со мною завтра.

— Итак, ты хотел бы знать: случайно ты появился на свет или в этом есть предопределенность? — спросил Кобек.

— Да, — ответило отражение.

— А если я скажу, что такая предопределенность существует? — спросил Кобек.

— Значит, надо разгадать, в чем она, — и это уже цель, — не замедлил с ответом двойник.

— Ну, хорошо! А если случайность правит миром, ведь ты мог бы и не родиться...

— Возможно, что случайность и есть предопределение? — этот ответ поставил в тупик и самого Кобека, и его отражение.

Кобек посмотрел на себя в зеркало, и поразился иронии, проступившей на неживом лице. «Такой неказистый, а думает о таких вещах!» — подумал он. Но, что бы там ни было, решил он, надо жить и быть готовым ко всему: время покажет, кто и что он такое.

Кобек вернулся из отпуска другим человеком: более решительным и твердым.

А в день, когда он готовился к той коллегии, ему приснился еще один странный сон, не только цветной, но и

звуковой: он увидел множество неизвестных ему людей, все они были в белых одеждах и все — слепые. Кобеку снилось, что он гостит в каком-то пансионате для увечных. Прознав о том, что он зрячий, они гонялись за ним, чтобы избавить его от этого чудовищного «порока». Кобек то убегал от них, то прятался за деревья, но надежного укрытия не находил. В любой момент его могли обнаружить: по какому-то скрипу, шороху, шелесту или даже вздоху... Выбившись из сил, он припечатал себя к стене какого-то дома и замер — слепые проходили мимо. Затаив дыхание, он всматривался в уродливых женщин, мужчин и детей — все они были охвачены гневом. А один старец, бежавший вместе со всеми, вдруг резким прыжком бросился на него и ухватил цепкими костлявыми руками. Кобек не успел даже ахнуть. Старец подал знак своим товарищам, и те, торжествуя, понеслись на зов. Кобек уже чувствовал их приближение и, парализованный страхом, спасся только тем, что проснулся. И еще очень долго он убеждал себя в том, что это всего-навсего сон. Но и его Кобек расценивал как особый знак, в своей исключительности он уже не сомневался. «Рано или поздно, — говорил он себе, — мне предстоит сделать какой-то важный шаг»...

И есть я, и нет меня

Фейруз после коллегии так посмотрела на него, что он понял, как многого от него ждут. Он не мог забыть этот взгляд и думал только о встрече с Фейруз.

В один из зимних вечеров Кобек с Адлесом зашли в кафе, чтобы поговорить о том о сем, и, хотя говорить, в сущности, было уже не о чем, Адлес не прощался. Речи его текли как потаенные ручейки, и каждому слову, казалось, он хотел придать особое значение. Адлес считал Кобека человеком доверчивым и простодушным. Сам же он был крайне самолюбив и не скрывал своего превосходства над другими: над коллегами он потешался, перед начальством — заискивал. Понимая, что Кобек чего-то опасается, он решил узнать, чего же — и избрал для

этого довольно странный метод: сам он, наверное, называл его психологическим. Но Кобек знал, в чем он состоит, и не только не открывал своих тайн, а употреблял этот злокозненный метод во зло его создателю: он с любопытством следил за ходом мысли Адлеса и даже подзадоривал его.

— А что если нас сейчас заберут в милицию? — бесхитростно спросил простодушный Кобек, стараясь смутить своего осторожного друга.

— Тогда уже завтра сообщат на работу и узнает не только начальство, но и все управление. Могут и уволить без разговоров, — впервые взглянув правде в глаза, Адлес доложил об увиденном прямо на ухо Кобеку.

— Тогда, конечно, прощай научное открытие и ни о каком памятнике уже не пикни. Вообще-то, наш начальник — порядочная сволочь, правда, Адлес, — трагическим шепотом отозвался Кобек.

— Тут и говорить не о чем. Ты ведь заметил, как он вертелся перед ответственным работником?

— Конечно, заметил, — возмущенно откликнулся Кобек, понимая, что Адлес уже начал строить какие-то догадки.

— Вполне возможно, что про твою работу он давно рассказал начальству. А выслушав тебя, он хотел, наверное, удостовериться в убедительности твоих предположений.

— А как ты думаешь, для чего?

— Как это — для чего? Он же ясно сказал.

— Для того, чтобы сообщить в министерство?

— Ну, конечно! Он ведь припишет все себе. А ты останешься с носом.

Кобек, разумеется, и сам это знал, но сделал вид, что не на шутку испугался.

— Какие страшные люди! И как только работать с такими?

Адлес похвалил себя за столь хитрую уловку и теперь выдерживал паузу, чтобы Кобек понадежнее увяз в этом страхе.

Но Кобек уже думал о другом: в его записной книжке был номер телефона Фейруз, а они как раз проходи-

ли мимо автоматов. И, хотя он знал, что Адлеса нельзя посвящать в свои сердечные дела, потому что он при случае использует и это, Кобек решительно повернулся к нему.

— Ты знаешь, Адлес, мне надо позвонить одной женщине, но сам я не могу этого сделать.

— Какая еще женщина? — удивился Адлес. — Что-то ты раньше не говорил о ней!

— Это трудно объяснить. Уже больше двадцати лет я не разговаривал с ней.

— А сколько же тебе тогда было? — прервал его Адлес.

— Ты прав, конечно. Я был тогда совсем ребенком, и она — тоже, но чувства к ней у меня сохранились...

— А что же она? — воспользовался паузой Адлес.

— Мне кажется, что и она ко мне равнодушна. Хотя у нее тоже семья ...

— Все-то у тебя не как у людей, Кобек.

— Может, и так! Но мне надо ей позвонить, а сам я не могу: неловко как-то... Позвони ты.

— Да мне нетрудно, — усмехнулся Адлес, — но почему ты только сейчас об этом рассказываешь?

— Не подумай, что я это выдумал. Мне и самому не все было ясно, только теперь я понял, что нам надо объясниться, но боюсь чего-то. Прошу тебя, позвони!..

— А что я должен говорить?

— Скажи, чтоб извинила... Нет, скажи лучше, что в жизни все так странно и что я глупец... В общем, скажи что-нибудь...

Они вошли в телефонную будку, и Адлес набрал номер.

— А как, собственно, ее зовут? — спросил он.

— Фейруз.

К телефону долго не подходили, а потом ...

— Я вас слушаю, — послышался мужской голос.

— Мне нужна Фейруз, — решительно проговорил Адлес.

— А я бы струсил, услышав голос мужа. Молодец, Адлес! — и Кобек дружески пожал локоть приятеля.

— Да, я слушаю, — Кобек услышал голос, показавшийся ему голосом из прошлого, и замер от волнения.

— Это Кобек говорит, — после этих слов Адлес сделал паузу и Кобек задрожал, представив, что случится, если обман раскроется: и зачем только он это задумал!

— Кобек? — спросила она с удивлением.

— Да, Кобек! — уверенно повторил Адлес. «А я бы не смог быть таким настойчивым», — упрекнул себя Кобек и, решив воспользоваться возникшей так кстати паузой, прошептал, закрыв трубку ладонью:

— Скажи, что Кобек из детства.

— Какая-то идиотская фраза! — рассердился Адлес.

— Ну, скажи, прошу тебя! — взмолился Кобек.

— Кобек из детства, — недовольно повторил Адлес.

— Теперь я уже почти верю, что это Кобек.

— Ты извини, Фейруз, но в жизни так все получается...

— А я знала, что ты когда-нибудь это скажешь! — и она вздохнула.

От этих слов на душе Кобека потеплело.

— Нам надо встретиться, — перешел в наступление Адлес.

— Что ты говоришь, — прошептал Кобек, съезжившись от такой наглости, но, к его удивлению, в трубке прозвучал совершенно спокойный голос:

— Встретиться? Прямо сейчас?

Почувствовав, что Фейруз колеблется, Кобек почти успокоился, но Адлес настаивал:

— Да, прямо сейчас!

Кобек совершенно потерялся и, не раздумывая, ударил кулаком по рычагу; оборвав разговор, он почувствовал себя псом, поджавшим хвост и убегающим от погони.

— Ты соображаешь, что говоришь? Зачем эта встреча? Что я ей скажу? — Что я — олоуп? Или что? Я же тебя совсем о другом просил...

— О чем это, интересно? — рассердился Адлес.

— Да просто поговорить — ни о чем и обо всем! — Кобек уже немного успокоился. — Но как же теперь быть? Надо позвонить и попросить прощения. Скажи, что телефон плохо работает.

И Адлес снова набрал номер.

— Можно Фейруз?

— А кто ее спрашивает? — взметнулся тот же мужской голос.

— Не имеет значения. Если можно, позовите, пожалуйста.

— Нет, имеет значение! — сердито проговорил мужчина и бросил трубку.

Прятели в молчании отошли от автомата.

— А Кунбийке знает ее? — спросил Адлес после паузы.

— Зачем ей знать! — удивился Кобек.

— Да так! — пожал плечами Адлес.

И этот бесстрастный голос отозвался в душе Кобека недобрым предчувствием. «Что-то замышляет», — подумал он.

— А если и узнает — что с того? Я не хочу ничего скрывать, но и рассказывать не собираюсь: разве она поймет! — резко проговорил Кобек.

— Да ты молодец, Кобек. Столько лет прошло, а ты ничего не забыл! Такие люди редки... — похоже, что Адлес говорил вполне искренно.

А Кобеку вдруг захотелось спросить об отношении Адлеса к его жене: любит он ее, как прежде, или уже нет, но он вовремя спохватился. Он подумал, что, если Адлес скажет «нет», он все равно не поверит, а если вдруг признается в своих чувствах, то неизвестно, чем все это кончится. Почему-то ему хотелось думать, что Адлес равнодушен к его жене. Хотя, в общем-то, ему было все равно. На лице Кобека проступила какая-то кислая мина, и он с презрением взглянул в желто-коричневые колючие глаза Адлеса. «Не хватало еще, чтобы ты спал с моей женой — матерью моих детей!» Он, как ни странно, допускал это и чувствовал себя оскорбленным.

— А может, выпьем еще бутылочку! — ласково проговорил Адлес, почувствовав направленное на него недовольство.

— Можно и выпить! Только не в ресторане, а у меня! — Кобек впервые позвал Адлеса к себе.

Они взяли бутылку вина и поехали к Кобеку.

Кунбийке была недовольна столь поздним визитом гостя, но, узнав Адлеса, улыбнулась и пригласила мужчин в кухню.

— Тесно, конечно, всего одна комната. И дети спят — поэтому не обижайтесь, что приглашаю в кухню, — проговорила она и исчезла в комнате.

Кобек усадил приятеля за стол и выставил какую-то закуску.

— Пусть и Кунбийке побудет с нами, — предложил Адлес.

— Ну, что же, пусть, — недоуменно проговорил Кобек и достал еще один бокал.

Кунбийке, приведя себя в порядок, вернулась: она подобрала волосы и подкрасилась.

— Пить я не буду, — проговорила она и как-то озорно взглянула на Адлеса.

Адлес не отрывал от нее взгляда. Кобек это заметил, и ему стало не по себе: раздражало и то, как они смотрят друг на друга, и то, что Кунбийке, расспрашивая гостя о семье и работе, сидела, почти прижавшись к нему. Адлес тоже расспрашивал ее о жите-бытье. И складывалось впечатление, что они давно ждали этого разговора и радуются ему, как запретному плоду.

— Хватит болтать, давайте выпьем! — проговорил Кобек, стараясь заглушить свою досаду.

Он уже жалел о том, что впустил Адлеса в квартиру: по всему было видно, что Адлес, как и сам Кобек, не потерял своих чувств. В квартире появился еще один обитатель, а она была тесна и для четверых. Но самое отвратительное для Кобека было то, что в их тесный семейный круг врвался посторонний человек со своими мыслишками и чувствами.

«Ну, нет, этого я не допущу!» — решил Кобек и в продолжение всего вечера следил за этими двумя, потерявшими, как ему казалось, стыд и совесть; он вспоминал, как много лет назад они с Кунбийке сидели на скамейке, а в кустах сирени прятался Адлес и подсматривал за ними.

Когда Кобек, проводив Адлеса до остановки, возвратился, супруга уже легла.

— Не думай, что я дам тебе спать! — проговорил он угрожающе.

— Не кричи, дети спят! — будто сквозь сон проговорила Кунбийке.

— А ты не притворяйся! — крикнул взбешенный Кобек и плюхнулся в кресло.

— Ну, что случилось? — Кунбийке лениво подняла голову.

— Видел я, как вы любезничали друг с другом, — набросился на нее Кобек.

— Это с Адлесом, что ли? Придумал бы что-нибудь поинтереснее! — равнодушно ответила она.

— Тут и придумывать нечего! Я же своими глазами видел. Детство, что ли, вспомнили?

— О, Аллах! Любишь ты придумывать!

— А я ничего не придумываю. Я ясно вижу.

— Ну, тебе, может, и ясно, а мне — нет. Между прочим, ты сам привел Адлеса. Я и знать не знала, где твой Адлес пропадает!

— Почему это — мой? Он — твой. Я помню, как он по пятам тебя преследовал. И сильно страдал, бедняжка! — Кобек не любил таких колкостей, но съязвить при случае умел.

— А помнишь, так и не приводил бы, — отвернулась Кунбийке, показывая этим, что разговор окончен.

— Я знал, что так будет. Ты ведь в душе неверна мне. Знаю я твою грязную душонку!

— Души моей не трогай! Нарочно затеял этот разговор — хочешь поссориться. Надоело! И Адлеса припелл зачем-то — в твоей никчемной жизни никому нет места! Никому!

— Да, у тебя с Адлесом наверняка лучше бы сложилось. Надо было и замуж за него выходить, — Кобек уже не помнил себя.

— Надо было! — огрызнулась жена.

— Так об этом я и говорю. Твоя грязная душа только в измене себя находит.

— О своей душе подумай! — отпарировала Кунбийке.

— А сейчас о твоей речи! — и Кобек запустил в жену спичечный коробок, попавшийся под руку.

— Нет больше моих сил! — Кунбийке вскочила с постели и босая убежала в ванную.

Ее долго не было. Кобек подошел к двери, приготовив уже не коробок, а злодейскую остроту, но почему-то передумал и решил спать. Вытянувшись в постели, он сразу забыл о своей ревности и припомнил свой — точ-

нее, Адлеса! — разговор с Фейруз. Все его думы перенеслись на нее. Он вообразил квартиру Фейруз, ее мужа — ему говорили, что он иностранец. Он видел, как они обнимают друг друга, как утром она сидит возле зеркала бледная со сна и поглаживающая лицо. Он и не заметил, как жена погасила свет и, натужно всхлипывая, легла рядом. Он в этот момент был совсем в другой квартире...

* * *

На следующий день Кобек решил позвонить Фейруз и извиниться за поздний звонок. Жене он не сказал ни слова: мысли его были далеко. Но у ближайшего автомата он даже не остановился, мимо другого прошел еще быстрее. У третьего, возле самой работы, он постоял, но робость снова взяла верх. Как блудливый щенок, вертелся он у телефонной будки. Его одолевали сомнения. «Что ей сказать? Что я — остолоп! — люблю ее, как прежде? А как она отнесется к этому? И имею ли я право вторгаться в ее жизнь?.. Не узнаю себя, мучаюсь, как пес, вертящийся вокруг покрытой самки!» Кобек поморщился, вспомнив, как под окнами гостиницы кобели кружили вокруг приклеившейся друг к другу парочки. Тогда ему было жаль тех бесстыжих бродяг, но эта жалость, как он теперь понимал, не совсем уместна: все имеют право на ласку.

«Но ведь я — человек!» — упрекал он себя, припомнив и тот давний случай, чуть было не поссоривший его с Фейруз.

* * *

Как обычно, он опоздал на работу. В коридоре увидел крадущегося Адлеса — выражение его лица было печально, и это не предвещало ничего хорошего. «Настоящий диверсант! А как владеет собой!» — с завистью подумал Кобек.

— Начальник тебя ищет с самого утра. Злой как никогда. И кто-то еще у него в кабинете, — сочувственно произнес Адлес.

«Точно актер, но какой жестокий. На сцене, может, у него не было бы успеха — тяжеловат. Но в жизни играет недурно!» — и Кобек снова припомнил тенистый сад у дома Кунбийке и прятавшегося в кустах Адлеса. «Разве такой человек забудет об этом! Никогда!» — и, покачав головой, он направился в кабинет начальника.

Магомед Султанович, как ни странно, встретил его более чем радушно. Он вышел ему навстречу и, заговорщически подмигнув, представил мужчине, прятавшему глаза за толстыми стеклами очков. Поймав на себе его холодный взгляд, Кобек моментально вспомнил свою квадратную воспитательницу сходство было необыкновенное! — и почувствовал что-то недоброе.

— Наш сотрудник — Карамов, занимается, по нашему поручению, изучением уникального памятника, вдохновенно сказал начальник и, показав на незнакомого мужчину, уже не так вдохновенно, назвал имя: — А это — товарищ Яриков.

Кобек, протянув руку, поздоровался. Мужчина оказался корреспондентом областной газеты.

— Ваш начальник, товарищ Карамов, — и он кивнул на главного «организатора», — ознакомил меня с вашим докладом о том самом памятнике. И меня, надо сказать, заинтересовали некоторые моменты. Вы пишете, что подобные изображения обнаружены в различных районах нашей страны и в других странах. И даже берете на себя смелость утверждать, что представление о собаке—птице сложилось задолго до того, как стало художественным образом. Все это вполне возможно, но почему вы думаете, что это пещерное изображение самое раннее?

— Я считаю, — ответил Кобек, — что подобных пещерных изображений было множество, и это — не первое и не последнее. Именно пещерные изображения стали основой рисунков на всевозможных предметах быта.

— Но что, собственно, стоит за образом собаки—птицы?

— На этот вопрос не ответишь однозначно. Но очень может быть, что землю посетили когда-то разумные существа такие вот собаки-птицы и, не адаптировавшись в наших условиях, или исчезли или видоизменились: из

летающих собак превратились в самых обыкновенных. Я это вполне допускаю.

— Потрясающе! — воскликнул Яриков, но сразу же умерил свой восторг. — А кто, по-вашему, оставил нам эти изображения?

— Разумеется, человек, — улыбнулся Кобек.

— И, как вы думаете, когда?

— Точного ответа я не знаю. Но этому рисунку наверняка немало тысяч лет... — Кобек прервал себя, испугавшись, что скажет больше, чем это необходимо.

Корреспондент, похоже, понял что к чему и многозначительно взглянул на Кобека, ожидая, что, может, он что-то еще добавит. Чтобы как-то подтолкнуть его, он воскликнул:

— Эта фантастическая гипотеза потребует серьезных доказательств!

— И все-таки она небезосновательна. Наши предки часто изображали животных с самой обычной родословной — тотемы. Лев олицетворял силу, лисица — хитрость, птицы — тоску человека по высоте. На многих пещерных рисунках изображены батальные сцены — война племени с племенем, сцены охоты: таким образом человек хотел сохранить память о каком-то небывалом событии, а может быть, сбересть свои мечты. У многих народов, кстати, тотемом была собака. А ногайцы даже связывают с ней свое происхождение. Почему? Наверное, потому, что собака была незаменимой помощницей и преданной, как ни одно другое животное. А может, и еще какой-то смысл в этом тотеме! — и Кобек подчеркнул это «еще».

— А в этом рисунке удивляет его полиморфное содержание... Если это тотем, то почему крылья пририсованы самой обыкновенной лайке? Даже не пририсованы, ведь они выглядят совершенно естественно, как, например, у пингвина, а самое главное, что они кажутся расправленными — как для полета. Такой реалистический рисунок, в общем-то, не имеет аналогов в пещерных галереях. Можно было бы предположить, что это детище двадцатого века, но кто и зачем будет заниматься такими мистификациями! Почему я и думаю, что мы имеем дело с рисунком совершенно неведомого происхожде-

ния, и предлагаю, как самую достоверную, версию об эпохе самыров.

— Так, по-вашему, эти собаки-птицы — представители цивилизованного мира?

— Да, я в этом уверен.

— Ну, это ты хватил, Карамов, — не выдержал начальник.

— Сейчас я это доказывать не буду, — спокойно ответил Кобек, — вы ведь и без того понимаете, что этот памятник имеет научную и художественную ценность. Хотя бы потому, что на рисунке изображен исчезнувший вид животного!

— Ваши гипотезы, конечно же, оригинальны, — произнес Яриков, поправляя очки и щуря свои и без того узкие глаза, — но, к сожалению, не все ваши данные можно использовать в статье. Вы не будете возражать, если мы не будем пока касаться происхождения рисунка?

— Это сейчас не имеет значения. Главное, чтобы не уничтожили пещеру, — холодно ответил Кобек.

— Полагаю, что после вмешательства прессы, — торжественно пообещал корреспондент, — ее не тронут.

Когда он ушел, начальник вопросительно взглянул на Кобека.

— Ну, и как тебе это?! — заглядывая Кобеку в глаза, спросил он.

— Спасибо, Магомед Султанович.

— Спасибо потом скажешь. Я, как видишь, уже начал делать свои вложения, дело теперь за тобой.

Кобек вышел из кабинета с целым набором впечатлений и радостных, и горьких. Хорошо, конечно, что подключилась пресса, но теперь, как он понимал, еще труднее будет отвертеться от благодетеля-начальника. Он приходил в отчаяние оттого, что расплачиваться с этим невеждой придется кровными — в муках добытыми — откровениями. И он говорил себе, что этого не произойдет, и воображал грандиозный скандал, который он закатит нахалу в самый последний момент. Не хотелось, конечно, прибегать к такому коварному приему, но другого выхода он не видел. Повсюду высились глухие стены, и идею могли сгубить на корню.

Статья еще не вышла, а Кобека уже вызвал к себе Магомед Султанович. Он передал ему бумагу, в которой говорилось, что Ак-тау (Белая гора), в которой находится пещера с наскальным изображением, имеет научную ценность и должна быть сохранена.

— Дерзай, Кобек Карамов! — восторженно сказал начальник, протягивая ему фирменный бланк. — И это только начало. В отдел культуры мы отправили официальный запрос, а эту справку нужно отдать архитектору райисполкома. Необходимо добиться решения местного и областного исполкомов о взятии пещеры под охрану. И все будет как надо! Ак-тау попадет на карту, во всесоюзные каталоги и так далее и тому подобное. Дерзай, Карамов! Даю тебе командировку на три дня: подними на ноги весь район — и пусть только попробуют продолжать работы! — сияя от удовольствия, начальник встал и пожал ему руку.

Перед самым отъездом ему встретился Адлес.

Непонятно почему, Кобек боялся его больше всех и помалкивал о делах, связанных с пещерой. Но на этот раз он не сдержался и, показав бумагу, рассказал о визите корреспондента. На лице Адлеса появилась гримаса, и он с сожалением взглянул на Кобека.

— Ты все-таки слишком откровенный человек! Ну, зачем, спрашивается, говорить о том, о чем думаешь?

— А что в этом такого? — удивился Кобек.

— Ну, ты же знаешь нашего шефа, он ничего не делает, просто так. Думаешь, ему очень нужна эта волокита с памятником?

Адлес, понятное дело, вызывал Кобека на откровенность, но напрасно старался: Кобек ни за что не рассказал бы ему о сговоре с начальником. И все-таки ему стало не по себе: а вдруг Адлес обо всем знает! Только вот откуда? Не слышит же он через стену! Нет, конечно, ничего он не знает! Просто берет на пушку. «А я ему не поддамся!» — и Кобек расплылся в улыбке.

— Все нормально, Адлес, этот памятник заслуживает такого внимания, — сказал он.

— Как знать? Чего не бывает в жизни... — за то время, пока он врасстяжку произносил эти слова, прodelывалась, как видно, немалая умственная работа.

Кобек знал, что Адлес ревниво относится к его успехам и что не стоит, конечно же, разжигать его зависть, но в этот победный момент не совладал с собой.

— Ты даже не представляешь, — сказал он, — какой это памятник, скоро все заговорят о нем! Может быть, это даже станет научным переворотом!

— И ты не боишься, что тебя оставят в тени?

— Кто, например?

— Да все эти начальники, корреспонденты, — ответил Адлес, не спуская глаз со своего доверчивого друга.

— Оставят меня в тени! Ни за что! — лихо возразил Кобек, но страх все-таки закрался в его душу.

— Я так говорю, потому что болею за тебя, ведь мы не первый день знакомы, — и Адлес дружески обнял Кобека.

Но это не успокоило его. «Ясно, что он что-то замышляет!» — подумал он. Смутило Кобека и то, что Адлес проводил его до самой станции и даже усадил в автобус.

«Коварный тип, чувствует мое сердце, что он устроит мне ловушку!» — войдя в автобус, Кобек помахал рукой заботливому другу.

* * *

Адлес стоял на площадке, дожидаясь отправления автобуса. «И чего это он такой усердный? — удивился Кобек. — А может, после моего отъезда побежит к Кунбийке? Если я не забыл своих детских увлечений, то и он, возможно, еще любит ее. Хотя, нет, моя жена никогда не давала повода усомниться в своей верности,» — успокоил он себя. И автобус отъехал.

Когда он остановился у какого-то поселка, Кобек вышел покурить. На свое место он вернулся вместе с водителем, который отмечал на автостанции путевой лист. Время остановки истекло, и водитель, осмотрев салон, начал подсчет пассажиров.

— Поехали-поехали! — торопили его пассажиры.

— Подождите, товарищи, не хватает одного человека, — и водитель дал сигнал.

Кобек огляделся, затем забеспокоился: «А не я ли это остался? — задав себе этот вопрос, он и сам удивился: — вот же я, здесь», — он почти поверил своим уговорам, но для верности все-таки поднял руку.

— Что это вы руку тянете? — раздраженно проговорил водитель.

Кобек и не думал ему отвечать: ему стало ясно, что он, как «все люди», в автобусе и беспокоиться не о чем.

В это время в автобус вбежал отставший пассажир и, вытирая пот со лба, прошел на свое место.

Памятная экскурсия

Кобек уже знал, что в глубинке ответственных работников не застанешь на службе после обеда. Тех, кто непосредственно связан с производством, он еще понимал: надо съездить на участки, чтобы быть в курсе всех дел... Но какая необходимость работникам культуры или профсоюзным деятелям ежедневно куда-то мотаться, он не мог понять. Вот, например, архитектор Валидов — куда он мог поехать? Куда и зачем — это было просто непостижимо! Секретарь — машинистка в приемной председателя райисполкома — единственная живая душа в трехэтажном здании, видя, что он намерен ждать дотемна, пожалев его, сказала начистоту, что, если он поймает Валидова днем, что это будет чудо. Помотавшись не один час в пустом здании райисполкома, Кобек решил позаботиться о ночлеге...

В гостинице было тихо и пустынно. Кобек был уверен, что сразу устроится, но администраторша, к его удивлению, объявила, что мест нет.

— Но что же мне делать? Я командированный, — обиделся Кобек.

— Может, и появятся места, не знаю, — она подняла голову и, поправив очки, взглядела в Кобека.

Кобек не совсем понял, что означает ее ответ, но взгляда не выдержал и, отведя глаза, спросил:

— Так ждать мне или нет?

— Ждите, если хотите, — сказала она и опять опустила голову.

Когда он раньше приезжал в этот райцентр, ему удалось в тот же день управиться с делами и уехать обратно последним автобусом. Приезжая сюда по делам проектного института, он не раз ночевал у Дуче, а несколько месяцев назад, когда он впервые побывал в пещере, его пригласил к себе директор местного дома пионеров, занимавшийся со здешними краеведами. Идти к директору Кобек постеснялся, но, если в гостинице мест не окажется, ему придется попроситься к нему на ночлег. Уже наступил вечер, а в гостинице было по-прежнему тихо, и по всему было видно, что она пуста. Кобек посматривал на администраторшу, которая сидела в одной и той же позе — не двигаясь и не поднимая головы. Кобек понимал, что в гостинице полно мест, но ему не верилось, что даже в таких медвежьих углах невозможно устроиться без взятки. «Хоть бы еще кто-нибудь пришел! Вдвоем нам было бы легче разрубить этот узел», — и только он так подумал, как в гостиницу вошел высокий мужчина в плаще и шляпе. Недружелюбно взглянув на Кобека, он прошел к окошку администраторши и вынул из кармана пятирублевую бумажку.

— Тетушка Кацура, приюти на одну ночь, — сказал он заискивающе.

— Ничем не могу помочь — мест нет! — твердо проговорила администраторша и глазами показала на Кобека.

Мужчина оглянулся.

— Молодой совсем, чего ты боишься? — проговорил он.

— А кто знает, что за человек! — буркнула женщина.

— Эй, хочешь комнату? — спросил мужчина.

— Хочу, — и Кобек радостно подскочил к окошку.

— Давай паспорт! — потребовал завсегдадай.

Пролистав все до одной страницы, мужчина отдал четкий приказ:

— Давай пять рублей!

— Что-то много! — удивился Кобек и сразу же пожалел о своих словах.

Администраторша сдвинула брови, и Кобек, в который уже раз, услышал:

— Мест нет!

— Я же тебе сказал! — усмехнулся мужчина и безнадежно махнул рукой.

И Кобеку пришлось раскошелиться: что же делать, раз такие порядки.

Мужчина сложил две бумажки и снова нагнулся к окошку:

Тетушка Кацура, очень тебя прошу, не оставляй нас на улице, — смиренно проговорил он.

— И не просите — не могу! — женщина поправила очки и приобрела, как показалось Кобеку, еще более неподкупный вид. — Ну, пожалей нас, тетушка Кацура, — канючил мужчина.

— Откуда я знаю, кто он? — и тетушка кивнула на Кобека. — А если из органов?

— Это он-то — из органов? — удивился мужчина. — Да такие там не работают. Посмотри, как растерялся. Он, бедный, в нас-то разобраться не может, такие мы для него сложные! — ища поддержки, мужчина вопросительно посмотрел на Кобека.

— Я работник культуры, — представился Кобек.

— Ну, ладно, только на одну ночь, — администраторша выхватила деньги из рук бывшего и протянула ключ. — В свой номер пойдешь! Только поменьше расхаживайте по коридору! — приказала она.

Кобек хотел было попросить квитанцию, но мужчина уже тянул его за собой.

— Мне квитанция нужна для отчета, — проговорил Кобек, поднимаясь по лестнице.

— Какая квитанция! Радуйся, что устроился!

— А сколько здесь номеров? — спросил Кобек.

— Не то десять, не то пятнадцать. А что? — мужчина подозрительно посмотрел на Кобека.

— Да так. Неужели все заняты?

— А ты, может, и вправду из органов?

— Что вы? — удивился Кобек.

— Действительно, не похож, — согласился мужчина.

— Но чего это ты все выпрашиваешь? Я уверен, что мы будем сегодня одни в гостинице, но мест здесь никогда

не бывает. Как во всех гостиницах! Пойди тут разберись. Да и не стоит: наверное, у них есть указание: на всякий случай держать в гостинице свободные номера, а если и впрямь кто пожалует, так они все закрывают. Тетушка Капура не была такой, это начальство из гостиничного объединения ее научило, чтобы она ничем от других не отличалась.

Думаешь, она деньги себе берет? Нет, все отдает начальству, но за это ее и держат на этой работе. Конкурентов ведь много, все ее соседки хотели бы занять это место, потому и пишут на нее жалобы. Правда, она здесь несколько должностей совмещает — незаменимый человек. Она и администратор, и горничная, а дом рядом, успевает и детей покормить, и помочь им уроки приготовить. О-о, молодой человек, дел у нее невпроворот. Ей, конечно, лучше всего, когда гостей совсем нет... Так-то, — поведав эту печальную повесть, мужчина открыл дверь номера.

— Вот и пришли, — сказал он, пропуская Кобека вперед.

Номер был, конечно, не люкс. Желтая побелка на стенах пожелтела, с потолка тянулись ржавые потеки, на окнах висели помятые ситцевые занавески в красный горошек. В комнате были две кровати, застеленные оранжевыми одеялами, два стула с облезлой лакировкой, две тумбочки, сдвинутые вместе, которые, видимо, использовали как стол; на них стояли две вымытые тарелки, граненые стаканы и стеклянная солонка с пожелтевшей солью. Мужчина, скинув плащ, повесил его на гвоздь, вбитый в стену, оклеенную газетой. Кобек туда же повесил свою куртку. Сосед обнажил лысую голову и положил шляпу на подоконник, вытащил из нагрудного кармана расческу, пригладил остатки волос и, сев на кровать, закрепил ее за собой. Выкатив удивленные глаза, он свысока взглянул на Кобека.

— Из областного центра, что ли? — спросил он.

— Да, я тут в командировке, — сев на кровать, Кобек чуть подпрыгнул, по привычке проверяя упругость постели.

— Чаю попьешь? — спросил мужчина.

— А здесь что — буфет есть? — удивился Кобек.

— Нет, конечно, но я могу принести — у тетушки Кацуры есть чайник, а у меня тут хлеб и сахар...

— Лучше, наверное, попозже.

— Тогда я пойду скажу, чтобы нам поставили чайник, — и бывалый вышел из номера.

Кобек, оставшись один, заправил свою кровать, зайдя в душевую, умылся и, вытираясь казенным полотенцем, вернулся в номер. Подойдя к окну, он посмотрел на открывшийся вид. Вдали белела гора Актау, и райцентр, казалось, начинался от ее подножья: в ровные линии выстроились дома под шиферными и жестяными крышами, по бокам чернели ровные квадраты огородов, высотных зданий с этой стороны не было, только вдали виднелась какая-то башня под белой блестящей крышей. Справа от Актау еще не стерлись следы закатившегося солнца.

Кобек, сев на стул, стал дожидаться соседа. Вскоре он появился в номере.

— А вот и чаек! — Сосед поставил исходивший паром чайник на тумбочку.

— Быстро вы...

— Долго ли с электричеством, а тетушка Кацура за электричество не платит, — сказал он и, включив свет, добавил: — Ты тоже не стесняйся, это входит в оплату.

Кобек из вежливости поинтересовался:

— Вы откуда приехали?

— О-о! — словно удивившись вопросу, протянул сосед. — Я, чтоб ты знал, вечный скиталец. Так что и не спрашивай, — и он улыбнулся Кобеку. — А как тебя зовут?

Кобек назвал свое имя и уселся за стол.

— Кобек? — Мужчина засмеялся, вытаращив серые глаза, покачал головой и молча стал разливать чай. Поставив перед Кобеком стакан, он достал из тумбочки хлеб, завернутый в целлофан, и кусковой сахар.

— Не ври, — сказал он доверительно.

— Зачем мне врать? Меня действительно зовут Кобеком.

— Ах, да, — он вдруг вспомнил, что сосед заглядывал в его паспорт, — по паспорту я Рауф, но все зовут меня Кобеком, это мое настоящее имя.

— Так бы сразу и сказал, — сосед погладил лысину и, внимательно поглядев на Кобека, сказал: — А меня Шукурком, но находятся такие, которые переименовывают на русский манер — Шкурой дразнят, потому я и прошу всех называть меня дядей Шурой... Будь мой отец грамотным, он бы так и вписал в паспорт: Шура Исламович — звучит ведь? Совсем не то, что Шукур Исламович. Некрасиво как-то! — и сосед презрительно пожал плечами.

— Тогда уж не Шура Исламович, а Александр Исламович, — поправил его Кобек.

— Нет, дорогой, Шура Исламович, и все тут! Это по-ногайски так! — не допуская возражения тоном заявил сосед, и Кобеку ничего не оставалось как согласиться.

— А где ты работаешь, сказал? — спросил Шура Исламович, показывая рукой на чай: пей, мол! — и, поднеся стакан к губам, со свистом отпил глоток и прикусил квадратик сахара. — Пей с сахаром, с хлебом — этого добра нам не жалко.

— Я только с сахаром, спасибо, — и Кобек тоже сделал глоток.

— Ну, так где ты работаешь? — не отставал сосед.

— В обществе по охране памятников, — ответил Кобек.

— Сторожем, что ли? — радостно удивился Шура Исламович.

— Да нет, — засмеялся Кобек. — Общество по охране — это такое учреждение, где следят за сохранностью памятников культуры: минаретов, всяких древних храмов, обелисков...

— Аа, — понимающе кивнул сосед и всерьез принялся за чаепитие, сопровождая процесс почмокиванием и посвистыванием.

Покончив с чаем, сосед крякнул от удовольствия и, поправив подушку, завалился на постель, не раздевшись и не сняв ботинок.

— Ты тоже приляг! После чая полезно, — поделился своими познаниями сосед.

Кобек, скинув пиджак и туфли, тоже прилег на своей кровати. — Послушай, Кобек, ты меня извини, конечно, но имя у тебя какое-то странное — собачье! — он поднял на Кобека глаза и даже подмигнул ему.

— Все правильно. Собака в древности почиталась, ведь она была первым помощником человека и даже его проводником... — Кобек многое еще мог бы сказать, но прикусил язык, не желая выдать свои самые сокровенные мысли.

— Ну, чего же ты, говори, — улыбнулся Шура Исламович.

— Ты спросил про имя — я ответил, — как можно равнодушнее отозвался Кобек.

— А хочешь, я тебе одну сказочку расскажу про собаку?

— Давай.

— Значит, слушай, — и Шура Исламович приподнялся на локте, — это даже не о собаке, а о поганых женщинах. Не они, разве, нам жизнь отравляют? Давным-давно жил один мулла. У него умерла жена, и он женился на молоденькой. Однажды мулла заметил, что, уложив его ночью, жена дожидается, когда он уснет, а потом исчезает и возвращается только под утро. Решил мулла выследить жену и, дождавшись ночи, притворился спящим. Жена увидела, что он спит и, как была в нижней рубашке, вышла из дома. А мулла за ней пошел. Вышла она, значит, на окраину аула, и вдруг... залаяла по-собачьи, скинула с себя одежду и, положив ее под камень, превратилась в желтую собаку и убежала в степь. Мулла даже догнать ее не смог. Взял он одежду жены и пошел домой. На рассвете жена явилась в его дом взмыленная и уставшая — как собака. Мулла тогда снял со стены камчу и что есть сил принялся бить жену, приговаривая:

— Убирайся из моего дома, оборотень!

Бил он, бил, да так устал, что забросил камчу за кровать и прилег. Тогда жена, на которой и места живого не осталось, достала с полки пиалу с синей жидкостью, плеснула на мужа и, хлестнув его кнутом, сказала:

— Будь же ты, постылый, бездомной собакой!

И мулла превратился в собаку.

Выгнала она его на улицу, а там и аульские дети стали бросать в него камни. Побрела пестрая собака куда глаза глядят. В степи ей встретились пастухи; чтобы как-то спастись от волков, которые не давали им житья, они взяли к себе пеструю собаку. И после этого волки стали

обходить стадо стороной: и скот цел, и хозяева при своем добре — не нарадуются пастухи на собаку.

Как-то в степь приехал князь и узнал о появлении собаки-хранительницы. Он взял собаку в аул и, поместив в своем доме, только печенкой кормил. У князя ежегодно из казны деньги пропадали, а он не мог поймать вора, поэтому и стал он на ночь возле своих сокровищ пеструю собаку привязывать. Собака чутко сторожила казну. А в одну из ночей, когда аул накрыла непроглядная ночь, три вора подобрались к сокровищам, но взять ничего не смогли и даже убежать не успели. Князь со своими людьми подоспел вовремя и поймал воров. И оказалось, что это его близкие... После этого слава о пестрой собаке разлетелась по всей округе.

Прослышав о такой чудесной собаке, друг князя послал к нему людей с просьбой дать ее на время. Неладное что-то творилось в его доме: когда жена князя разрешалась от бремени, черная туча заползала в его жилище и уносила новорожденного. Князь, услышав просьбу друга, согласился дать ему любимую собаку и для сопровождения послал своих людей. Пестрая собака появилась в доме, когда вот-вот должны были начаться роды. Мужчины, как велит обычай, покинули роженицу, оставив с нею только пеструю собаку. Стонет женщина, мучается, а когда наконец раздался крик новорожденного, в очажную трубу врывается черная туча и набрасывается на мать и дитя... Но пестрая собака не подпускает ее к младенцу, и туча, так и не одолев ее яростного сопротивления, уносится... Князь радуется сыну, собирает свой народ, той делает со скачками... После тоя, погрузив в арбу подарки, с почетом везет собаку к хозяину.

Уже нет человека, который не знал бы о пестрой собаке. Князь в ней души не чает — на своей половине держит, со своего стола кормит.

Однажды к князю в гости хан приезжает. Князь режет гостю баранов, угощения изысканные ставит, а сам со стола кормит свою любимицу, рассказывает о ней всякие чудеса, хвалится — не нахвалится. Тогда хан и говорит князю: пусть, мол, он выгонит завтра на пастбище всех своих овец, а мы посмотрим, на что эта собака способна.

— Если из отары хоть одна овца пропадет, то собаку ты отдаешь мне, а если она пригонит в загон отару целой и невредимой, я все твои желания исполню, — обещает он.

Наутро князь выгоняет своих овец на пастбище.

А под вечер подъезжает к отаре всадник и, обратившись громадным волком, нападает на отару. Пестрая собака бросается ему навстречу, и начинается суровая схватка. Собака начинает одолевать волка: ослепляет его, ударив лапой, душит, вцепившись зубами в шею. И тогда поверженный волк говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, прошу, любую твою просьбу исполню!

И в тот же момент оборачивается волк ханом и хлещет камчой собачью шкуру. А пестрая собака уже муллой обернулась.

— Так я и думал, — говорит хан, — злая воля обратила тебя в собаку, а ты — человек. О чем же ты хочешь попросить меня?

Мулла рассказывает ему тогда свою историю и закликает упросить его хозяина отпустить его, чтобы он смог отомстить своей жене.

Хан соглашается и, богато одарив своего друга князя, говорит мулле на прощание:

— Твоя жена была могильной собакой и, по наущению ведьмы, превратилась в женщину. Она принесла тебе столько бед, что ты обязательно должен ей отомстить. Я дам тебе свою камчу, а когда приедешь домой, вылей всю жидкость из голубой пиалы на нее и ударь ее этой камчой — тогда ты получишь власть над ней и превратишь свою мучительницу во что пожелаешь!

И хан дает ему в подарок волшебную камчу.

С тем и уходит мулла. А возвратившись в свой дом, застаёт жену перед зеркалом: то ли красуется женщина, то ли гадаёт. Схватил он тогда голубую пиалу, облил жену волшебной водой и, ударив комчой, проговорил:

— Стань снова собакой!

Жена выбегает из дома на четырех лапах и больше уже не возвращается... Вот так-то, — закончил Шура Исламович, весело поглядев на Кобека.

Интересная сказка. В ней много правды, — квалифицированно заключил Кобек.

— То-то и оно, что большая правда есть. Я, например, часто думаю, что моя жена из собачьей породы, — рассмеялся сосед и, встав с постели, сказал Кобеку: — Ты ложишься, а я пойду отнесу чайник.

Кобек застелил кровать, лег и стал дожидаться своего соседа, но напрасно — он так и не пришел. Кобек спал при горящем свете, а когда утром открыл глаза, сосед вошел в комнату.

— Спи-спи, — сказал он и, поправив смятую подушку, снова исчез.

Кобек встал, встревоженный странным соседством. Куда это он исчезает? Зачем? Подойдя к окну, Кобек посмотрел на ближайший дом, а увидев Шуру Исламовича с лопатой в руках, сперва удивился, а потом понял: «Да он, наверное, здесь живет! Только вот зачем вся эта комедия?» И, словно отвечая на этот вопрос, из дома, построенного из белого силикатного кирпича, вышла полная, как кадушка, тетушка Кацура и, что-то крикнув мужчине, чистившему в сарае навоз, направилась, переваливаясь с боку на бок, в сторону гостиницы.

— Артисты! — усмехнулся Кобек.

Одевшись, он закрыл комнату на ключ и спустился вниз.

Отдавая ключ, Кобек спросил, усмехаясь:

— А что, Шура Исламович, уже уехал?

— Откуда мне знать? Может, и уехал! — буркнула тетушка Кацура, сжимая толстые губы и враждебно поглядывая на Кобека.

— Его вещи остались в номере.

— Не беспокойся, найдет он свои вещи, — огрызнулась тетушка Кацура.

— Ну, тогда передайте ему привет. Я, наверное, и сегодня приду ночевать.

Тетушка Кацура изменилась в лице, взглянула на Кобека подозрительно, но, неожиданно смягчившись, пригласила:

— Приходите-приходите, а привет я передам.

Кобек, в общем-то, ночевать у них не собирался, а сказал так, чтобы супруги тоже поволновались.

Из гостиницы он вышел в веселом расположении духа, не подозревая о том, что одна памятная встреча у

него уже произошла, а множество других еще ожидают. Сам не зная зачем, он остановил прохожего и спросил у него, какое сегодня число.

— Семнадцатое апреля, — услышал он.

Районного архитектора, конечно же, не было на месте. Кобек больше часа просидел в коридоре, боясь, что архитектор может не заявиться и на этот день.

Часам к одиннадцати он все-таки появился. На бегу кивнул Кобеку:

— Ко мне?

— Да, — Кобек привстал.

— Архитектор Валидов, — поспешил представиться он, хотя они уже были знакомы, и стал открывать дверь кабинета.

— Я Карамов, из общества охраны памятников. Вы меня знаете.

— Это насчет собаки? — не оборачиваясь, он прошел к своему столу, затем повернулся и, распрямившись, выкатил на просителя, как это и принято у начальников, разгневанные глаза. — Ненаучно! — отрезал он.

— Я должен предьявить вам вот это, — и Кобек достал из кармана справку.

— Читали мы ваши докладные: решили-постановили — мура собачья!

— Что это вы говорите! — обиделся Кобек.

— Нету у меня времени, нету! Рыбалка, знаете ли, не ждет. Вы понимаете, — поправился он, — приехала комиссия, и надо срочно ехать на объект.

— Но у меня справка из управления культуры, в ней сказано, что пещера является ценнейшим памятником культуры, — попробовал объяснить Кобек.

— Ну, и что из того! Прикажете камень не добывать?! — архитектор протянул руку и, прочитав справку, вернул ее Кобеку. — Мне пора! — стукнул он ладонями по столу.

— Нет-нет, постойте, мне нужно объясниться. Во-первых, это памятник, во-вторых, дальнейшая разработка карьера в окрестностях портит ландшафт Эдераула... — Кобек оборвал себя, поняв, что говорит сбивчиво и не совсем то, что нужно.

— Конечно, я тоже за сохранение ландшафта Эдераула, но если там закрыть карьер, то горнякам придется кромсать левый берег Кубани. Правый-то уже весь разрушен. Аул тогда окажется окруженным развалинами. А представляешь, сколько попортят зеленого массива? В толк не возьму, зачем вам понадобилась эта пещера!

— Но неужели нельзя открыть карьер подальше от населенного пункта? Ведь этой пещере многие тысячи лет — ее необходимо сохранить как вещий знак древней цивилизации.

— Стране нужен известняк, цемент! А наш завод задыхается от нехватки сырья. В первую очередь нужно решать государственные вопросы! — и архитектор еще решительнее хлопнул ладонями о стол.

— А что, памятник культуры и истории — это не государственный вопрос? — возмутился Кобек и хотел было удариться в подробности, но сдержался.

— Вы это серьезно? Считаете, что какая-то пещера шириной в два метра и высотой в полтора может быть национальным богатством! Да таких пещер сколько угодно! Если из-за каких-то пещер мы будем закрывать карьеры, приостановится строительство, а ведь проблема жилья, как вы знаете, еще не решена. Нет-нет, руководство района не пойдет нам настречу.

— Уважаемый Валидов, речь идет даже не о пещере, а о наскальном рисунке, который, может быть, бесценен для нашей науки!

— Да мало ли что рисовал первобытный человек! — возразил Валидов. Я, конечно, видел эти художества, но ничего не понял. Какой-то крылатый зверь...

— Крылатая собака! Очень может быть, что это изображение — след какой-то другой цивилизации.

— Как это понять? Не люди, а какие-то другие существа имели цивилизацию? Это ненаучно! — категорически воспротивился архитектор.

— Поэтому, я думаю, и надо сохранить памятник. Ученые проведут исследования, и, вполне возможно, о нашем районе узнает вся страна.

Архитектор озадаченно посмотрел на Кобека.

— Не верится что-то, — сказал он еле слышно, мне кажется, что так мог нарисовать даже первобытный человек!

— Первобытнный человек так нарисовать не мог!

Скорее всего, на камне изображен представитель далекой цивилизации! — и Кобек изучающе взглянул на Валидова.

У того даже зрачки расширились:

— Вы что же, считаете, что собака — представитель какой-то цивилизации?

— Крылатая собака, — поправил Кобек.

— Ну, это вы загнули! Кто-кто, только не собака! Это уж чересчур!

— Но почему же?

— Не знаю. Но это слишком ненормальное предположение. И как только вам это пришло на ум? — осуждающе проговорил Валидов.

— Не знаю, — сказал Кобек, поняв всю бесполезность дискуссий на эту тему. — У меня есть справка о том, что пещера представляет культурную ценность. Ваше дело — сохранить памятник. Ведь вы, если я не ошибаюсь, тоже член нашего общества?

— Все правильно. Но то, что эта пещера — памятник культуры и истории, — вилами по воде писано, принялся за свое Валидов. — А самое главное препятствие в том, что из-за такой мелочи промышленность района потеряет многие тысячи рублей. А мы сейчас постоянно говорим об экономии, об эффективности. Товарищи из руководства не поймут нас... Я предложу, конечно, но...

— Ваше дело — прекратить разработку карьера...

Кобек устал повторять одно и то же, и ему хотелось поскорее расстаться с занудным архитектором. Тот, потирая лоб, остался в кабинете, забыв, по-видимому, не только о комиссии, но и о рыбалке.

После этого разговора Кобек совсем приуныл: они с архитектором не поняли друг друга — это ясно, как ясно и то, что справка, которой он так отчаянно добивался, всего лишь пустая бумажка. Он вышел из здания райисполкома, остановился на ступеньках и, оглянувшись, заметил в окне ухмылявшееся лицо Валидова. «А может, вернуться и объяснить все как следует? — мелькнуло у него в голове, но, припомнив только что состоявшийся разговор, понял, что продолжать его бесполезно. Подумал было: — А может, зайти к кому-то другому? — но осту-

дил себя: — Если так рассуждает архитектор, то чиновники и вовсе ничего не поймут! Но как же можно было не понять, что этот памятник многое значит для науки — а значит, и для жизни всех людей! — сокрушался Кобек. И все же, стоя на ступеньках, он постарался взвесить все «за» и «против». Справка это официальный документ, и никакие экономические соображения не отменяют ее», — размышляя таким образом, он пришел к весьма утешительному выводу и благословил всех формалистов, которых развелось на белом свете видимо-невидимо и против которых он всегда рьяно восставал.

Он не поверил своим глазам: по главной аллее, в темно-синем плаще с незастегнутыми пуговицами, ступала, покачивая бедрами, его мечта Фейруз. Полнотелая, но стройная, с длинной шеей, с гладко зачесанными волосами, уложенными в какую-то причудливую розетку, она задумчиво смотрела перед собой и не замечала его. Сердце его — от неожиданной радости — бешено застучало: Фейруз была уже совсем рядом. Пораженная не меньше его нечаянной встречей, Фейруз покачала, красиво склонившись, своей гордой головой и осмотрела его с головы до ног.

— Какими судьбами? — проговорили они в один голос.

— Я здесь в командировке, — сказала Фейруз.

— И я тоже, — заулыбался Кобек.

Дрожали длинные ресницы над восторженно блестящими черными глазами. Кобек оценивающе посмотрел на нее — и восторг не уместился в груди, дыхание его перехватило.

— Приехала сюда за пустяковой бумажкой потребовалась справка о работе клубных учреждений, — сказала она, совсем близко подходя к Кобеку.

— А я приехал сюда с такой бумажкой, — отозвался Кобек, угадывая не то совпадение, не то сокровенный смысл их негаданной встречи.

— Домой ты сегодня вернешься? — спросила Фейруз.

— Да, но только я хочу сперва навестить тот памятник, о котором тогда рассказывал, — проговорил Кобек, теребя пуговицу на своей нейлоновой куртке.

— Как это интересно! А можно, я пойду с тобой? Подожди меня немного, я только возьму справку. Мне сказали, когда я звонила, что у них уже все готово, а других дел у меня здесь нет. Подожди, прошу тебя, — склонив голову, Фейруз кокетливо изогнула губы, и этот алый бантик был просто неотразим.

— Ну, конечно, я подожду, — обрадовался такому повороту дела Кобек.

— Я сейчас, — опустив руки и размахивая сумочкой, она побежала по ступенькам.

Фейруз исчезла в дверях, а звонкий стук ее каблучков не смолкал еще несколько секунд. Вышла она очень скоро.

— Все в порядке? — спросил Кобек.

— Да, но вот только, — засмеявшись, она посмотрела на свои ноги, — в этой обуви я, наверное, не доберусь до твоей пещеры!

— Да, это так, — огорчился Кобек.

— Какая жалость, а я так хотела увидеть ее! И почему я не взяла с собой сменную обувь? Надела, как на бал, вот эти! — и она выставила перед собой красивую ножку.

— Они очень тебе идут! — замороженно глядя на Фейруз, Кобек попытался хоть этим ее утешить.

Фейруз отблагодарила его улыбкой.

Они вышли на улицу, не представляя, что им делать дальше. Фейруз взяла Кобека под руку и мечтательно заглянула ему в глаза. Кобек в ответ зажмурился, показывая, что все это ему ужасно нравится. И он уже готов был отказаться от мысли идти к пещере, как в это время, заскрипев тормозами, возле них остановились синие «Жигули». Из машины, расставив руки, вышел здоровяк—водитель.

— Ого-го, вот эта встреча! — закричал Дуче, сияя от радости и наступая на них.

Кобек даже оцепенел, проклиная на чем свет стоит эту закономерную случайность. Собираясь сюда, он думал о том, как поведет себя при встрече с Дуче, представлял, как выместит свою злобу и даже подерется, если надо. Сейчас же рядом была Фейруз, не посвященная ни в их отношения, ни, тем более, в ту паскудную историю. К тому же, скандал, затеянный Кобеком, мог закончить-

ся не в его пользу, ведь грубости и наглости Дуче не занимать. Понимая это, Кобек смерил Дуче негодующим взглядом и... только.

Тот сразу же изменился в лице:

— Да ты, я вижу, не рад встрече, Рауф Алимжанович! — официально произнес он и протянул руку.

Улыбаясь, Дуче взглянул на Фейруз:

— И откуда берутся такие красивые женщины! — восхищенно проговорил он.

Фейруз, остановив взгляд на его лучезарной бородавке, хмыкнула, но тут же взяла себя в руки и посмотрела на Кобека, который все еще не решил, как вести себя со старым знакомым.

— Да что это с тобой, Рауф! — спросил Дуче и хлопнул его по плечу.

— Меня не Рауфом зовут, — поправил его Кобек.

— А может, я обознался, и не с тобой мы тогда так славно погуляли! — Дуче, похоже, привык изворачиваться, и превратить все в шутку для него не составляло труда.

— Что и говорить, славно погуляли! — усмехнулся Кобек.

— А что? Может, и сегодня так же? — подхватил Дуче.

— Спасибо! Так, как тогда, не надо!

— Ну, так еще лучше! Лучше погуляем. У Дуче все есть: и машина, и свежее мясо, и самые лучшие напитки! — выпятив грудь, Дуче посмотрел сначала на Кобека, а потом на Фейруз.

— Какой интересный у тебя друг, Кобек! А не ответит ли он нас к пещере? — ласково спросила Фейруз.

— Я — вас? Да хоть на край света. Рауф — мой лучший друг. Да, вы его назвали Кобеком, — он заговорщически подмигнул Кобеку: понятно, мол, что для конспирации! — Я вас с Кобеком куда хотите отвезу.

Кобек молчал, понимал, что новая встреча с этим подонком до добра не доведет.

Дуче хлопнул его по плечу.

— Ты же знаешь, дружище, у меня есть все, что пожелаешь, и я рад этой встрече, очень рад. Давай загуляем, как тогда! Нет, лучше загуляем! — и вдруг, словно собрав-

шись с мыслями, он хлопнул себя по лбу. — Да я тебя так просто и не отпущу! Ты не думай, мне твоя девушка не нужна, у меня свои есть!

— Да я ничего и не думаю, — перебил его Кобек.

— Ну, вот и прекрасно! Значит, вы — мои гости! — продолжал распинаться Дуче.

— Нам ничего не нужно, — улыбнулась Фейруз. — Вы только отвезите нас к пещере.

— С большим удовольствием. Прошу вас, — поклонился Дуче, разведя руками.

Фейруз пошла к машине, а Дуче повернулся к Кобеку.

— Ты молодец! Такая красotka! — прошептал он, выставив вверх большой палец, и тут же на цыпочках побежал вперед, чтобы открыть дверь перед дамой.

— Да нет, мы с Кобеком лучше сзади сядем, — попросила Фейруз.

— Нет-нет, доставьте удовольствие жителям нашего райцентра. Они вас все равно не знают, а мой авторитет и авторитет моей машины вырастет на целую голову. Наша провинция еще не лицезрела такое чудо, — настаивал Дуче, прикрывая пальцем свою бородавку.

— Ну, если так, — Фейруз виновато взглянула на Кобека.

— Садись, Фейруз, надеюсь, что это самое нескромное желание нашего Дуче, — и Кобек открыл перед Фейруз переднюю дверцу.

— Ни-ни... Я, как овечка, которую мы сегодня прирежем, буду безмолвен... — заверив приятеля в своей лояльности, Дуче быстро обежал машину и сел за руль.

Кобек устроился на заднем сиденье.

— Значит, вас зовут Фейруз? — сказал Дуче, включая мотор.

— А вас — Дуче?

— Собственной персоной, — оскалив свои желтые зубы, отрекомендовался Дуче.

Радость встречи с Фейруз у Кобека улетучивалась, закрадывалась тревога: от Дуче ведь ничего хорошего не дождешься! И он совершенно серьезно подумал: «А не шайтан ли опять свел меня с этим нахалом? Я бы ни за что не сел в машину, если бы не Фейруз». Но теперь стало ясно, что от Дуче так просто не отвязаться. Ему хоте-

лось — только с Фейруз, один на один — побывать в пещере, поделиться с ней своими мыслями, рассказать о своей работе. «Хорошо еще, если мы избавимся от него после этой поездки», — терзал он себя. Тревожила и мысль о том, что встреча может стать роковой, ведь надеяться на то, что непутевый Дуче чего-нибудь не выкинет, не приходилось. Вспоминался вечер у Риммы, и все выходки Дуче виделись как наяву. В который уже раз его резанул стыд за похищенные кольца. «Не дай Аллах, об этом узнает Фейруз!», — взмолился он, смотря в затылок ненавистного «друга.»

— Как дела в проектном институте? — Дуче словно почувствовал беспокойство своего приятеля.

— Я давно ушел оттуда. Сейчас работаю в обществе охраны памятников.

— Общество охраны памятников! Постой, да это не ты ли поставил на ноги весь район из-за Белой горы? Из-за какой-то пещеры не могут снести гору. Я вчера по делам был в карьере, так главный инженер жаловался, что остановили работы.

— Ты угадал, это действительно я, — сухо ответил Кобек.

— Они хотят завалить пещеру, взорвать или закидать камнями, — захохотал Дуче.

— Не посмеют! Пещера охраняется государством как достопримечательность этого края.

— Слушай, а может, там и клад есть? — испугавшись своего неведения, спросил Дуче.

— Может быть, и есть, — безразлично ответил Кобек.

— Значит, надо покопаться. А вдруг найдем что-нибудь. Если найдем, поделим поровну, — довольный своей шуткой, Дуче весело взглянул на Фейруз.

— Поделим на троих, — подхватила Фейруз.

«Черт бы побрал этого Дуче! И откуда он только взялся! — шуточки у него такие, что не до смеха», — не успокаивался Кобек.

Дорога пошла по склону Белой горы: райцентр остался позади, внизу синеватой лентой текла Кубань, весна входила в силу...

— Как тут красиво! — вздохнула Фейруз. — Смотрите, как блестят вершины, прямо серебряные!

— Это еще что! Тут у нас есть маленький курорт — дача нашего начальника. Он мне и ключи оставил! Вот там действительно красота! — похвалился Дуче.

Фейруз повернулась к Кобеку:

— А может, и вправду посвятим этот день отдыху? Дела ведь уже сделаны, да?

— Нам надо осмотреть пещеру, — неопределенно ответил Кобек, хотя признался себе, что не мог и мечтать о том, чтобы провести время с Фейруз где-нибудь в экзотичном месте.

— Дружище, успеешь еще насмотреться на свою пещеру. Пока вы будете смотреть, я возьму свою джаным и свезу на дачу, пусть готовит стол... А потом привезу вас и отметим встречу! — Дуче даже пальцами прищелкнул от радостного предвкушения.

Наконец они подъехали к тропе, ведущей к пещере.

Первый раз Кобек был тут прошлой осенью. В краеведческом музее ему рассказали об этой пещере, и пионеры даже проводили его до этого места. Давно это было.

Машина остановилась. Дуче, выбравшись на свободу, потянулся несколько раз, сощурившись от яркого солнца, и мотнул головой, указывая на пещеру.

— Не завидую я вам, зачем туда подниматься?

— Это же очень интересно, Дуче, — взволнованно проговорила Фейруз.

— Ну, конечно! Особенно — в такой обуви, — бросив взгляд на ее ноги, Дуче прищелкнул языком.

— Ну, уж здесь-то я их сниму и с удовольствием пройду босиком.

— Значит, решено. Я поехал, и все будет так, как я сказал! Скоро вернусь, и загуляем, друзья! Люблю я таких, как вы, — образованных, умных людей! А мы все свои дни превратили в добывание казенных бумажек. Глядя на вас, жить хочется! — Дуче хлопнул Кобека по плечу, заговорщически подмигнул, улыбнулся Фейруз и, приветственно помахав рукой, залез в «Жигули».

Машина развернулась и покатила вниз, к аулу.

— А кем работает твой друг? — спросила Фейруз, провояжая взглядом удалявшуюся машину.

Кобеку хотелось сказать, что Дуче ему не друг, а совсем наоборот, но мысль о том, что он продлит их пребывание вдвоем, удержала его.

— Дуче — заготовитель, деловой человек! — холодно произнес Кобек.

— А что, он, по-моему, очень хороший, — проникательно заметила Фейруз.

— Хороший, хороший, — задумчиво повторил Кобек и, посмотрев на стройные ноги Фейруз, переменял тему. — Тебе не будет холодно?

— Ну что ты, я очень люблю ходить босиком.

— Помнится, и я любил, — проговорил Кобек.

Он отошел на обочину и, усевшись на траве, начал разоблачаться. Фейруз подошла к нему и, расстелив на траве свой плащ, уселась напротив. Кобек украдкой поглядывал, как Фейруз, скинув туфли, скатывает прозрачный капрон. Любуясь Фейруз, он снова вспомнил тот летний день, когда она — еще совсем юная — убежала от него, а он, догнав, подбежал к ней и заключил в объятия. Тогда она была поменьше ростом и тело у нее было гибкое и тугое. Он невольно сравнил тогдашнюю Фейруз с теперешней. Теперь ее на секунду оголившиеся места на теле притягивали к себе и возбуждали страсть. Боясь своих мыслей и того, что они дойдут до Фейруз, Кобек застыдился и даже покраснел.

— Ну что, пойдем? — перечеркнула Фейруз все его тревоги.

— Пойдем! — Кобек оперся о землю босыми ногами и подхватил туфли — свои и Фейруз.

Рука его почувствовала еще не остывшее тепло ее ног, и от этого ему стало томительно-радостно. Он пошел следом за ней, глядя на ее черные волосы, тонкую талию и ослепляющий его плавный изгиб бедер. Она часто оглядывалась и, подбадривая, улыбалась ему.

Тропинка привела их к поляне, усеянной голубыми подснежниками.

— С самого детства я не видела их. Какая прелесть! — усевшись на траве, Фейруз разглядывала нежные цветки и ласково поглаживала их. Кобек сорвал несколько цветков и, сев рядом, протянул ей.

— Мы уже почти дошли, — сказал он, показывая на известняковый склон, кое-где поросший зеленью и все еще безлиственным кустарником.

— А где она? — спросила Фейруз, проследив за его взглядом.

— Вон там, где терновые кусты, — показал Кобек.

— Как высоко мы забрались! — выдохнула Фейруз, глядя вниз, на голубую ленту реки. — Здесь и воздух какой-то жгучий, — и она оглядела гору, — даже не верится, что такую гору могут снести. Снизу она кажется маленькой, а посмотри — какая громадина!

— Да. А вон те белые холмы ты видишь? — Кобек показал в сторону аула, где невдалеке от Белой горы белели какие-то овражки. — Там тоже была большая гора, она защищала райцентр от штормового восточного ветра, а теперь поселок, как сито, продувает.

— Такая же гора? Зачем же надо было сносить такую красоту? Мне кажется, что все, что создано природой, имеет большой смысл, проговорила Фейруз, обнажив ровные белые зубы.

— А может быть, этот глубокий смысл привнесен во все людьми, ведь они поселялись только в местах, пригодных для жизни. А снос этих гор причинит вред не только поселку, но и реке, и пастбищам, которых и так становится все меньше, да и полям без них будет плохо!

Оставив свои пожитки на поляне, они продолжили путь. Вскоре они поднялись к терновому кустарнику, пробрались через него и оказались перед маленьким горным дуплом.

— Ой, какой тесный вход! — Фейруз несколько наигранно изумилась и захлопала в ладоши.

Кобек сделал шаг в пещеру и тотчас же отпрянул, испуганный каким-то непонятным шумом. Фейруз вскрикнула и обняла его за плечи. Из пещеры с визгом вылетела сначала черная, а за ней — рыжая собака.

Придя в себя, Кобек громко расхохотался и, повернувшись, обнял Фейруз.

— Да это собаки! Они часто сюда приходят, — тряс он за плечи Фейруз, стараясь привести ее в чувство.

— Если бы ты знал, как я испугалась, даже сердце екнуло, — проговорила Фейруз, проводя пальцем вдоль

бровей, дабы привести себя в надлежащий — привлекательный — вид.

Кобек не выпускал ее из своих объятий, он пылко посмотрел ей в глаза, затем погладил щеку, чистый, высокий лоб, пальцем дотронулся до ее красивого носа, до лепестков губ... Фейруз легко подалась к нему и ответила признательным взглядом, а губы Кобека уже тянулись к ее губам, и, коснувшись их, он снова посмотрел ей в глаза.

— Зачем? — прошептала она.

Кобек убрал руки и виновато опустил голову. И Фейруз, оторвавшись от него, легко прошла вперед.

— А может, там целое собрание собак? — нарушила она молчание, глядя вниз, где еще мелькали силуэты удирающих во всю прыть собак.

— Сейчас посмотрим, — проговорил Кобек и, согнувшись, шагнул в пещеру.

Вскоре он протянул Фейруз руку:

— Заходи! Правда, тут дикие запахи, но ничего потерпишь...

Фейруз подала руку и очутилась в темноте, отдающем собачьим духом пространстве.

— Надо отойти от входа.

Фейруз отошла в сторону, но...

— Я ничего не вижу, — проговорила она.

— Надо привыкнуть к темноте, присядь пока, — спокойно проговорил Кобек и, дотронувшись до плеча Фейруз, потянул ее вниз.

Они присели на корточки, и через несколько минут в верхней части дальней стены ясно обозначился рисунок. Какой-то странный оскал, вроде злобный, но скорее одержимый, полусогнутые, напоминающие стремительный полет птицы, крылья, согнутые ноги были совсем невидимы, и чувствовалось, что они почти втянуты в живот.

— Как странно, — произнесла Фейруз, — он летит в ночном небе. Как интересно! Это же очень художественный барельеф. Кто-то вполне сознательно сделал этот рисунок... — она вопросительно поглядела на Кобека.

— В том-то и дело. Его не сравнишь с наскальными изображениями первобытных людей, хотя и те рисун-

ки по-своему живописны... Но здесь чувствуется высоко-развитая культура...

— Но зачем же понадобилось изображать летающую собаку? Может быть, это просто мифотворчество?

— Самое удивительное, Фейруз, что летающая собака, изображенная в нашем фольклоре, существо не сказочное, а реальное. И это, судя по всему, не только и даже не столько художественный образ. Когда я еще не знал о самыре, один мороженщик из нашего города рассказывал такую легенду. В далекие времена на земле жила летающая собака, у нее были крылья, и она могла перелететь даже через море или пустыню. А рядом с ней жил в своей норе самый обыкновенный тушкан. Он завидовал летающей собаке, ведь и ему хотелось летать. Вот и решил он обмануть собаку.

— Что ты видишь, когда взлетаешь так высоко в небо? Тебе не страшно?

— Ну что ты! В небе много интересного, и я очень люблю летать, — сказала простодушная собака.

— Ах, как бы мне хотелось взлететь в небо и хоть разочек посмотреть оттуда на землю! Не одолжишь ли ты мне свои крылья?

— Я дам тебе свои крылья, только ты не поднимайся очень высоко, а то действительно испугаешься с непри-вычки, — сказала добрая собака.

Так и сделали: отдала крылатая собака свои крылья тушкану, а тот отдал ей взамен свои ноги и хвост. Тушкан взлетел в небо и исчез навсегда. А собака навсегда простилась с крыльями и до сих пор скорбно глядит на небо, надеясь, что вернется тушкан и отдаст ей крылья. Теперь крылатую собаку называют просто собакой, а летающего тушкана зовут ярганатом (есть такое легкокры-лое существо в горах!), который скрывается на скалах и крышах домов. «Вот видишь, — сказал мне тогда прода-вец мороженого, какие у собаки грустные глаза!» Я по-началу только посмеялся над этой легендой, но она, как я потом понял, совсем не так наивна... — И Кобек внима-тельно посмотрел на Фейруз: что-то она скажет!

— Значит, все-таки есть легенда, и какая! Но не-ужели же эти ярганаты не имеют ничего общего с со-баками?

— Да нет же, это обыкновенные кожаны, их даже относят к отряду приматов...

— А эта твоя собака — самая обыкновенная?

— Ну, конечно, можно даже сказать, что это предок современных лаек...

— Но ведь очень может быть, что это просто фантазия, причудливый вымысел человека?

— Ну, с какой же это стати? — возмутился Кобек. — Люди наделяли крыльями только львов, оленей или коней — и это понятно, ведь эти животные символизируют силу, они быстроноги и стремительны, а собаки всегда изображались у ног людей или рядом, даже в ранних наскальных рисунках... — Кобек встал и показал на оскаленную пасть пещерной собаки: Посмотри, это не говорит о добром отношении собаки к тому, кто ее изобразил, тут чувствуется воспевание какой-то могучей, сверхъестественной силы. Даже барсы и тигры не изображались такими всеильными, а в этих местах они когда-то обитали, не случайно все народы, жившие здесь когда-то, воспели их в своих преданиях и легендах...

— Да ты посмотри, — подхватила Фейруз, — она просто парит, а там, — она показала на угол пещеры, — что-то вроде звезды.

— Да, — утвердительно кивнул Кобек. — в Иране существует удивительная легенда о том, что крылатая собака живет у священного дерева на горе Эльбрус, а это ведь совсем рядом.

— Как интересно, — заволновалась Фейруз.

— Нужны крупные исследования, чтобы установить дату создания этого рисунка. Если кто-то не перехватит мою идею, то я и сам буду в состоянии доказать свою гипотезу.

— И тогда открытый тобою вид могут даже назвать твоим именем, — поддержала его Фейруз.

— Хорошая мысль! А что если, действительно, назвать того самыра Кобеком!

— Кобеком! — Фейруз засмеялась.

Они вышли из пещеры и спустились к лужайке, где оставили одежду.

— Посидим, пока твой друг приедет, — постелила плащ и попросила: — Садись!

— А ты помнишь наше детство, Фейруз? — спросил Кобек, заглядывая ей в глаза.

— Конечно, помню. Я часто вспоминала тебя и все не могла понять, почему ты оборвал тогда нашу дружбу!

— Я вел себя как идиот.

— Сначала я недоумевала, а потом злилась.

— Я тоже злился на себя.

— А на меня? — спросила она, дотронувшись до руки Кобека.

— На тебя — нет, мне было стыдно перед тобой, и я избегал наших встреч, — сказал Кобек, разглядывая ее длинные пальцы с покрашенными ногтями.

— А ведь все могло быть иначе, если бы не эти твои собачьи комплексы! — с сожалением проговорила Фейруз.

— Скажи мне, ты счастлива? — спросил Кобек.

— Не знаю. Была в моей жизни хорошая пора. Да и сейчас как будто неплохо, грех жаловаться.

— Ты вышла замуж по любви?

— В общем-то, да. Но Юхан любил меня больше. Представь, мы прожили вместе уже больше десяти лет, а он даже наше подданство не принял. Любит свою страну, но и меня не может оставить, а я не хочу с ним уезжать. У нас такая зыбкая жизнь, что я просто не представляю, что буду делать, если покину свой родной город, свою квартиру, знакомых. Я ведь не из тех, кто приспособливается к любой среде, а к чужой стране, чужому языку и нравам — тем более...

— Он знает наш язык? — спросил Кобек.

— В общем, да — он довольно неплохо говорит по-русски. Пытался научиться ногайскому, но в городе это почти невозможно — здесь и свои-то не знают родного языка...

— А где он работает?

— Юхан — инженер на химическом заводе. Каждый отпуск мы ездим к нему в Осло, там у него старая мать. Он ее любит. Но она сварливая женщина и не одобряет наш брак. Ей нужен был наследник, чтобы было кому оставить капитал, а сыну она ничего не дает. Эта женщина расчетливая — даже завещание составила на бу-

дущего внука. Но у Юхана не будет детей, а она не верит этому, считает меня всему виной, — и Фейруз сжала руку Кобека.

— А как вы познакомились, в наше время это такой редкий брак!

— Да... — Фейруз что-то вспомнила и с улыбкой начала свой рассказ. — Я училась в Москве, а он приехал туда на молодежный фестиваль... Тогда он и увлекся мной. Писал письма, вызывал на переговоры, а после сделал предложение. Я согласилась только потому, что он иностранец — соблазнительно все-таки. Несколько лет прожили в Москве, я защитила диссертацию и привезла его сюда. Тогда я не жалела, он так необычно ухаживал, исполнял все мои прихоти, а такой любви современной женщине почти не перепадает...

— А сейчас ты жалеешь? — робко спросил Кобек.

— Нет. Но сейчас он очень болен, — она замолчала и отвернулась.

— А что это за болезнь?

— Почки, печень... — видно было, с каким напряжением она отвечала. — Лучше и не спрашивай.

— Извини, пожалуйста! — проговорил Кобек и весомо подытожил: — Да, это плохо, очень нелегко жить с больным человеком.

— Нелегко, конечно, но это мой долг, — как-то отчужденно проговорила Фейруз.

Дуче приехал только к вечеру, заставив изрядно поволноваться и Кобека и Фейруз. Кобек уже ни на что не надеялся, решив, что это очередная проделка Дуче, и сидел тут только из-за Фейруз, не представляя, как она пойдет по камням на своих высоченных каблуках.

— Заждались?! — весело крикнул Дуче и, не выходя из машины, поманил их рукой.

Фейруз и Кобек, прижавшись друг к другу, сидели на обочине и готовы были растерзать этого нечестивца.

— Да вы не волнуйтесь, все будет хорошо, — засмеялся Дуче.

— Начало хорошее, — проговорила Фейруз, усаживаясь на свое место.

— Ты бы еще завтра приехал, — проворчал Кобек, осуждающе хлопнув дверцей.

— Не обижайтесь. Столько всяких дел переделал. Пока овцу хорошую искал, полрайона объехал, а потом — хорошую повариху, а потом — гармонистку, правду сказать, она — моя краля, — обернувшись, он подмигнул Кобеку. — У нас ведь ничего скоро не делается.

— Вы — настоящий друг, Дуче, — столько хлопот из-за нас! Но как же мы уедем, ведь уже поздно? — спросила Фейруз.

— Вы только не волнуйтесь, транспорт у нас под рукой, а если что, переночуете у меня, места всем хватит, — и Дуче завел мотор.

— В мои планы не входило оставаться на ночь, — проговорила Фейруз и повернулась к Кобеку.

— В мои тоже, — Кобек хотел было возмутиться, но, понимая, что Дуче стал хозяином положения, покорно притих.

Двухэтажный дачный домик начальника Дуче стоял на отшибе, на самом берегу реки, вокруг дома были посажены голубые ели, прямо во дворе из бетона был выложен бассейн, здесь же стояли дубовые столы со вкопанными ножками. Когда гости вошли в огороженный высоким забором двор, стол уже был накрыт. За столом сидела молодая женщина с гармонью и перебирала басы. При виде гостей она сразу же встала. Смерила взглядом Фейруз, бросила кокетливый взгляд на Кобека, улыбнулась, широко раскрыв рот, Дуче. Неподалеку от стола был разведен костер, на треножнике стоял казан с мясом, на мангале уже жарились шашлык. Возившаяся с едой женщина вышла навстречу гостям. Она была средних лет, в белом переднике и белом платке.

— Входите с миром, дорогие гости! — проговорила она и протянула руки сначала Кобеку, потом — Фейруз.

— Поздоровайся и ты с гостями, Джама, — велел Дуче и укоризненно покачал головой, выражая неудовольствие ее неучтивостью.

Гармонистка встала, отложила гармонь и поздоровалась с гостями.

Дуче пригласил всех к столу.

На столе стояли бутылки с экзотическими наклейками, на большом подносе испускала пар вареная баранина, перед каждым сидевшим на фарфоровой тарелке лежал только что поджаренный шашлык из внутренностей, на большой тарелке жаренные в масле локумы.

Фейруз не обращала внимания на назойливые приставания Дуче, хотя время от времени поглядывала на Кобека и словно говорила ему: все это я терплю от «твоего друга» и только поэтому не обижаюсь. Но Дуче, надо отдать ему должное, не переходил границ. Хотя в тот момент, когда он потребовал, чтобы все танцевали, он, возможно, и подумывал о более активных действиях, но его вовремя придержали: гармонистка Джама даже перестала играть, когда Дуче потянул Фейруз на второй танец.

— Не видишь разве, какие у гости туфли, — ей неудобно танцевать наши танцы! — метнув злой взгляд на Дуче, она с силой сжала меха.

Дуче почесал свою бородавку, улыбнулся и, подойдя к гармонистке, ласково обнял ее:

— Милая Джама, родная моя! — проговорил он игриво.

— У тебя родная жена есть и дети родные. А я посторонняя! — подавив раздражение, проговорила она.

— Ну, давай с тобой станцуем, — и он потянул ее за руку.

Кобек и Фейруз захлопали в ладоши, и гармонистка, наявивая жгучую мелодию, закружилась в лихом танце. Дуче, легко справляясь со своим грузным телом, не отставал от нее. Танец длился до тех пор, пока танцоры не устали, а зрители — не отбили ладоней. Затем все снова сели за стол. Повариха подала хинкал к баранине и принесла в пиалах горячий бульон.

Дуче сидел между Кобеком и своей Джамой. Он то и дело обнимал то Кобека, то Джаму и заставлял их смотреть друг на друга: друзья моих друзей, — поучал он, мои друзья! Кобек не понимал, к чему все эти разговоры, но все стало ясно, когда Дуче вывел его в сад.

— Ну, как, дружище, нравится тебе у нас? — спросил он.

— Спасибо, но большего я от тебя и не ожидал, — сказал Кобек.

— Неужели Дуче такой плохой? — обхватив Кобека за шею, он принялся, с пьяным усердием, рассматривать его.

— Нет, но в тот раз ты показал себя не с лучшей стороны.

— Тот раз! — передразнил Дуче. — А что, собственно, я сделал в тот раз? — тихо спросил он.

— Лучше не вспоминай об этом.

— Ну, и прекрасно. Слушай, а может — поменяемся? — осторожно спросил Дуче, еще крепче сжимая шею Кобека.

— Чем это? — удивился Кобек.

— Бабами!!

— Ну, Дуче! — выдохнул Кобек, освобождаясь от его рук.

— Не обижайся, чудак, я же пошутил, — захохотал Дуче.

— Не надо мне таких шуточек, достаточно той прошлогодней! — резко проговорил Кобек.

— Ну, что ты, в самом деле, я пошутил. А она, твоя баба — смак! — и Дуче выставил в темноте большой палец.

— Вот что я тебе скажу, Дуче: если ты начнешь приставать к ней, между нами все будет кончено!

— Ладно-ладно! Что она тебе, жена, что ли?

— Больше, чем жена! — разговор был закончен, и Кобек вернулся к столу.

Через какое-то время пришел и Дуче.

Авскоре повариха попросилась домой. Уже стемнело.

— Джама, ты устрой молодоженов в спальне, а мы с тобой в зале поспим, — сказал Дуче, вставая со стула и вытаскивая ключи из кармана.

— Мне пора, дорогие гости, — проговорила женщина, снимая передник и, подойдя к Фейруз, обняла ее, затем пожала руку Кобеку. Повернулась потом к гармонистке: — А ты, Джама, не забудь со стола убрать, а то бродячие собаки все перевернут здесь вверх дном.

— Хорошо, — сказала Джама.

— Смотри за гостями, не обижай их — выпивку поставь, пару бутылок минеральной, — отдав распоряжения, Дуче прошел к машине: блеснули в темноте яркие лучи фар и загудел мотор.

Подхватив свои сумки, женщина села в машину. И они уехали. Фейруз и Джама стали убирать со стола и заносить в дом посуду.

Кобек захватил раскрытые бутылки и поднялся на второй этаж. Гостинный зал ослепил его роскошью и чистотой. На одной стене висел голубой ковер, на другой — застекленные полки с книгами, во всю длину зала протянулся белый полированный стол, возле дивана, под цвет ковра, стоял журнальный столик из светлого дерева. Кобек просто не мог не спросить себя: что за человек — хозяин дачи и откуда берутся такие деньги?!

Вошли Джама и Фейруз, они принесли минеральную воду и рюмки.

— Может, выпьете? — спросил Кобек.

— Я — нет, — поспешила ответить Фейруз, — я устала и, наверное, простудилась, — и она поежилась.

— Выпей немного, это помогает, — предложила Джама.

Кобек налил в рюмку коньяка и молча выпил.

Женщины сели.

— Какой-то богач здесь живет, — сказала Фейруз, оглядывая зал. — А сколько книг!

— Да, чего здесь только нет! БВЛ полностью — двести томов, шикарные издания. Большой книголюб — этот богач! — заметил Кобек.

— Лучший друг нашего Дуче, вместе дела проворачивают — и какие! — приосанившись, проговорила Джама, как будто и сама была причастна к тем героическим делам.

Кобек подошел к книжным полкам и, вытащив несколько книг, увидел, что они даже не раскрывались: у многих были склеенные страницы, хозяин, как видно, приобрел их не для чтения, а для интeрьера.

Взяв книгу в лоценом белом переплете, Кобек наугад открыл страницу и прочитал:

«Что хотел сказать художник, поместив собаку среди людей на передний план? Видимо, он хотел сказать, что люди любили собак еще с глубокой древности, никогда их не покидали, даже в несчастье, даже на грани гибели народа, а собаки оставались преданными и верными, готовыми погибнуть вместе с человеком.

Ведь за минуту до этого все были в отчаянии, у них не было ни капли надежды. И они говорили в глаза спасшему их от рабства Моисею:

«О, если бы мы умерли от руки господней в земле египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывел ты нас в эту пустыню, чтобы всех собравшихся уморить голодом!»

Моисей с великой горечью понял, как глубоко овладел людьми дух рабский: хлеб в достатке и котлы с мясом им дороже свободы. И вот он высек воду из скалы. И было в тот час благо всем, идущим за ним, что и ощущается в картине Бассано.

А может быть, художник и поместил собак на главное место как укор людям за их малодушие в несчастье, как символ верности, надежды и преданности? Все может быть. Это было давно...»

Закончив чтение, Кобек посмотрел на женщин:

— Каково, а?

Джама сидела, опустив голову, а Фейруз с интересом спросила:

— Откуда это?

— Это — избранное Г. Троепольского, ну, конечно, из «Белого Бима...» А самое удивительное, что эти мысли перекликаются с моими собственными...

— А ты знаешь, я видела репродукцию той картины, она называется «Моисей иссекает воду из скалы». И я тоже запомнила собак, — сказала Фейруз.

Кобек поставил книгу на место.

— Хороший писатель, но он не хотел, и потому не открыл никаких Америк: я таких свидетельств знаю великое множество...

Фейруз посмотрела на Джаму, а потом вопросительно — на Кобека.

Не поняв, что означает этот взгляд, Кобек сам посмотрел на нее недоуменно.

— Пора и нам на покой, — шепнула Фейруз, показывая глазами на Джаму, которая уже подремывала на диване.

Джама тут же открыла глаза.

— Пройдите в ту комнату, — указала она на дальнюю дверь, — там на тумбочке свежие простыни лежат.

— Хорошо, — сказала Фейруз и взглянула на Кобека. Кобек поспешил за ней. Она включила свет. Посреди комнаты стояла широкая кровать, покрытая бурыми одеялами из верблюжьей шерсти, на тумбочке высилась гора белья.

— Если будет холодно, включите электрокамин, — крикнула им Джама, раскладывая диван.

— Наверное, обойдемся и так, — проговорила Фейруз и испытующе посмотрела на Кобека, робко стоявшего у двери. — Прикрой дверь, пожалуйста, — сказала она и стала расстилать простыни.

Кобек прикрыл дверь и, подойдя к окну, увидел в нем отражение Фейруз: заправив одеяло, она взглянула на него и прикусила губу, размышляя о чем-то:

— Раздевайся, Кобек. Уже поздно. Я прямо на ногах не стою — устала!

Все еще не смея повернуться, Кобек увидел, как она сбросила туфли и сняла чулки.

— Надо бы ноги помыть, — положив ногу на ногу, она озабоченно разглядывала свои сбитые ступни.

В дверь постучали.

— Заходите, — пригласила Фейруз.

Кобек обернулся.

— Я белье себе возьму, — сказала Джама и, лукаво улыбнувшись стоявшему как на часах Кобеку, взяла сложенную стопку, — доброй вам ночи!.. — проговорила она и вышла, закрыв за собой дверь.

Кобек опять повернулся к окну и продолжал следить за отражением Фейруз, которая теперь распускала волосы... Через какое-то время в дверь опять постучала Джама. Кобек открыл, и Джама, стыдливо улыбнувшись, внесла в комнату таз с водой.

— Возьмите, чтобы не бегать, я сейчас и кумган принесу, — сказала она.

— По-мусульмански, — захихикала Джама и опять пожелала доброй ночи.

Фейруз распустила свои длинные волосы.

— Раз так — помоем ноги, — проговорила она и, стянув с себя платье, осталась в белой прозрачной комбинации.

— Тебе, может, полить? — спросил Кобек.

— Нет-нет, я сама, — проговорила Фейруз и, подвинув к себе таз, опустила в него ноги.

— А теперь дай мне полотенце, но только похуже — для ног, — попросила она.

Кобек, робея, повернулся и, стараясь не глядеть на Фейруз, протянул ей полотенце. Она вытерла ноги и быстро залезла под одеяла.

Кобек тоже разделся, и тоже — «по-мусульмански», как сказала бы Джама, совершил омовение; потом он потушил свет и прилег с краю постели, боясь, даже ненароком, прикоснуться к женщине.

— Давай спать, Кобек, я устала, — прошептала Фейруз и, повернувшись к нему, положила свою прохладную руку ему на грудь. Кобек накрыл ее руку своей.

— Давай спать, — прошептала она еще раз.

Кобеку нестерпимо хотелось обнять ее, прижаться к ее теплому нежному телу, но он боялся, что она примет это за грубость, и потому лежал, едва дыша, сжимая согревавшую его женскую руку. Слышен был шум реки. За окном обозначились верхушки елей, серебряный силуэт горы и мерцающие звезды.

Кобек вспомнил свое детство. Большое дерево, под которым всегда играли дети и где они были тогда вдвоем. Школьницу Фейруз, сидевшую на высокой ветке, себя — еще совсем маленького — заглядевшегося на ее ноги... Фейруз, не понимая, чего это он стыдится, смотрит на него удивленно, а он, делая вид, что что-то ищет, подбирает с земли камешки и откидывает их в сторону...

Кобек повернул голову и прислушался к ее ровному дыханию; околдованный ее близостью, он с надеждой взглянул на нее, но Фейруз спала. Может быть, и ему удалось бы уснуть, если бы вернувшийся Дуче вел себя по-тише.

— Давай вышьем! — приставал он к Джаме, которая, видимо, уже спала.

Его гулкие шаги приблизились к двери их комнаты, и Фейруз в полусне прижалась к Кобеку. Дверь приоткрылась.

— Кобек, — негромко позвал Дуче.

— Что ты хочешь? — отозвался Кобек и почувствовал, что Фейруз сильно сжала его руку.

— Пойдем выпьем! — сильным голосом проговорил Дуче.

— Я уже сплю, — недовольно ответил Кобек.

— А она? — Дуче вошел в комнату и, наклонившись над Кобеком, спросил: — Ну, как — все нормально? —

— Все нормально, Дуче. Мы уже спим, — сухо ответил Кобек.

— Ладно, спите, — и Дуче затворил за собой дверь.

Из зала еще долго доносились его бормотанье и угоры Джамы, но Дуче, как видно, был неутомим: вскоре они услышали его хохот; судя по всему, он даже поднял руку на женщину, и она обиженно всхлинула.

— А может быть, выйти и сказать ему что-нибудь, — сочувственно вздохнул Кобек.

— Вот уж это-то совсем ни к чему, Кобек! У них давние отношения. Но не нравится мне этот твой Дуче, — прошептала Фейруз.

— Думаешь, мне он нравится, — и Кобек положил руку на ее талию.

В наступившей тишине Фейруз услышала неровное дыхание Кобека.

— А ведь, наверное, повернись наша жизнь иначе, мы бы с тобой любили друг друга и хорошая семья могла бы получиться. Так ведь, Кобек? — добываясь ответа, Фейруз уже знала, каким он будет.

— Все так, Фейруз, и я виню во всем только себя.

— Не надо никого винить, ведь мы были детьми и не знали, как следует себя вести... Обстоятельства так сложились, — проговорила она с сожалением.

Кобек коснулся губами ее лба в знак благодарности.

— А сейчас, я думаю, уже ничего не изменишь! — и Фейруз вздохнула.

— Ну, почему же — не изменишь?

— Не будь ребенком, Кобек! У тебя теперь семья...

— Но я несчастлив с ними!

— Не говори так! Ты ведь сам выбрал эту женщину, и она — мать твоих детей.

— Все это так, но мы — чужие люди. Хотя дети, конечно же, ни при чем — их жаль.

— Значит, ты просто обязан жить с ними, как и я — со своим мужем. Такая у нас судьба.

— А ты любишь его?

— Ах, Кобек, в первые годы я любила его, но потом он заболел, и вот уже второй год мы просто живем под одной крышей.

— Но как же так?

— Трудно говорить об этом, но есть, конечно, болезни и пострашнее. В общем, я считаю себя женой человека, получившего тяжелую травму, и бросить его не могу — это было бы жестоко. Я осуждаю себя даже за то, что лежу сейчас с тобой в одной постели!

— И ты никого не любила за все это время?

— Ты знаешь, нет. Не так-то просто изменить свою жизнь, а тем более подстроиться к какому-то чужому человеку. За мной, конечно, ухаживали, но никто настоящему не был дорог. Ты, может, единственный человек, с которым я так свободно себя чувствую, — потому, наверное, что нас связывают детские воспоминания. Я совсем не стыжусь тебя, но ты знаешь: даже теперь, когда ты так близко, я думаю о нем: что-то он делает там один, в нашей квартире, о чем думает...

— А я чувствую, что люблю тебя, — не сдержался Кобек и потянулся к ее губам.

Но поцелуй получился безответный, и когда он отпустил Фейруз, она прикрыла его губы ладонью.

— Не торопись, Кобек, нам надо привыкнуть друг к другу, чувства потом придут — я верю в это, — и она сама поцеловала его в губы.

Утром их разбудил Дуче, который к этому времени уже успел отвезти на работу свою Джаму. Он вошел в комнату.

— Дорогие гости! Пора! — проговорил он, заглядывая в сонные глаза Фейруз и Кобека.

— Оставь нас, Дуче! Я скоро выйду к тебе, — пообещал Кобек.

Быстро одевшись, Кобек вышел следом за Дуче. В руках хозяина была непочатая бутылка коньяка.

— Головка, наверное, раскалывается! Давай вмajem по пять капель, — предложил гостю гостеприимный хозяин.

Кобеку не хотелось пить, но, чтобы не обидеть Дуче, он сел на диван и взял из его рук рюмку.

Они были один на один в комнате, и, прежде чем выпить, Кобек решился на вопрос, который мучил его с тех давних пор:

— Послушай, Дуче, а зачем ты сделал это тогда?

— Что сделал? О чем это ты? — и Дуче вытаращил на него свои невинные глаза.

— А помнишь — У Риммы?

— О какой это Римме ты говоришь?

— В гости ходили вместе. Может, хоть кольца ее вспомнишь? — глядя ему прямо в глаза, проговорил Кобек.

— Ну, помню. Хорошие были девицы, но о каких кольцах речь? — не моргнув глазом и даже угрожающе проговорил Дуче.

— Ну, ты и фрукт, Дуче!

— О том, чего не видел, не говори. Я сам так делаю и тебе советую!

— Вот оно как! А говоришь, что ничего не знаешь о кольцах? — ухватился за эту ниточку Кобек.

— Не знаю я ни о каких кольцах! — возмущенно оборвал его Дуче.

— Ну, ладно, — прекратил свое дознание Кобек, поняв, что Дуче ничем не пронять.

— Давай, дружище, оставим обиды и выпьем за нашу дружбу, надо жизнь прожить без осложнений! — торжественно провозгласил Дуче и выпил.

— Ну, что же. Давай без осложнений, — согласился Кобек и, недовольно поеживаясь, отпил из своей рюмки.

Вошла Фейруз. Дуче сразу же налил в чистую рюмку коньяка и поспешил к ней.

— Возьми, Фейруз, наша славная фея, мы выпили за вечную дружбу, — протянул он рюмку.

— Нет-нет, — наотрез отказалась Фейруз и, морща лоб, добавила: — С ума вы сошли, что ли, — пить в такую рань!?! Это до хорошего не доводит!

— Откуда нам это знать, — пожал плечами Дуче, не прощаясь ни с рюмкой, ни со своими тайными надеждами.

— Пей сам, Дуче, а нам уже надо ехать, ведь ночевка у нас непредвиденная получилась, — сказал Кобек.

— Вижу, что вам у меня не понравилось, — обиженно проговорил Дуче и единым махом расправился с коньяком.

— Ну, что ты, Дуче! Мы не знаем, как и благодарить тебя! Столько хлопот мы тебе доставили, столько денег ты на нас потратил! — проговорила Фейруз.

— Если бы все хлопоты были такие, а деньги это ерунда: кому они нужны — у того есть! — проговорил Дуче то, что говорил и Кобеку в тот злополучный приезд.

— Правда, Дуче, нам надо ехать, спасибо тебе за все! — еще раз поблагодарила Фейруз.

— Ну, нет, не побывав у меня дома, вы не уедете — и не мечтайте! Ведь это дача моего начальника, а мой дом — это мой дом! Вы же, что ни говори, мои гости! Позавтракаете у меня — тогда, пожалуйста!

И они простились с «дачей начальника». Проезжая по центральной улице, Кобек увидел шедшего с удочками архитектора Валидова, который, видимо, тоже приметил Кобека, потому что побежал за машиной, махая свернутой в руках газетой. Кобек подумал, что в газете, по-видимому, напечатана та статья, но остановить машину не решился.

Вскоре они прибыли на место. Двухэтажный дом Дуче Кобек признал сразу, ведь он уже бывал здесь несколько лет назад — тогда его семья уехала к родителям жены и его родных он так и не увидел. Во дворе дома стояли «Жигули» без колес, в прошлом зеленые или желтые, из переднего окна, как дуло орудия, торчало что-то вроде оглобли. Как только их машина остановилась во дворе, из «Жигулей» выскочила ребятня и обступила со всех сторон подъехавшую машину. Криками выражая свой восторг, дети в одно мгновение распахнули все четыре дверцы машины.

— Архаровцы! Назад! — приказал Дуче и, захватив ключи, выскочил из машины, чуть было не сбив с ног «архаровца» лет трех-четырёх.

Кобек и Фейруз не успели выбраться из машины, как она сразу же набилась детьми и в ней поднялся невообразимый гвалт.

— Это ваши? — спросила Фейруз.

Дуче взгляделся в детей, спрятавшихся в машине:
— Сегодня все в сборе, что редко бывает в этом доме, — гордо проговорил он.

— Сколько же их? — удивилась Фейруз.

— Семеро солдат отечества! Сегодня и в семи семьях семерых солдат не сыщешь, а тут один Дуче семерых подарил планете, — похвалился плодовитый отец.

— Наплодить — дело нехитрое, а вот воспитывать кто будет? — произнес, не без издевки, женский голос.

Гости обернулись. На пороге дома стояла полная круглолицая женщина в махеровой зеленой кофте и черной потрепанной юбке. Она сошла с порога.

— Здравствуйте, дорогие гости! — поздоровалась она сначала с Кобеком, а потом — с Фейруз.

— Наплодил, а сам и видеть не видишь, кобель уличный! — незло упрекнула женщина, дружески подмигнув Фейруз.

Фея — Фейруз понимающе кивнула.

— Ты не оскорбляй меня, мать солдат. Во все время на бремя воспитания лежала на женщинах. А мы должны защищать от врагов родную землю, — отозвался, в тон жениной шутке, Дуче.

— Знаем мы, как вы воюете на полях родины с гармошкой наперевес.

Кобеку стало весело от этой дружеской перепалки, и он, мягко ухватив Фейруз за руку, тихо засмеялся. Фейруз тоже нравилась эта женщина, но смеяться она не стала.

— Враги отечества не дремлют, их шпионская сеть способна подорвать основы нашего государства... — отпарировал Дуче. — Иди-ка поставь нам чего-нибудь, — сказал он, — а я тут пока разберусь со своей армией!

Открыв дверцу машины, он вытащил оттуда малолетнего пацана, воинственно дрыгающего ногами и норовящего стукнуть отца кулаком. — Вылезай, армия, на построение! — приказал он остальным.

Дуче поставил мальчика на ноги, и тот, размахнувшись, поддал отца ногой как мячик.

— Ах-ох! — взвыл от боли Дуче. — Как дам сейчас! Немедленно иди строиться! — с угрозой приказал он.

«Архаровцы» поспешно вылезли из машины и, вытянув руки по швам, выстроились в шеренгу. Самый молодой боец долго не мог пристроиться, отгоняемый братьями, но наконец нашел свое место и замкнул боевой строй. Он задрал нос и смешно таращил глаза. Вид у армии был потешный: самому старшему бойцу было лет четырнадцать — не больше. Все детки были в импортных джинсах, одинаково замасленных, и щегольских кроссовках. И обувь, и джинсы были изодраны в клочья, хотя было видно, что куплены они совсем недавно. «Дорогие вещи, подумал Кобек, — но такая боевая дружина ничего не пожалеет для защиты родных рубежей!»

— Слева направо — рассчитайсь! — приказал Дуче.

— Первый!..

— Второй!..

— Седьмой! — выкрикнул замыкавший шеренгу малыш и, сделав шаг вперед, потом — назад, стал в строй.

После этого вперед вышел старый боец, похожий на Дуче как две капли воды.

— Товарищ главнокомандующий! Объединенная армия по спасению отечества для парада построена и готова занять огневые позиции! — отчеканил он.

— Начать парад! — приказал Дуче.

Первый номер сделал шаг вперед и торжественно представился:

— Алибий, он же — генералиссимус Суворов, кавалер всех русских и иностранных орденов, готов к разгрому турок, — и он вытянулся по стойке «смирно».

За ним вышел второй номер.

— Мухамед, он же фельдмаршал Кутузов, готов к разгрому войск Наполеона, — для пущего правдоподобия он закрыл один глаз и выпятил грудь.

— Искандер, он же — Скандербек, народный герой Албании, готов к разгрому иностранных захватчиков, — отрапортовал третий.

За ним вышел четвертый и сурово насупил брови:

— Тенгиз, он же покоритель вселенной, выигравший все битвы, Чингиз-хан готов к новым подвигам!

— Башир, он же — начальник дивизии красноармейцев, разгромивших белочехов и колчаковцев, раненный

в бою Василий Чапаев! Готов громить белых! — мальчик рассмешил гостей, прижав к поясу свою «раненую» руку.

— Султан Курманов, он же вождь краснокожих Чингачгук! Большой змей готов бить бледнолицых врагов!

Последним вышел драчун и, требуя внимания, серьезно посмотрел на гостей.

— Спартак — самый храбрый воин! — прокричал малыш, шмыгнув носом.

— Его в самом деле зовут Спартаком, — объяснил гостям довольный папаша после смотра своей армии. — Товарищи герои, солдаты отечества, парад принят, занять свои огневые позиции! — приказал он.

Армия с криком «ура!» побежала к разбитым «Жигулям» и начала боевые действия.

Спасаясь от выстрелов и разрывов снарядов, Дуче повел гостей в дом.

Стол уже был накрыт. Из пиал струился дымок от забеленного сливками ногайского чая, в блюдцах были поданы мед и сметана, на подносе лежал нарезанный ломтями домашний хлеб.

— Угощайтесь, дорогие гости! — радушно проговорила хозяйка, укоризненно поглядев на мужа. — И игрыто у наших хулиганов какие-то ненормальные. Все в отца пошли. Дом у нас как казарма; слава Аллаху, что в магазинах оружие не продают, а то бы и мать пристрелили.

— Наверное, трудно с одними мужчинами? — спросила Фейруз.

— А то! Хоть бы одна девочка была. Даже пол подмести некому. Видели бы вы, что у нас зимой творится! Я тогда и вниз не спускаюсь: на первом этаже у нас великая отечественная проходит. К ним еще и отец присоединяется, если пьяный, а пьяный он чуть не каждый день! — хозяйка нахмурилась и придвинула Фейруз блюдца со сметаной и медом. — Ешьте на здоровье!

— А ты не критикуй мужа, женщина! Слабый пол от Дуче не рождается, вот и весь сказ! Лучше бы принесла нам что-нибудь! — загоготал главнокомандующий.

— Откуда мне знать, где у тебя что? — пожалла плечами жена.

— Нам ничего не надо, Дуче, — Кобек даже думать не мог о выпивке.

— И в самом деле, сколько можно пить! — вмешалась Фейруз. — Дали же вам чай! Прекрасный напиток!

— Что чай? Вода и есть вода! Мать доблестных солдат, принеси-ка из холодильника шампанское! — повелел Дуче, намазывая на хлеб сметану и мед.

Неодобрительно покачав головой, женщина прошла в другую комнату и вернулась с бутылкой запотевшего шампанского.

— Дуче, ради Аллаха, не открывай, — попросил Кобек. В это время в комнату вбежал старший сын с кипой газет в руках.

— Товарищ главнокомандующий, срочное донесение — полевая почта! — доложил он.

— Положи! — Дуче показал на свободный стул и, проследив, как сын исполнил приказание, спросил: — Генералиссимус, скажи гостям, кем ты будешь, когда вырастешь?

— Начинается! — махнула рукой мать солдат и вышла из комнаты.

— Художником, — ответил сын, посмотрев, какое впечатление произведет на гостей его ответ.

Фейруз и Кобек, конечно же, удивились, ведь они и представить себе не могли, что в этой объединенной армии может оказаться служитель муз.

— А ну-ка, покажи гостям свои художества, — приказал Дуче.

Мальчик побежал в соседнюю комнату и вернулся с альбомом, которым главнокомандующий немедленно завладел.

— Алибий Курманов — гордость нашего семейства. Мы возлагаем на него большие надежды, — и Дуче протянул альбом Фейруз.

Кобек тем временем среди газет отыскал областную и на последней странице сразу же увидел статью под заголовком «Богат наш край!»

— Как мило, Кобек, посмотри, — обратилась к нему Фейруз.

У Кобека чуть глаза на лоб не полезли: на странице альбома в натуральную величину были изображены денежные купюры. Фейруз переворачивала страницы, и на каждой было то же самое. Кобек с интересом посмотрел

на генералиссимуса, а затем — на сиявшего от удовольствия Дуче.

— Этого же нельзя делать, а что если он и вправду научится? — спросил Кобек.

— Ну и хорошо! — захохотал Дуче.

— Это, между прочим, карается законом! — добавил Кобек.

— Знаю, — сказал Дуче и, достав из кармана десятирублевку, прочитал: «Подделка государственных билетов преследуется по закону». Так пусть так нарисует, чтобы никто не догадался, что это подделка! Сможешь, Алибий?

— Я постараюсь, — ответил мальчик.

— Даже сторублевый билет есть! — восторженно произнесла Фейруз, возвращая мальчику альбом. — А ты больше ничего не рисуешь? — спросила она.

— Могу и людей, и собак, только это в другом альбоме, — объяснил генералиссимус.

— Хватит и этого. Остальное все глупости, на картинках не проживешь. Иди-иди, — приказал отец.

И мальчик, завладев своим купюрным альбомом, удалился.

— Ну, почему же — не зарабатываешь, — возразил Кобек, — художники как раз неплохо зарабатывают.

— А я и не знал, — удивился Дуче. — И сколько же у них выходит в месяц? — поинтересовался он.

— Бывает, что и тысячу, и даже несколько тысяч получают, — ответил Кобек.

— Неплохо, в общем-то. Тогда ему надо бы этим заняться, — Дуче принял это сообщение к сведению, но особого воодушевления у него оно все-таки не вызвало.

— Но тут ведь не деньги главное. Главное — слава, известность, почет! — добавил Кобек.

— Вот этого-то как раз я и не люблю. Все, что ты говоришь, суета. В нашем деле чем неприметнее ты, тем больше у тебя свободы. Человек дела должен сидеть под крепким панцирем, а голову высовывать только в исключительных случаях. Тише едешь дальше будешь! — похвалился Дуче.

— Какая-то черепашья философия! — фыркнул Кобек, несколько не удивившись: ему ли было не знать, что за человек — его приятель.

— Известности боятся, когда совершают что-то недостойное! Разве не так? — вскинула брови Фейруз.

— Ну, зачем же так! — возразил Дуче. — Человеку хочется хорошо пожить, купить, что ему заблагорассудится, съездить, куда он пожелает, — разве это преступление?

— А если все того же пожелают? — спросил Кобек.

— Ну, и прекрасно... Только все это получает деловой человек, более сноровистый и ловкий.

— Значит, ущемляя чью-то свободу, обкрадывая ближнего, — съязвил Кобек.

— Зачем же так резко при даме, — Дуче кивнул на Фейруз. — Может, даже и обкрадывая, только у нас это иначе называется: каждому — по способности и каждому — по труду, — и он расхохотался.

— А совестно не бывает, когда сознаешь, что ешь чужой кусок? — спросил Кобек, вспомнив их давний спор.

— Совестно?! — передразнил Дуче. — Совестно, когда соседа, родственника обманешь, а здесь ничье лежит — только бери. А если не ты, так другой возьмет — ничье упустит ...

Позиция Дуче Кобеку была давно ясна, и он, конечно, понимал, что напрасно затеял этот разговор: горбатого только могила исправит! Ему не терпелось прочитать статью в областной газете. Он быстро пробежал ее и передал газету Фейруз.

Ее восторгам не было границ.

— Какой ты молодец, Кобек! — и Фейруз прочитала вслух: «Находятся у нас энтузиасты, которые ради торжества справедливости не соглашаются с устоявшимися рутинными подходами к нашей истории и культуре. Один из них — Р.А. Карамов, ответственный секретарь общества по охране памятников истории и культуры, не только обнаруживший на территории нашей области уникальный памятник, но и отстаивший его, несмотря на глухоту некоторых учреждений к историческому прошлому. Памятник с изображением самыр—паскуджи

(крылатой собаки), по предварительным данным молодого ученого, может быть отнесен к глубокой древности. Памятник взят под охрану государства. В нашем обществе всегда находятся такие инициативные люди, как Р.А. Карамов, и надо бы дать им широкую дорогу», Фейруз восхищенно посмотрела на Кобека.

— Дайте и мне прочесть, — попросил Дуче. — Ты смотри, какой летающий волкодав! — первым делом он увидел, конечно, рисунок.

Фейруз, радостно посматривая на Кобека, допила свой чай, а Кобек, ободренный ее взглядом, почувствовал себя и сноровистым, и ловким.

— Ну, нет! — самодовольно хохоча, заорал Дуче. — Ну, нет! За это надо обязательно выпить. Как-никак о нашем ауле речь, да еще — в газете! Так вот чего ты все о славе да о славе! Теперь понятно! — и Дуче, ловко выстрелив пробкой, стал разливать шампанское.

— Надо же, дружище, в газете о тебе написали! Не зря, видать, мы с тобой дружим. Ты тоже деловой человек — не за бесплатно мозгами крутишь! Выпьем же за сильных людей, которые с открытым забралом идут в бой!

Гости не стали возражать и, подняв бокалы, выпили... За первым тостом пошли другие: за хозяина дома, за объединенную армию, за мать доблестных солдат.

В комнату, в разгар пиршества, забежал генералиссимус.

— Эй, Алибий, стой! — окликнул его Дуче. Мальчик, воровато оглядевшись, подошел к отцу. — Посмотри-ка, — и Дуче показал сыну газетный рисунок.

Генералиссимус довольно хмыкнул:

— Да это же я нарисовал!

— Ну, это ты брось! Ври-ври, да только складно! — прикрикнул на него Дуче.

— Да правда же, это я нарисовал! — засмеялся «архаровец».

Дуче даже рот раскрыл от удивления: солдат-то его на все руки мастер!

— Это действительно твой рисунок? — спросил Кобек. Мне его прислали из местного дома пионеров.

— Ну, да, — подхватил генералиссимус, — директор попросил меня срисовать собаку. А я ведь лучше всех умею рисовать.

— Тогда другое дело! — воскликнул Дуче, выхватывая из рук сына газету. — Хоть бы имя автора поставили, — и он с восхищением посмотрел на Алибия. — Или бы сам, балбес, подпись свою поставил, художники ведь всегда так делают! Разве нет?

— Откуда же я знал, что это для газеты! Знал бы — поставил! — виновато протянул генералиссимус.

— Ты это, вот что — учти на будущее. За это ведь и деньги могли заплатить, — и он поглядел на Кобека. — А интересно, сколько бы дали за такой рисунок?

— Не знаю, — усмехнулся Кобек.

— А так все получит, — Дуче взглянул на подпись, — какой-то Яриков. — Обидели мальчика, а ведь трудился, — проговорил он обиженно.

— Да разве в подписи дело! — попробовала утешить его Фейруз, но быстро сообразила, что это звучит наивно, тем более что Дуче и не нуждался в утешениях.

— Да за это все равно заплатили бы копейки! — вставил Кобек.

— А говорил, что за такое хорошо платят! — упрекнул его Дуче и, поглядев на сына, похвалил: — А вообще-то, ты молодец! Совсем неплохо для твоего возраста! Даже здорово! Эту газету я теперь всем показывать буду...

Гости заулыбались.

— А ну-ка, нарисуй моим гостям ту собачонку, только подпись свою не забудь! — сказал довольный Дуче.

Алибий Курманов, он же генералиссимус, на глазах Кобека и Фейруз тотчас сделал несколько копий с того рисунка и, расписавшись на двух лучших, отдал на память гостям.

Следствие

Всю дорогу Кобек и Фейруз судачили о Дуче, но ни словом не обмолвились о ночи, проведенной под его

кровом. Кобек боялся даже на минуту выпустить руку Фейруз, чтобы не лишиться только что пришедшей к нему силы. Голова Фейруз покоилась на его плече.

— Ты звони мне, пожалуйста. Мы с мужем понимаем друг друга, и даже, если я скажу ему, что кто-то мне дорог, он не обидится. Брак не должен быть в тягость ни жене, ни мужу — это его слова.

— Я обязательно позвоню, Фейруз; я уже, наверное, не смогу жить без этого.

— Звони после работы или рано утром, пока я дома. А если захочешь — зайди к нам.

— Не знаю, смогу ли я решиться на такое. Лучше всего вот такая поездка — все равно куда!

— Да, мне было очень хорошо, спасибо, я так редко выбираюсь куда-нибудь. Раньше мы с мужем много путешествовали, но теперь все изменилось из-за его болезни — думаем только о лекарствах, о процедурах... А одна я не могу решиться ни на какую поездку, я даже в кино одна не хожу...

— Это естественно, — философски заметил Кобек, — но надо все-таки уметь настроить себя, ведь в жизни всякое может случиться.

— Конечно, ты прав. Мой Юхан даже в больницу не ложится, чтобы не оставлять меня одну... Хорошо еще, что ему это не во вред: он научился лечить себя сам. Уверяет меня, что знает больше всякого врача...

— Я понимаю, как тебе трудно, но могу только посоветовать. Но если вдруг потребуется моя помощь — скажи мне об этом! — и Кобек заглянул ей в глаза.

Она посмотрела на него благодарно.

Через два с половиной часа автобус дотащился до городского автовокзала. Встав с кресла, Фейруз нагнулась к Кобеку и поцеловала его в щеку. Кобек растерялся и в ответ робко коснулся ее плеча...

Кобек проводил Фейруз до остановки, а сам решил идти пешком — его дом был совсем близко. Возле автовокзала в киоске он купил несколько номеров газеты, и, стоя у набухшего почками ветвистого каштана, еще раз перечитал статью. Ее автор вынес в эпиграф слова всемирно известного ученого: «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен к своей стране», — это было набрано петитом.

Статья была боевой, и Кобек уже представлял себе реакцию читателей: эта статья, как ему казалось, могла сформировать общественное мнение, накалить страсти, всколыхнуть общественность... «Наверное, приедут ученые? Ведь должны же они заинтересоваться! — и Кобек уже вглядывался в их лица восхищенные и сосредоточенные. Не исключено, что приедут и иностранцы, — и он уже слышал, с каким старанием они произносят имя первооткрывателя — его имя. — Ах, написать бы настоящее исследование. Но очень уж мало у меня материала, нужны тщательные исследования, а может быть, и раскопки. Если все получится, то это — мое детище. Пещеру, по всей вероятности, назовут «карамовской»... Хотя нет — лучше «кобековской»... Да, именно так — «кобековской»... Под таким названием она попадет во все каталоги мира». — Подняв себя на такую небывалую высоту, он, как ни странно, не потерял ориентиров и довел себя до собственного дома, который... со временем, конечно, сам станет достопримечательностью: «Здесь жил и работал...»

Было хорошо на душе. Согревали его и воспоминация о днях, проведенных вместе с Фейруз. Как кадры увлекательного фильма вспоминались ему и прогулка в пещере, и вечер на даче, и застолье у Дуче. А чаще всего мелькали перед его глазами ночные кадры, смонтированные лукавым Дуче: он видел точеную шею феи — Фейруз, слышал ее воркующий шепот... При мысли о том, что идет домой, ему становилось не по себе: его пугали и знакомые много лет углы, и голос жены, издающий проклятия и угрозы...

«Неужели же мне на веку написано всю жизнь провести в этом аду? Должна же быть какая-то радость! Если бы дома меня ждала такая жена, как Фейруз, я бы бежал туда как на праздник. Даже смотреть на нее — удовольствие, а ее воркующий голосок — как птичье пение. Страшно подумать, что вся моя жизнь пролетит в этих буднях, заполненных только заботами о хлебе насущном! Не могу я так! — возмутился Кобек и даже погрозил кому-то невидимому, кто руководит его жизнью. — Я все изменю. Жизнь одна, и неизвестно, предстоит ли мне второе рождение! Таким, какой я есть, мне уже не появиться

ся на свет! А если так — оставшиеся годы надо прожить достойно. Не так уж много и осталось: тридцать, от силы сорок лет. И я совсем не хочу жертвовать собой... Мне нужна Фейруз — только с ней я найду свое счастье!.. С семьей я, пожалуй, и мог бы расстаться, но что будет с Фейруз?..»

По ее рассказу он понял, что она живет в силу сложившихся обстоятельств и не только не может, но и не хочет ничего менять! Ей жаль мужа, хотя их совместная жизнь не приносит ей радости. Но она — женщина, и менять что-то ей не под силу — остается только ждать развязки. Но, справедливости ради, Кобек признался себе, что до встречи с Фейруз и он плыл по течению, точнее сказать — оно его несло, но встреча с ней сделала его другим человеком: теперь он готов побороть это привычное течение. А может быть, и она захочет теперь что-то изменить? «Все правильно, — заключил Кобек, — остается только ждать; если Фейруз скажет «да» — я все поломаю!»

Проходя мимо двенадцатиэтажной башни, Кобек увидел выходявшего из него белоголового мальчика того самого, с черной вороной, которого он повстречал несколько лет назад. На руках мальчика и сейчас была та самая ворона или ворон. Мальчик был одет в белые брюки и белую нейлоновую курточку. Он отщипывал пальчиками хлеб и давал вороне. Кобек невольно заулыбался, вспомнив, как в тот далекий день его рассмешило это зрелище. Подойдя к мальчику, он спросил:

— Что, ручная?

Мальчик поднял голову и с удивлением посмотрел на Кобека.

— Ручная, — нехотя ответил он.

У мальчика, по-видимому, не было желания вступать с ним в беседу, но Кобек, несмотря на это, упорно шел рядом.

— Никогда не слышал, чтобы были ручные вороны, — проговорил он и внимательно посмотрел на прирученную птицу.

В ответ на его бестактные сомнения ворона проглотила солидную крошку и, пронзив Кобека ледяным взглядом, пригрозила:

— Кар-рр! — и широко раскрыла черный клюв. Кобек подпрыгнул на месте и отступил в сторону.

— Наш Каркар не любит незнакомых людей! — сказал мальчик не то вороне, не то Кобеку.

— И давно она у вас живет? — спросил Кобек.

— Давно, — бросил мальчик, не поворачивая головы.

— А сколько ей лет? — не отставал Кобек.

— Триста пятьдесят, — ответил мальчик и свернул за угол.

— Ты это точно знаешь? — прокричал ему вслед Кобек, не собираясь сворачивать со своего прямого пути.

— Точно!

Задумавшись над ответом мальчика, Кобек пошел своей дорогой. «И откуда ему знать, что вороне триста пятьдесят лет? Давно известно, что вороны живут триста, четыреста лет, но поди проверь! Только недавно люди научились определять точную дату рождения и даже прогнозировать будущее. А как же раньше-то было? Ведь в те времена это невозможно было определить! А может, она и тысячу лет проживет? Какая-нибудь одна, или несколько? — и Кобек, впервые задумавшись над тем, что такое долголетие, начал строить самые фантастические предположения: — А что если существуют бессмертные вороны? Вообще не знающие смерти, а если и погибающие, то только по чьей-то злой воле — то ли человека, то ли зверя. Разве такого не может быть?» — предположение это было зыбким, но очень заманчивым.

И вдруг Кобек увидел вышедшего из его подъезда и воровато озиравшегося Адлеса: Кобека, стоявшего неподалеку, за газетным киоском, он не заметил. Оглядевшись, он торопливо пошел в противоположную сторону — к автобусной остановке.

«Странно, — удивился Кобек и присел на скамейку, чтобы поразмыслить. Но мысли не шли ему в голову, и он решил не гадать, что да как, а отправиться домой: Там, подумал он, все само собой разрешится».

Кунбийке молча открыла ему дверь и сразу же ушла в кухню. На ней была длинная, до пят, ночная рубашка. «Она, что же, встречала Адлеса в этой сорочке? Вот так новость!» — Кобеку стало не по себе и, пройдя следом за женой в кухню, он пристально взглянул ей в глаза.

— Меня кто-нибудь искал? — поинтересовался он.
— Искали. Вчера звонили с работы, спрашивали, не вернулся ли ты из командировки? — ответила Кунбийке.
На столе стояли две чашки. «Значит, они и чаю попили!» — отметил Кобек и посмотрел на жену, сосредоточенно мывшую посуду.
— И больше никто? — спросил он.
— Да, больше никто, — очень спокойно ответила Кунбийке.
«Врет ведь, Адлесу тут, кроме нас, не к кому заходить, да и эти чашки что-то значат!» — Кобек пришел в ярость, но постарался не выдать себя.
— Алтын пошла в сад? — спросил он.
— Да.
— А Кумис?
— Играет с соседской девочкой.
— И давно она ушла?
— Утром приходила соседка.
— А не загостилась она?
— Можно подумать, что ты соскучился? — отпарировала Кунбийке.
Кобек посмотрел на часы: было половина двенадцатого. «Ну и Кунбийке — все предусмотрела; но не надо подавать вида — все равно ведь будет все отрицать. А вот с Адлесом придется поговорить. Интересно, что он скажет?»
— Да, о тебе тут в газете написали, — заметила как бы между прочим Кунбийке.
— Ну, и что из того?
— Не каждый же день о тебе пишут! — пожалала плечами жена.
— Можно подумать, что ты рада? — с бабьим ехидством поддел ее Кобек.
— А что? По-твоему, мне только плохое надо думать! Конечно, рада!
— Знаю я все, — махнул рукой Кобек.
— Ну что ты начинаешь? Тебе так и хочется со мной поссориться! — и она поставила в сторону чашки.
— Дай поесть, — попросил он и, подумав, спросил: — Ты уже попила чаю?
— Да, — ответила Кунбийке.

— Одна?

— Конечно, одна, — ответила она, отводя глаза.

— Ну, ладно, — проговорил Кобек, думая только о том, что даст ему встреча с Адлесом.

Сгорая от ярости и даже не подавляя ее, Кобек поспешил на работу.

В дороге он почувствовал себя следователем по особо важным делам. Он, надо сказать, и раньше представлял себя в этой роли. Нравилась ему и роль правонарушителя, водившего за нос этого самого следователя. Он вообще любил детективные истории. Этот жанр занимал его с детства, да и теперь он всегда смотрел детективы. После книги или какого-нибудь фильма долго ходил под впечатлением, тщательно анализировал все сюжетные повороты, представлял, что должен был сделать преступник, чтобы уйти от расплаты. Фантазия его была безгранична. Он, конечно, знал, что не мог бы быть правонарушителем: преступных действий он никогда не совершал, да и изворотливости, спасительной для преступника, у него не было... Он, по его собственным наблюдениям, был человеком нерешительным. Но представлять себя этаким суперменом было приятно. Он без труда переносился в вымышленную среду, искал мотивы преступления и даже вмешивался в действия злоумышленника...

Можно было подумать, что у него самого была склонность к преступлению. Но, скорее всего, нет, не было. С детства он жил в ожидании каких-то неприятностей, подзревая людей в самых некрасивых поступках. В этом была виновата и мать, которая, оберегая его от опасностей, учила не доверять никому, кроме самых близких людей. А может быть, его насторожило поведение горожан: не знакомые друг с другом, они жили обособленно, глубоко запрятав свои чувства и мысли. Мать Кобека не была верующей, но суеверных страхов у нее было предостаточно. И это не могло не повлиять на него: предчувствие беды сопровождало его всю жизнь.

В зрелые годы это проявлялось все чаще, мучая душу необоснованными тревогами. И это иногда доходило до патологии: природа, как видно, наказывала его за подозрительность и недоверие к людям.

Однажды он увидел, как шаловливый малец упал и разбил себе нос. Кобек тогда подскочил к нему и взял на руки. Но в этот момент подросла его мать и, обезумев от вида окровавленного дитя, посмотрела на него как на злодея. Кобек тогда рассказал, как было дело, но женщина, не дослушав его, ушла. И потом он часто ловил на себе ее осуждающий взгляд. Оправдываться было глупо, и он так и не решился что-либо предпринять. Тень подозрения давила на него и угнетала.

А когда ему рассказывали о каком-нибудь преступлении, он просто не находил себе места. Не зная ни преступника, ни потерпевшего, он вдруг начинал бояться, что блюстители порядка или просто сотрудники подумают на него и постараются в чем-то уличить.

Вот так — насмерть он перепугался, когда украденные Дуче кольца оказались в его кармане. Даже после откровенного разговора с Риммой он не смог оправдаться. Он изводил себя попреками, хотя и не был ни в чем виноват.

И вот теперь он шел в свою следственную часть, представляя свой разговор с Адлесом. Он был уверен, что преступление совершено. Его жена встретилась с Адлесом между восьмью и девятью часами и пробыла с ним до половины двенадцатого. Если бы в этой встрече не было ничего криминального, она сама рассказала бы о ней. И Адлесу нечего было бы оглядываться по сторонам! Да и вообще: по какой такой надобности он заходил к ним, когда его не было дома? Какие у него могут быть дела с Кунбийке?

Решительным шагом — дело ведь успешно продвигалось! — он вошел в здание управления культуры. У дверей своего кабинета его остановил Магомед Султанович. Вытянувшись на носках и обратив таким образом на себя внимание, он распорядился:

— Товарищ Карамов, зайди ко мне на минуту.

Кобека удивил этот официальный тон, и он чуть было не завел нового дела.

— Во-первых, поздравляю тебя! Я, как видишь, держу слово, — и начальник помахал перед его носом той самой газетой. — Но опаздывать и делать прогулы все же не надо...

— Да я, — перебил его Кобек, — не застал Валидова в первый день.

— Ладно-ладно, я понимаю, но могут не понять наши сотрудники, ты ведь это знаешь, нравы у нас другие. — Начальник развел свои насупленные брови и весело добавил: — Я вот что думаю: наверное, одной этой публикации недостаточно. Было бы совсем неплохо, если бы подобная статья появилась в центральной газете... — и он даже дернулся от собственной дерзости.

— Понимаю, — проговорил Кобек.

— Вот и прекрасно! Вам о себе писать неудобно — нескромно как-то. Давайте от имени управления сделаем сообщение о вашей деятельности! — осторожно предложил начальник.

— От вашего имени, то есть! — усмехнулся Кобек и, не возражая, повел плечами.

— Только вот что, Карамов: не можете ли вы еще что-нибудь сообщить по этому поводу?

— Понимаю, Магомед Султанович. Я сейчас же примусь за работу...

— Ну, и прекрасно. Вы — способный работник, и я вас ценю, знайте это...

Кобек вышел, и в коридоре ему повстречался улыбавшийся Адлес.

— Вчера тебя все управление искало, все были на ногах, думали, что ты заболел, — обеспокоенно сказал он, заходя, следом за ним, в кабинет.

— Поздравляем вас, Карамов! — в один голос протянули девицы, оторвавшись от вязания.

— Спасибо! — ответил Кобек, почувствовав какую-то неловкость. А рукодельницы одарили его почтительными взглядами.

— Да и я, конечно, тебя поздравляю! — сказал Адлес, протягивая руку. Правда, хорошая статья, — ознакомив приятеля со своей объективной оценкой, он прибавил: — А ты, как я вижу, не так-то прост.

— Что это значит? — удивился Кобек.

— Ну, как же: и печать у тебя козырная, и доклад — все честь по чести! — похвалил его Адлес.

Кобек промолчал.

— Утром чаек пил? — входя в роль инспектора, спросил Кобек, не чувствуя, что его вопрос не столько неожиданный, сколько нелеп.

— Пил, конечно, — усмехнулся Адлес.

— А с кем, если не секрет? — спросил Кобек.

Адлес озадаченно посмотрел на него:

— С семьей, разумеется.

— С чьей это семьей?

Адлес рассмеялся:

— Со своей, конечно, не понимаю я что-то ваших вопросов.

Услышав этот ответ, Кобек пометил в своем протоколе: темнит.

Кобека озадачило это обращение — на «вы», и он признался себе, что не удовлетворен допросом. «Дурака из меня делают, наверняка уже обо всем договорились!»

Кобек не хотел, чтобы Адлес догадался о его подозрениях. Во-первых, он боялся, что они не так уж основательны, и тогда Адлес будет оскорблен, хотя это, конечно, пустяки; больше всего он боялся ущемить собственное самолюбие, заподозрив свою жену в связи с Адлесом. Если же окажется, что они в самом деле спелись — а он и хотел, чтобы так было, и надеялся на это — тогда его намеки могут спугнуть «голубков».

— Ну, да ладно, — ослабив свое давление на подследственного, он побарабанил пальцами по стеклу и спросил: — Как вы тут без меня?

— Я же сказал: искали тебя... Ну, и статья, конечно. Все о ней говорят. Ты у нас теперь популярная личность — ученый!

— А ты мне не звонил? — Кобек осторожно продолжил допрос.

Звонил вчера, начальник меня попросил, невозмутимо отозвался Адлес.

Это наигранное, как ему показалось, спокойствие, так же как то, что Адлес прикрылся начальственной директивой, показалось Кобеку весьма подозрительным; настораживало и то, что Адлес не сразу сказал, что искал его. И все же Кобек не стал держать при себе главный козырь:

— Я еще дома не был. А ты, случайно, не заходил ко мне? — спросил Кобек и впился в подозреваемого своим наметанным, профессиональным взглядом.

— Ах, да, — усмехнулся Адлес, — сегодня я в вашей стороне был — на рынке, а на обратном пути — дай, думаю, загляну, может быть, ты уже вернулся? — и Адлес надолго замолк.

— Так-так, — не выдержал паузы Кобек.

— Только вот дома никого не застал, и дверь мне не открыли.

«Кунбийке же была дома!, — чуть было не вырвалось у Кобека, но он сдержался. — Как только он уйдет, позволю Кунбийке и узнаю, почему это она не открыла дверь? Неужели и правда, не открыла? Или?.. Ну, а если бы звонил я? Мне-то ведь она открыла сразу? Что-то не сходится!» — решив, что подследственному все равно не уйти от ответа, он насмешливо взглянул на него.

Адлес спокойно следил за Кобеком, и на его лице ничего нельзя было прочесть.

«Ах ты, лисица! Ну, постой же, я поставлю тебе капкан!» — уверенно заключил инспектор, державший в своих руках все нити преступления.

— А ты знаешь, — сказал Адлес. — Я собираюсь на днях в командировку, в твой райцентр: им нужен хороший сценарий для праздника животновода. Заодно думаю посмотреть и твой памятник. Не случайно ведь такой шум поднялся!..

— Давай-давай, — поторопил его Кобек, взвешивая на весах правосудия все показания Адлеса.

— У нас, что ни говори, общее дело, — объяснил Адлес.

«И не только дело», — хотелось сказать Кобеку, но он вспомнил, что в интересах следствия он не должен быть столь несдержан.

— Пойду к себе, а ты заходи, когда освободишься, — потолкуем, — и Адлес направился к двери.

— Не берите трубку! — крикнул Кобек девицам — телефон в комнатах был параллельный. — Хорошо! — прокричали они в ответ.

Кобек набрал свой домашний номер и услышал голос жены.

— Кунбийке, — вежливо так сказал Кобек, чтобы девицы не догадались, в какой он сейчас роли, — до моего прихода кто-нибудь приходил к нам?

— Я же тебе сказала, что никого не было, — резко отозвалась его «голубка».

— А может быть, кто-то звонил, а ты не открыла?

— Да не звонил мне никто, что за странные вопросы? Допрашивай других! — возмутилась она.

— Ты не понимаешь меня. Тут один человек приходил и сказал, что искал меня. Говорил, что звонил в дверь, но ему не открыли...

— Говорят же тебе... — отрезала жена и вдруг осеклась. — Я, кажется, выходила к соседям, посмотреть, как там дети. Ну, да! Совсем недолго пробыла у них. Но, может, тогда и приходил твой знакомый?

— Он и твой знакомый, — съязвил Кобек, но тут же, опасаясь пересудов, кротко продолжил: — Как же ты ходила? В ночной рубашке?

— Так они же дети! — всхлипнула его оскорбленная «голубка» и бросила трубку.

Сконфузившись, Кобек с силой надавил на рычаг. «Значит, так: появление Адлеса в доме увело следствие в сторону, — размышлял он, — но остаются чашки...»

В кабинет вошла доносчица Хабиба: в руках у нее были спицы, клубок зеленых ниток и сплетенная из них дневная норма.

— Товарищ Карамов, вас зовут, — сказала она.

— Что это вы ко мне по фамилии, да еще на «вы»? — раздраженно проговорил Кобек.

— А как же еще? Со вчерашнего дня все вас так зовут. Вы теперь — наша достопримечательность. Вчера целый день звонили и только так вас и называли: товарищ Карамов да товарищ Карамов!

Ничего не ответив, Кобек подался к начальнику.

Магомед Султанович взглядом велел ему присесть.

— Наше мероприятие всю область поставило на ноги, — начал он, — нам звонят из района, из треста, даже из обкома уже интересовались. Мои друзья из главка предупредили, чтобы у нас все документы были в порядке: возможно, придет комиссия. Может быть, большие люди заявятся, — пугаясь собственных слов, начальник вытаращил глаза и прижался к стенке.

— Раньше надо было суетиться, я ведь давно предупреждал о работах на Белой горе! А теперь им, конечно, обидно: они ведь немало сделали для открытия карьера, — ничуть не волнуясь, проговорил Кобек.

— Я предупреждаю: нам надо быть готовым к любым неожиданностям, — твердо сказал Магомед Султанович и добавил как бы между прочим: — Предупреди девушек: пусть не болтаются по городу, вовремя приходят и пусть знают, что у них за дела в присутственный день...

— Хорошо, — ответил Кобек и вышел из кабинета.

В другой раз он ни за что не послушался бы его: чего это ради он должен передавать его распоряжения! Но сговор с ним обязывал, и как-то незаметно между ним и начальником наладились «взаимовыгодные» отношения.

— Девушки, — обратился он с порога к своим сотрудницам и сразу же, как в былые времена, выпрямил спину, — пора подумать о дисциплине! Не сидите без дела, и хватит заниматься надомным трудом, с этого дня не должно быть ни опозданий, ни этих вечных отлучек! И поменьше крутитесь во время работы в общественных местах!..

— Товарищ Карамов! — в один голос вскрикнули девушки.

— Оказывается, и в вас сидит чиновник, — подколола его вольнолюбивая Хабиба.

— Я не шучу, мои дорогие! Возможно, на днях прибудет комиссия, — с последней фразой он кое-как вернулся в свое привычное состояние.

— Тогда понятно, — проговорила Фатима, откладывая спицы в сторону.

Кобек кашлянул И прошел в свою комнату.

— Что я вам говорила! — хвастаясь своей проница-тельностью, прошептала Фатима.

«Нет-нет, администратор из меня не выйдет, да и не прельщает меня это. Я хочу быть вольным человеком. Неплохо было бы поступить в аспирантуру, защитить диссертацию, сделать что-то в науке — белых пятен в ней хоть отбавляй. К этому и надо стремиться, — он уже стыдился того, что минуту назад чуть было не превратился в чинушу. — Наверное, это моя рабская зависимость дает о себе знать!»

Немного успокоившись, он принялся за обещанную статью. «Надо сделать так, чтобы он не смог ничего позаимствовать! — наставлял он себя, перерабатывая и меняя тон своего доклада. В такой статье он видел резон, и даже подпись начальника могла, по его мнению, пойти на пользу делу. Закончив работу, он вообразил себе последствия: — Это — все, чем мне не жаль с ним поделиться! А если он станет требовать дополнений, придется пойти на конфликт, — и, представив этот неизбежный скандал, Кобек возликовал. — Так ему, подлецу, и надо!» — и Кобек с сожалением взглянул на поверженного начальника.

Минуту спустя Кобек преспокойно вошел в его кабинет.

Взяв статью, начальник попросил его сесть, а прочитав, с усмешкой посмотрел на Кобека:

— Негусто, — сказал он, — и все из того же доклада — ничего новенького.

— Для статьи в газете — этого вполне достаточно.

— Ты не хитри, Кобек.

— Я и не хитрю.

— Мы же с тобой обо всем договорились, — и начальник заглянул ему в глаза. — Ты ведь не собираешься отказываться?

— ...

— Теперь уже ничего у тебя не выйдет. Я свой уговор выполняю, только бы твоя шифровка не оказалась блефом...

Кобек молчал.

— Не нравится мне что-то твое поведение, Кобек! другие-то подчиненные своим начальникам кандидатские пишут. Ну, да ладно! Где же взять таких работников! Теперь будем ждать, как откликнется на наше сообщение центральная пресса! — улыбнулся начальник, ласково поглаживая газету.

— Я могу идти? — спросил Кобек.

— Неискренен ты со мной, Кобек, — покачал головой начальник. — Ну, иди!

И Кобек пошел к себе. Уединившись в своем кабинете, он долго размышлял над созданным положением.

Ему вдруг стало ясно, что, отдав начальнику статью, он совершил большую ошибку и что это, по-видимому, первый шаг к его капитуляции. «Крепко же он повязал меня! Как быть? Что предпринять? — сокрушался он. — С одной стороны, эта статья необходима, и мне, дураку, надо было поставить под ней свою подпись. А может, пора уже разоблачить шефа? — подумал он. — Только ведь он в случае чего спокойно откажется от своих слов, а я тогда останусь ни с чем, да еще прослышу доносчиком. Но чего я, собственно, боюсь! Он ведь, по сути дела, ничего не знает об этой работе! Теперь только надо набраться смелости и отказаться от сделки. Это единственный выход! — успокоил он себя.

Исследовав производственный конфликт, он обратился к не менее сложному — семейному. Итак, я веду это дело,» — и, настроив себя на деловой лад, он занялся просчетом всевозможных вариантов...

Часть третья. *Урна*

Конечно, Аман-Гирей мог бы проделать верст сто и воздвигнуть курган на берегу Кубани. Мог бы. Но куда вернее предположить, что он воздвиг его у реки Кумы. И, если это действительно так, моя гипотеза о том, что этот череп принадлежит Мейлек-хан, неверна. Тогда же, когда я познакомился с Кобеком, он сделал предположение о том, что тот курган мог быть захоронением иноверки. Ах, как я жалел, что я не антрополог и не в состоянии провести настоящих научных исследований! А впрочем, ни один, даже самый опытный специалист, не определит наверняка расовую принадлежность кубанских ногайцев. Еще в половецкую эпоху ногайцы в южно-русских степях были ногайцами лишь наполовину, а то и на четверть — смешанных браков было тогда предостаточно, и это сказалось также и на донских и уральских казаках. Но еще большие изменения произошли с ногайцами Кубани: здесь почти не найдешь семьи, в которой не было бы родни среди черкесов или абазин, карачаевцев или кабардинцев. И если степные ногайцы сохранили монголоидный тип лица, подаренный им, как видно, во времена монгольских или калмыцких завоеваний, то среди кубанских ногайцев очень часто встречаются и чисто кавказские, и славянские лица. Стоит ли удивляться, если один из моих собственных дядей, ныне покойный — да упокоит его зем-

ля! — принадлежал к роду Унаж, который вел свое происхождение от черкесов. В далекие времена переходы родов из одной этнической группы в другую были делом привычным. Я, например, встречал целые ногайские роды среди осетин и чеченцев, кумыков и адыгейцев; и даже у народов, не сохранивших родовой структуры к примеру, у русских или украинцев, болгар или поляков — нередки ногайские фамилии. Совершенно ясно, что в формировании ногайских родов «замешаны» представители разных народов. Ну, так вот: мой покойный дядя рассказал мне однажды о том, что одна из его прабабушек была русской. И в те самые дни, когда я был так увлечен костяным ликом, я воочию увидел русоволосую женщину в длинном ногайском платье с серебряными застежками, зеленом узорчатом кафтане и белом тастаре на голове. Я сразу же проникся сочувствием к ней, ведь трудно было даже представить все те страдания, которые выпали на ее долю. Была ли она жертвой рока или пострадала от человеческих страстей, которыми всегда изводит себя род людской, неизвестно. Она только смотрела на меня горящими угольями глаз и ничего не просила: такая она была и такой хотела остаться в нашей памяти.

Хота и Мария

Седьмой год Мария жила в этом предгорном ауле. Людям она была мила, и уже никто не вспоминал, что Марушка — так они ее называли — иноверка. Она выучила их язык и придерживалась их обычаев: чего же еще! От своих ровесниц она отличалась, быть может, только какой-то особенной споривкой: все горело в ее руках. Своего старшего сына она назвала Ваисом — и это имя она выбрала не случайно: в русской станице у нее остался сынок Василий. А младшего сына, появившегося на свет двумя годами позже и такого же, как она, светлогожего и русоволосого, звали Болатом.

Мария давно смирилась со своей судьбой, которая была к ней так немилосердна. Прежняя жизнь представлялась теперь

как сон, а порой ей казалось, что ее и вовсе не было: вспоминая бесконечную дорогу, по которой ее гнали сюда, она невольно думала и о прошлом. Но бессонные ночи и неволю хотелось навсегда поскорее забыть. Как волшебная сказка, виделись ей очертания милой станицы, но те давнишние образы счастливой жизни мешались с тревогами нынешней действительности. Вдобавок ко всему Мария стала мусульманкой, и ее новый бог требовал от нее отказа от несправедного прошлого. «Ничего и не было! Не было!» – уговаривала она себя, стараясь забыть и иконописного бога, и свое детство, и подруг, и прежнего мужа. Только воспоминания о сыне еще будоражили душу, и она бы многое дала, чтобы хоть разочек увидеть его или хотя бы получить от него весточку. Даже двое ее новых сыновей не отбили у нее этой охоты. Изнывала от жалости ее душа, и, даже зная о том, что им уже никогда не повстречаться, она не могла поверить в гибель сына. Страшила ее мысль: как же это – нет на свете ее Васечки! Шепча молитву, она просила за всех своих сыновей, пусть все они живут в мире и согласии, ей на радость, а Василий пусть хоть иногда вспоминает свою пропавшую мать. Воспоминания о нем приходили к ней вместе со сном, и самыми сладкими мечтами были мечты о его счастливой жизни...

Два мира: тот, в котором она родилась и выросла, и тот, где она теперь оказалась, были никак несовместимы, но оба жили в душе Марии. С детства она была напугана слухами о грозных татарах и хорошо представляла себе отношение ее соотечественников к ногайцам... Но теперь, живя в ауле, она поняла, как непримиримы мусульмане ко все более распространяющимся свое влияние иноверцам. Но так уж получилось, что дочь крещеных родителей стала матерью двух мусульман...

* * *

Босоногие дети в длинных холщовых рубахах, еле переводя дыхание, бежали в сторону станицы.

– Татары! Татары!

Не успели дети добежать до крайних хат, как из-за пригорка показались первые всадники. Вопли женщин и удалые выкрики казаков смешались с грозным топотом копыт. Конный отряд ворвался в селение. В один миг загорелись камышовые крыши. Раздались выстрелы, свист стрел, сабельный звон.

Ужасом наполнились сердца людей. Душераздирающие крики и стоны раненых неслись отовсюду. Казаки, вооружившись чем попало, выбежали на улицу и вступали в бой, но одних настигали выстрелы, другие валились с ног, запутавшись в метко накинутах аркане, а самые удачливые, завладев конем, уносились прочь от станицы. Всадники преследовали бежавших по улицам и, опутав их арканом, волочили по земле...

Станичник Андрей, забежав в хату, сорвал со стены ружье и, тотчас выскочив на улицу, прицелился во всадника в косматой папахе. Рука его не дрогнула, и всадник со стоном полетел с коня. Тогда Андрей забежал в хату и, забросив за спину ружье, вооружился саблей.

– Что же это делается? Боже всемилостивейший, спаси нас! Басурманы проклятые! – услышал он голос матери, вбежавшей в хату с трехлетним мальчиком на руках.

– Где Мария, мать? – прокричал казак.

– Пошла к соседям и не воротилась. Ой ты ж господи, что же это будет-то с нами! – заголосила женщина.

Андрей выскочил на улицу и вывел из загона оседланного коня.

– Давай сюда Ваську, мать! – закричал он, подтягивая подпруги.

– Боже мой, боже! – женщина с воплями выбежала из хаты, прижимая к груди ребенка.

Андрей вскочил на коня.

– Давай сюда парня! – прохрипел он, протягивая руки.

– Родимый ты мой, куда же ты с мальчонкой? – будто опомнившись, вскрикнула старуха.

Мальчик, почувствовав неладное, заревел на руках.

– Бежать надо, а то все мы под самый корень погибнем! – проговорил Андрей, поудобнее усаживая перед собой мальчика.

– Ой-ой-ой! – запричитала мать, – сынок ты мой, что же нам-то делать? Как жить без тебя – опоры нашей?

– Не плачь, мать. Так я хоть парня спасу, а вы с жинкой в погребе ховайтесь. Вас не тронут. Басурмане сейчас на детей да на мужиков охотятся, в туретчину увозят, в рабство...

Крики и выстрелы не утихали в станице. Налетчики рыскали по казацким дворам, вылавливая людей, и сгоняли всех на майдан. Треск бичей заглушал вопли детей и женщин.

Биймурза, Адиль и Хота ворвались в дом атамана. Женщин и детей они загнали в сарай, приставив к ним

Хоту для охраны. Заглянув в погреб, Биймурза обнаружил там седовласого атамана. Он позвал товарища и, наставив на атамана пистолеты, они вывели его на улицу.

– Хота! – Биймурза окликнул мужчину, который колом подпирал сарай. – Здесь, видать, добра на всех хватит. Дос-тань-ка пару повозок и лошадей самых лучших, а мы пока развяжем рот этому молодцу.

Хота вскочил тот же час на своего серого мерина и помчался исполнять приказание.

На улице он увидел джигитов, сгонявших пленных к майдану.

– Чего невесел, Хота? Добыча такая, что, если доведем до Кубани, все богачами станем! – прокричал его односельчанин – бедняк Торгай, оказавшийся в отряде по какому-то недоразумению: пробатрачив на стороне, он возвращался в аул и наткнулся на отряд. Так – в оборванной овчинной шубе, подпоясанной каким-то рваным лоскутом, – и подался в станицу.

– Арба нужна, – ответил Хота, не одобряя, как видно, радости односельчанина.

– Арба-то в каждом дворе есть. Ты лучше коня поищи. Я как раз видел одного оседланного и без всадника, но как пленных бросишь? – и он показал рукояткой камчи, где может быть конь.

Хота послушался его и вскоре действительно увидел оседланную лошадь. Она ходила кругами вокруг своего хозяина, убитого наповал казаком Андреем. Улица была пуста, и Хота хотел уже спрыгнуть с коня, как вдруг до него донесся крик из открытых дверей хаты. Такое отчаяние было в том крике, что Хота не сдержался и поспешил в хату. Войдя в сени, он увидел молодого парня, нависшего над испуганной женщиной. При появлении Хоты парень растерянно улыбнулся и отпустил женщину, и та, воспользовавшись моментом, забилась в угол, стараясь прикрыть наготу. Хота не любил вмешиваться в такие дела, но в ушах его стоял тот отчаянный крик, да и наглость парня, забывшего стыд и даже не подумавшего о том, чтобы уйти при виде старшего, раздражала: парень, как видно, ждал, пока уйдет Хота, чтобы его старания не пропали даром. Пришлось Хоте отивырнуть нахала к дверям.

– Пакостник ты! Щенок! – выругался он.

Женщина, вытирая слезы, собирала обрывки платья и прикрывала ими свое тело. Ее белое лицо стало багровым, ру-

сая коса, обернувшись вокруг шеи, спустилась на обнаженную грудь. Моля о пощаде, она посмотрела на Хоту, и этот взгляд заставил его содрогнуться. Подавив смущение, он постарался ничем не выдать своей слабости. Но парень, похоже, не соби-
рался уходить, напротив: глядя прямо в лицо Хоте, он как бы говорил – ну, что, и тебе приглянулась красотка!

Хота гневно взглянул на него и приказал:

– А ну-ка дай ей одеться!

– А вот же платье! – парень подскочил к сундуку и выта-
щил оттуда целый ворох. – Пусть выбирает!

И подошел вплотную к ней.

– Отойди! – завопила охваченная страхом женщина.

Хота понял, чего она хочет, и приказал парню идти за
ним. Во дворе парень остановился, и было видно, что идти даль-
ше он не намерен.

– Что ты все вертишься? Чтобы ноги твоей тут не было!
– пригрозил ему Хота.

– А как же она? – улыбнулся парень, показывая на хату.

– Не твое это дело! Иди себе! – и, немного успокоившись,
добавил: – И я пойду ...

– Но ведь... – запнулся парень, – если не я, то ктонибудь
другой все равно...

– Что – все равно?

– Ну, как же, – замаялся парень. – Все равно заполонят
такую красотку, за нее ведь немалые деньги получить можно.

Хота смерил его взглядом:

– Тогда я возьму ее с собой!

– Но это же моя добыча! – недовольно проговорил парень.

– Пошел прочь! И чтобы ноги твоей здесь не было! –
разгневался Хота.

Оставшись ни с чем, что было, на его взгляд, крайне не-
справедливо, парень изо всех сил хлестнул своего коня и, пере-
скочив через изгородь, помчался по улице. Хота вспомнил об
убитом и, подойдя к нему, перевернул на спину. В убитом он
узнал своего земляка, многодетного Канбулата. «Вот ты и
разбогател, Канбулат! Осчастливил своих сирот! – горестно
вздохнул Хота. – А может быть, нас всех это ждет!» – и он
снял с убитого оружие, чтобы передать его семье. В таких набе-
гах было не до похорон, и если знатных воинов иногда и уноси-

ли с собой, то простолудинов – никогда. Случалось, правда, что в набегах участвовали родственники – вот они, соблюдая обычай, иногда предавали своих близких земле.

Хота приторочил ружье Канбулата к седлу его коня и собрался было восвояси, но увидел вдруг голову того парня, затавившегося за углом дальнего дома. «Не оставит он в покое женщину!» – решил Хота.

– Что же делать, если не я, то кто-нибудь другой заберет тебя, – проговорил он и вошел в хату.

Насмерть перепуганная женщина продолжала рыдать.

– Бери свои вещи и пойдем! – приказал ей Хота.

Женщина долго не понимала, что от нее требуется, а поняв, с испугом взглянула на него.

– Ничего же не понимает, – буркнул себе под нос Хота и начал складывать вещи женщины в свою суму. Потом он подошел к ней и, сжав руку, потащил ее из дому. Мария поначалу вырывалась, но, увидев во дворе своего насильника, подчинилась воле Хоты.

– А я-то думал, что ты давно ушел – оставил ее! – парень, как видно, не мог смириться со своим поражением. – А может, все-таки уступишь мою добычу, все равно ведь потом будем делить и пленных и скот!

– Уйди с глаз моих! – сорвался на крик Хота.

Парень отвел коня в сторону и оттуда, как и прежде, следил за каждым шагом Хоты: его соперник привязал к луке своего седла коня убитого Канбулата и двинулся в путь. Парень сопровождал его до дверей атаманского дома, но, увидев там Адиля и Биймурзу, понял, что на поживу рассчитывать не приходится, и, огрев своего коня плетью, умчался прочь.

* * *

Казацкий скот, отбитый еще до нападения на станицу, абреки погнали по малоизвестной разбойной тропе. А в станице было взято все, что можно было увезти, и главное – оружие: арбы были завалены бочками с порохом, лошадиной сбруей, красовалась на арбе и казацкая пушка. Разбойная тропа проходила в стороне от основных дорог, через укромные ложбины и овраги: эту тропу давно уже приглядели абреки. На ней казаки ходили на ногах, ноги нападали на казачьи

станции, промышляли тут и крещеные калмыки, и живущие в отдалении черкесы...

В ту пору особенно тревожно было в этих краях. Хотя не одно поколение ногайских владык присягало белому царю, туркам удавалось разрушать этот союз. Так произошло и на этот раз: турецкий султан Мустафа послал мурзе Касая фирман, приказав полностью подчиниться крымскому хану и привести с собой войско для сражения против москвитян, которые замыслили, как он уверял, набег на султанские владения. Этот фирман обошел всех кубанских старейшин, и никто из них не выступал самолично против российских князей. Ногайские мурзы укрепляли свои отряды и ожидали приказа верховного. В это смутное время промышляли разбоем только те, кто, тайно от властей сколотив отряды, не желал упустить свою добычу. Набегам этих головорезов подвергались не только казачьи станции, но и селения соплеменников, с которыми они что-то не поделили; нападали они и на другие племена, обретавшиеся в этих краях.

Дитя любви, как звали в народе Адилья, был сыном кубанского султана Магомед-Гирея и его наложницы; не получив после смерти отца никакого наследства, он снарядил отряд из вольных людей. Его сподвижниками стали удалыцы, желавшие только одного: прославить свое имя и, при случае, разбогатеть. Его друг Биймурза, бывалый разбойник, участвовал во многих набеггах – в народе его знали как кутилу и мота – и помогал Адилью в наборе людей. Много лет назад Адиль и Биймурза были вместе в плену у казаков. Братья Адилья, хотя и не питали к нему родственных чувств, выкупили его тогда, а уж потом Адиль со своими людьми выручил и своего друга. Но не образумились молодцы и, несмотря на постоянную опасность, продолжали заниматься этим ремеслом. По закону набегга десятая часть всей добычки доставалась вожакам отрядов. Адиль и Биймурза больше всего ценили полон, простые люди уступали им своих пленников по дешевке, а вожакам это сулило большие барыши, они были уверены, что в Анапе турки заплатят за них хорошие деньги. Вырученные монеты дружки успешно проматывали в греческих и турецких кофейнях или в других значных местах в них никогда не было недостатка на черноморских базарах.

На этот раз в отряд попали даже оборванцы, не имевшие не только достойного оружия, но и хоть какой-то сноровки в молодецком деле. Уговоры велись тайно.

Хоту же призвали в отряд как хорошего воина: он уже отличился в нескольких сражениях в отряде своего князя. Несчастья так и преследовали молодца: после недавней эпидемии чумы Хота остался без родителей и без молодой жены, которая даже не успела родить ему наследника, а за нее он отдал весь свой скот. Тридцатилетний мужчина остался в пустой сакле, без жены и близких. Все, что у него было, – это отцовский мерин, оружие и небольшой княжеский надел, на котором даже сеять не пришлось в этом году. Хота целыми днями пропадал на охоте, а возвращаясь домой, слонялся без дела, иногда помогал соседям и родственникам, нужда заставляла его идти в холопы. И, как это ни было позорно, ничего другого ему не оставалось. Заносчивые родственники, которые почти все служили при султанском дворе, отвернулись от него, а Хота был не из тех, кто взывает о помощи. Род их – Унаж – был из ногайских черкесов и издавна служил при султанах; сначала он отличался от других тем, что сохранял свое наречие, но потом и это отличие стерлось: в роду Унаж, почитавшему все ногайские обычаи, стали привычными смешанные браки, и дети черкесов заговорили по-ногайски ... Род Унаж славился храбрыми воинами. Удальцом показал себя и Хота в последних сражениях, но приглашали его в набег с большой опаской, боясь, что это станет известно князю. Биймурза несколько раз посещал жилище Хоты:

– Мы знаем, как ты владеешь саблей, и хотим, чтобы ты был с нами. Негоже такому молодцу прозябать в пустой сакле! Развеяться тебе надо! А удаль – от печали верное средство! – уговаривал Биймурза, вкрадчиво глядя в синие глаза Хоты.

Сначала Хота не дал ответа. Биймурза, уходя, похлопал его по плечу и попросил:

– Ты, парень, смотри – не скажи родственникам о том, что я тебе предлагал, а то они проболтаются султану, и тогда и тебе, и нам несдобровать.

Хота был смиренным человеком и не хотел идти на запретное дело. Но оно обещало достаток, а тогда можно было бы иметь жену, а потом – и детей, и он мог бы жить как все люди... Хотя и риск, как он понимал, был немалый: в лучшем случае его ждал плен, а скорее всего – погибель. Сомнениям его Биймурза положил конец, задев его за живое:

– Ну что ты боишься за свою голову? Конечно, могут убить. Но иначе ты всю жизнь будешь рабом и, в лучшем случае, на

старости лет купишь себе жену, тебе тогда и дети не нужны будут! Такому, как ты, джигиту не подобает так жить! – сказал он с укором.

– Не боюсь я! – выкрикнул Хота. – Только грех без причины грабить!

– А сколько они мусульманских аулов разорили, сколько скота угнали? Если не мы их, то они нас разорят, разбой никогда не прекратится. Не ты и не я выдумали это. Сейчас князь боится нарушить слово, данное туркам, а не то сам бы повел людей в набег. Не бойся ты!

– Не боюсь я! – опять закричал Хота, а потом, не глядя на Биймурзу, спросил: – Где вы собираетесь?

– Вот и хорошо! Сбор будет у крепости, где Кубань сливается с Урупом, на Новом броду, – обрадовался Биймурза.

– Я буду там! – проговорил Хота.

Сабля Хоты была наточена, порох к пистолету обещал Биймурза... Свернув бурку, он привязал ее к седлу и, сев на своего серого мерина, ночью прибыл к Новому броду...

* * *

Далеко впереди обоза всадники в папахах, размахивая бичами, гнали многочисленный скот. Обоз, состоявший из казачьих подвод, сопровождали вооруженные всадники. Крики воинов, рев скотины, стон и проклятия полоненных, скрип колес смешались в тяжелый гул. Связанные пленные сидели или лежали в подводах – по несколько человек в каждой. С испугом смотрели они на надвигавшийся горизонт за далекими бурными холмами. Со слезами на глазах оглядывались на детей, сидевших в тесных переметных сумах на спинах сменных лошадей. Всадники беспокойно торопили коней, покрикивали на аробщиков, чтобы не отставали, торопили и друг друга. Третий день двигался отряд, делая привалы только по ночам. Днем сами ели и кормили на ходу пленных.

В арбе Хоты лежали два бочонка пороха, разная утварь, оружие, мотки холста, добротные овчинные шубы – все это вожак отряда отдал Хоте, себе же они оставили сундучок с атаманской казной; завернутый в бурку, он тоже лежал в арбе. Забылась в слезах молодая казачка – добыча Хоты. Она могла оказаться и в другой арбе, ведь сразу несколько всадников попытались увезти ее, но опять вступился Хота. Прихо-

дя в отчаяние от прикосновения других рук, Мария почему-то сникала, когда подходил Хота, и, хотя он не мог ее утешить, затихала. Только когда связанных пленников рассаживали по повозкам, она бросилась бежать, и Хота, может быть, даже отпустил бы ее, но, увидев, как Биймурза, презградив ей дорогу, обнял ее своими лапищами, он не выдержал и, торопливо вырвав ее из рук вожака, потащил к своей арбе и кинул в повозку. Во время пути Хота несколько раз и почти насильно напоил ее, но от еды она отказывалась, хотя сородичи уговаривали ее поесть, чтобы сохранить силы: все они надеялись, что казаки нагонят ногайский обоз и отобьют их у разбойников. Мария ни на кого не поднимала глаз и всю дорогу молчала: слезы душили ее. Подъехав к арбе Хоты, Адиль прямо с коня рукоятью камчи повернул к себе ее голову и оценивающе взглянул на ее осунувшееся заплаканное лицо.

– Хороша девка! Очень хороша! – цокнул он языком и, свысока посмотрев на Хоту, спросил, как приказал: – Продай!

– Нет, не продам! – грубо отрезал Хота.

Адиль состроил гримасу, показывая, что не подобает так отвечать вожаку, но потом улыбнулся. – Что же ты будешь с ней делать? – скрывая свой гнев, он потирал рукоятью камчи о подол своей оранжевой черкески.

– Это мое дело! Моя добыча! – холодно ответил Хота.

Адиль вопросительно взглянул на ехавшего недалеко Биймурзу. Биймурза расплылся в улыбке и, поглаживая стриженую рыжую бороду, усмехнулся:

– Понятно, что...

– Товар пропадает! – резко оборвал товарища Адиль.

– Она не девица, хотя и при теле, – хихикнул Биймурза.

– Таковую бы турки для дома свиданий с охотой взяли. Ее приодеть-подучить, и развратный турок на ней богатство сколотит, – и Адиль кивнул на Хоту. – Ты поговори с ним, поговори, пусть продаст, мы ему хорошо заплатим.

Биймурза подогнал коня к арбе Хоты и, наклонившись к его уху, присоветовал по дружбе:

– Ну, скажи, что ты с ней будешь делать? Жить? С ней же позора не оберешься! А на гяурке разве женишься? Даже думать об этом стыдно. Выкупа за нее никто не даст. Подумай, Хота!

– Сам разберусь! – проговорил Хота, не повернув головы к всаднику.

Останавливались они только глубокой ночью. Дозорные рассыпались в разные стороны. В лагере огней не зажигали, ели сухомятку: хлеб и сушеное мясо запивали водой и кислым молоком. Хота спал возле арбы, закутавшись в бурку. В первую ночевку в степи он проснулся от крика пленницы и увидел в темноте силуэт подкравшегося к арбе мужчины. Хота вскочил на ноги и, недолго думая, стукнул негодника кулаком по голове. Незнакомец, застонав, упал. Навалиясь на поверженного, Хота узнал в нем того самого юнца, которого запомнил еще в станице. Подняв его на ноги, он пнул его коленом под зад:

– Марш отсюда! А следующий раз тебе несдобровать! Щенок! – выругался Хота и, подойдя к арбе, погладил рукой всхлиывающую Марию и укрыл ее своей буркой.

* * *

Степь кончалась, на горизонте замелькали обросшие зеленью берега Кубани. Чем дальше продвигался отряд, тем плотнее обступали его деревья. Вскоре обоз оказался в глухом лесу. Лица всадников преобразились, они побужденно переговаривались, а кто-то даже затянул песню. Пленникам и без слов было понятно, что разбойники приближаются к родным местам. Но то, что конец пути не принесет им радости, понимали все, кроме детей. Надежды на освобождение не осталось ни у кого. Теперь их могло спасти только чудо. Женщины и девушки молились и просили бога сотворить это чудо, мужчины морщили лбы, предчувствуя новые испытания. Были и такие, как Мария, сломленные и думавшие только о смерти, – единственной избавительнице от постигшего их несчастья.

Убитая горем Мария глядела по сторонам невидящим взглядом и тихо стонала, не находя слез – для рыданий и сил – для крика. Управлявший арбой Хота, когда уже не в силах был терпеть эти стоны, оборачивался к пленнице и постукивал ее концом кнута, пытаясь остановить, но она, если и замолкала, то ненадолго, а потом все начиналось сначала.

Для стоянки на берегу Кубани выбрали просторную поляну. Гнавшие скот первым делом отыскивали – чуть выше по течению – место для водопоя, потом согнали всех пленных, усади-

ли на землю и принесли в бурдюках воду. Приставив к ним часовых и послав воинов в дозор, они дали отдых и себе самим.

Хота снял с себя черкеску и сапоги, оставшись в беешмете и шароварах, босым прошелся к воде, у воды снял пояс с оружием, положив папаху на траву, вымыл руки, лицо, уши, побрызгал водой на бритую голову, после сел на прибрежный камень и долго сидел, опустив ноги в воду.

Молодые джигиты зарезали упитанного теленка, собрав хворост, разожгли костер и, подкладывая в него сырые дрова, на углях стали поджаривать мясо. Пленные – женщины и мужчины – сидели отдельно, им, как и на других привалах, кинули черствый хлеб и вяленое мясо, в бурдюках поднесли воды. У всех пленных были перевязаны руки одной длинной веревкой. Дети сидели среди девушек и женщин. Потчужа детей, женщины почти не притрагивались к еде.

Мария за все время пути ни разу не оказалась среди остальных пленных. Когда делали привал, Хота усаживал ее на свою бурку и привязывал к арбе. На этот раз Хота не привязал ее. Она сидела, опершись спиной о колесо, и, подняв голову к небу, не открывала глаз.

Хота оделся и вернулся к своей арбе; захватив бурдюк, принес воды.

– Марушка, – окликнул он казачку и поднес к ее губам наполненную водой походную деревянную кружку.

Мария открыла глаза, не понимая, чего от нее хотят, и уставилась на его бородатое лицо. Хота взглядом показал на кружку. Мария взяла ее связанными руками и отпила сначала глоток, а потом – словно боясь, что кружку отберут, – выпила всю воду.

Готовившие еду молодцы подали знак, что мясо готово. С деревянными подносами, которые обычно брали в поход, джигиты стали подходить к снятому с огня котлу. К трапезе приступили, разделившись на несколько кругов. Хота сел вместе с Адилем и Биймурзой. Ели шумно, громко переговаривались, кто-то бранился со своим соседом. За кругом, в котором был Хота, сидели чинно, ели молча, слышно было только пощипывание сидевших по соседству едоков. Первым поел Хота. Аккуратно вытерев руки о шаровары и достав из-за голенища сапога нож с костяной рукоятью, он выбрал из остатков мяса хороший кусок. Насадив его на острие, понес к своей арбе.

– Кто солнца не видал, тот днем лампу зажигает! Где же это видано, чтобы раба кормили со своего стола?! – усмехаясь, бросил ему вслед Биймурза.

Другие едоки поддержали его кратким смешком. Хотя дернулся, но не обернулся и, держась в напряжении, быстро дошел до своей арбы и только оттуда сердито посмотрел на Биймурзу. Биймурза сделал вид, что не замечает этого, и впился зубами в телячью лопатку, которую тщательно глодал весь обед.

Мария сидела, как и прежде, оперевшись спиной о колесо и закинув голову назад. Хотя поднял с арбы куржин и поставил перед Марией, на куржин положил нож с насаженным на него куском мяса.

– Ешь! – сказал он еле слышно.

Мария открыла глаза и пронзила его ненавидящим взглядом.

Хота отвел глаза и, достав из торбы, где хранилась еда, сухую лепешку, положил рядом с мясом.

– Ешь, говорю, а то с голоду помрешь! – недовольно проговорил он и отошел от женщины.

Мария глядела в спину удалявшегося Хоты безумным взглядом, но видела не его, а пылавший вдалеке закат. В этой дали, ей казалось, догорала ее родная станица. Истошные крики умирающих, выстрелы, звон клинков, свист стрел – все будто ожило в памяти. Тупая боль заволокла сознание. Вдруг она ясно поняла, что, попав в полон, она навсегда разлучилась со своим сыном, мужем, с родной землей... И в тот же миг присутствие духа, в котором она черпала хоть какую-то надежду на возвращение, оставило ее – что-то оборвалось внутри. «Все кончено! Незачем жить на этом свете!» – блеснула в ее мозгу мысль. – Вот спасение! – прошептала она и протянула руку к ножу. Протерев лезвие о матерью куржина и беспокойно озираясь по сторонам, она с надеждой взглянула на сверкающее лезвие.

Обласкав прощальным взглядом спокойное голубое небо, она обратила взгляд в ту сторону, где лежали ее плененные братья.

– Прощайте, родненькие! – крикнула она, встав на ноги.

– Прощайте! – крикнула она изо всех сил и, сжав нож связанными руками, резким движением вонзила себе в грудь.

Обернувшийся на крик Хота застыл в оцепенении и побежал только тогда, когда тело женщины рухнуло на землю. С

криками повскакивали со своих мест джигиты. Раздались отчаянные вопли пленных.

Хота, подбежав к Марии, разжал залитые кровью руки и резким рывком вытащил нож, затем перерезал веревку, которой были связаны руки пленницы. Подбежавшие мужчины обступили обагренное кровью тело Марии.

– Стерва! Смотри, что наделала! – выругался Биймурза.

– Ни себе, ни людям! – с сожалением проговорил Адиль.

Среди пленных поднялся гвалт, посыпались проклятия и угрозы. Хота растерянно смотрел на кровь, на искривленное от боли лицо женщины, и руки его невольно гладили это лицо.

– Если сердце не задето, то может и выжить, робко проговорил кто-то.

– Главное, чтобы кровью не изошла, – поддержал другой.

– А! Оставьте ее подыхать, теперь она все равно никому не нужна! – буркнул Биймурза и отправился на свое место.

Остальные тоже стали раходиться, с Хотой остались только несколько бедняков. Они помогли ему: кто подал чистый холст, кто поднес воду. Хота промыл рану и осторожно перевязал грудь Марии, затем сделал на арбе удобный лежак и с помощью сердобольных джигитов уложил раненую на арбу...

* * *

Вскоре обоз со скотом, пленными и награбленным скарбом добрался до первых ногайских аулов. Адиль и Биймурза, выкупив пленных, покинули обоз еще на подступах к первым поселениям. Остальных же во всех аулах встречали перекупщики скота и те, кто жаждал обогатиться скупкой награбленного. Ряды участников набега и вовсе поредели, когда Хота добрался до своего аула. Но их, нескольких джигитов, доселе считавшихся одними из самых бедных, в ауле встретили как истинных героев. Аульские мужчины тут же раскупили лишнее оружие и порох, а женщины набросились на холсты и утварь. Хота дал кому-то в долг свой бочонок с порохом. Аульские женщины при виде раненой полонянки плевались в сторону его арбы, бранили гяурку и даже не подошли к повозке. Весть о раненой казачке тотчас облетела весь аул, пошли разные толки, и Хота, решив не испытывать судьбу, после того как занял свой скот за ограду, ночью повез пленницу в соседний аул к своей

дальней родственнице Айшат, одинокой старухе, слышшей в округе знахаркой.

Почти целый год ушел на то, чтобы Айшат поставила на ноги Марию. Хотя, живя у себя в ауле, все это время навещался к больной, приносил все необходимое, помогал старой Айшат по хозяйству. К следующей весне похудевшая, осунувшаяся Мария стала ходить и сама помогала старухе по дому. Она уже понимала по-ногайски и даже пробовала говорить. К старухе Айшат часто обращались люди за помощью и, хотя знахарка скрывала, за кем это она смотрит, да и сама Мария чуралась всех посторонних, люди стали догадываться, кто она такая. Мазанка Айшат была тесной – в ней никуда не спрячешься, поэтому, когда приходили посетители, Мария сидела в углу, не поворачивая головы. Айшат говорила всем, что у нее живет родственница Хоты – не понимающая их язык, но ушлые посетители с недоверием взирали на выглядывавшую из-под платка русую косу и находили подтверждение досужим слухам. Весной, когда зазеленела первая травка и аульчане стали готовиться к пахоте, Айшат сама завела разговор с Хотой.

– Больше ее у меня держать нельзя, – начала она сокрушенно. – Бедняжка и умная, и красивая, и добрая, только какая польза от всего этого? Продай ты ее какому-нибудь богатею, а уж тот найдет, кому ее сбыть.

Хотя исподлобья посмотрел на родственницу, и слова укоризны уже были не нужны.

– Другого выхода нет, – сказала она, разводя руками.

– Это богатеи, ублажив кады да муллу, могли жить с рабынями, и даже детей заводили...

Хотя, устыдившись того, что старуха угадала его потаенную надежду, опустил голову и уткнулся взглядом в земляной пол.

– Да, жалко ее, бедненькую! – старуха погладила волосы Марии. – Но держать ее здесь больше нельзя! Приходил Кривой Белял от князя. Сказал, что князь знает о том, что в его ауле живет гяурка. И лучше, мол, чтобы я по-доброму отдала ее князю. Я опять сказала ему, что не гяурка она, а правоверная, черкешенка, пусть у тебя спросят, сказала. А они не верят, говорят, что это та, которую ты захватил в набеге. Правду от людей не утаишь, Хотя. Делай, как знаешь. Но жить с ней тебе не дадут, а я ведь вижу, как ты по ней скорбишь, да и она к тебе тянется...

– Ладно! – стыдливо оборвал ее Хота, хотя и обрадовался неслезанно ее словам.

– Ты хорошо все обдумай! Простой человек за свою голову в ответе не бывает, а уж за рабыню, тем более за гяурку... Продай ты ее! – и старуха мотнула головой в сторону Марии.

Мария хорошо поняла, о чем идет речь, и содрогнулась от нахлынувшего страха; с жалостью посмотрела она на Хоту.

Хота поймал ее взгляд, и у него тоже сжалось сердце.

– Я подумаю! – твердо сказал он.

– Думать некогда! Вчера всю ночь возле дома топтались всадники, и сдастся мне, что они чего-то выжидают. Захватят во дворе твою девку – и пропадет она задаром, а не то в дом сунутся – силой заберут.

– Не заберут! Пусть только попробуют! – резко отозвался Хота.

Мария благодарно посмотрела на своего защитника. Айшат тем временем зачем-то вышла из дома. Тогда Мария подошла к Хоте, опустилась перед ним на колени и, обняв его своими теплыми руками, приложила лбом к его костистой руке.

– Не продавай меня! – прошептала она по-ногайски.

– Не продам! – и Хота убрал ее руки.

– Ты сегодня не уходи! – сказала Айша, вернувшись со двора.

И Хота остался почевать в ее доме. Ночью, услышав топот лошадей во дворе, он – одетый и при оружии – сорвался с тахтамата и осторожно выбрался из дома. Прислушался, взгляделся в темноту. Заметив силуэт всадника, Хота нагнулся и, наощупь отыскав камень, швырнул его во всадника. Тот зарычал истошно и рванул коня в сторону. Из-за копны сена выскочил другой всадник.

– Чего кричишь как ужаленный?

– Наверное, шайтан стукнул меня в бок, – охая, проговорил первый.

– Ты это брось! Давай ворвемся в дом, заберем девку, и никто не узнает, куда она подевалась!

– Я знахарки боюсь, ведь она, что ни говори, с джиннами знает, – тихо сказал тот, в кого Хота бросил камень; приглядевшись, он узнал в нем Кривого Беляла, того княжеского прислужника.

– Чего ты боишься всяких рассказней! Если так, я сам выкращу девку! – грозно прикрикнул второй всадник и направил коня к дому.

Хота сделал предупредительный выстрел. Шарахнулся в сторону конь ретивого смельчака.

– Бежим! Кажется, здесь сам хозяин девки! – раздался испуганный голос Кривого Беляла, и Хота увидел, как он повернул коня и исчез в темноте.

Хота еще немного постоял, проверяя, не вернутся ли насильники, но, убедившись, что никто больше не нарушит покой этого дома, пошел обратно. Открыв дверь, он увидел перед собой Марию, и не успел он даже слово сказать, как она обняла его. Хота ощутил ее тепло, ее страх, рука его отставила ружье, и он обнял женщину за мягкие плечи, прижался к ее щеке губами, страстно вдыхая ее запах и прислушиваясь к ее частому дыханию...

На следующий день, посадив Марию в арбу, со скотом и скарбом он двинулся в горы, где была та делянка, что досталась ему от покойного родителя. Участок был далеко от людских поселений, среди горного леса. Хота поставил войлочную кибитку, соорудил загон для скота и перво-наперво стал строить надежное жилище на зиму. Очень скоро он сплел из ивы стены, потолочное перекрытие, нашел глину и, вместе с Марией, возвел глинобитный дом. Все лето Хота трудился на поле, а Мария пасла скот, доила коров, готовила еду, обстирывала мужа. Выросшая в трудолюбивой казацкой семье, она с малых лет привыкла к работе, а когда ей исполнилось пятнадцать, они с братьями лишились родителей и все заботы по дому легли на ее плечи. Она даже не смогла, как другие казачки, вкусить девичьих радостей, у нее просто не было времени ходить на посиделки или какие-нибудь торжества. Ее братьям заботиться о ней не приходилось, все трое думали только о том, как бы добыть хлеб для себя и своих детей. Казак Андрей был старше ее на десяток годков, но, когда он снарядил к ним сватов, братья долго не раздумывали – сразу же дали согласие. Доброго приданого они ей дать не могли, и, захватив из дома материнскую шаль да постель, Мария, точно бесприданница, перебралась в дом Андрея – казака не бедного, но и не богатого. Андрей любил ее за молодость и красоту, но все же не упускал случая попрекнуть тем, что ее бедная родня ничем не пособила им. Упрекал, но не глумился, да и свекровь всегда защищала свою трудолюбивую невестку. Сама же она к мужу была холодна, но с кем-то сравнивать его или думать о ком-то другом ей не приходилось – обвенчанная в церкви, Мария понимала, что она

жена Андрею перед людьми и богом. Вся ее неутоленная любовь обратилась на ребенка, а единственное счастье она увидела в воспитании своего дитяти... И вот... Злоключения, выпавшие на ее долю нежданно-негаданно, оборвали все ее надежды. А тут еще страдания, которые она сама навлекла на себя. О многом она передумала за время болезни. «Быть здоровой, ходить по земле – что может быть лучше! Жизнь ведь одна», – приходили к ней новые, до того неведомые мысли. И все же иногда ее преследовали воспоминания, тоску она глушила неистовой своей работой... В момент переезда в горы Мария неожиданно для себя открыла, что, если Хота не бросит ее на произвол судьбы и защитит, то ей, может быть, откроется какая-то новая жизнь, но в это еще надо было поверить. Мягкость и обходительность Хоты обнадеживали ее...

Когда поверх плетеного потолка, обмазанного глиной, был насыпан слой земли и, вместе с очажной трубой, вся крыша еще раз была обмазана глиной, дом был готов. Хота натянул захваченную из аульского дома цепь, повесил на нее казан и позвал Марию.

– Марушка, погляди! – сказал он насупленно.

Хотя он ничем не выказывал своей радости, поняла, что творится в его душе, и в ответ улыбнулась. Хотя в честь окончания строительства зарезал молодого козленка. Мария, до того готовившая прямо под открытым небом, сварила мясо в новом жилище. Она сняла с огня хинкал, приготовленный на манер казацких галушек. Положив хинкал в парившееся мясо на деревянный поднос, подвинула треножную сыпфу к сидевшему на низкой табуретке Хоте. Хотя в тот день побрил голову, остриг бороду и надел свой выходной шепкен, глаза его влажно блестели: он поглядывал то на Марию, то на стены нового дома. Мария смущенно встречалась с ним взглядом, опускала ресницы, улыбкой давая понять, как она довольна новым жилищем. В этот день впервые надела ногоайское платье с серебряными застежками на груди – это было платье бывшей жены Хоты, которое он захватил из дому.

Погладив бороду, Хота чинно принялся за еду. Ел он неторопливо, долго пережевывая, смущаясь тем, что ест пряча глаза. А ей нравилось, как он ест, не отрываясь глядела она на его лицо, уже зная, что он все равно не посмотрит в ее сторону. Его смущение подзадоривало ее, удивительно было, что этот мужественный, терпеливый человек так робко ведет себя за

столом. Мария и в станице никогда не садилась с мужем за один стол. Подав еду оставляла его одного, а сама ела с матерью и сыном или же перекусывала наспех одна, когда дома никого не было. Только на праздники они садились за стол всей семьей, тогда даже чарку водки подносили ей. Мария на этих торжествах не подавала голоса, ела, как сейчас Хота, не поднимая глаз, жалась к сынишке, которого тоже сажали за стол в такие дни. Андрей же восседал на этих застольях полным хозяином, важно потягивался, пил смакуя, ел, переводя взгляд с одного родича на другого, с наслаждением давая распоряжения... Мария теперь с любопытством наблюдала за тем, как ест Хота. Его ровные белые зубы впивались в нежное мясо, а особенно забавляло ее то, как он ломал кости выбивал на ладонь мозговой жир, а потом одним движением руки закидывал его в рот. Она уже знала, что по ногайским обычаям женщина не садится за один стол с мужчиной, но Хота, всегда хмуривший бровь, если ему что-то не нравилось, не сердился, когда она садилась напротив, чтобы полюбоваться им.

Хота, кончив есть, отодвинул поднос, погладив бороду, прошептал молитву. Встав из-за стола, он указал на него рукой, приглашая Марию поесть, и вышел из дома. Мария не сразу села за стол, а в каком-то ожидании оглядела в который уж раз новое жилище. Помечтала о том, каким оно будет, когда они обживут его, хотя и сейчас все здесь казалось ей привычным. Пожалела, что нет известки, а то бы она побелила его на казацкий манер – и изнутри, и снаружи. Два оконца еще не были затянуты пузырями, и она подумала о том, что это надо сделать до наступления холодов. Потом ее взгляд упал на деревянный лежак, застеленный войлочными коврами, на котором они с Хотой провели не одну ночь до завершения постройки. Мелькнула мысль о грехе, но она тут же отогнала ее – недавно ей показалось, что она забеременела, и с тех пор как мысль о ребенке вошла в ее душу, она не хотела думать ни о чем другом; она, конечно, побаивалась родов, но желание поскорее узнать, что за дитя родится на свет, побеждало этот страх. О своем подозрении она хотела сказать Хоте, и не только затем, чтобы разделить с ним свои тревоги, но и для того, чтобы увидеть, как он отнесется к этому. Вечером Мария занесла в дом шубы, которые каждый день вывешивала для просушки, – этими шубами они укрывались ночью. Затем она покормила собак

остатками еды, взяв кумган и помывшись, вошла в дом, где было уже совсем темно и светились лишь красные угольки почти истлевших дров. Мария наощупь прошла к лежаку, на который уже прилег Хота. Она села на краешек постели, не спеша отвернула застежки и сняла платье. Хота лежал, подложив руки под голову, и бездумно смотрел в потолок.

– Теперь у нас есть дом, мы здесь перезимуем, – задумчиво проговорил он.

– Хороший, теплый дом, – поддержала его Мария.

Хота, привстав, обнял Марию за плечи и тяжелой своей рукой уложил рядом. Мария прижалась к нему и беспокойно задыхалась ему в лицо.

– А что если у нас будет ребенок? – шепотом спросила она.

– Это хорошо! – четко проговорил Хота и крепко, до боли жжал руки Марии, затем дотронулся рукой до мягкого живота женщины и добавил: – Тогда придется просить Айшат, чтобы она переехала сюда и помогла тебе...

Мария облегченно вздохнула и прильнула губами к его губам...

* * *

Хота, оставив ружье с десятком снарядов и велел Марии пасти скотину возле дома, отправился в аул, чтобы договориться насчет муки, соли и другого провианта, необходимого для будущей зимовки. Мария проводила его до тропы, ведущей к аулу, и затаилась в тревожном и томительном ожидании. По дороге Хота думал о том, как его встретят в ауле: родственники, конечно, осуждают его за самовольный поступок, и встречаться с ними ему бы не хотелось – не простят они ему союза с полонянкой. Особенно ему не хотелось встречаться с Адамеем, старшим в их роду, служившим муртазаком у султана Магомед-Гирея. Никакие дела без его одобрения не делались. Перед его отъездом Адамей послал к нему навстречу человека, но Хота не захотел увидаться с родственником и поторопился покинуть аул.

Хота скакал по лесистой дороге и представлял себе все неприятности этой встречи, подумывал о том, как ему избежать ее. Но эта встреча произошла неожиданно, прямо на дороге, когда до аула оставался еще немалый путь. Из-за небольшого

карагачевого леска, на повороте дороги, внезапно выехала группа всадников. Во главе их был сам султан Магомед-Гирей, одетый в белую черкеску и золотистую каракулевую папаху, с плеч его свисал белоснежный башлык. Хотя сразу признал султана, но его сердце забилося, когда он увидел возле него коренастого всадника в черной черкеске. Это и был Адамей.

Султан, завидев джигита, остановил вороного. То же сделали и его спутники.

Хотя понял, что поворачивать поздно, но и приближаться не торопился. Султан, привстав на стременах, взгляделся в него.

– Кто это в такую рань на дорогу вышел? – сказал он, ни к кому не обращаясь.

– Ничего дурного не предвещает эта встреча, не беспокойтесь! Это наш безмозглый Хота, который из-за гяурки сбежал из аула. И чего это его носит по дороге! Сейчас я ему задам! – хрипло проговорил Адамей, сжав в руке камчу.

– Это тот самый Хота, что отличился год назад в стычке с Алеко-мурзой. Помните, как он рассек его батыра от плеча до самого пояса! – пояснил один из молодых джигитов, родственник и одноклассник Хоты.

– А тебя никто не спрашивает! – оборвал его Адамей.

– Да, я помню того поверженного батыра, уложил немало наших воинов. Тогда это славный джигит! – проговорил султан, встречая взглядом подбегавшего Хоту.

– Салам алейкум, мой султан! – не глядя на сопровождавших, приветствовал его Хота.

– Алейкум салам, джигит! – ответил султан и оценивающе поглядел на него.

Адамей подсказал к Хоту и замахнулся камчой для острастки.

– Собачье отродье! – крикнул он.

– Остановись! – приказал Магомед-Гирей.

– Если б не ты, султан, я бы у него со спины ремни вырезал! Такой позор навлек на наш род этот негодяй! Как людям в глаза смотреть, когда вот этот связал свою жизнь с гяуркой?! – багровея от гнева, проговорил муртазак.

– Гяурка, наверное, красивая? – пошутил князь.

И все, кроме Хоты и его дяди, рассмеялись.

Адамей, не обращая внимания на шутку своего господина, продолжил, не скрывая своего гнева:

– Чтобы глаза мои не видели тебя, нечестивец!

Хотя резко повернул коня, чтобы объехать всадников.

– Стой, джигит! – окликнул его султан. – Ты мне нравишься. Помню, как ты был смел в сражении с Алеко-мурзой, но врагов у меня и сейчас немало – удальцам вроде тебя будет с кем силой помериться! – Потом он помотрел в сторону Адамея и сказал: – Вообще-то бывали случаи, когда и знатные особы, и свободные уздени брали в жены гяурок. Люди, конечно, не одобряют такой брак. Но знай, что гяурка должна стать мусульманкой...

Хотя от этих слов встрепенулся и недоверчиво поглядел на султана, с трудом веря услышанным словам, потому как они исходили от представителя высшей власти в ауле. Магомед-Гирей погладил золотые газыри на груди.

– Надо задобрить муллу, чтобы он превратил гяурку в мусульманку. Если обратишь ее в истинную веру, то, как говорится, и свои грехи отмоешь. Шариаат это позволяет. Турецкие правители не раз женились на иноверках, – засмеялся султан.

– А по адату нельзя! – невольно обронил Адамей.

– Не перебивай, Адамей! По шариаату можно! – строго сказал султан.

Адамей замолк, но брови его сошлись и он зло посмотрел на племянника, на лице которого сияла улыбка.

– Ну так как же? – спросил Магомед-Гирей.

Хотя согласно склонил голову.

– Рад буду служить своему султану! – проговорил он.

– Если что нужно будет для муллы, то приди и возьми и, вообще, сошлись на меня, – сказав это, султан хлестнул своего коня.

Всадники поспешили за ним. Адамей поровнялся с Хотой.

– Чем сносить такой позор, лучше умереть! – прошипел он, яростно, как для проклятия, раскрыв свой круглый и маленький рот.

Хотя долго глядел вслед умчавшимся всадникам. Он покачивался в седле, все еще не веря обещаниям султана. До сих пор, трезво размышляя над своим положением, он не мог и представить, что есть хоть какая-то возможность оказаться с Марией в родном ауле. Движимый только своим упрямством и свои-

ми чувствами, он совсем не хотел представлять все возможные сложности, а думал только о том, чтобы это красивое, нежное создание было рядом; он готов был вступить в смертельную схватку со всяким, кто посмел бы разлучить его с ней. Он говорил себе, что сможет всю жизнь прожить с Марией в лесу, и, хотя знал, насколько зыбко такое будущее, его упрямство побеждало. «Проживу!» – твердил он себе, подавляя все свои сомнения. И даже тогда, когда Мария сказала ему о ребенке, он не хотел думать о каких-то будущих трудностях, а просто готовил себя к предстоящей борьбе – и за себя, и за Марию, и за будущего ребенка. Такой исход, какой подсказал ему князь, никогда не приходил ему в голову, и он долго не мог поверить в такую возможность... Но радостная надежда загорелась в нем, и он тут же отправился к аульскому мулле.

Сафар-мулла Хота застал за завтракающим на веранде его каменного дома. Одетый в белую просторную обу мулла, подогнув под себя ноги, сидел на тахтамате, а перед ним стояли фарфоровые пиалы с чаем, медом, лежали круглый хлеб с поджаренной корочкой и овечий сыр. При виде входившего во двор Хоты мулла поспешно надел на голову папаху, обернутую белой тканью с отличительным знаком правоверного паломника, и, сделав вид, что он не видит вошедшего, чашку поднесенную ко рту, не опустил. И только тогда, когда Хота поднялся на веранду и почтительно потоптался перед тахтаматом, морщинистое светло-коричневое лицо муллы расплылось в улыбке, а черные угольки глаз вонзились в лицо гостя. Они обменялись приветствиями, и мулла рукой указал на еду.

– Садись, садись, сын рода Унаж!

– Пусть будет в вашем доме изобилие! – проговорил Хота и сел на указанное место.

– Ешь! И довольствуйся тем, что дал Аллах! – проговорил священнослужитель, выставив сиявшее, как жаренная в масле лепешка, лицо, потом резко поднял голову и крикнул в сторону летней кухни: «Чай принеси!» Из-под навеса вышла одетая в длинное платье пожилая женщина и кивнула головой, показав, что наказ услышан.

Муллу продолжил трапезу. Хота не стал торопиться с разговором и подождал чая. Вскоре старуха принесла чай и вышла. Покончив с едой, они с муллой сотворили молитву...

– Слышал, что ты – сын рода Унаж – разбогатец, а за упокой души родных даже обыкновенного битира¹ не внес, – с укором произнес мулла.

– Правильно, апенди, говорите, это мой грех. Забот было много, даже вздохнуть некогда, – виновато сказал Хота.

– У всех заботы, у всех... Но никогда не надо забывать про всевышнего! Он все видит и всегда помогает своим истинным детям, всегда протягивает свою щедрую руку благочестивым и все отнимает у неблагодарных.

– Я осознаю свою ошибку, обязательно приведу вам черного барашка для жертвы, а вы уж помолитесь за души наших родных, апенди!

– Доброе дело сотворишь! Черный барашек – хорошая жертва всевышнему. Ты – молодой, конечно, и не можешь не ошибаться, но лучше все-таки не совершать ошибок, а уж если что натворил, покайся не мешкая – чем раньше, тем лучше. Молодость проходит, за ней непременно следует старость, и только тогда мы начинаем осознавать, что за пустыми делами и пустыми заботами забывали о главном: о спасении своей души. А такое стремление должно быть у каждого смертного, все надо делать в угоду небесному владыке, и только тогда наша жизнь станет чище и слаще. Велик Аллах! Аминь! – произнеся эти слова, мулла обеими руками погладил свое безбородое лицо.

– Сафар-апенди, у меня к тебе важное дело, – и Хота вопросительно посмотрел на муллу.

– Говори, если это дело угодно всевышнему, я постараюсь тебе помочь.

Мулла удивился: какое же дело может быть у молодого человека к нему – блюстителю веры!

– Со мной в горах живет русская женщина...

– Это очень плохо, большой грех ты взял на свою душу! – перебил его мулла и в гневе отвернулся от Хоты.

– Я буду каяться, если это большой грех, но...

– Вот и хорошо, сын рода Унаж! Избавься от гяурки, соблюдай пост Оразы, всевышний смилостивится над тобой и простит такой тяжкий грех! – перебив его, поторопился с нравоучением мулла.

¹ Битир – милостыня за упокой души.

– Нет, вот только... – замешкался Хота.
– Ты не хочешь избавиться от гяурки?! Что я слышу! – закричал мулла, вытаращив свои черные глазки.
– Вы не поняли меня, – собрался с духом Хота.
– Я – не понял? Связал свою жизнь с неверной! Да только за то, что ты впустил ее в свой дом, ты заслужил суровую кару. А я слышал, что ты ее выходил, мало того, увез куда-то для прелюбодейной жизни. У меня сегодня хорошее настроение, а потому я не хотел даже затевать этот разговор. Греховодник! Разве не таких, как ты, изгоняли из аула! – Мулла привстал с тахтамета, благословляя плевками всех мыслимых нечестивцев: – Вот тебе! Вот! Получай!!!
– Нащупав рукой сучковатый посох, приставленный к стенке, он замахал им в воздухе. – Благодарю своего дядю Адамея – люди, из уважения к нему, не трогают тебя! Вон из моего дома! – заорал мулла.

Хота встал и, поняв, что все обернулось как нельзя хуже, с поникшей головой спустился по ступеням веранды. Услышав крик мужа, вышла обеспокоенная старуха.

– Вот так он обращается с хорошими людьми, если не с той ноги встанет! И чего он орет! – будто извиняясь, проговорила она.

– Апенди, я не все сказал, ты не понял меня, – Хота напоследок попытался исправить положение.

– Не хочу ничего слушать! – прокричал распаленный мулла.

Хота поспешил со двора. Женщина последовала за ним. Она остановила его и, сочувственно глядя ему в глаза, сказала:

– Не печалься, джигит, приходи завтра. Мой господин с утра не в духе – служки в мечети испортили ему настроение. А завтра обязательно приходи, он любит настойчивых людей. Я его уговорю, и он подберет к тебе, уж я постараюсь. Ты ведь знаешь, мы с твоей матерью вместе росли, подругами были, пусть земля ей будет пухом! Приходи завтра, не печалься! – утешала его жена муллы.

– Спасибо, абай¹, спасибо! Мне очень нужно поговорить с ним, только Сафар-апенди решит мое дело, сказал Хота, не поднимая глаз на пожилую женщину.

¹ Абай – уважительное обращение к женщине

– Пусть благословит тебя Аллах! Не переживай и приходи завтра, а то, что он сердится, не беда – стерпи! – и старуха по-матерински заглянула ему в глаза.

Мафии он ничего не сказал, решил помолчать до окончания дела, всю ночь не сомкнул глаз, обдумывая, чем закончится завтрашний визит. Встал он на рассвете и, дав указания жене, снарядился в путь: выгнал из стада двухгодовалого бычка, из отары отбил черного барашка и погнал в аул.

Попал он туда только к обеду. Привязав коня к коновязи, загнал скотину в баз муллы. Мулла, сидевший, как и в прошлый раз, на веранде и перебивавший четки, видя, как решительно джигит ведет себя у него во дворе, понял, что дело у него нешуточное. Пригласив его сесть напротив, он внимательно выслушал Хоту и от этого рассказа сразу сделался мрачен.

– Султан сказал, что такое по шариату допускается, – в который уж раз повторил Хота, просительно заглядывая в глаза мулле.

– Стыдно, стыдно! – упрекнул мулла и, просидев минуту в задумчивости, добавил поучительно: – Такое случалось раньше, бывало, что знать брала гяурок в жены, от рабынь и дети рождались. Только ты посмотри на себя! Ты, обыкновенный уздень, какой подашь пример своим аульчанам? Если все правоверные так будут поступать – что же будет!

Хота замолчал, обдумывая, как ему сказать о самом главном, но, когда увидел, что мулла собирается встать, поторопился и сказал прямо:

– Пусть Аллах не омрачит ваш лик! Скажу самое постыдное... – запнувшись на секунду, он все же выдавил из себя: – У нас с ней будет ребенок!

Мулла всем своим видом показал, что ничего в этом нет удивительного:

– Сначала пусть он родится! Если отец правоверный, то и ребенок считается правоверным... А теперь ступай! Когда это свершится – тогда и поговорим!

И мулла шутливо погрозил ему пальцем.

Хота недоверчиво посмотрел на старика, все еще не веря, что тот не сердит на него.

– Султан приглашает меня служить в его войске. Я бы хотел переехать в аул.

– Вообще-то, за то, что мы прибавляем новообращенного к нашей вере, с нас снимаются грехи. Пока лето, надо ее выкупать в Кубани, соберем почетных людей и совершим этот обряд, – мулла встал и протянул руку сиявшему Хоте...

* * *

Через месяц Хота вернулся в аул. Не откладывая на потом, сотворили обряд обращения. Собрались все близкие Хоты. Молодые женщины, одев Марию в длинное белое платье, которое, по поверью, привезли из самой Мекки, и прибрав ей волосы на привычный манер, провели ее по глубокому месту реки и окунули с головой в воду. Затем при поверенных людях мулла сделал обряд некаха. Испросив их добровольное согласие, объявил Хоту и Марию мужем и женой. Молодые женщины рода Унаж увели Марию к себе, а мужчины и почтенные аксакалы сели пировать прямо на берегу реки, куда были вынесены столики сыпра и прикатаны бочки с бузой. Допоздна горели костры, на которых варилось мясо, люди шумно пили, ели, веселились, не смолкали ни на минуту ногайская скрипка и домбра. Пели известные певцы аула, время от времени все затягивали «орайду», хлопали в ладоши, подбадривая танцоров. Долго потом вспоминали в ауле эту необычную свадьбу Хоты и Марии.

* * *

Аульские женщины не упускали возможности зайти в дом к Хоте, чтобы посидеть и поговорить с Марией. Одни – чтобы как-то скоротать время, другие – чтобы удовлетворить свое любопытство и поближе узнать иноземку, третьи – следуя примеру своих односельчанок. Мария вдобавок ко всему прослыла умелой швеей, и к ней часто заходили по делу: кому-то надо было раскроить платье, кто-то просил ее сшить одежду детям. Мария кроила и шила, а те в свою очередь ухаживали за ее детьми и помогали ей по хозяйству. За несколько лет у нее сложились самые добрые отношения с сельчанами. В холодные зимние дни в дом Хоты перебиралась Айшат, которая тоже полюбила Марию за ее доброту и отзывчивость. Старой Айшат молодая хозяйка была обязана многим, она никогда не забывала, что женщина выжила ее, к тому же, с ее помощью

Мария узнавала тонкости ногайских обычаев, умело встречала гостей, поддерживала, как положено, разговор, соблюдала обряды, воспитывала детей... Но какие-то отголоски прежней жизни все-таки остались в ней и люди нет-нет да и вспоминали о ее происхождении. Так, она первой в ауле побелила свой дом. В то время в аулах дома не белили, только обмазывали глиной. Побеленный дом Марии отличался от других, и нашлись поначалу такие, кто осудил это новшество, но вскоре соседи, увидев в этом только чистоту и порядок, последовали ее примеру. Даже в соседних аулах появились такие дома. Зная, что мучных блюд у ногайцев достаточно, она все же пекла – особенно, когда была в хорошем расположении духа – российские блины или калачики и все свои изделия щедро раздавала соседским детям, которые быстро прониклись к ней любовью. В их ауле, как и во всяком другом, были недобрые люди, но даже они не злословили понапрасну, ценя доброту и приветливость Марии. И все же завоевывать себе достойное положение, особенно среди родственников, ей было нелегко. Недоброжелательность к Хоте старшего в роду, Адамея, многих его родственников настроила против нее. Адамей так и не переступил его порога, а если надо было что-то наказать «отступившему» племяннику, дядя делал это через посредников. Когда дети Марии подросли и сами стали навещать родственников, Марию не приглашали туда, где был Адамей, боялись, как видно, прогневить старшего в роду. Стараясь не замечать недоброжелательности родственников, Мария была чуткой и внимательной ко всем... Она никогда никого не осуждала, все обиды носила в себе.

Забот у нее было немало: пеклась и о муже, и о детях – в ауле в ту пору умирало немало детей. А страх за мужа не оставлял ее никогда.

Хотя, как и все способные носить оружие джигиты, служил в отряде султана. Джигиты, управившись с полевыми работами или сенокосом, попеременно ходили в дозор, для охраны своего берега от нападения. Иногда и сам султан переходил на правый берег и совершал тайный рейд в укрепленные русские владения; нередко и казаки, пользуясь смутным временем, из береговых крепостей делали набеги на султанские земли. Последнее время очень беспокойно было на этой временной границе...

Женщины аула, чьи мужья были в отряде султана, всегда с тревогой смотрели в сторону предгорий, откуда тянулась един-

ственная аробная дорога, по которой обычно возвращался очередной дозор, и если там раздавался плач, то все женщины в испуге устремлялись навстречу. И Мария не раз торопилась в ту часть аула и в попытках не раз молила бога, чтобы среди убитых не было ее супруга. Много бессонных ночей она проводила в ожидании мужа. Каждый раз боялась, что произойдет самое худшее, и если со всеми прочими тревогами она как-то справлялась, то эту одолеть не могла. Эта тревога была повседневной, неотступной, преследующей какой-то безысходностью, острой болью в груди. Она чувствовала приближение неотвратимой беды и, даже когда муж был дома, находила укромное место, чтобы выплакаться. Хотя не любил слез и всегда резко обрывал, когда вдруг она, не выдержав, пыталась излить перед ним свое горе.

– Хотя, неужто не боишься погибнуть? Как же мы тут без тебя останемся? Что с нами будет? Что? Я не выдержу! – никогда еще Мария не говорила с мужем так откровенно.

Хотя, жевавший кукурузную мамалыгу, отодвинул от себя чашку и грозно так посмотрел на жену.

– Хотя, а может, уедем из аула, там, в горах, было спокойнее?! Может, переедем? – сказала она, не дождавшись ответа.

Хотя стукнул кулаком по столу.

– Я хочу как люди жить и как люди умереть! Только трус отсиживается в своем доме! Я не хочу запятнать свое имя позором! Никто не обвинит моих детей в том, что у них был неправедный отец! И лучше тебе не вмешиваться не в свои дела, а то накараешь беду! – сказав так, он встал и, не доев мамалыги, вышел из дома.

А как-то зимой в аул привезли пять трупов. Все пятеро убитых джигитов были молодые, едва успевшие жениться. Весь аул вышел хоронить погибших. Мария вместе с соседскими женщинами собралась идти на поминки, но старая Айшат удержала ее в тот день:

– Дочка, не надо тебе идти туда! Они нам не родственники, а человек, сраженный горем, ищет любую причину... Тем более матери, оставшиеся без сына, женщины, потерявшие своих мужей... Они шлют проклятья в адрес убийцы, ненароком и тебя обидят... А у тебя дети есть, береги их от проклятий, себя тоже береги! Там будет Хота – этого достаточно, а ты даже из дому не высовывайся, и детки тоже пусть дома сидят, пока все это не успокоится...

Марии тяжело было услышать это. Все она делала, чтобы стать полноправной аульчанкой, старалась ради мужа и ради детей. И хотя она и раньше ловила на себе осуждающие взгляды, когда речь заходила о неверных, прямых обвинений она не слышала. Может быть, только теперь, после слов доброй Айшат, Мария поняла, что прошлое никогда ее не отпустит. Предчувствие новой беды все глубже проникало в ее душу. Теперь она начала бояться и за детей: без присмотра не выпускала на улицу, старалась, чтобы соседские дети приходили в их двор.

Сразу же после похорон джигитов произошла одна история: Мария пошла скотину во дворе, а Хоты в это время не было – он отлучился из дома по каким-то делам. Мария, согнувшись над бадьей, повернула голову и увидела, как завернутая во все черное женщина обессиленно оперлась на их плетеный забор.

– Тьфу! Проклятая! Приблудная гяурка! Отольются тебе мои слезы! Тьфу! – истошно кричала она, потом, нагнувшись и сорвав с земли запыленный снегом камень, изо всей силы швырнула в Марию.

Мария разогнулась и, хотя ей стало жутко от сверкавшего взгляда и гневных слов женщины, она, не показав своего смущения, спокойно пошла в сторону дома.

Проклятья сыпались до тех пор, пока не вышла старая Айшат, опираясь на свою кривую палку.

– Хватит тебе! Причем тут это дите, она такая же мать правозверных как и ты! Горю проклятиями не поможешь! На все воля Аллаха! Кто не принимает своего горя, тому Аллах посылает новое! – пригрозила Айшат.

– Я и сама не хочу жить! Не хочу! – вырвался стон из уст женщины, только что извергавшей проклятия.

Вышли на улицу соседки, они успокаивали вдову, защищали Марию, а потом все вместе проводили убитую горем женщину.

Мария же заперлась в доме, не найдя в себе сил встать с тахтамата ни когда вернулась Айшат, ни когда пришел Хоты. Какая-то страшная тяжесть навалилась на нее и не отпускала. Айшат обо всем рассказала Хоты. Тот стал успокаивать жену, но не помогло и это. Всю ночь старая Айшат ухаживала за Марией: терла ее какими-то мазями, шептала на ухо

заговоры. Только к утру Мария пришла в себя. С того дня она стала совсем боязливой и почти не раскрывала рта. Молча делала работу по дому, молча ходила по воду. С соседками не заводила бесед, больше слушала и поддакивала. Не до разговоров ей было, потому и соседки беседовали с ней неохотно. А Мария стала мнительной, боялась, что, случись у кого-нибудь из них несчастье, она и в их глазах прочитает проклятия. «Твоя родня причинила нам горе!» – скажут ей тогда...

Прошла долгая и холодная зима. А лето принесло с собой и начало боевых действий. Царские войска жгли береговые аулы; старейшины ногайских племен устраивали в ответ набег на русские крепости и мирные поселения ногайцев, смирившихся со своей закабаленностью и присягнувших русскому царю. Отряд султана, в котором был и Хота, почти не бывал в ауле. Только убитые возвращались в аул на скорбных повозках. Смерть джигитов стала так же привычна, как и рождение нового аульчанина. У Сафар-апенди работы было невпроворот, он постоянно разбегжал по аулу: то на поминки, то на похороны. Многие дома посетила смерть, повсюду были скорбные лица, мужчины отрастили траурные бороды, женщины не снимали с головы черных платков. В домах, где еще не побывала смерть, ее обреченно ожидали, готовы были открыть настежь ворота, как это всегда делается во время похорон, прибирали, готовясь к худшему, дома, жертвенную скотину не угоняли на далекие пастбища. Весь аул думал только об одном – о переселении в более безопасные места, к тому времени уже не один аул снялся с насиженных мест и ушел в верховья Кубани. В ожидании несчастья аульчанине объединились, забыли старые обиды и склоки. Даже Мария, свыкнувшись со своей долей, терпеливо сносила ненавистные взгляды и так же, как все, винила во всем своих бывших соплеменников.

И надо же было случиться такому! О сне, который она увидела совсем недавно, она не могла рассказать ни единой душе, даже Хоте, своему законному мужу, отцу двух своих сыновей. Очень редко снился ей первенец Вася. Хотя помнила о нем всегда, даже сравнивала с аульскими однолетками – тринадцатилетними мальчишками, представляла, каков он есть теперь, и горестно вздыхала: как там ему живется с отцом, а возможно, и с мачехой. Но во сне он всегда предстал перед ней таким, каким она видела его последний раз. Худоцавый

белокурый мальчуган бегал по двору или сидел на отцовском коне, о чем он всегда мечтал. И все время этот мальчик убегал от нее, то скакал на коне прочь, то прятался в таких местах, где она его не могла найти. Мария же бежала за ним, искала во всех потаенных местах, обычно не находила и просыпалась вся в слезах – растерянная и безутешная.

На этот раз он предстал перед ней в образе взрослого юноши. Она протягивала к нему руки, а он все приближался, но так и не приблизился. Мария тогда подумала, что Вася тяжело болен и что у него жар и кружится голова, она добралась до него и подхватила на руки. Дорога, на которой они стояли, вела в аул, и Мария, подняв взрослого сына, выбиваясь из сил, понесла его в свой дом. Откуда-то появились двое ее маленьких сыновей, которые, мешая ей нести Васю, цеплялись за руки. Маленький Ваис, если не дотягивался до рук, дергал ее за подол. Болат же, обхватывая руками ноги, не давал идти. У Марии душа разрывалась на части: она хотела взять на руки мальчика Болата, боясь наступить на него, но боялась и за Васю, который был болен и нуждался в ее уходе. Истомленная жалостью к младшим сыновьям, она дотащила старшего до своего дома. Во дворе она положила Васю на траву, а сама присела, чтобы передохнуть, но, когда оглянулась по сторонам, обнаружила, что ее детей нет. Она испугалась и, решив, что какая-то злая сила похитила ребят, заметалась по улице, заглядывая во все соседские дворы. Детей она так и не нашла и проснулась, охваченная ужасом. Открыв глаза, она увидела спавших в обнимку Болата и Ваиса, но еще долго не могла успокоиться. Привстав и подвинувшись к ним, она поцеловала обоих и внимательно взглянула на их сонные лица.

Дети были похожи на нее – оба светловолосые и курносые, только глаза у них были отцовские. Мария благодарила Аллаха, что все это только сон, и просила хранить ее детей, но даже молитва не принесла ей успокоения. Так и стоял перед глазами ее Вася. «Наверное, что-то случилось с ним! – гадала она, а разум подсказывал: – Что же я могу поделать? Потерян он для меня!» – Не раз уже она говорила это себе, но сердцу не прикажешь: как болело, так и теперь болит.

Была пора сенокоса. Наконец-то сменился Хота и появился в ауле. В тот день он с самого рассвета готовился к поездке на сенокосные угодья. Собирались выехать всей семьей. Он натачивал косы, чинил арбу, конскую сбрую... Мария, прихватив

мужнино и детское белье, отправилась с соседскими женщинами на Кубань Устроились на прибрежной лужайке среди кустов терна. Подобрав подолы, они сидели на корточках, песком и щелочным мылом стирали в холодной кубанской воде, потом полоскали белье и несли развешивать на высокой траве или на колючих кустах терна.

На лужайке, где собрались женщины, было как всегда шумно и весело. Многие женщины пришли с детьми. Но Мария в этот день оставила своих сыновей с отцом. Молодые девушки пели песни, им подпевали остальные. Мария, поддерживая поющих улыбкой, прежде всего постирала мужнины каптал и шаровары из грубого сукна, потом принялась за нижнее белье и детскую одежду. Стирала она с усердием, хотелось побыстрее закончить и вернуться к мужу. На душе было легко, она радовалась возвращению Хоты, и все ее тревоги словно рукой сняло. Она с большим нетерпением ждала сенокоса, надеясь, что на этот раз ей удастся уговорить Хоту уйти в горы, а уж оттуда, быть может, – и на правый берег, в мирные ногайские аулы; до них доходили слухи, что жизнь там нетяжела и что царские войска не трогают тамошних жителей. Закончив со стиркой, она собрала белье в большой медный таз и понесла развешивать. Ближние кусты были заняты, и она пошла в дальний конец лужайки. Долго выбирала она куст и наконец нашла.

– Мария! – окликнул ее чей-то голос.

Женщина испугалась, побелела как снег, но взяла себя в руки: не иначе ведь, как послышалось! Она оглянулась назад, подумав, что, возможно, ее окликает кто-то из женщин.

– Маша! Иди сюда! – почти шепотом позвал голос, но уже реальный и знакомый.

Таз с бельем вытал из рук женщины, она глянула в сторону густых зарослей и не поверила своим глазам. Из-за куста терна выглядывала голова мужчины в облезлой папахе, лицо его заросло рыжей бородой.

– Маша, ну же, беги сюда! – махнул рукой мужчина.

– Андрей! – вскрикнула Мария и закрыла рот рукой.

– Тише! – прикрикнул мужчина и опять позвал: – Ну же, беги сюда!

Мария снова оглянулась на занятых стиркой женщин и осторожно побежала к кусту, укрывшему ее бывшего мужа.

– Родная ты моя! – вскрикнув, Андрей заключил женщину в объятия, потом посмотрел на нее и жадно поцеловал в губы.

Мария не в состоянии была произнести даже слово – смотрела на Андрея как на вернувшегося с того света.

– Бежим, Марья! Коня я неподалеку оставил! – поторопил ее Андрей и потянул за собой.

Мария, словно обезумев, не могла ничего понять и, боязливо оглядываясь на лужайку, невольно побежала за Андреем.

– Подожди, Андрей! Токта! – мешала она в попытках нogaйские и русские слова.

– Быстрей, быстрей! – торопил Андрей и, не давая ей опомниться, волок за собой, не обращая внимания на то, что она то и дело спотыкалась о кусты дерна или дерезы, что одежда ее цеплялась за колочки.

Вскоре они выбежали к голому месту, где у развесистой ивы приплясывал гнедой конь, к седлу которого были приторочены ружье в косматом чехле и казацкая шашка.

Когда они добежали до коня, Андрей отпустил ее руку, и Мария, переведя дух, словно пробудилась ото сна – перед ней действительно стоял Андрей! Он был в горской одежде: рваная черкеска, на поясе кинжал, оправленный в серебряные ножны, широкие шаровары заправлены в мягкие чиги. Андрей сбросил с головы облезлую папаху:

– Марья! Родненькая! Наконец-то я нашел тебя! – воскликнул он и, горячо обняв, стал целовать ее шею, щеки, лоб.

– Как это – нашел? Как?! – уклоняясь от его поцелуев, спрашивала Мария.

– Ох, и долго же об этом рассказывать! Седьмой год как волк рыщут по всему татарскому краю. Казаки, которые с тобой в плен попали, сбежали из Гуретчины, а про тебя сказали, что ты, наверно, померла. Говорили, что сами видели, как ты себя порешила ножом. Сказали еще, что тебя еле живую татарин увез. Я, конечно, не верил и искал тебя. И вот, в этом году один пленный татарин сказал, что слышал о русской бабе, которая уже седьмой год живет в каком-то ауле... Ох, Маша, долго рассказывать, – Андрей потянулся снова ее обнять, но Мария отстранила его.

– Постой! Там у меня белье осталось! – Мария вдруг пофрагнела.

– Ты что же – не рада мне! Даже про нашего сына не спросишь! – от его радости не осталось и следа, и он обиженно тряхнул своим чубом.

– Как Вася-то? Жив-здоров? – спросила Мария, рассеянно оглядываясь по сторонам.

– Васька наш живой-невредимый, на руках матери растет... – недовольно проговорил Андрей, но вопрос свой не пожелал оставить без ответа. – Так ты не рада мне?! – настойчиво повторил он.

– Рада, Андрей... Только... – она запнулась и, обхватив голову руками, оглянулась на берег, поросший терном и дерезой.

– Тогда бежим, покада погоню не сладили! – резко проговорил Андрей и схватил за руку бывшую жену...

– Мариям! Мариям! Кайдасынъ (где ты)? – донеслись обеспокоенные крики женщин.

– Меня ищут! – вскрикнув, Мария отдернула руку и вырвалась.

Андрей тотчас схватил ее за пояс и, потянув к себе, заглянул в глаза и процедил сквозь зубы:

– Так ты бежать хочешь?!

– Меня же ищут! – отводя глаза, Мария попробовала вырваться, но Андрей держал ее цепко.

– Так ты к басурманам?! – гневно спросил Андрей, явно не ожидавший такого поворота.

– Мариям! – донеслись обеспокоенные крики.

– Меня ищут! Я там белье оставила! – готовая крикнуть, но дав себе еще минуту на раздумья, Мария посмотрела в глаза Андрею. Встретив его презрительный взгляд, резко проговорила: – Дети у меня, Андрей, двое, совсем маленькие!

– Знаю! Уйдем – о твоих детях никто в станице не будет знать, у нас свой сын есть!..

– Андрей, пусти! – взмолилась Мария и попыталась вырваться.

– Ты так значит, стерва! – взревел Андрей и силой поволок ее к коню.

– Мариям, где ты?! – раздалась совсем близко крики женщин.

– Я здесь! – крикнула по-ногайски Мария, но Андрей тут же зажал ей рот.

Мария отчаянно сопротивлялась, но силы были неравны, и все же Андрей не мог усмирить ее – решив: пусть себе кричит! – он связал ей руки своим поясом.

– Отпусти, ради бога, Андрей! У меня там детки совсем малые! – шептала обессиленная Мария.

– Татарчата, а не дети! Лезь на коня, говорю тебе!
– Нет! – противилась из последних сил Мария, повиснув на руках мужа.

Андрей, размахнувшись, ударил ее кулаком в висок, и она тотчас обмякла и потеряла сознание. Конь покачнулся под тяжестью двух седоков.

– Вон Мария! Разбойник крадет ее! – послышался визгливый женский крик.

Андрей дернул поводья, и конь понес его вниз по берегу.

Женщины с криками о помощи бросились в аул. Хотя, чинивший конскую сбрую во дворе, услышав крики женщин и даже не подозревая, что беда стряслась именно с его женой, повесил на бок саблю, вывел из загона неоседланного коня, вскочил на него и поскакал на крики. Перепуганные женщины, вопя что было сил, упали перед ним на колени.

– Разбойник!.. Мария!.. – понял из разноголосицы Хота.

Кровь бросилась ему в голову.

– Где Мария?! – сверкая зубами, прохрипел он.

– Русский разбойник на коне украл, – проговорила соседская женщина, которая впопыхах потеряла платок и теперь стыдливо прикрывала рукой непокрытую голову.

– Куда он ускакал?

Женщины побежали рядом с конем Хоты, чтобы показать место, где все случилось.

– У него ружье есть. Вся голова волосами заросшая, сам страшный, как зверь! – запричитала одна из молодых женщин, когда Хота, оглядев место, направил коня в сторону, куда, как им казалось, двинулся похититель. Хотя нещадно стегал коня, но иногда останавливался, чтобы убедиться, что не сбился с дороги, – по сломанным веткам, по примятой лошадиными копытами траве он определял путь Андрея.

Из аула прискакали еще четверо джигитов. Они выслушали женщин. Двое двинулись следом за Хотой, а двое других решили выехать на дорогу и подойти к броду, к которому обязательно должен был выйти похититель, если только он – с противоположного берега.

Хота не сошел со следа и вскоре заметил вдали, на возвышавшемся берегу, силуэт скакавшего всадника. Поразмыслив, он решил, что, если будет идти по следу через заросли, то навряд ли догонит его тот успеет перебраться через брод. Зная, что всадник, выйдя из зарослей, поскачет к тропе, ведущей к

броду, он решил обогнуть заросли и первым выйти на тропу...

Хота поджидал похитителя уже в лесу, на небольшой поляне, заросшей земляникой и разнотравьем. Солнце знойно сушило поляну. Хота, не слезая с коня, спрятался в тени низко опущенных ветвей карагача. Ярость и злоба душили его, и, услышав тяжелый хrap лошади и стоны женщины, он, не раздумывая, вырвал саблю из ножен. Когда всадник выехал из зарослей и поравнялся с ним, Хота, как Азраил, выставив вперед саблю, прищипнул коня и остановился в двух шагах от объятого ужасом Андрея. Но растерянность чужака длилась только долю секунды. Опомнившись, он развернул своего коня и нагнулся за ружьем. Разъяренный Хота, не давая ему возможности достать из чехла ружье, почти вплотную подступил к коню и стал кружиться вокруг похитителя. Андрей толкнул с седла Марию. Женщина тяжело рухнула на землю, издав пронзительный крик. Подняв голову и признав в своем заступнике Хоту, она слабо улыбнулась. Хота успел заметить, что вся голова Марии стала белой, как снег. Андрей вытащил шашку из ножен и с криком кинулся на Хоту. Тот, подставив саблю, отразил удар и сам тотчас нанес страшный удар по лицу соперника.

– А-а-а! – завопил Андрей и, схватившись левой рукой за щеку, припал к холке коня.

Хота подогнал к нему своего коня, чтобы нанести смертельный удар и уже занес было саблю...

– Не надо! – завопила Мария.

Рука Хоты дрогнула – он оглянулся на Марию и опустил саблю.

– Это мой русский муж...

Мария хотела что-то добавить, но в это мгновение Андрей, подняв окровавленную голову, нанес молниеносный удар. Шашка с хрустом вонзилась в тело Хоты.

– Мариям! – с негодованием прохрипел Хота и, схватившись за окровавленный бок, медленно сполз с коня.

Испуганный серый мерин шарахнулся в сторону и поволок зацепившееся за стремя мертвое тело хозяина.

– Ирод! Погань нечистая! – выругался Андрей, вытирая с лица струившуюся кровь.

Мария, с трудом встав на ноги, обезумевшим взглядом смотрела на серого мерина, волочившего своего хозяина.

Андрей слез с коня и, сев на траву, крикнул Марии:

– Перевяжи меня!

Она даже не повернулась на его крики и продолжала смотреть на мертвое тело мужа.

– Кто он?! – спросил Андрей, уже угадав ответ.

– Он родной... – не договорила Мария и потянула связанные руки к голове.

– Понятно!.. Перевяжи меня! Сейчас поедем! Вот нам бог и вторую лошадь послал! – облегченно рассмеялся Андрей.

– Куда поедем? – растерянно спросила Мария. – Нет! – заорала она. – У меня там дети! Как же они?!.. – сощуриив глаза, она посмотрела на раненого Андрея. – Нет, не поеду я! Не поеду! – и, оглядываясь, падая и вновь вставая, бросилась бежать назад, к тропе.

Задохнувшись от ярости, Андрей быстро вскочил на ноги. Вид его был страшен: кровь растеклась по лбу, по взлохмаченной бороде, потеками лилась по груди. Он с ненавистью поглядел на убегающую Марию и, мгновенно приняв решение, вытащил из чехла ружье

– Нет уж, не дам я тебе бежать! Смерть христопродацам! – процедил он сквозь зубы и, прицелившись, выстрелил.

Мария, пробежав несколько метров, остановилась и простерла перед собой руки, будто старалась удержать что-то.

– Дети мои, простите! – прошептали ее губы, и она ничком упала на землю.

Над лесом вспорхнули стаи птиц; галдя и щечбеча на разные голоса, они закружили над поляной. Андрей, зарядив ружье, засунул его в чехол. Посмотрев в сторону бездыханного тела Марии, тяжело взобрался на коня и дернул поводья. Тут же раздался еще один выстрел и, вскинув руки, Андрей упал на землю.

Из лесу, со стороны, откуда появился Андрей со своей пленницей, выехали два всадника.

Оборотни

Во сне Кобек бежал к остановке, стараясь успеть к подъехавшему желтому троллейбусу. Возле остановки он заметил стоявших друг против друга Адлеса и Кунбийке... Они, завидев его, отпрянули назад, боясь, как вид-

но, показаться ему на глаза. Кобек удивился и хотел сказать жене, что вот, мол, он их и застучал, но троллейбус уже стал отъезжать, и, махнув рукой на этих двоих — делайте, мол, что хотите, — Кобек хотел ухватиться за дверь и пробраться внутрь. Но тут троллейбус тронулся, зацепив дверями его руку. Он, пытаясь освободить руку, побежал за троллейбусом, только ничего у него не получилось, а троллейбус вдруг полез на обочину, земля под колесами стала оседать, машина наклонилась и пошла юзом, все сильнее клонясь набок. Кобек, освободив наконец руку, увидел сумятицу внутри и самого себя, придавленного этой огромной машиной. Все как будто утряслось — и рука его была при нем, но троллейбус уже падал на него, и он попытался сделать отчаянный прыжок в сторону...

Задыхаясь от страха, он проснулся и с облегчением провел ладонью по горячему лбу. Уже рассветало. Рядом, уткнувшись в подушку, спала жена. «Эх, рассказать бы ей про этот сон, вот будет забавно, усмехнулся Кобек и поймал себя на слове. Действительно, забавно... А не забавляюсь ли я, ведя это следствие? — предположил и сразу же отверг это предположение, — нет, конечно. Ведь я своими глазами видел Адлеса. Трудно поверить их объяснениям, трудно. И чего это ради Адлес повадился в наш дом? Чего, спрашивается, ради? Смотрите, какой друг нашелся! Чувствую я, что добра от него ждать не приходится. Этот его хитрющий взгляд, это постоянное вынохивание... Нет, что-то ему от меня нужно. А может, он хочет отомстить за то, что я отбил у него Кунбийке?! Возможно...» — с такими мыслями он встал и вышел на балкон.

На востоке уже показалось солнце, небо покрылось легкой голубизной. Звезды растаяли. Чирикали воробьи. Послышался гул автобуса с другой стороны дома. Появились люди, торопившиеся на работу.

«Новый день начался, — подумал Кобек и, вспомнив свой сон, встрепнулся — что-то этот денек принесет мне?.. Дни складываются в годы, а кажется, что ничего не изменилось в жизни, все вроде собираешься жить, а

уже прошли лучшие годы. Нет, надо все круто менять. Хватит миндальничать. Семейная жизнь не удалась. И нечего мне вводить себя в заблуждение и надеяться, что хоть что-то изменится. Семье надо посвящать всего себя, надо увязнуть в домашнем быту, а я не могу — я хочу свободно вершить свою судьбу. Я не хочу верить в предопределение, если оно уготовило мне погибель в мелких семейных водах. Посвяти жизнь им — детям и жене, они, только ты умрешь, сразу же забудут о тебе. Забудут — это точно! Даже могилу не навесят, не вспомнят, где она, а то и того хуже — сожгут в печке. И все, что от тебя останется, — горстка пепла в урне. Хорошо еще, если не перепутают ненароком урну при выдаче. А впрочем, если даже и перепутают, разве это меняет дело?. Ну, пусть даже похоронят как человека, на кладбище. Пусть! А через несколько лет из-за переполненности его закроют, а спустя еще лет двадцать — и вовсе снесут, как снесли недавно первое городское кладбище, на месте которого уже давно стоят семиэтажные ульи. Нет, такая судьба меня не устраивает, — Кобек вздохнул и торжественно пообещал себе: — я буду бороться против всяких случайностей. Я должен прожить жизнь с высоко поднятой головой ... Я знаю, что я — единственный в своем роде, но это надо доказать. Я должен сам гордиться собой, тогда мной будут гордиться и другие... Перво-наперво надо добиться, чтобы признали мое открытие о самуре, а ряд догадок, которые у меня есть, должны поразить всех. Во-вторых, следствие надо продолжать. Адлес давно следит за мной, лезет во все мои дела, прислушивается к каждому слову. Он преследует какую-то цель — это ясно... И третья. Фейруз! Я ее люблю. Ах, если бы она не была замужем!!! Красива, интеллигентна, образованна такие женщины вдохновляют на многое», — размышлял Кобек и смотрел на восток, где поднималось солнце. В глубине души он хотел думать, что это знаменательный день. День, когда он станет наконец другим человеком...

Кобек вошел в комнату. Жена и дети уже встали. Глаза у Кунбийке распухли, она не смотрела на Кобека и, одевая детей, говорила с ними так, как хотела бы говорить с Кобеком.

— Ничего-ничего, — ворчала она, — проживем как-нибудь сами. Не я одна такая. И с тремя, и с четырьмя детьми остаются — ничего. Пусть! Но издеваться над собой я не позволю!

Дочки удивленно смотрели на мать, потом — на отца. Кобек решил не реагировать на слова жены, но от детей взгляд отводил — было стыдно. «Уже человечки, — подумал он, но сразу же осудил себя за слабину: — Нет, надо быть твердым!» Покончив с этим вопросом, он принялся за поиски своих зашифрованных записок. Перерыл все ящики, а потом вспомнил, что оставил их на работе в своем столе.

В этот знаменательный день его ожидали сразу несколько неприятностей. И, как обычно, уходя, он сказал себе: «Наконец-то я покидаю вас, а вернусь я уже другим...» В коридоре он вызвал лифт, помолился о том, чтобы он не остановился на полпути, а когда вышел из него, неблагодарно обругал. Придя на работу, записок своих в столе он не обнаружил. И, хотя он знал, что никому не удастся их прочесть, эта пропажа обескуражила его. Он спросил девушек, но они их не видели, да он и без того знал, что в его комнату они не заходят. Ему вспомнился вчерашний разговор с начальником, его намеки на его неискренность, и он пошел прямо к нему.

— Магомед Султанович, у меня из стола исчезли бумаги, — и Кобек вопросительно взглянул на начальника.

— Что такое? Какие бумаги? — спросил Магомед Султанович, сводя брови к переносице.

Те самые, с зашифрованными записями, проговорил Кобек, гадая, притворяется начальник или нет.

— Не может быть! — выпалил Магомед Султанович, встал и вытянулся на носках. — Ты посмотри дома, может, там оставил!

— Да нет. Здесь я уже все обыскал, а домой я их не относил. — Это что же — диверсия? — спросил начальник, обдумывая ситуацию. — А девушки не могли взять?

— Говорят, что нет. Да и зачем им? Если даже прочитают, ничего не поймут.

— Кто же мог их взять? — гадал начальник.

— Не знаю. Пригодиться-то они никому не могут! А самое главное, что содержание написанного у меня тут, — Кобек показал на свой лоб. — Записал я на всякий случай. Что с человеком не случается, бывает, что и под машину попадает.

— Если ты попадешь под машину, то без тебя все равно их никто не прочтет, — улыбнулся начальник. — Но дело не в этом, факт неприятный. А ты кому-нибудь говорил о них?

— Нет. Только вам показал. Думал, что никому они не пригодятся, вот и держал в столе, — Кобек развел руками и направился к дверям.

— Да, Карамов, — вернул его начальник, — опять звонили нашему начальству из района. Говорят, что это чушь, а не памятник. Просят создать комиссию. А это уже серьезно! — начальник посмотрел на Кобека, стараясь понять, что он думает по этому поводу.

— Пусть создают, — махнул рукой Кобек.

— А может, съездишь еще раз в район?

— Зачем? Не поеду! А бесятся они от бессилия, — ответил Кобек и повернулся, чтобы уйти.

— Не знаю, не знаю, — проговорил ему вслед начальник, не так чтобы очень благожелательно.

Кобек до самого обеда просидел за столом, гадая, кому могли понадобиться его записи, но так ничего и не придумал. Во время обеда, решив еще раз перетрясти все бумаги в квартире, а заодно и перекусить, он поехал домой. К его удивлению, у самого своего дома, как и в прошлый раз, он увидел Адлеса. Вот это да! Что они, сговорились? Не для этих ли встреч Кунбийке взяла больничный? — эти вопросы, решение которых нельзя было больше откладывать, погнало его следом за удалявшимся приятелем.

— Адлес! — окликнул его Кобек.

Адлес повернулся и, разводя руками, направился к нему навстречу:

— О, как хорошо, что я тебя увидел! — поздоровался он с Кобеком.

— Что-то ты зачастил к нам? — усмехнулся Кобек.

— Из командировки возвращаюсь, думал, что ты на перерыве будешь дома, вот и зашел. Прихожу, а Кунбийке говорит, что ты, наверное, не придешь.

— Посидел бы чуть-чуть и застал... — проговорил Кобек, не стирая с лица усмешку.

— Да я даже в квартиру заходить не стал. Хотелось тебя поскорее встретить...

— А в чем дело?

— Заходил я, понимаешь, в дом пионеров — к краеведам. Ребята проводили меня к пещере. Потрясающе! Удивился я. Предложил им заниматься памятником. А они обещали и ограду сделать и даже ступеньки выбить к пещере, для туристов... — Адлес в ожидании ответа внимательно посмотрел на Кобека.

— Молодец, честно говоря, не ожидал от тебя такого участия, — проговорил Кобек.

— А что так? Почему?

— Ну, ведь ты же не особенно интересуешься прошлым, — пожал плечами Кобек.

— Так-то оно так. Но с твоим памятником совсем другое дело. Ты, наверное, и сам об этом подумывал? — и Адлес опять впился в его лицо своим желто-зеленым взглядом.

— О чем это? — удивился Кобек.

— Не притворяйся! — усмехнулся Адлес, обнажая белые маленькие зубы.

— Да я и не притворяюсь. Не умею как-то...

— Так ли? — стоял на своем Адлес. — Скажешь, что не думал о туристах! А разве не заманчиво сделать родной район центром туризма?

— Откуда ты взял? Мне такое и в голову не приходило, — по-настоящему удивился Кобек.

— Думал, думал. У тебя ведь всегда были местнические настроения.

— Не хватало мне только этого ярлыка! — перебил Кобек.

— Возможно, я ошибаюсь. Но памятник самое время сделать центром паломничества любителей — экзотики и древностей, а тебе надо об этом книгу написать. Сейчас выпускают интересные книги, с отличными репродукциями, а еще знаешь что можно сделать? — ухмыльнулся Адлес и вопросительно взглянул на собеседника.

— Что? — спросил Кобек.

— Найти еще одну пещеру, а там выбить непонятными иероглифами какую-нибудь чепуху. Пусть ученые разбираются, съезжаются со всего мира...

Кобек от этих слов даже обомлел.

— Так ведь тень подозрения упадет и на памятник о самыре! Если обнаружат хотя бы одну фальсификацию, поставят под сомнение и его! И вообще, выкинь ты из головы такие мысли. От этого ничего хорошего не будет. А наш памятник действительно уникальный, единственный в своем роде. Только предстоит это доказать с помощью ученых.

— Да я верю, что это так, но моя идея о другой пещере — тоже ничего... — настойчиво повторил он, хотя глаза его посмеивались.

Кобек вспомнил вдруг о своих пропавших рукописях. «Не он ли взял их?» — и хотя эта идея была тоже «ничего», спросить об этом Адлеса он не решился.

Если Адлес не брал бумаг, то после этого вопроса потребовалось бы рассказать ему о том, как он изобрел свой алфавит. А если Адлес все-таки взял эти бумаги, то только так и мог истолковать его «клинопись»: очередная фальсификация! «В любом случае коварства Адлесу не занимать!», — заключил Кобек.

— Этого нельзя делать ни в коем случае. Фальсификация всегда вредит науке, — твердо проговорил он.

— Не знаю, — словно сделав ему одолжение, кивнул Адлес.

— Тут и сомневаться нечего! Обнаружить эту подделку будет совсем нетрудно!

— Ну, это когда будет! Пока кто-то заинтересуется, пока приедут... — проговорил Адлес с ехидцей.

— Слушай, Адлес, а ты случайно не брал из моего стола бумаги с моими записями? — спросил Кобек, решив, что Адлес все равно узнает о них от начальника или от сотрудниц.

— Зачем? — и голос Адлеса, как показалось Кобеку, задрожал.

— Пропали мои бумаги с зашифрованными записями.

— А-а! — обличительно засмеявшись, Адлес хлопнул в ладоши. — А зачем ты это делал?! Зачем тебе понадобился какой-то там шифр?

— Напрасно радуешься, совсем не для того, чтобы обмануть кого-то, — свои гипотезы я должен сначала проверить.

— Как знать! — позлорадствовал Адлес.

— Я же говорю тебе! Живешь среди вас, как среди зверей, — никакого доверия; все, как ты, относятся с предубеждением, любую идею готовы превратить в пошлость, а чего доброго, и присвоить! — разгневался Кобек.

— Да я пошутил, — виновато проговорил Адлес.

Но интересно, ведь твой алфавит и правда можно использовать для эпиграфического памятника? — он весело взглянул на Кобека, но, видя, что тот готов взорваться, проговорил: — Я шучу, шучу.

— Плохие шутки! — оборвал его Кобек, еле сдерживая свое раздражение.

— Слушай, Кобек, а там с краеведами был интересный малый, художник. Он нам листки показал с летающей собакой. Зовут его Алибий, ученик восьмого класса.

— А-а, — подхватил Кобек, вспомнив генералиссимуса. — Курманов, сын Дуче — моего приятеля.

— Приятеля? — возрадовался Адлес, — точно, его фамилия Курманов, так он, этот Алибий, на наших глазах зубилом выбил на камне у входа в пещеру точно такую же летающую собаку.

— Зачем? — удивился Кобек.

— Не знаю. Но очень здорово получилось, талантливый мальчик! — похвалил Адлес.

— Талантливый-то он, может, и талантливый, но только не надо было этого допускать. Мало ли кто захочет свою руку приложить? Для того пещера и берется под охрану. Кому-то захочется свое имя увековечить, кому-то стихи подарить миру или неприличное словцо, так и к самой пещере подберутся. Куда же ты смотрел! — с укоризной проговорил Кобек.

— Я не подумал об этом.

— Надо наказать этого Курманова, придется прочитать таким «краеведам» лекцию о том, что такое охрана памятников, — проговорил, словно самому себе, Кобек, ощутив непонятную тревогу за свое детище.

Эта тревога не оставила его и тогда, когда он попрощался с Адлесом и пошел домой.

Кунбийке, открыв дверь, сразу же сказала о том, что приходил Адлес.

— Поговорили? — с явной издевкой спросил Кобек.

— Поговорили! — истерично крикнула Кунбийке и пошла с глаз долой в кухню.

Потом они не разговаривали. Кобек снова порывлся в своем столе, но рукописи не обнаружил. Пропажа его волновала как факт. За содержание рукописи он почти не волновался, потому как все написанное хорошо помнил и собирался, к тому же, дополнить и изменить текст. «Но кто мог ее взять, кому она понадобилась?» — в тысячный раз спрашивал он себя и не находил ответа.

Не обмолвившись с Кунбийке ни единым словом, он ушел на работу. В коридоре он опять столкнулся с Адлесом.

— Начальник уже спросил о твоей рукописи. Волнуется не меньше тебя, — с ухмылкой проговорил Адлес.

«И чего ты все ухмыляешься?» — хотел сказать Кобек, но сдержался, зная, что честного ответа он все равно не услышит.

— Да, просил тебя зайти, — Адлес указал на дверь кабинета.

Кобек постучал.

— А, заходи, Карамов, — проговорил начальник. — Я вот беспокоюсь по поводу твоих записок. Нам, наверное, надо собрать людей и провести собрание.

— Зачем это? — удивился Кобек. — Я уже у всех спросил, никто не брал бумаг, зачем же собрание!

— Чтобы такого впредь не произошло! — начальник скрестил брови у переносицы.

— Не надо, Магомед Султанович, все, что написано там, у меня в голове — это раз, а главное, я все равно собирался дополнить эти записки, сделать настоящую работу.

— Ну, если так... Работайте, — пожал плечами начальник и дружески поглядел на Кобека.

Кобек ушел к себе, но искренний взгляд начальника не давал ему покоя. «Начальник, конечно, шельма, но

зачем ему эти бумаги?» — гадал Кобек, глядя в окно, где от слабого ветерка развевались гибкие ивы. Поразмыслив, он машинально выдвинул ящик рабочего стола, так же по инерции потеребил бумаги и, к своему великому изумлению, обнаружил лист, исписанный его алфавитом; обрадовавшись, он просмотрел другие бумаги — в руках у него была зашифрованная рукопись! «Что за чертовщина?! Я же утром все перерыл и не нашел этих бумаг!» — Кобек, пораженный, смотрел на свои записи.

И, взвалив на себя (что было вполне естественно в этой детективной истории!) обязанности следователя, он решительно направился в комнату девушек.

— Скажите, пожалуйста, кто после перерыва заходил в мой кабинет? — спросил он.

— Никто! — удивленно ответила Хабиба, отвлекаясь от вязания.

— Нет, вы подумайте хорошенько, может, кто из посторонних? Начальник? Адлес?

— Да нет, никто не заходил, — ответила та же Хабиба.

— А что случилось? — спросила Фатима.

— Прямо фантастика! — и Кобек пошел к начальнику, чтобы рассказать обо всем, но и рассказывая, обязанности следователя выполнял исправно, бдительности не терял и следил за начальником в оба.

— Не понял... — проговорил начальник.

— Утром, я это точно знаю, не было этих бумаг, а сейчас они лежат на месте, — пожав плечами, Кобек протянул начальнику записи.

— Так-так, но это же хорошо! — улыбаясь, сказал начальник. — Наверное, невнимательно смотрел!

— Нет-нет. Утром их точно не было. Я перерыл весь стол.

— Главное, что нашлись. А мы тут чуть было собрание не провели, — ничуть не удивившись, сказал начальник.

— Фантастика какая-то! — всплеснул руками Кобек.

— Вот что, Карамов. Не надо испытывать судьбу. Я вижу, что ты неосторожный человек. Эти рукописи у тебя могут опять пропасть, — обеспокоенно сказал начальник.

— Что же вы предлагаете?

— У меня здесь сейф, а ключи от него только у меня — надежнее места и быть не может! Как ты думаешь? — и он преданно посмотрел на Кобека.

— Вы же знаете, Магомед Султанович, я их особо не прячу, поскольку их все равно никто не сможет прочесть, — пожал плечами Кобек.

— Да как знать! Поймут принцип шифровки, прочитают несколько букв, и разгадка придет сама собой. Ну так как? — не выпуская из рук рукописи, настойчиво проводил свою идею начальник.

— А если они мне понадобятся?

— Заберешь их у меня. Я-то никуда не денусь.

— Как-то неудобно будет все время к вам обращаться!

— Зато надежно! Ну, так как? — опять потряс бумагами начальник.

— Хорошо, — согласился Кобек.

— Так-так, — улыбнулся Магомед Султанович и, перейдя на совсем уже дружеский тон и хитро подмигнув, спросил: — Слушай, Кобек, а это не профанация какая? Может, ты головы нам морочишь?

— А зачем, Магомед Султанович? Зачем было исписывать столько страниц? — удивился Кобек.

— Кто знает!.. — загадочно проговорил начальник и тут же попросил: — С трудом верится, что за этими иероглифами кроется какая-то складная мысль. Может, прочитаешь хотя бы одно предложение?

Кобек, не усматривая в этом никакого подвоха, протянул руку к рукописи и прочитал несколько начальных фраз.

«Как говорилось когда-то: «верить в случай — верить в бессмыслицу», или, что то же самое, в злую игру сатаны, а потому и хочется исходить из того, что данный рисунок отнюдь не случайное явление», — Кобек, усмехаясь, посмотрел на своего «соавтора».

Горько было думать о том, что к его работе прилагается этот невежда, который и доклады-то сам не пишет, перепоручает все своим подчиненным.

Начальник, сделав умное лицо, повторил за Кобеком:

— «Верить в случай — верить в бессмыслицу...», «данный рисунок отнюдь не случайное явление...» — затем он покачал головой и похвалил Кобека: — Молодец, Карамов, у тебя башка действительно варит. Ты нас тогда на коллегии по-настоящему поразил. Мы тут только тем и занимались, что выписывали для докладов цитаты из газет или дублировали архивные бумаги. А ты вон как: «верить в случай — верить в бессмыслицу». Слог что надо! — и он потянулся к рукописи.

Кобек, ухмыляясь, отдал бумаги.

— А где это написано? — задумчиво так спросил начальник, вглядываясь в начальную страницу.

— А вот этого я вам не скажу, — улыбнулся Кобек.

— Ах, да! — начальник виновато посмотрел на Кобека и, сразу же став серьезным, спросил: — Ну, как, решено оставить рукопись в моем сейфе? Мы, ведь, что ни говори, соавторы! — и он победно поглядел на Кобека.

— Пожалуйста, — развел руками Кобек, а про себя подумал: «Ну и поморочу же я тебя с разгадкой шифра!»

— Ну, и хорошо, — начальник подошел к сейфу, вытащил из кармана ключи, открыл дверцу и положил бумаги на стопку папок. — Вот здесь и будут лежать твои записи. Никто их не тронет!

Закрыв дверцу на ключ, он облегченно вздохнул.

— Теперь ни о чем не беспокойся, вот тут и будем сидеть и приводить рукопись в должный вид!

«Нашел чем пугать, пройдоха. Но сидеть я с тобой не собираюсь!» — подумал Кобек, но сделал вид, что намеки начальника до него не дошли и беспечно сказал:

— Мне-то что! Меня только удивляет сегодняшняя пропажа! Прямо фантастика какая-то!

— Да, это странно, — согласился начальник. — Но теперь ни о чем не беспокойся!

— Хорошо, — поблагодарил его Кобек и вышел из кабинета.

Когда он распахнул дверь, Адлес едва успел отскочить в сторону, но Кобек не придал этому никакого значения — ему необходимо было выговориться!

— Ты представляешь, тех бумаг утром не было в столе, — сказал он, разводя руками. — Не было, я это точно

знаю, ведь я перебрал все бумажки... А вернулся с перерыва они лежат на месте, представляешь!..

Закончив свой рассказ, Кобек внимательно посмотрел на приятеля.

— Да, это интересно, — смущенно проговорил Адлес.

Кобек продолжал следить за выражением его лица, но ничего подозрительного не заметил.

— А чего это ты все у дверей стоишь? — вырвалось вдруг у Кобека.

— Да так, проходил по коридору, услышал громкие голоса и подошел на всякий случай к двери, спокойно ответил Адлес и тут же предложил: — Надо отметить твою находку, я сейчас достану чего-нибудь, а вечером посидим. Давай!

— Это можно, — проговорил Кобек, — по-прежнему удивляясь и гадая: начальник или Адлес проделали этот фокус; ясно было только то, что следователем в этом деле ему не быть.

Зайдя к девушкам, он еще не раз спросил, не заходил ли кто в его комнату, но они снова ответили «нет», а когда он и им рассказал историю о пропаже своих записей, они недоумевали вместе с ним.

«Видимо, кто-то в перерыв, когда никого не было, занес и положил бумаги в стол, — предположил Кобек.

— Но кто? Начальник или Адлес? Будь я криминалистом, взял бы отпечатки пальцев... Начальник без всяких раздумий взял в руки бумаги. А может быть, с умыслом? Да нет, я же сам их ему протянул. Тут отпечатки не помогут. А Адлес? Настоящий детектив не исключил бы мысль о том, что он работал в перчатках! Но в таком случае отпечатки пальцев тоже ни к чему. Значит, подозрение падает и на начальника, взявшего в руки бумаги, чтобы запутать следствие, и на Адлеса, который, боясь наследишь, не взял их в руки. Вот так история!» — поражался Кобек.

«А может, я действительно плохо искал? — засомневался он, но тут же заглушил эти сомнения. — Я ведь каждый листок перебрал — рукописи в столе не было!»

В это время позвонили.

– Товарищ Карамов, вас! – раздался голос Фатимы. Кобек с трудом оторвался от своего расследования.

– Положите трубку, – крикнул он соседкам.

– Товарищ Карамов? – спросил мужской голос.

– Да, он самый.

– Слушайте, это звонит Кулаев, раньше вы у нас работали в проектном.

– Здравствуйте, Кулаев, узнаю ваш голос, – проговорил Кобек.

– Тут у нас такое дело: трагически погибла наша сотрудница Аллахвердова. Вы ее знали...

– Римма? – поразился Кобек. – Погибла Римма?!

– Да, да, она. Так как и вы ее хорошо знали, мы решили пригласить вас на похороны...

– А как она погибла?

– Позавчера ее убили на квартире. Зверски убили.

– За что?

– Неизвестно, наверное, ограбление. По рассказам ее подруги, из вещей пропали только какие-то кольца, говорят, дешевые...

– Кольца? Из-за колец убить человека! Женщину! Подонки!

– Да, к сожалению, ничего больше неизвестно. Возможно, месть... Мотивы неясны. Преступника ищут. Приходите, в три часа мы выходим из института.

– Постараюсь, – закончив разговор, Кобек еще долго держал у уха трубку с бившими прямо в него короткими гудками.

Держал до тех пор, пока не зашла Фатима и, удивленно посмотрев на него, и произнесла:

– Что с вами? Мы никак не можем позвонить.

– А-а, – придя в себя, Кобек положил трубку. – Оказывается, женщина, о которой вчера говорила ваша подруга, из проектного института, где я когда-то работал, и я ее знал. Красивая молодая женщина! Страшно все это! За какие-то безделушки отнять жизнь...

– Ее ограбили? Интересно, что взяли? – поинтересовалась Фатима.

– Да что у нее могли взять! – Кобек хотел было рассказать, что бывал у нее дома, но передумал, решив, что нечего ему распространяться об этом. Получала такую

же зарплату, как все, и жила только на нее. Наверное, взяла то, что было на виду... — и он рассеянно взглянул на Фатиму.

Что это были за кольца, он, конечно, догадывался. «Но зачем говорить об этом молодой девушке? Да хоть кому! Зачем впутывать себя в эту историю?» — рассудив так, он опустил голову, давая понять, что разговор окончен.

Фатима пошла к себе и сразу рассказала эту историю другим девушкам. Они прибежали к Кобеку и начали задавать вопросы, он рассказал им нехотя то же, что и Фатиме. Девушки, глядя в окно, делились своими предположениями.

— А сколько ей было лет? — спросила Фатима.

— Около тридцати, — ответил Кобек, вспоминая ее красивое лицо, большие глаза, статную фигуру; вспоминал, как танцевал с ней на одном из институтских вечеров, когда чуть было не закрутил с ней роман, вспомнил и тот злосчастный вечер: как они пришли к ней с Дуче, как Римма мучалась от наглых домогательств его приятеля, потом эти кольца...

— А она была замужем? — прервала его раздумья Хабиба.

— Нет, — Кобек посмотрел на часы. — Мне пора на похороны, — он встал и пошел к дверям.

У выхода из здания ему повстречался Адлес, в руках у него был сверток.

— Взял, — заулыбался Адлес, но, посмотрев на Кобека, сочувственно спросил: — Что-нибудь случилось?

— Сообщили из проектного института, что позавчера убили их сотрудницу, сегодня похороны, надо идти.

— А, это та женщина, о которой весь город говорит. Так ты ее знал?

— Да, конечно, надо идти на похороны.

— ...

— Выпьем в следующий раз, может, даже завтра!

— Завтра может не быть, — ответил Адлес поговоркой из их производственного фольклора и просительно улыбнулся.

— Надо идти, Адлес.

— А может, не надо? Кто там тебя помнит, столько уж лет прошло!

— Да не в том дело, помнят или нет, а для себя, ведь я знал эту женщину.

— Не думаешь же ты вернуть ее с того света? И вообще, это плохое занятие — смотреть на покойника...

Кобек поддался уговорам Адлеса, и они пошли на Зеленый остров. Там, найдя оставленный выпивохами стакан, они сели на скамейку и не спеша стали пить, закусывая солеными огурцами, прихваченными по пути у какой-то бабки. Кобек, опечаленный гибелью Риммы, сначала предложил, по русскому обычаю, помянуть ее, а потом тарактел без умолку: осуждал жестокость, насилие, современные нравы...

— Из-за каких-то колец убить беззащитную женщину! — вырвалось у него, но он тут же прикусил язык, подумав, что проговорился, сообщив такую подробность, и покраснел.

Адлес с любопытством посмотрел на него:

— Что это с тобой? — улыбнулся он.

— Ничего. Говорю, что из-за пустяка убили слабое существо, — стараясь сохранить хладнокровие, проговорил Кобек.

— А что это за кольца? Из дома унесли драгоценности? — Адлес был не из тех, кто пропускает мимо ушей подробности.

— Да, приятель так говорил, который сегодня звонил, — хотя Кобек и говорил, как было на самом деле, ему самому вдруг показалось, что, ссылаясь на приятеля, он оправдывается и лицо его вновь покрылось краской.

Адлес улыбнулся. Кобек подумал, что от его щек, наверное, можно прикуривать.

— Что-то жарко, — вздохнул он.

— Наоборот, мне прохладно, — фыркнул Адлес и продолжил наблюдение за Кобеком.

Адлес во время разговоров всегда глядел на него с таким вниманием, но теперь вдруг Кобеку подумалось, что этим упоминанием о кольцах и своим смущением он мог натолкнуть его на мысль о его причастности к злодеянию. Он понимал, конечно, что это чудовищное подозрение не имеет под собой никакой почвы, и все же, чтобы у Адлеса не оставалось ни малейшего сомнения...

— В те дни я был в райцентре... — сказал он и вздохнул с облегчением.

— А что ты мог изменить, если бы был в городе? Ты говоришь так, будто знал преступников, или был в близких отношениях с потерпевшей, или знал о готовящемся преступлении! — удивился Адлес.

— Ради бога! Конечно, я ничего не знал. Я к тому, что меня в это время не было в городе.

— Опять!.. Тебе что, алиби нужно? — засмеялся Адлес.

— Какое алиби?! — засмеялся и Кобек, справившись с какой-то внутренней дрожью: очень уж круто повернул этот Адлес: алиби!

Внимание собеседников отвлекли пристроившиеся на ветках сороки, они поочередно, не перебивая друг друга, трещали, потом одна из них перелетела к берегу и запрыгала вдоль кромки воды; та, которая осталась на ветке, затрещала еще сильнее, будто что-то напоминала своей спутнице и, сорвавшись с ветки, улетела в густую рощу, за ней устремилась и та, что совершала моцион у воды.

— А что если это оборотни?! — стараясь переменить тему, сказал Кобек, показывая на улетающих сорок.

— Тогда они подслушали наш разговор, — многозначительно проговорил Адлес и этим еще больше смутил Кобека.

Разговор этот не прошел бесследно. Кобек, возвращаясь домой, жалел, что затеял его, и думал о том, что было бы гораздо лучше, если бы он пошел на похороны. Дома он, ни с кем не разговаривая, лежал, закрыв глаза, на диване, представляя смерть Риммы. Почему-то он был уверен, что в доме Риммы разыгралась сцена, подобной той, которую хорошо помнил и вряд ли забыл Дуче. Ему казалось, что некий гость сидел у Риммы до тех пор, пока она демонстративно не сняла с пальцев кольца и не бросила их в вазу; возможно, что, когда она пошла в ванну, тот незамедлительно сунул кольца в карман, потом вернулась Римма и, обнаружив пропажу, уличила его в воровстве и начала выдворять; тот в отместку решил ее припугнуть; возможно, он не хотел убивать, но, ударив,

подумал о наказании, ведь Римма могла заявить в милицию, а возможно, что он сразу нанес серьезное увечье; может быть, и пытал, ища драгоценности, деньги; в любом случае, Римма должна была кричать, значит, он зажал ей рот; возможно, что преступник был не один, и, похоже, это матерый бандит... Так, растянувшись на диване, Кобек вел это самодеятельное расследование. Вникая в подробности, он вдруг с ужасом обнаружил, что, представляя себе весь ход преступления, сам вживается в роль преступника, думает о том, как бы он сам вел себя в этой уголовной истории. «Ну, нет, ради бога, ударить ножом беззащитную женщину я бы не смог!» — оборвал себя Кобек и промокнул выступивший на лбу пот. «А Дуче смог бы? — спросил себя Кобек. — Может, и смог, но, слава Аллаху, и у него, как и у меня, есть алиби,» — он ответил на свой вопрос, но удовлетворения не получил и снова вспомнил разговор с Адлесом, и опять осудил себя за то, что чуть было не оговорил себя. Потом, чтобы отвлечься, он стал думать об исчезновении рукописи. «Что за шутки? И кому понадобилось это?» — задавал он себе вопросы, на которые так и не находил ответа. Но долго ему не пришлось занимать себя этими загадками: опять, наводя ужас, прокрался в сознание образ несчастной Риммы. «Надо было пойти на похороны! — попенял на себя Кобек. — А все Адлес! — от него одни только неприятности!» На душе было тоскливо и страшно одиноко.

Богородица

На следующий день Кобек совершенно случайно встретился на улице с Кулаевым, своим бывшим сослуживцем. Кулаев — седовласый, приятной наружности мужчина, в проектном институте его всегда выбирали председателем профкома, человек он был невредный, участливый и, по возможности, охотно помогал людям. При виде Кобека Кулаев улыбнулся и протянул ему руку.

— Как ваши дела, Карамов? — спросил он, учтиво улыбаясь.

— Да ничего, спасибо! А как ваши? — спросил Кобек, обдумывая, что ему ответить, если тот вдруг спросит, почему его не было на похоронах.

— Мое дело стариковское, тяну до пенсии. Скорей бы уж...

— И что вы намерены делать, когда уйдете на покой? — праздно поинтересовался Кобек.

— Уж я, найду, что. Я ведь всегда был при деле, никогда не унывал. Это теперешняя работа скучная, а так, где меня только не носило! Сибирь, Средняя Азия, даже в Монголии строил. Я — бывалый вояка! — похвалялся Кулаев, хитро щуря глаза.

— Да, в ваше время к жизни был другой подход. Я, может, и чувствую в себе вашу романтику, но сам с места не сдвинусь. Как начну задавать себе вопросы: куда ехать? где жить? дадут ли должность по душе?.. А вдруг там то же, что и здесь? — и Кобек развел руками.

— Ты, милый человек, с такими вопросами и из дома не выйдешь, — засмеялся Кулаев, — надо быть смелым, а если хочешь, даже чуточку свихнутым. А робость эта у тебя от ума. У нас говорят: «Пока умный думает, дурак дело делает». Жизнь интересна, когда у нее неожиданные повороты. Дерзай, ты молод! — сказал он, весело глядя в глаза Кобека.

— Да, вы правы! У нашего поколения нет чувства новизны, нам все кажется познанным. Из-за своего неведения, быть может, наши предшественники и романтизировали мир и присвоили себе всю его энергию! Или этот информационный бум сделал нас такими скучными, уверенными в своей исключительности...

— С первым я не согласен. Мир постоянно обновляется, и романтический взгляд на него вполне естествен. А насчет второго могу согласиться. Телевизор, кино, всякие там другие средства массовой информации, с одной стороны, обогащают нас, а с другой — действительно скывывают и ум, и чувства. Многие, к сожалению, начинают жить по каким-то готовым рецептам, чьими-то мыслями и даже чувствами. Тут уж надо быстрее определиться: не давать себе затеряться в этом океане, пропускать мимо все ненужное и брать самое необходимое. И действительно, когда человеку вталкивают в башку, что мир

познан, и он начинает верить в это, от такой самоуверенности только беда. Во-первых, скучно жить, думая, что впереди — пустота, да и от мысли, что кто-то другой познал истину, нехорошо делается... Во-вторых, это порождает многие пороки: лень ума, вообще лень, сознание своей никчемности, порождающее преступные действия... Да мало ли? В-третьих, я согласен с тобой. Рождается обманчивое представление о мире. Дилетант-всезнайка — это опасность для общества, он, дай ему волю, немало дров наломает!

— А что же делать? — как-то наивно, но и сознавая свою наивность, спросил Кобек.

— А вы, товарищ, изменились. И в лучшую сторону. Когда у нас работали, честно скажу, не нравилось мне, как вы пыль в глаза пускали. — Перечеркнув это их прошлое, он прямо посмотрел на Кобека. — Что же делать? — переспросил он. — Что делать! Дерзай, не бойся, есть какая-то твоя сокровенная миссия. Есть!

— Спасибо, успокоили, — улыбнулся Кобек, поверив словам бывшего коллеги, но тут же, будто опомнившись, спросил: — А если нет и никогда не будет?!

Кулаев улыбнулся.

— Человек чего хочет, того добивается. Конечно, в пределах разумного, сообразно своим возможностям.

— А если этой цели нет или она не ясна? Как же тогда с миссией быть?

— Ну, этого, милый человек, я не знаю. Человек всегда чего-то хочет. Кто денег, кто детей, кто воспитанием озабочен, кто в науке старается выдвинуться, кто в искусстве... — И, поставив здесь крутое многоточие, он вопросительно посмотрел на Кобека, подавшись к нему так, что было видно, как ему хочется помочь собрату. — А так, милый человек, получается: чего-то хочу, сам не знаю чего, маниловщина какая-то!

— Действительно, маниловщина, — философски заключил Кобек, чтобы бывший коллега не подумал, что у него именно такое — неопределенное — состояние, и, чтобы совсем отвлечь его, спросил: — Не знаете, что с Риммой? Как все это случилось?

— Похоронили нашу красавицу писаную. Всего-то тридцать и было! Жить бы еще да жить! А тут такое! Из-

верг или изверги! Никто ничего не знает. Но милиция, надеемся, найдет. А пока, как говорится, «Тому, кто скотину украл, один грех, а хозяину тысячу грехов». Можно грешить на каждого, но ясно, что это были не люди, а зверье какое-то! За что? Из-за мести? Из-за богатства? Да какое у нее богатство! — Кулаев плюнул себе под ноги, потом, чуть успокоившись, спросил Кобека: — А ты почему не пришел вчера?

— Не смог, — виновато проговорил Кобек.

— Зря, зря, — упрекнул его Кулаев и добавил глубоко-мысленно: — Такая опрометчивость долго душу мучает. Ты хоть на кладбище сходи, — и он протянул на прощание руку. — Дерзай, у тебя все впереди. Ты молод — и это твое главное оружие! А нам уже самую последнюю точку пора искать, — Кулаев улыбнулся и, не дожидаясь прощальных слов Кобека, заторопился своей дорогой.

— Вашей энергии на всех нас — молодых — хватит, — прокричал ему вслед Кобек.

Кулаев оглянулся и, ответив улыбкой, пошел дальше.

«Не ценил я его в институте. Как последний негодник поддеть старался, чтобы он власть мою чувствовал», — осудил себя Кобек.

«Такая опрометчивость долго душу мучает, — повторив слова своего бывшего коллеги, он задумался, ища объяснений, но, не найдя ничего вразумительного, сказал сам себе: Ерунда какая-то!» — и в который уже раз отмел эти романтические бредни.

В конце рабочего дня он позвонил Фейруз.

Она сразу узнала его голос.

— Кобек, ну где же ты пропадал! Я так ждала твоего звонка! — проговорила она в ответ на его приветствие.

— Прямо-таки сумасшедшие дни, Фейруз. Собачьи нервы нужны, чтобы все это выдержать. Не хотел и звонить тебе в таком настроении, — начал оправдываться Кобек, говоря приглушенным голосом, чтобы его не слышали в соседней комнате.

— А знаешь, я все эти дни рассказывала Юхану о нашей поездке и о тебе...

— Что же обо мне можно рассказывать?

— Только хорошее, у тебя уживчивый характер, в нашем доме такие люди — желанные гости...

Послышались шаги в соседней комнате, в дверях появился Адлес. Прикинувшись смущенным, он с любопытством поглядел на Кобека. Кобек показал ему на стул.

— А кто же невхож в ваш дом? — спросил Кобек.

— Юхан и я, мы оба не выносим непоследовательных, шумливых, наглых людей.

— Слава Аллаху, я действительно не такой. Правда, непоследовательным бываю довольно часто. Иногда поддаюсь и чувствам.

— Поддаешься добрым чувствам. Ты не смог бы сегодня вечером прийти к нам?

— К вам, домой? А это удобно? Муж все-таки!

— Не усложняй жизнь, Кобек! Мы ждем тебя сегодня, будем рады. Запиши, пожалуйста, адрес.

Кобек взял карандаш.

— До встречи, — колокольчиком прозвенел голос Фейруз.

— До встречи, — проговорил Кобек и положил трубку. Адлес встал и, подойдя к столу, потянулся к записке. Но Кобек был начеку, быстро сложил бумажку и засунул в карман.

— Встречи назначаете, Карамов? Ну и проказник вы, это при живой-то жене! — игриво проговорил Адлес.

— Жена — не стена, подвинется, — Кобек решил отделаться от него ходячей и довольно пошлой шуточкой.

— А я хотел с тобой бутылочку распечатать, — проговорил Адлес, загадочно улыбнувшись.

«Чего это ты меня спаиваешь и чего, вообще, пристал и не отстаешь ни на шаг, будто кем-то приставленный!» — хотелось ему сказать Адлесу, но вместо этого, в тон его речам, проговорил шутливо:

— Мы с тобой сопьемся, если каждый день по бутылочке. И чего это ты на меня тратишься, так тебе никакой зарплаты не хватит!

— Да ерунда! Ну, так что — давай? — зеленые глаза Адлеса насмешливо глядели на Кобека.

— Нет, Адлес, у меня сегодня важные дела, — твердо проговорил Кобек.

— Какие это, если не секрет?

— Не секрет, Адлес, но болтать об этом не стоит. Да и зачем тебе?

— А я думал: мы — друзья! — продолжал Адлес в том же игривом тоне.

Кобек улыбнулся этой наглой настойчивости, но все же, сглаживая разговор, примирительно проговорил:

— Я же сказал, что я сегодня занят.

— Ладно-ладно, — сделал обиженное лицо Адлес и, резко переменив тон, зловеще проговорил: — А я тебе важную новость хотел сообщить!

— Ну, говори...

— Нет уж! Хотел за бутылочкой, — и, как актер, вскинув голову, словно обретя в борьбе с самим собой чувство собственного достоинства, Адлес удалился.

Кобек не обратил никакого внимания на эту мизансцену.

С работы он ушел чуть раньше. Зашел домой, переодеться. С женой не разговаривал. Дети норовили подойти к нему, но жена каждый раз молча уводила их в кухню, как от отвергнутого обществом или особо опасного преступника. Кобек, посмеиваясь над действиями Кунбийке, надел свежую голубую сорочку, новый костюм, который доставал только по праздникам; подойдя к зеркалу, причесался, посмотрел на себя, подумал, надеть или нет галстук; решив, что сойдет и так, и захватив куртку, вышел из дома. Перед лифтом воззвал к небесам, чтобы не сработал закон подлости. А когда лифт благополучно довез его до первого этажа, погрозил ему пальцем, чтобы он впредь не нервировал его.

Без особого труда нашел дом и квартиру Фейруз. Позвонил. Дверь открыл рослый, на голову выше его, светловолосый мужчина в черных очках.

Кобек обрел и растерянно посмотрел на мужчину.

— Я, может, ошибся квартирой? — смущенно проговорил он.

Но тут из-за спины мужчины выскользнула голова подоспевшей Фейруз.

— Заходи, Кобек, это мой супруг, заходи! — выражая радость и взглядом, и голосом, проговорила Фейруз.

— Заходите, Ко-обек, — нараспев и делая ударение на первом слоге, приветливо пригласил и муж.

В прихожей включили свет. Во вделанном в стену зеркале Кобек увидел свое отражение.

— Ботинки можешь не снимать, — удаляясь в глубь квартиры, крикнула Фейруз.

— Не снимайте, — повторил за нею и муж. Кобек повесил на вешалку куртку и все же разулся.

Супруг Фейруз, поддерживая очки, наклонившись, подал кожаные тапочки, которые оказались Кобеку велики.

Хозяин квартиры улыбнулся, представив себе состояние Кобека.

— Входите, — учтиво пригласил он.

Кобек вошел в комнату и огляделся. Передняя стена была увешана не застекленными книжными полками от пола до самого потолка, у боковой стены над угловым диваном какой-то затейливой конструкции висели иконы, перед диваном стоял потемневший от времени и копоты ногайский треножный столик-сыпра, возле сыпры — обыкновенная ручная мельница из камня, рядом с ней домашняя чесалка и деревянная маслобойка.

— У вас тут настоящий музей, даже в нашем городском нет таких экспонатов, — проговорил ошеломленный Кобек.

Из другой комнаты, возбужденная и принаряженная, вернулась Фейруз и, быстро оглядев зал, сказала:

— Это все собрал Юхан. Вот за эти штучки, — она показала на предметы старинного быта, — он отвалил три своих оклада, надули, беднягу, наши джигиты...

— Они стоят этих денег, Фейруз, — перебил ее муж, мотнув головой.

— А эти, она показала на иконы, — через антикваров приобретает в разных городах, но чаще в Москве, и все — за чеки.

— Будет тебе, — пробубнил под нос ее супруг.

Но Фейруз, подойдя к книжным полкам, продолжала.

— А это — моя страсть. Здесь часть юхановских книг на английском и норвежском, а все остальное — плоды моих трудов и поисков, еще в студенческие годы покупа-

ла, — она с улыбкой посмотрела на мужа, — Юхан немало помог мне, он развил мой вкус... Я очень жалею, что не знаю языков, надо было хотя бы английский выучить, чтобы читать в оригинале Шекспира, Моэма, Хемингуэя, Селлинджера... А еще больше я хотела бы знать японский, читать их литературу в оригинале, это — предел моих мечтаний!..

— Я тоже люблю японскую литературу, особенно Акутагаву, он проник в такие тайны человеческой души, которые европейская культура считала чуть ли не первобытными инстинктами и всегда старалась обойти в искусстве. — Вставив словцо, Кобек подошел к полкам и стал рассматривать корешки книг.

— У вас совпадают вкусы, — покровительственно сказал Юхан, склонив голову в сторону Фейруз и тут же конвульсивно подав ее назад.

Кобек повернулся на его голос и, пользуясь моментом, взгляделся в лицо супруга Фейруз: заметил пот на его лоснящемся лбу, глубоко врезанные морщины; как и носик — клювиком, его рот был маленьким и влажно-красным. «Лицо очень неприятное, да еще эти странные подергивания». Поглядев на свежее, молодое лицо Фейруз, на ее большие миндалевидные глаза, на крупные ресницы, Кобек удивился несоответствию супругов и задумался над тем, как она могла выйти за такого непривлекательного человека.

Потом Кобек перешел к стене, на которой висели иконы.

— У вас тут целый иконостас! — похвалил Кобек, поворачиваясь к хозяевам.

— Это страсть Юхана! Мне больше нравилось, когда он увлекался импрессионизмом, но ту коллекцию он оставил в Осло, кое-что раздарил здесь, обменял. Здесь есть иконы, которым двести с лишним лет, — она подошла к Кобеку и показала на большую икону, висевшую особняком, сбоку, — вот эта, например, конца XVII века...

Кобек с любопытством взгляделся в потемневшую от времени живопись, изображавшую троицу. Несмотря на блеклость красок и обветшалость иконы, в ней чувствовалось какое-то художественное единство... Кобек это

понимал, но от иконы веяло холодом, и он, не сдержавшись, сказал:

— Я понимаю, что это высокое искусство, но не трогают меня эти картины. Их однообразие, их строгие каноны напоминают мне наших кипчакских баб...

— Ты просто молодчина, Кобек! Мне тоже холодно от них, — обрадованно проговорила Фейруз.

— Вы — восточные люди, и у вас просто внутренняя предвзятость ко всему, связанному с христианством, — спокойно проговорил Юхан.

— Возможно, Юхан прав, — не стал спорить Кобек.

— Не знаю, мне просто не по душе эта строгость, — скривила губы Фейруз.

— Какая же тут строгость, радость моя! — сказал, привычно мотая головой, Юхан. — Посмотри, как любовно сидят эти три ангела, сколько в них света и доброты! Здесь воплощен высший смысл бытия человека. Этим и отличается православная икона. Я однообразия не вижу в этих ликах, я вижу торжество искусства над суетным миром...

Кобек ничего не ответил, но рассуждения Юхана показались ему справедливыми. И все же его впечатление не изменилось: иконописные лики его смущали. Затем его внимание привлекла небольшая икона, изображавшая Христа.

— К сожалению, я плохо знаю саму религию, потому что нам ее не преподают, и с детства не впитал христианское учение. Иисус Христос — сын божий? — спросил он, глядя на Юхана.

— Да, — мотнул головой Юхан и добавил: — Он в божестве, бог — в нем.

— Мужчины, я хочу вас пригласить на чай, проходите в кухню, — сказала Фейруз.

— Да-да, давайте пить чай, — поддержал жену Юхан, касаясь рукой плеча Кобека.

— Ладно, о Христе поговорим потом, — сказал Кобек и, в сопровождении Юхана, пошел в кухню.

Там стоял гарнитур цвета яичного желтка и даже диван был обшит желтой тканью.

— Необычный цвет! — удивился Кобек.

Это все Юхан, обычный наш отечественный гарнитур перекрасил и покрыл лаком и для дивана подобрал обивку в тон. — Фейруз поставила чайник на плиту и стала доставать из холодильника закуски, свежие овощи.

Юхан помог ей нарезать колбасу, сыр, хлеб, Фейруз помыла огурцы и помидоры, потом они вместе поставили все на стол.

— Только закуски, — извинительно сказала Фейруз.

— Это хорошо, я сегодня сытно пообедал.

— Какой чай заварить, Кобек? Можно из зверобоя? Или индийский, китайский? Мы пьем заваренный на зверобое! — сказала Фейруз, выключая свистевший чайник.

— Тогда и я со зверобоем, — ответил Кобек. Пока Фейруз заваривала чай, Юхан, поставив перед Кобеком чистую тарелку, положил на нее закуски, потом наполнил тарелку Фейруз, а себе положил только зелень и овощи.

— Он у нас вегетарианец, — объяснила Фейруз.

— А ты не пробовала перейти на растительную пищу? — без особого интереса спросил Кобек.

— Что ты! Я люблю мясо, даже медвежатину ем... А у Юхана по этому поводу свои соображения... — она улыбнулась мужу и, расставив чашки, села за стол.

— Сейчас это модно, я читал в газетах, что многие увлекаются вегетарианством, — произнес Кобек, разрезая длинный парниковый огурец.

— Кому что нравится, — тщательно перемалывая зелень, самодовольно сказал Юхан.

— Я их всех, этих вегетарианцев, кроликами называю, — весело проговорила Фейруз и, повернув голову к Кобеку, спросила: — Может, сделать тебе бутерброд?

— Я сам сделаю, — Кобек окончательно освоился в этой компании и взял со стола хлеб и колбасу.

Покончив с закусками, они приступили к чаю, хозяйка пила его без сахара, для Кобека это было непривычно, и он взял из вазы конфету. Юхан первым встал из-за стола.

— Ешьте, ешьте, я со своим рационом справился, — сказал он Фейруз и Кобеку и вытер свой ротик салфеткой.

— Спасибо, очень вкусно, — поблагодарил Кобек, допив свой чай.

— Итак, Кобек, сказал Юхан, сделав ударение на первом слоге, — ты хотел спросить меня о христианстве?

— Да, во-первых, верите ли вы? — спросил Кобек.

— В храм никогда не ходил, но всегда знал, что на свете много вещей, необъяснимых без влияния божественной силы, — ответил, усмехаясь, Юхан.

— Каких, например?

— Происхождение вселенной, земли, разума человека, да и всего живого на земле.

— Значит, хочется верить в то, что миропорядок кем-то создан и кем-то управляется!

— Возможно. Хочется, — ухмыльнулся Юхан.

— Хорошо, а почему же не принять мир таким, каков он есть, — извечным. Он никем не создавался, а был таким всегда, без какой бы то ни было точки отсчета. Все было: и космос, и планеты, и кометы, и светила, и земля. Все изначально было и все находилось в движении. Почему мы привыкли для точки отсчета брать пустоту?! Как вечно само космическое пространство, вечны светила и планеты... — Кобек вопросительно посмотрел на Юхана, но за его очками не было видно глаз. — Понимаю, что такой материализм пугает. Но это единственное объяснение вселенной. Боги были нужны, пока человек не вышел в космос.

— Ну, хорошо, а разум? — спросил Юхан.

— Разум появляется там, где возникает жизнь в ее высших проявлениях.

— Понимаю, — усмехнулся Юхан и вяло добавил: — Это идеология вашей страны, я не отрицаю ее, на сегодняшний день и для меня тоже — это самое логичное объяснение, самое разумное. Но, Кобек, нам, людям, так одиноко без тех, кто уже по ту сторону бытия...

— В общем, хочется милой лжи? — понимающе спросил Кобек.

— Да, успокаивающего обмана. Сознание никак не хочет смириться с тем, что ты создан на какой-то миг!

— Каждый из нас переживает это. Ну, ладно, тогда вернемся к религии... — Кобек призадумался и спросил: — Слушай, а ты веришь в ангелов? В этих крылатых существ?

Юхан улыбнулся, неопределенно вскинул плечами.

— Так что это может быть?

— Наверное, это мечты человека!

— А может, кого-то другого... — будто самому себе сказал Кобек, но не стал развивать эту мысль. — Все же вернемся к религии, — и он начал говорить о том, что его волновало последние годы. — У меня, надо полагать, наследственная психология мусульманина, но мое поколение оказалось сегодня в изоляции от этой религии. Не знаем ни основных ее положений, ни единой молитвы. Коран для нас всех за семью печатями, ведь без знания арабского к нему не подступишься. Сведения о буддизме проникали к нам, но отношений с этой верой не возникало и вряд ли они когда-нибудь возникнут: наши народы далеки от нее. Остается христианство... Положения этой религии повлияли на развитие и европейской, и русской культуры. Да и наши просвещенные мужи питаются плодами этих культур. Поэтому мне и хотелось бы приобщиться к христианской культуре, понять ее. А ты, Юхан, европеец и должен быть сведущ в этих вопросах, — Кобек вопрошающе поглядел на собеседника.

— Ну да, — согласился Юхан.

— А раз ты коллекционируешь русские иконы, у тебя должно быть полное представление о христианстве. Я хочу знать, что ты думаешь о Христе как о божественном образе?

— Уникальный пример! Иисус сеял добро и за это принял мучение, пострадал за людей и простил принесших ему страдание. Своим смирением он призвал людей верить в милосердие, в бога...

— Значит, в основе христианского учения распятие?

— Чисто литературно — да.

— Ну, давай литературно. После распятия на третий день он воскрес, простил людей и покинул их, улетев в небо. Так?

— Так.

— Но и до распятия он знал, что с ним сделают, он пошел на смерть, на мученичество ради идеи. Правильно?

— Да, и в этом вся его сила.

— Но еще до распятия он знал, что воскреснет. Значит, для него, обладавшего такой чудодейственной силой, распятие не было трагическим исходом, тем более что после своего воскресения он дает Фоме возможность убедиться в истинности своего страдания, и тот, «суя пальцы в раны», уже не сомневается в этом. Страдания Иисуса побуждают людей к покаянию, их поражает сила духа идущего на крест за свои убеждения. Но теперь подумаем: если человек твердо знает, что воскреснет, то он не только из-за идеи, но даже из простого любопытства может подвергнуть себя распятию. Но я понимаю, в чем тут дело: религия не могла восславить простого человека, принявшего мученичество за добродетель и в благодарность за это воскрешенного, ей нужен был божественный, а значит, и поучительный образ. Хотя христианство и обещает воскрешение каждому смертному, мы сомневаемся в правдивости этих обещаний. В этом сомнении и заключены наши страдания. Неверующий человек чувствует в этом сюжете какую-то натяжку!

— Правильно, Кобек. Но хочется верить в этот «сюжет». Хочется!

— И мне хочется. Но не в сюжет, а в объективно существующий прототип...

— Слушая тебя, я начинаю понимать, почему почти через семь столетий после утверждения христианства была пересмотрена эта идея. Ты идешь к своим мусульманским корням.

— Возможно, они действительно все определяют, — согласился Кобек, все еще не чувствуя удовлетворения от этого разговора.

— Какие вы оба умные! — вступила в беседу Фейруз. — Я никогда об этом не думала. Для меня лишь бы люди были хорошие. Добрые, понимающие друг друга.

— Мы как раз об этом и говорим, — улыбнулся Кобек и добавил: — Хотим, чтобы все мы были добрыми и понимающими себя и свое бытие.

— Извините, — и Юхан встал, держась за поясицу.

— Тебе плохо? — испугалась Фейруз.

— Нет, я сейчас что-то покажу Кобеку, — он пошел в соседнюю комнату и вскоре вернулся, держа в руках небольшую икону.

— А-а, — вскинула головой Фейруз и загадочно посмотрела на Кобека.

— Что это? — удивился Кобек, взяв протянутую дощечку: на ней в образе богоматери была изображена женщина, в которой Кобек сразу же узнал Фейруз, но в руках она держала не младенца, а пегого щенка-пойнтера, глаза Фейруз задумчиво смотрели в сторону, открытый лоб, чистое лицо отливало тусклым золотом, как солнечный круг, светился бледно-желтый нимб, щенок, как родное дитя, жался к темно-синему платью... — Слушайте, — воскликнул пораженный Кобек, — кто этот потрясающий художник?

— Один наш знакомый, — сосредоточив внимание на себе, ответила Фейруз.

— Надо же было догадаться вписать сюда щенка! — не уставал поражаться Кобек.

— Это щенок художника. Он — большой любитель собак. Сам признается, что любит их больше, чем людей. Юхан заказал ему мой портрет, стилизованный под икону, но художник настаивал на том, что на месте младенца должен быть его любимый щенок. Юхан долго не соглашался, но и художник не уступал. Пока мы ходили в мастерскую, я привыкла к щенку — он такой милый, такой смысленный, такой жалкий... И я уговорила Юхана. Когда портрет был уже у нас, Юхан боялся его в руки брать, говорил, что это кощунственно, а теперь считает, что это драгоценная вещь... Правда, Юхан? — кивнула она мужу.

— Да-да. Это моя богиня, икона висит над моей кроватью. И я каждое утро и вечер молюсь ей, — он протянул руку к портрету и пристально всмотрелся в него, его голова рванулась в сторону, потом — в другую. — Я был очень счастлив тогда, это было божественное время в нашей жизни!

Фейруз, опустив глаза, вышла из кухни.

— Извини, пожалуйста, за любопытство! А сейчас ты так же счастлив? — спросил Кобек, вспомнив рассказы Фейруз.

— Ответить на это нетрудно. Ты не стесняйся со мной. Фейруз говорила, что вы — давние друзья. Я думаю, что человек счастлив до тридцати, от силы до сорока лет, а мне за пятьдесят. И теперь жизнь начинает казаться мне непосильной ношей, открываются какие-то хвори. У меня очень тяжелая болезнь, и дни мои, наверное, сочтены. Я доживаю свои дни с самым близким человеком. Я много думал о своей жизни и, в общем-то, доволен ею, благодарен ей за то, что она свела меня с Фейруз. Я познакомился с ней, когда мне было сорок пять, и я будто помолодел тогда; отказался от карьеры, от своего дела, от материальных благ, наконец; любовь закружила меня как школьника — это были самые яркие дни моей жизни, этим и живет моя душа сейчас... — Юхан снял очки, обнажив белые ресницы и потерявшие блеск голубые водянистые глаза.

Кобек внимательно посмотрел на него и подумал, что Юхану, наверное, не меньше шестидесяти: лицо одутловатое, мешки под глазами. «Какая несовместимость: молодость и красота Фейруз и этот некрасивый больной старик. В нем ведь ничего привлекательного! На что только польстилась Фейруз! И как он смеет говорить, что чем-то пожертвовал ради нее?» размышлял Кобек, чувствуя в себе зарождающуюся нелюбовь к Юхану.

Вошла Фейруз, глаза ее были влажными, она натянуто улыбнулась.

— Вы бы прошли в комнату... — пригласила она.

— И правда, Кобек, пойдем! — повторил за ней Юхан.

Кобек послушался.

— Садись, пожалуйста, — показал на диван хозяин.

Он отнес «драгоценную вещь» в свою спальню и тотчас вернулся.

Фейруз принесла низкую табуретку, наподобие тех, что делают в аулах, и села около сыпры, напротив мужчин.

— А это что такое? — удивился Кобек, показывая рукой на середину покрашенного желтой краской пола, где четко вырисовывались отпечатки чьих-то ног. — Забыли покрасить или специально так оставили?

— Может, и специально! — задал ему задачку Юхан.

— Зачем это? — выкатил глаза Кобек.

— Наверное, для памяти, — почти равнодушно ответил Юхан.

— Юхан красил полы в квартире. Другие комнаты покрасил как всегда: от дальних углов, а гостиную стал красить от углов, в результате — сам остался посередине и ждал, пока просохнет краска. Меня дома не было. И он так и простоял с щетками в руках больше восьми часов; когда я вернулась с работы, он еле на ногах держался. Глупенький, зачем тебе это было нужно! Наглотался яду, тогда у него и случился этот страшный приступ...

— Зато великолепная память. Каждый раз глядим и вспоминаем тот день! — горько усмехнулся Юхан.

— А вот эти жернова, — Фейруз показала на серые из песчанника камни, — он тащил на спине, сперва в Кызыл—Тогае, где купил их у какой-то старухи, потом здесь — в городе, все боялся, что мешок порвется... А о том, что сам мог надорваться, и не подумал...

— Опять-таки память, и эти иконы, — тоже, с каждой почти детективная история приключилась. Вон за ту самую «Троицу» нас с Фейруз чуть было не убили, — Юхан показал на иконостас.

— Да, мы уже заплатили за нее, — начала рассказывать Фейруз, — представляешь, чеками отдали две тысячи рублей! Нам ее вручили, а когда мы возвращались с той дачи, где встретились с продавцом, те, кто сопровождал нас к нему, остановили машину... Уже и ножи вытащили. Я плачу. Юхан молится — ну, все, думаем! И тут милиция выскакивает из-за деревьев. Оказывается, они давно за теми бандитами следили... Просто чудо какое-то! — всплеснула руками Фейруз и одарила мужчин лучезарной улыбкой.

Ничего вроде бы и не произошло, но Кобек вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. Он сразу же, как пришел сюда, начал сравнивать квартиру Фейруз со своей собственной, но вначале никаких особых различий не увидел, не считая, конечно, дикой метражной разницы между своей однокомнатной, где живут четверо, и этой трехкомнатной, где всего двое. Теперь же, слушающая рассказ Фейруз об иконе, стоившей две тысячи чеками, он перевел это на обычные деньги, и получилось, что это самое меньшее — четыре тысячи, но ведь это была

одна из десяти икон (он успел их пересчитать), плюс к иконам такая коллекция книг... «Да они миллионеры, какое богатство!» — подумал он, и ему стало как-то неуютно, почувствовал, как видно, что это люди не его круга. Он стал дергаться, ни с того ни с сего смущаться и, чтобы скрыть смущение, тянуть руку то ко лбу, то к усам, то глядя их, то пощипывая.

Вдруг Юхан схватился за бок, потом за спину и, весь побледнев, извинился:

— Ничего не поделаешь — я должен идти к себе. Вы сидите, разговаривайте.

— Тебе помочь? — вскочила Фейруз.

— Нет, не надо, — сухо сказал Юхан и направился к двери своего кабинета. Открыв ее, он на некоторое время застыл, держась за поясницу. Кобек в открытую дверь увидел длинные полки во всю стену, на которых стояли колбы и пузырьки, в дальней части комнаты — стол с медикаментами и больничную кушетку, застланную белой простыней.

— Теперь он надолго, — проговорила Фейруз, потирая виски пальцами.

Кобек вспомнил ту волшебную ночь, прикосновение ее нежного тела, передаваемое от нее тепло, и ощущение того, что она недоступная ему аристократка, стало как-то угасать; он восхищенно взглянул на нее, но тотчас, умерив свой пыл, спросил:

— А что это за болезнь?

— Рак, он уже второй месяц не ходит на работу, от больницы отказался, колет себя сам.

— Если все так безнадежно, то он мог бы уехать к себе и там умереть.

— Ой-ой, — качнула головой Фейруз и тихо заплакала.

— Прости, Фейруз, я что-то не то сказал!

— Ничего, ничего, все так, — вздохнула Фейруз. — Ехать он не хочет. Я говорила ему, что там и врачи лучше, и мать надо повидать. Но он ни за что не соглашается: врачи, говорит, разные, а исход — один. И матери не хочет сообщать о своей болезни. И хоронить велит здесь. Это какой-то ужас, Кобек! Если бы ты мог предсказать, какая у меня кошмарная жизнь! — схватившись за голову, она встала и, пересев поближе к Кобеку, положила голову ему на плечо.

— Я представляю, — сказал Кобек, беря ее руку в свою, но не находя слов для утешения.

— Медсестра из больницы приносит ему лекарства, но он вдобавок к этому достает через спекулянтов... На них только и держится. Сейчас уколется и до утра пролежит в забыты, — прошептала она и еще сильнее сжала руку Кобека.

Наступило молчание. Кобек почувствовал учащенное дыхание Фейруз, и в душу его влилась сладкая истома.

— Может, хочешь выпить? — спросила она, приподняв голову и искоса взглянув на Кобека.

Кобек неопределенно пожал плечами.

— Есть виски, коньяк. Что будешь?

— А ты?

— Я тоже выпью чуточку коньяка...

— Ну, и я — чуточку.

Фейруз принесла из кухни рюмки и почти полную бутылку коньяка. Поставив все это на стол, она снова исчезла и вскоре вернулась с конфетной вазочкой. Кобек разлил по рюмкам коньяк.

— За твое благополучие! Все как-нибудь устроится! — Кобек предложил тост и потянулся к рюмке Фейруз.

— Ах, Кобек, как все может устроиться! Ну, да ладно, — горестно вздохнула она и, чокнувшись с Кобеком, пригубила коньяк.

— По-моему, хороший коньяк!

Чтобы хоть как-то отвлечь Фейруз от печальных мыслей, Кобек готов был говорить о чем угодно.

— Ах, как я замучилась! — опустив голову на колени, Фейруз покачала ею, всхлипнув, подняла на Кобека глаза, ладонью левой руки осторожно провела по бровям и щеке, — я все о себе да о себе. Что у тебя, Кобек, нового за эти дни? Как встретили дома? — спросила она.

— Нового ничего. А с женой, я, наверное, разведусь...

— Это сразу не решается, надо все обдумать, ведь, что ни говори, у вас дети!

— Тут и решать нечего. Дети здесь ни причем. Эта женитьба исковеркала всю мою жизнь. Для жены самое главное, чтобы я носил в дом деньги, делал так называемый отцовский взнос. Ну, а денег я получаю мало. В общем-то, и не рвусь получать больше. Это ее бесит, и из-

за этого все ее укоры и придирки. Надоело! В конце концов я сам себе хозяин!

— Но дело, наверное, не только в зарплате, может, у вас разные интересы?

— Да у нее, кроме потребительских, никаких интересов нет! Она работает на мясокомбинате в две смены, если работает в дневную, то весь вечер у телевизора, если в вечернюю, то целыми днями таскается по магазинам, даже если купить нечего, ходит... И в этом весь ее интерес. Ну, правда, дети еще... Да я бы и рад был воспитывать их вместе, я и смотрел за ними, когда они были маленькие, но сейчас, если она скандалит со мной, то и их настраивает против меня. А самая большая ее вина в том, что она поссорила меня с отцом. — Тут Кобек запнулся, заметив, что перебирает, и стал оправдываться: — Может, я и сам виноват, что наши отношения осложнились. Мне надо было быть решительнее, когда отец остался один и захотел съехаться с нами — со мной или с братом, но ни я, ни брат не согласились на это. Я послушался жены, брат — тоже... Не надо было уступать, смалодушничал я. Но она виновата в этом...

— А отец жив?

— Да, после той истории он перебрался в аул и женился, потом опять овдовел, а сейчас пьет, но еще крепкий мужик. Тыфу-тыфу, здоровье у него хоть куда!

— Не стоит торопиться, Кобек, подумай! Надо все взвесить. А может быть, ты ошибаешься?

— Нет-нет, Фейруз. Роковую ошибку я совершил, когда женился. Но тогда я был молод и вообще ничего не понимал...

— Но ведь что-то связывало вас поначалу? — осторожно спросила Фейруз.

— Не знаю. Она мне нравилась сперва. Но после второго ребенка у нее появились какие-то диктаторские замашки. Она теперь смотрит на меня как на собственность, моих свобод не признает...

— А может, это и правильно? — улыбнулась Фейруз и добавила: — Фактически, женщина — хозяйка очага.

— Но хозяйствовать надо с умом. Я хочу быть лично-стью. Не могу же я из-за ее капризов стать домашним животным!

— Ну, хорошо, ты разведешься, а что потом? Где ты будешь жить, что будешь делать?

— Уйду, сниму квартиру, буду работать, читать... А если захочу — и писать. Чем больше я думаю о самыре — помнишь, рисунок в пещере? — тем больше возникает идей!

— Ах да, это очень занятно, — склонив голову на бок, она устремила на Кобека заинтересованный взгляд.

— Ну, так вот, этот рисунок наталкивает на грандиозные идеи. Я даже начал писать книгу, и уже кое-что получается. Я уверен в том, что существовала до человеческая цивилизация!

— Как интересно! Ты мне тогда не говорил об этом, расскажи, пожалуйста, — загорелась Фейруз, забыв, как ему показалось, все свои печали.

— Не время сейчас говорить об этом. Мою идею могут перехватить. Ну, кто я для научного мира, где одних докторов наук несколько тысяч! а кандидатов! а академиков? Среди них немало дилетантов, купивших себе звание и степени, немало и аферистов, желающих обесмертить свое имя, поднять свой авторитет. На днях у меня выкрали рукопись, но потом вернули, так ничего и не поняв. Для своих записей я изобрел особый алфавит.

— Ты придумал свой алфавит? — удивилась Фейруз

— Да, чтобы никто не смог прочесть эти записки.

— А как это понять — дочеловеческая цивилизация? Это означает, что до людей на земле жили разумные существа, создавшие свою цивилизацию?

— Да, — Кобек, потупившись, умолк.

— По-твоему, это — самырская цивилизация?

— Да, я думаю, что это была высокоразвитая цивилизация, — дрожащим голосом, сам стесняясь своих слов, проговорил Кобек.

— Но это же невероятное предположение! — поразилась Фейруз.

— Поэтому я и боюсь пока говорить об этом. Нужно, чтобы о нашей пещере узнал весь мир, во-первых, этот памятник станет вещественным доказательством, а во-вторых, я уверен, что после этого появятся дополнительные подтверждения моих догадок...

— Ну, хорошо. А почему же, кроме этого памятника, ничего не осталось от той цивилизации, и как она исчезла?

— Да нет, следы этой цивилизации остались. А если искать, то найдется и больше. А погибла она в результате страшной катастрофы, возможно, даже ядерной войны. — Кобек с тревогой наблюдал за выражением лица Фейруз и вскоре заметил, как оно омрачилось и померкло. — Вот видишь, лучше не рассказывать, а то посчитаешь за сумасшедшего. Я и сам боюсь своих догадок... Поговорим лучше о другом. А может быть, выпьем, — предложил Кобек и наполнил рюмки.

— Ну, хорошо. А как ты представишь себе эту цивилизацию? — спросила Фейруз.

— Не хочу пока говорить об этом, очень уж неправдоподобно получается!

Фейруз не обиделась, но посмотрела на него как на ребенка.

— А знаешь, я вспомнила наше детство, ты и тогда был фантазером. Помнишь, как ты рассказывал ночью под Большим деревом о карлике в военной фуражке, приходящем глубокой ночью, когда ты спишь, через окно; о том, как он вывел тебя к Большому дереву, где, взявшись за руки, такие же карлики в фуражках устроили хоровод, как они пригласили и тебя с твоим поводом и вы до утра танцевали, а потом тот карлик отвел тебя домой и уложил в постель... Каждое утро я подходила к тебе и спрашивала: «Ну что, приходил?» А ты с серьезным видом, важно так отвечал: «Да, устал я! Колени до сих пор дрожат!» Мне от твоих слов было страшно, но я верила твоим рассказам, и мне хотелось еще что-нибудь услышать. Не забуду, как мы с тобой зимой катались с ледяной горки, а когда сели передохнуть, ты сказал: «Помнишь, Фейруз, я тебя спас на реке во время ледохода?» Я удивилась, а ты сказал: «Года три назад мы наблюдали с берега, как раскалывается лед. Вдруг откололась льдина, на которой ты стояла, ты начала орать, и я, не долго думая, прыгнул на лед, взял тебя за руки и мы выбрались на берег». Я сказала, что не помню этого. А ты сказал, что я была в белой шубке и что

шарф на мне был красный. Еще ты сказал: «Если бы ты тогда утонула, тебя бы сейчас не было», — я испугалась и поверила в то, что была там, где меня никогда не было. И еще весь двор говорил о том, что в школе тебя избивает какой-то Роберт, а ты рассказывал все эти истории наоборот: что это ты загоняешь в угол и лупишь этого хулигана. Я знала, что дети со двора не врут, но верила тебе. И тогда, в управлении культуры, когда ты читал доклад, и сейчас я верю каждому твоему слову, но все-таки страшновато делается от твоих предположений... Странно все это... — неопределенно проговорила она.

— Но ты же сама видела рисунок в пещере! И сама тогда заметила, что самыр похож на космическое тело, помнишь? — спросил Кобек.

— Помню, конечно, и эта выбитая на камне звездочка! Она похожа на близкую цель! И положение крыльев говорит об их невероятной, прямо-таки реактивной, силе! — согласилась Фейруз.

— Ну, так вот, если это анималистический рисунок первобытного человека, то до сих пор ни в одном наскальном рисунке не соблюдены ни линейная, ни воздушная перспективы, даже в египетских рисунках, где, как считается, живопись была на высоком уровне, эти перспективы выражались слабо. Версия о том, что это пещерное изображение повторяет примелькавшиеся рисунки (хотя «примелькавшиеся» конечно, преувеличение! — подобные изображения встречаются не часто!), с одной стороны, вызывает сомнение. На всех тех памятниках и на сасанидском, и на стамбульском! — запечатлена каноническая фигура самыра — со сложенными крыльями, схожесть лишь в короткой морде и яростно оскаленной пасти. С другой стороны, у меня есть подозрение, что это плод чьей-то фантазии в более позднее, а возможно, даже в наше время! Но кому и зачем это понадобилось?! И эта невероятность порождает еще более невероятную гипотезу: происхождение рисунка загадочно, но можно предположить, что какой-то гений сделал его просто интуитивно, или его создал какой-то гениальный провидец. Иногда людям во сне видятся вещи, которых они в жизни никогда не наблюдали... Кобеку не терпелось узнать,

что Фейруз думает по этому поводу, и он оборвал себя на полуслове.

— Ты хочешь прославиться? — спросила Фейруз.

— По-моему, любой человек не прочь прославиться, — рассмеялся Кобек.

— Все, что ты говоришь, вполне логично, но твоя логика висит над какой-то бездонной пропастью, и если — чего не бывает! — что-то окажется не так, все рухнет в эту пропасть. Я не зря вспомнила наше детство, ты и тогда ходил по краю пропасти. В общем, я вижу, ты совсем непростой человек... — Фейруз неожиданно оборвала свою характеристику.

Кобеку это понравилось. Он заметил, что она сказала не все, что хотела.

— Ты, наверное, приняла меня за утописта? Действительно, я очень легко теряюсь в реальности и когда почва уходит из-под ног, я начинаю жить иллюзиями. Я хочу научиться одолевать случайность, но мне страшно скучно барахтаться в этой реальности. Я уже пробовал жить так, и из меня мог бы выйти неплохой карьерист, чинуша, тогда бы и я жил как во сне... Хотя и поздно, я понял это. Мне не по душе идти по проторенной дорожке. Я постоянно чувствовал, что я в чьей-то потной рубашке. Ты, наверное, и не знаешь, что по паспорту я — Рауф, в проектном институте меня только так и звали. Прибавляли еще и отчество... А я стыдился имени отца, как стыдился и своего настоящего имени, того, которым называли меня отец и мать, которым ты меня называешь, я поздно осознал, что уподобился манекену, у которого даже имени нет. Как будто не я, а кто-то другой жил в моей оболочке, — Кобек остановился, вытер ладонью пот со лба и внимательно посмотрел на Фейруз: интересно ей его слушать или нет, понятно или нет.

Фейруз понимающе закивала головой, и сама, как очень близкий человек, вытерла его вспотевший лоб своим платочком.

— Выпьем? — спросил Кобек.

— Ты пей, а мне не хочется.

Кобек налил себе коньяка.

— Слушай, а что, если он не спит? — кивнул он головой на дверь, за которой исчез ее муж.

— Можешь посмотреть, — ухмыльнулась Фейруз.

— Правда, можно? — спросил Кобек.

— Иди, посмотри, — Фейруз улыбнулась, но эта улыбка тотчас же отцвела.

Кобек встал, прошел к двери и открыл ее. В комнате горел ночник, на столе лежали пакеты с лекарствами, черные очки и железная коробка со шприцем. Юхан полусогнувшись лежал на кушетке, руки его были зажаты между колен. Кобек осторожно прикрыл дверь...

— А может, он не спит? — переспросил он.

— Не спит, конечно. Сам он говорит, что пребывает в это время в мусульманском раю. Он иногда, бедный, шутит, что мусульмане, выдумавшие рай, наверняка были наркоманами... Этой дозы ему хватает до утра. Утром очень нервничает, не ест, до обеда не находит себе места. В обед прихожу я, он мучается, но я не даю ему дозу, уходя на работу, прячу лекарства и шприц, прошу его терпеть до вечера, до моего прихода он пьет отвары, таблетки, а вечером я вижу вот это.

— Извини меня, но это же страшно — оставаться один на один с таким большим человеком!

— Нет, Кобек, я уже привыкла — это необходимость, от которой я никуда не денусь. Из близких у меня осталась только сестра, но она живет со своей семьей. Бедная мама умерла, вот уже восьмой год как я похоронила ее. Так что я могу рассчитывать только на себя.

— А отец?

— Отец? — переспросила Фейруз. — Он нас бросил сразу после того как я закончила школу. Живет с другой семьей в Сочи.

— Я его помню: такой строгий мужик, симпатичный. Ты, наверное, похожа на него!..

— Лучше бы не была похожа, — перебила его Фейруз.

— Почему это? — удивился Кобек.

Фейруз встала, прошла в спальню и вернулась с фотографией, которую протянула Кобеку.

На фотографии Кобек увидел гроб и лежавшего в нем отца Фейруз, которого он тотчас узнал.

— Так он умер? — огорченно спросил Кобек.

— Если бы! — со злостью проговорила Фейруз, — Он прислал эту фотографию маме, чтобы не платить за нас алименты. Когда через десять лет этот обман раскрылся, мама не выдержала позора, сначала было кровоизлияние мозга, а после него она и месяца не протянула.

— Какая подлость! Чего только не придумают люди ради корысти!..

Они какое-то время молчали. Кобек снова налил себе коньяка и отпил глоток.

— Поздно уже, — проговорил Кобек, пристально глядя в глаза Фейруз. — Ты знаешь, как мне не хочется оставлять тебя одну в этой квартире! Страшно все-таки жить в такой обстановке! — прошептав последние слова, Кобек потянулся губами к лицу Фейруз и коснулся ее щеки.

Фейруз обвила руками шею Кобека. Ее влажные губы прижались к его губам.

— Если бы ты только знала, как ты мне нравишься?! — чуть слышно выговорил Кобек, осыпая поцелуями ее лицо и шею.

— И ты мне, — ответила Фейруз дрогнувшим голосом.

— Я не уйду? — шепотом спросил Кобек.

— Не уходи, — прошептала Фейруз,

Кобек проснулся на рассвете. Утренний свет уже проник через окно спальни. Кобек пригляделся к умиротворенному лицу Фейруз и невольно потянулся к ней губами, поцеловал в прикрытые веки. Слабая улыбка поплыла от уголков рта по белой коже, мягкая теплая рука Фейруз коснулась груди Кобека, но глаз она так и не открыла.

— Мне, наверное, пора, дорогая? — тихо спросил Кобек.

Фейруз, не раскрывая глаз, еле заметно кивнула.

— ...Ведь если он проснется, будет неудобно.

— Да-да, — губы Фейруз зашевелились, но глаз ее он опять не увидел.

— Какая ты красивая! — вырвалось у Кобека, и, так и не совладав с собой, он добавил: — И тело у тебя такое, что даже дух захватывает!

— Не осуждай меня, — прошептала Фейруз. — За что?

— За то, что все так случилось.

— Я счастлив! Я никогда не думал, что мы будем так близки с тобой.

— Мне тоже хорошо с тобой, — проговорила Фейруз и, открыв глаза, прямо посмотрела на Кобека.

Кобек почему-то смутился и отвел глаза.

— Какой ты стеснительный! Будь со мной пооткровеннее. Я не люблю интриг, притворства. Пусть наши отношения будут правдивыми. Если я тебе не нравлюсь, так и скажи. Между нами не должно быть ни обмана, ни лицемерия. Я не выдержу неправды, коварства я боюсь...

— Этого не будет, Фейруз. Я еще никогда не любил женщину по-настоящему. А тебя я люблю и кроме тебя мне никого не надо!

— Спасибо, — проговорила Фейруз и поцеловала Кобека в лоб.

— А вдруг твой муж узнает об этом?

Фейруз задумалась.

— У нас с ним все честно, он сам говорил, что я могу завести любовника.

— И все-таки, не вздумай ему признаваться. Он только говорит так, а на самом деле ему будет больно узнать об этом.

Фейруз промолчала.

— Фейруз, я пойду, а ты взгляни, не проснулся ли он! — Кобек встал и стал одеваться.

Фейруз тоже встала, и, не смущаясь своей наготы, поискала в ворохе лежащей одежды ночную рубашку, потом, не отворачиваясь от Кобека, надела, оглядев сначала темно-синие цветочки, потом — Кобека, она подошла к нему и обняла.

Кобек наконец оделся. Фейруз, пройдя на цыпочках к двери комнаты, где лежал Юхан, взглянула в нее — и махнула рукой: Кобеку нечего было опасаться. В прихожей Кобек поцеловал Фейруз в щеку, затем, надев куртку, в ожидании поглядел на хозяйку. Неожиданно на ее глазах появились слезы и она опустила голову. Кобек забыл, что в таких случаях говорят любовники, и смог только для утешения погладить ее плечо.

— Кобек, милый, звони, — сказала она уже без слез, когда открывала дверь.

— До свидания! — прошептал Кобек, и, припомнив какую-то любовную сцену, страстно поцеловал ее мягкую теплую ручку.

Скрежет стекла...

Кобек в то утро входил в роль законного любовника. «Свершилось! Она моя!» — радовался он и свысока посматривал на всех мужчин, которые, конечно же, не выдерживали сравнения с ним. С усмешкой глядел он и на женщин, припоминая Фейруз в постели, чувствуя и теперь еще жар ее тела, видя ее белые плечи, беломраморную округлость бедер, целуя ее носик со вздутыми ноздрями; представлял других женщин в ее роли и тут же отвергал: «Не сравнятся они с ней! Нет, не сравнятся!» На работе даже на незамужних девушек он смотрел с тем же прищуром, и не находил среди них равной Фейруз. Стройная, подтянутая Фатима, ловя его взгляды, смущалась и отводила глаза, когда он забежал в их комнату и, как бойцовский петух, оглядывал то одну девушку, то другую.

— Что-то вы, Карамов, сегодня в ударе, — парировала его наскоки Аминат.

— Да, не видел я, как жизнь мимо проходит. А в ней, оказывается, столько хорошего, — сказал он голосом умудренного опытом любовника.

А когда Хабиба встала, чтобы взять с полки какую-то книгу, он так откровенно разглядывал ее худенькое тело, что девушка не выдержала.

— Не смотрите на меня так! — крикнула она раздраженно.

— Я ничего, — опомнился Кобек и, не желая скандала, исчез в своей комнате.

«А интересно, какова это худышка в постели?! Обычно они страстны и неутомимы», — продолжал он улыбаться самому себе. Так он и прослонялся весь день, делать ему ничего не хотелось. Адлеса не было, ему сказали, что он уехал в какой-то городской ДК...

Возвращаясь домой, он, как и положено любовнику, шепотом повторял имя любимой, и ему хотелось, чтобы его слышали все, чтобы все знали, что он влюблен.

Придя домой, он по-доброму взглянул на насупленную жену. Сравнил ее с Фейруз. В конце концов даже пожалел, решив, что ей далеко до его возлюбленной. Молча подойдя к девочкам, по гладил их по головкам, но они, видимо по уговору с матерью, не промолвили ни слова и продолжали играть. Зайдя в кухню, налил себе в чашку теплого чаю, выпил. На всякий случай заглянул в кастрюли, узнать, что сегодня на ужин. Кастрюля была полна его любимых голубцов, но есть не хотелось, и он отмахнулся от них, как отмахнулся бы и от своей прошлой жизни.

Переоделся в спортивный костюм, зашел в ванную и долго мыл руки, смотря на себя в зеркало.

«Ну что, не полысел еще? — сказал он себе полупшепотом, боясь, что его услышат в комнате. — Конечно, не Алэн Делон и не Марчелло Мастороянни. Кубек Карамов — вот как! Не Делон, но и не страх божий!» — сказав так, он погладил щеки, провел пальцем по усам.

Вытираясь полотенцем, взглянул на себя еще раз и остался доволен.

Затем пошел в комнату, поглядел на строивших пирамиды детей, поняв, что они не повернутся к нему, в прежнем умиротворенном состоянии прилег на диван, подложив под голову руку, и снова перенесся в другую комнату: думал о Фейруз, о вчерашней ночи, о Юхане. Ничто не мешало ему, даже возня жены в кухне. Не заметил он и того, как Кунбийке, зайдя в комнату, включила телевизор. Глаза его вскоре сомкнулись, и он блаженно заснул, отключившись от всего земного.

Проснулся он, когда в комнате было совсем темно. Долго не мог понять, где он, но, потрогав теплый спортивный джемпер; вспомнил о том, что прилег на диван... Услышал ровное дыхание дочек — они обычно спали на раскладушке в углу. Посмотрел туда, где стояла кровать, — жена уже была в постели. Он встал с дивана, быстро разделся и, по многолетней привычке, юркнул прямо под одеяло. В сознании еще раз мелькнула вчераш-

няя ночь, зеленый свет ночной лампочки и таинственное лицо Фейруз. Он механически протянул руку к мягкому боку жены, но она резко отбросила ее. Это заело Кобека-мужа, и он снова протянул руку.

— Не лезь! — пробормотала Кунбийке, с силой оторвав его руку и откинув от себя.

— Ах так! — процедил сквозь зубы Кобек. — Я к тебе со всей душой, а ты?.. — и скинув с себя одеяло, вскочил с кровати, пробежал босым в прихожую и зажег там свет.

— Кто с душой, так не издевается! — слезливо проговорила Кунбийке.

— Значит, у тебя есть с кем сравнивать! Один, значит, с душой, другой — нет! — с издевкой проговорил Кобек, натягивая брюки.

— Да, есть, и отстань от меня! — и Кунбийке зарыдала в подушку, тихо, но так, чтобы было слышно в комнате.

— Ну, хорошо, я отстану! — с угрозой проговорил Кобек.

Он оделся и взял с вешалки куртку. «Все, что ни делается — к лучшему», — успокоил себя Кобек и стал спускаться по лестнице.

Выйдя на улицу, он посмотрел на балкон.

«Размечтался, — посмеялся он над тем, как только что, подняв голову, подумал, что жена выглянет и, может быть, даже окликнет его. — Но и это к лучшему», — еще раз сказал он себе, но только теперь уже вслух.

Он пошел по центральной улице, в сторону квартала, где жила Фейруз. Тускло горели уличные фонари, чернел блестящий асфальт, изредка проносились легковые машины, звездное небо насело на плоские крыши домов. Кобек шел, вглядываясь в окна квартир, где горел свет. Шел медленно, мечтая, как сложится его дальнейшая судьба. Он твердо решил, что в семью не вернется. «Не будет мне счастья с такой женой, — объяснял он себе свой поступок, но сразу же перед глазами вставали дети. — Жалко их, но они, бедняжки, полностью подчинились матери... Может, когда вырастут, поймут, что я не виноват перед ними? — хватался он за спасительную соломинку. — В конце концов у меня одна жизнь, не разорваться же мне?! И совсем не в продолжении рода моя

миссия. Тем более девочки — они даже не сохраняют мою фамилию, и кто знает, за кого они выйдут замуж и кем станут?» — ухватился он за самое важное оправдание.

Так, отводя от себя справедливые упреки, он и дошел до дома Фейруз. Он сразу нашел на втором этаже окна ее квартиры, свет горел во всех комнатах. «Гости или просто не спят?» — спросил он себя. Он долго не решился позвонить, но наконец, одолев нерешительность, двинулся к автомату, стоявшему на углу дома. Набрал крепко запомнившийся номер.

— Алло, я слушаю, — услышал он голос Фейруз.

— Ты не спишь?

— Ах, это ты, Кобек, как хорошо, что ты позвонил. Я тут с ума схожу!

— Что случилось, Фейруз?

— С Юханом плохо. Я боюсь, хочу вызвать «скорую», но он не разрешает... Не знаю, как и быть! Откуда ты звонишь?

— С улицы.

— Ты бы приехал, если можешь.

— Хорошо, я тут рядом, — обрадовался Кобек.

Бросив трубку, он поспешил к Фейруз.

Она была растерянна, лицо ее опухло от слез.

— Ему плохо, и, кажется, это больше чем серьезно. Кобек разделся и прошел за Фейруз в ту комнату, где в прошлый раз лежал Юхан.

Весь посиневший, Юхан содрогался в конвульсиях.

Лоб его, изрезанный глубокими морщинами, блестел при ярком свете. Кобек оглядел комнату. Ярко — белая побелка голых стен резала глаза, на столе, также покрытом белой скатертью, лежали ампулы, одна была разбита, рядом в металлической коробке лежал шприц.

— Он прощался со мной, — сдерживая рыдания, проговорила Фейруз.

Почувствовав чье-то присутствие, Юхан открыл глаза.

— Кто тут? — прошептал он посиневшими губами.

— Это Кобек пришел, я его позвала, — сказала Фейруз, нагнувшись к лицу Юхана и заглядывая ему в глаза.

— Хорошо, что он пришел. Тебе легче будет возить-ся с моим телом. Сожгите меня, я не хочу отдавать себя

во власть могильных червей. Сожгите! А пепел пусть увезет мама. Это моя последняя просьба, — он опять прикрыл глаза и скривился от боли.

— Фейруз, вызывай «скорую»! — почти приказал Кобек, и нежелание видеть чью-то агонию вызвало в нем никогда ранее не ощущавшееся оцепенение, он почувствовал, как волосы зашевелились на его голове.

Фейруз поспешила исполнить требование Кобека.

— Не надо вмешивать медицину, — Юхан еле заметно вскинул и опустил руки, лежавшие на животе.

— Вам больно? — тихо спросил Кобек.

— Очень! Скорее бы пришло избавление.

— Вы будете жить, — желая успокоить его, проговорил Кобек, хотя уже ясно видел приближение смерти.

— Напрасно, — прошептал Юхан и открыл глаза. — Наша жизнь — миг. Какой-то обманщик внушил нам, что мы бессмертны, соблазнил нас призраком вечности. Может быть, бог вечен, может быть! Но зачем он дает нам столько надежд и столько страданий! Ведь если он разумен, каким мы его и представляем, он не должен был этого делать. А самое страшное, что он — созерцатель! — не может не знать о наших страданиях. Я протестую против этого и поэтому завещаю сжечь себя. — Слова давались Юхану с большим трудом. Кобеку хотелось прервать его, но он не решился. — Сознание — его подарок это обман. Мы — то же самое, что корова, теленок, лошадь, цветок, пчела, они ведь тоже по-своему сознательны: Муравей тоже что-то создает, строит, что-то познает, что-то перенимает от своих предшественников, но жизнь его — миг, все зависит от роковой случайности. Наша жизнь — тоже миг. Глупо думать, что мы — венец природы. Мы — самые уродливые дети ее, мы очень многое взяли на себя, и несомненно то, что мы должны погибнуть, такая гордыня, такое тщеславие претит природе, кажущееся развитие цивилизации — это, наоборот, первые этапы разрушения человечества, мы уже придумали такое оружие, которое направлено против нас самих, потом мы придумаем еще страшнее, возможно, настанет время, когда один человек в состоянии будет уничтожить все живое на планете; ну, а после он сам умрет от одиночества. Или начнется новый этап

его эволюции — деградация. Может быть, мы превратимся в четвероногих. Мы слишком далеко зашли, Кобек... — он прикрыл веки.

Вернулась Фейруз и села у изголовья Юхана и опять вытерла платком его лоб, пригладила волосы.

Юхан скорчился от боли.

— О боже, избавь меня от этой жизни! — простонал он, и видно было, как он борется с собой, стирая с лица гримасы боли, скорби и отчаяния.

— Кобек! — прошептал он.

Услышав свое имя, Кобек вздрогнул, удивилась и Фейруз, ведь больной был в таком состоянии, когда в голову приходят только мысли о себе или своих близких.

— Я здесь, — отозвался Кобек.

— Не хороните меня здесь. Помогите Фейруз... — Он как-то высоко потянулся и замер.

Установилась длительная пауза. Казалось, Юхану стало легче и боли прошли. Раздался звонок в дверь, и лицо больного исказилось, руки снова прижались к животу. Фейруз пошла открывать. Вошел врач. Мужчина в белом халате, не глядя на Кобека, подошел к больному и, взяв его руку, стал считать пульс. Вошел в комнату санитар с носилками, за ним — Фейруз. Врач отпустил руку, оглядел комнату, увидев на столе ампулы, взял в руки ту, что была разбита, и спросил:

— Давно принял?

— Часа три назад, — ответила Фейруз.

Врач посмотрел на Кобека:

— Помогите нам отвезти его в больницу.

— Больница не нада! — послышался стон Юхана; а затем какое-то бормотание.

Санитар поставил на пол носилки, и Кобек вместе с ним положил на них больного. Фейруз накрыла мужа одеялом и с мольбой посмотрела на врача:

— Можно, и мы с вами поедем?

— Решайте сами: мы его госпитализируем, а вам придется возвращаться своим ходом, уже поздно.

— Это ничего. Поедем, Кобек?

— Поедем! — охотно согласился Кобек.

В приемной они просидели до утра. Утром дежурная разрешила Фейруз подняться к Юхану.

— Тогда я схожу на работу и отпрошусь на сегодня? — полувопросительно сказал Кобек.

— Хорошо, я буду здесь или у него в палате. Когда придешь — вызовешь, — и Фейруз исчезла за дверью с закрашенными белой краской стеклами.

* * *

Кобек всегда был готов к опасности и всегда ожидал самого худшего. Он легко представлял себя сраженным параличом, или попавшим в какую-то аварию, или даже обвиненным — по ошибке — в не совершенном им проступке, а может — и преступлении. Но самое удивительное было в том, что всякая неприятность приходила тогда, когда он забывал о своих опасениях и не был готов к удару.

Озабоченный критическим положением Юхана, Кобек всячески пытался вызвать в себе сочувствие к нему, естественное в таких случаях, но это было нелегко: чистые чувства не выживали в его смятенной душе — конфликты в семье, конфликты на работе на все это его просто не хватало!

Прямо возле раздевалки его поджидал Адлес; он улыбался. Кобек разделся и поздоровался с ним. В левой руке у Адлеса была газета, и он, показав ее Кобеку, сочувственно заглянул ему в глаза.

— Что там?

— А ты разве не видел? — удивился Адлес.

— Я сегодня еще не просматривал газеты, — сказал Кобек. — Что там?

— Ты только не расстраивайся. — И Адлес протянул газету, ткнув пальцем в статью под названием «Подлог».

Кобек стал читать.

«Газета принесли свои извинения за ошибочный материал, напечатанный у нас под названием «Богат наш край». Опровержение прислал архитектор Эдерского района т. А.М. Валидов. Он сообщает, что факты, изложенные в статье «Богат наш край», не соответствуют

истине. Вот строки из его письма: «В результате неправильного, поверхностного подхода к делу работника общества по охране памятников культуры тов. Карамова Р.А. в заблуждение введены солидные учреждения и даже пресса. После статьи «Богат наш край» общественность района заинтересовалась обнаруженным на нашей территории мнимым памятником. Непонятно, как можно было всерьез отнестись к этому наивному рисунку. При выяснении дела оказалось, что некоторое время назад ученик восьмого класса Алибий Курманов, ради забавы, ради того, чтобы «оставить потомкам свой автограф», острым предметом высек это «произведение». Он же был автором рисунка, опубликованного вместе со статьей. Он же, Алибий Курманов, в присутствии свидетелей сделал такой же рисунок на внешней стороне пещеры. Вызывает недоумение поведение тов. Карамова, а также управления культуры, откуда к нам пришла справка о том, что пещера на Ак-тау представляет научную ценность. Из-за этой мнимой ценности были приостановлены работы открывающегося на горе карьера, который должен принести государству немалые доходы. Я думаю, что товарищи из управления культуры примут меры и впредь не будут столь легковверны».

Под статьей была приписка, в которой редакция извинялась за материал «Богат наш край» и сообщала, что их работник Яриков получил взыскание. Теперь они ждут объяснений от работников управления культуры...

Прочитав статью, Кобек даже побелел от негодования, дыхание сбилось, и он, трясая газетой, произнес:

— Эта статья — сама «подлог»! — и с ненавистью посмотрел на Адлеса: вспомнив его поездку в райцентр, он, не сдержавшись, процедил сквозь зубы:

— Не твоя работа?

— Я что, статьи пишу?

— Да я не про статью, а про подлог спрашиваю? Забыл, какой разговор у нас был про всякие подлоги?

— Думай, о чем говоришь! — зло проговорил Адлес, отбирая у него газету.

— Я прямо сейчас поеду в райцентр и точно узнаю, что мне говорить! — Кобек хотел было уйти, но...

— Сперва зайди к начальнику, давно ждет, — дружелюбно посоветовал ему Адлес.

— Зайду и к этому подлецу! — угрожающе проговорил Кобек и быстро зашагал по коридору.

Начальник сидел за столом, положив на него обе руки.

— Ну, что скажете, Карамов? — презрительно разглядывая Кобека, проговорил он.

— Эта статья — сама подлог, кто-то сыграл с нами шутку, — выпалил Кобек, сам не зная почему сказав «нами».

— Не над «нами!» — спокойно возразил начальник и весомо подытожил: — Это мошенничество. Мошенничество с твоей стороны. И вы, Карамов, за это заплатите! — он встал и, пройдя к сейфу, открыл его и вытащил рукопись Кобека. Сев за стол, он выдвинул верхний ящик, достал оттуда лупу с черным ободком и, водя ею по рукописи, напевно произнес: «Верить в случай — верить в бессмыслицу». — Все правильно! — Он усмехнулся. — Одурачил! Молодец! Оригинал! Большой оригинал! «Верить в случай — верить в бессмыслицу!» — он испытующе поглядел на Кобека, ожидая каких-то объяснений.

— Магомед Султанович, во-первых, выбирайте выражения, во-вторых, факты в статье лживые. Мальчик, о котором здесь говорится, делал рисунок по моей просьбе с существовавшего ранее изображения, а затем ради забавы сделал копию на скале.

— Вот те на! — развел руками начальник. — Вы, оказывается, и мальчика знали! А ему что пообещали?

— Не понял...

— Ну, что пообещали? Что останется в истории? Прославится? — иронизировал начальник.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать! — возмутился Кобек.

— Я-то имею право. Значит так, Карамов, возьмите свою монографию! — И он протянул Кобеку рукопись. — Я с тобой разбираться не буду, и прорабатывать на собрании тоже. Выговор тебе обеспечен, так что подписывай себе другое место, — смягчил свой приговор начальник.

— А если я докажу, что факты в этой статье подтасованы?

— Это не имеет никакого значения. — Отстучав пальцами какой-то мотивчик, как актер, задумчиво посмотрел прямо перед собой.

— Тогда вы не имеете права давать мне выговор.

— Я на все имею право, — еще более проникновенно проговорил Магомед Султанович, не глядя на Кобека.

— Посмотрим! — с угрозой произнес Кобек.

— Посмотрим-посмотрим! — промурлыкал себе под нос начальник и посмотрел на Кобека с явной жалостью. — А пещеру твою и гору уже взорвали...

— Когда?! — вскрикнул Кобек и выскочил из кабинета.

* * *

Взяв такси, Кобек сперва отправился в больницу. Фейруз сидела в приемном отделении.

— Пещеру взорвали! — тихо сказал Кобек.

— Почему? — испуганно спросила Фейруз.

— Прочитай, — протянув ей газету, он ткнул пальцем в заголовок.

— Но это же неправда! — воскликнула она и, еще раз посмотрев в газету, спросила: — Это что, про мальчика Дуче?

— Да, про него.

— Но ведь он срисовывал по твоей просьбе? Как же так?

— А вот так! — усмехнулся Кобек. — Если пещеру взорвали, то я ничего не докажу.

— Но может быть, и не взорвали?

— Хочется верить, — глядя в сторону, ответил он.

— Тогда тебе надо ехать туда, — обеспокоенно проговорила Фейруз.

— Да я и приехал, чтобы сказать тебе об этом, но вечером я вернусь.

— Ты не беспокойся, Кобек. Если что, я пойду ночевать к сестре, — она провела кончиком языка по верхней губе.

— Ты меня жди. Я обязательно приеду сегодня. На, возьми, это — мои записи, пусть у тебя будут, — простившись, Кобек вручил ей свою рукопись.

* * *

Сперва он хотел найти Валидова, потом — сына Дуче и провести, как и положено, очную ставку. В кармане у Кобека была полученная накануне зарплата, которую он не успел отдать Кунбийке, и вот теперь, махнув на все рукой, он отправился на такси в райцентр. Когда машина проезжала по главной улице, послышались взрывы. У Кобека кольнуло сердце, ему сделалось больно от одной мысли, что пещеры на Актау больше нет.

— Остановите машину — тихо попросил он, тронув таксиста за руку.

— Что — плохо? — спросил смуглолицый большеглазый таксист.

— Ничего, — ответил Кобек и высунул голову в окошко. В это время послышалась целая серия взрывов.

— Пострашнее ядерной войны, — проговорил Кобек и решил сразу же ехать к горе.

В конце райцентра Кобек показал на проселочную дорогу.

— Куда мы едем? — с тревогой спросил таксист.

— Здесь в нескольких километрах карьер: видишь, вот он, — и Кобек повернулся в сторону Ак-тау, над которой оседало облако пыли.

— Мы договаривались только до Эдер аула, а здесь такая дорога, — заворчал таксист.

«Мне бы твои заботы! — подумал Кобек, но от этой мысли, даже невысказанной, на него вдруг нашло равнодушие: — А что случилось, собственно говоря? Если бы я не знал про пещеру, никто бы о ней не узнал. Взорвали бы — и все тут. Поэтому чувствуй себя так, будто ничего не произошло: мало ли перевели таких пещер, мавзолеев, храмов... А людей сколько погубили!..»

А потом спросил себя уже совсем спокойно: «А интересно, что трагичнее: когда погибает человек или дело его рук?»

Наверное, все-таки то, что он сотворил. Особенно, если в этом творении отражена культура его времени или судьба целого народа... Но если люди сами уничтожают творения своих современников или предшественников, таких людей не жаль — они сами обрекают себя на смерть. Все умрем, — скажем мы, и этим объясним все».

Впереди показалась развороченная, вся в белой пыли вершина горы. У основания виднелись зеленые вагончики, устрашающий силуэт экскаватора и около него — фигуры рабочих. Когда подъехали ближе, увиделц всех, кто столпился вокруг машин. Кобек остановил такси прямо на дороге и направился к рабочим в зеленых спецовках и касках. Из толпы человек в десять вышел мужчина в цивильном костюме и при галстукe, но, как и все, в каске: повидимому, кто-то из руководства или мастер, и направился к Кобеку.

— Пещеру взорвали? — спросил Кобек.

— С собакой? Конечно! — с готовностью ответил мужчина, пристально вглядываясь в Кобека, и добавил: — С землей сравнили, чтобы и духу ее не было.

— Чтобы и ваши могилы так же с землей сравнили! — вырвалось у Кобека.

Человек, изменившись в лице, зло посмотрел на него:

— А кто вы такой, собственно?

— Это неважно! — и Кобек повернулся, чтобы уйти.

— Прямо пророк какой-то! Проклятья насылает! — возмутился цивильный.

— И пророк! — выстрелил в него Кобек, развернувшись. — Вот так, как эта пещера, как эта гора будут разворочены и ваши могилы! Будут! И что жили — что не жили! — и он зашагал к машине.

— Смотри какой! — хмыкнул ему вслед цивильный.

Кобек, не оборачиваясь, дошел до машины и велел шоферу ехать обратно. Машина развернулась, а растерянный человек в каске стоял как вкопанный, к нему стали подходить те, могилы которых... когда-нибудь... и точно так же... — Кобек был в этом уверен!

Валидова он в кабинете не застал. Зайдя в приемную, он увидел ту же секретаршу, но не успел и слова сказать,

как за окном раздался выстрел. Секретарша подошла к окну и подозвала Кобека. Кобек послушался.

— Видите! — сказала она, глядя в окно.

Валидов в рабочем костюме и шляпе, вооруженный малокалиберной винтовкой, подошел к мусорной яме, поднял за ногу белую кудлатую собаку с окровавленной головой и, полюбовавшись на нее, приподнял так, чтобы было видно тем, кто глядел на него из окон, потом бросил мертвое тело в мусорную яму.

— Что это он делает? — удивился Кобек.

— Такое у него хобби. Бродячих собак отстреливает, в основном самок, чтобы не размножались, — брезгливо сказала молодая женщина, но тут же смолкла и свысока посмотрела на Кобека.

Кобек вышел из приемной, быстро спустился вниз и побежал во двор. Сиявший от радости Валидов небрежно кивнул ему и, вытащив из кармана патрон, вставил в гнездо и щелкнул затвором.

— Пусть на всякий случай будет заряженным, — проговорил Валидов и надменно посмотрел на Кобека. — Карамов! Скольких же людей ты ввел в заблуждение! Не пойму только, зачем тебе это было нужно?!

Кобек подошел к нему вплотную и посмотрел прямо в глаза. Ноздри районного зодчего вздулись и, настороженно сжавшись, он усмехнулся и опустил глаза.

Кобек резким движением руки вырвал из его рук ружье.

— Осторожно, оно заряжено! — вскрикнул Валидов.

Теперь уже усмехнулся Кобек и приставил ружье груди Валидова.

— Это хорошо, что заряжено, — довольно сказал он.

У Валидова задрожали губы — он хотел было отстранить наставленное на него ружье.

— Убери руки! А то застрелю, как ты ту собаку!

— Не имеешь права, — у Валидова даже голос изменился.

— Ну, так кто кого ввел в заблуждение? Кто автор на скального рисунка?

— Мальчик сам сказал, что это он нарисовал... И убери ружье, с этим не шутят, — почти требовательно проговорил Валидов.

— А я и не шучу! После того, что ты сделал, тебя мало застрелить!

— Но я же не виноват, говорю тебе, что это сам мальчик, Курманов, признался, что нарисовал собаку.

— Да, но он только срисовал, сделал копию, а рисунок в пещере существовал до него.

— Не знаю я этого, а он так сказал, — архитектор попытался отодвинуться, но окрик Кобека остановил его.

— Буду стрелять! Не двигайся! Слушай меня. Сейчас поедем на очную ставку, и если твои слова не подтвердятся, пеняй на себя. И не вздумай убежать, буду стрелять без предупреждения! — Кобек отступил на два шага и подтолкнул «злоумышленника» вперед. За окнами райкомовских кабинетов замелькали силуэты сотрудников.

Радуюсь тому, что все так вышло, Кобек вообразил себя благородным разбойником вроде абрека Залимхана и повел Валидова к такси. Усадив его на переднее сиденье, он отметил про себя, что операция развивается успешно.

— Поехали! — приказал Кобек, приставив ружье к шее Валидова.

— Куда поехали? Вы не впутывайте меня в преступление, молодой человек! Я не буду соучастником, — сказал таксист, испуганно глядя на Валидова.

— Нет тут никакого преступления! — отрезал Кобек и пощекотал дулом шею Валидова.

— Да, никакого преступления тут нет, — трусливо подтвердил Валидов.

Таксист завел машину. Кобек, посмотрев на дверь райисполкома, увидел выскакивавших из нее сотрудников. Машина тронулась, люди в недоумении проводили их глазами. Увидев возле гостиницы своего странного знакомого, с которым когда-то провел ночь, Кобек попросил остановить машину.

— Это кто? — спросил Кобек.

— Сторож местной гостиницы, — недовольно ответил Валидов. Узнав, кто такой Шура Исламович, Кобек остался доволен.

— Сойдет за понятого? — скорее у самого себя спросил Кобек.

— Может, и сойдет, — вскинул плечами Валидов. Открыв дверцу, Кобек окликнул доблестного стража:

— Шура Исламович!
— Шура Исламович?! — засмеялся Валидов. — Зови его «шкура» — и все тут!

Шура Исламович наклонился к машине.

Кобек, не обратив внимания на внесенную Валидовым поправку, повторил его имя:

— Шура Исламович, садитесь в машину.

— Я? — удивленный таким приглашением, он коснулся дверцы.

— Вы не смогли бы, Шура Исламович, проехать с нами? — спросил Кобек.

— А что? — не переставая удивляться, спросил он, но уже с испугом.

— Всего на полчаса, для выяснения некоторых обстоятельств.

— Пожалуйста. Я только переоденусь! — словно извиняясь, проговорил он.

— Время не ждет. Садитесь! — и Кобек подвинулся, давая ему место.

Шура Исламович сел и только в машине обратил внимание на ружье.

— Что это? — испуганно спросил он.

— Не бойтесь! Конвоируем особо опасного преступника, — без тени юмора проговорил Кобек.

— Это наш архитектор-то — преступник? — удивился Шура Исламович, заглядывая в лицо Валидова.

— Говори, говори, да не заговаривайся, Шкура! — оборвал его Валидов.

— Разговорчики! — прикрикнул Кобек, надавив дулом на преступную шею.

Шура Исламович с любопытством поглядел на Кобека.

— Я так и знал, что наш архитектор — мошенник из мошенников. Сколько вижу его, все не могу понять, чем он занимается! — И еще более подобострастным голосом спросил: — А вы следователь из милиции? Я, когда вас увидел, сразу понял, что вы не тот, за кого себя выдаете.

— Из комитета госбезопасности, — съязвил Валидов.

— Даже так! — с восхищением проговорил Шура Исламович, приняв все за чистую монету, и с готовностью спросил: — А в чем же моя миссия заключается?

— Вы, Шура Исламович, будете у нас понятым,— спокойно сказал Кобек.

— Серьезное государственное преступление?! — так же подобострастно спросил Шура Исламович.

Кобек молча кивнул.

— Я так и знал, — удовлетворенно заметил понятой.

Кобек остановил машину возле двухэтажного дома Дуче.

— Сообщник? — расширенными глазами взглянув на Кобека, спросил Шура Исламович.

Кобек снова кивнул.

— Я так и знал! — возрадовался Шура Исламович. — Это бандитское гнездо! — он показал на дом Дуче. — Здесь творятся преступления особо крупных размеров. Подрыв экономики страны.

— Заткнись! — крикнул Валидов.

Кобек, пресекая nepозволительный диалог понятого с преступником, приказал им обоим выйти из машины.

Во дворе их встретила «армия по спасению отечества», Алибия Курманова среди них не было. Дети окружили гостей, их внимание приковало ружье в руке Кобека. Самый младший, подбежав к Кобеку, все пытался ухватиться за полированный приклад. На крыльцо вышла мать. Она равнодушно поприветствовала гостей. Кобек узнала сразу, подошла к нему и взяла его правую руку в обе свои.

Кобек, поздоровавшись, спросил:

— А Алибий дома?

— Дома, — удивленно ответила она и обеспокоенно спросила: — Что-нибудь натворил?

— Да, — сухо ответил Кобек.

— Так я и знала! Думаю, чего это он со вчерашнего дня все из дома не выходит. Сидит, рисует. Ах, бандит! — она посмотрела на детей. — Мухамед! — позвала она одного из сыновей. — Беги, зови отца, скажи, что гости у нас.

— Можно и без него, — проговорил Кобек, но тут же поправился: — Ладно, зовите отца, — и повернулся к жене Дуче. — Ты бы, хозяйка, усадила нас где-нибудь! Только без этих! — показал он на «армию».

— Конечно, конечно. Заходите. Пусть только попробуют шаг сделать. — И она повела их в дом.

Кобек, не выпуская ружья, сел за стол, к нему присоединился Шура Исламович. Валидов и спущенный сверху генералиссимус разместились на диване.

— Будешь писать акт, — сказал Кобек Шуре Исламовичу и попросил генералиссимуса: — Принеси бумагу и ручку.

— Листы из альбома подойдут? — спросил он, исподлобья глядя на Кобека, от которого, как видно, не ожидал ничего хорошего.

— Подойдут, принеси побольше.

Алибий побежал наверх и вскоре вернулся с бумагой и ручкой. Шура Исламович, взяв в руки бумагу, внимательно посмотрел на них, и вдруг...

— Вот! Доказательства! — вскрикнул он.

Кобек, стараясь скрыть улыбку, нагнулся посмотреть, какое еще доказательство тот обнаружил.

— Подделка казначейских билетов карается законом! — продолжал кричать Шура Исламович, размахивая листом. — Настоящая сотенка!

В это время вошла жена Дуче и, смерив Шуру Исламовича презрительным взглядом, заставила его замолчать.

— Итак, — начал Кобек, глядя на Валидова и на Алибия, — я буду задавать вопросы, вы будете отвечать, а Шура Исламович запишет ваши показания...

— Написать, что это протокол допроса? — спросил Шура Исламович.

— Все равно, что, — ответил Кобек.

Шура Исламович, написав заголовок, показал Кобеку.

На листе было выведено каллиграфическим почерком: «Акт о совершенном государственном преступлении районным архитектором М.Х. Валидовым и учеником Эдерской средней школы А.М. Курмановым».

— Прекрасно! — похвалил Кобек.

Далее Шура Исламович записал следующее:

«Карамов: Товарищ Валидов, в своем письме в газету вы утверждали, что пещерный рисунок принадлежит ученику Эдерской средней школы Алибию Курманову?»

Валидов: Да, эти показания дал сам Алибий Курманов, пришедший в райисполком со своим отцом.

Карамов: Алибий, это правда, что вы нарисовали собаку-птицу в пещере на Ак-тау?

Курманов: Да, это я нарисовал собаку-птицу.

Карамов: Когда вы первый раз ее нарисовали?

Курманов: В конце зимы этого года в доме пионеров меня попросили срисовать эту собаку для газеты.

Карамов: Так, значит, в пещере этот рисунок уже был? (Валидов предупреждающе кашлянул, Курманов растерялся и не пожелал отвечать. Тогда Карамов повторил свой вопрос).

Курманов: Да. Но тот рисунок был сделан очень плохо, и я высек его у входа в пещеру.

Карамов: Ну, что скажете на это, товарищ Валидов?

Валидов: Тогда он говорил одно, а теперь — другое.

Курманов. Я тогда ничего не говорил. Это они говорили.

Карамов: Кто это — они?

Курманов: Папа, он (то есть, Валидов), и еще один дядька из города.

Карамов: Какой дядька? Как его зовут?

Курманов: Я не знаю.

Карамов: А вы, товарищ Валидов?

Валидов: Не было там никакого дядьки. И какое это имеет значение, если пещеры уже нет.

Карамов: Все имеет значение. За совершенное преступление вы должны понести наказание.

Курманов: Был дядька. Такой высокий, чуть лысоватый. Он меня в доме пионеров нашел. Разговаривал со мной. Потом я его видел у вас, когда папа меня привез.

Карамов: А ты можешь его нарисовать?

Курманов: Да.

Карамов: Нарисуй!

Протокол составил Ш.И. Пугалов».

Когда на акте были поставлены подписи, пришел Дуче.

— О-о, да у нас гости! — обрадовался он, но, увидев ружье в руках Кобека и нерадостные лица сына и Валидова, смекнул, в чем дело, и, стерев с лица улыбку, холодно поздоровался с Кобеком.

— Рисунки тоже прикрепим к акту? — спросил Шура Исламович.

— А ну, дай! — и Дуче протянул руку к рисункам.

— Нельзя! — строго сказал Шура Исламович.

— Почему это «нельзя»?! — возмутившись, Дуче вырвал из рук Шуры Исламовича рисунки, посмотрел на них и вернул тот, где был изображен незнакомый «дядька». — А вот этот действительно «нельзя!» — И он порвал в клочки «казначейский билет». — Что за процесс такой, Кобек! И зачем это? — он показал на ружье.

— Скажите лучше, как это получилось, что твой сын стал автором пещерного рисунка?

— А что тут такого? Мой сын при тебе эту собаку нарисовал, помнишь?

— Помню, но ведь это не пещерный рисунок!

— И на камне нарисовал, — усмехнулся Дуче.

— Точнее — срисовал!

— А кто же нарисовал, по-твоему? — Дуче выпятил живот.

— Это пока никому неизвестно. Но наука могла бы ответить на этот вопрос.

— А какая тебе разница? Пусть мой сын будет автором рисунка! Разве мы не друзья?

— Тут, дорогой мой, вопрос истины. Если мы друзья, это не значит, что можно все валить на меня! — Кобек метнул взгляд на Валидова.

— На черта тебе сдался этот рисунок?! К тому же его взорвали, а имя моего сына в газету попало. Вообще-то ты плохо поступил, не сказав с самого начала, что Алибий — автор того рисунка в газете. А Валидов-то причем? Его грозились с работы снять, если он карьер не откроет! Вот он и сочинил это послание: умные люди подсказали!..

— Записать в акт? — зайдясь от гнева, спросил, у Кобека Шура Исламович.

— Я тебе запишу! — замахнулся на него Дуче.

— Угрожает! — поглаживая запотевший лоб, Шура Исламович искательно взглянул на Кобека.

— Он, гад, с нас показания взял! — воодушевился Валидов.

— Я ему — сниму показания! — закричал Дуче и, нагнувшись над столом, потребовал: — А ну-ка, отдай бумагу, черепашня душа!

Шура Исламович быстро спрятал бумаги в карман пиджака.

— Уйди, Дуче! — приказал Кобек, подымая ружье.

Дуче, оторопев, оцениваяюще взглянул на Кобека.

— И это между нами — друзьями! — изобразив горестное сожаление, вздохнул Дуче и поглядел на Валидова, ища поддержки. — Сколько тебя угощали за этим столом, а в ответ — такая неблагодарность!

Кобек боялся, что Дуче отвлечет его внимание и набросится, поэтому, не вдаваясь в детали, он жестко приказал:

— Всем пройти в другую комнату! Лишний шаг — и буду стрелять! Мне и одного из вас достаточно отправить на тот свет!

Дуче, Валидов и Алибий послушно прошли в другую комнату. Кобек и Шура Исламович отступили к дверям и поспешили вон из этого преступного гнезда. Во дворе на Кобека налетели доблестные солдаты. Они пытались потрогать ружье, а он, отбиваясь от них, почти бегом домчался до машины. Из дома выскочили Дуче и Валидов, за ними — Алибий.

— Показания взяты с применением силы, поэтому они недействительны! — прокричал Дуче и замахнулся на Шуру Исламовича. — А ты, Шкура, еще заработаешь!

— Заработаешь! — поддакнул Валидов.

— Плевать я на вас хотел, негодяи! — крикнул Шура Исламович и сел в машину.

Кобек вдруг вспомнил о том, что уносит чужое ружье.

— Отдать им ружье? — спросил он у Шуры Исламовича.

— Как? А разве это не ваше оружие? — удивился понятой.

— Это — архитектора.

— Ну, тогда давайте мне, у меня, правда, есть, но и второе не помешает — вооружу и жену.

Архитектор, вспомнив о ружье, прокричал:

— Ружье отдай, Карамов! Я его в школе взял, у военрука!

— Пусть военрук придет и возьмет у меня, — подсказал Шура Исламович.

— Пусть военрук придет и возьмет у Шуры Исламовича! — крикнул Кобек и захлопнул дверцу.

— Едем к гостинице! — сказал Кобек таксисту.

— Слушайте, этот непредвиденный простой мне в копеечку станет, — пробурчал таксист, заводя машину.

— Не беспокойтесь, в накладе не останетесь! — пообещал Кобек.

Таксист, успокоившись, тронул машину.

— А где ваше оружие? — спросил Шура Исламович.

— Оно всегда при мне, — Кобек решил до конца играть роль блюстителя порядка.

— Эту банду давно надо было разоблачить. Присвоение авторства — это ерунда. Хотя с воспитательной стороны и плохо, плохо и то, что печать нашу компрометируют. Я его понимаю. Вот в другом бы разобраться, поглубже бы копнуть. Один, этот жирный, представитель целой мафии, он открыто ворует у народа, а народ за это его кормит, бешеные деньги платит, а другой на виду у всех бездельничает, рыбалкой занимается, охотой, а народ ведь ему должность дал, кабинет предоставил. Все эти мошенники у меня на виду. Я даже специальный блокнот завел: кто кого поит, сколько съедено, сколько выпито — все записываю. Вдруг, думаю, на какого честного человека нападу. Хотите покажу, блокнот у меня дома, да и люкс номер три посмотрите заодно — это в нем начальство принимает своих гостей.

— Нет, Шура Исламович, спасибо. Это в другой раз.

— Вы, Карамов, не думайте только, что это Дуче вас угощал. Угощал-то он не своими деньгами, а государственными. Если бы не с вами, так с кем-нибудь другим пропил бы. Да вам и во сне не снилось, сколько они за один раз пропивают! Если кто на нормальную зарплату столько выпьет, то потом вся его семья по миру пойдет. Ах, жалко, что блокнот не берете! У меня там и часы, и дни указаны, сколько каких бутылок, какие конфеты, консервы, кто из поваров обслуживал и все фамилии... Ах, жалко!..

Кобек хотел сознаться, что он не тот, за кого его принимает сторож, но, чтобы не видеть его разочарованного лица, решил промолчать и даже посоветовал:

— Вы блокнот на имя начальника областной милиции пошлите.

— А он честный? — совсем наивно спросил Шура Исламович, рассмешив этим и Кобека, и таксиста. — Я это к чему спрашиваю! С нашей шайкой ходят, которые из-под лба на всех смотрят. А вы, Карамов, не такой, у вас и разговор искренний и вид простой, располагающий. Боюсь я этих начальников. Сами ведь знаете: мы тоже замешаны, хотя и не берем себе ничего. Про ту пятерку-то помните? Вы, конечно, извините нас. Распоряжение было от директрисы объединения. Так и сказала: драть не меньше пятерки. «Держи, — говорит, — номер до полуночи, узнай, кто — и бери!» Прежних-то гостинщиков — Биарслана и Фаризат — так и выгнала с места, за то, что сами не брали и ей не давали. Ты ведь — человек и правильно все поймешь. Людей в гостинице почти не бывает. Иной раз скажешь, что мест нет, клиент развернется и уйдет. Мы тогда пятерки из своего кармана, из зарплаты отдаем. А что делать? Работа хорошая, жалко терять. У жены ноги больные, да и мне по здоровью нельзя на тяжелую работу. Вы извините, а блокнотик хотелось бы вам отдать! — опять попросил Шура Исламович.

— Вы лучше мне акт отдайте, — сказал Кобек.

— Ах да, я в армии писарем был. — Вспомнив об акте, он вытащил его из кармана, развернул и, картинно подбоченясь, полюбовался своей работой.

— О-е-ей! — не удержался Кобек. — Какой прекрасный почерк! — машина тем временем подъехала к гостинице и остановилась.

— Так что же мне делать с блокнотом? — в голосе Шуры Исламовича послышалась мольба о помощи.

— Ничем не могу помочь, Шура Исламович, это не в моей компетенции. И вот вам совет: отдайте его в милицию!

— Незнакомым людям? Боюсь, — засмеялся Шура Исламович.

— Ну, ждите, когда познакомитесь!

Выйдя из машины, Кобек попрощался с этим воровым поневоле. Шура Исламович вышел следом за ним, повесил ружье на плечо, вытянулся в струнку, готовый чуть ли не честь отдать. Кобек только сейчас заметил страх в его глазах.

— Спасибо, Шура Исламович! Вы очень помогли мне! — вдохновенно подал он финальную реплику.

— Рад служить! — выпалил Шура Исламович и крепко пожал протянутую ему руку.

— Продолжайте в том же духе! — похвалил его Кобек.

Шура Исламович развернулся на месте и, чеканя шаг, пошел к гостинице.

— Какой-то ненормальный, — проговорил таксист, когда они отъехали от гостиницы.

— Да, человек непростой. И трус, и обличитель, и хитрец, и проstack — всего понемногу. Видимо, всю жизнь подстраивался, несчастный, сам не зная, каким быть, и совсем голову потерял... — сказал скорее самому себе Кобек.

По дороге он думал о том, как блистательно исполнил свою роль Шура Исламович и что лучшего исполнителя вряд ли можно было найти. А мысль о том, что исторические памятники должны были бы охраняться какими-то военными ведомствами, показалась ему просто замечательной: ай да Кобек!

Вспомнилась ему и вся эта история с пещерой, и безжалостно снесенные кем-то курганы, и минарет четырнадцатого века, сметенный с лица земли ретивыми студентами, все, что уже поломали, перекопали, сожгли... И что они были — что не были!..

* * *

Когда стемнело, он добрался до города. Остановившись возле дома Фейруз, расплатился с таксистом и вышел. Машина уехала. А Кобек стоял на темной пустынной улице и глядел на светившиеся окна Фейруз. «Позвонить или нет?» — думал он. На душе было мутно, будто ножом водили по стеклу, чувство, знакомое с дет-

ства. Когда-то так уже было. Он терпеть не мог этого скрежета. Был конец весны, шелестели молодые листья на деревьях... Обдумывая свое положение, он прошелся вдоль дома. В голову ничего путного не шло. Хотелось забыть обо всем. «Хорошо было бы не жить, а только созерцать этот мир, — пришло к нему вдруг какое-то определенное чувство. — Нет! — заспорил он с самим собой. — Фейруз — моя жизнь! Я должен посвятить себя ей. Если муж умрет, а он наверняка умрет, я буду ей опорой... — но, не успев так подумать, он вновь засомневался. — А вдруг она равнодушна ко мне. Хотя нет, этого не может быть, нас многое связывает... Даже в том случае, если она не питает ко мне никаких чувств, буду ей другом, ее верной собакой...» Он улыбнулся такому сравнению, и ему стало легче. Скрежета стекла на душе поубавилось. Он поднял голову, посмотрел на темное, без звезд небо, набрал в легкие воздуха. Вдруг ему показалось, что с неба летят какие-то пепельные хлопья, они таяли на лету и исчезали. «Я молод, я должен жить с высоко поднятой головой! К чему эти упаднические настроения?!» — приободрил он себя.

«...Какая двойная жизнь! Ну и мразь же вы! Так играть роль порядочного человека!» — послышались откуда-то с неба слова Риммы.

Кобек содрогнулся от этих слов, скрежет стекла усилился, он представил себе лицо девушки. Хотел успокоить себя тем, что ее уже нет на этом свете, но перед глазами предстала разграбленная квартира, жестоко истерзанная женщина, колечки, которые он носил в карманах, убегающий с места преступления убийца. «А вдруг это я?!» — неосторожно спросил он себя и стал отчаянно оправдываться, ведь он в ту ночь был с Дуче, и у него есть свидетели, и это может подтвердить Фейруз... А убийца, убегающий по ночным улицам, все приближался к нему, и лицо его, казалось, было похоже на его собственное. Он коснулся пальцами лба, вытер пот и, словно убегая от кого-то, поспешил к Фейруз.

— А я уже собиралась идти к сестре, — она обрадовалась Кобеку и постаралась смягчить свое утомленное лицо улыбкой.

— Еле управился. Туда и обратно на такси, — сказал Кобек, раздеваясь.

Надев комнатные тапочки, он прошел в гостиную, взглянул на иконы, потом — на книги.

— Есть хочешь? — спросила она.

— Да, перекусил бы.

Фейруз поставила на стол гуляш из баранины, салат, зелень, сыр.

— Гуляш я недавно подогревала, — сказала она, усаживаясь напротив.

Кобек с аппетитом ел, она, всхлипывая, рассказывала о проведенном в больнице дне, о том, что врачи сказали о безнадежном состоянии больного и предложили взять его домой.

— Ну, и взяла бы! — обронил Кобек.

— Да как же я возьму! Это такая мука — смотреть, как умирает близкий человек! — плакала Фейруз.

— Оставлять умирающего с чужими тоже нехорошо, — без всякого упрека проговорил Кобек.

Фейруз с любопытством взглянула на него, но тут же опустила голову и запричитала еще усерднее.

— Я заходила в палату несколько раз. Он в беспамятстве, спасает только капельница. А дома нужна будет медсестра для ухода. Кто-то из больных сказал, что он может прожить еще неделю... Я дала матери Юхана телеграмму, заверенную в больнице. Хорошо было бы, если б она успела. Вдвоем легче перенести такое горе...

— Что же поделаешь! Успокойся, родная, — слова утешения не шли на ум, и от этого Кобеку было не по себе.

Фейруз пошла в другую комнату, послышалось поскрипывание пружин — она, видимо, прилегла. Покончив с ужином, Кобек тоже направился в гостиную. Присев возле лежавшей Фейруз, стал гладить ее, как ребенка, по голове. Слова утешения по-прежнему не находились.

Фейруз подняла голову и, подобрав колени, обняла Кобека за плечи. Потом, захлебываясь слезами, заговорила.

— Пришла домой, хожу по квартире, а сама все в ту комнату заглядываю, и еще эти следы... — и она поверну-

ла голову, чтобы убедиться, что следы не пропали. — Не верится, что его нет! Не верится! — Кобек почувствовал прикосновение ее рук.

— Несчастливая я! Ой, какая же я несчастная! И непонятно, на что рассчитывала! А он, бедный, ну пусть бы поехал умирать к себе. Может, я уже все позабыла бы! А так, не знаю, как и жить без него! Как это все-таки несправедливо! — плакала она, содрогааясь всем телом.

Кобек обнял ее, поцеловал мокрые щеки, увидел полные слез глаза.

— Успокойся! — прошептал он чуть слышно. — Успокойся, родная! — сказал погромче. — Я понимаю тебя! Ну, скажи, что мне сделать! — а другие слова так и не пришли.

— Ой, Кобек! Как мне жить дальше? — Фейруз обняла его и увлекла за собой.

Они лежали на диване, обнявшись. Молча глядели друг другу в глаза, иногда Кобек успокаивающе целовал ее влажное лицо, касался губами ее губ.

— Ляжем в постель, — полушепотом сказал Кобек, боясь даже не отказа, а недовольства.

Но Фейруз согласно опустила глаза.

Кобек встал, потом помог Фейруз, поддерживая за плечи, повел ее в спальню. Расстегнуть на ее спине замок было делом минуты, и, не спеша раздевшись, он залез под одеяло. Замерев в ожидании, он вновь подумал, что момент для близости выбран не слишком удачно — в его ушах еще не смолкли горестные всхлипы Фейруз. Поругивая себя, он смотрел на Фейруз: вот, не торопясь, она сняла с себя белье; погладив ладонями талию и свой белый живот, огляделась по сторонам; потом, подняв белые руки, вытащила из волос заколки и положила их на стол; глядя в трюмо, разгладила волосы. И наконец, не гася света, деловито забралась под одеяло.

Кобек конечно же, сравнил ее с Кунбийке — его жена, в отличие от Фейруз, всегда стеснялась света, и, кроме того, он знал, что в темноте она всегда держала глаза открытыми. Фейруз же закрывала глаза так, что были видны синие прожилки на веках, все чувства отражались на лице, на губах, в уголках сомкнутых глаз.

Он еще помнил их первую ночь, когда она словно оглушила его своей чувственностью, сегодняшняя близость покорила его бережным отношением к страсти. Кобек охотно подчинялся безгласным требованиям ее тела, даже почувствовал себя в какую-то минуту Юханом и усмехнулся над собой.

Потом он лежал, глядя на ее иконописный портрет и думал о прошедших минутах. Она лежала рядом, уткнувшись головой в его плечо. После близости с женой Кобеку неприятно было чувствовать ее рядом и он, отвернувшись, заставлял себя заснуть. А вот с Фейруз, хотя страсть уже была утолена, ему хотелось нежиться бесконечно. Он смотрел на ее мягкие черные волосы, на напрягшуюся складку нежной кожи на шее. Ему казалось, что она осмысливает только что пережитые волнения. Подчиняясь этой осязаемой тишине, он ждал, когда она придет в себя. Молчал до тех пор, пока она не встала с постели, пройдясь обнаженной по комнате, и не надела голубой с цветочками пеньюар из полупрозрачной ткани.

Подойдя к кровати, она села и, склонив голову, коснулась язычком верхней губы.

— Кобек, милый, спасибо тебе!

— А мне как-то неловко за свое положение утешителя, — ляпнул он совсем уж по-кобековски.

Уголки глаз Фейруз дрогнули, на мгновенье блеснула какая-то мысль, но она сразу же ее подавила.

— Я бы одна с ума сошла. — Нагнувшись, она поцеловала а его в переносицу. — Может, хочешь кофе? — спросила она, с готовностью отпрянув.

— Я не прочь, — согласился Кобек.

— С коньяком? — улыбнулась она.

— Можно и с коньяком. Только сперва я приму душ.

Когда Кобек вышел из ванной, в спальне перед кроватью стоял столик с двумя чашками кофе и початой бутылкой коньяка.

За кофе они заговорили о кобековском несчастье. Отодвинув чашку, он достал из кармана пиджака акт, составленный Шурой Исламовичем, и показал Фейруз. Она прочла.

— Но как же все это попало в газету?
— А вот так! Теперь доказывай — не доказывай — пещеры нет, — с досадой произнес Кобек.

— Да это просто диверсия!

— Да. Отъявленные негодяи! Никому ничего не надо. Они готовы все превратить в пепел, как будто после них и жить некому...

— А это кто? — спросила Фейруз, разглядывая таинственного «дядьку», которого нарисовал Алибий.

«Дядьку» Кобек сразу признал и еще по дороге обдумывал, как повести разговор с Адлесом.

— Есть тут один деятель, который в акте значитесь как «дядька», не пожелал, видите ли, назвать себя. Просто ума не приложу, зачем ему надо было лезть в это дело! Почему он так испугался моего успеха? Если всем завидовать, с ума можно сойти. Интересная психология у наших людей: они завидуют своему ближнему, всегда готовы ему напааковать. А если бы подобное открытие сделали где-нибудь в Казахстане или Магадане, им было бы до лампочки...

— Что же теперь будет? — спросила Фейруз.

— Не знаю. Но я это дело так не оставлю. Подлец начальник! Когда он чувствовал, что за самыром стоит какая-то тайна, он ко мне даже в соавторы напрашивался! А сам обыкновенный доклад написать не может, в лучшем случае из газет сдирает. У него несчастного, глаза бы на лоб полезли, если бы он знал, что это за работа! А тоже, видишь ли, захотел ученой славы, помогать стал, но только этот «подлог» вышел — сразу в кусты. Я бы, конечно, все равно не сделал его соавтором! Это только мои мысли. Может, и фантастические, но мои — кровные! — Кобек чувствовал, что распалывается и говорит сбивчиво.

— Но теперь-то ты можешь сказать, что за тайна стоит за самыром? — спросила Фейруз, испытующе посмотрев на него.

— Тебе я, конечно, могу рассказать, ведь эти гипотезы и сейчас кажутся мне верными. Мне неудобно перед тобой, но я, как и раньше, не хотел бы, чтобы о них до поры до времени кто-то узнал.

— Если ты не можешь рассказывать, не надо. Я не обижусь, — Фейруз сосредоточенно пила свой кофе.

Кобек молча смотрел на нее.

— Ты знаешь, я могу сказать тебе, почему я заинтересовался этим памятником. Нам ведь известна только наша — человеческая цивилизация и, поскольку мы не знаем никаких других разумных существ, да еще ослеплены своей властью над природой, поведение животного и растительного мира мы объяснили по-своему. Такие объяснения были необходимы, потому что мы старались подчинить себе природу. Хотя иногда, надо это признать, нам встречаются совершенно непонятные природные явления, мы сталкиваемся с необъяснимым поведением и животных, и растений... Но, когда нам что-то непонятно, мы молчим или объясняем все божественным провидением. Я долго думал: почему это историю земли мы трактуем только со своей человеческой — колокольни? Ответ один: мы сильные и делаем все, что хотим. Только вот я совсем не уверен в нашей правоте. Появление самыра может опровергнуть все наши догмы. Когда пещера существовала, я был уверен, что это изображение дошло из тьмы веков. Но теперь, когда его нет, — сделано оно в средние века, или в девятнадцатом, или даже в двадцатом веке — не важно, я готов доказать, что появление такого рисунка не случайно. Есть в нем какой-то особый смысл. Но в любом случае — это не фантазия взбалмошного мальчика...

— Ну, конечно, — подхватила Фейруз. — Этот мальчик сам нам говорил, что срисовал самыра по просьбе своего руководителя...

— Да пусть себе... Я хочу сказать, что этот рисунок — не плод разыгравшейся фантазии человека: ни в прошлом, ни сейчас. Редкие аналоги в изобразительном искусстве все же встречались, и я говорил об этом на коллегии... Я считаю, что эти изображения свидетельствуют о существовании какой-то неведомой нам цивилизации. Ну, может, не цивилизации, а разумных существ...

— Вот как? — удивилась Фейруз, сдержав насмешливую улыбку.

— Ну, конечно, это слишком фантастическая гипотеза, — словно извиняясь, сказал Кобек.

— И все-таки должны же у тебя быть хоть какие-то основания для такой гипотезы! Мы ведь знаем, что многие полиморфные существа, знакомые нам по сказкам или мифам, всего лишь плод фантазии человека. Поэтому мы и не утверждаем, что сфинксы или русалки действительно существовали! — так же робко возразила Фейруз.

— О летучих мышах ты знаешь. А вот где-то в теплых странах живут крыланы — летучие лисицы. Я верю, что летающие собаки тоже существовали. В результате катастрофы или постепенного вырождения они исчезли. Меня убеждает в этом образ жизни наших собак, их поведение, нравы. По-моему, они просто — деградированные самуры...

— Да? — воскликнула Фейруз и, закрыв глаза рукой, опустила голову.

Кобек, замолчав, обнял ее за шею:

— Заморочил я тебе голову...

— Нет-нет, ничего. Просто я устала... Значит, именно об этом ты и писал в своей работе. Ты извини меня, но я не понимаю: зачем тебе все это нужно?

— Как это — зачем? — вздрогнул Кобек и, подумав, добавил: — Действительно, заморочил я тебе голову. Когда нет истории, люди ее выдумывают, хотя бы ради этого... Но успокойся!

Кобек допил свой кофе, затем уложил Фейруз и сам прилег рядом. Он не тушил света и долго рассматривал картину, на которой была изображена «богоматерь» Фейруз.

«Нет, она не поймет моих мыслей. Хорошо еще, что я остановился вовремя. Рано ей об этом рассказывать, рано», — заключил он.

«Эту картину нарисовал какой-то провидец», — прошептали его губы, и свой голос он услышал как бы со стороны, извне.

Во сне ему снились три пса, которые гнались за ним. Он в страхе убегал. Сперва бросил в них пиджак, потом — рубашку. Совсем голый, он оказался в каком-то сарае без

крыши, чудом взобрался на стропила, лег на них, пытается спрятаться от преследователей. И вдруг увидел, как свирепая рябая собака каким-то чудом взобралась наверх и, раскрыв пасть, грозно ступила на доски. Внизу лаяли две другие собаки. Кобек задрожал от страха и быстро поднялся, чтобы бежать...

Поднявшись, он врезался в стену и увидел рядом с собой спавшую Фейруз. Успокоился. Улыбнулся сну.

Лай собак доносился с улицы. Кобек встал и потушил свет.

Пепелище

Хлопья пепла, которые он видел в ту ночь перед домом Фейруз, мелькали перед его глазами все эти дни. Кобек даже подумал, что у него что-то с глазами, но стоило ему только так подумать, как видение исчезло.

Морг, где на выстроенных в ряд металлических столах лежали трупы, накрытые белыми простынями, потряс его: столько трупов разом он видел впервые. Кобек удивился; глядя на спокойное, даже, как ему показалось, жизнерадостное лицо краснощекого врача, который сидел за рабочим столом у открытого окна и пил чай из большой белой кружки. Медсестра, которая за плату переодевала покойников, довольно молодая женщина в белом халате, показав рукой на один из столов, небрежно сказала:

— Вон ваш покойник!

Кобек даже — почувствовал усмешку в ее словах. «Если бы не Фейруз, ни за что бы не сунулся сюда! — со стыдом подумал Кобек, выкатывая стол с телом Юхана из операционной. — У них, должно быть, железные нервы». У выхода он остановил каталку и откинул простыню, чтобы проверить: его это покойник или чей-то чужой. Всегда всклокоченная бородка Юхана была приглажена, так же как и порыжевшие волосы, нос вытянулся, выражение лица было очень спокойным, непривычным для Кобека, запомнившего Юхана корчившимся от боли.

Покойник был одет в новый черный костюм, белую сорочку, на ногах его были белые туфли. Эта парадность трупа, предназначенного к сожжению, вызвала у Кобека недоумение. Так же, как и лакированный, украшенный по краям какими-то кружевами гроб. «Зачем переводить деньги, какая-то бессмыслица!» — подумал он. Переворот брезгливость, он, из какого-то любопытства, пощупал оголенную кисть. Его обдало холодом, и он вспомнил, как в музее дотрагивался до чучела борзой собаки. Этого холодного прикосновения он долго потом не мог забыть. С каким-то человеком, которому за это было заплачено, они переложили тело в гроб. Его надо было заколотить, но родные еще не попрощались с покойным. Кобек вышел на улицу, чтобы позвать их. Мать Юхана, хотя и совсем старушка, ходила бойко и в своем бело-голубом брючном костюме была похожа на белого воробья. На голове у нее был парик соломенного цвета, лицо лоснилось от кремов, сжатые тонкие губы были подкрашены бледно-розовой помадой, на носу блестели очки в золотой оправе. Фру Берг быстро прошагала вокруг гроба, поправила очки, нахохлившись, без единого вдоха посмотрела на тело сына, поправила галстук и отошла. Фейруз, одетая в черное шелковое платье, плотно облегавшее ее бедра, в черной шляпке с опущенной на лицо вуалью стояла отвернувшись, держа у губ белый платочек.

— Фейруз, фру Берг? — Кобек вопросительно посмотрел на женщин.

Фру Берг кивнула головой. Кобек с жизнерадостным рабочим накрыли гроб крышкой и неторопливо вбили гвозди...

Затем все трое целый день везли гроб на автобусе в город, где имелся крематорий...

Пепел Юхана был в белой урне, ее выдали в крематории на следующий день...

В такси, держа в руках урну, Кобек вспомнил слова Юхана о том, что не желает отдавать себя во власть червей. «Слишком разумно, — размышлял Кобек, — люди, которые так думают, и ввели у нас этот странный обычай. Кобек самому себе казался смешным с этой урной

и то и дело поглядывал на сидевших рядом фру Берг и Фейруз. — Не кажется ли им это смешным? — спрашивал он себя. — Несу Юхана на груди своей, — нечаянно продекламировал он и подумал вдруг о фашистских крематориях, где сжигали живых. — Опять же разумность вызвала такую жестокость», — заключил он, и ему захотелось всучить старушке этот пепел, дабы не считать себя соучастником преступления. И тогда он снова увидел, как с голубого неба, словно живые, падают лоскутки пепла... Когда посадили старуху в поезд, он наконец освободился от урны. Положив ее в багажный ящик под сиденье, на котором будет спать фру Берг, Кобек вышел, не попрощавшись, оставив Фейруз с матерью Юхана. Фейруз объяснялась со старухой на немецком, одна другую они понимали плохо. Фейруз, видимо, все свои слезы уже выплакала и по дороге, и в гостинице, где они ночевали в одном номере с фру Берг, поэтому она не плакала, хотя ее чувственные губы стали строже: она их смыкала по примеру старухи.

Фейруз вышла из вагона и, подойдя к окну купе фру Берг, помахала ей рукой. Старуха, не склонная к сантиментам, посмотрела равнодушно сквозь толстое стекло и отвернулась. Кобеку подумалось, что для полноты образа ей недостает только фашистской каски. И опять ему вспомнились увиденные в каких-то фильмах концлагеря с дымящимися трубами крематориев, завершалась эта сцена огромным ядерным взрывом, в котором сгорали живые люди, и падающими с неба хлопьями пепла. У Кобека кружилась от всего этого голова, и он, сам не понимая, как это случилось, обнял Фейруз.

— Фру Берг увидит! — испуганно вскрикнула она, освобождаясь от его рук.

— Ей все нипочем! Хоть трава у нас не расти! — сказал Кобек, не размыкая объятий.

* * *

Потом он много думал о том, что рожденный однажды непременно должен умереть. Почему так? Сам Кобек — что он такое и зачем? Вспоминая мертвое тело

Юхана, эту урну с пеплом, он думал о бренности мира, о смерти и... о бессмертии. «Раз смерть неизбежна, значит и рождение должно быть необходимостью». То, что бессмертных нет, он понимал, а вот то, что рождение закономерно, — не очень. Он ясно осознавал, что его появления на свет могло и не быть: мало ли хитростей у современной женщины, да и природа не так уж равнодушна — могла родиться девочка или какой-нибудь уродец. «Рожден случайно, но умереть должен обязательно. Как-то нескладно получается! Квартирант какой-то? Нет, это софистика, — упрекал он себя за все эти фантазии. — Ты появился, твое появление — необходимость. Так было предрешиено. Значит, в твоём рождении есть определённый смысл и назначение. А разгадка таится между двумя опорными точками: днем твоего рождения и днем смерти, в этом временном промежутке весь смысл. Но какой смысл в жизни Юхана? Неужели всего лишь необходимость смерти? Этого не может быть! Или же смысл его жизни в том, чтобы оставить после себя кучку пепла? Это, в конце концов, его воля! Но сколько существует погруженных в забвение городов, царств. А может, он превратил себя в ничто как раз потому, что не верит в человеческую память? А все эти твари, которых он будто бы боялся, так, для отговорки?! Но лучше все-таки предать себя земле, естеству, чем совершать такое насилие над природой. А впрочем?..»

Чувствуя, что отклоняется от основной мысли, он вернулся к тому, что его больше всего мучило.

«Если твое появление на свет закономерно, то почему оно зависит от стольких случайностей! Или же все эти случайности не случайны и подчинены какой-то главной цели? Как будто чья-то воля управляет твоей жизнью! Нет-нет! Ведь, зная об этом, мир был бы статичен. Люди сидели бы сложа руки и ждали исхода. Это фатальное заблуждение превратило азиатские народы в покорных рабов. Оно заставляло их подчиняться всем превратностям судьбы. Какая жалкая философия! Жалкая, но удобная... А что тогда? Любой человек может умереть в младенчестве от стихийного бедствия, от болезни. Мог бы Юхан, мог и я, Кобек. Умри Гоголь в юношеском возрасте, мы бы не знали ни «Невского проспекта», ни

«Мертвых душ». Пуля дуэлянта могла настигнуть Пушкина раньше — и тогда не было бы многих его творений, но мы не знаем, что бы он еще создал, не будь этой пули. Из-за несчастной дуэли человечество лишилось великих произведений, и, наоборот, из-за того, что та же пуля случайно не задела молодого офицера, участвующего в Севастопольской кампании, были созданы «Война и мир» и «Хаджи-Мурат»... В одном случае — случай, а в другом — рок? Или оба раза — рок? Или оба раза — случай?»

У Кобека был приятель, который решил однажды купить лотерейный билет, но, не надеясь на свой выбор, попросил свою знакомую вытащить за него.

Девушка не оробела — «спринт» так «спринт!» — вытащила билет и отдала, не раскрывая, молодому человеку. Распечатав его, парень глазам своим не поверил — он выиграл «Жигули»! Безумно счастливый, он догнал девушку и показал ей билет. Всегда такая беспечная, девушка побелела, увидев в его руках счастливый билет; недолго думая, она раскрыла сумочку, вытащила оттуда рубль и, сунув его молодому человеку, потребовала вернуть ее билет. Молодой человек билета не отдал. Слезы, истерика. Приятель Кобека держал себя хладнокровно и все выдержал. Тяжба из-за билета длилась долго. Девушка подала заявление в милицию, всюду упорно доказывала, что, если бы не она, этот билет был бы ничей и что молодой человек не имеет к нему никакого отношения. Состоялся даже суд, который постановил, что иск девушки неправомочен.

«Случай, или так было суждено? Конечно, случай! Но жить по чьей-то подсказке, идти на поводу у кого-то, быть чьим-то рабом! — нет! Видимо, и Юхан бросил вызов этой несвободе? По всей вероятности, он должен был жить в своей стране, стать наследником материнского состояния, принадлежать своей среде, но он предпочел отказаться от всех этих благ, переехал в чужую страну, женился на представительнице неизвестного ему народа, жил совершенно неведомой его соотечественникам жизнью. И последнее, что он сделал по собственному усмотрению, — это распорядился своим телом. Да, чело-

век просто обязан творить себя... Хотя бы пытаться делать это...

А если внезапно случится несчастье? Попадешь под машину или даже не ты попадешь, а пьяный водитель наедет на тебя? И опять все решит случай. Кто спрашивает у человека: хочет он родиться или нет. Опять-таки случай. Ну, нет, это уже ни на что не похоже! А может быть, человека просто загнали в этот угол: между случайностью и необходимостью? Он должен творить себя и бояться случайного.

Бедный человек! Все равно что муха! Прихлопнет его судьба или нет — неизвестно!»

«Но я не хочу быть таким жалким!» — чуть было не закричал Кобек.

«Я буду избегать случайностей и творить себя. Буду верить в себя. Если я сам в себя не поверю, то кто поверит в меня? И мне кто поверит? — Вопрос был неожиданный и требовал немедленного ответа. — А верю ли я себе! Верю ли?...»

И еще он подумал: «А не обманываю ли я себя?» «Единственное, что у меня есть, — это Фейруз!» — нашел он только одно устраивавшее его объяснение.

* * *

Кобек носился с актом, составленным в Эдер-ауле Шурой Исламовичем по самым разным инстанциям.

Первым делом, он зашел в газету и показал акт редактору. Редактор, худой высокий человек с зачесанными на пробор черными волосами и выбритым до синевы лицом, насупилс я, прочитав акт, с усмешкой посмотрел на Кобека.

— Ну и что? — спросил он.

— Вот в этом номере, — и Кобек развернул газету, — помещена заметка о том, что я якобы ввел вашего сотрудника в заблуждение. Так что мне надо оправдаться.

— Во-первых, это так не делается. Ваш акт недействителен, по нему нельзя судить о достоверности случившегося. Вам надо было его заверить в райисполкоме или в

сельском совете, или в каком-нибудь другом учреждении. А во-вторых, наша газета не игрушка: даем один материал, потом публикуем опровержение, потому что от некоего официального лица поступает сообщение, что тот материал неверен... А теперь вы хотите реабилитировать первоначальный материал. Что же нам теперь говорить! Что мы приносим извинения за свои извинения?

— А что я должен делать? Ходить оговоренным?!

— Нет! Если ваш акт признают достоверным, мы найдем форму, чтобы извиниться. Можем дать статью об этой пещере и сделать в ней оговорку. А где вы были раньше, почему до этой статьи не пришли?

— Откуда же я знал, какой сюрприз мне готовится?

Редактор, скривившись, развел руками.

— Пещеру-то уже снесли! — добавил Кобек.

— Ну, тогда вообще не о чем говорить.

— А я? Я?! — ткнул себя пальцем в грудь Кобек. — Какие-то негодяи совершили преступление — снесли памятник культуры, оговорили честного человека?!

— Предъявите иск, разберитесь в этом деле, а потом уже приходите к нам. А то суете какую-то бумажку. — Редактор небрежно махнул рукой и не сказал больше ни слова.

Кобек ушел, хлопнув дверью. В коридоре он встретил быстро шагнувшего Ярикова, листавшего какие-то бумаги.

— Вот, прочитайте! — остановил его Кобек.

— А ну-ка! — Яриков поправил очки с толстыми стеклами и, взяв акт, стал читать; прочитав, он долго покачивал своей большой головой.

— Ну, что им еще нужно? А мне выговор дали за ту статью! Что им еще нужно? Я так и подумал, что юный художник тут ни при чем. Ты редактору показал? — участливо спросил он.

— Показал, — ответил Кобек.

— Да-а, — понимающе протянул Яриков. — Опровержение он уже не даст. Вот что! Тебе надо раскатать когни-будь сверху. Ты вроде с начальником управления в хороших отношениях, пусть он напишет в обком. Или сам

сходи, — посоветовал Яриков, но чувствовалось, что большого интереса ко всему этому у него нет. — Ну, я пошел, — рассматривая бумаги, он поспешил по своим делам.

Придя на работу, Кобек сразу же зашел в кабинет начальника.

— С заявлением пришел? — спросил Магомед Султанович.

— Нет, с актом, — и Кобек протянул ему исписанные листки.

Начальник быстро прочитал и спросил в точности как редактор:

— Ну и что?

— Как это — что? Статья была сфабрикована. Им нужно было снести гору, и они придумали эту историю с мальчиком.

— Правильно. Если не мальчик нарисовал, значит, кто-то другой. Что теперь толковать? Пещеру-то снесли... Ты, Карамов, давай увольняйся, а не то я тебя по статье уволю. Наделал ты дел — за статью я уже получил внушение.

— Но ведь это несправедливо. Надо доказать, что их письмо в газету фальшивка. Памятник, конечно, не вернешь, а правду надо восстановить.

— За чем тебе правда? На работе я тебя все равно не восстановлю. У тебя уже неделя прогулов. Я тебе командировку в район не выписывал. И вообще, памятники — не твоя работа! До этого какой-то курган выдумал, теперь собаку с крыльями! У тебя диплом архитектора, вот и работай по специальности. Лезешь, куда тебя не просят!

— Ну, нет. Я этого так не оставлю, — пообещал начальнику Кобек.

Довольный тем, что в коридоре никого не было, он поспешил к выходу. Объясняться ни с кем не хотелось, а разговор с Адлесом он решил оставить напоследок.

Культурой в облыском коммуне ведала какакая-то ученая дама. Она радушно улыбунулась, когда он, дождаввшись очереди, попал к ней на прием.

— Чем могу быть полезной? — произнесли ярко-красные губы.

Глаза ученой дамы открыто посмотрели ему в лицо, вызывая на доверительный разговор, потом она при-

гладила гладко зачесанные волосы, сощурила глаза и даже нагнулась к посетителю, всем своим видом показывая, что готова выслушать и помочь.

Кобек объяснил, зачем пришел, показал газету и акт. Сочинение Шуры Исламовича она прочитала внимательно.

— С теми статьями я знакома. Когда прочитала первую, была немало удивлена. В нашей области — и такое! — Она почему-то брезгливо поморщилась, но следом и улыбнулась. — А когда было опубликовано письмо из района, — она развернула газету, — просто поразились на нашу молодежь! Как можно вводить в заблуждение и работников культуры, и работников печати! По вашему акту сейчас я ничего не могу сказать, но напишу резолюцию начальнику управления пусть он сам разберется. Вы согласны? — спросила она, томно взглянув на Кобека.

— Не согласиться нельзя, — двусмысленно ответил Кобек.

Лицо ответственного работника несколько омрачилось, но, не привыкшая давать волю своим чувствам, она взяла со стола ручку и начала что-то писать.

— А может быть, доверим эти бумаги нашему курьеру? Не хочу вас утруждать, — проговорила она кокетливо.

— Ну, зачем же! Я сам передам их Магомеду Султановичу.

— И прекрасно! Справедливость должна восторжествовать! — вдохновенно проговорила она, отдав Кобеку газету и акт.

Не успел Кобек выйти, как ответственное лицо, нахмурившись, углубилось в чтение каких-то бумаг.

— До свидания! — сказал Кобек, открывая дверь кабинета.

— Всего доброго! — просияло женское лицо, но тут же, покраснев, зарылось в бумаги.

«Прямо как в цирке!», — подумал Кобек, затворяя за собой дверь.

Крупным размашистым почерком в уголке акта было написано: «Разобраться самим!» — под резолюцией стояла подпись.

Когда Кобек вошел в кабинет начальника, Магомед Султанович ласково улыбнулся.

— Вот! — сказал Кобек, протягивая ему акт. Начальник повел усами и, брезгливо взяв в руки бумаги, посмотрел злорадствуя на Кобека:

— Воистину, курица сама ищет нож, от которого погибнет, — и, взяв со стола какой-то листок, протянул Кобеку. — Думаю, что инцидент исчерпан. Сегодняшней по-чтой прибыло...

Кобек взял листок. На райисполкомовском бланке было напечатано:

«Начальнику областного управления
тов. **Бастемирову М.С.**
от жителей Эдерского района

Валидова М. М., Курманова М. Л.
и Курманова А. М., Пугулова Ш. И.

Жалоба

19 августа сего года, в день выхода в областной газете статьи «Подлог», сотрудник областного управления культуры Карамов Р. А. совершил ряд хулиганских действий. Разбежась с неизвестным лицом в такси зеленого цвета, он обливал грязью достойнейших граждан. Первый визит он нанес мастеру производственного участка Эдерского горно-добывающего карьера тов. Сулимову Н. Б. и словесно оскорбил не только работников этого карьера, но и лично тов. Сулимова Н. Б. Затем Карамов Р. А. вместе с неизвестным ворвался в здание райисполкома, где отыскал районного архитектора тов. Валидова А. М., находящегося при исполнении служебных обязанностей. Карамов отобрал у него малокалиберную винтовку, которой тов. Валидов, выполняя общественное поручение, отстреливал бездомных собак, и, угрожая оружием, увез в неизвестном направлении. Машина, как потом выяснилось, направилась к зданию районной гостиницы, где, желая привлечь в соучастники сторожа гостиницы тов. Пугулова Ш. И., Карамов насильно посадил его в машину и повез в дом работника райзаготбазы тов. Курманова М. Л. В доме Курманова М. Л., угрожая оружием, он заставил Пугулова Ш. И. написать подложный документ, в котором несовершеннолетний Курманов А. отказывается от фактов, изложенных в статье «Подлог». Затем Карамов Р. А., также применяя огнестрельное оружие, принудил товарищей Пугулова Ш. И., Валидова А. М. и несовершеннолетнего Курманова А. М. подписаться под этим документом. В связи с этим просим областное управление культуры пресечь хулиганские выход-

ки тов. Карамова Р. А. Поскольку эта жалоба носит официальный характер, пострадавшие граждане считают своим долгом подписаться под ней».

Прочитав это, Кобек не сразу осознал серьезность создавшегося положения, его больше всего поразила измена Шуры Исламовича. Он вспомнил его обличительные речи, заискивающие улыбочки, рассказ про блокнот... «Видимо, Валидов с Дуче припугнули! И этого следовало ожидать», — заключил он.

— Так что распоясались вы, Карамов, не на шутку. — Прямо гангстер какой-то! От вас никто не ожидал такого! На вид робкий, а оказалось... ехидно усмехнулся Магомед Султанович.

— В этом заколдованном круге правду только с пушкой можно отстаивать! — прервал его Кобек.

— Ну, теперь, может, заберете акт, здесь ведь уголовщиной пахнет! Факты против вас!

— Да, конечно, — Кобек взял со стола бумаги и, сложив, положил себе в карман. — Дайте чистый лист. Я напишу заявление об уходе.

Начальник дал ему бумагу, и Кобек написал заявление. Взяв его, начальник повторил слова погибшей Риммы:

— Какая двойная жизнь!

* * *

В коридоре ему встретился Адлес. Закадычный дружок как-то воровато посмотрел на него и вопросительно кивнул, будто спрашивая, в чем дело.

Кобек достал из кармана рисунок Алибия и протянул Адлесу. Тот, взяв в руки листок, внимательно посмотрел на рисунок.

— Не понял... — сказал он, краснея.

— С места преступления... Фоторобот! — усмехнулся Кобек и пошел прочь.

«Буквально все виноваты! — Эта мысль утешала, но и вызывала сомнение. — Так ведь не бывает, — думал он. — В чем-то и я виноват. Все, что я напридумывал, всего лишь гипотезы. А может, и фантазия? Нужны были на-

учные обоснования, без ученых этого дела не пробить. Надо было получить их рекомендации. С помощью новейших методов они определили бы дату создания рисунка, обследовали бы пещеру. Я хотел личной славы — и просчитался. Но еще не поздно, надо связаться с учеными. И обязательно — со столичными», — с этой мыслью он носился все последующие дни и месяцы.

* * *

Домой он зашел лишь однажды, чтобы взять свои вещи. Уходя, поцеловал дочек. Жена не дала ему поговорить с ними.

— Не смей дотрагиваться до детей! И больше ты никогда их не увидишь! — криком остановила она Кобека.

— Расход на развод я возьму на себя. Алименты у меня пока не с чего брать, надо устраиваться на работу, — не обратив внимания на крик жены, спокойно проговорил Кобек.

— Катись! Нам ничего от тебя не надо!

Взяв чемодан, Кобек вышел из квартиры.

— Прощай, моя конура! — патетически прошептал он, оглянувшись на дверь, и тут же услышал крик:

— Будь ты проклят! Столько лет голову морочил! Что бы она у тебя самого свихнулась!

За этим криком замаячило вдруг проклятье отца: «Родного отца забыли! Так и самих себя позабудете!»

Вещи Кобек отвез к Фейруз.

Фейруз еще по дороге домой, после проводов фру Берг, заявила, что жить в квартире, в которой свежа память о Юхане, она не может. Особенно ее смущали вещи, приобретенные мужем, а больше всего — следы посреди комнаты. Кобек даже перекрасил пол, но контуры следов все равно проглядывали, они стали даже еще заметнее. Фейруз садилась на диван и уныло глядела на это место. А когда Кобека не было, она вообще не заходила в квартиру. Признавалась, что ее преследует какой-то неотвязчивый страх: когда она одна, ей все время кажется, что Юхан в одной из комнат, в кухне или в ванной, и

она, отчаявшись, открывает дверь и заглядывает во все комнаты. Однажды Кобек задержался у своего знакомого художника. А возвратившись, возле подъезда встретил заплаканную Фейруз. Увидев Кобека, она неверными шагами пошла ему навстречу, склонилась в изнеможении и уронила голову на его плечо.

— Я так больше не могу! Уже полтора часа стою на улице. Хотела зайти в квартиру, открыла дверь, а там блеснула его тень — я даже дверь не закрыла, кинулась вниз... Не могу больше так!

— Успокойся, родная! — и Кобек погладил ее волосы.

— Это нервы, это должно пройти.

— Нет, наврное, это никогда не пройдет. Не покидай меня ни на минуту, Кобек. Я прошу тебя.

— Я тебя люблю, Фейруз, — Кобек впервые произнес слова, встречавшиеся в литературе гораздо чаще, чем в жизни. — Ты одна даешь мне силы. Ты одна...

Кобек старался быть дома, когда она возвращалась с работы. Они все переставили в квартире, убрали вещи, напоминавшие о Юхане: одежду упаковали в картонный ящик, предметы народного быта поставили в дальний угол и накрыли ковром. Сняли со стены иконы, даже чашки и тарелки, которыми пользовался Юхан, вынесли из кухни — сложили все это в комнате Юхана и закрыли дверь на ключ; и все равно Кобек заметил, что Фейруз боялась оставаться одна: то звала его, то сама молча шла за ним и садилась рядом. Кобек чувствовал, что это ее состояние слишком затянулось, и, когда он предложил ей сделать обмен, она охотно согласилась. Сперва они хотели найти квартиру в своем городе, потом передумали и решили поменяться на другой, желательно — столицу, где прошли студенческие годы и Фейруз, и Кобека. Они знали, что для этого понадобятся немалые деньги: такой обмен был непрост. Поэтому решили продать иконы. Кобек разыскал в городе коллекционера, который, узнав, что владельцы продают иконы по старым ценам (а они к тому времени выросли вдвое) срочно нашел три тысячи и купил шесть икон прошлого века. Самые ценные иконы они оставили себе. Коллекционер, увидев их, сказал, что им не найти на них покупателя в городе... Но главное, что деньги у них теперь были, и оставалось най-

ти только дельцов, занимающихся обменом. Вначале они хотели дождаться развода, но состояние Фейруз и затянувшееся безделье Кобека привело к тому, что они решили немедленно ехать в столицу, найти там временное жилье и ускорить обмен. Объявление в местную газету они на всякий случай дали. Фейруз уволилась с работы. Самые ценные вещи она отнесла к сестре. Когда упаковывали иконы, Фейруз хотела выкинуть свой портрет.

— Душу бередит! — со злостью, сделавшей ее совсем чужой, сказала Фейруз. — Может быть, сжечь?!

— Ни в коем случае, — Кобек выхватил из ее рук портрет.

— Пусть только не попадается мне на глаза!

Кобек, обернув портрет салфеткой, спрятал его вместе со своими рукописями в чемодан.

Опечатав квартиру и захватив с собой только самое необходимое, они выехали в столицу.

Часть четвертая. *Угол*

* * *

*М*ир твоей душе, несчастная Мария! Бедная жертва человеческих страстей! Навряд ли твое тело покоится в кургане! Дети твои были малы и несмышлены, а если бы Хота пережил тебя, то воздвиг бы в память о тебе не курган, а мавзолей. Ты заслужила это...

Нет-нет! Тот череп принадлежит другой женщине! Каким кощунством было бы извлечь тебя из земли и поместить среди этих пестрых иллюстраций и безжизненных холстов! Нет! Я сам не хочу, чтобы это была ты. Остаешься в земле, спи спокойно, и пусть земля будет тебе пухом! Конечно, надо бы найти тот безымянный бугорок, где ты похоронена, и, став на колени, поклониться тебе за все вынесенные тобою страдания. Этими страданиями оплачена жизнь твоих детей, а может быть, и нас твоих внуков и правнуков!..

Я гляжу на этот череп, и мне жутко оттого, что он может принадлежать такой страдальце, как Мария. Он не должен быть здесь! Природа беспощадна к человеку, но люди не должны быть жестоки. Да что же это за время такое! Друг-художник, конечно, не виноват в том, что хранит у себя этот череп, ведь, если бы не он, его хранил бы кто-то другой; а может быть, его отнесли бы в музей или в анатомический театр, где, так же, как я сейчас, им

любовались бы другие. Что же сделало нас такими равнодушными и беспамятными? Ведь мы не задумываемся о том, что в этой пустой раковине жила когда-то человеческая душа — глаза любовались красотами мира, уши внимали человеческой речи, пению птиц, шелесту травы...

Как я хотел бы увидеть ту женщину! И, хотя я знал, что и Янсурат не могла покоиться в кургане, ее образ преследовал меня — эта красавица, познавшая всю горечь жизни, унесла в воды Кубани свою неутоленную страсть.

Легенда о Янсурат

Когда-то в одном ауле жила девушка Янсурат. Во всей округе не было такой красавицы. Статная, смуглолицая, с большими серыми глазами, она не давала покоя ни одному удалому джигиту. Немало молодых парней потеряли сон от ее звонкого голоса. Но горячее всех был влюблен в Янсурат соседский парень по имени Кельди-Мурат. Это был скромный и работающий юноша. Не часто доводилось Янсурат беседовать с Кельди-Муратом: по обычаю девушке не подобало разговаривать с мужчинами. Но они с полувзгляда понимали друг друга. В те давние времена молодые люди могли встречаться только на посиделках да во время свадеб. Кельди-Мурат никогда не пропускал случая пригласить на танец Янсурат. Молча танцевал джигит, но глаза его говорили о многом. В них светилась мечта о том, как он женится на любимой и будет у них много детей, и все их желания исполнятся... Янсурат украдкой смотрела на танцующего Кельди-Мурата, и было ясно, что его любовь взаимна, что она готова стать его женой и помощницей в нелегкой жизни ногайского крестьянина.

Янсурат всегда чувствовала на себе влюбленный взгляд Кельди-Мурата. Когда она шла за водой на реку, ей было стыдно поднять глаза: девушка стеснялась родных джигита — что они подумают о ней? Янсурат хотелось, чтобы они знали, что у них будет скромная, послушная невестка, которая и взглядом не посмеет оскорбить родителей мужа, до глубокой старости будет улаживать их. А Кельди-Мурат, укладывая сено в стог, словно показывал соседям, что не боится тяжелого труда и делает все, чтобы его семья жила в достатке. Сам же все время

поглядывал на соседский двор: не мелькнет ли платок юркой красавицы Янсурат!..

Родители Кельди-Мурата и Янсурат давно заметили, что молодые люди любят друг друга. Они встретились и решились породниться, даже сговорились о вполне терпимом калыме. Двадцать дойных коров, десять бычков и одну головную лошадь обязались пригнать родные джигита в дом невесты. Сама Янсурат и все ее близкие готовили приданое к свадьбе: шили шубы, платья, куржуньи, кисеты родственникам мужа. Янсурат соткала белый башилык и белую черкеску для своего суженого.

В год, когда должна была состояться свадьба, семью Янсурат неожиданно постигло несчастье. В пору сенокоса отец возвращался домой на арбе. Лошади, испугавшись чего-то, понесли. Арба на повороте перевернулась и придавила старика к скале. Когда прибежавшие на крик люди освободили его, он был еще жив. Но помощь пришла слишком поздно: ночью отец скончался. На целый год семья оделась в траур. Семья соседей горевала вместе с родными покойного. Но Янсурат еще не знала; что это только начало ее злоключений.

После смерти отца за старшего в семье остался брат Исмаил. Он был женат, имел двоих детей, жена ждала третьего. Нрава Исмаил был крутого, мечтал разбогатеть и шел на все ради этого. Еще при жизни отца он отделил свои деньги, что противоречило древним обычаям. Правда, добывал он эти деньги, рискуя жизнью: вместе с лихими товарищами из соседних аулов возил провиант для царской армии по опасным кавказским дорогам. Отец не корил его за это, никогда не выказывал обиды. Может быть, он потакал сыну из-за того, что много смертельных опасностей таил извоз и далеко не все отважные джигиты возвращались в родной аул живыми и невредимыми. После смерти отца Исмаил сидел дома, тогда-то и мать и сестра узнали его по-настоящему.

Минул год, и соседи начали намекать на то, что пора бы исполнить задуманное. Исмаил не торопился с ответом, как-то свысока поглядывал на соседей, а Кельди-Мурата и вовсе не замечал.

Когда мать заговорила с ним о том, что пора уже и сватов принимать, Исмаил раздраженно ответил:

– Что мне проку от их тощих коров и телят? Не будем торопиться, надо всерьез подумать о судьбе сестры. Нужно отдать ее в хороший дом, да и сваты должны быть побогаче.

Эти слова Исмаила испугали мать:

– Но ведь отец обо всем договорился с ними!..

– Отец, отец!.. Да упокоится его душа в раю! Вы, старфики, никогда не понимали своей пользы. И ты, мать, не понимаешь, как надо жить. Может, совсем другой избранник составит счастье моей сестры, – раздраженно ответил Исмаил. – А что соседи? Вон у них старшие сыновья вместе с семьями до сих пор не отделились, все ютятся в одном маленьком домишке. Голоштанники! Стыдно родниться с ними! Сестре нелегко будет жить в таком доме!..

Мать хотела возразить сыну, напомнить о том, что молодые любят друг друга, но, стесняясь говорить о чувствах дочери, она вновь напомнила Исмаилу о воле покойного отца. Но сын грубо оборвал мать, не желая и слышать о свадьбе Янсурат и Кельди-Мурата.

Мать ничего не сказала дочери об этом разговоре, и, хотя Янсурат давно чувствовала ее тревогу и беспокойство, она не решалась спросить о причине этого. Девушка терпеливо ждала своей участи. Она верила, что воля отца исполнится и наступит момент, когда судьба соединит ее с Кельди-Муратом.

Янсурат родилась в семье простого землепашца. С раннего детства привыкла к работе. Беспрекословно слушалась старших. Просыпалась по утрам со словом «Бисмилла!». Засыпала, читая «Кулхуалла!» Мир, созданный всевышним, был прост и прекрасен. С утра до вечера она исправно работала и с нетерпением ждала вечера, когда можно было на посиделках увидеть своего суженого. Свадьбы в ауле были особым событием. Янсурат, как и все девушки, ждала их, потом долго жила этими воспоминаниями и, конечно, мечтала о дне собственной свадьбы.

До смерти отца и по истечении времени траура, мать, как бы угадывая мысли дочери, часто заговаривала о ее замужестве – главном событии в жизни девушки. Теперь же ее поведение изменилось: глядя на дочь, старая женщина постоянно хмурилась, чего-то недоговаривала или говорила о каких-то пустяках, а однажды, расчесывая гребешком волосы дочери, мать внезапно расплакалась и не смогла объяснить причину своих слез.

Потом произошло событие, о котором Янсурат и не подозревала. Оно все перевернуло в глазах девушки. Понятный и казавшийся неизблемым миропорядок рассыпался в прах.

Как-то к Исмаилу приехали гости из соседнего аула. Среди них был и Хамзат, мужчина лет сорока. Он был гораздо старше Исмаила. Брат знал его по кире¹, они ездили вместе, в одном обозе. Хамзат обратил внимание на Янсурат, когда та обслуживала стол мужчин. Он сразу же спросил о ней и как бы невзначай намекнул, что давно хочет создать семью. Выходя из дома, он пристально посмотрел на стоявшую в дверях летней кухни Янсурат. Девушка почувствовала этот взгляд, хотя глаза ее были стыдливо опущены. Ей и в голову не могло прийти, что этот пожилой мужчина вознамерится посвататься к ней. Исмаил отвел Хамзата в сторону и объяснил, что сестра его почти просватана, но он не хочет отдавать ее соседям из-за унижительного калыма.

– Хозяйство у меня неплохое, – сказал Хамзат, есть и деньги, и калымный скот. Давно хотел жениться на такой вот молодой, красивой девушке, и думаю, что Аллах вознаградит меня за терпение. Да и жене моей будет неплохо в моем доме. Мои родители умерли, приказывать, кроме меня, некому. Будет сама себе хозяйка.

– А как с калымом? – нетерпеливо спросил Исмаил.

– Соседи дают тебе тридцать голов. Я готов пригнать сорок... – радуясь предстоящей сделке, сказал Хамзат.

– И головную лошадь... – добавил Исмаил.

– Да, и головную лошадь с полной сбруей.

Через неделю Исмаил зашел на женскую половину дома. Он был одет в праздничную черную черкеску, на голове красовалась новая каракулевая папаха, в руке – камча.

– Готовьтесь встречать гостей! – приказал он, глядя на сестру. – К нам сватается Хамзат из рода Найман.

– Как?! – воскликнули в один голос мать и дочь.

– Хамзат – богатый человек. Сестра будет полной хозяйкой в его доме, и, кроме того, он обещал калым на десять голов больше, – и Исмаил сверкнул глазами, приказав женщинам не прекословить.

– А соседи? О Аллах, как же они? У нас же с ними был уговор еще при жизни отца! Не делай этого, сынок, – взмолилась мать.

¹ Кире – извозный промысел.

– Соседи! – хмыкнул Исмаил. – Голоштаники! Десять лишних голов скота на дороге не валяются!

– Так ты меня за скотину продаешь, брат?! Лучше убей меня! – выкрикнула в отчаянии Янсурат и, прикусив пальцы, зарыдала.

– Я не отступлюсь от своих слов. Готовьтесь к приезду гостей! Я тут хозяйин! И я один отвечаю за судьбу моей сестры!

– Лучше бы убил, живой закопал в могилу! – прокричала Янсурат.

– Цыц! Молода еще учить старших. Ничего в жизни не понимаешь! Еще будешь благодарить меня, – прикрикнул на сестру Исмаил.

Несколько месяцев прошли для Янсурат как в бреду. Исхудала и осунулась пятнадцатилетняя цветущая девушка; свадьба, сыгранная осенью, больше была похожа на похороны. Пришедшие повеселиться люди, видя убитую горем девушку, приходили в уныние. Пожилые женщины, испытавшие на своем веку много несправедливости и от мужей, и от их родителей, не могли сдержать слез, глядя на юную Янсурат и груznego, приземистого Хамзата, желтовато-зеленые кошачьи глаза которого были окружены густой сеткой морщин. Родственники укоряли Исмаила за жестокосердие. Соседи показали на дворе лишь из приличия, а Кельди-Мурат и вовсе не пришел: не в силах видеть похороны их с Янсурат любви, он отправился пастбище.

Гости увезли невесту, закутанную в разноцветные шелка, ввели в новый дом, постелив на землю табаншу¹ и осыпав молодую хозяйку монетами, орехами, сладостями, чтобы она принесла богатство и сладкую жизнь в дом Хамзата...

Два года прожила в доме мужа Янсурат. Два томительных, однообразных года. Она послушно выполняла всю домашнюю работу: готовила пищу, стирала, убирала, работала с мужем в огороде и в поле. Обидно ей было за свою загубленную молодость, но она замкнулась, ушла в себя; с мужем говорила мало и неохотно.

Хамзат обижался на нее за молчание, но не бил; в общем, он был доволен женой, приучал ее к бережливости. Сам Хамзат с детства был нелюдимым. Янсурат же, стыдясь перед соседями своего брака, никогда не ходила в гости, соседи, хорошо

¹ Табанша – дорожка из ковровой ткани (ногайск.).

зная неприветливый характер Хамзата, и сами не искали встреч с ним. Мать, провожая дочь в дом мужа, наставляла ее смириться с судьбой: не одна она выходит замуж не по любви, на все воля Аллаха. Раз уж так все вышло, нужно терпеть авось, все повернется к лучшему!..

И Янсурат терпела, еще надеялась на перемены в судьбе. Нет-нет да и вспомнит о Кельди-Мурате. К концу первого года услышала она о том, что Кельди-Мурат женился. Янсурат понимала, что осерчал на нее любимый за ее невольное предательство, и теперь, женившись, как бы восставовил справедливость. И все же она обвиняла его во всех своих несчастиях. Ведь будь Кельди-Мурат порасторопнее и посмелее, он, наверное, не допустил бы всего этого, может быть, даже похитил бы ее, раз уж не было иного пути к счастью. Ведь делают же так иные смельчаки! Отправляясь за водой, она с завистью смотрела на своих ровесниц, которые были замужем за молодыми парнями; приятно было посмотреть на бравых джигитов, проезжавших верхом по улице аула...

Муж трудился в поте лица, запасая хлеб на зиму, разводил скот, раз в год бывал с женой на ярмарке. Но ни сытая жизнь, ни подарки, ни ласковые слова – ничто не могло тронуть душу молодой женщины, хотя бы немного расположить ее к мужу. Казалось, большой камень придавил ей сердце; Янсурат понимала, что Хамзат – неплохой человек и душа у него добрая, но насильно мил не будешь... Вдобавок ко всему она за два года замужества не смогла забеременеть: сама для себя решила, что дети появляются на свет, когда есть хотя бы капля любви у супругов.

Может быть, она и была права. Порой ей чудилось, что рядом с ней не Хамзат, а ее любимый; Янсурат ощущала прикосновение его упругого молодого тела. Но тут же она возвращалась к действительности и видела перед собой обрюзгшего, полнотелого, морщинистого Хамзата, слушала его сопение и кашель. Тогда молодая женщина сравнивала себя с полевым цветком, который безжалостно сорвали и бросили сохнуть в дорожной пыли...

Время от времени приходили вести из родного аула, навдывались родственники, приходила мать. Зная, что Янсурат еще не разлюбила Кельди-Мурата, мать рассказывала дочери о нем и о его родных. Поведала она и о том, что у Кельди-Мурата родился сын, потом молодая жена подарила ему и дочь. От

этих вестей в глазах темнело, злая обида закипала в душе Янсурат: ведь это она должна была стать матерью его детей; она проклинала в душе и жестокого брата, и жену Кельди-Мурата (которая, по ее мнению, незаконно заняла ее место), и самого Кельди-Мурата, делившего любовь с другой женщиной. Чтобы забыться, Янсурат с головой погружалась в работу, искала самые трудные, изнурительные дела и пряталась от мужских глаз; если же натькалась на Хамзата, то боязливо отворачивалась, опасаясь, как бы муж не догадался о том, какие страсти бушуют в ее измученной душе. Опасения Янсурат были напрасны: Хамзат и представить себе не мог, что его молодой женой могут владеть подобные чувства. Он относился к ней как к малому ребенку, но при этом очень дорожил ею и гордился тем, что сделался полновластным хозяином этого бесценного сокровища. Перед Аллахом и людьми Янсурат была его законной женой и верной рабыней, поэтому Хамзат и не подозревал о том, что не был любим. Довольствовался тем, что сам любит и заслужил эту любовь многолетним трудом и терпением. Хамзат не гневался на Янсурат, когда та противилась его желаниям. Бывало, засидится молодая жена за полночь: мелет ручной мельницей зерно или ткет сукно при свете горящего очага.

– Эй, пора спать ложиться, – бурчал Хамзат себе под нос; хочется ему приласкать жену перед сном, а глаза уже закрываются от усталости. Янсурат молча продолжает работу, сама мысль о супружеском ложе вызывает у нее страх и брезгливость. Хамзат, так и не дождавшись ее, засыпает и начинает храпеть, приводя весь дом в содрогание. Видя, что муж уснул, Янсурат все равно не ложилась и часто засыпала за работой.

Муж вставал рано утром, когда только начинало светать. Застав Янсурат уснувшей за работой, он удивлялся:

– Ах ты, голова соломенная! Говорил же тебе, чтобы ложилась. Куда денется твоя работа!

Кряхтя, он поднимал Янсурат за плечи, укладывал в постель, а сам направлялся к загону, чтобы гнать скотину на пастбище.

Хотя Янсурат и сумела изжить свою любовь к Кельди-Мурату, юношеский образ, подобно заветной мечте, продолжал жить в ее сердце. В минуты, когда мужа не было дома, она садилась на бревна, лежащие во дворе и, подставляя лицо сол-

нечным лучам, уносила мечтами в сказочный мир, представляла свою несбытующую, счастливую жизнь. Но это продолжалось недолго, сознание быстро возвращало ее к реальности – монотонному бытию. Порой Янсурат приписывала свои несчастья воле всевышнего: так уж на роду написано, думала она, такова ее судьба; но и это не приносило облегчения. Тогда она начинала искать другие причины и обвинять тех, кто принес ей столько горя. Узнав о том, что у Кельди-Мурата родился второй ребенок, Янсурат поняла, что теперь они уже никогда не будут вместе; ее ненависть сменилась равнодушием, и она стала относиться к нему как к любому другому мужчине. Такое же безразличие появилось и к брату, который, однажды вмешавшись в ее жизнь, нанес ей смертельную обиду, а теперь и думать о ней забыл и заботится только о своей семье. Даже к матери – единственному близкому на свете человеку – Янсурат теперь относилась с какой-то апатией: не смогла ничего сделать для ее спасения – ну и пусть себе живет с сыном; переживает, наверно, да что толку от всех этих переживаний! – нередко думала Янсурат. Вся ненависть теперь перешла на мужа. Эта ненависть к Хамзату таилась в глубине души; не находя еще выхода, она росла и подтачивала ее, как червь точит плод.

И все-таки случай такой представился!..

Однажды, в погожее весеннее утро, Хамзат вскапывал мотыгой землю на огороде. Он не щадил сил, обрабатывая землю, надеясь получить богатый урожай кукурузы. Янсурат, обвязав голову длинным белым тастаром, взяла коромысло с деревянными ведрами и, бросив полный ненависти взгляд на мужа, пошла за водой. Она шла к Кубани по тропинке, проходившей через густую ивовую рощу. Утоптанная земля еще не высохла от утренней росы, по обе стороны от тропы тонкие ивовые ветви уже покрылись молодыми остроконечными листиками. Было тихо, лишь изредка перекликались птицы. Было прохладно и немного страшновато одной. Янсурат с надеждой посмотрела вперед, затем оглянулась в надежде, что кто-нибудь из односельчанок идет по воду. Но не слышно было привычного поскрипывания дужек; тогда Янсурат, придерживая обеими руками ведра, быстро пробежала по тропинке и вышла к пологому, усыпанному галькой берегу. Увидев яркую весеннюю синеву неба и величавые воды Кубани, Янсурат сразу забыла о страхе,

который чуть было не овладел ею в лесу, вздохнула полной грудью и пошла к воде. Кубань с рокотом катила свои серебристые воды. Янсурат завороженно смотрела на пенистые гребни, и вдруг ей показалось, что и она, и покрытый галькой берег плывут вместе с рекой. У нее закружилась голова, и она, приложив руку ко лбу, на мгновение зажмурилась. Потом, открыв глаза, она опустила коромысло с ведрами на гальку, выбрала большой камень и, усевшись на нем, прикрыла глаза от слепящих лучей яркого солнца, затем снова посмотрела на речной поток. Янсурат знала, что родной аул расположен выше по течению. Она задумалась об односельчанах, о своих счастливых сверстницах, о Кельди-Мурате и его жене ее невольной сопернице. Ей представилось, что там, в родном ауле, жена Кельди-Мурата, может быть, сейчас тоже пришла на Кубань за водой. «Нет, и туда мне уже не хочется, – подумала она. – Лучше уплыть вниз по течению в неведомые края, и пусть меня там никто не знает; лучше просить милостыню, чем жить так, как я живу! Не хочу и не могу больше так жить! – Она склонила голову на колени, и слезы сами брызнули из глаз.

– Ой, за чем я родилась на свет?!» – заголосила Янсурат, давая волю слезам.

Долго и безутешно плакала молодая женщина. Когда слезы иссякли, она подняла голову, в глазах заиграли радужные блики; шум воды, как добрая песня, овладел ее душой. Янсурат глядела на речные волны; вдруг ей почудилось, что где-то посередине реки, между двух серебристых гребней, показалась чья-то голова – вот она исчезла и вновь всплыла на несколько метров ниже по течению. Янсурат испугалась: «Наверное, албаслы?! «Бисмилла!» – произнесла она главное слово молитвы, быстро встала, собираясь бежать, но вспомнила о ведрах и о том, зачем пришла сюда. Она в страхе огляделась по сторонам: на пустынном берегу никого не было, но речные воды были по-прежнему беспокойны! – на этот раз голова показалась на противоположном берегу, в кустах ивняка. «О Аллах! – опять взмолилась Янсурат. – Надо уходить!..» Схватив ведра, она быстро зачерпнула воду сперва одним, потом другим ведром. Обратила она внимание на то, что вода в ведре была тяжелой, и боясь оглянуться, пошла быстро, не чувствуя тяжести полных ведер и боясь оглянуться. Сама не помнила, как миновала тропинку, даже

¹ Албаслы – мифологическое существо, живущее в воде (ногайск.).

ступив на улицу аула, все еще чувствовала сильное сердцебиение. Лишь добравшись до своего двора, отдышалась Янсурат, поставила ведра перед самыми дверями на землю, повела за текшими от тяжести плечами, посмотрела на небо и успокоилась. Страх улетучился.

Мужа на огороде не было, возле полосы вздыбленной земли лежал кетмень. «Наверное, к соседям пошел или где-нибудь у коров, – подумала она и нагнулась к ведрам, чтобы отнести их в дом, но тут же застыла от удивления: в ведре плавала маленькая рыбка. «Какое чудо!» – вырвалось у Янсурат. Опустив руку в ведро, она вытянула рыбку, посмотрела на ее серебристые чешуйки, погладила рукой – как же она попала в ведро? – удивилась она – и, подумав немного, бросила рыбку в огород. Затем занесла ведра в дом и вылила воду в глиняный чан. Янсурат забыла уже и о страхе, и о рыбке, когда ее окликнул муж:

– Эй, Янсурат!

Янсурат неторопливо вышла из дома. Красное лицо Хамзата сияло, глаза изумленно глядели в небо, вытянутая ладонь была сжата в кулак.

– Янсурат! Чудо какое! – копаю землю, и вдруг из нее рыбка выпрыгивает! – блаженно улыбаясь, Хамзат разжал кулак. На ладони лежала перепачканная землей рыбка, которую только что выбросила Янсурат.

– Прямо из земли! Ты представляешь! – фиолетовые губы мужа дрожали от волнения.

Янсурат, поджав губы, смерила его презрительным взглядом. «Какой же он убогий!» – сказала она себе.

– На, держи! Я пойду соседей позову! – Хамзат вручил рыбку жене и заковылял на своих коротких кривых ногах со двора.

Янсурат, ухмыляясь, зашла в дом. Поглядела на еще живую рыбку, усмехнулась и, вымыв ее водой над тазом, бросила в висящий на стене тулук¹ из козьей шерсти. Вскоре Хамзат привел соседей мужчин, вместе с ними увязались ребяташишки и собравшиеся на ошаре² старики. Хамзат показал им место, где оставил кетмень, и, тыча пальцем в землю, сказал:

– Вот здесь копал, а оттуда – как прыгнет!

– Вроде здесь воды нет... – растерянно пробормотал один из соседей.

¹ Тулук – сосуд для хранения жидкостей (ног.)

² Ошар – место сходимости (ног.)

– В том-то и дело! – изумленно крикнул Хамзат.
– В первый раз о таком слышу! – удивился один из стариков, разбивая палкой ком земли.

– Эй, жена! – крикнул Хамзат.

Янсурат, прикрыв уголком тастара рот, показалась на пороге дома.

– Эй, жена, – нетерпеливо проговорил Хамзат. А нука, принеси рыбку, которую я поймал!

Жена удивленно вскинула брови.

– Рыбу, говорю, принеси! – повторил муж.

Янсурат вновь изобразила удивление.

– Чего ты придураешься?! – подбежал к ней Хамзат. – Рыбу, говорю, покажи людям!

Янсурат в ответ только улыбнулась.

– Рыбу неси! Где рыба?! – Схватив жену за руку, Хамзат потащил ее во двор. – Где рыба, которую я поймал?! – выходя из себя, прокричал он.

Но Янсурат ничего не ответила. Хамзат отпустил ее руку и быстро заковылял к дому, приговаривая:

– Сейчас, сейчас, я вам всем покажу!

– Дочка, а была ли рыбка? – ласково спросил старик в высокой коричневой папахе, подойдя к Янсурат.

– Не знаю, о какой рыбе речь, – тихо проговорила она.

– Понятно, – старик отошел в сторону.

Из дома донеслась возня, звон посуды, наконец из дверей выскочил разъяренный Хамзат, бросился к жене и, схватив ее за плечи, заорал не своим голосом:

– Где рыба, которую я нашел в огороде?!

Янсурат молча глядела в землю, а Хамзат бешено тряс ее за плечи и кричал:

– Где рыба? Где?

Мужчины, обступив Хамзата, с трудом освободили Янсурат из его рук. Старик в коричневой папахе, подойдя к женщине, сказал:

– Иди в дом, дочка!..

Вырвавшись из цепких рук соседей, Хамзат бешено изрыгал проклятья. Мужчины и старики стали его успокаивать, но он все кричал:

– Вон там, в земле, поймал я рыбу! А эта дьяволица взяла ее у меня!..

– Успокойся, Хамзат, может быть, ты и поймал в огороде рыбу. Может быть! Ну, успокойся! не ори! Ведь ничего же не произошло! – сказал, шамкая беззубым ртом, один из стариков.

– Да была рыба, была! – орал Хамзат, пытаюсь разорвать сцепленные руки добряков-соседей.

– Была, была, успокойся! – проговорил один из них, глядя Хамзата по плечу.

Янсурат из окна наблюдала за всем этим, и на ее лице играла презрительная улыбка. Наконец Хамзата отпустили, и он, глядя в землю, снова заходил по огороду, показывая место, где нашел рыбу. Мужчины и старики, окружив его кольцом, успокаивали его и согласно кивали головами. Но Янсурат совсем не хотела, чтобы дело кончилось миром, – столько горечи было на душе! Она быстро достала из тулука рыбу и, пряча ее за спиной, вышла за порог. Она ждала момента, когда Хамзат повернет голову в ее сторону и, когда это произошло, помахала рыбкой, держа ее за хвостик. Спустя мгновение, Янсурат опять спрятала рыбку за спину, так что все остальные не успели ее заметить. От неожиданности Хамзат даже присел, обхватив голову руками. Потом, резко выпрямившись, закричал:

– У нее рыба в руках! – и рванулся было к дому, но мужчины вновь окружили его плотным кольцом. У нее рыба! – кричал Хамзат, пытаюсь пробиться к жене.

Янсурат быстро вошла в дом и кинула рыбку в пылавший очаг, над которым висел казан с едой. Рыбка быстро обуглилась в жарком пламени очага.

– У нее рыба! Я видел! – переступая порог, завопил озверевший Хамзат. Следом за ним вошли в дом и соседи. При виде мужа Янсурат забилась в угол: не поднимая глаз от земляного пола.

– Где рыба? – набросился на нее муж, переворачивая все в доме вверх дном.

Но рыбку так и не нашли. От негодования у Хамзата в уголках рта выступила пена, и он, задыхаясь от бешенства, проорчал:

– Талак! Талак! Талак!¹ Чтобы глаза мои тебя не видели! Мужчины растерянно поглядели на Хамзата.

¹ Талак – слово, которое, будучи произнесенным трижды, заставляло совершить развод.

Старики поспешили покинуть дом; чувствовалось, что они не хотят быть свидетелями неугодного Аллаху дела. Да уже и поздно было: слово прозвучало, и изменить что-либо было не в их власти...

Весть о разводе быстро разнеслась по аулу. Редко кто давал жене развод; это бывало только в случае какого-то страшного грехопадения жены, когда она пятнала честь мужа, семьи или рода. По другому поводу развода не давали: о каком разводе могла идти речь, если муж, заплатив калым, становился полноправным хозяином жены? Если жена чем-то не устраивала мужа, он, заплатив новый калым, мог приобрести вторую жену, а первая, оставаясь его собственностью, продолжала хозяйничать по дому. Когда же мужа сгоряча произносили это роковое слово, существовали два пути, чтобы вернуть жену назад: первый, наиболее распространенный, сводился к тому, что жена сама прощала мужа и возвращалась к нему при посредничестве деревенского кады¹; второй – когда жена не желала вернуться к мужу. В таком случае, по закону шариа, заключался промежуточный брак: женщину выдавали за другого мужчину (в роли мужа часто выступал сам кады) на короткий срок. После этого муж мог вернуть себе жену, и она снова становилась его собственностью. Сама же женщина могла развестись с мужем только в случае его очевидного безумия.

Итак, по аулу разнесся слух о том, что Хамзат тронулся умом и дал развод своей молодой красивой жене. Весь день люди толпами сходились к дому Хамзата. Они боялись оставить его наедине с Янсурат: тот часто становился невменяемым – то успокаивался, то снова порывался убить жену, ругался, хрипел и даже плакал. Было ясно, что долго так продолжаться не может, необходимо было принять какое-то решение. Наконец один из стариков отозвал Янсурат, которая и сама не ожидала такого крутого поворота, и тихо сказал ей:

– Невестка! Делать нечего, так уж случилось, что теперь ты вольна распоряжаться собой. Возьми свои вещи и иди к себе. Так будет лучше...

Янсурат еще не знала, радоваться ей или горевать.

¹ Кады – мусульманский судья (ногайск.).

Сама мысль о свободе веселила душу, давая ей какую-то надежду на будущее. Взволнованная столь быстрой переменой в судьбе, она быстро собрала в узелок свои платья и, не глядя на людей, толпившихся во дворе, побежала по дороге, ведущей к родному аулу. Она бежала, не чуя под собой ног, почти летела навстречу новой жизни. Какой счастливой и прекрасной рисовалась ей эта новая жизнь!.. Как знать, может быть, так бы и случилось, будь у Янсурат брат подобрее...

Весть о разводе долетела до родного аула быстрее, чем Янсурат пришла в родительский дом. Исмаил встретил сестру с камчой в руке.

– Позор! Свой позор несешь в наш дом! – грозно сказал он, сплонув в дорожную пыль.

Из-за спины брата вылетела мать, постаревшая и маленькая, как грачонок. Она плача обняла дочь и отвела ее в дом.

Исмаил превратил жизнь сестры в ад, запретив ей даже выходить со двора. Она жила в летней кухне – домике, сооруженном из плетенки и обмазанном кизяком; благо, дело было летом и работа всегда находилась. Появление лишнего рта в доме удручало алчного Исмаила, но выгнать родную сестру на улицу он не решился. Зато вымещал на Янсурат всю свою злобу, заставляя ее выполнять самую тяжелую работу. Где-то в глубине души он надеялся на то, что Янсурат приглянется какому-нибудь вдовцу и можно будет получить за нее хоть какой-то калым. Однако события повернулись совсем не так.

Бывший муж Янсурат быстро пожалел о содеянном. О разводе он никогда не помышлял – все как-то само собой произошло. А может, и вправду разум его помутился! На той же неделе Хамзат примчался на коне к дому Янсурат, но у ворот его встретил Исмаил. Надменный вид брата жены, крепко сжатая в руке камча не располагали к душевному разговору. Хамзат не решился сойти с коня, Исмаил не раскрыл рта. Незадачливый муж так и уехал домой несолоно хлебавши. Убитый горем, он ходил по соседям и, не находя себе места, жаловался на свою горькую судьбу. Почти отчаявшись получить жену обратно, забрел Хамзат в дом деревенского апенди.

Бекуат-апенди, низкорослый худощавый мужчина, был хитрым и корыстолюбивым человеком: если он брался за дело,

то всегда доводил его до конца, но для этого его нужно было хорошенько задобрить. Зная об этом, Хамзат пригнал на двор апенди круторогого барана.

Апенди поприветствовал Хамзата, нехотя протянув ему руку, но алчного взгляда, устремленного на барана, утаить не смог. Перед тем как препроводить гостя в дом, он глазами приказал работнику отвести барана в загон.

Бекуат-апенди внимательно выслушал Хамзата, потом, раскрыв какой-то китап¹, долго читал и, скорбно вздыхая, почесывал красный нос. Хамзат сидел как на иголках, считая, что дело его безнадежно и что ему уже никогда не вернуть в свой дом хрупкую смуглолицую Янсурат.

Бекуат-апенди, выдержав паузу, неторопливо оторвал взгляд от книги и снисходительно посмотрел на гостя.

– Да, сынок, дело твое не простое... Ты ведь произнес это роковое слово. И вот тебе мой совет: не возвращай в дом поруганную женщину! – сказав это, апенди лукаво сощурил глаза.

– Апенди! Шайтан помутил мой разум, не знаю, как я мог вымолвить это слово... Мы всегда жили с Янсурат в согласии!..

– Сынок, не произноси это имя! – повысил голос Бекуат-апенди и надолго смолк; новая пауза усилила напряжение. Хамзат с нетерпением ждал, когда апенди раскроет рот, будто не слова из него польются, а чистое золото...

– Хорошо, сынок, я схожу к кады и попробую что-нибудь сделать, но, повторяю, – дело твое очень сложное...

– Сделай что-нибудь, апенди, на одного тебя надежда! – воскликнул Хамзат в исступлении и обеими руками потянулся к руке хозяина. Апенди выфвал руку:

– Хорошо, хорошо! Посмотрим, я же сказал тебе!.. – и он встал.

Хамзат ушел от апенди с надеждой, что тот разрешит его дело. Бекуат-апенди сначала посетил дом Янсурат, встретился с ее братом; он разглядел красоту Янсурат, свежесть ее молодого лица, и в душу его закралась сластолюбивая мыслишка. Бекуат-апенди по-деловому начал переговоры с Исмаилом. Было решено, что Хамзат сделает подарок шурину, а тот вернет сестру мужу; все остальные хлопоты с кады и Хамзатом Бекуат-апенди взял на себя. Так как на пять аулов был только один кады, Бекуат-апенди с Хамзатом поехали к нему на арбе;

¹ Китап – книга (ногайск.).

Хамзат в качестве подарка прихватил с собой трехмесячного ягненка. Кады принял гостей радушно, похвалил подарок, угостил чаем. Когда Бекуат-апенди поведал о случившемся, седобородый старец долго смеялся, спрашивал, красива ли бывшая жена Хамзата, шутил грозил пальцем апенди. В ответ Бекуат-апенди часто-часто подмигивал кады. Наконец старец перестал смеяться и серьезно сказал, что по шариату Хамзату никак не вернуть жены без промежуточного брака, даже если Янсурат сама согласится вернуться к Хамзату.

Хамзат вышел из дома кады опечаленный. Когда сели в арбу, Хамзат схватил за плечо апенди.

– Как я могу допустить, чтобы моя жена досталась другому? – взмолился он.

– Иначе она не сможет снова стать твоей женой, – хладнокровно ответил Бекуат-апенди.

– Как же это?! Как я буду жить с обезбещенной женщиной?

– Но ты сам дал ей развод и твои слова обозначали, что она вольна распоряжаться собой, – усмехнулся апенди.

– Что же делать? – ломая толстые пальцы, выдал из себя обезумевший Хамзат.

– Мы сделаем так... Я на три дня стану мужем Янсурат, а потом она опять вернется к тебе, – Бекуат-апенди вопросительно посмотрел на собеседника.

У того расширились глаза.

– Моя Янсурат будет спать с тобой?! – дрогнувшим голосом сказал Хамзат.

– Зачем? – улыбнулся Бекуат-апенди. – Хотя шариат и позволяет это... Я хочу тебе помочь: не буду домогаться ее, если она сама этого не захочет. Пусть три дня поживет у меня на пасеке. Об этом, Хамзат, никто не будет знать, только мы четверо: я, ты, Исмаил и кады. А мы-то никому не расскажем. Привезем кады, он совершит обряд неке¹, а через три дня я произнесу твое слово – и все!..

– Это правда – Янсурат не будет обезбещена? – с мольбой в голосе спросил Хамзат.

Бекуат-апенди погладил свою черную бороду.

– Я же в преклонных годах, сынок, и не пристало мне заниматься этим делом, – успокоил Бекуат-апенди Хамзата.

¹ Неке – религиозный брак (ногайск.).

В день назначенного неке Хамзат пригнал годовалого теленка к Исмаилу. Тот радушно встретил бывшего шурина, приготовил угощение. За трапезой Исмаил с укором сказал:

– Слово что стрела, выстрелишь – или поранишь, или промахнешься. Считай, что ты промахнулся!

– Да, жестоко промахнулся! Угораздило же меня спорить с ней из-за какой-то рыбки! – сокрушенно проговорил Хамзат.

– Так ты действительно нашел рыбу в огороде? – с улыбкой спросил Исмаил.

– Да, – выпалил Хамзат, но тут же поправился: – То есть – нет, то есть – не знаю... Да и кому она нужна, эта рыба!..

– Рыба – и в огороде, это больше чем странно, – хмыкнул Исмаил и недоверчиво посмотрел на Хамзата.

– Все же... да пусть ее!.. Не было, так не было, – пожал плечами Хамзат. – Слушай, Исмаил! Завтра апенди приедет за Янсурат, а я до этого хотел бы переговорить с ней!..

– Я понимаю, – усмехнулся Исмаил и рукой показал на летнюю кухню.

Хамзат, загребая ногами, неуклюже побрел по двору, но тут натолкнулся на мать Янсурат. Старуха встретила его ненавидящим взглядом.

– Опозорил дочь на всю округу, а теперь приперся! – с укором прошамкала она.

– Мать Янсурат, я сам обо всем этом сожалею...

– Сожалеешь?! – переспросила старуха и указала глазами на плетеный домик под соломенной крышей: там, мол, твоя бывшая жена.

Хамзат робко переступил порог летней кухни.

Янсурат, сидевшая у очага, сразу встала и, молча отойдя в сторону, отвернулась от мужа. Хамзат переминался с ноги на ногу.

– Янсурат, погорячился я, – обдумывая следующую фразу, проговорил муж.

Янсурат молчала.

– Эти слова нечаянно вырвались у меня, такого больше не повторится.

Янсурат стояла неподвижно, словно каменное изваяние.

– А ведь рыбка была?! – осторожно произнес Хамзат, но ответа не последовало. – Аллах с ней, с рыбкой! Я беру тебя обратно в жены, но ты должна пройти один обряд. Мы с Бекут-апенди договорились, но ты все же смотри, не того!.. Смот-

ри! Я все равно узнаю, если что было! Скажи хоть что-нибудь, почему ты молчишь? – раздраженно проговорил Хамзат.

Но Янсурат по-прежнему молчала.

– Так ты смотри у меня! Я все узнаю, если что! Я все узнаю! – погрозив, Хамзат вышел из кухни.

На следующий день, спозаранок, когда весь аул вышел ко-сить, приехал Бекуат-апенди со своим работником на крытой арбе, запряженной парой лошадей. Он приехал не с пустыми, руками: привез отрез русского сукна, диковинную головку сахара и особый подарок для Исмаила – кинжал в серебряных ножнах. Исмаил просил от таких богатых даров, не знал, как угодить священнослужителю. Насладившись беседой за чаем, стали прощаться. Бекуат-апенди погладил обеими руками черную бороду и, прошептав молитву, встал.

– Ну, мне пора, сын мой. Посади свою сестру в мою арбу!

– Какой позор! Какой позор! – сидя на корточках у очага летней кухни, шептала, рыдая, старая мать Янсурат.

– Заткнись! – заорал на старуху Исмаил. – А ты пошла за мной! – приказал он сестре.

Мать вскочила на ноги и бросилась к дочери, вцепилась в нее, говоря со слезами:

– Не пущу! Или я вас обоих не вскормила своей грудью?! Или вы родились не от одного отца?! Почему ты такой бессердечный?!

– Я бессердечный? – возмутился Исмаил. – О чем думала твоя дочь, когда доводила мужа до помешательства? Это она бессердечная, она опозорила нас!..

Исмаил, подойдя к матери, оттолкнул ее и, взяв Янсурат за руку, потянул за собой. Та, утратив всякую способность сопротивляться, послушно пошла за братом. Когда Исмаил отпавлялся, она делала то же самое, если тянул за руку – шла не упираясь. Помутившимся взором она смотрела перед собой, не понимая, что творится вокруг, что делает брат, зачем приехал этот бородатый мужчина в белом одеянии и чалме, и другой – в короткой черкеске, с кнутом в руке. Не понимала она, чего от нее хотят все эти люди и зачем она еще живет на этом свете.

– Полежай в арбу! – приказал брат.

Янсурат стояла и отрешенно смотрела в сторону. Тогда Исмаил поднял ее на руки и бросил в арбу.

– Молодец! Молодец! – довольно улыбнулся Бекуат-апенди и похлопал Исмаила по плечу.

– Что же это делается?! – послышался стон матери.

– Замолчи! Не позорь сына! – прикрикнул на нее Исмаил.

Бекуат-апенди, подбирая подол белой абы¹, ловко взобрался в арбуи, осторожно приподняв Янсурат за плечи, усадил на сиденье, сооруженное под дугообразным войлочным навесом.

– Счастливого пути, уважаемый Бекуат-апенди! – поклонился Исмаил.

– Да хранит Аллах твою душу! – чинно проговорил Бекуат-апенди и хлопнул ладонью по плечу сидевшего впереди работника. Тот встряхнул возжжи, и лошади помчали повозку.

* * *

На пасеке Бекуата-апенди все выглядело празднично. Возле плетеного домика горел огонь, на треножнике стоял казан с мясом, вокруг него сутился пасечник со своей женой. Около крытых соломой ульев стоял запряженный фаэтон, тут же рядом нетерпеливо расхаживал окружной кады. Завидев приближавшуюся повозку апенди, он, вздохнув с облегчением, пошел к домику. Вытерев руки о передник, поспешила встретить хозяина и жена пасечника.

Вскоре были накрыты маленькие треножные столики. Исходила паром баранина, стояла в кувшинах бармажи², были на столе и патока, и теплые баурсаки. Ничего не понимавшую, похожую в этот момент на помешанную Янсурат усадили в угол. Перед этим жена пасечника передела ее в нарядное синее платье с серебряными застежками, а голову повязала белым шелковым платком. Когда неожиданно вошел Бекуат-апенди, пожилая женщина достала из висевшего на стене куржуна браслет из черного серебра.

– А это тебе подарок от нашей семьи, в юности сама его носила – Старуха почти насильно надела браслет на руку Янсурат, потом посмотрела на сиявшего от счастья хозяина. – Ты посмотри только, это же настоящая красавица!

Но молодая женщина, не поднимая глаз, отрешенно стояла в углу комнаты.

¹ Аба — одеяние священнослужителя (ногайск.).

² Бармажи — медовый напиток (ногайск.).

– Не весела! – задумчиво проговорил апенди.

– А что же она, по-твоему, танцевать должна, что ли? Вон как ее изверг-муж опозорил! – задорно ответила женщина и, по-матерински обняв Янсурат, усадила ее в угол.

Следом за апенди в комнату вошел и кады. Он суетливо теребил седую бороду, глядя то на Бекуата-апенди, то на праздничный стол.

– Ну что? Вы готовы? – спросил он.

Бекуат-апенди улыбнулся и подошел к Янсурат, взял ее за руку, поднял со стула и подвел к кады. Жена пасечника взяла с одного из столиков пиалу с сербет-су¹ и протянула ее кады. Тот принял пиалу, скрывая усмешку, посмотрел на апенди, потом на прятавшую лицо Янсурат.

– Ладно! – недовольно проговорил он и стал шептать молитву. Закончив, кады оглянулся по сторонам и, отпив глоток из пиалы, обратился к апенди:

– Бекуат из рода Исун, согласен ли ты быть мужем этой женщины?

– Да, согласен! – отвечал за апенди его доверенный – пасечник.

– Янсурат, дочь рода Шийхали, согласна ли ты стать женой Бекуата из рода Исун?

– Согласна, – поспешила ответить жена пасечника – доверенное лицо со стороны невесты.

Бекуат-апенди отпил из пиалы и вернул ее кады.

– В знак согласия выпей этот свадебный сербетсу, – предложил женщине кады и протянул пиалу к самому лицу Янсурат.

Но молодая, словно не слыша этих слов, стояла как каменная. Быстро подскочила жена пасечника и, погладив свое лицо, взяла сербет-су из рук кады и ткнула чашкой по губам Янсурат. Сладкий напиток потек было по лицу, но старуха, переложив пиалу в левую руку, правой рукой проворно смахнула с подбородка молодой женщины растекавшуюся жидкость. Вернув пиалу кады, она отвела Янсурат к столу и усадила на прежнее место.

Мужчины пировали до самого вечера. Пасечник приносил в кувшине бармажи, выпивал со священнослужителем, стоя закусывал и ненадолго выходил. Кады и апенди пили и ели, гово-

¹ Сербет-сув – сладкий напиток (ногайск.).

рили о делах, то и дело возвращаясь к сегодняшнему событию, поглядывали на Янсурат, перемигивались: кады подтрунивал над Бекуатом-апенди и громко смеялся.

Когда кады совсем захмелел, он тяжело поднялся, едва передвигая ногами, подошел к Янсурат, ухватил женщину за подбородок и, щуря окосевшие глаза, долго глядел на ее лицо.

– Красива, а главное – свежа! Повезло тебе, Бекуат! – заплетавшимся языком изрек он.

Кады с большим трудом смог взобраться в свой красочный фаэтон, работник Бекуата-апенди взялся сопроводить знатного гостя. Каким бы пьяным кады ни был, о своей выгоде он никогда не забывал; хитро улыбаясь, он вперил взгляд в апенди. Тот сразу догадался, в чем дело, и подал знак пасечнику, который не заставил себя ждать: вытащив из шалаша боценок с медом, он с трудом дотащил его до фаэтона и, кряхтя, поставил у ног кады.

– Это другое дело! – потрогав подарок, похвалил кады и, фростившись с апенди, крикнул: – Трогай!

– Счастливо го пути! – поклонился апенди.

На третий день апенди вместе с работником привезли Янсурат прямо к дому Хамзата. Тот, завидев еще издали арбу, поджидал, когда она подойдет. Вид у апенди был невеселый, но глаза Хамзата пристально всматривались в почерневшее лицо жены.

– Талак, талак, талак! Возьми свою жену! – поспешил сказать Бекуат-апенди. – За три дня ни слова не вымолвила и к еде не притронулась...

Хамзат не слушал апенди: его внимание было поглощено новой одеждой Янсурат.

– Ты одел ее в новое платье... с чего бы это? – проговорил он, задумчиво глядя на апенди.

– Возьми ее, она сама не может встать, еле ходит, – отвечал ему Бекуат-апенди и, кивая в сторону работника, продолжал: – Я не притронулся к ней, вот он подтвердит!..

Работник, поправляя облезлую шапку, кивнул.

– Мучил ее, что ли? – спросил Хамзат, осторожно разглядывая жену.

– Собачий сын! Ему доброе дело сделали, а он черной неблагодарностью отвечает!.. – зашумел на него апенди.

Хамзат испугался крика и бережно взял Янсурат на руки.

– Готовь барашика, приеду, некаях сделаю! – крикнул Беку-ат-апенди и приказал работнику: – Разворачивай арбу, поехали!

Арба круто развернулась и затапахтела по пыльной дороге, а Хамзат, не оглядываясь, принес жену во двор и у самого дома поставил на землю. Янсурат оперлась одной рукой о стену, а другой закрыла лицо.

– Ты на меня и смотреть не хочешь? – с надрывом спросил Хамзат.

– Уйди! Видеть не могу ни тебя, ни его!.. – простонала Янсурат, мотнув головой на удаляющуюся арбу.

– Он с тобой спал? – взвизгнул Хамзат, будто разгадав хитроумную загадку. – Он спал с тобой! – повторил он уверенно, схватив жену за подбородок и заглядывая в ее серые глаза.

– Спал! Спал! – завыл он в отчаянии и отпрянул от Янсурат.

Янсурат еле удержалась на ногах. Крик мужа как будто вернул ее к жизни; она презрительно посмотрела на Хамзата и неожиданно потупилась, словно и впрямь была виновна.

– Спал! – вытаращив глазки, завопил муж.

Она снова изриво улыбнулась, будто говоря: «Ну и что тут такого?»

– Спал! – заорал Хамзат. – Если он с тобой спал, то вон из моего дома!!! – затряс он короткими руками.

Янсурат презрительно взглянула на мужа и, сделав усилие, оторвалась от стены и пошла к воротам.

– Он спал с тобой, спал... – выдавил из себя Хамзат, громко рыдая, потом, обессиленный, опустился на колени.

Янсурат шла и шла вперед, ничего не видя перед собой. Казалось, на землю упала ночь и кроме этой крошечной темноты не осталось на ней ничего – ни соседей, выглядывавших из-за плетней, ни мужа, который как мертвый лежал на земле. Ноги сами несли ее по знакомой дороге, тянувшейся к реке. Женщина шла, пошатываясь, но чудом сохраняла равновесие. Вот уже последние дома аула остались позади, дорога сменилась утоптанной тропинкой. Вскоре показался усыпанный галькой берег Кубани. Глазам открылся водный шелк, искрившийся серебряными бурунами. Посередине реки Янсурат увидела голову белолицей женщины с распущенными волосами. В детстве она всегда боялась реки, никогда не оставалась возле воды одна, остерегаясь албаслы, которая, по поверьям, обитает в ней.

Бледное лицо женщины снова показалось между двух гребней, она махнула Янсурат рукой, зовя к себе. Женщина, не снимая одежды, ступила в воду, сделала несколько шагов по мелководью и, спотыкаясь, пошла вперед. Когда она зашла на глубину, волны подхватили ее и понесли. Она недолго боролась с течением: река быстро поглотила ее. Еще какое-то время на поверхности воды, как две змейки, были видны ее косы и край белого шелкового платка, но вскоре и они пропали из виду.

Широкая величавая Кубань продолжала нести свои бурные воды...

Кочевники

Зима в столице удивляла непостоянством: то валил снег, то текли ручьи, мороз сменялся оттепелью... Кобек и Фейруз жили в одной из окраинных гостиниц, и жизнь их была так же непостоянна: то их оставляли в покое, то выселяли, не успевали они познакомиться с одними соседями, как поселялись другие... Каждый день они ждали, когда их соседи уйдут по делам, просили горничную побыстрее убрать номер и только после этого тайно от всех уединялись в нем. Сначала это щекотало нервы и чем-то привлекало, а потом не только приелось, но и стало раздражать...

Людей, занимавшихся обменом, Кобек нашел. Но за беседой в ресторане Леонард — высокий мужик с крючковатым носом — не сводил наглых глаз с Фейруз, и даже несколько раз пригласил ее на танец. Кобеку он показался плутоватым, да и ревнивые чувства, которые он в нем вызвал, не располагали к дальнейшему общению. Посоветовавшись с Фейруз, Кобек отказался дать ему задаток. В том же ресторане им неожиданно встретился их земляк Алтай. Они не были знакомы, но, поскольку жили в одном городе, знали друг друга в лицо. У входа в ресторан Кобек первым подошел к Алтайю, и они, как прinxято, обнялись. Знакомство захотелось продолжить, и они сели ужинать за один стол. Оказалось, что Алтай уже десятый год живет в столице, женат на москвичке, у которой неплохая квартира, работает в каком-то НИИ,

связанном с газовой промышленностью. Узнав о цели их приезда, Алтай объяснил, что это действительно трудное дело и что они правильно поступили, отказавшись от услуг какого-то Леонарда — вряд ли он честный человек. Алтай дал свой адрес и помог поместить объявление в газету. Узнав, что земляки не собираются уезжать, пока не сделают обмен, он посоветовал им снять квартиру в столице и, не торопясь, решить дело. Смеха ради рассказал им историю о таксисте Нурадине, который в свои сорок лет успел пожить в пятнадцати городах нашей необъятной родины и в конце концов остановился на столице. Похоронив мать, он остался один в квартире и в тот же год обменял ее на Махачкалу, махачкалинскую квартиру обменял на ростовскую, ростовскую — на квартиру в Харькове, харьковскую на киевскую, киевскую — на рижскую, рижскую — на квартиру в Тбилиси, из Тбилиси переехал в Баку, бакинскую обменял на сухумскую, из Сухуми перебрался в Новороссийск, отсюда — в Феодосию, из Феодосии — в Ялту, из Ялты — в Одессу, Одессу поменял на Кисловодск, а оттуда махнул в столицу. Почти всюду ему доплачивали, а переезжал он, имея при себе только раскладушку и кое-что из белья. В столице его квартира стала чем-то вроде гостиницы — земляки с удовольствием останавливались у него. Наверное, и Кобеку стоило переговорить с Нурадином! — предложил гостеприимный земляк. На следующий день Алтай сам провез их к таксисту. Нурадин был дома, когда они приехали, и встретил гостей так, как будто знал их всю жизнь. Его однокомнатная квартира была почти пустой. У одной стены стояла раскладушка, заправленная грязным бельем: все там было черным — и простыни, и наволочка. В углу комнаты лежали свернутые матрацы. У окна, выходящего на балкон, стоял телевизор. Хозяин повесил одежду гостей на гвозди и провел их в кухню, так как в комнате даже сесть было не на что. На кухне стояли потемневшие — то ли от времени, то ли от грязи — стол и табуретки.

Алтай познакомил гостей с хозяином.

— С утра никуда не выходил, кроме молока, на стол и поставить нечего, — извинился Нурадин.

Альтай его успокоил и рассказал о цели своего визита.
— Пожалуйста, — проговорил Нурадин, с усмешкой разглядывая Кобека и Фейруз. — Мне-то что — живите! Только тут ни мебели, ни какой другой обстановки нет, — и он развел руками.

Кобек и Фейруз переглянулись. На лице Фейруз было написано, что все это вряд ли их устроит. Кобек, конечно же, думал так же, но говорить ничего такого не стал — не стоило обижать хозяина.

В это время в дверь позвонили.

— Ох, как хорошо, что ты дома! — произнес охрипший женский голос.

— У меня гости, — охладил ее Нурадин.

— Ну, что же, тогда я пойду, — обиженно проговорила женщина.

— Да нет, почему же, проходи, — сказал хозяин.

— Здрасьте! — крикнула блондинка из прихожей и, не снимая потрепанного пальто, прошла, стуча каблуками, в комнату и плюхнулась на раскладушку.

— Пойдем, — тихо прошептала Кобеку Фейруз.

— Да, пойдем, пожалуй, — будто извиняясь за хозяина, сказал Алтай.

— Вы что же, уже уходите? — Нурадин показался в дверях кухни, озаренный улыбкой, которая означала: ну, что же поделаешь, так уж вышло!

— Да, Нурадин, мы пойдем. Еще зайдем как-нибудь, — сказал Алтай, с пониманием кивая головой: мол, извини, видим, что наш визит некстати.

— Если что, обязательно заходите. Не я, кто-нибудь другой здесь обязательно будет, — и Нурадин пожал Кобеку руку.

Они попрощались, ничего определенного не сказав Нурадину.

— Такая ночлежка вас не устраивает, я сразу понял, — сказал Алтай и назвал землякам место, где обычно собираются люди, сдающие и снимающие квартиры.

Кобек и Фейруз поблагодарили земляка за совет. Но определиться где-то необходимо было немедленно. В гостинице им было неудобно: живя в разных номерах, они натерпелись массу неудобств. К тому же гостиница слишком дорого обходилась, и за месяц они потратили

столько, что денег Фейруз, пока еще нерастраченных, могло не хватить на доплату. Поэтому Кобек немедля отправился туда, где, как сказал Альтай, собираются квартиростадчики. Но надежды их оправдались не сразу. Сдающих квартиры на такой короткий срок не находилось, да и то, что они были не расписаны, отпугивало людей - ведь в любой момент к ним могла нагрянуть милиция.

* * *

Кобек уже который раз шел на эту толкучку. Шел уже без всякой надежды, аккуратно обходил встречавшиеся на дороге лужи, сторонился капли, к которой могла прирешаться и нагловатая сосулька. Вскидывал то и дело голову. Серые улицы вызывали и выдавали уныние, ржавый снег у обочин навевал какую-то тревогу — на душе кошки скребли. Такое же состояние было, казалось, и у прохожих, торопившихся мимо так, будто ничего не видят вокруг.

Он к этому времени уже узнавал столичных жителей по их отрешенному виду, задумчивым лицам и даже самого себя представлял таким же. «Вот найду квартиру и сольюсь с ними, стану, как и они, ко всему безразличным», — думал он. Звон капли отдавался в висках барабанной дробью, а треск сорвавшейся сосульки казался громовым раскатом. Кобек шел вдоль трамвайной линии, и скрежет колес заволакивал его и без того отуманенное сознание. «Красная стрела» пронеслась мимо, и казалось, что это не пассажирский вагон, а карета «Скорой помощи», везущая целый вагон тяжело больных людей. В переулке на этот раз никого не было, и это встревожило Кобека. Успокоила его мысль о том, что не будет такой толкотни, как в прошлый раз. Он уже знал, что те мужчины в военной форме ищут, как и он, кратковременное жилье. И не успел он подойти, как молодой человек в дубленке и дряхлая старушонка затеяли разговор.

- Сдаете квартиру?
- Да. А вы одинокий, или как?
- Семейный.

— И дети есть?
— Дочка у меня, уже в садик ходит.
— Нет-нет, с детьми не сдаю.
— Ну, не на улице же нам жить?
— Ничем не могу помочь, мил человек.
— А мне не сдадите? — вмешался Кобек. — Мы без детей.

— Зато когда будут, вас не выгонишь!
— Ну, может быть, хоть на месяц! — и Кобек кинулся за убежавшей старушкой.

А ее уже и след простыл. Никакой надежды не осталось у Кобека. «И чем я ей не угодил, — думал. — Или мой вид вызывает недоверие? Кепка у меня на голове совсем не по сезону, но пальто зимнее, с меховым воротником». Но гадать нет времени, и он идет к старичку в полушубке. Старичок только что отшил какого-то приставалу. Усмехнулся в седую бороду, разглядывая Кобека.

— Сдаете квартиру?
— Сдаем! Только тебе в ней не жить!
— Это почему же, папаша?
— А потому... — и старик отходит.

Кобек не отставал — не могут же его прогнать ни с того ни с сего.

— Объясните, почему?
— Ну, чего пристал? Почему да почему? Почемукола! Семь червонцев в месяц не жалко?

— В таком дворце сам живи! — злился Кобек.

Среди квартиросдатчиков важно прохаживалась женщина в черной каракулевой шубе и белом платке.

— Только двух студенток, беру только студенток! — зазывала она народ, но к ней никто не подходил.

Изыскательский пыл у Кобека пропал, и он разочарованно посматривал вокруг. Прислушался к разговору. В конце концов прислушался к военным, которые почему-то ни к кому не подходили, а ждали, чтобы к ним подошли: думали, наверное, что спрос определяет... Кобек стал в строй и так же, как военные, стал постукивать каблуками.

Непонятно откуда выскочила женщина. Широко улыбнувшись, выставила на всеобщее обозрение свои

почерневшие зубы; зеленые глаза, прищурившись, впились в Кобека, половина ее правой щеки глянцева-красная, длинный нос венчался горбинкой, и, если бы не это пятнище на щеке, можно было бы сказать, что она недурна собой — лет ей не много, чуть за пятьдесят.

— Ну, что, юноша, квартиру ищешь? — доверительно спросила она.

— Ищу вот, — робко ответил Кобек и подумал: не преступница ли какая? — так ведь и жилью не обрадуешься!

— Наперед заплатишь? — улыбнулась она.

— А вы что, нуждаетесь очень? — настороженно спросил Кобек.

— Да всего ничего: двести за пять месяцев прошу, — и женщина пытливо взглянула на него.

— Ну, это по-божески! Только вот вряд ли мы проживем пять месяцев — заплатим за три.

— Значит, по сорок в месяц, а комната — загляденье, с отдельным ходом. Только вот мне двести нужно! Может, займы дадите?

— Пожалуй, что и дадим, — согласился Кобек.

— Семейный или как?

— Семейный.

— А расписаны?

— Да, — соврал Кобек, зная, что квартиросдатчики не пускают нерасписанных.

— Мне-то что, до этого у меня жила парочка. Оказалось, что у него жена есть, а у ней — муж. Разыскали их через месяц, скандал подняли. Мало того что я без квартирантов осталась, еще и соседи до сих пор попрекают, — говорила с безразличием, будто значения не придавала, а вот поглядывать на Кобека поглядывала — и зорко.

— Нас, я думаю, искать не будут, мы недавно поженились.

— А не разведетесь? Всякое бывает, — и женщина подтвердила свои слова лукавой улыбкой.

— Это исключено. Не для того мы так долго искали друг друга...

— Тогда вот что: деньги мне прямо сейчас нужны.

— Сей момент?

— Ну, нет, как поселитесь.

— А что вы с таким капиталом делать будете? — поддел ее Кобек.

Раскрыв от удивления рот, женщина пугливо взглянула на Кобека.

— Ну, уж это мое дело, найду, на что потратить...

— Я пошутил...

«И не слишком удачно», — сказал себе Кобек.

Хотя женщина и не понравилась Кобеку, он понял, что надеяться на что-то лучшее не приходится.

— На чем спать-то у вас есть? — спросил он.

— Конечно. И кровать есть, и стол, и стулья... Кухней вместе будем пользоваться. И холодильник, в вашем распоряжении.

— А с кем вы живете?

— Мишка да я, и все тут.

И Кобек поехал смотреть квартиру. Комната, в которой они должны были жить, показалась маленькой, но после неудобных гостиничных номеров, симпатичной. Кобек подумал, что Фейруз здесь понравится. Он заметил желтоватые обои, светлый письменный стол. Кухня, на его взгляд, тоже была опрятной. Хозяйка открыла дверь в свою комнату, и оттуда вылетел пегий фокстерьер.

— А это и есть мой Мишка! — представила она своего друга.

— Так у вас и собака есть? — растерянно проговорил Кобек.

— А что из этого? Думаете, она вас стеснит? Нет — он у меня смирный. Правда, Мишка? — С какой-то доверчивостью она погладила гладкую Мишкину шерсть, потрепала его за уши. Собачка подбежала к Кобеку и, бесстрашно обнюхав, заглянула в глаза. Кобеку это понравилось, и он спросил:

— Как вы его зовете? — И тут же вспомнил: — Ах, да, Мишкой!

— Вы даже не представляете, — повела плечиком хозяйка, — какой это умный мальчик!

Вечером, прихватив вещи, они с Фейруз приехали на новую квартиру. О том, что в доме собака, Кобек не рассказал — боялся, что Фейруз будет против. Но имен-

но Мишка, не ведавший никаких жизненных тревог, был первым, кто кинулся ее встречать. Как только хозяйка впустила их в прихожую, он радостно взвыл и оперся на Фейруз своими лапами.

— Не бойтесь, не бойтесь! — поторопилась успокоить их хозяйка. — Мишка хороших людей сразу признает.

Фейруз несколько не испугалась и даже потрепала друга семьи по загривку: — Прелесть какая! — Судя по всему, она была рада знакомству.

Присмотревшись к их вещам, хозяйка задорно улыбнулась:

— Как будто в поход собрались!

— Да, мы путешествуем, — бодро ответил Кобек и прошел, вместе с Фейруз, в свою комнату.

Не раздеваясь, молодая женщина оглядела комнату, потом присела на край дивана и еще раз посмотрела по сторонам.

— Думаю, что сойдет, — кивнула она.

— Ну, так что, не будете больше путешествовать? Если решились, платите, как уговорились, за пять месяцев, — распорядилась хозяйка.

— Договаривались за три, а остальное мы вам дадим в долг, — сказал Кобек, садясь рядом с Фейруз.

— Твоя жена мне нравится, — удовлетворенно заключила женщина и обратилась к Фейруз: — А где вы до этого жили?

— В гостинице.

— А я ведь без прописки не должна вас пускать. Так что вы никому ни слова! Закон из-за вас нарушаю. Но кому какое дело!

— Да нам просто деться некуда! Из гостиницы гонят. А какой-то угол нам позарез нужен. — Кобек засунул руки в карман, вытаскивая деньги, которые по пути отсчитала Фейруз.

— Ты бы встал! — резонно заметила Фейруз.

Кобек поднялся.

— Вот! Все двести. Считать будем?

— Деньги счет любят! — Хозяйку, похоже, удивило его легкомыслие.

— И расписку будем писать? — поддержал ее Кобек. Открыв чемодан, он достал чистый лист бумаги и ручку.

— А как это? Я не умею, — сверкнула глазами хозяйка.

— Не страшно — я помогу! — ответил Кобек. И вскоре они составили следующий документ:

«Расписка. В том, что я, Настасья Филипповна Андерсен, получила с Карамова Рауфа Алимжановича сумму в размере 200 рублей. В случае его досрочного отъезда остаток будет выплачен. 11 декабря 1975 года».

— Вы что же, потомок великого сказочника? — проявил осведомленность Кобек.

— Скандинавская фамилия, — с грустью в голосе подметила Фейруз.

— По мужу я Андерсен. Такой сказочник был, что и сейчас еще сидит.

— В тюрьме, что ли?

— А то где же? Первый раз за хулиганство сел, второй — за кражу: вагон на станции разграбил. Но после этого я еще раз замуж вышла, — и она печально склонила голову.

— А где же этот — второй?

— Сбежал к другой, близняк несчастный. Все приходит, извиняется, что полюбил другую. Бывает, что и деньги приносит, потому и пускаю. А так с лестницы бы спустила, пачкуна проклятого! По его милости болезнь заработала и вот еще. — Она отняла от лица руки и покрутила головой. — Но вы не бойтесь, это не передается...

— А что это за болезнь? — с беспокойством спросила Фейруз.

— Да, вы не бойтесь. Теперь уж это никому не грозит, а у меня вот отметина на всю жизнь волчанка это, а по-народному — рожа. Приемщицей была на заводе, но теперь уж и инвалидность дали: внутри что-то нарушилось. А ему, пачкуну, хоть бы что! Жив-здоров! Я вот не сдюжила калеккой осталась. Да и сказочник мне тоже жизнь попортил. Такие оргии тут закатывал — ужас! Все деньги на попойки шли. Одним словом, жизнь как-то мимо прокатилась, а я ведь, как все, о добром муже мечтала, об очаге!.. Пойдемте, я вам свою комнату покажу. Женщина неожиданно смолкла, словно решив: поплакала — и будет.

Все в ее комнате было светлым: и покрытая лаком стенка, и паркетный пол, и тюлевые занавески.

— Очень уж я все белое люблю, мне только того и надо, чтобы было светло и чисто. А водились бы у меня денежки, игрушка была бы, а не квартира: люстру бы купила хрустальную, белые кресла, телефон белый из фарфора... — и, созданная для счастья, она всплеснула руками, как птица, готовая устремиться в полет.

Актерствовать она не умела — все было как-то невпопад: и слова, и жесты... Кобек только сейчас заметил, как ее уродует это пятно, и даже опустил голову, чтобы не смотреть на женщину лишний раз.

Вбежавшая в комнату собака замерла у ног Фейруз, ожидая ее ласки.

— Милая собачка! — похвалила она.

— Это — мальчик, Мишей зовут. Мне его подруга подарила, когда муж ушел. Дорогая собака, породистая! Настасья Филипповна вытянула руку, и фокстерьер, став на задние лапы, лизнул ее.

— Умная собачонка! — еще увереннее проговорила Фейруз.

— Да, она как человек! Лучше мужа — честное слово! — искренне похвалилась хозяйка, рассмешив квартирантов едва не до слез. — Вы проходите, — попросила она. — Садитесь. — И она показала на белые табуретки.

— Не беспокойтесь, мы постоим. — Фейруз изобразила на своем лице такое удовольствие, что хозяйка просто не могла этого не заметить.

Слезы на ее глазах успели высохнуть, но она все же промокнула глаза не слишком свежей и давно уже не белой кофтой.

— А разве я такой раньше-то была? — Покачиваясь от вновь напавшей на нее кручины, она прошла к стенке и достала оттуда фотографию.

На ней Кобек увидел светловолосую красотку со жгучими глазами.

— Во! — прокричал ее «прообраз», выставив большой палец. — За мной мужики так бегали!.. Так с ума сходили! Только вот сошлась с самыми непутевыми! — и она отвела с шеи полинявшие волосы. — Да я и сейчас еще ничего! Только вот шрам...

— Нет-нет, вы и сейчас еще очень привлекательная женщина! — успокоила ее Фейруз.

— Да вы все-таки сядьте, — она снова показала на табуретки. Кобек и Фейруз послушно сели.

— Сигаретки нет? — обратилась хозяйка к Кобеку.

Из пачки, предложенной Кобеком, Настасья Филипповна бережно вытянула сигарету и, достав из кармана спички, прикурила. После первой затяжки она уставилась глазами в одну точку, а затаившись второй раз, вздохнула... Потом, откинув голову, поглядела на Фейруз.

— Ты красивая! — похвалила она с непонятно откуда взявшейся нежностью.

Фейруз, вскинув голову, обольстительно улыбнулась. Настасья Филипповна прошлась по комнате, потом неожиданно развернулась и, словно самой себе, сказала:

— Значит, так. Делайте что хотите. Меня ваши дела не интересуют. Пользуйтесь ванной, холодильником, кухней. Посуду тоже берите. У меня ведь и лишняя есть — для квартирантов.

— Что вы, Настасья Филипповна! Посуду мы завтра же купим! Не знаем, как и благодарить вас, — сказала Фейруз, поглаживая нос и уши умного «мальчика».

— Зачем же деньги-то тратить? Посуду у меня берите. Там чайник, кастрюля, сковородка. Если что и надо купить, так только стаканы и тарелки!

— Обязательно купим, — подхватила Фейруз.

— Мужчины ко мне не ходят, кроме слизняка. Целыми днями дома сижу вяжу. Ну, а по воскресеньям позволяю себе вина выпить. Но только по воскресеньям. Ни водок, ни коньяков не переносу. Бутылочку красненького — и все. На мою пенсию иначе и не проживешь, хорошо еще вязать научилась. — Настасья Филипповна посмотрела вдаль и глубокомысленно затаилась.

Гостям пора было уходить, и Кобек, по знаку Фейруз, тихо поднялся.

— Своя постель — это главное! — произнес Кобек, падая на диван. — Самое главное у нас теперь есть!

— Да, какой-никакой, а угол, где можно приткнуться, у нас есть, — как-то чересчур уж серьезно ответила Фейруз.

Она раскрыла чемодан и стала доставать самое необходимое, повесила на плечики свои платья... Кобек, лежа на диване, вспоминал шальные дни в гостинице, тревожные поиски этого жилища — все это время он мечтал о таком вот уединенном уголке, о такой кровати, о стенах, которые дали бы им хотя бы временный покой. Встречи украдкой в номерах, боязнь, что кто-то войдет и помешает, сказывались на их отношениях: они даже разучились разговаривать шептали что-то друг другу на ухо, украдкой обнимались и даже смотрели друг на друга так, чтобы никто не заметил...

Столица оглушила их своей суетой, и им даже стало казаться, что это большая гостиница, в которой собралось видимо-невидимо приезжих. Перед глазами мельтешили люди, и казалось, что все только тем и заняты, что ходят по кафе или ресторанам, ищут магазины, а в них — какие-то товары, в гостинице только о том и говорили, что и где достали. Рассказывали, что в одном из номеров жил какой-то грузин, у которого номер был забит импортной обувью. А одному узбеку привезли целый контейнер индийского чая, и этот контейнер больше недели простоял в холле, обращая на себя внимание всех жильцов... А какой-то дядя из российской глубинки несколько дней кряду ходил с мешком, набирая масло, мясо и другие продукты; свой одиночный номер он превратил в настоящий холодильник и все время держал окна открытыми, сам же ночевал на кресле в коридоре. Вслед за ним приехали человек двадцать его односельчан, вмиг разобрали продукты и дружно покинули гостиницу.

Кобек знал, что столичные жители живут самой обыкновенной жизнью, с понятными всем заботами и тихими радостями. И вот он обретал эту жизнь быть может, временную, но столь же приятную. «Кровать, потолок стены... Наверное, — думал он, — и правда, что, сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет». Но от произнесения этих слов ему становилось сладостно — так дорого ему было то, что они означали: кровать, потолок, стены...

Эта их ночь не была африканской, ведь оба они сознавали, что таких ночей будет в их жизни множество — под этой крышей, в этих стенах... А то, что называлось

до этой минуты «кроватью», превратилось вдруг в супружеское ложе...

На следующее утро Кобек проснулся поздно. Сквозь плотное кружево на окнах в комнату пробивалось морозное солнце. Кобек не сразу сообразил, где он. Яркий свет, отбеливший желтые обои, превратил их комнату в больничную палату, необычайно белым было и накрахмаленное белье, нежилыми казались и голые стены. Фейруз спала так тихо, что Кобек засомневался: а здесь ли она? Он посмотрел на ее согнутую шею и, почувствовав исходящее от нее тепло, провел рукой по гладкому плечу. Посмотрев на нее еще раз, он прислушался в надежде, что Фейруз что-нибудь произнесет во сне, но, поняв, что это желание блажь, счастливо улыбнулся. «Хорошо, что мы нашли эту квартиру, прекрасно, что мы одни, — подумал он. — Разве не в этом счастье? Я наедине с любимой женщиной! Кроме нее, никто не нужен».

Фейруз, проснувшись, прервала эти мысли. Повернувшись к Кобеку, она стала, как и он, рассматривать комнату.

— Как светло! — Солнце заставило ее зажмуриться, а потерянная в скитаниях непринужденность — стыдливо взглянуть на Кобека. И он вдруг почувствовал, насколько неестественно их соседство. «Она должна была бы одна лежать в этой постели! — подумал Кобек, представив, насколько непривлекателен он и насколько прекрасна она. — Но ведь от такого же, как я, мужика родилась, — возразил он себе, — даже пострашнее...»

— Мы как птицы, попавшие в чужое гнездо, вздохнула Фейруз. — Слишком уж неудобно в этом городе. Мне даже кажется, что зря мы сюда приехали. Да и вообще...

— Что — вообще? — с тревогой спросил Кобек.

— Вообще, все немного не так, как я представляла. Я не привыкла к такой свободе. Когда училась, ко мне все время приезжала мама, она помогала мне. Я ведь неумеха. И Юхан все что мог делал по дому. Немного — я, а в основном — он.

— Чего же ты не умеешь? Готовить, стирать? — весело спросил Кобек.

— И это — тоже.

— Ну, завтрак, я надеюсь, мы с тобой сочиним. И комнату приберем вместе. Только вот стирать я не умею, и гладить — тоже.

— Вот-вот, об этом я и говорю. Юхан все белье стирал сам.

— Он — свое, а ты — свое?

— Нет. Все белье — только он. Некоторые вещи, правда, мы носили в прачечную.

— Ну, начинается, — вздохнул Кобек. — Стирать я не умею и даже учиться не собираюсь. Какие-то мелочи, может, и постираю. Но свое белье — стирай сама. Чего это мы будем по прачечным таскаться? — Программа Кобека была вполне конструктивной.

Фейруз согласно кивнула, но было видно, что она чего-то недоговаривает.

— Может, тебя еще что-то беспокоит?

— Ты извини, — ответила Фейруз, — но мне кажется, что я нужна тебе только для постели. Когда мы жили в гостинице, я почти убедилась в этом. Но, может быть, теперь это пройдет?

— Конечно, пройдет, — с готовностью ответил Кобек.

— Хочется верить, ведь все это время мы действительно жили как на колесах, — послушно проговорила Фейруз.

— По-видимому, человек не может не повторить того, что делали когда-то его предки. Ногайцы, как ты знаешь, не хотели жить в домах — предпочитали кочевые кибитки. В одной книге даже сказано: «Бог дал ногайцу колеса, другим народам — стойла и плуги».

— Это старинная книга?

— Да, середина семнадцатого века.

— Все изменилось с тех пор. Я, например, даже не представляю той жизни.

— Неудивительно, ты ведь и по натуре европейская женщина. А я легко представляю себе ту жизнь. Чем дольше живу, тем яснее представляю. А тревоги кочевника чувствую как свои. Радости, нет, не чувствую. По-моему, именно от тоски ногайцы кочевали с места на место — искали где глубже... Есть одна интересная подробность. Герцог Ришелье, основатель Одессы, построил возле

Мелитополя дома для ногайцев, надеясь, что они начнут жить оседло, но наши предки поставили рядом с домами кибитки, а когда такая жизнь им порядком надоела, убрались с этого места. А город Приморск, который сейчас стоит на этом месте, был когда-то Ногайском.

— Но чем же плохо жить в домах? Непонятно, откуда такое упрямство!

— Я тоже думал об этом. Мне кажется, они не могли мириться со стенами — тесно им было в прямоугольном пространстве. Я как-то заходил в юрту одного чабана, не в большую семейную — а в юрту для новобрачных. Так там совершенно не чувствовалось тесноты, на метры посчитать — совсем немного, а простор... Мы впятером ночевали в этой юрте. Я, когда работал в проектной институте, мечтал построить гостиницу, в которой все напоминало бы юрту, но увы, осуществление такого проекта — утопия. Все строительные материалы: камень, кирпич, железо — просто стремятся к прямоугольным, резким формам. Это удобно, но примитивно. Ногайские юрты — терме — шедевры по сравнению с современными постройками. Ногайские мавзолеи, которых, к сожалению, почти не осталось, да и любая русская церковь с куполами не только эстетичнее, но и современнее любого нью-йоркского небоскреба... Мне иногда кажется, что я живу среди льдин.

— Ты прав. Я о том же подумала, когда проснулась, — едва не задохнувшись от такого единомыслия, Фейруз ударилась в философию. — Вот ты с восторгом вспоминаешь о кочевой жизни, а что бы было, если бы все люди кочевали? — Она представила себе это и рассмеялась. — Вообрази — все люди на земле кочуют!..

— Да они, собственно, и занимаются этим. Туризм, миграции, командировки... Одни путешествуют по необходимости, другие — по собственному желанию... А сколько людей кочует в воображении! Мечутся из стороны в сторону — то газета их куда-то занесет, то клуб кинопутешествий... Человек по сути своей кочевник, всем хочется увидеть мир, расширить границы своих знаний... Только действительность вынуждает нас быть оседлыми, затертыми в своих углах. Черта оседлости ограничивает сегодня не только каждого индивидуума,

но и целые народы, государства... Человек уже не может существовать без каких-то ограничений. И все же я думаю, что наше самосознание иное, ногайцы до сих пор не могут примириться тем, что мир разграничен. — Кобеку хотелось говорить так оригинально, чтобы увлечь Фейруз. — Сейчас я мечтаю о том, чтобы поставить кибитку на арбу и отправиться с тобою вокруг света. В пути у нас родятся дети, мы состаримся, и дети нас похоронят. Мы будем жить просто, не мучая себя воспоминаниями. Будем просто колесить по свету, перегонять скот, учить детей радоваться жизни...

— Да, это красивая жизнь. Но ведь она невозможна. Это — сказка, — сказала Фейруз.

— Да, это сказка, — согласился Кобек.

— Но и в той жизни есть свои несчастья. Посмотри на цыган — разве есть кто-нибудь беднее их?

— Да, но не забывай, что цыгане всегда были изгоями, от этого и все их беды. И это несмотря на то, что цивилизованные народы всегда восторгались их свободолюбием! Очень может быть, что и ногайцев постигла бы такая участь, если бы они не отказались от своих обычаев. Добывая себе свободу, кочевник посягает на свободу других, ведь как бы мы к этому ни относились, различия существуют. — Кобек почувствовал, что его «арба» вот-вот перевернется, и спросил Фейруз: — Тебе, наверное, это неинтересно?

— Нет, почему же. Но, если честно, я не представляю себе прошлой жизни. В нашей семье стыдились своего происхождения, и даже ногайский я выучила по собственной охоте — дома все говорили по-русски. Я помню, как к моим родителям приезжали родственники и как холодно их всегда встречали — на родном языке ни слова не говорили, кичились тем, что стали горожанами...

— Да, я знаю таких людей, мой родной брат — такой же «горожанин»! Но ты не думай, я на тебя не обижаюсь. Ты ведь совсем непохожа на них.

Фейруз только покачала головой.

— Отец мой, конечно, никудышный человек. Но маму я всегда любила, а в том, что она хотела казаться аристократкой, было что-то очень детское. В общем-то, она — несчастный человек и я не имею права ее осуждать. Я

и сама-то никакая не ногайка! Смешно! Разве что по паспорту. Обычаев я совсем не знаю. Дикость, в общем-то, — эти обычаи...

Последние слова ранили душу Кобека, но, подумав о том, что таких людей — и в его родном городе, и во всей стране — немало, он все-таки не захотел причислять к ним Фейруз. Еще недавно он и сам был таким: жизнь родного народа его тогда мало интересовало. Но действительность заставила его задуматься о своих корнях, о том, что им унаследовано от предков и что надо было бы унаследовать. В мечтах он видел себя достойным продолжателем народных традиций. Слова Фейруз должны были бы отпугнуть Кобека, но, как любящий муж, он не решился обострять их отношения. «Она мне дорога, — подумал он. — И все как-нибудь решится. Стоит ли начинать жизнь с конфликтов!»

Стоило, однако, не допустить развития этого конфликта, и он сказал:

— И все-таки ты родилась ногайкой.

— Но я действительно не понимаю, что это значит: ни обычаи, ни уклад той жизни мне незнакомы. Бедная мама, она так хотела сделать из меня светскую женщину. Она вытянула губы в трубочку и недоуменно взглянула на Кобека. — Ты ведь тоже вырос в городе. И тоже — интеллигент. Не понимаю, почему ты так ревниво относишься к этим обычаям?

— Нормально я отношусь. — Сказав, по обыкновению, не то, что думает, Кобек вскочил с постели и немного поупражнялся для бодрости.

«Какая двойная жизнь! — вспомнились ему слова Риммы. — «Тут уже не двойная, а какая-то шестерная!» — поддел он самого себя, и ему захотелось поскорее взглянуть на себя в зеркало, чтобы увидеть в нем какого-то нового человека. Он надел спортивные брюки и вышел из комнаты. В темном коридоре на него кинулся фокстерьер: чтобы укрепить знакомство, собачка еще раз обнюхала его.

На кухне, вся в дыму, сидела Настасья Филипповна. Увидев Кобека, она подняла голову и пожаловалась на самое себя:

— Вы уж извините, что так много дыма. Я с пяти часов уснуть не могу — все видения какие-то, кошмары...

— Не стоит извиняться, вы же хозяйка! — сказал Кобек, смущенный тем, что предстал перед пожилой женщиной в майке, хотя... хотя ее, как видно, это не смутило.

— Змей всяких видела, мышей, пропасти, в которые вот-вот угожу... Вроде и не сплю, а вижу все как во сне, — и Настасья Филипповна гулко кашлянула.

— Всякое может привидеться, — успокоил ее Кобек.

— Может, и так, конечно, но спать-то страшно. — Она затаилась сигаретой и, выпустив вместе с дымом свою тревогу, продолжала: — А чего ты стоишь? Иди умывайся.

Кобек прошел в белокафельную ванну. Увидел там зеркало в человеческий рост. Взглянул. Взлохмаченные волосы пришлось пригладить, залысины — слегка прикрыть... «А не отпустить ли мне бороду? Здесь это пройдет! — подумал он. Подставив лицо под холодную воду, он продолжал наблюдать за собой. И вдруг заметил, что глаза, смотревшие на него, усмехались. — С чего бы это? — спросил он самого себя и ответил отражению такой же усмешкой: — Над кем смеешься? Над собой, что ли?» — Довольный этой беседой, он вышел из ванной.

— Какой у вас везде порядок! И ванна очень красивая! — похвалил Кобек.

— Да, — угрюмо кивнула Настасья Филипповна и вдруг, словно очнувшись, приветливо сказала: — Можете и душ принять. Один или вдвоем — там места хватит.

И хозяйка лукаво взглянула на Кобека.

— А чего это не бреешься?

— Бороду хочу отпустить!

— Наверное, тебе пойдет, но ведь на себя не будешь похож.

— Я тоже так думаю, — улыбнулся Кобек.

— Без конца улыбается, — снисходительно заметила хозяйка и, привстав, добавила: — Пусть и жена умоется, а я вам пока кофе сварю, позавтракаете со мной.

— Да вы не беспокойтесь, мы ведь можем и в столовой позавтракать.

— Еще чего в столовой!.. Зачем деньги-то переводить! Готовьте здесь. День — ты, день — супруга.

— У нас так не принято, — засмеялся Кобек.

— А как принято? Вы же современные люди! Тут у меня молодожены жили, так у них всегда муж готовил.

— Так то — они, — усмехнулся Кобек. — А у нас жена должна готовить.

— Ты этот домохозяй брось! Чем же тогда муж должен заниматься?

— Мужу надо дело делать.

— Интересно! А если и жена делом занимается?

— Тогда не знаю, — растерялся Кобек.

Когда Кобек жил у Фейруз, они ели что придется, то яичницу, то какие-то полуфабрикаты — о распределении обязанностей не было и речи. Кобек жалел Фейруз, ведь, что ни говори, горе ее постигло нешуточное. А когда они поселились в гостинице, то питались в кафе или ресторане. А еще раньше, живя с Кунбийке, Кобек и думать не думал о хозяйстве — всем занималась жена. Свой разговор с Настасьей Филипповной он не передал Фейруз, но хозяйка сама напომнила об этом.

— Ну и молодежь пошла, — сказала она, — да такой красавице руки целовать надо, — и она восхищенно взглянула на Фейруз.

Кобек смерил ее строгим взглядом, но она спокойно продолжила:

— Такие руки не должны знаться ни с половой тряпкой, ни со стиральным порошком, да и кухонный нож ей не подойдет.

— Что вы такое говорите! — перебила ее Фейруз. — Я совсем неплохо готовлю. Только вот стирать не люблю.

— Ну, и прекрасно! Распределите обязанности: муж пусть стирает, полы моет, а ты только готовь.

— А вам-то какое дело! — не выдержал Кобек.

— Да никакого, просто я порядок люблю! — фыркнула Настасья Филипповна.

Наступило молчание. Кофе был выпит, и хозяйка решила нарушить молчание.

— Все забываю, как вас зовут? — спросила она.

— Меня — Кобеком!

— Во-во! — И хозяйка ткнула в него пальцем. — Никак не могу запомнить. — Может, я тебя Колей буду звать?

Кобек снисходительно улыбнулся.

— Ну, так можно? Так моего первого звали.

— Зовите, если вам так удобнее.

Настасья Филипповна радостно улыбнулась и посмотрела на Фейруз.

— А меня зовут Фейруз, — губы она на всякий случай сомкнула.

— Ну, не знаю прямо — имена такие непривычные. Можно, я буду вас Фаей звать?

— Зовите, — улыбнулась Фейруз.

Когда квартиранты собрались уходить, хозяйка окликнула Кобека.

— Коля, — сказала она, — вот вам ключ от комнаты, но он единственный, так что не теряйте.

— Да мы не хотим закрываться! — воспротивился Кобек.

— Что уж там — закрывайтесь! А то вдруг что пропадет! — испуганно проговорила хозяйка.

— Напрасно вы так, мы вам доверяем! — И все-таки, поддавшись ее уговорам, Кобек закрыл комнату на ключ.

* * *

На лестничной площадке Кобек и Фейруз столкнулись с женщиной, вышедшей из соседней квартиры. Она с испугом взглянула на чужаков и пропустила их вперед. А на заснеженном дворе догнала и окликнула.

— Вы, молодые люди, не андерсеновские квартиранты? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Да, — ответил Кобек.

— Тогда поосторожнее будьте — здесь ее все знают!

— А что такое? — спросил Кобек.

— Да как вам сказать! В это трудно поверить, но поговаривают, что у нее взгляд недобрый. Сглазить может...

— Ну, нет, этого мы не боимся, — засмеялся Кобек.

— А вы не смейтесь! До вас у нее тоже молодые жили, только вот через месяц жена ушла вся в слезах, а муж ее

даже провожать не пошел. И до них такое случилось. А нам больно смотреть-то на это: молодые ведь, только жить начали...

— Спасибо, что сказали, но нам, я думаю, это не грозит! Правда, Фейруз? — весело спросил Кобек.

— Да как сказать! — изрекла соседская пророчица.

Фейруз и Кобек удивленно переглянулись и проводили взглядом старую женщину.

— Что-то странное, конечно, есть в этой Настасье Филипповне! — сказала Фейруз.

— Да брось! Не стоит и думать об этом!

— А ты посмотри! — и Фейруз показала на их окно.

Кобек поднял голову и увидел, как сквозь оттаявшее стекло проступило горбоносое лицо хозяйки.

— Ну, и что же! — воскликнул Кобек, беря Фейруз под руку. — Что нам, материалистам, какой-то сглаз! Чепуха! Пошли. Нам в центр надо за покупками.

— А я уже начинаю ее бояться... Собачка у нее добрая. Но ты знаешь, Кобек, я сегодня не сразу уснула и слышала, что ночью кто-то подходил к нашим дверям.

— Хозяйка сама сегодня жаловалась на плохой сон.

Бродила, наверное, по квартире или заходила на кухню...

— Мне даже показалось, что скребли по двери. Может, это собака? — спросила Фейруз.

— А что ей нужно в нашей комнате?

— Я тоже удивилась, — сказала Фейруз и сама взяла Кобека под руку.

Черное безмолвие

Как волны горной реки, неся людской поток в подземном переходе. Текла и текла эта река, и не было видно ей конца. Кобек и Фейруз влились в нее. Бурные воды вынесли их к хлопавшим дверям метро. Теплый воздух обдал у входа. Люди не давали им оглядеться. Они хотели бы остановиться и что-то сказать друг другу, но Кобек уносил водоворот, и он оглядывался, стараясь пой-

мать взгляд Фейруз. Его опять толкали — уже в другую сторону.

— Монета есть? — кричал он Фейруз, но слышала ли она его — неизвестно.

Фейруз все-таки поняла, о чем он ее спрашивал, и кивнула.

Толпа вынесла его к эскалатору. Кобек опять оглянулся. Увидел Фейруз и, подняв руку над головами атаковавших его пассажиров, показал вниз: там, мол, и встретимся. Ответного жеста он не дождался — его вынесло на бегущие ступени.

Тускло светили шары фонарей. Мелькали лица.

«Столько людей наши предки не встречали за всю свою жизнь! — думал Кобек. — Но ведь ты не запомнил ни одного лица, как будто и не видел никого!» — осенило его при сходе с эскалатора.

Кобек смотрел через головы пронесившихся людей.

Становилось страшно оттого, что они с Фейруз могли разминуться. Наконец появилась ее милая головка. Лицо ее осунулось, губы сомкнуты — сразу видно, что она утомлена. Подойдя к Кобеку, Фейруз положила голову ему на грудь.

— Я спускалась и думала, что все горожане — это одно целое, какое-то огромное существо с только ему присущими особенностями. Ночью оно отдыхало, а днем мы уже видим его на улице... Особенно ему нравится в метро: с утра до вечера живет в нем, — Фейруз с надеждой посмотрела на Кобека.

— Хорошее сравнение! — похвалил Кобек и взял в свои руки ее ладонь. — Постоим, отдышимся?

— Постоим, — согласилась Фейруз.

— Раньше мы были гостями столицы, а теперь сами — горожане. Они, — и он кивнул на пассажиров, — и мы — родственные души.

— Я этого не чувствую, Кобек. Мне очень одиноко в этом городе. И я даже не представляю, как мы будем тут жить.

— Не бойся, родная, ты ведь не одна. Мы с тобой тоже — одно целое, и нам больше никто не нужен. Лишь бы мы были счастливы! Вот обменяем квартиру, устроимся на работу — и будет у нас с тобой свой круг, своя жизнь —

все наладится! — патетически закончил Кобек и бодро взглянул в грустные глаза Фейруз.

— Казалось бы, чем больше людей живут вместе, тем они должны быть роднее друг другу, а здесь все наоборот: никто никого не знает, каждый занят только собой, — жаловалась Фейруз.

— Зачем же обобщать! — засмеялся Кобек и добавил: — К тому же ты противоречишь самой себе. Только что ты сказала, что все горожане — одно целое, а теперь говоришь, что каждый занят только собой!

— Да, они одно целое, потому что живут в одном городе, вместе встречают рассвет, вместе идут на работу, гурьбой возвращаются в свои квартиры, толпами ходят по одним и тем же магазинам, дружно смотрят одни и те же телевизионные программы... И в то же время это десять миллионов не знакомых друг с другом людей. Смотри, все спешат и никто никого не замечает...

— А ты бы хотела, чтобы они не отходили друг от друга, знакомились, говорили о том о сем... Так они и до работы никогда не доедут.

— Ты прав. Если они все станут здороваться, головы не выдержат — отлетят.

— Вот-вот! — подхватил Кобек и повел Фейруз к вагону. — Сядем в передний, там поменьше людей.

— Ну вот, и ты уже устал от такого общения, — смеялась Фейруз.

— Нет, почему же! Я просто не обращаю на это внимания, и ты никого не замечай — это принцип городской жизни.

— В общем-то, и я, когда училась, была такой же. Но сейчас я чувствую какую-то неприкаянность, бесцельность нашего житья здесь...

Кобек не знал, что ей ответить. «И чего она, собственно, хочет? Сразу — всего? Так не бывает!» — с горечью подумал он.

Фейруз, словно угадав его мысли, сочувственно взглянула на него.

— Ты не обижайся, пожалуйста! Но мне кажется, что мы играем в какую-то игру. А ведь мы уже давно не дети. Какое-то во всем этом безрассудство, даже ребячество...

Кобек молчал, ему нечего было сказать. «Разве она не знает, что я люблю ее — и что это превыше всего! А впрочем... Какое-то книжное объяснение! — одергивал он себя. — Лучше уж, наверное, ни о чем не думать. Если всему искать объяснение, с ума сойдешь». — И он взял Фейруз под руку. И вот оглушительный грохот поезда, и скрежет тормозов, и мест в переднем вагоне, конечно же, нет. И надо стоять у дверей и мешать пассажирам. Стоявший рядом парень в нейлоновой куртке то смотрел под ноги, то вскидывал голову и впивался глазами в Фейруз. Кобека он не замечал, хотя Фейруз и держалась за него. Фейруз чувствовала на себе этот взгляд и, чтобы не злить Кобека, отвела лицо в сторону. Кобек в упор глядел на парня. «Заехать бы по этой наглой физиономии!» — негодовал он. Парень, подняв голову, снова поискал глазами Фейруз, но увидел только ее затылок и прядки волос из-под платка. Тогда он опустил голову. «Давно бы так!» — успокоился Кобек.

Старик, одетый в ветхое пальто, слезящимися глазами пялился на Фейруз, но она этого не замечала. Старик болезненно морщился, но взгляда не отрывал и смотрел так, словно пытался что-то вспомнить. «И что нужно старикану?» — сердился Кобек и повернул голову к Фейруз. Его глазам предстало белокожее лицо, маленький носик, лепестки красных губ. «Есть на что посмотреть!» — понимал он и ловил тот же, хотя и несколько угасший, взгляд старика. Старик страдал одышкой, его запекшиеся губы жадно хватали воздух. Лязг колес нарастал. В темноте за окнами проносилась светившаяся цепь лампочек. Поезд мчался по тоннелю. Кобеку пришлось на ум, что необходимо запомнить лицо старика. Зачем? — он этого не знал. Он никогда не заставлял себя запоминать что-то или кого-то — все, что надо было вспомнить, вспоминалось само собой. Но кто-то ему внушал, что это лицо необходимо запомнить... Запомнить морщинистые щеки, покрытые короткой щетиной, кривоватый нос, слюну в уголках губ, налитые кровью глаза... О чем-то томительно размышляя, старик жевал губами и шурился. Поезд затормозил. За окнами уже видна освещенная станция. Старик, придерживая под мышкой потертый портфель, привстал. Поезд наконец остановился, и все,

кто столпился в проходе, пошатываясь, пытались удержаться на ногах. Фейруз схватила Кобека за руку устояла! Старик упал в проходе лицом на лакированные сапоги пышной блондинки. Блондинка, хватаясь за сползавший мохеровый шарф, с криком отскочила в сторону. Лицо ее покраснело, в зеленых глазах страх. Старик не поднимался, так и лежал лицом вниз. Фейруз потянула Кобека за руку.

— Этого еще не хватало! — прошептала она.

Кобек освободился от ее руки и наклонился к старику. Вместе с только что вошедшим мужчиной они подхватили старика с двух сторон и подняли.

Рот старца страдальчески искривился.

— Умер! — закричала блондинка и моментально выскочила из вагона.

В вагоне паника. Толчок — и поезд тронулся. Двое мужчин — Кобек и тот, только что вошедший, держали старика под руки и заглядывали ему в глаза: никаких признаков жизни. Люди окружили их и рассматривали пострадавшего. Парень в нейлоновой куртке, схватив руку старика, нащупывал пульс.

— Не бьется! — жестко констатировал он и отошел. Все сбились у выхода в другом конце вагона. Мужчина, помогавший Кобеку поднимать старика, поглядывал оттуда виновато. Фейруз, закрыв рот рукой, тоже смотрела на Кобека. Она испугалась, побледнела и будто спрашивала: зачем ты связался с ним?

Снова остановка. Кобек с мольбой смотрел на пассажиров — кто же поможет ему вынести тело? Но как только двери вагона открылись, все выбежали. Парень в нейлоновой куртке с усмешкой посмотрел на Кобека и исчез в дверях. Фейруз попыталась увести Кобека.

— Пойдем, прошу тебя, я не могу на него смотреть. — Она вышла из вагона.

— Куда ты? Его же нельзя так оставлять! — кричал Кобек и не отпускал старика.

— Я не могу! — всхлипывала Фейруз.

— Сообщи обо всем дежурному. И жди меня здесь! — зло закричал Кобек, и двери тут же захлопнулись.

Толчок. Поезд тронулся. Кобек по-прежнему поддерживал старика, но не смотрел в его сторону — боялся.

«Может, твой отец нуждается сейчас в помощи, а ты тут возишься с чужим человеком! — с досадой думал Кобек, глядя в черную дыру окна. На следующей остановке надо будет вынести тело...»

Но такое ощущение, что поезд никогда не остановится. И вот наконец Кобек подхватил старика под мышки и осторожно протащил к выходу. Выходившие из соседних вагонов пассажиры с удивлением смотрели на него.

— Пьяные, что ли! — ворчал кто-то.

— Да умер он! Человек умер! — закричал Кобек, взывая о помощи. Он положил старика на пол, бросил портфель и, посмотрев на старика, остолбенел: «покойник» хватал ртом воздух и умоляюще глядел на Кобека.

— Он живой! — обалдев от радости, закричал Кобек и потащил старика к сиденьям.

С трудом усадив его, заметил, что к ним спешат люди в белых халатах и с носилками в руках.

— Сюда! — позвал их Кобек, и когда санитары подошли: — Он живой, живой! — закричал не своим голосом.

Их снова окружили пассажиры. Старика положили на носилки. Кобек бросил на них портфель.

— Живи, старик! — радостно пожелал Кобек. — Все смотрели на него как на сумасшедшего. — Санитары молча ушли.

«Хоть бы слово сказали, а то ни благодарности, ни приветов! — Ему немного обидно, но принцип городской жизни — не замечать! — Ну и ладно! Нужна мне их благодарность!» — успокаивал он себя.

Потом перешел на другую сторону и поехал обратно. Чувство исполненного долга согрело. Он доволен собой, хотя... «Смотри, какой сердобольный! О родном отце небось не думаешь!» — и он пытался забыть и о старике и обо всем, что здесь произошло.

Кобек выскочил из вагона и подбежал к Фейруз, которая стояла надувшись.

— Станный ты какой-то, оставляешь меня тут одну, уезжаешь непонятно с кем! — с обидой сказала она.

— Но нельзя же было его бросить! — пробовал оправдаться Кобек.

— Значит, все остальные, по-твоему, глупее нас! — В ее голосе слышалась какая-то незнакомая Кобеку резкость.

— Ну, хорошо, успокойся! — Кобек обнял ее за плечи. — Все ведь обошлось. Молодец, что позвонила! Санитары подоспели вовремя... А старик оказался жив! — Слава богу! — проговорила Фейруз.

Она взяла Кобека за руку, и они пошли к выходу. Даже на эскалаторе Фейруз не отпускала его. Выйдя в город, посмотрела на серое небо и, облегченно вздохнув, отпустила его руку.

— Лучше все-таки ездить на автобусе, — сказала она.

Потом они медленно шли по незнакомой улице.

Перед глазами Кобека стояли пожелтевшее лицо, серебристая щетина на щеках, лиловые губы, невидящий взгляд бесцветных глаз... «Какой же я все-таки ханжа!» — осуждал себя Кобек.

«Так играть роль порядочного человека!» — раздался голос несчастной Риммы.

— А ты знаешь, я даже ничего не вижу вокруг. Все эти прохожие, дома, улицы — их как будто не существует. Я чувствую, что мы не имеем к этому никакого отношения. И это ужасно! — говорила Фейруз, глядя прямо перед собой.

— Ты просто разволновалась, — успокаивал ее Кобек.

— Нет, я устала. Столько лет я жила в своей квартире, привыкла и к Юхану, и к своей работе. Я даже не думала, что мир так велик. А здесь столько людей, которым до нас нет никакого дела! И ни одного близкого тебе человека!

— А я? — Кобек остановился и взял ее руки в свои.

Фейруз отвела глаза.

— Тебе я скоро надоем, и у нас пойдут ссоры, мы перестанем понимать друг друга.

— Этого никогда не будет, — клялся Кобек. — Мы просто станем как все. Будем жить тихо и мирно. И у нас, как у всех, появится свой мир.

— Честно говоря, Кобек, я не думаю, что ты способен так жить... Ты вечно чего-то ищешь, а такие люди, как ты, переменчивы. Только не обижайся...

— Я и не обижаюсь. Но я тебя люблю, и это на всю жизнь...

Фейруз молчала. Кобек понимал, что она чего-то не договаривала, но выспрашивать не хотел.

— А может, пойдем куда-нибудь? Отдохнем, забудем обо всем!

— Забудем! Разве это возможно! Я не о старике говорю. А о нашем будущем. Даже если мы станем такими же, как все, все равно будем одни в пустом вагоне, — и она потеряла виски. — Что-то происходит со мной сегодня!

— Надо развеяться! Пойдем в ресторан...

— Ресторан, гостиница, квартира... — подумав, не забыла ли чего, Фейруз заключила: — Словно в поезде едем, а не живем. Ну хорошо, пойдем в ресторан... — согласилась она наконец.

* * *

Зал ресторана просторен, но кажется тесным из-за нависшего потолка — полумрак и духота давят не меньше, чем стены. Тускло горели светильники на потолке, грохотала музыка, и лампочки, вспыхивавшие у ног музыкантов, приплясывали в такт. Длинноволосый солист не отрывал от рта микрофон, слов его песни было не разобрать, но чувствовался надрыв. Молодежь, заходясь от восторга, танцевала шейк.

Призрачная легкость чувствовалась во всех и во всем. Молодые танцевали так, как будто в танце заключена вся их жизнь. «Мы такие! Мы раскрепощенные! Мы не стыдимся своей наготы, мы ничего не стыдимся!» — читал Кобек на их лицах. В растерянности они поискали глазами свободные места. Молодой человек в яркосинем костюме с длинными, как у девушки, волосами, облизывая сочные губы, смотрел на Фейруз и поводил бедрами, руки его дирижировали оркестром. Фейруз отвернулась. Но в это время молодой человек подскочил к ней и потащил в круг. Фейруз вырывала руку и умоляюще смотрела на Кобека. Кобек еще не знал, как себя вести, а молодой человек уже тянул Фейруз за руку.

— Пойдем попрыгаем! — самодовольно хрипел губастый.

Не раздумывая, Кобек с силой ударил его по лицу. Звонкая пощечина положила конец танцу. Молодой человек, поглаживая щеку, полез на Кобека с кулаками. Не медля ни минуты, Кобек ударил его по носу. Губастый вытер кровь. Фейруз подхватила Кобека и увлекла к выходу. Но им преградили путь дружки губастого.

— За что же ты нашего стукнул? — Такое начало, конечно же, не предвещало ничего хорошего.

Кобек освободился от рук Фейруз и стал в боксерскую стойку. Фейруз, схватившись за голову, закричала:

— Помогите!

На Кобека посыпались удары, но он не пасовал и, уклонившись раз-другой, нанес ответные. Успел также заметить, что в драку вступил таксист Нурадин, появившийся непонятно откуда. Таксист ловким ударом сбил с ног одного из нападавших. Двое других отошли, потирая ушибленные места. У Кобека под глазами ссадина, и он тоже приложил к ней руку.

— Не робей, земляк, мы им еще покажем, — сказал Нурадин.

В это время к Нурадину подбежали два коренастых парня — как видно, его знакомые.

— Что случилось? — спросили по-ногайски.

— Ничего, ничего. Вот земляк наш вмазал тут одному! — сказал Нурадин и показал на стол, где сидели губастый и его дружки.

— Пойдем добавим! — решительно предложил тот, что с тонкими усиками.

— Не надо, — успокоил его Нурадин, — они свое получили. — Потом посмотрел на Кобека: — Прости, друг, забыл, как тебя зовут!

— Кобек, — ответил он и посмотрел на подходившую к ним Фейруз.

— А это твоя жена? — спросил Нурадин.

— Да. — ответил Кобек и взял Фейруз за руку.

— Пойдемте за наш стол, — пригласил Нурадин.

Кобек и Фейруз приняли его приглашение. Вторых познакомились. Молодого человека с тонкими усиками звали Шорой, он студент исторического факультета, уже на последнем курсе. Другой — Аратай, он — аспирант медицинского института. Аратай так обхо-

дителен, что сразу же начал ухаживать за новыми знакомыми.

Белобрысый официант принес вино и закуску.

Нурадин разлил вино по фужерам. Первый тост — за знакомство.

Шора на правах младшего взял бутылку и разлил вино по второму разу. Для Фейруз принесли бутылочку «фанты». Она потягивала фанту и следила за разговором. Пить вино ее не уговаривали, знали, что своя, — не положено.

— А может быть, выпьешь? — тихо спросил Кобек, ведь, если бы не земляки, он уже давно налил бы и ей — для того они и пришли в ресторан. Но перед земляками было неудобно, хотя они, судя по всему, были такие же как все, раскрепощенные и без предрассудков.

От вина Фейруз отказалась.

Нурадин взял в руки бокал и, поглаживая бородку, произнес тост:

— Выпьем за то, чтобы мы всегда держали свою марку! Молодец, Кобек! Сдачи надо давать вовремя. У нас говорят: не беги за буркой после дождя! Так выпьем же за то, чтобы утром мы просыпались довольные собой и не ругали себя за слабости! Эмин!

— За ногайскую марку! Эмин! — подхватил Шора. Все повторили — эмин! — и выпили.

Нурадин начал рассказывать о своих ресторанных похождениях в тех городах, где ему пришлось жить, и о том, что земляки всегда были на высоте и никогда не давали себя в обиду. Этот ресторан Нурадин облюбовал недавно, но здесь его уже хорошо знали — обслуживали без очереди, поэтому он и земляков сюда водил.

— Готовят неважно, но, в общем-то, так же, как везде. Знают, что за неимением лучшего съедят и это, да и очереди повсюду. Но могут и отличиться. Вот на днях мы сидели тут с Альтаем. Представляете втроем на триста рублей! Так все брали из отдельного холодильника: и рыбу нашли, и икру, и грибы. Не знаю, сколько с них чаевых взяли, но остались довольны, просили побольше таких клиентов приводить. Целый день я их возил, вот они мне сотник в бумажник и кинули. С нашими земляками не пропадешь! — закончил Нурадин.

Кобек посмотрел в сторону, где сидел губастый. «Светский» человек прикладывал к носу платок и тоже посматривал на Кобека. Взгляды их на мгновение встретились и сразу же разошлись. Через минуту он встал и направился к Кобеку. Фейруз это сразу заметила и, протянув руку к Кобеку, взмолилась:

— Ради всего святого, не вязывайся в драку!

Земляки разом повернулись к губастому.

— Если что-нибудь ляпнет, я ему покажу! — грозно произнес Шора.

— Эй, кореш, давай выйдем, — виновато просил губастый и неотрывно глядел на Кобека.

— Никуда он не пойдет, — оборвала его Фейруз.

— А тебя никто не спрашивает, — отмахнулся от нее губастый.

— А ты меня спроси! — Шора встал и ехидно улыбнулся.

Подошли дружки губастого.

— Пошли, Альберт, — и они потянули его за рукав синего пиджака.

Губастый оттолкнул их.

— Я хочу поговорить вот с этим, — кивнул он на Кобека.

Кобек встал, взбешенный таким неучтивым обхождением, и вслед за ним поднялись земляки.

— Вы останетесь здесь, а мы выйдем, — сказал Кобек.

Губастый двумя пальцами взялся за его пиджак. Кобек отбросил его руку и решительно пошел к выходу. Губастый шел следом. Зашли в курилку. Кобек выжидательно посмотрел на губастого, тот — на него.

— Чего это ты взбеленился из-за бабы!

— Не из-за бабы, а из-за матери, — одернул его Кобек.

— Не свисти! Какая она тебе мать? Баба как баба, или я не разобрал в потемках!

— Сперва разберись, а потом приставай. Она — мать моих детей. — Кобек хотел добавить «будущих», но не стал.

— Жена, что ли? — удивился Альберт.

— Хотя бы, — сказал Кобек, все еще не доверяя его миролюбию.

— Тогда извини, я не знал. Кто же с женой по ресторанам ходит! — развел руками Альберт.

— Бывает, что и ходят!

— Ну, извини, извини! — и Альберт протянул ему руку.

Подумав секунду, Кобек ответил на рукопожатие.

— А здорово ты меня по носу, — сказал Альберт улыбаясь.

Кобек заметил, что губастый не так уж противен, но ничего не ответил.

— Меня Альбертом зовут.

— Меня Романом, — Кобек назвал первое попавшееся имя.

— Послушай, Роман, ты мне понравился! Приходи сюда, обещаю, что никто тебя не тронет!

— А я и не боюсь! — гордо ответил Кобек, понимая, что его приглашали в какую-то другую жизнь. — Да я ведь старше тебя, что между нами общего!

— Человек человеку всегда может сгодиться, — сказал Альберт, кладя руку на его плечо.

— Что верно, то верно. Ну, тогда посмотрим. В жизни, и правда, всякое бывает. Пойдем, а то наши подумают, что мы покалечили друг друга.

— Ты уж извини меня, пожалуйста, — уже в зале повторил Альберт и протянул ему руку.

— Ничего, ничего, — ответил ему Кобек и сел за свой стол.

— Ну, что? Вмазал? — спросил Шора.

— Помирились, — спокойно ответил Кобек.

— У этих блатных всегда так: сами начинают, а потом на мировую идут, — сказал Нурадин, поднимая бокал.

Все, кроме Фейруз, взяли свои бокалы. Кобек вопросительно посмотрел на нее.

— Не хочу, — ответила она на его взгляд.

— За силу духа! — предложил тост Шора. — За то, чтобы мы не потеряли себя! Не забыли наши обычаи, наш язык, наши песни! Эмин!

— Эмин! — подхватили все и выпили.

— Об одном обычае вы уже забыли! — улыбнулся Ара-тай, все время сидевший молча и глядевший в сторону.

— О каком это? — поморщился Нурадин.

— Наши предки в рот не брали спиртного, — обличительно произнес Аратай и свысока посмотрел на всех.

— Главное, чтобы мы не теряли собственного достоинства и берегли лучшие традиции.

— Какие же это традиции? — усмехнулся Аратай.

— Почитали бы старших, заботились о детях, были гостеприимны, любили родственников, чтити могилы предков, сохраняли высокую нравственность — и того же требовали от детей, — продекламировал Шора.

— И это говоришь ты! — с усмешкой подхватил Аратай.

А Кобек в это время думал о себе. Почти все требования Великого Яса им нарушены. «С отцом порвал — и это, пожалуй, самое страшное! — Поискав и, не найдя себе оправдания, он взглянул на Фейруз, которая все это время упорно молчала. — Каково ей все это слушать! Мы ведь всего лишь сожители. А я вдобавок ко всему оставил детей без отца! — Но эти мысли не терзали Кобека: — Все это ерунда! Дети без меня не пропадут, а с Фейруз мы вот-вот распишемся и устроим свою жизнь. Только вот отец! Как с ним быть? Как? Умер бы он, что ли! — Кобек сам испугался этой мысли, но, поспешно покаявшись, вернулся к ней: — Какое же это жестокосердие? Проку от него никакого. Зачем только живет! Смерти ведь все равно не миновать... Да и что я могу сделать. Лучше всего не вспоминать о нем. Думать как о мертвом. В конце концов у него другой сын есть... Пусть позаботится об отце! А то все я да я. Не разорваться же мне! Великий Яс был хорош, когда у народа была своя жизнь. А сейчас он просто смешон. — И Кобек стал припоминать допотопные правила Яса: Не пригласил путника к столу — смерть. Путник не притронулся к еде — смерть. За неподчинение отцу или старшему брату — смерть. За первое воровство — отсекается одна рука, за второе — другая. За прелюбодеяние — смерть. За измену роду — смерть. За предательство в бою — смерть... — Ну нет, меня бы тогда давно уже на свете не было! Да и их всех! Кто же, спрашивается, был бы судьей? Нет на земле такого идеального человека! Отец за свою любовь к выпивке тоже достоин казни. Чего же тогда с ума сходить! — И Кобек решил поберечь себя: — Ерунда! Все в порядке!»

— Вчера был в Замоскворечье. На Новокузнецкой вышел, — тронул усики Шора, — а улочки кругом одна лучше другой. Большая Ордынка, Полянка, Большая Толмачевская... Полянка, насколько мне известно, называлась раньше Ногайской поляной, туда ногайцы скот доставляли, а на Большой Ордынке был Ногайский двор, а на Толмачевских, чтоб вы знали, жили переводчики.

— Надо же! — удивился Нурадин. — А я сколько туда езжу, не знал об этом. Интересно!

— Только и всего! — без особого энтузиазма отозвался Арагай.

— И чего это ты все ухмыляешься! — огрызнулся Шора.

— Не пойму, что во всем этом хорошего! Было и прошло. Никто теперь не называет эти улицы ногайскими. Ты, может, и знаешь, а мой приятель Бердяев, живя на Ордынке, и слышать об этом не слышал.

— Да это не приятелю твоему, а тебе надо знать — чтобы гордиться!

— Чем это, интересно? Что торговали лошадьми? — усмехнулся Арагай.

— Не только этим. А тем, может, что твои предки оставили след даже в столице!

— Меня это не греет. И потом, никто еще не доказал, что эти названия пошли от ногайцев, — возразил Арагай.

— Ну, конечно, если всем, как тебе, будет на все наплевать, никто этого и не узнает. Ты должен доказывать это. А у меня, кстати сказать, есть и документальные подтверждения.

— Не хочу я ничего доказывать. Ногайские эти названия или нет — неважно. Доказывают то, что нужно доказать.

— А чего мы тогда тут вместе сидим! — разозлился Шора. — Шел бы к своему Бердяеву!..

— Ладно! — остановил его Нурадин. — То, что ты говоришь, интересно, и это надо знать. Мы ведь должны чтить свою историю. Мне вон как было приятно, когда экскурсовод в Архангельском сказал, что Юсуповы — это ногайские князья! Сразу себя чувствуешь причастным к истории.

— К чужой истории, не нашей, — огорошил земляков Аратай.

— Почему же — к чужой? — возразил Нурадин. — Я считаю эту историю своей. Даже этот город считаю своим. Возьмите Архангельское или те улицы, о которых рассказал Шора, — все это наша история!

— Ты скажи об этом вот тем парням! — Аратай кивнул на столик, за которым сидел Альберт.

— А какой от этого прок? Они и своей-то истории толком не знают, а до нашей им вообще дела нет! — вставил слово Кобек.

— Вот это правильно, — подхватил Шора. — Этим все до лампочки. Лишь бы трястись по вечерам. Но им простительно. Только ведь и ученые есть, которым все до лампочки: тасуют факты, как им заблагорассудится. Как можно, например, столько лет молчать о том, что ногайцы больше двух веков боролись внутри самой Золотой орды и даже убили в конце концов последнего хана — Ахмата?! Всюду упоминается последняя стоянка Ахмата на Угре, а почему он повернул назад и что с ним случилось — никому неизвестно. Вернее, известно, но об этом не принято говорить. А между тем — это исторический факт. В результате этой борьбы рухнула деспотия!

— А что случилось с самими ногайцами! — махнул рукой Аратай.

— Это трагедия. Злой рок! — с досадой отвечал Шора.

— А может, это просто расплата за ту самую борьбу за самоопределение? Ведь правители Ногайской орды ничего не изменили в прежнем укладе. Они подхватили те же идеи, исповедовали тот же принцип государственного правления и больше века грызлись за власть, пока не довели народ до гибели, — сделал свое пояснение Кобек.

— А вот это верно! — радостно проговорил Аратай и протянул Кобеку руку.

Кобеку хотелось сказать, что он думает об этом регрессе, но, увидев, что Фейруз устало оперлась на руку, повернулся к ней и тихо спросил:

— Тебе, может, неинтересно? Ты устала?

— Ничего, ничего, говорите.

— Заказать чего-нибудь?

— Пожалуй, кофе, — тихо ответила Фейруз.

Заказали кофе, и официант моментально выполнил заказ. Мужчины пили вино. На столе уже стояла новая бутылка шампанского.

— Мы не заказывали, — сказал Нурадин.

— Это вам от Альберта, — ответил официант.

Альберт, улыбаясь, помахал им рукой. Кобек ответил на приветствие.

— И этому у нас научились, — недовольно сказал Шора.

— Надо ответить, — решил Кобек и, достав из кармана десятку, протянул официанту.

— Ну, зачем же так, Кобек, — пытался остановить его Нурадин, — мы вас пригласили за стол, мы и платим.

— Неважно, — отмахнулся Кобек и попросил официанта принести Альберту шампанского.

После долгого антракта на сцену вышли музыканты. Призывно зазвучали электрогитары, к микрофону подошел все тот же смуглолицый солист с черными, как у барашка, волосами. Пел что-то очень зарубежное. Молодежь ломилась в танцевальный круг. Альберт с друзьями подошел к столу, где сидели одни девушки, и потащил их танцевать.

— Пойдем и мы попрыгаем, — сказал Нурадин и пошел приглашать какую-то «бальзаковскую» женщину.

Шора и Аратай старались не отстать — пригласить есть кого.

— Может, и мы потанцуем, — нерешительно предложил Кобек, хотя танцевать не любил и не слишком надеялся на согласие Фейруз: ей это занятие тоже не по душе.

Фейруз, поднеся ко рту чашку, ответила улыбкой.

— Тебе не надоело все это? — спросила она, отодвигая чашку.

— Интересно все-таки побеседовать с земляками, — словно оправдываясь сказал Кобек.

— Разве ты не видишь, что они не беседовать сюда пришли! Я вообще не понимаю: ты хотел посидеть со мной или с ними?!

— Но что же делать — отсесть?

— Не знаю, но все получилось как-то не так.

— Ну, извини. В следующий раз все будет иначе, — Кобек признал себя виновным, хотя ему казалось, что это всего лишь очередная прихоть Фейруз.

Певец голосил что есть мочи. Конвульсивные движения танцоров становились все раскованнее: одни прыгали, как козы, другие трясли бедрами и вытягивали вверх руки. Парень в белом костюме, привлекая всеобщее внимание, выставлял таз и, как негритянский танцор, вращал ягодицами.

— Ну, и как тебе это? — улыбнулся Кобек.

— По-моему, неприлично, — поморщилась Фейруз и отвернулась к окну.

Кобек посмотрел на парня в белом костюме и вспомнил сцену в аэропорту, которую никак не мог забыть. Неподдалеку от стоянки такси стоял мужчина лет пятидесяти — с короткой стрижкой, широким лицом, нос у него был как картошка, глаза блаженно закатаны, как у молящегося, а волосатая рука, спустившая на глазах у всех штаны, блуждала в паху — он делал вид, что хочет помочь. Голые ноги и ягодицы были покрыты синяками — по-видимому, за такую странность ему не раз доставалось. Только здесь, на стоянке, к нему никто не подходил: мужчины делали вид, что ничего не замечают, женщины стыдливо отворачивались или прятались за спинами мужчин. Стоял он так долго, пока не подошли милиционеры, которые заставили его одеться и пройти в не столь отдаленное отделение...

Кобеку казалось, что парень в белом костюме точно так же, как тот сумасшедший, вот-вот спустит штаны.

Он представил себе эту картинку и, смутившись, повернулся к Фейруз. «Придет же такое в голову!» — он даже взмок от смущения.

— Наверное, нам лучше уйти, — попросила Фейруз.

— Да, сейчас придут земляки, попроцаемся и пойдем.

Кончился танец, но земляки не отходили от своих девушек. Только после следующего они вернулись за стол. На прощанье Кобек дал им свой адрес, записал их адреса и пообещал обязательно встретиться...

— Роман! — окликнул Кобека Альберт, когда они с Фейруз проходили мимо его столика.

Кобек ухмыльнулся, заслушав свой «псевдоним», и хотел было пройти мимо, но передумал и, остановившись, посмотрел на выходявшего из-за стола Альберта.

— Послушай, Роман. Неплохо бы нам познакомиться поближе! Где ты работаешь?

— Как тебе сказать! — удивился Кобек.

— Ну, а все-таки!

— Это не имеет значения.

— Сейчас, может, и не имеет, а потом...

— Нигде не работаю. А ты что, можешь устроить? У меня диплом архитектора.

— Диплом твой мне не нужен, а насчет работы могу помочь. Вот тебе телефон, позвони. — И он вытащил из кармана визитку. Позвони обязательно. Я действительно рад нашему знакомству. Люблю таких. А по роже я давно уже не получал!

Кобек пожал плечами и взял визитку. Они распрощались, и Кобек догнал Фейруз.

Одеваясь, Фейруз спросила:

— Зачем ты назвался другим именем?

— Да просто так. Чтобы не склоняли моего Кобека.

Фейруз, как и он, пожала плечами: а как еще можно было реагировать на поведение этого странного Альберта!

* * *

Через неделю после той встречи в ресторане к Кобеку заявился Шора. Квартиру к тому времени они уже почти обжили: накупили посуды, затолкали в холодильник продукты... Кобек часто звонил Альтаю, и однажды тот сообщил, что подобрал какой-то тройной обмен на подмосковный Электросталь, но за доплату, которую с них хотели взять, можно было, по его словам, поменяться и на столицу. Кобек и Фейруз решили подождать...

Шора принес бутылку вина. Хозяевам хотелось принять его в комнате, но Настасья Филипповна запротестовала: на то, сказала, и кухня, чтобы в ней принимать гостей. Пришлось и ее пригласить. На этот раз Кобек не помогал Фейруз, боялся, что земляк осудит его за то, что он лезет в женские дела. Для хозяйки Кобек был

Колей, так она его и называла. Кобек поначалу смутился, но, заметив, что у Шоры нет на этот счет никаких замечаний, решил, что так и должно быть.

Фейруз поджарила баранину, поставила на стол фрукты — и наши, и заморские, сделала чесночный тузлук. Когда все было готово, она отошла от стола.

— Может, сядешь? — не слишком настойчиво пригласил Кобек.

— Нет-нет, вы сидите, а у меня еще дела, — сказала Фейруз и начала мыть посуду.

Тогда Настасья Филипповна решительно встала, закрыла кран и насильно усадила ее рядом с собой.

— Вы, Коля, эти свои порядки бросьте! — прикрикнула она и поставила перед Фейруз фужер и тарелку.

— Но я действительно не хочу, Настасья Филипповна! Причем здесь они! — взмолилась Фейруз.

— Ничего, ничего, посидишь, приучайся к нашим порядкам. А то, вишь, расселись! Мужики! — прогрохотала Настасья Филипповна.

— По нашим обычаям, женщины не сидят с мужчинами за одним столом, — осторожно сказал Шора.

— А чего же тогда меня зовете? — возмутилась Настасья Филипповна.

— Но вы же не придерживаетесь наших обычаев, — объяснил Шора.

— Вот что я вам скажу, мужики, — не мудрите! Ваши обычаи — там, — она махнула рукой в сторону чего-то, о чем и знать не знала. — А наши — здесь. И я тебе, Коля, уже говорила, — она обратилась к Кобеку: такой красавице, как твоя жена, надо руки целовать!

— Ну, хорошо, Настасья Филипповна, хорошо. Только руки у нас не принято целовать, — спокойно ответил Кобек.

— Не принято! — передразнила Настасья Филипповна и, повернувшись к Фейруз, ласково сказала: — А ты пей-ешь, милая, не смотри на них!

— Обработает она твою жену! — шепнул по-ногайски Шора.

Кобек махнул рукой: пусть, мол, не обращай внимания.

— Что это он там лопочет? — не прошла мимо факта Настасья Филипповна.

— Ничего плохого, — обронила молчавшая до сей поры Фейруз и состроила мину, означавшую, что назойливые приставаания хозяйки ей наскучили.

Беседа за столом не клеилась — без конца приходилось отражать наскоки Настасьи Филипповны. Мужчины, чтобы отвязаться от нее, произносили дежурные тосты и старались, чтобы она побольше пила и ела. Фейруз, несмотря на уговоры Настасьи Филипповны, вина не пила — лишь притрагивалась к рюмке губами.

Так, ни о чем и не переговорив, Шора собрался уходить. Кобек пошел его проводить. На улице было ветрено, асфальт, как каток. Кобек и Шора, прижавшись друг к другу, чтобы не упасть, брели к метро. Мимо них проносились машины, повизгивали тормоза. Прохожие, торопясь кто куда, обгоняли земляков. Было так темно, и не верилось, что фонари зажжены. Дома с подсвеченными окнами казались мозаикой.

— И где вы только такую хозяйку откопали? Даже поговорить не дала! — возмущался Шора.

— Надо же было где-то приткнуться. Мы очень долго не могли квартиру найти. А Настасья Филипповна, вполне возможно, и неплохая женщина, — неопределенно проговорил Кобек.

— Неплохая? — удивился Шора. — Тебя вон уже перекрестила! За жену теперь принялась, все уламывает. А вы, как я вижу, на все согласны. Стойкость нужна, Кобек. За обычаи надо крепко держаться. А то сегодня в одном уступишь, завтра — в другом. Так и совсем себя потеряешь. И жена того и гляди на себя не будет похожа — толкнет ее эта «неплохая» на что-нибудь!

— На что это? — спросил Кобек.

— Ну, свернет ей мозги: станет, как и все, эмансипированная.

— Да Фейруз и без нее такая.

— Вот как! И это, что же, хорошо?

— А что тут плохого? Наши обычаи во многом унижают женщину! — Кобек, конечно же, думал иначе, ведь он и сам считал себя ретроградом. Охваченный страстью, он все еще не знал Фейруз — не видел ясно ни их

настоящего, ни, тем более, будущего. Но с недавних пор он стал лучше представлять себе будущую семейную жизнь — Фейруз всегда была рядом, и он уже не мог тешить себя иллюзиями.

— Я не собираюсь спорить с тобой, — резко проговорил Шора. — Но моя мать никогда не садилась за один стол ни с мужем, ни с другими мужчинами. Жена-хозяйка в доме, хранительница нравственности — от нее ведь и воспитание детей зависит. А чему, ты уж не сердись на меня, научит их женщина, которая пьет и курит, да еще и гуляет, чего доброго? Эмансипация, как я заметил, равняет мужчину и женщину не только в хорошем, но и в плохом. Когда мужчина много себе позволяет — еще ничего, но если женщина!..

— Ты все о крайностях, — возразил Кобек, стараясь унять угнетавшее его раздражение, ведь в глубине души он знал, что Фейруз во многом похожа на него: и мысли у нее те же, и страстишки... И оттого, что ему совсем не хотелось представлять ее такой, разговор с Шорой, да и он сам, стал ему неприятен.

Каждый из них остался при своем мнении, и Кобеку было тяжело от соседства с неединомышленником. «Умник нашелся!» — негодовал он.

— Нурадин сказал, что вы собираетесь обменяться на столицу. Как бы это не затянулось! — сочувственно сказал Шора.

— Вполне возможно. Придется, наверное, искать хотя бы временную работу.

— По специальности ты, кажется, архитектор?

— Да, хотя в последнее время работал в обществе по охране памятников...

— О-о, да мы с тобой почти коллеги! — обрадовался Шора и неожиданно спросил: — А дети у тебя есть?

— Две дочери от первой жены, ведь с Фейруз мы сошлись недавно. Она социолог по специальности.

— Так это у тебя вторая жена... — задумчиво произнес Шора. — Гуманитариям здесь трудно устроиться — очень уж много нашего брата в столице... Толковых почти нет, но и спрос на них еще меньше... Кому нужны компетентные историки?!

— А ты мечтаешь о научной работе? — Кобек готов был говорить о чем угодно, только не о семье и не о себе самом.

— А кто же о ней не мечтает! Я даже уже написал кое-что! — гордо сказал Шора.

— О чем это, если не секрет? — спросил Кобек, заглядывая в лицо «историографа».

— Мой автореферат называется «О связях Ногай с Византией».

— Ого! — удивился Кобек.

— Да-да. История сохранила интересные факты о Ногае. Он ведь был женат на дочери византийского царя Михаила Палеолога, на Ефросинье. Византия таким образом заключила союз с первым ногайским государством. Первым, как ты понимаешь, после падения кипчакских ханств. Благодаря этому союзу Византия просуществовала еще одно столетие, ведь сельджуки могли захватить Константинополь еще в тринадцатом веке.

Кобека все это должно было бы интересовать, но у Шоры был такой глубокомысленный вид, что хотелось ему противоречить: не может же один человек быть во всем прав! Кобек вдруг вспомнил, что в ресторане Шора ему понравился, а Аратай, возражавший ему, — нет. Однако теперь ему захотелось стать Аратаем.

— Вот скажи мне, Шора, в чем же это трагедия ногайского народа, о которой ты говоришь?

— В чем трагедия? — задумался Шора. — Тут много факторов, — словно по-писаному, стал говорить он. — Согласно марксистской теории, это многовековой экономический застой. Если у развивающихся народов возникли какие-то сложные экономические отношения, то у ногайцев экономика стояла на месте. Степным владикам выгодно было выращивать скот, особенно лошадей — в них очень нуждалась армия. Лошадь была самой выгодной статьей дохода. Как японский автомобиль, заполнивший сегодня все рынки мира. Ремесла в городах зачахли ими занимались только чужеземцы. А поскольку все силы были отданы коневодству, хирело и земледелие, без которого никакая экономика не обходится. Ни централизовать власть, ни укрепить веру в условиях обособленности было невозможно. Чтобы сохранить государствен-

ность, потребовалось бы крепостничество — народ хотели заставить жить оседло. Но степная вольница была признана грозной силой и соседние государства из боязни заключали с ней союзы. Вот эта-то вера в свою исключительность и погубила ногайские государства. Фанатизм заменил религию: «Если нет согласия народы воюют». Ногайцы никогда не сдавались в плен. В самые тяжелые моменты женщины, оторвав детей от груди, бросали их в воду и садились на коней, чтобы идти в бой. Но одно дело — воевать с внешним врагом, и совсем другое — служить наемниками: известно, что целые династии ногайских, или, как их называли кипчакских — воинов сражались в Египте, о ногайских дружинах помнят и в казахских степях, ногайцы, начиная с Ливонской, участвовали почти во всех войнах Российской империи, крымские ханы во все времена обращались к ногайцам за военной помощью, турки подбросили нам идею переселения только затем, чтобы военная сила обходилась им дешевле... Внутренние распри, бесконечные войны, переселения и ассимиляция попросту извели многочисленный народ... — Шора замолчал.

Незаметно они дошли до цели.

— Давай отойдем, — и Шора увлек Кобека под какую-то мокрую крышу.

— Сведения о ногайцах сохранили почти все народы, писавшие свою историю. Есть они и в фольклоре соседних народов, — продолжил Шора. — Чтобы написать историю нашего народа, потребуется масса людей. Один человек не в силах этого сделать. Голова идет кругом от одних этих распрей: брат воюет с братом; сын с отцом, дядя с племянником — и это не единичные случаи. Если бы была установлена одна мусульманская вера — консервативная она или нет, я не знаю — всего этого не было бы. Но ногайцы никогда не были истинными мусульманами. Им, по сути дела, была близка только одна религиозная идея — идея фатальности. «Никогда вас не постигнет то, чего не начертает Аллах!» — все безумства от этого. Сам знаешь нашу пословицу: «Сколько бы ни продолжалась резня, кому на роду написано жить, будет жить, а кто должен умереть — умрет...» Задумываться о будущем не приходилось — все решалось само собой!.. — Было

похоже, что лекция Шоры подошла к концу.

— И оставили нам предки только горечь и отчаяние. А может, лучше и не знать своей истории? Ведь ничего хорошего она нам не несет, а? — Кобек понимал, что противоречит самому себе и отвергает собственные идеи.

— Ну, нет! — возразил Шора. — Мы должны знать свою историю. Народ-то не умер, живы и его язык, и его обычаи. Вон какой эпос нам достался. Знай его наши правители, с народом, возможно, и не случилось бы того, что случилось. А средневековая поэзия с ее высотой духа! Нет-нет, любая история — это опыт, который во всех случаях нужно учитывать: чему-то — подражать, от чего-то отказываться...

— А мне кажется, что вся эта история — история королей пустыни! — Слова эти прозвучали уверенно, ведь Кобек много думал обо всем этом, когда, придя на работу в общество охраны, стал знакомиться с историческими материалами.

— Это ты хорошо сказал. Таких королей пустыни и сейчас немало. Все эти милитаристы, реваншисты — те же короли пустыни. Насладиться сегодняшним днем, а потом — хоть потоп. Но из нашей истории надо извлечь факты, которые могли бы возродить наш народ...

— А я, если хочешь знать, не вижу в ней никого, кроме королей пустыни. И, по-моему, вполне справедливо, что все эти Эдиге, Исмаилбии, Ямгурчи, Иштереки, Ибаки или Казьи с Ораками преданы забвению. Если бы не они, ногайцев сейчас было бы столько, что хватило бы на целое государство. Уничтожили друг друга, как какие-нибудь самыры, — дрожа от негодования, Кобек сказал то, о чем и самому себе боялся признаться, ведь и он, как Шора, идеализировал прошлое.

— Как кто, я не понял? — переспросил Шора.

— Как самыры — представители древней цивилизации, — ответил Кобек.

— Я ничего не слышал об этом. Ведь самыры — это, по-моему, охотничьи собаки.

— Ты ошибаешься, крылатые.

— Так что это за цивилизация крылатых собак? Собака была тотемом у ногайцев? — затаив дыхание, спросил Шора.

Кобек улыбнулся и, подумав, ответил;

— Сейчас я не могу тебе всего рассказать. Боюсь выбросить свои открытия на информационный рынок — тогда о самырах будут говорить как о летающих тарелках или прочих чудесах.

— Как знаешь. Но мне это было бы очень интересно! Думаю, что и помочь тебе — в моих силах, — сникшим голосом добавил Шора.

— Я давно уже написал об этом. Придумал даже особый шифр, чтобы никто, кроме меня, не смог прочитывать текст...

— Ну, ты даешь, Кобек! Шифр, научный труд! А я-то думал, что ты человек без причуд. А тут работа о какой-то неведомой никому цивилизации! У тебя, похоже, непростая жизнь! А в общем-то, я бы хотел, чтобы кто-нибудь из нас — ногайцев — сделал великое открытие и чтобы его имя прогремело на весь мир. Представляешь, ногайские Эйнштейн или Ньютон, Архимед или... Да мало ли... А разве не здорово было бы, если бы у ногайцев был свой, известный на весь мир, писатель! Или композитор, архитектор!.. — Идей на этот счет у Шоры было, по-видимому, предостаточно.

— Я тоже об этом думал. Может быть, потому и писал свою работу...

— У тебя, как видно, тоже претензии на гениальность, — но подшучивал он, как видно, над самим собой.

— Значит, и у тебя они есть? — усмехнулся в ответ Кобек.

— Конечно, это, наверное, черта всех малых народов. Каждый ее представитель мечтает о самоутверждении...

— Что верно, то верно, — согласился Кобек, — я слышал, как одна девица, у которой был кое-какой голосок, увидев по телевизору знаменитую звезду, сказала: «Все бы сделала, чтобы меня показали по телевизору — пусть хоть в уголовной хронике!» Каково, а? А другой мой знакомый своего сына сделал соучастником преступления, чтобы его имя попало в газету. — Кобек старался не вспоминать про Дуче, но уж тут-то без него не обошлось: яркий пример! Только вот что от этого нам — их соотечественникам! — Кобек пожал плечами.

— Но я говорю не о какой-то посредственности. Разве малые народы не богаты талантами!.. Но талант в тени гибнет. У нас просто нет сил возвысить его до мировой величины. А если бы кто-то прогремел на весь мир, как, например, Маркес или Чаплин?.. Ведь целый народ будет выше держать голову, если у него объявятся такие звезды!..

— Фактически, — перебил его Кобек, — малые народы похожи, как заметил один японский писатель, на дефективных детей. Вместо того чтобы нормально жить, мы занимаемся игрой в национальные традиции. А кто мы такие? И чем мы лучше каких-то там вавилонцев или римлян, давно исчезнувших с лица земли? Мы — всего лишь горстка людей, которая поместится на одном стадионе, вместе со всеми своими бабушками и праправнуками. Нам нет спасения. И никакие искусственные образования резервации, автономии или общины — делу не помогут. — Кобек всегда гасил эти мысли, но сейчас ему хотелось противоречить этому правильнику — Шоре.

— Вон как ты заговорил! — сдержанно, но с угрозой проговорил Шора и, помолчав, добавил: — Никаких америк ты не открываешь. К сожалению, не ты один так рассуждаешь. Араатай, с которым ты немного знаком, думает точно так же. Но такие рассуждения толкают нас к безверию, а значит, и к бездуховности. Не зная собственной культуры, не узнаешь и других. Потеряв себя, останешься в пустоте. Надо держаться за свои корни. Без родника, который питает тебя всю жизнь, не проживешь.

— Но ведь искусственны все эти старания! В век технического прогресса, когда цивилизованные народы устраивают свое будущее за счет индустрии, мы — как цветы в горшках. Если за нами не будут ухаживать, мы зачахнем! — Кобек горестно усмехнулся и взглянул на Шору.

Подул холодный ветер. Шора поднял воротник, спасаясь и от этого ветра, и от этих тревог: неплохо было бы найти достойный ответ, но он, как ни старался, не находил его. Устав ждать, Кобек посмотрел в сторону, на пробегавших мимо людей... По снежной дороге мчались в обе стороны машины; мигали огни...

— Мы даже велосипедный завод не в силах построить!.. А народ, который хочет иметь будущее, должен иметь и материальные, и духовные богатства... Необходимо, как ты понимаешь, и целостность территории, и живой язык... — Кобеку захотелось добить своего собеседника...

— Мы живем в стране, где национальная политика строится иначе. Экономика ведь интернациональна, и мы можем гордиться не только велосипедными заводами, но и ракетами, и гидростанциями... Главное для нас — сохранить язык и обычаи...

— Ну, сохраним мы язык! Только ведь ногайцу не обойтись без знания государственного! Мы вот сейчас разойдемся и забудем о родном языке. Точно так же в областном центре, да и в аулах то же: в школе и учреждениях ногайский язык не требуется, есть даже дома, где не говорят по-ногайски. О традициях я уже не говорю. О них только недавно кто-то вспомнил. А большинство из них похоронено еще до войны...

— Все это так! — оборвал его Шора. — Но необходимо бороться и за язык, и за обычаи. Иначе народ деградирует, а наша деградация всем во вред: и нам самим, и государству. Кому, скажи, нужны падшие люди; от них ведь одно святотатство. Тот, кто разрушил собственную культуру, не пощадит и чужой: развеет все по ветру, и поминай как звали... Разве этому мало доказательств!..

— Ты, конечно, прав, но меня возмущает, что мы, как в дешевом балагане, облачаемся в свои национальные одежды и поем песни, которые уже никто не помнит. Существуют ведь мировые образцы! Когда я понял, что не смогу стать Нимейером, я поменял профессию. А почему, ты думаешь, не смог? Да потому, что оторвался от родных корней, чувство неуверенности не дает сосредоточиться, уводит от творчества... Единственное, что я мог бы создать, это какой-нибудь современный сарай из стекла и бетона! Тогда я почувствовал, что надо искать свои корни, но где они!.. И так ли уж необходима связь с прошлым, если это прошлое — не созидательное, а разрушительное... Я уверен в этом...

— Ты просто не разобрался! — перебил его Шора. — Никогда еще наше воображение не было так реально!

— Возможно, — согласился Кобек. — Это и мне приходило в голову. Зерно, попавшее в землю, не погибает, а дает новые всходы. Может, и так. Но я этого не чувствую. Я, ты знаешь, пришел к самой простой философии. Хочу любить женщину, хочу иметь детей и воспитывать их так, чтобы они не знали моих мытарств.

— Bravo! Такое решение тоже во благо народу. Но как же твой труд о самырах?

— Наверное, он не ко времени. Очень уж много такого, чего я не могу объяснить: к тому прошлому не так-то просто подобраться. Но я не собираюсь бросать эту работу, ведь сомнений в самой идее у меня нет. Шифр узнают мои дети, а может, и дети моих детей... Они, возможно, продолжают эту работу...

— Славу Аллаху! — облегченно вздохнул Шора. — А я уж думал, что ты совсем пропащий. Забота о детях всегда отличала наш народ. У нас всегда были большие семьи и родители всегда жили ради детей. Аперим¹ — слава тебе! — похвалил Шора.

Через какое-то время они простились.

Кобек смотрел, как уплывает на эскалаторе последний романтик, и ему захотелось сравнить его с каким-нибудь историческим лицом. Шора, воспетый в знаменитой песне, мало походил на этого Шору. И Кобеку вдруг привиделся дервиш, проповедующий веру шайтанам и дьяволам.

«Трагическая фигура, — подумал он. — А что это я вдруг заговорил о детях! — упрекнул он себя. — Очень может быть, что они вырастут такими же, как я, и я прокляну их, как отец когда-то проклял меня самого. Почему же я подумал о наследнике? Наверное, это единственное утешение для невольника — обреченному на смерть, как и зерну, хочется дать живые всходы!» — Он не был уверен в правильности ответа, но тревога утихла.

Поднявшись на пятый этаж, он остановился перед своей дверью.

«Кажется, я превращаюсь в ничто! Удивительно! Но откуда взялось это ощущение?»

И, словно отвечая на этот вопрос, Фейруз встретила его холодным, пустым взглядом.

Звонок из будущего

Неожиданно к Кобеку пришло ощущение, что жить за счет Фейруз несколько стыдно. Сама она никогда не говорила о деньгах, да и что, собственно, она могла сказать — ее раскрытый кошелек всегда был к его услугам. Кобек легко брал деньги, не сомневаясь, что они предназначены для семейных расходов.

В этом, как он скоро понял, и была его ошибка.

Однажды они с Фейруз зашли в магазин и увидели, что в меховом отделе продают заячьи шапки. Фейруз, завидев очередь, сама предложила:

— Может, купим тебе шапку? Эта твоя кепка не по сезону. — И она посмотрела на Кобека сверху вниз, как незнакомая женщина на непутевого подростка.

Сама Фейруз была в каракулевой шубе и белом платке из козьего пуха.

Вот тогда-то Кобек и подумал о деньгах. «А как бы мы жили, интересно, если бы у Фейруз не было этих денег? — Уже два месяца он сидит на ее шее, но пристыдил себя впервые: — Присосался, как теленок к дойной корове!..»

— Не нужна мне эта шапка, — сказал он с вполне понятным сожалением.

Но и тогда, когда они уже вышли из магазина, чувство неловкости не проходило: ему было стыдно смотреть на Фейруз...

Протекли дни и недели, а от Альтая не было никаких вестей. Занятый своими мыслями, Кобек перестал вникать в эти дела и перепоручил их Фейруз. Поскольку денег у него не было, он не мог пригласить ее ни в кино, ни в кафе. Утром он помогал Фейруз готовить, днем читал книги и журналы, которые находил у хозяйки, а вечером все они подсаживались к телевизору. Все трое, а может, и четверо.

Мишку ведь нельзя было исключить! — жили предвкушением интересной телевизионной программы. И снова самым интересным оказывался фильм о любви или детектив.

После обеда они выходили на прогулку, и Мишка часто увязывался за ними. Фокстерьер просто жить не мог без Фейруз: дома не отходил от нее ни на шаг, где бы она ни была, в кухне или в комнате, осторожно подходил к ней и терся об ее ноги. Когда Фейруз уходила в магазин, собака не находила себе места и до самого ее возвращения стояла у дверей. Приближение Фейруз он чувствовал с того момента, когда она входила в подъезд; тогда она начинала подпрыгивать и скрести дверь лапой. Гуляя они в небольшом парке напротив дома. Мишка очень радовался этим прогулкам. Такой же радостной становилась и Фейруз, они оба казались детьми, вырвавшимися на свободу. Во время этих прогулок Кобек чувствовал себя лишним и уныло наблюдал за их забавами.

О деньгах он все же сказал Фейруз.

— Ты не думаешь, что мне надо устроиться на какую-нибудь работу? — начал он.

— На человека, горящего желанием работать, ты не похож. И где, спрашивается, ты будешь работать? Не понимаю, к чему ты клонишь?

— Неудобно как-то жить на твои деньги, — виновато проговорил он.

Фейруз нахмурилась.

— Дело совсем не в деньгах, Кобек. И ты это прекрасно знаешь. У меня ощущение, что эта неопределенность длится уже вечность, — раздраженно сказала она.

— Но ведь этот переезд мы затеяли из-за тебя.

— Да, из-за меня. Но ты ведь мужчина, придумай что-нибудь, ходи за этим Альтаем по пятам, торопи его... Мы сейчас живем как русские дворяне в Париже. — Говоря это, Фейруз с каким-то отчуждением смотрела на Кобека.

И Кобеку не первый уже раз показалось, что Фейруз замахивается на его свободу. Это и раньше, и теперь казалось ему несправедливым. По ночам вглядываясь в ее лицо, что уже давно стало привычкой, он заметил, что все ее мысли заняты собой. А он, забывая о себе, старался во всем угодить ей. В последний момент Фейруз словно погружалась в свой мир, создавая какую-то осмысленную и только ей понятную тишину тогда Кобек, казалось, переставал для нее существовать. «Что же это за рабс-

кая угодливость! — укорял он себя. Не в услужении же я! Нет и еще раз нет! Я не согласен быть рабом женщины, кто бы она ни была!» Но, увидев мирно спавшую Фейруз, он с нежностью думал, что делать женщину счастливой не такой уж позор...

Теперь же, поймав на себе ее отчужденный и надменный взгляд, он снова взбунтовался. «Она посмотрела так, как будто я мальчик на побегушках! — Внезапно ему стало ясно, что, почувствовав себя иждивенцем, он стал угодничать перед Фейруз. — Зачем, спрашивается, надо было стирать и мыть полы? — возмутился он. — И ведь не только свои вещи стирал, но и ее: посмеялся над собой, превратил все в шутку и... выстирал — такой, мол, я великодушный...»

— Ты права, я сегодня же поеду и поговорю с Альтаем, хотя он, насколько я помню, велел ждать, — согласился Кобек.

— Ну, сколько же можно ждать? — Фейруз прошла в комнату Настасьи Филипповны, где ее встретил радостно заскуливший Мишка. — Мишка и то понятливей! — услышал Кобек сорвавшиеся с ее губ слова.

Кобек почувствовал боль в сердце: по-видимому, там находилось его самолюбие. Он быстро направился к Фейруз и внезапно остановился как вкопанный. Обхватив руками голову фокстерьера, она приговаривала: — Мой милый, мой умный, мой дорогой! — и целовала пса в черный нос.

— Все понятно! — многозначительно произнес Кобек.

— А что? — улыбнулась в ответ Фейруз. — Он и вправду хороший и умный! Он и вправду такой!

* * *

С бородой Кобек стал выглядеть интеллигентнее. Столичным жителям нравилась новая мода, следовали ей и ученые, и писатели: на кого ни посмотришь — все с бородой. У Кобека она была окладистой и рыжей. Фейруз не придавала ей никакого значения, но зато Настасья Филипповна просто проходу ему не давала: била в ладоши, перевозносила на все лады, дотрагивалась до бороды рукой...

— Ну, ты даешь, Коля! Настоящий купец! Только борки не хватает! — восклицала она.

А с Альтаем Кобек встретился у входа в метро. Приметив его бороду, Алтай сказал «ого!» и выставил большой палец.

— Вот теперь ты похож на настоящего архитектора!

Разговаривать на ходу было неудобно, хотя Кобек мог бы и так, и Алтай стал прикидывать варианты.

— Домой я тебя пригласить не могу: зачем жене знать всех моих знакомых! Может, поедем тут к одной, это недалеко?

— Мне все равно, — ответил Кобек.

— Значит, решено, там и поговорим. — И Алтай повел Кобека за собой.

Знакомую Альтая звали Людой. Привлекательная особа: небольшого роста, с гладкими соломенными волосами, ямочки на щеках...

А встретила она их как самых дорогих гостей, на лице изобразила радостное изумление и даже руками всплеснула.

— Радость-то какая! К нам гости! — крикнула она кому-то.

Из комнаты вышла пожилая женщина, ее мать, и тоже всплеснула руками:

— Ой-ой-ой! Ни как Алик! — улыбнулась она.

— Здравствуйте, Вера Степановна! — поприветствовал ее Алик и, посмотрев на Люду, добавил: — Я же вчера сказал тебе, что зайду.

— Ну, конечно, как это я забыла! — пропела Люда и провела гостей в кухню.

Стол был накрыт на троих. «Ага, — смекнул Кобек, — к его приходу готовились».

— А это мой земляк. Архитектор. Его зовут Кобек, — сказал Алтай, садясь за стол.

Кобек учтиво склонил голову.

Люда, подойдя к нему, взяла его за руку и усадила рядом с матерью на небольшой диванчик.

— Чувствуйте себя как дома, — сказала она.

— Мы Алика очень любим, а значит, и его друзей, — торжественно проговорила Вера Степановна.

— Только вот Алик не очень-то балует нас своими посещениями, — с хитрящей улыбкой сказала Люда.

— Я же говорил уже, что был в двухмесячной командировке в Казахстане. — Глаза Альтая стали такими правдивыми, что его трудно было узнать.

— Знаем мы ваши командировки! — весело проговорила Люда и, обняв Альтая за шею, заглянула в глаза: — Что будем пить?

— Сама знаешь, — недовольно пробурчал Альтай.

Люда резко поднялась и, открыв холодильник, достала бутылку «столичной».

— А вы что пьете? — спросила девушка, томно взглянув на Кобека.

— Ты все-таки не очень! — строго сказал Альтай, заметив ее взгляд.

— Ревнуешь? — усмехнулась она и серьезно взглянула на Кобека: — Ну, так что же?

— Да то же, что и все, — ответил Кобек.

— Ну, и прекрасно. — Люда подала салат и отварное мясо, посыпанное зеленью.

Альтай заделался тамадой. Посыпались тосты. Сначала выпили за радостную встречу. Потом — за каждого из присутствовавших. Альтай не скупился на похвалы.

— Давайте выпьем за нашего талантливоего архитектора! Чтобы осуществились все его замыслы и чтобы мы, проходя мимо зданий, которые он построил, могли бы сказать: «Мы знаем этого архитектора!» Давайте выпьем за то, чтобы исполнились все желания нашего Кобека! Если он будет счастлив, то и нам, наверное, что-нибудь перепадет!

Последний тост Альтай поднял за себя.

— Перед вами сидит скромный советский служащий. Его любящее сердце бьется только для вас. Выпьем же за это сердце! И, конечно же, за сердца его друзей, которые бьются так же горячо!

— Ну, и болтун! — добродушно проговорила Вера Степановна и, пригубив вино, поставила рюмку на стол. Она не пила, но Альтай требовал, чтобы она, хотя бы символически, участвовала в застолье.

— Bravo! — радостно прокричала Люда и выпила до дна.

На кофе Вера Степановна не осталась и, разрешив всем курить, удалилась в свою комнату. Как только она вышла, дочь потянула Альтая на диванчик, села к нему на колени, зажгла сигарету сначала ему, потом — себе...

Затянувшись, она пустила дым — а может быть, фимиами? — покругиться вокруг головы Альтая.

— Ах ты мой драгоценный! — проворковала она и поцеловала Альтая в лоб.

Включившись в эту игру, Альтай сомкнул глаза: райское блаженство!

— Мать сегодня идет на дежурство! — многозначительно проговорила Люда.

— Ты уже говорила, — растягивая слова, ответил Альтай.

— Ну, так как же? — Она обхватила руками его голову.

— Я приду вечером. А сейчас дай нам с Кобеком поговорить.

Люда встала, не выпуская изо рта сигарету, и поставила кофе на плиту.

— Вы разговаривайте, а я пока со стола уберу, — сказала она.

— Нам надо ускорить это дело! — нетерпеливо проговорил Кобек.

Альтай понимающе мотнул головой и проникательно взглянул на Кобека.

— Сам понимаешь, трудно без работы, без крыши над головой. Месяц в гостинице, уже второй — на частной квартире. Деньги, отложенные на обмен, начали таять. Помоги нам! — Кобеку хотелось создать образную картину, чтобы Альтай расчувствовался, но все получилось как-то слишком прозаично и должного эффекта он не достиг.

— Говори, говори, Кобек, — качая головой, поощрил его Альтай.

— Да у меня вроде все... — удивился Кобек.

Возникла пауза. Альтай думал — долго и мучительно и наконец, взглянув на земляка, сказал:

— Я думаю, Кобек, что ты рассуждаешь как младенец.

— Почему же? — удивился тот.

— Ну, сам подумай: разве находят такой обмен на блюдечке с каемочкой?

— Но ты же обещал нам помочь. От доплаты мы не отказываемся.

— Обещал помочь!.. — передразнил его Алтай. — А кто я такой? Я, что, бог! — он ткнул себя пальцем в грудь.

— Ты — земляк!

— Земляк! — Он даже ахнул.

— Ну, хорошо, давай откровенно! — потребовал Кобек.

— Давай! — согласился Алтай и придвинулся к Кобеку. — Вы меняете свою трехкомнатную на равноценную или на двухкомнатную. Я сказал, что для доплаты нужен кусок. Эта тысяча, как ты говоришь, у вас есть. Но не будь же ребенком! Земляк тоже человек!

— Надо и его подмазать, — вступила в разговор Люда.

— А ты не лезь, куда не просят! — оборвал ее Алтай и ласково взглянул на Кобека. — Хотя, в общем-то, она права! Права! Ведь это, что ни говори, работа! — И он поднял вверх указательный палец.

— Сколько же эта работа стоит?

— Не знаю, во сколько ты ее оцениваешь! Из ваших возможностей! Мне это, честно говоря, интересно было бы знать.

— Я тебе сразу не отвечу. Надо посоветоваться с женой.

— Так посоветуйся! — Алтай, как всегда, был великодушен.

— Но ты хотя бы примерно скажи, сколько это будет стоить.

— Обычно я беру деньги вперед, но вам — землякам — я доверяю. (В слове «вам» Кобеку послышалась издевка, и он удивился.) — Мне тоже нужен кусок! — И Алтай снова погрузился в раздумье.

— Это много. Таких денег у нас просто нет.

— Тогда полкуса. Пятьсот! — твердо проговорил Алтай.

«Ну и подлец!» — подумал Кобек и представил себе, как ко всему этому отнесется Фейруз: да точно так же и отнесется!

— Думай, думай! — поторопил его Алтай.

— А что мне думать! Не посоветовавшись с женой, я тебе все равно ничего не скажу.

— Так советуйся. Если согласитесь, то через неделю, от силы — две я назову вам район, в котором вы поселились. Деньги отдадите мне, а, я прокачусь по трем городам, где делают такие обмены, и доставлю вам ордер. Понятно?

— Понятно. Я поговорю с женой. — Кобек стоял на своем.

— Все! — хлопнул себя по колену Алтай. — К этому больше не возвращаемся.

— Кофе готов, — сказала Люда.

— Давай.

— А может, твоим детям фирменные кроссовки нужны? Есть еще итальянские джинсы сорокового размера!

— Покажи! — небрежно проговорил Алтай. Девушка разлила кофе и принесла из соседней комнаты бельевую сумку. Джинсы она разложила на коленях, а коробку с кроссовками поставила на стол. Алтай сначала изучил джинсы: хороша ли ткань, подлинна ли этикетка, потом точно так же кроссовки...

— Тридцать девятое, — Люда поторопилась назвать размер.

— Вижу. Моего Арсена размер. — Товар Алтай разглядывал заинтересованно. — Сколько же за все?

— Недорого.

— Не темни.

— За джинсы — сотник. А за кроссовки — полтинник.

— Ну, и загнула! — поразился Алтай. — Вещи-то ведь детские!

— Ну, и что! Я в «детском мире» за каждой по три часа стояла! — сверля его глазами, проговорила Люда.

— Стоит это все раза в два меньше. И эта сумма равна твоему заработку за полмесяца, а ты всего шесть часиков в очереди отстояла!

— Не хочешь — не бери! Я ему как другу, а он!.. — возмутилась Люда и потянула вещички на себя.

— Постой! — Алтай отбросил ее руку и строго приказал: — Принеси-ка телефон, я позвоню, спрошу.

— Алле! Лапонька, это я, — деловито проговорил Алтай. — Тут у нас, в институте, для Арсена вещи принесли... Джинсы, кроссовки... Сколько? Все вместе — сто пятьдесят... Дорого?. Ну, так что? Брать или нет? Давай,

лапа, не будем мелочиться! Я беру. Да, сегодня я задержусь, тут к нам комиссия прибыла, а гостей ублажать надо. Целую! — Алтай положил трубку. — Беру. Заверни все вместе.

— Никак не пойму, Алик, в каком институте ты работаешь? — засмеялась Люда.

— А тебе это так нужно! — возмутился Алтай. — Значит, так, Люда. К шести я подъеду. А пока мы с Кобеком пойдем. У меня еще есть дела.

В этот день Алтай свозил Кобека еще на две квартиры. В одной, которую Алтай открыл своим ключом, никого не было, но это его не смутило, как и всюду, он чувствовал себя здесь хозяином. Открыв холодильник, он вытащил водку, и они с Кобеком выпили. После этого он позвонил хозяйке, что заезжал по делу и что сможет позвонить ей только вечером. Выйдя на улицу, они поймали такси и поехали в другой конец города. В этой (второй по счету!) квартире их встретила молодая особа, брюнетка с синими глазами. Кобек вскоре узнал, что ее зовут Эльмира и что она живет с сыном. Она сразу же побежала в магазин за водкой. Опять пришлось пить и закусывать. Эльмира все время ругалась с Альтаем, упрекала за то, что редко заходит. Алтай, хохоча, уверял ее в том, что скоро их жизнь изменится. Выпито было немало, но Алтай не забыл, что обещал в шесть часов быть у Люды; мирно попрощался с Эльмирой, которая должна была идти за сыном в сад, и побежал за машиной.

— Вот так и живем, земляк! — сказал он ему в такси.

— А что-бы так жить, нужны деньги. Я ублажаю их, а они вдохновляют меня... Вот так вот!

— Хорошо живешь, — поддакнул Кобек, хотя был не в восторге от земляка: его самодовольство раздражало, а демонстративный показ достижений утомлял...

Алтай, как оказалось, занимался перепродажей автомобилей и строительных материалов. Не только знакомые и приятельницы, но и жена не знала о том, чем он занимается, — она была уверена, что Алтай работает в институте. Алтай сам поведал ему об этом:

— Сегодня, земляк, я позволил себе расслабиться. А завтра опять: купи-продай, машины, мотоциклы, узбеки, грузины, чеченцы... Ох, жизнь! Голова идет кругом. Но

иначе нельзя. Жена-дура думает, что мы живем на сто семьдесят в месяц. А можно на них прожить? Бывает, что в день получаю пятьсот... А ты, чудак, обменяться за так хочешь!..

— Да не за так! Вот с женой посоветуюсь, и тогда уж...
— поправил его Кобек.

— Да кто же с женой советуется! — упрекнул его Альтай.

Кобек промолчал.

Альтай высадил Кобека у метро, а сам поехал к Люде.

«Настоящее животное, — думал Кобек, глядя ему вслед. — Зачем только такие рождаются на свет!»

Он долго стоял у обочины, размышляя о сегодняшнем дне: он был похож на пощечину. Вспомнился Дуче. С Альтаем его многое роднило: и наглость, и стремление к наживе, и распущенность. Ногайцы, по мнению Кобека (да и не только его!), были совсем другими, их всегда отличали простота в обращении, бесхитростность и даже наивность. Среди ногайцев редко можно было встретить «делового» человека. А эти родного брата готовы продать! Откуда только берутся такие!

Так и не приведя свои мысли в порядок, Кобек направился домой.

* * *

Открыв дверь, Фейруз с недоумением взглянула на подвыпившего Кобека. У ее ног вертелся фокстерьер.

— Мне кажется, я тут лишний, — пошутил Кобек.

— Как ты поздно, — сказала Фейруз. — Настасья Филипповна уже легла, так что говори потише. Мы волновались.

— Мы — это вы с Мишкой? — Кобек улыбнулся и потрепал фокстерьера за уши.

— Да, Мишка тоже волновался, — подтвердила Фейруз.

За чаем Кобек рассказал о встрече с Альтаем. Но Фейруз, похоже, это не очень-то волновало.

— Дело не в деньгах, — задумчиво проговорила она.
— Пока еще они у меня есть.

«У меня, а не у нас, — с обидой подумал Кобек. — Глупо попадать в зависимость от женщины. Если бы у меня были деньги, я бы так никогда не сказал...»

— Деньги есть, — повторила Фейруз. — Но я хочу о другом поговорить. — Она оглянулась на дверь, боясь, как видно, что оттуда появится Настасья Филипповна, поискала глазами Мишку, улыбнулась и, набрав в грудь воздуха, сказала: — Я беременна, и это так неожиданно для меня, — и она уронила голову на грудь.

— Но это же прекрасно! — Кобек вскочил со своего места и, подойдя к Фейруз, обнял ее и поцеловал. — Это же прекрасно! У нас будет сын! Наследник. Наш сын, наше подобие! Мое подобие! — не унимался Кобек.

— Подожди, Кобек! Подожди! — Из глаз Фейруз неожиданно потекли слезы.

— Ну, чего же ты плачешь! Ребенок — это счастье! Это наше счастье! — Кобек погладил ее волосы.

— Сядь, пожалуйста, и говори тише, Настасья Филипповна спит, — сказала она, собираясь с мыслями.

Кобек послушно сел.

— Не надо торопиться, Кобек. Подумай обо мне. Мне уже почти сорок. О каком ребенке может идти речь! Я не выдержу этого! Роды — страшная вещь, а потом, это беспомощное создание, которому надо посвятить жизнь! Тут и одному-то трудно, а появится маленький, и день и ночь надо будет думать о нем. Нет, я этого не выдержу... — Она просто заливал ась слезами.

— Ты так говоришь, как будто уже рожала. Других-то женщин это не пугает! — выдавил из себя Кобек, совершенно обескураженный ее словами.

— Другие рожают, когда молоды. А у нас — другое дело. И потом, эта неустроенность, этот переезд... Мне просто страшно!

— Но почему тебе страшно! Я же с тобой. Буду помогать. Вот посмотришь, как все устроится!

— Нет, Кобек. Я много думала в эти дни. Не могу я ломать свои привычки. Я всегда жила нормальной жизнью. А ты, я вижу, как флюгер. Извини, конечно, но это так. О каком же ребенке может идти речь — на тебя ведь совсем нельзя положиться! Да я и сама не хочу этого!

Ребенок мне просто не по силам. Я не хочу рожать! — И Фейруз снова заплакала.

— Ну, успокойся, тебе нельзя волноваться. Пойдем отсюда, тебе нужно лечь. — Кобек поднял ее со стула и повел в комнату.

— Оставь, пожалуйста, ночник, — попросила Фейруз, когда Кобек хотел потушить свет.

Новые слова не находились, и Кобек повторил:

— Тебе кажется, что будут трудности. Но ты ошибаешься. Дети — это всегда счастье!

— Я прошу тебя, Кобек, не уговаривай. В последнее время я постоянно думаю о Юхане. Он, бедный, никогда не осложнял мою жизнь. Поделом же мне! За измену, за то, что растоптала память о нем, и наказывает меня бог!..

— Но ведь ты изменила ему еще при жизни, — перебил ее Кобек.

— Какая это измена — минутная слабость! А тут я даже думать о нем забыла, решила всю жизнь изменить! Наверное, поэтому он и является ко мне как командор каждую ночь. И говорит так сурово: «Быстро же ты забыла обо мне!» Зачем только я согласилась на его уговоры?! Похоронила бы, как все люди, и ходила бы на могилу...

— Но ведь он сам просил о кремации, нельзя же не исполнить последнюю волю человека! — удивился Кобек.

— А может, он только испытывал меня? Конечно, испытывал! — И это открытие тоже было залито слезами.

Кобек не знал, как ее утешить. Ему и самому было не по себе: Фейруз не хочет ребенка, не хочет его наследника, а значит, она не хочет скрепить их союз. И потом, эти странные слова: Юхан как командор!.. «Ведь его уже нет, зачем же вспоминать о нем? Зачем? Что от него осталось, кроме тех икон? Научил ее жить кукушкой. Оберегал как комнатный цветок... Но постой, — оборвал он себя. — Ведь и я вел себя точно так же. Разве я думал когда-нибудь о ребенке? Как и Юхан, я хотел посвятить ей жизнь. В этой любви и видел смысл своего существования. Разве не так? Чем же я отличаюсь от Юхана? Разве я говорил когда-нибудь, что хочу ребенка... Нет! Неудивительно, что она не подготовлена к этому...»

— По-моему, мы с Юханом — близнецы, — сказал вдруг Кобек.

— Не кощунствуй! — Фейруз даже не открыла глаз.

— Я, конечно, не иностранец. У меня нет денег. И акцента нет. Я не умею стирать и не уделяю тебе столько внимания, сколько он... — Кобек запнулся, поймав себя на мысли, что ревнует Фейруз к мертвому Юхану.

— Да, ты не такой, — прошептала Фейруз.

Кобек это рассердило, и он захотел уколоть Фейруз.

— Но эта кровать не выдержит троих!

— Давай без пошлостей! — резко оборвала его Фейруз.

— Ого! Ты, оказывается, можешь быть и такой! — удивился Кобек.

После этого они не разговаривали. Кобек вспоминал детство:

двор, где они играли в ручеек, сарай, тот злополучный случай на реке... Он видел себя и ее маленькими, скачущими по берегу, как кузнечики. Он помнил, что обнял ее тогда — маленькую, хрупкую, но представить этого никак не мог. Его одолевал сон, и он, приоткрыв глаза, посмотрел на нее. Черные волосы Фейруз сбились к вискам, губы были приоткрыты... Он не мог оторвать глаз от синих прожилок на ее веках. «Больше пятнадцати лет ею вот так же любовался Юхан, — подумалось ему, и эта мысль перечеркнула все его детские воспоминания. Ему вдруг показалось, что кто-то стоит у окна. Он долго всматривался в шевелившееся пятно за занавеской, и постепенно оно обрело очертания: Кобек увидел всклокоченную бороду, бледное в ржавых конопатиках лицо и вздыбленные волосы. — Неужели Юхан? — подумал Кобек и в испуге открыл глаза. Никого не было. Померещилось, — сказал он себе, но какая-то сила заставила его подойти к двери и заглянуть в замочную скважину. Мурашки поползли по спине: кто-то — он был в этом уверен! — стоял за дверью. — Ужас!» — прошептал Кобек и поторопился отойти. Утомленный впечатлениями этого дня, он мгновенно заснул.

Проснувшись, он сразу же вспомнил вчерашние страхи и взглянул на замочную скважину. Сейчас она, судя по всему, была «необитаема».

«Но кто же это мог быть? Глаз я видел точно. Неужели Настасья Филипповна! Но зачем ей подглядывать! А может, это Мишка бродил, бродил по квартире, да и забрел к нам?..»

И он весь день поглядывал на фокстерьера. Фейруз не разговаривала с Кобеком, а он не хотел первым обратиться к ней. Его беспокоило, что сегодня он вряд ли даст Альтаю ответ, ведь Фейруз ничего определенного ему не сказала, а спрашивать ее, тем более просить денег, ему не хотелось. Целый день он думал только о том, где можно было бы их достать. «Раздобыть бы хоть те пятьсот, что просит Алтай!» — мечтал он. Подумал даже о том, чтобы взять в долг у жены, но... Но остановил свой выбор на брате.

Вечером, ничего не сказав Фейруз, он поехал на переговорный пункт. Примерно через час его позвали в кабину.

— А, Кобек, молодец, что вспомнил о брате, — сказал Самет. Весь город говорит о твоей удачной женитьбе. Не так-то ты прост, оказывается! Говорят, норвежец оставил своей благоверной наследство! Это правда?

— Какое наследство? — удивился Кобек.

— Ну, я не знаю, какое — так говорят. А с обменом у вас все в порядке? Может, мы с Лялькой в гости к тебе нагрянем?

— Нет у нас никакого наследства, потому и звоню. Нужна твоя помощь.

— Не крути, Кобек, наследство какое-никакое у тебя есть. Отец, когда приезжал, сказал, что оставит тебе дом и корову. Спрашивал, где ты. Ну и ловкач! Я всегда подозревал, что ты неспроста из себя благородного корчишь...

— Подожди, Самет, сейчас мне не до этого. Помощь нужна. Мне для обмена не хватает пятисот рублей. Не одолжишь?

— Пятьсот? А у миллионерши твоей разве нет?

— Да какое тебе до нее дело! Брату твоему деньги нужны!

— Хорошо, сейчас спрошу у Ляльки.

«Мужчина называется, ничего не может решить сам!», — ругнулся Кобек.

— Ляля спрашивает, на какой срок? — раздался в трубке голос Самета.

— Думаю, что на полгода, — ответил Кобек. Через минуту Самет был готов к продолжению переговоров: посоветовался.

— Ляля говорит, это долго. Можешь раньше вернуть?

— Хорошо. Постараюсь раньше. Через месяц-два.

— А куда высылать?

— Шли на главпочтамт, до востребования, Карамову Рауфу Алимжановичу.

— А в паспорте ты имя не поменял? — послышался смешок Самета.

— «Что написано пером, того не вырубишь топором». Фамилия и имена меняются только в особых случаях. Ну, да ладно. Ты завтра же вышли деньги, хорошо?

— Хорошо, хорошо. А все же, Кобек, правду говорят про наследство? Вы, наверное, не можете пока получить?

— Наверное, — поддакнул Кобек.

— Ну, и молодец же ты! Кто бы мог подумать, что ты такой! Двойная у тебя жизнь, братец! — Самет просто зашелся от восторга.

Слова, услышанные впервые от Риммы, полоснули по сердцу.

— Причем тут двойная жизнь! Ты про деньги не забудь! Привет, — и Кобек положил трубку.

Возвращаясь домой, Кобек думал о своих родных — об отце и брате. «Если не к ним, то к кому обращаться! Но почему он думает, что я женился из расчета? Это несправедливо! Я люблю Фейруз, и все тут!»

Кобеку хотелось отчитать брата: единоутробный, самый близкий и... такой далекий.

«И почему это отец вдруг решил смириться надо мной? Зачем мне его наследство? Может, он подумал, что я бросил Кунбийке из-за него? Наверное. Хорошо же он меня знает! — усмехнулся Кобек. — Я должен был сделать это до ссоры с ним. Тогда бы я был достойным наследником, а так... Даже стыдно думать о наследстве... Корова, дом, участок — наверное, тысяч пять. Неплохие, в общем-то, деньги, хотя и незаслуженные... Но что это я бичую себя: заслужил — не заслужил! Какая разница! Лишь бы все было законно...»

Дома его, как обычно, встретил Мишка: подозрительно обнюхал, повертелся возле его ног и пошел в комнату Настасьи Филипповны, где работал телевизор.

— Мишка, ко мне! — крикнула Настасья Филипповна. — Это же для тебя. И ты иди, Коля! Посмотри, что показывают! В Америке, оказывается, есть программы для собак. Смехота!

Фокстерьер помчался на крик хозяйки.

Кобек тоже заторопился в комнату.

На экране он увидел собак, смотревших телевизионную программу: перед ними выступал белый пудель, уткнувшийся носом в микрофон...

— Нашим четвероногим друзьям, судя по их вниманию, очень нравятся эти собачьи программы, поэтому руководство компании решило сделать их постоянными, — сказал диктор.

В Мишкиных глазах, устремленных на Фейруз, был вопрос: ну и как вам это?

Настасья Филипповна нагнулась к нему и потрепала по загривку.

— Надо написать на телевидение, чтобы и у нас делали такие программы. Правда ведь, Мишка! — засмеялась она.

Мишка ответил радостным лаем, и всем стало смешно: все понимает! «Но неужели и в самом деле, — подумал Кобек, — пес понимает человеческий язык? Невероятно!»

В книге знаменитого зоолога, профессора Оксфордского университета Нико Тинберге он нашел ответ на этот вопрос.

Книг у Настасьи Филипповны было не много, а эта, непонятно почему, была самой потрепанной. «Поведение животных» — прочитал Кобек на обложке. А на первой странице увидел дарственную надпись: «Насте в день рождения. От подруги Оли. 3 апреля 1969 года». Кобек подумал, что это не самый подходящий подарок для женщины, но, начав читать, забыл обо всем на свете.

Книга начиналась с предисловия К.Фабри, которое называлось «Вторжение в таинственный мир». Дальше шел текст: «Если верить поручику Кампусано, однажды в госпитале Воскресения Христова, что в городе Валья-

долиде, случилось чудо: два сторожевых пса, Сипион и Берганса, вдруг заговорили человеческими голосами.

— Друг Берганса, возложим сегодня охрану госпиталя на авось и пойдем в уголок на циновки, где нам бояться нечего, где мы сможем насладиться невиданной милостью, которую нам в одно и то же время даровало небо.

— Брат Сипион, — сказал Берганса. — Я слышу, что ты говоришь, знаю, что сам говорю, и не смею этому верить, и все думаю: ведь уже одно то, что мы разговариваем, нарушает все законы природы».

Приведя диалог двух собак — героев Сервантеса, К.Фабри заключил, что великий испанец был одним из многих, кто задумался над подобными вопросами и сопоставил «душевную жизнь» человека и животных.

Прочитав этот диалог, Кобек счастливо улыбнулся и, прежде чем пойти «в уголок на циновки» — было уже поздно! — отправился в ванную. Фейруз проводила его взглядом. После вчерашнего разговора она не сказала Кобеку ни слова. Делала вид, что не замечает его. Кобек никак не мог понять, в чем он провинился: в том, что Фейруз беременна, он не видел никакой беды, а значит, и винить себя ему было не в чем... В том, что он оскорбил память Юхана?.. Но она сама старалась его забыть!.. Непонятно! «Самое ужасное то, что Юхан во всем потакал ей, потому она и не хочет ребенка!» Оправдывая Фейруз, он обвинял Юхана.

В ванной он быстро умылся и, вытираясь, взглянул на себя в зеркало. Разглядел ершистую бороду, посмотрел в глаза. «Наследника захотел? — прошептал он с укоризной. — А достоин ли ты иметь его?» Двойник усмехнулся. Вдруг Кобек вспомнил вчерашнюю тень за занавеской (все-таки вылитый Юхан!) и сравнил с ним своего двойника. — «У того Юхана глаза смотрели вверх! — И он так же закатил глаза. — Когда-нибудь, наверняка, и я кому-нибудь привижусь! Надо только умереть!.. — и Кобек усмехнулся. В коридоре его чуть не сбил с ног Мишка. Приласкав псину, Кобек заглянул в его черные глаза: — Не удивлюсь, если в один прекрасный день и ты заговоришь», — тихо прошептал Кобек и увидел, как в ответ собака усердно закивала, словно говоря: а что? Все может быть!

— А это не ты подсматривал за нами?..

Мишка отвел глаза, уклонившись таким образом от ответа.

Услышав шум, Фейруз выглянула из комнаты и обеспокоенно взглянула на них.

— Пытаюсь поговорить с Мишкой, — улыбнулся Кобек.

Ничего не сказав, Фейруз снова исчезла в комнате. «Где твоя улыбка, Мишка?» — пропел Кобек и, потрепав пса, направился в свою комнату.

Забравшись под одеяло, он стал дожидаться Фейруз, но время шло, а она не приходила. Телевизор уже не работал, и под женские голоса, раздававшиеся из кухни, Кобек уснул, впервые не дождавшись ее.

Он не слышал, когда пришла Фейруз, и не видел, как, раздевшись, она легла и отвернулась к стене. А под утро ему снился странный сон, такой же странный, как и все другие, снявшиеся ему в последнее время. Ему казалось, что он разговаривает с Юханом по телефону. В трубке отчетливо слышался голос норвежца, неторопливо расставлявшего русские слова:

— У меня в комнате под подушкой лежит собачий словарь. Прочти его!

Кобек как будто был в квартире Фейруз, а Юхан звонил откуда-то издалека, и Кобек представлял его в крошечной тьме с телефонной трубкой в руках... Он не знал, что ответить Юхану: о каком-таком словаре речь? Зачем он ему?

— Возьми и прочти! — настойчиво повторил Юхан. Кобеку страшно было заходить в его комнату, и он подумал, что во всем этом кроется какой-то подвох.

— Почему же ты не берешь? — Расстояние между ними сократилось, и Кобек услышал тяжелое дыхание Юхана. — Не будешь читать — зарой в землю! — обиженно сказал Юхан и положил трубку.

Кобек в страхе проснулся и успокоился лишь тогда, когда увидел спящую Фейруз. Ему хотелось рассказать о своем сне, но, хорошенько подумав, он решил не тревожить тень Юхана.

«Что за собачий словарь? Чушь какая-то!» — Кобек долго не мог прийти в себя.

Вскоре он почувствовал, что Фейруз не спит, и обнял ее. Лежа рядом, он вдыхал запах ее волос: они разметались по шее, легли на спину...

— Ты не спишь? — спросил он, поняв, что это молчание может длиться вечность.

— Нет, — сухо ответила она, и Кобека обдало холодом.

Снова наступило молчание. Потом она повернулась к нему и, глядя прямо в глаза, спросила:

— Нам нужно избавиться от ребенка! Ты мне поможешь?

— Разве ты не передумала? — осторожно спросил он.

— Нет, я не передумала. Я не хочу превращаться в няньку — мне и без того нелегко. И потом, Кобек, я уже говорила, что не представляю тебя отцом семейства. Ты, как канатоходец, висишь над пропастью — в этом, как видно, твое предназначение. Как же я могу доверить тебе жизнь ребенка?

— А почему — нет? — удивился Кобек. — Я что-нибудь сделал не так?

— На тебя нельзя положиться. Я это чувствую! — настойчиво повторила Фейруз.

— А чем ты это докажешь! У тебя же нет никаких доказательств! — рассердившись, Кобек встал с кровати: так ему удобнее было разыгрывать из себя обиженного.

Весь день он не разговаривал с Фейруз, но она, похоже, и не хотела этого.

Ночью, когда они уже легли, Фейруз, не поворачиваясь к Кобеку, задумчиво сказала:

— А я знала, что ты меня не любишь... Воспользовался моментом — тогда я действительно не знала, что с собой делать... Потому, наверное, и согласилась поехать с тобой.

— Замолчи! Что ты себе позволяешь! Разве это не лицемерие! Ты ведь отдалась мне, когда за стеной лежал больной Юхан.

— Вон как ты заговорил! Я это предчувствовала. А он, между прочим, ни разу не упрекнул меня за это... Это ты упрекаешь меня. А ведь если бы любил — не говорил бы так!

— Ты вынуждаешь меня говорить об этом! Разве до этого я не сдерживал себя? — пошел на попятную Кобек.

— Какая разница: тогда, сейчас? Если ты говоришь об этом сейчас, когда мне трудно, то мог сказать и раньше...

— Просто слов не хватает! Ты запуталась в элементарных вещах: хорошо-плохо, совестно-бессовестно... Похоже, что ты не имеешь ни малейшего представления о нравственности!..

— А ты? Ты?

— Что — я?! — удивился Кобек.

— Ты хочешь, чтобы из-за твоих прихотей я на всю жизнь осталась несчастной? Ну, куда мне деться с этим маленьким, беспомощным существом? Это что — нравственно?

— Это, между прочим, была не моя прихоть, — вышел из себя Кобек.

— Как ты разговариваешь с женщиной! — всхлипнула Фейруз. — Ты просто невоспитан!

— Куда нам до европейцев!

— Да, далеко! А о моей прихоти ты напрасно сказал! Я никогда не хотела спать с тобой!

Кобека это не могло не задеть. И, хотя он промолчал, обида терзала его даже ночью. Но утром он подумал, что Фейруз не сказала бы этого, если бы он сам не был так груб, и обида куда-то исчезла.

Блики от зеркал

Телефонный разговор, привидевшийся во сне, не давал Кобеку покоя. Он чувствовал в этом какое-то предупреждение, но... «Причем тут собачий словарь? — недоумевал он. — И что означает: не будешь читать — зарой в землю! Ерунда какая-то!» — Ему хотелось поскорее забыть об этом сне, но ничего не получалось. На почту Кобек ходил каждый день. Но вместе с ожидаемым переводом пришла телеграмма, огорошившая его: «Умер отец вылетай ждем». Телеграмма была заверена в поликлинике.

Кобеку хотелось всплакнуть, погоревать об отце, но чего не было, того не было: и спокойствие, с которым он встретил это известие, возмутило его самого. «Хоть бы единую слезу уронил, идиот!» — ругал он себя. Домой он пришел подавленный. Мишка, словно почувствовав его настроение, сразу же отбежал в сторону.

«Чувствует, что я не в духе», — подумал Кобек. Когда он вошел в комнату, Фейруз, занятая вязанием, даже не взглянула на него. Подойдя к ней вплотную, Кобек протянул ей телеграмму, но ей, казалось, ни до чего не было дела.

— Прочти! — сказал Кобек.

Фейруз посмотрела на него пустым взглядом, потом взяла в руки бланк.

— Извини, ради бога, я сначала не поняла. Какое горе! — И она закрыла лицо руками.

Кобеку стало совсем невмоготу. При этом известии Фейруз должна была бы затянуть похоронный плач — так велит обычай. Но, скорее всего, она об этом просто не знала. «Да и какой он ей свекор? Она и в глаза-то его не видела, о ком же плакать? Родной сын не в силах выдать из себя слезу; чему же удивляться!» — Кобек нахмурился, но так ничего и не сказал.

— Не знаю даже, чем облегчить твою горе! Я просто не знаю, Кобек! — Фейруз поджала губы и горестно вздохнула.

Потом она пошла за Настасьей Филипповной.

— Какое же это несчастье, Коля! Потерять отца! Сочувствую тебе! От души сочувствую! — И она неожиданно для всех — зарыдала.

Фейруз удивленно посмотрела на нее и села на край кровати.

Настасья Филипповна достала из кармана платок, вытерла глаза.

— Что же будем делать, Коля? Поедешь хоронить?

Кобек, устыдясь слез Настасьи Филипповны, к которым он не в состоянии был прибавить своих сыновних, сидел, не поднимая головы.

— Надо ехать, — ответил он неуверенно.

— И мне тоже? — озабоченно спросила Фейруз.

— Конечно, обоим надо ехать, — сказала Настасья Филипповна.

— Нет, не надо. Зачем ей ехать? Она отца и в глаза не видела, — сказал Кобек.

— Ехать все равно надо, Коля, — настойчиво проговорила Настасья Филипповна.

— Да нет, не надо!

— Ты прав, наверное, лучше не ехать. Все равно я там никого не знаю, — согласилась с Кобеком Фейруз.

Кобеку, конечно, хотелось, чтобы она поехала, да он и ожидал этого, ведь, считай она Кобека мужем, никаких сомнений не было бы. «Перед людьми стыдно, ведь ее, что ни говори, считают женой!» — с обидой подумал он.

Глядя на туманную бездну за окном самолета, Кобек вдруг подумал, что чем-то похож на Фру Берг, прилетевшую хоронить сына. Вспомнил ее непроницаемый вид, подпрыгивающую походку и холодный презрительный взгляд. «Очков у меня нет — только в этом и разница!» — усмехнулся он.

Когда самолет приземлился, Кобек увидел безоблачное голубое небо, опаленное южным солнцем, и от удивления замер. Снега здесь не было и в помине, воздух был свеж, вдали блестела серебряная цепь горных вершин. Он представил себе шумную, заледеневшую столицу и ахнул: просто не верилось, что на земле может быть такая тишина, такое небо, такое солнце и такой чистый воздух! Но надо было ехать. В аэропорту Кобек взял такси и вскоре был в своем ауле.

* * *

Во дворе на дощатой лавке сидели несколько стариков в папахах, неподалеку от них бегали дети. Когда Кобек расплачивался с шофером, к нему подошел низенький мужик в сапогах, ватнике и черной ушанке. Он подождал, пока Кобек отдаст деньги и, обняв его за плечи, повернул к себе.

— Так это сын бедного Алимжана? — спросил он.

Кобек кивнул.

— А я его сосед, — проговорил мужичок и, как положено, громко взревел, ведь мужской плач неблагозвучен.

Кобек растерялся.

— И ты подай голос, сынок, — прошептал мужичок, прерывая свой плач.

Кобек, растерянно всхлипнув, обхватил руками голову и, пошатываясь, пошел во двор. Старики головами показали ему на открытые двери дома. Там было полно аульских женщин в траурных одеждах. Они встретили Кобека дружным плачем. Кобек сразу же заметил Кунбийке, стоявшую в толпе женщин, и замотанную в черный платок Ляльку — жену Самета. Носилки с покойным стояли посреди комнаты. Тело его покрывала черная бурка, лицо было открыто. У изголовья стоял Самет, одетый в такой роскошный костюм, какого наверняка еще не видывали в ауле; сознавая торжественность момента, он дополнил туалет галстуком и шляпой. Кобек мельком взглянул на лицо отца и, не переставая всхлипывать, двинулся к брату, обнял его и затряс в своих объятиях. Эти рыдания не помешали ему поразмыслить над тем, что брат наверняка осудит его за лицемерие и будет прав. Женщины, прервавшись на мгновение, заголосили еще сильнее. Кобек отпустил брата и, не поднимая головы, спросил:

— А как это случилось?

— Когда я виделся с ним последний раз, он неплохо себя чувствовал. А вчера вот сообщили о смерти. Говорят, что это случилось ночью, хотя накануне многие видели, как он прибирал в сарае, давал корове корм...

Женщины поутихли, и посыпались расспросы: кто-то уже сказал им, что это — сын Алимжана.

Кобек наклонился над телом отца, коснулся рукой его лба, провел рукой по щеке — на лице отца играла спокойная улыбка.

— Он ничуть не изменился, даже не верится, что умер, — сказал Кобек брату.

— Да, — спокойно ответил Самет.

— Мы остались сиротами, брат, — вздохнул Кобек. — Совсем одни на белом свете! — добавил он с болью.

— Что же делать! — так же спокойно, стараясь, чтобы никто его не услышал, проговорил Самет.

В комнату вошел седобородый апенди в пальто с меховым воротником. Он подошел к Кобеку и протянул ему руку. Кобек подал ему свою.

— Мы ждали тебя, сынок. У нас, как ты знаешь, положено хоронить в тот же день, но мы решили подождать твоего приезда. Всех нас ожидает пребывание в праведном мире, а слезами никого не возвратишь на землю. На все воля Аллаха! А теперь — пора начинать. Люди ждут. — И старик, подойдя к двери, взмахнул рукой. В дом вошли четверо пожилых мужчин.

— Выносите во двор, — старик показал на носилки.

Женщины снова заголосили.

Двоих мужчин, которые взялись было за ручки носилок, Кобек отстранил: к одной подошел он сам, к другой — Самет. Сзади носилки подхватили двое других мужчин. Носилки показались Кобеку очень легкими. Он сразу вспомнил, каким тяжелым было тело Юхана и какой невесомой — урна с его прахом.

Апенди распорядился поставить носилки посреди двора. К Кобеку стали подходить мужчины и, обнимая, произносить слова соболезнования. Среди них, как оказалось, было немало его дальних родственников. Кобек кивал головой, но никого из них не запомнил: ни имени, ни лица. Последним подошел мужчина, который встретил его у машины, и посоветовал поприветствовать стоявших в стороне стариков. Кобек сделал так, как посоветовал ему этот аульский старожил.

Мужчины выстроились в ряд перед телом покойного. Женщины с плачем вышли из дома и стали в стороне.

— Ямагат! — не по-стариковски зычно прикрикнул апенди, и плач женщин прекратился.

— Ямагат! Сегодня мы должны наставить на истинный путь Алимжана — сына Шоты. В жизни бедного создания человека может случиться всякое, и, может быть, у кого-то из вас есть обиды на покойного. Прошу не судить его слишком строго и простить все обиды. Сегодня он снимает грязную рубаху и надевает чистую, ведь только на небесах ждет нас порядок и благоденствие. Простите и с чистым сердцем наставьте на истинный путь раба Аллаха Алимжана-сына Шоты! Аминь! — вос-

кликнул апенди и, раскрыв ладони перед лицом, начал читать молитву.

Вслед за апенди раскрыли ладони все, кто был во дворе.

— Фат-тиха! — произнес апенди, и все шепотом повторили за ним это слово.

— Аминь! — закончил молитву апенди и провел руками по бороде.

— Аминь! — повторили люди и, так же как апенди, вскинули руки.

— Поднимайте! — приказал апенди.

Мужчины, сменяя друг друга, понесли носилки. Женщины проводили их плачем.

Кобек и Самет оказались во главе шествия.

— Я уже на двести рублей издержался, — сказал Самет, не поворачиваясь к Кобеку.

Кобек не удивился этим словам, потому что достаточно хорошо знал брата, но, боясь, что их услышит кто-нибудь из аульчан, шепотом просил:

— На что?

— На обмывание тела, на саван, на покрывала, услуги апенди тоже чего-то стоят...

— Хорошо, хорошо! Расходы пополам! Спасибо, что выручил меня, — деньги я получил... — прошептал Кобек.

— За корову уже предлагали шестьсот рублей. Ты наследник. Хотя, по обычаю, положено мне младшему. Но апенди сказал, что отец, когда заболел, говорил, что все завещает старшему сыну. Несправедливо, но недаром говорят: дождь в озеро льется. Повезло тебе: и с женой поладил, и с отцом...

— Не горюй! — оборвал брата Кобек, понимая, что этот разговор не к месту.

«А ведь отец собирался завещать все детскому дому, — вспомнилось ему вдруг. — И чего это он передумал? Стыдно как-то брать это наследство. — Но он тут же нашел оправдание: — Завещал, так завещал. Нечего ломаться. Деньги мне все равно нужны. Надо же как-то оправдаться перед Фейруз. Ведь очень может быть, что наши отношения сложились бы иначе, если бы у меня были хоть какие-то деньги. Очень уж она нервная стала...» — Погруженный в эти мысли, Кобек не заметил, как они подошли к воротам кладбища.

Кобек приходил сюда только однажды, когда хоронил мать. На этом месте было родовое кладбище Есеневацкого рода, к которому принадлежала фамилия Карамовых. Теперь-то эта связь порвалась, хотя старые люди еще не забыли о своей принадлежности к роду. После того как отец Кобека переехал в город, были оборваны все нити. Родные и двоюродные братья отца давно умерли, а с остальными они не поддерживали отношений. Но Кобек помнил, что на похоронах матери были почти все Карамовы и что отец похвалил за это свою родню.

Процессия остановилась. Оглянувшись, Кобек увидел, что отца провожают немало людей. Ему стало советно, что он не запомнил лиц и имен родственников. «А ведь когда-нибудь они и меня похоронят! — Мысль была тяжелая, и мириться с нею не хотелось. — Хотя, если останусь в столице, вряд ли похоронят — сожгут, как Юхана. Там, наверное, и нельзя иначе. Проблема с кладбищами, и все такое... Но зачем думать об этом! Живи, Карамов!» — вот на этой высокой ноте он и закончил свой внутренний монолог.

Очнувшись, он увидел перед собою лес каменных надгробий. Одни из них — замшелые и покосившиеся — давно вросли в землю, другие отливали свеженькой краской и стояли прямо, как тополя.

Апенди наконец пробрался вперед и повел людей на кладбище. Могила была вырыта рядом с новыми захоронениями — нарядно убранными и огороженными железными решетками. Кобек посматривал на надгробные плиты, пытаясь вспомнить, где похоронена мать. От мысли, что он не помнит материнской могилы, было неуютно, и он попробовал ее отогнать.

— Место ты выбирал, Самет? — осторожно спросил он брата.

— Да нет. Тут все решает это чучело, — Самет, усмехнувшись, кивнул на апенди.

— Зачем обижаешь старика! — осудил его Кобек.

— Больше не буду, — сдержал смехок Самет.

— Ты хоть помнишь, где похоронена наша мать? — спросил Кобек.

— А ты? — отвел его удар Самет.

«Вечно он отвечает вопросом на вопрос!» — подумал Кобек и замолк.

Носилки поставили на площадку. Старики и апенди стали читать молитвы. Остальные разбрелись по кладбищу, решив воспользоваться случаем и навестить могилы своих близких. Кобек, оставив Самета со стариками, пошел искать могилу матери. Он помнил, что она была в новой части кладбища. Здесь стояли богатые памятники, попадались даже гранитные и мраморные плиты. Хотя большая часть плит были из бетона. Почти на всех высечены полумесяц и звезда, рядом с арабской надписью — русская. Под именем обычно выбивали родовую тамгу. У Карамовых тамгой был алип — прямая линия, прочерченная под углом, чуть меньше прямого. Надгробия, где кроме тамги, ничего не было, встречались редко. Кобек помнил, что на могиле матери был именно такой бетонный столбик с тамгой, без надписи. «Как же найти эту могилу? Спрашивать неудобно! — думал он. — А что если обращать внимание на года, на материнской должен стоять 1970!» — Это была спасительная мысль. Но вскоре Кобек заметил, что рядом с могилами шестидесятых годов можно было встретить совсем свежие. Тогда он окончательно растерялся. «Значит, в ауле заранее бронируют землю, чтобы члены семьи лежали рядом, — сообразил он. — Хоть бы кто-нибудь подсказал, где материна могила!» — Мысль об этом его не покидала, но спросить кого-то — значило бы уронить не только свое, но и фамильное достоинство. Боясь, что кому-нибудь станет известно о его поисках, он повернул назад. Старики продолжали читать молитвы. «Вообще-то, отец сам виноват: если не поставил памятник сам, то мог бы нас надоумить. Мы же малы были тогда и не могли думать о таких вещах ...»

— Надо поставить матери памятник, — сказал он брату на ухо.

— Конечно, — недовольно ответил Самет.

Кобеку показалось, что Самет не сказал главного: сам и ставь!

— И о памятнике отцу надо позаботиться, — проговорил Кобек, рассуждая сам с собой.

— Ты наследник, ты и заботься, — равнодушно произнес Самет.

— И позабочусь! — огрызнулся Кобек и отошел от брата.

Прочитав все молитвы, апенди приказал поднести носилки к могиле. Вокруг нее собрались люди. С помощью двух мужчин апенди спустился в яму. Там он осмотрел лахат нишу, где должен лежать усопший. Двое мужчин, помогавших апенди, спустились следом за ним.

— Давайте тело! — прокричал апенди.

Усопшего сняли бурку. Обернутое в саван тело поднесли к могиле и отдали в руки помощников апенди. Мужчины положили тело в лахат, а апенди, нагнувшись, поправил саван и повернул тело на бок.

— Закладывайте! — приказал он и протянул руки тем, кто остался наверху.

Апенди вытащили. Аульчане стали подавать кирпичи тем двоим, что остались в яме. Мужчины аккуратно заложили нишу и, закончив работу, присоединились ко всем остальным.

После этого все стали дружно засыпать яму землей. Самет и Кобек, соблюдая обычай, скорбно стояли у могилы и наблюдали за тем, как засыпают землей их отца.

Когда в землю врыли две трубы — одну у изголовья, а другую у ног — и, засыпав яму, возвели над ней холм, чтобы остались видны только хвосты труб, равные по длине телу покойного, аульчане выстроились перед апенди. Он снова прочитал молитву, и люди, закрыв лицо руками, выслушали его, произнесли вслед за ним «аминь» и заторопились в обратный путь. Женщины во дворе встретили их надрывным плачем. Они побежали к Кобеку и Самету. Кобек прятал лицо, делая вид, что его дупшат рыдания. Он заметил, что и Самет, возведя глаза к небу, безутешно рыдает: кто же пожалеет бедных сироток!.. «Какие же мы оба подлецы!» — осудил себя и брата Кобек.

«Считайте, что свое семя я выкинул в пустоту!» — услышал он, когда прекратился плач и все стали совершать омовение. Кобеку сливала из кумгана накрашенная и напудренная Лялька — жена брата.

— Ну, как ты там, путешественник? Хороша столичная жизнь? — спросила она, улыбаясь и заглядывая ему в глаза.

— У вас будут когда-нибудь дети? — спросил Кобек, взяв из рук Ляльки полотенце.

— А зачем?! — игриво сказала она. — Нам и так хорошо!

— Правильно, не надо детей! — жестко проговорил он и отошел в сторону.

Оглянувшись, он увидел, как Лялька дерзко мотнула головой — тоже мне, эмансипе! «Вы и недостойны почета! Я сам тоже недостойн. Жаль девчонок, но то, что их воспитывает мать, наверное, к лучшему. И Фейруз, конечно, права: ребенок им не нужен. Родится еще какой-нибудь кентавр. Ни на что другое он неспособен!»

Люди стали расходиться. Сначала женщины, потом — мужчины. Последними ушли соседи, пообещав заглянуть вечером. Одна из соседок принесла поесть. Она разложила на столе локумы, сыр, вареный картофель и, довольная, ушла к себе. Кунбийке приготовила чай. Когда все сели за стол, Лялька выложила из сумки деньги.

— Это женщины принесли на поминки. Что с ними делать? — спросила она Кобека.

— Сколько там? — поинтересовался Самет.

— Ровно триста, — ответила Лялька.

— Мы потратили двести, — сказал Самет.

— Возьмите эти деньги себе, — Кобек был великодушен.

— Нет-нет, что ты? Эти деньги должны пойти на памятник, на поминки — так положено по обычаю, — воспротивилась Кунбийке и, достав из своей сумки пятьдесят рублей, протянула Ляльке. — Возьми и эти, от нашей семьи.

— Хорошо! — сказал, повысив голос, Кобек: он ведь был теперь за старшего. — Поминать будем каждый сам. А эти деньги пойдут на памятник отцу и матери.

— Я не смогу этим заниматься! — решительно заявил Самет. Лялька, поддерживая мужа, согласно кивнула.

Кобеку хотелось обличить Самета в неблагодарности и в том, что он никогда не исполнял свой сыновний долг, но, зная, что разговор этот бессмыслен и что то же самое брат может сказать и о нем самом, сдержался.

К еде приступили, не сотворив молитвы и даже не сказав о покойном ни одного доброго слова, поели молча.

— Тогда давайте эти деньги сюда, — сказал Кобек. — Я сам займусь памятниками.

Лялька с радостью отодвинула от себя деньги. Кобек достал из кармана все, что у него было, и отсчитал шестьсот рублей.

— Пятьсот — это мой долг, сто — ты потратил на похороны, идет? — спросил Кобек, протягивая ему деньги.

— Идет, — равнодушно ответил Самет.

— Нам уже пора ехать, — толкнула его в бок жена.

— Да, конечно, — согласился Самет.

— Я поеду с вами, — сказала Кунбийке, вставая.

— Скажи мне, как дети? — спросил ее Кобек.

— Растут. Тебе-то какое дело? — не глядя на него, ответила Кунбийке и первой, гордо подняв голову, вышла из комнаты.

— Пусть женщины едут, а мы останемся. Так я говорю, Самет? Ведь дух отца еще не покинул этот дом, да и перед аульчанами неудобно! — Этот разговор они вели уже во дворе.

— Кто нас тут знает! — удивился Самет. — Нет-нет, я поеду! — твердо проговорил он.

— Ну, что ж, тогда прощай! Спасибо тебе за помощь. — И он протянул брату руку.

Лялька отвела его в сторону и тихо, чтобы не слышала Кунбийке, прошептала:

— А у нее уже кто-то есть. Говорят, что и живут вместе, — рассмеялась она и заглянула в лицо Кобека: что-то он скажет!

— Да бог с ней! — равнодушно проговорил Кобек, хотя самолюбие его было задето.

— Ты бы хоть адресок дал, приедем к тебе — в столицу, — попросила Лялька.

— Да ты знаешь, мы сейчас на частной квартире живем, но, как только сделаем обмен, я напишу. Будет тебе адресок! — Кобек нисколько не сомневался в своих словах.

— Смотри не забудь, — рассмеялась Лялька и пошла вслед за мужем.

Кобек подошел к Кунбийке и взял ее за локоть:

— Я и в самом деле беспокоюсь о детях. Как они?

— Ты бы лучше не беспокоился, а алименты платил!

— Вот устроюсь на работу и буду платить! А сейчас я даже не прописан.

— Посмотрите на него: о детях беспокоится! Как будто когда-то думал о них! Снял бы ты эту личину! Как только я могла жить с тобой, не понимаю! Такой ты скользкий, что и не ухватишься. Редкостный экземпляр!

— Я самый обыкновенный. Ты это брось. Слышал, что ты уже завела кого-то?

— А тебе-то какое дело? Ты завел, а мне — нельзя? Я сама себе хозяйка!

— Ты бы о детях подумала! Чему ты их научишь!

— Чему научу, тому и научу. Тебя это не касается! Тоже мне праведник! — Оборвав разговор, Кунбийке поторопилась догнать Самета и Ляльку.

...Корову Кобек продал соседу, отдал ему и запасенные отцом сено и дрова, разрешил даже работать в огороде, надеясь, что тот присмотрит за домом. Попросил сообщить, если найдется покупатель на дом и землю. Прежде чем уехать, Кобек хотел поставить родителям памятник, но в мастерской ему сказали, что готовых нет, и пообещали исполнить заказ через месяц-два. Это было слишком долго. Кобек носился по городу как угорелый, и, хотя намерения его были весьма тверды, он даже не удосужился отыскать могилу матери. Лелея эти благородные замыслы — а разве не они делают честь сыну! — он, не долго думая, купил билет на поезд, чтобы отправиться к Фейруз и Настасье Филипповне.

* * *

До отправления поезда оставалось еще часа два. Не исполнив сыновнего долга, он решил утешить себя тем, что исполняет родительский: почему бы, подумал он, не позвонить домой и не поговорить с дочками! Сказано — сделано! Он долго набирал домашний номер, но дома, как видно, никого не было. Он хотел даже зайти на почту и отправить часть денег Кунбийке, чтобы возместить алименты за эти безработные месяцы, но, подумав, что

деньги понадобятся ему самому, он не сделал и этого: разве недостаточно того, что у него родилось такое благородное намерение! В оставшееся время он решил пройтись по родному городу. Чувствуя себя эмигрантом, вернувшимся на родину, он шел по улице и с эмигрантской тоской глядел на дома, деревья и улицы... И, может быть, это чувство стало бы самым ярким в родном городе, если бы ноги не вынесли его на знакомую улицу и он не увидел тот самый дом. В этом доме жила когда-то Римма. Он остановился напротив подъезда, в который вошел тогда вместе с Дуче, хотел угадать окна квартиры на втором этаже и как будто даже угадал, но его вдруг словно парализовало: он вспомнил слова Риммы: «Ну и мразь же вы! Так играть роль порядочного человека...» Эмигрантское умиление тотчас покинуло его, и он схватился за сердце: оно колотилось как сумасшедшее.

Перед глазами вдруг встала зверская расправа над этой несчастной. «А вдруг преступника так и не нашли?! И чего это я приперся сюда? Говорят, что преступника тянет на место преступления. Пока никто не заметил, надо убираться». — Мурашки поползли по его спине. Кобек поднял воротник, нахлобучил на самые глаза кепку и, озираясь, поспешил к вокзалу. И в ожидании поезда он вглядывался в лица околавившихся тут людей, боясь, что его примут за преступника, покидавшего город, где он совершил преступление.

Родственные и ностальгические чувства отошли куда-то в небытие, и несколько десятков минут в ожидании поезда показались ему вечностью. Успокоение не пришло даже тогда, когда он оказался в своем купе. Он вглядывался в окно, боясь увидеть рыскавших по перрону сыщиков, с тревогой глядел на проходивших по вагону пассажиров, ожидая, что кто-нибудь из них остановится и предъявит ему ордер на арест.

* * *

В поезде произошла история, в которую почти невозможно было поверить.

Смирившийся со своей ролью преступника, Кобек старался ничем не выдать себя и доверчиво смотрел в глаза попутчиков; для полной безопасности он даже придумал себе «легенду»: будто бы он никакой не архитектор; а аспирант, едущий в столицу для работы в архивах. Истинную цель своей поездки и вообще жизнь последнего периода он решил скрыть, потому что это выглядело бы подозрительно: человек без работы, без прописки, живущий непонятно где и с кем.

Больше половины пути, почти сутки, он ехал наедине с бойким пожилым человеком, который забавлял его байками и рассказами о своих приключениях. На расспросы о его — Кобека — жизни он отвечал пересказом своей легенды.

Сначала с ними ехал молодой инженер с одиннадцатилетней дочкой. После того как попутчики вместе поужинали, в купе случился настоящий переполох — где-то рядом замаякала кошка. Сначала кинулась искать ее девочка, потом — взрослые, но эти поиски ни к чему не привели. Решив, что звуки доносятся из соседнего купе, взрослые угомонились, хотя и они были уверены, что тот, кто сказал «мяу», был где-то рядом. Кошка мяукала, взрослые не обращали на это никакого внимания, и только девочка не находила себе места: вертела во все стороны головой, заглядывала под сиденье, задирала голову вверх — кошки нигде не было. Когда попутчики прибыли на место и собрались выходить, старик достал из-под сиденья свою хозяйственную сумку и, раскрыв ее, начал что-то гладить.

Кошка глобно замаякала. Кобек и отец девочки побелели от гнева, поняв, что их так примитивно дурачили. Девочка тоже поняла что к чему и сначала растерялась, а потом, рассмеявшись, кинулась к старику, чтобы взглянуть на кошку. Подошла и сразу же отпрянула. Взрослые дяди тоже подошли к старику, но кошки в сумке не было. Тогда они тоже рассмеялись. Они бы просто лопнули от смеха, если бы кошка не замаякала вновь — вот те на! Взрослые дяди растерялись.

— Кис-кис-кис, сиди тихо, — произнес старик, ласково поглаживая пустоту.

Кобеку стало не по себе, инженеру — тоже, и они многозначительно переглянулись.

Старик, глядя прямо в глаза девочки и не разжимая губ, мяукнул еще раз.

Мужчины, поняв в чем тут дело, долго смеялись.

Потом старик рассказал о своем беспризорном детстве. О том, как они, сироты, научились забавы ради подражать всяким животным — кому-то досталась корова, кому-то кошка — и, сколотив свой оркестр, не давали покоя горожанам. Будили спящих, устраивали шумные сутолоки на базарах и других людных местах.

— Трудное было время, и забавы наши были непохожи на забавы обычных детей. А может, нам просто хотелось отыгаться за все свои беды. Потом-то у меня все было неплохо. Забрали меня с улицы в детдом. Остальное рассказывать слишком долго, и, в довершение рассказа, старик снова мяукнул.

Оставшись наедине друг с другом, попутчики почувствовали себя вольнее и разговорились. Старик, как бы между прочим, спрашивал о том, где Кобек работает, как живет... Кобек отвечал скупно, не вдаваясь в подробности.

— Семья-то у тебя есть? — спросил старик.

— Да, две девочки.

— Это хорошо. А у меня сын да дочь, есть еще внук от нее. Дети — это оправдание твоей жизни.

Потом старик рассказывал о каких-то эпизодах из жизни, закончив, смотрел на Кобека, ожидая его ответных слов, и, словно угадав их, кивал головой и ложился, подкладывая руки под голову.

— Все было, было! — проговорил он без всякого сожаления, потом быстро привстал и спросил:

— А кем ты работаешь?

— Сейчас в отделе культуры, учусь в заочной аспирантуре.

— А тема какая?

— Ногайская литература. — Чтобы вранье выглядело правдоподобно, Кобек вдохновенно вращал глазами.

Легенду про аспиранта Кобек придумал, вспомнив методиста в городском отделе культуры. Кобек лично знал Алимурата, тихий нрав которого всех настраивал

на разговор. Казалось, он будет слушать все, о чем ему ни скажи. Кобек подумал, что роль Алимурата ему по силам.

— Подумать только! Ногайская литература! А я и не знал о ее существовании. Да и о вашем народе до приезда в этот город не слышал никогда. Ты, молодой человек, должен написать эту работу, просветить людей. Ведь таких, как я, несведущих, очень много. Подумать только, ногайская литература! — повторил старик и с гордостью посмотрел на Кобека.

— А как тебя зовут, ты сказал? — спросил старик.

— Мы еще не знакомились. Меня зовут Алимуратом. — Кобек назвался чужим именем, подумав, что старику все равно, как его зовут, — выйдут из поезда и забудут друг друга.

— А меня — Василий Петрович...

Он стал рассказывать о том, что после детдома перебрал немало профессий; с гордостью говорил о работе на метрострое, вспоминал и о войне, где в первые годы был разведчиком, о том, как, получив тяжелое ранение, остался на фронте — фотографом в армейской газете... В мирное время — о нем тоже зашла речь — он до самой пенсии работал фотографом.

— Понимаешь, уважаемый Алимурат, мы, фронтовики, все переписываемся, мало того, видимся каждый год. Тянемся друг к другу. Война нас связала навеки. А почему? Кроме того, что на ней мы защищали самое дорогое нашу землю, матерей, сестер, нас объединяло и еще одно чувство: чувство победы над смертью. Мы ведь ее в лицо видели. А когда видишь свою смерть, тогда начинаешь ценить и свою жизнь, и чужую. Святое было время, хотя и убивать нас научило. Рукопашный-то бой — самое страшное. Если из автомата там или из пушки — так вроде и не ты убиваешь. Но вот я, разведчик, должен был и голыми руками давить гадину, и ножом добывать. Случалось и такое. А один раз замешкался и чуть не поплатился за это жизнью. Метнул я нож во фрица, а только ранил, кинулся на него, чтобы придушить, а вижу, он мальчик совсем, рука его теплую кровь чувствует, представил себя на его месте, а пока размышлял, он всадил в меня финку по самую рукоять. Вот так-то, уважаемый, если не

ты его, так он тебя! — щелкнул языком старик и, что-то припомнив, продолжил: — Товарищи решили, что я убит и хотели бросить, все-таки на стороне врага были, но Халит — земляк твой — догадался сердце послушать, и потащили меня ребята через линию фронта, рискуя сами погибнуть. А все из-за того, что пожалел врага... Война — это вроде небольшой отрезок времени, но для нас, воевавших, это вся жизнь. Все мы думали о погибших и о том, что сами могли быть на их месте, но радость от того, что живы остались, и сейчас не проходит. Оглянемся назад, а там одни окопы да воронки; взрывы слышишь, скрежет гусениц, выстрелы, кровь повсюду видишь. Всю мирную жизнь, даже детство, война заслоняет. Такая сильная штука! Я сейчас был у Халита, работал у него на комбинате, оформил стенды, наглядную агитацию. Халит выписал меня к себе на год, жильем снабдил. А мне что — лишь бы дело было да человек хороший. А разъезжать я люблю. До этого год на Украине пожил, еще год на Урале, а в Башкирии — так целых три. Чего в столице-то торчат, смрад один. А я куда ни поеду, первым делом завожу улы, пчел люблю, хозяев-то надо мной нет, сам себе голова. Сейчас от всего нашего полка только двадцать человек осталось. Три дня пробуду в Москве и поеду на Кубань, в Краснодарский край, к ротному командиру Ивану Нагнибеде, он пятнадцать лет председателем работал, сейчас, как и я, пенсионер, буду с ним на пасеке жить, говорят, что и в колхозе уйма дел...

Договорив, удалой старик взглянул на Кобека: поняла его молодежь или как?.. Кобек, словно оробев, опустил голову: стеснительный Алимурат часто так делал. Удивившись этому, старик добавил:

— Все было, все...

Кобек уже не раз слышал такие истории, и в рассказе старика заметил лишь контаминацию, компиляцию... и еще что-то в этом роде. «Литературщина какая-то», — подумал он. Сомневаться в искренности старика не приходилось, но Кобек привык доверять и собственным ощущениям: о том, как у воина пробуждается жалость к врагу, он уже где-то читал, о том, что война заслоняет мирную жизнь, от кого-то слышал. Смех, да и только!

Перекинув сбоку седую прядь, старик изучающе взглянул на Кобека.

— Тоже жидковато, — сказал он, улыбаясь и поглаживая свою лысину.

Оказалось, что и такой факт может стать предметом разговора. Байка старика была несколько длинновата, и Кобеку стоило труда заставить себя рассмеяться.

— Лет двадцать назад я уже такой был, — старик показал на лысину. — А расскажу я тебе о том, что со мной в доме отдыха случилось. Лежу я один в комнате, сосед уехал в город к знакомым. Лежу я эдак и никак не могу уснуть. Вдруг слышу шаги по коридору. Кто-то у моих дверей остановился, мы на ночь-то не запирались. Потом смотрю — женщина в потемках крадется, осторожно так, на цыпочках.

— Саша, спишь? — спрашивает.

У нас в комнате никаких Саш не было, ошиблась, видать, молодка, но я, старый хрыч, решил разыграть ее.

— Не-е-т! — прошептал в ответ.

А она говорит: «Продрогла я ужасно. Лучше бы в кино не ходила, ерунда какая-то», — и волосы распутывает, чтобы голову в ворот протащить.

Мне даже жутко стало, девка-то и впрямь спать со мной собралась.

— Чего же ты молчишь? — шепчет.

А я глаза зажмурил — стыдно, а одним глазом все-таки смотрю, как она голая дверь пошла закрывать. Ладная такая девка, фигуристая. Теперь уж, думаю, поздно разоблачаться, напугаю ее до смерти. Лежу, не шелохнусь. А она, бесстыжая, взяла да и нырнула под одеяло. От ее прикосновения я даже обомлел, продохнуть не могу.

— Ты какой-то не такой сегодня! — шепчет она, глядя мою грудь — дрожишь весь. Не заболел?

Я понимаю, что дело-то далеко зашло, а придумать ничего не могу. А она, как погладила мою голову, сразу вскочила:

— Ой, мамочка! Так это не ты, Саш? — в голос кричит.

— Ради бога, извините! Я спросонья ничего не понял, — извиняюсь, а она и слушать ничего не хочет.

— Нахал! — кричит, хватая свою одежку и вылетает из моей комнаты в чем мать родила.

Весь месяц я присматривался к девкам, все хотел ту повстречать. Но так и не узнал ее. И она, наверное, меня не узнала. Хотя, черт его знает, может, и узнала. Вот видишь! — старик хлопнул себя по лысине, — шевелюра подвела!

Услышав такое, Алимурат наверняка бы посмеялся, хотя бы из вежливости, — рассмеялся и Кобек: не подводить же своего прототипа!

Когда до столицы оставалось всего ничего, старик поинтересовался, где Кобек собирается жить.

Кобек, подражая Алимурату, застенчиво сказал:

— Еще не знаю. Поищу гостиницу.

— О-о, молодой человек, с гостиницами у нас проблема.

Кобек молчал.

Старик посмотрел на него внимательно и сказал:

— Вот что, молодой человек, у меня все равно квартира пустует. Живи-ка ты в ней. Занимайся своей литературой, ключи я тебе дам, и живи сколько хочешь, мне ничего не нужно...

— Ну что вы?! — Кобек был сражен предложением старика.

— А что? Живи! Ключи получишь, только после их сыну отдай, я тебя и с сыном познакомлю.

— А чем у вас сын занимается?

— Сын у меня ученый, кандидат наук, поведение животных изучает.

— Неужели? — вскрикнул Кобек.

— А что же в этом такого? — удивился старик.

— Я давно хотел встретиться с таким ученым.

— Ну, хорошо, сначала я покажу тебе свою квартиру, а потом поедem к сыну, познакомишься — я обычно у него останавливаюсь.

Кобеку стало стыдно, что он обманул такого доброго человека, но рассказывать как есть было уже поздно. Узнав, что сын старика — зоолог, Кобек чуть не подпрыгнул от радости: вот это номер! «Это судьба!» — подумал

он, чувствуя, что сможет наконец узнать истинную цену своих поисков. В свои гипотезы он верил и думал, что их научное обоснование все поставит на место.

Сойдя с поезда, Кобек вместе со стариком пошел на его квартиру, которая была неподалеку от вокзала; при виде упакованных в целлофановые мешки ковров и одежды, Кобек усомнился в том, что старик просто так доверит квартиру малознакомому человеку. Больше всего он боялся, что с него потребуют паспорт: тогда бы старик удостоверился не в личности своего знакомого, а в раздвоении этой личности. Но этого не произошло. Старик просто сказал:

— Протрешь пыль, проветришь квартиру — и живи себе. Постель здесь, — он открыл один из ящиков. — Простыней и пододеяльников тут несколько штук. Меняй сколько влезет. Единственная просьба к тебе, Алимурат: не оставляй радио на ночь, соседка внизу — вредная старуха, всегда жалуется на шум. Если по вечерам зайдут гости, говорите потише. Слышимость здесь сильная. Ну, что еще? Поехали к сыну?! Портфель свой оставь. Чего ты его будешь таскать? — Старик улыбнулся и потрепал Кобека по плечу. Вот, возьми запасные ключи. — Старик вытащил из серванта связанные веревочкой ключи от двух замков входной двери.

«Как в сказке?» — Кобек никогда бы не поверил, что такое случается в реальной жизни.

— Ты, адрес хорошенько запомни, а то не найдешь ночью, — сказал старик, когда они вышли на лестницу. — До этого у меня один студент жил. Бедокурил тут, страсть! Пришлось попросить. Соседи жаловались. Вообще, мы, может, больше и не увидимся. Когда будешь уезжать, отдай ключи кому-нибудь из моих, адреса я тебе дам.

На такое доверие Кобек не мог и рассчитывать. «Да тебе бы, наверное, и не доверили: кто ты такой! Это все — Алимурату!» — думал он, шагая за стариком по размякшему снегу.

— Самая плохая погода для нашего города. Надо мне поскорее убираться, а то подхвачу какой-нибудь грипп или простуду, — жаловался старик, осторожно ступая по мокрому снегу.

Роста он был большого, широкоплечий, шагал вразвалочку, но быстро — Кобек едва поспевал за ним. Подумав о том, сколько ему может быть лет, Кобек в который раз удивился — но теперь уже его расторопности и энергии.

Дверь им открыл такой же рослый и широкоплечий мужчина лет пятидесяти, на носу у него блестели очки, голова была обрита.

— Ждал тебя, отец! Телеграмму получил. Все ругал себя, что встречать не поехал, — говорил хозяин, провожая гостей в комнату.

— Не люблю я, чтобы меня встречали. Я ведь не дите малое, — сказал старик, тряся его руку. — Знакомься, это мой новый друг, тоже ученый.

— Иван, — мужчина протянул ему руку.

— А меня зовут Алимуратом, хотя в паспорте записано другое имя.

— Это как же так? — удивился Иван.

— Ногайцу при рождении даются два имени. Издревле так повелось. Одно имя — домашнее, другое — официальное. Вот и получается: Алимурат-Рауф.

Иван покачал головой.

— Как же тебя звать?

— Зови официально! — решил проблему старик.

— Да, зовите меня, как все, Рауфом. — Кобек почувствовал облегчение, избавившись от своего поводыря: Алимурат испарился, как дым, и он был чист перед этими добрыми людьми.

— Рауф так Рауф, — сказал Иван, усаживая на подвижные стулья отца и Кобека.

— У них там этих обычаев уйма. У Халита, ну, у того, что мне жизнь на войне спас, — я до этой поездки даже не знал, какой он нации, — мы внуку год справляли. Так меня сделали нареченным отцом. Халит барана зарезал в честь такого события и заставил меня побрить пацана. Так что, Иван, у тебя теперь двоюродный брат есть — Аскербий.

— Да уж, тебе только племянников не хватает. Поражаюсь я, отец, сколько у тебя знакомых! А я даже от коллег устаю, сердце ноет от их бестолковых, пустых речей... — раздраженно проговорил Иван.

— Ваше поколение не умеет ценить человеческое общение, а я без людей не могу! Не могу! — стукнул по колену старик.

— А я не могу больше минуты терпеть собеседника, который мелет ерунду, — морща лоб, сказал Иван.

— Ты бы лучше нам поесть дал! Мы с дороги проголодались, — оборвал его старик. — А где же все твои?

— Жена с дочерью уехали в Горький, — прокричал, уже из кухни, Иван.

— К родственникам жены, значит, — объяснил старик.

Через полчаса они втроем расположились в кухне. Мирно беседовали. Кобеку не терпелось заговорить о своем, но время было неподходящее. Он сидел чинно, как и подобает Рауфу, и, помня слова хозяина о коллегах-пустозвонах, в разговор не вмешивался.

Иван предложил выпить. Старик отказался.

— И вам не советую, — сказал он.

— Мы только по рюмке в честь вашей встречи и знакомства, — попросил Иван, доставая непечатую бутылку «столичной».

— Я о молодом человеке беспокоюсь: как он доберется до дома? — ворчал старик, прихлебывая наваристый борщ.

— Не страшно, молодой еще! — резко проговорил Иван.

— Мне больше рюмки не надо! — сказал Кобек.

— А больше я и не налью, — так же резко, почти недружелюбно ответил Иван.

Выпили не чокаясь. Потом Иван подал котлеты с зеленым горошком. Поели молча.

— Кофе, чай? — спросил он, отставляя тарелки.

— Чай, — сказал старик.

— Мне тоже. — За этим стариком Кобек был готов в огонь и в воду.

— Ну а я — кофе, — буркнул Иван и встал, чтобы зажечь газ.

Кобек наблюдал за Иваном и понимал, что поговорить с ним будет непросто: он был замкнут и ершист. Понадобится какая-то серьезная зацепка — и Кобек вспомнил о своей статье: подойдет! «Надо показать ее Ивану. Интересно, что он скажет!» — решил Кобек.

— Скажите, Иван, вы — зоолог? — спросил Кобек, когда с чаем было покончено.

— Почти. — Все свое внимание он сосредоточил на кофе.

— У меня есть одна статья, и я хотел бы показать ее вам, — почтительно произнес Кобек.

— Покажите, а о чем она? — Иван даже не смотрел на Кобека: кофе, по-видимому, удался.

— О неизвестном виде животных.

— Любопытно. А где она была опубликована? В какой газете, журнале?

— В нашей областной газете.

— Ладно, покажешь, — лениво сказал Иван и отпил еще глоток кофе.

— Я дам ему твой адрес и телефон, — сказал отец.

— Достаточно телефона. — И Иван начертил на листке бумаги номер. — Звони после двенадцати, до этого я на работе.

— Запиши и телефон сестры, — посоветовал старик.

— А вот это уж сам запиши, не имею привычки давать чужие телефоны, — отрезал Иван.

Кобеку стало неловко за него.

Старик бросил на Ивана недоумевающий взгляд.

— Какая же она тебе чужая? Родная сестра. — Старик записал номер. — Завтра я у нее буду. Позвонишь мне туда, — приказал он Кобеку.

Кобек почувствовал, что ему лучше уйти.

— Мне пора, — сказал он, поднявшись.

— Посидел бы еще? — проговорил старик.

— Пусть идет, — оборвал его Иван.

Он остался сидеть даже тогда, когда старик провожал Кобека до дверей.

— Не обращай внимания. — Старик искал еще какие-то слова, но они не приходили, и он только похлопал его по плечу.

— Что ты отправдываешься, отец? — крикнул Иван.

— Не обращай внимания, — повторил старик. — Он со всеми такой.

— До свидания, — Кобек повысил голос, чтобы Иван услышал его.

Но тот не отозвался. Тогда Кобек, осмелев, крикнул:

— Я позвоню вам насчет статьи!
— Попробуй, — пробурчал Иван.
— Я и вашей дочери позвоню, Василий Петрович,
— пообещал Кобек и, пожав старику руку, вышел из квартиры.

* * *

От Ивана Кобек поехал прямо к Фейруз. Дверь открыла Настасья Филипповна. Собачка, вынырнувшая из-за ее спины, залаяла на Кобека.

— Тьфу ты, черт! Кольку, что ли, не узнал? — прогнала собаку Настасья Филипповна. — Значит, похоронил отца? — спросила она.

— Да, Настасья Филипповна, — со вздохом сказал Кобек. — Фейруз дома?

— Да она приболела чуть-чуть, лежит.

— Что с ней? — обеспокоенно спросил Кобек и поторопился в комнату.

Фейруз лежала лицом к стене: глаза ее были закрыты, халат задрался, и оголилось полное бедро.

— Ты больна, что с тобой? — нагнулся над ней Кобек.

— Плохо мне, — простонала Фейруз, не поворачиваясь к Кобеку.

— Может, вызвать врача?

— Никого не надо вызывать. Скажи лучше, как ты доехал? Я понимаю, как тебе сейчас тяжело. Только потеряв близкого человека, понимаешь, что такое смерть! — Фейруз старалась забыть о себе, и это, похоже, шло ей на пользу.

— Может, тебе что-то надо? — спросил Кобек, садясь рядом и глядя ее волосы.

— Ничего не надо. Просто я хочу побыть одна. Тебе Настасья Филипповна все расскажет. Оставь меня, пожалуйста!

Кобек направился к Настасье Филипповне, но как только он открыл дверь, в комнату влетел Мишка.

— А ну пошел! — прикрикнул на него Кобек.

— Не гони, пусть останется здесь. Он очень помогал мне в эти дни, как родной стал... — тихо проговорила Фейруз.

— Пусть остается, я просто думал, что он помешает! — удивился Кобек и увидел, как Мишка примостился у ног Фейруз.

Настасья Филипповну он застал в кухне — она нервно курила.

— Вчера к врачу ходили. Доверять ему можно — все, надо думать, обойдется без осложнений, — успокоив Кобека, хозяйка еще больше разволновалась.

— Ей надо отдохнуть немного... Эх вы, мужики, вам бы так пострадать, как мы — бабы... — Помолчав, она нервно затянулась и сказала с сожалением: — А мне вот не довелось такого испытать — и не беременела никогда и не рожала. Прямо девочка!

Кобек подошел к приемнику и прибавил звук. «Знаменитый теннисист из ФРГ рассказывает о своих овчарках, — послышался голос спортивного комментатора. — Изучая их, узнаешь их желания и понимаешь, что у каждой из них свои склонности и свой характер...» Голос комментатора пропал, и послышались позывные футбольного матча.

Кобек убавил звук.

— Между прочим, — хозяйка горестно вздохнула, — она у меня Мишку купила. Хочет его с собой взять, домой! — сказала Настасья Филипповна.

— Домой? Как же так? — удивился Кобек.

— Не знаю, — повела плечом Настасья Филипповна.

Кобек почувствовал смертельную обиду: какой-то запрещенный удар! «Вот уж этого-то я никак не мог предвидеть». — Немного успокоившись, он направился к Фейруз.

Тишина в их комнате была пугающей. Фейруз, как и прежде, лежала лицом к стене. Когда Кобек вошел, пес встревоженно поднял голову, словно спрашивая его о чем-то. Кобек нагнулся над ним и заглянул в его блестящие зрачки. «Так ты, наверное, тоже индивидуум?..» — Кобек был уверен, что Мишка понимает его без слов. Но тот в ответ недружелюбно зарычал.

— Не трогай его, — сказала Фейруз, подняв голову.

— Я ничего ему не делаю, — с обидой ответил Кобек.

— Он все чувствует и все понимает, — проговорила она и снова повернулась к стене.

Кобек присел на краешек кровати.

— Я говорил с Настасьей Филипповной. Это правда?

— Да, я сходила к врачу. Ты мне даже в этом не смог помочь, — слабым голосом упрекнула Фейруз.

— Я обдумывал, насколько правильно твое решение. Сначала сомневался, а потом пришел к той же мысли: без детей нам будет лучше. Настасья Филипповна сказала, что ты собираешься домой? — спросил Кобек, все еще надеясь на утешительный ответ.

— Да, Кобек, — Она повернула голову. — Помоги мне встать. Я так больше не могу. Иногда мне кажется, что я тоже хожу по канату! — Она, судя по тону, уже все решила.

— Но ведь нам вот-вот предложат обмен. Алтай сказал, что все быстро устроится...

— Не хочу я никуда переезжать, Кобек. Я привыкла к своему городу. А главное, я чувствую, что у нас с тобой ничего не выйдет. Во-первых, у тебя семья. Хотя дело даже не в ней. Ты живешь сам по себе. А тот, кто хочет создать семью, ведет себя иначе. Я не знаю, что тебе нужно. И вообще, нужно ли тебе что-нибудь? — Фейруз запнулась, подбирая нужные слова.

Воспользовавшись паузой, Кобек подал голос:

— Но я тебя люблю! И в этом — вся моя жизнь.

Кобек даже смутился, почувствовав, что такие слова, произнесенные вслух, кажутся слишком напыщенными.

— А я? Обо мне ты подумал?! — За этими словами должны были последовать другие, но Фейруз все еще не решилась их произнести.

— Конечно. Я всегда хотел, чтобы тебе было хорошо.

— А мне нехорошо с тобой. И не могло быть хорошо, ведь наша связь ненормальна!

— Ты все об этом! — Кобек не хотел повторять того, что уже было сказано, а новых слов не находил.

— В той жизни все было прекрасно. Я посвящала себя Юхану, он жил только для меня. Мы были нужны друг другу. А с тобой нас связывает только постель. Я чувствую, что больше тебе от меня ничего не надо...

— Тебе так кажется, потому что я безумно тебя люблю. — Кобек и сам не мог понять, откуда взялась эта ирония, но, почувствовав, насколько она неуместно, поста-

рался изменить тон: — Тебе кажется, что я ищу только близости с тобой? — спросил он слишком откровенно и, увы, не менее иронично.

Фейруз убрала руку со лба и в упор посмотрела на Кобека.

— Ты опять вынуждаешь меня сказать то, чего я не хотела.

— Говори, говори! — усмехнулся Кобек.

— Не думай, что близость с тобой мне в радость! — И эти слова он уже слышал, но и тогда и теперь они казались ему неискренними.

Почувствовав себя оскорбленным, он растерянно посмотрел на нее.

— Неправда! Ты просто хочешь меня разозлить... Неужели с Юханом было лучше? — ничего умнее Кобек придумать не мог.

Фейруз промолчала.

Ударив женщину — а как еще это можно было назвать! — Кобек вышел из комнаты. Ему было о чем подумать. «Она уже дважды оскорбила меня! А за что, собственно? Что я сделал плохого? Ведь тогда она сама попросила меня остаться... И потом — мы так давно знакомы... Юхан появился гораздо позже...» — Голова у него просто раскалывалась. Вспомнился тот случай на реке, когда он, впервые почувствовавший влечение к женщине, бежал к воде смыть с себя позор. Потом вдруг вспомнился детский сад и то, как он, совсем маленький, намочил во сне постель...

— Ну что?! — Голос Настасьи Филипповны словно привел его в чувство.

— Да ничего! — буркнул Кобек.

— А может, выпьешь, Коля? — спросила Настасья Филипповна, доставая из-под стола початую бутылку красного вина.

— Налей! — согласился Кобек, хотя давно уже не брал в рот таких дерьмовых вин.

Настасья Филипповна налила Кобеку полный стакан.

— Выпьем не чокаясь. Отца твоего помянем!

Кобек выпил до дна, не дожидаясь, пока хозяйка нальет себе. Настасья Филипповна сделала умеренный гло-

ток и, вздохнув, сказала: — Царство ему небесное! — Потом взглянула на Кобека: — Есть будешь, Коля?

— Нет. Ты бы лучше принесла мне водки, — Кобек вытащил из кармана десятирублевую бумажку.

— Мигом сбегаяю, — обрадовалась хозяйка.

— Нет, — остановил ее Кобек и вытащил из кармана еще одну десятку. — Принеси еще водки, а на остальное возьми себе вина.

— Хорошо, хорошо, Коля. — Она взяла деньги и заторопилась к выходу.

С вешалки, судя по звукам, слетели какие-то вещи — Настасья Филипповна спешила. Потом щелкнул замок.

Вино согрело Кобека, ударило в голову.

«А что, собственно, произошло? — подумал он и улыбнулся, представляя себя героем трагедии, переживающим страшное потрясение. — Не вешаться же из-за этого! Ну, не любит она меня. Это ясно! Обидно, что и говорить! Но насильно мил не будешь. А что, дурак, неси куда-то сломя голову! Возомнил, что я Ромео, неотразимый Карайдар, Ален Делон... И все-таки обидно! Так хотелось пожить по-человечески! Стать наконец самим собой... Рухнули все мои надежды. Больно думать об этом, но ничего не поделаешь!..» — Кобек уронил голову на грудь. Ему все хотелось представить себя отвергнутым любовником из какого-нибудь романа, но достойной кандидатуры так и не нашлось.

Послышался шум.

— Еле успела, — донесся из прихожей голос Настасьи Филипповны. — Это тебе, — сказала она, ставя на стол бутылку водки, — это мне! — Вино она принесла свое — любимое... — Остальное про запас, — и она показала на лежавшие в сумке бутылки. — Еще взяла сыра и колбасы...

Пили почти не разговаривая. Кобек наливал себе водку, хозяйке — вино.

— Не переживай, — говорила она, ласково глядя на Кобека.

Кобек, выпив всю водку, достал из сумки вторую и сунул себе в карман.

— Никак собрался куда-то? — с тревогой спросила Настасья Филипповна.

— Да, мне надо идти! — твердо ответил Кобек.
— Никуда я тебя не пущу! — Хозяйка преградила ему путь. — Ты выпил, тебя любая милиция заберет!
— Не заберет! — Кобек вырвался из рук Настасьи Филипповны и, нашарив в темноте пальто, начал одеваться.
— Никуда ты не пойдешь! — вцепилась в него хозяйка. — Я сейчас жене скажу! — пригрозила она и, выпустив Кобека, распахнула дверь их комнаты. — Фая! Коля-то пьяный уходит... Да встань же ты! В милицию ведь заберут!

Кобек, одевшись, ждал, что скажет Фейруз.
— Вы же знаете, Настасья Филипповна, — я больна! Да и что я могу сделать! — простонала Фейруз.

Настасья Филипповна с грохотом закрыла дверь и выбежала на лестничную площадку.

— Ну, я прошу тебя, Коля, не уходи! — Она вцепилась в Кобека и, притянув к себе его голову, поцеловала в щеку.
— Не уходи, глупый! — в глазах ее блеснул какой-то огонек.

Кобек вздрогнул от этих слов и, заметив, с каким трудом женщина укротила свой порыв, усмехнулся. Филипповна отвела глаза в сторону, и, увидев ее багровую щеку, Кобек вырвался из ее рук и зашагал по лестнице.

— Возвращайся поскорее, Коля! Мы будем ждать тебя! — И Настасья Филипповна всхлипнула.

Кобек быстро сбежал по ступеням и вышел на улицу. Там было сыро, на обочинах еще лежал снег. Куда идти, он не знал, и направился, как обычно, к метро. Бутылка похлопывала его по ноге, и он переложил ее в карман пальто: так было лучше. «Не уходи, глупый! — слышался ему зазывный шепот Настасьи Филипповны. — Ишь, чего захотела! — усмехнулся Кобек. А может, она и не хотела ничего такого! — Проблеск сомнения вытравил из его сознания весь этот эпизод.

А Фейруз даже не встала. В чем же дело? Откуда такая перемена в ней? И на что она рассчитывала, уезжая со мной? Может, чего-то испугалась, узнав меня поближе? Но я же во всем угождал ей, делал все, что она хотела. А может, она почувствовала в этом какую-то неискренность и подумала обо мне бог знает что? Но я не такой уж плохой! В самом деле, неплохой, хотя и часто ду-

маю о себе плохо! Разве я обидел кого-то? Да никого! — побожился Кобек и нарисовал в своем воображении кристально чистый образ невинно пострадавшего человека. Ему стало ясно, что Фейруз несправедлива, и от обиды он прослезился. Из глаз его текли слезы, и он был им рад: — Вот, — думал он, — она заставила меня плакать, но это хорошо». — Он потоптался немного на этом мученическом месте, а когда увидел шедшего навстречу мужчине, вытер лицо ладонью и пошел дальше. Прохожий был навеселе и от избытка чувств снял шляпу и раскланялся с Кобеком. Тот промывчал что-то в ответ и прошел мимо. «Приветствует во мне нового человека!» — И это, увы, была не шутка. На душе стало еще тяжелее. На улице никого не было, и Кобек подумал, что метро, по-видимому, уже закрыто. Самое лучшее было бы вернуться домой, но обида на Фейруз еще не прошла.

«Ну что, спрашивается, она могла подумать обо мне? Упрекнуть меня можно только за то, что я оставил семью, детей, но я ведь сделал это из-за нее... Да и мало ли сейчас таких, как я? Не все же они — подлецы! Просто всем им, а значит, и мне, стало невмоготу! Нельзя же обвинять их в том, что они захотели построить новую жизнь! Если я ошибся разок... Но не из-за этого же... А может, она дует на меня из-за отца? Но она ведь ничего не знала о наших отношениях. Непонятно... Непонятно... — Обида снова взяла его за горло, и он наверняка расплакался бы опять, если бы не вспомнил, как только что, взглянув на себя — плачущего — со стороны, пришел в ужас. — Нельзя же так обманывать себя!» — Кобек подтянулся и замаршировал туда, где призывно светилась буква «М».

Но метро было закрыто. Он вспомнил о ключах, которые дал ему Василий Петрович и, удивившись еще раз всему, что с ним произошло, решил ехать к нему.

Такси долго петляло в районе вокзала — найти дом было действительно нелегко.

В квартире нечем было дышать: сбитый в комок воздух глушил, казалось, все звуки. Оглядываясь по сторонам, Кобек прислушивался к тишине, пытаясь поймать хотя бы обрывок разговора или скрип дверей... Чтобы

почувствовать себя в обитаемом доме, он даже пустил воду в ванной, но это не помогло. Тишина угнетала, нагоняла какой-то страх. Тогда он открыл балконную дверь. Там лежал снег. Издалека донесся шум поезда, и вновь все затихло. Найдя тряпку, Кобек протер ею стулья и стол. Потом стащил с дивана шерстяное покрывало и вытряхнул его на балконе. В ящике, как и говорил старик, лежало белье. Можно было бы прилечь, но Кобек решил еще побороться со своим страхом. Он вспомнил, что в кармане пальто лежит водка, но, раздеваясь, он потушил свет в прихожей и теперь ему было боязно туда входить. «Что это я так стухнул?» — одернул он себя и, решительно войдя в прихожую, зажег свет. Вытащив из кармана бутылку, вернулся в комнату, но света не погасил: мог ведь он забыть об этом! На кухне он заглянул в шкаф, достал оттуда бокал и посмотрел, нет ли чего поесть — никаких продуктов в шкафу не было. Пройдя в комнату, он обыскал стенные шкафы — на нижней полке стояли какие-то банки. Обнаружив среди них огурцы, Кобек обрадовался. Расставив на столе закуску, присел. От водки снова поплыло в глазах, и мысли о будущем показались ему весьма смутными.

С балкона потянуло холодом, но закрыть дверь Кобек не решался, взял из прихожей пальто и накинул на плечи. В комнате даже сейчас было жутковато, а каково было тогда, когда он только вошел сюда, и вспоминать не хотелось: безвоздушное неживое пространство!

Второй бокал Кобек закусил огурцом: ему вдруг показалось, что он перемалывает тишину — этот хруст оглушал, как грохот поезда.

«И как только он здесь жил! — подумал Кобек. Тут и днем-то, наверное, страшно!» Он расхаживал по комнате, выходил на балкон, возвращался и, залив себя порцией водки, продолжал это кружение. Когда стало рассветать, он все-таки прилег — не закрыв двери, не потушив свет, в пальто... Но только он сомкнул глаза, как раздался оглушительный треск. Он вскочил и, подойдя к балконной двери, стал вглядываться в темные деревья. На одной из веток заметил черную ворону: вытянувшись, она смотрела в его сторону. «Вот ужас-то! — прошептал Кобек. Только ее не хватало!» Присмотревшись, он за-

метил на верхушке дерева скрученное из веток гнездо.

С него было достаточно. Он закрыл балконную дверь и, допив водку, потушил свет и вышел из квартиры.

Остаток ночи он провел на вокзале. В зале ожидания нашлись пустые места, и он наконец заснул.

В полдень он встретился со стариком. О своих ночных страхах Кобек ничего не сказал. Они пообедали в кафе. На прощанье старик пожелал ему успехов.

Потом Кобек позвонил его сыну и спросил, может ли тот с ним встретиться. Но Иван сказал, что этот разговор сейчас лучше отложить...

Трактат о любви

Через несколько дней Фейруз уехала. Когда он с Настасьей Филипповной провожал ее, она взглянула на него с укором. Он не мог забыть этого взгляда. Затачив ее вещи в купе, он присел отдохнуть. Вскоре вошла Фейруз, держа на поводке притихшего Мишку: он был в наморднике и смотрел на мир косо. Кобек остался в купе, надеясь, что что-то в последний момент изменится: думать о том, что все кончено, не хотелось. Но Фейруз не снизошла до объяснений и взглянула на него так, что ему стало ясно, о чем она думала. «Ну и чего ты притащился? — прочитал он в ее глазах. Что ты корчишь из себя джентльмена! Все это уже не имеет никакого значения — я не верю тебе...»

Фейруз отвернулась к окну и помахала рукой Настасье Филипповне.

Кобеку хотелось крикнуть: «Все это не так! Я, может, и не джентльмен, но никого другого я не стал бы провожать до поезда. Я пришел ради тебя, ради тебя способен на все, на подвиг, на самопожертвование! Пойми ты это наконец!»

Но Фейруз даже не смотрела на него. Кобек потрепал фокстерьера за уши: «Счастливчик!» — и встал.

— Я только не пойму, почему мы расстаемся врагами?

Фейруз молчала.

— Что я такого сделал?

— Я давно хотела сказать, что мы просто не подходим друг другу. Но ты бы, наверное, ничего не понял: это трудно объяснить. Ты ничего не сделал. И нам, по видимому, давно надо было расстаться! — непонятно почему она думала, что теперь-то уж он ее наверняка поймет.

«Ничего не сделал! — повторил про себя Кобек и продолжил: — Пока не сделал! Но от тебя я уже не жду ничего хорошего...» Он ждал, что Фейруз еще что-то скажет, но она молчала.

— Прощай, Фейруз, — сказал он.

— Прощай, — равнодушно проговорила Фейруз.

...Возвратившись домой, он вспоминал этот ее взгляд. Ему казалось, что точно такой же был и у Риммы, и у Кунбийке... и у множества других людей. «Конец любовнику Кобеку! А какая дамочка была!» — смеяться над собой, как он слышал, полезно, но ему это пользы не принесло.

Опять, как и после расставания с проектным институтом, он лежал обессиленный на диване и не знал, что с собой делать. «Жизнь все-таки бессмыслица. Ну, кому нужно твое существование?!» — он не знал, что ответа на этот вопрос нет и уже не искал его. Настасья Филипповна то и дело заходила к нему и, стараясь ободрить, говорила то, что обычно говорят в таких случаях: не раскисай, возьми себя в руки, будь мужчиной!.. Под вечер Кобеку показалось, что она вообще не собирается от него уходить. Он отвернулся к стене и вспомнил, как, возвратившись с похорон отца, застал Фейруз больной и сидел возле нее точно так же, как сидит теперь Настасья Филипповна: утешая и подбадривая. Когда причитания Настасьи Филипповны стали совсем уж нестерпимы, он встал с кровати.

— Мне плохо, Настасья Филипповна! Оставьте меня одного! — попросил он.

— Хорошо, хорошо, Коля, я сейчас уйду. Но ты бы поел чего-нибудь или выпил. Нельзя же так переживать! — хозяйка подошла совсем близко и ласково погладила его по плечу.

От этих нежностей Кобека замутило.

— Вы дадите мне побыть одному? — сказал он с упреком.

— Конечно, Коля, конечно! Разве я чего говорю! — и она с мольбой взглянула на него.

Ее жалостливый тон возмутил Кобека: чего ей, собственно, надо! Он скользнул по ней взглядом, заметил глубокие морщины, красное пятно на щеке... «Ну нет, я так больше не могу!» — подумал он.

— Мне надо ехать! — заявил он.

— Куда ты поедешь, Коля? — недовольно спросила Настасья Филипповна.

Кобек надел пиджак.

— Надо заехать к другу! Он ждет! — Не глядя на хозяйку, он направился в прихожую.

Настасья Филипповна пошла за ним:

— Смотри, Коля, как бы твой друг не оказался женщиной!

— А вам-то какое дело! — вырвалось у Кобека.

— Подхватишь еще какую-нибудь заразу, в нашем городе грязи предостаточно! — Настасья Филипповна перешла на крик, и это удивило Кобека.

— Не беспокойтесь! — сказал он и закрыл за собой дверь.

— Так ты возвращайся, Коля! — прокричала ему вслед хозяйка.

Кобек смолчал.

— Я буду ждать! — хозяйка как будто ставила ему условие.

Пораженный такой переменой, Кобек остановился.

— Я буду ждать тебя, Коля! — повторила она уже мягче.

— Коля постарается, — пообещал он.

«А вот вернется ли Кобек, не знаю!» — подумал он и помчался по лестнице, как по горной тропе: вниз, в долину, поближе к солнцу...

* * *

Ни к Нурадину, ни к Шоре Кобек не поехал — о чем, собственно, он мог с ними, говорить?! Видеться с Альтаем после отъезда Фейруз не было никакого смысла. Он

долго блуждал по улицам, входя в роль изгоя — обида на Фейруз не проходила! — и разочарованного в жизни эстета: все-то ему было не по душе: незнакомые люди казались слепцами, знакомые — слишком требовательными и проницательными... Непонятно, как он очутился в каком-то ресторане. Заняв столик, заказал себе водки и просидел до самого закрытия. Уходя, попросил у официантки бутылочку. На вынос в ресторане ничего не давали, но официантка смилостивилась над ним. Кобек не пожалел денег, чтобы отблагодарить ее.

Поймав такси, Кобек поехал к старику.

Но, как только он вошел в квартиру, вчерашние страхи вернулись к нему. Нечем было дышать, не с кем разговаривать — отсутствие жизни отнимало и его жизненные силы. На этот раз он даже не открыл балконную дверь — черневшее на ветках воронье гнездо наводило ужас. «Нет, это невыносимо!» — подумал он и, потушив свет, вышел на улицу.

И опять он ловил такси, и опять думал о том, что в этой жизни нет никакого смысла.

До самого рассвета он сидел с Настасьей Филипповной на кухне и пил. Говорили мало, а курили так много, что в дыму едва различали друг друга. От всех этих волнений, да и от водки, которой в последние дни он выпил столько, сколько не выпивал за год, Кобек совсем обессилел. Словно онемев, он положил голову на стол и закрыл глаза.

— Ну нет, Коля, спать я тебе не дам! — скомандовала Настасья Филипповна и, положив его руку себе на плечо, понесла, как с поля боя, в свою комнату.

Очутившись в комнате Настасьи Филипповны, Кобек пришел в себя, но ни руки, ни ноги не слушались. Он лежал на белой накрахмаленной простыне и, приоткрыв глаза, наблюдал за тем, как Настасья Филипповна его раздевает. В зеркале напротив он видел себя — полураздетого, и Настасью Филипповну, сдирающую с себя поблекший халат, а потом и нижнюю рубашку... Оставшись, как на пляже, в бюстгалтере и плавках, она взглянула на себя в зеркало и спросила:

— Что скажешь, Коля? Недурно выгляжу?

Кобек не поверил своим глазам: перед ним стояла стройная женщина, с длинными ногами, с гладкой, молодой кожей... Когда она под села к нему, Кобек, не помня себя, заключил ее в объятия. Чтобы не видеть безобразившего ее пятна, он не открывал глаз.

— Какой же ты сильный, какой горячий! — шептала она и проворно гладила его по волосам...

Кобек проснулся оттого, что страшно захотел пить. В комнате горел свет, рядом с ним ничком лежала Настасья Филипповна. И он снова удивился тому, что на ее теле не было ни единой складки. «Если бы не лицо, можно было бы подумать, что девочка!» Напившись, он вернулся в комнату и посмотрел на себя в зеркало.

— Ну что, Коля? — спросил он с усмешкой того, кто был так похож на Кобека.

— Это тебе вместо Фейруз... — усмехнулся в нем Кобек.

Потом он вытащил из-под хозяйки одеяло, накрыл ее и прилег рядом.

Наутро его разбудили горячие поцелуи. Увидев над собой крючковатый нос с влажными ноздрями и лоснившийся рубец на щеке, он закрыл глаза и повернулся на бок.

— Я, что же, не нравлюсь тебе, Коля! — обиженно проговорила Настасья Филипповна.

— Я хочу спать, — ответил Кобек.

— Посмотри на меня, — настаивала его подруга.

Когда Кобек повернулся, на него снова посыпались поцелуи: Настасья Филипповна была неутомима.

— Тебе хорошо? Хорошо? Скажи! — Как и на поцелуи, на эти вопросы полагалось отвечать. Знойная женщина припала к нему с такой неистовой силой, что Кобеку только и оставалось, что сказать «хорошо», и он сделал это...

Взглянув на свою новую подружку, Кобек увидел, что она смеется.

— А знаешь, Коля, я ведь тебя на Мишку обменяла!

Кобека так ошарашило это признание, что он долго не мог найти слов.

— Ну, и как? — Кобек почувствовал, что, лишь превратив все в шутку, он выиграет этот раунд.

— А ничего! — знойная женщина потупилась и притворно вздохнула.

— А как же мне тебя называть теперь? По имени-отчеству вроде неудобно? — спросил Кобек.

— Зови Настей, а если хочешь — Филипповной, так меня мой второй звал.

— Решено, буду звать Филипповной, — усмехнулся Кобек.

* * *

К своей роли сожителя Кобек относился с холодом: комические роли никогда ему не нравились. Днем он старался не бывать дома — ходил по улицам, осматривал какие-то достопримечательности, а если иногда и бывал, то целый день читал книги или смотрел телевизор. Вечера они проводили за бутылочкой. Настасья Филипповна, любившая только вино, попивала, хотя и с неохотой, водку — и уже после второй рюмки приходила в лирическое состояние. Она долго рассказывала Кобеку о своей неудавшейся жизни, курила. Кобек не перебивал ее, зная, что после этой прелюдии они пойдут в ее комнату, и тревоги, одолевавшие его, на время отступят. Его разбитная подружка была, по сути, доброй женщиной, и ему с ней действительно было хорошо. Днем он, конечно, упрекал себя за распущенность, за то, что так низко пал. «Но кто, собственно, знает, что ты сожительствуешь с женщиной, которая годится тебе в матери? Только соседи! Но им известно, что я квартирант. И это действительно так, ведь я заплатил за два месяца вперед». — Хороши или плохи были эти аргументы, неважно — Кобек готов был ухватиться за соломинку.

После отъезда Фейруз ему ни о чем не хотелось думать. Деньги у него еще оставались, крыша над головой была... Чего же еще?.. Он, как и прежде, надеялся на то, что в его жизни наступит час, когда поймет, для чего живет. Но сейчас он чувствовал только боль: жить было нечем и не для кого. Дни его походили один на другой: он читал, что придется, смотрел, что показывали... Если

бы его спросили, какой сегодня день, он бы не ответил. Он мог лечь на рассвете, проснуться вечером, заснуть в обед. Настасья Филипповна, в отличие от него, не забывала ни о своих правах, ни об обязанностях: с утра она была на ногах, бегала по магазинам, по своим бабьим делам... Кобек еще не разу не показался с нею на улице, но Настасья Филипповна и не требовала этого: ей было достаточно того, что Кобек был при ней.

В одной из газет Кобек наткнулся на любопытную заметку. Называлась она «Лайка стала археологом». Он прочитал ее несколько раз и почти заучил. «Однажды, — писал репортер, — камчатский охотник стал свидетелем того, как его собака Шаро принялась за настоящие археологические раскопки. Не разобравшись поначалу, в чем тут дело, охотник пытался успокоить собаку, но не тут-то было: работа уже шла полным ходом, и через какое-то время из вырытой ямы сантиметров 30 глубиной она достала ржавый металлический наконечник.

Охотник сразу понял, что это историческая реликвия, и находка была определена в местный краеведческий музей. Специалисты доказали, что этот наконечник был отлит на костре. Именно так выплавляли железо и бронзу эвенки — выходцы из Приморья и Приамурья, поселившиеся некогда на западном побережье Камчатки...»

Прочитав эту заметку, Кобек вспомнил о том, что собирался поговорить с Иваном.

Вечером он позвонил ему, и они договорились встретиться в воскресенье.

Собираясь на эту встречу, Кобек достал из чемодана свою рукопись и статью, в которой рассказывалось об изображении в пещере; «разоблачительную» статью он положил обратно. Роясь в своем чемодане, он наткнулся на любимый портрет. Он посмотрел в глаза прежней Фейруз. Портрет был действительно великолепный, на темном фоне ярко вырисовывалось бледно-золотое лицо восточной красавицы. Щенок, прижавшийся к ее груди, был шаловлив, как ребенок. «Неужели художник предугадал ее судьбу? — подумал Кобек. — Или это просто совпадение? Так или иначе, Фейруз отвергла мою любовь. Нашла себе родное существо!» — Почувствовав, что в этой шутке слишком много правды, Кобек вздохнул.

Когда Настасья Филипповна вошла в комнату, Кобек все еще беседовал с Фейруз.

— Да у тебя икона, Коля! — Настасья Филипповна благочестиво сложила руки, но, всмотревшись в портрет, обернулась боярыней Морозовой и — сначала отвергла творение: «Паскудство какое, господи!», а потом и прокляла творца: «Будь он неладен, пачкун этот!..»

— Правильно говоришь — паскудство! И эта переключка неслучайна: «самыр-паскуджи». Паскуда, паскудство, — Кобек был словно в бреду.

— О чем это ты говоришь, Коля? — удивилась Настасья Филипповна.

— Да так... Просто ты мне кое-что подсказала.

— А у тебя ведь, Коля, какая-то тайна есть, я чувствую. Не такой ты простой, как кажешься, — сказала хозяйка, пристально глядя на Кобека.

Кобек ничего не ответил — мысли его были далеко.

«Что это — предвидение? — подумал он. — А может, предопределение!»

— Паскудство это, точно! К то же это надумал божьей матери такое дите пририсовать? — и Настасья Филипповна сотворила благо, отойдя от греха.

«Фейруз она не узнала!» — подумал Кобек и срочно составил мнение о женской дружбе.

Прихватив с собой рукопись и газеты — одну со своей статьей, другую — с заметкой о собаке-археологе, он отправился к старику. По дороге зашел в магазин и купил все, что нужно. Войдя в квартиру, удивился: чего это он боялся ночью! Раскрыл балконную дверь — оттуда сразу ворвался уличный шум; увидел черную ворону на ветке и усмехнулся — чем она его так напугала?! До прихода Ивана Кобек успел прибрать квартиру и накрыть на стол.

Иван пришел точно в назначенное время. Сухо поздоровался.

— Забыл, как тебя зовут? — спросил он.

— Зовите меня, как все, Алимуратом, хотя в паспорте у меня другое имя! — ответил Кобек.

— Черт вас разберет с этими именами! Все вы зовете себя Мишами, а в паспорт заглянешь: Магомед или Гаджи-Магомед, или Амин-Магомед... А у тебя все наоборот: в паспорте имя как имя: ты ведь говорил — Рауф? — а так:

али Мурад, али нет, — Иван усмехнулся и бросил взгляд на стол. — А вот это ты зря. Я с вашим братом не пью, побаиваюсь: все вы на поверку просителями оказывае-тесь!

— Да я же от чистого сердца, — обиделся Кобек.

— И все-таки сразу скажу: машину я тебе достать не смогу, с нужными людьми знакомить не буду. Скажи спасибо, что не отсоветовал отцу пускать тебя на квартиру. Только в этом мы с ним и расходимся! Не могу понять, что за доброта такая: он ведь первому встречному готов дать приют! Но подмазывать меня не надо: я для него — не авторитет!.. — Иван взял стул и отсел от стола.

— Я даже подумать не мог, что вы такой. Я ведь без всякой корысти, — Кобек был готов побожиться, но и это, наверное, не помогло бы.

— Ладно, ладно, — перебил его Иван, — давай ближе к делу.

— Когда я узнал, что вы зоолог, я захотел показать вам одну статью...

— О чем она?

— О том, как в одной из наших пещер было найдено изображение самыра...

— Какого еще самыра?

— Об этом животном мало что известно, хотя о птице-симурге знают давно. В иранских исследованиях его называют сенмурв—паскуджи...

— Ну, знаешь, это из области мифологии, а моя специальность — естественные науки!

— Я именно потому и обратился к вам. — Кобек достал газету, в которой были помещены его статья и рисунок.

Иван внимательно прочитал статью, изучил рисунок — и недоуменно спросил:

— Любопытно! Но что из этого следует?

В ответ Кобек процитировал начало своей работы: «О сказочной птице самыре знают все, кто знаком с иранским фольклором. По преданию, она обитает на Эльбрусе, редко покидает родные края, и видеть ее удается лишь немногим...»

— Ну; и что из этого следует? — сердито повторил Иван.

— А то, что пещера, в которой найден рисунок, в двух шагах от Эльбруса. Разве нельзя предположить, что этот вид животных существовал в действительности?

Иван еще раз внимательно посмотрел на рисунок:

— Но этому нет никаких подтверждений. Какие у тебя основания так думать?

— Изображения самыра встречаются очень часто: на вазах, тарелках, ножнах... Эти экспонаты хранятся и в Эрмитаже, и в Топкапском музее, и в Америке...

— Ну, разве это основания! Мифологические сюжеты находили отражение и в изобразительном искусстве, и в прикладном... Это вполне естественно.

— Все это так, но ведь уже на нашем веку исчезло немало видов животных. А сколько еще исчезнет?.. Если так рассуждать, можно прийти к выводу, что зубры и мамонты, которых никто из нас не видел, тоже всего лишь мифологические образы!

— Верно, но и утверждать, что существовали какие-то самыры, основываясь только на художественных источниках, несерьезно. Так можно додуматься до того, что и русалки существовали, и сфинксы...

— Я как раз думаю, что сфинксы — одна из разновидностей самыра. А что касается всяких там русалок и кентавров, то это, по-видимому, плод человеческой фантазии... Людям ведь всегда хотелось объять необъятное и постичь непостижимое...

— То же самое, между прочим, можно сказать и о твоём самыре! — усмехнулся Иван.

— Можно, я согласен. Останки их не найдены, или мы просто не научились их определять. Но ведь и сейчас еще очень многое неизвестно. О происхождении отряда рукокрылых наука молчит, а ведь очень может быть, что самыры были самым крупным подвидом рукокрылых. Вы же не станете отрицать, что происхождение этого вида — все еще тайна?

— Может быть, и так, хотя ученые всего мира занимаются этим...

— А чем, например, можно объяснить их эхолокационные возможности?

— Боюсь, Алимурат, что этот разговор становится несколько беспредметным, ведь ты интересуешься всем

этим как любитель... Эхолокационные способности рукокрылых изучаются, но что сейчас говорить об этом! Вернемся лучше к твоим самырам. Что конкретно ты хочешь от меня узнать?

— Я хочу сказать, что рукокрылые — это венец природы, а самый совершенный вид рукокрылых — это самыры.

— Фантастика, Алимурат, как и мифология, — не мой жанр. Мне нужны доказательства!

— Рукокрылые постигли тайну ультразвука. Не зря ведь их называют «чемпионами слуха». Ни одно животное не обладает таким радарным механизмом... Но по сравнению с самырами, которых давно нет в природе, современные рукокрылые — примитив...

— Что же, по-твоему, случилось с самырами?

— Они не смогли адаптироваться на земле и деградировали. О смысле жизни задумываются не только люди, а с бессмысленностью своего существования все борются одинаково — перестают существовать!..

— В кого же, по-твоему, превратились твои самыры? В крыланов, в летучих мышей? — Иван, казалось, терял всякий интерес к этому разговору.

— Причем тут летучие мыши! — возмутился Кобек. — Они превратились в простых собак.

— О, вот это уже интересно! Но на чем ты основываешь свои предположения? Должна же быть во всем этом хоть какая-то логика! Хоть какая-то! — Судя по всему, принимать у него этот «зачет» Иван не собирался.

Кобек с усмешкой взглянул на своего экзаменатора и, немного поразмыслив, решил рассказать ему все.

— Десятки миллионов лет назад, — начал он, самыры царили на земле. Они, по-видимому, были не только сильны, но и разумны. Я даже думаю, что они создали цивилизованное общество. Жили самыры большими группами, осознав, как, может, никто до них, силу единства, но, поскольку они ничего не производили, то и не пошли в своем развитии дальше патриархально-феодальной общины. Самыры охотились и занимались разведением домашнего скота. Жилищ не строили, обретались в пещерах или под открытым небом. Как и люди, они были плотоядными и плодоядными. Питались, как и кры-

ланы-вампиры, кровью животных, занимались, как и крыланы — летучие мыши, сбором плодов, не брезговали насекомыми, ловили рыбу, любили, как и современные собаки, мясо. Так, возможно, они и прожили многие миллионы лет... На этой — ранней — стадии они еще могли совершенствоваться, и это делало их жизнестойкими. Самыры обучались самым разным формам охоты, совершенствовали животноводство... Равных им не было на земле — каждое живое существо могло стать их жертвой: самыры были агрессивны. Самым любимым занятием у них были ристалища: они много охотились, занимались ловлей животных. Многие из животных потом служили людям, но приручили их именно самыры. Вскоре у них появились стада овец, лошадей и коз. Не всегда они могли их поделить — начались распри. Одна колония истребляла другую и получала права на их леса и скот. Тех, кто оставался в живых, самыры поработали. Чтобы рабы были настоящими рабами, им обрезали крылья или разрывали сухожилия — чтобы пасть, им не нужны были крылья... В отличие от своих хозяев, рабы по-прежнему жили в пещерах, а пастухи—самыры даже в норах или берлогах... Они были бесправны: не могли ни охотиться, ни уходить в лес... Способ жизни повлиял, конечно и на наследственность: самыры—рабы превращались в простых четвероногих...

Привилегированный класс состоял в основном из воинов, и их главным отличием были крылья. Время шло, и у самыров появились духовные запросы: они посвящали себя воспитанию детей, укрепляли семьи... Естественной стала и забота о своем государстве: они никогда не страдали отсутствием исторической памяти. Отсюда и их успехи: и в военном деле, и в мирном... А их четвероногие сородичи, потеряв способность летать, утратили все. Это и было причиной их деградации. Дети их с рождения были рабами, но память о свободной жизни жила, да и теперь живет, у них в подсознании.

Но вернусь к самырам. Можно сказать, что они создали цивилизованное общество. Может быть, даже первое на земле... Самыры не только приручали животных, но и создали множество питомников для приматов. Очень может быть, что возникновением крыланов и летучих мышей мы обязаны им. Многие придерживаются

мнения, что эти крылатые существа чем-то напоминают приматов. Самыры, как видно, организовали даже школы для них: учили летать, прививали любовь к общению... Следующий опыт они поставили над семейством человекообразных обезьян — самых крупных представителей этого отряда. Но здесь они добились только того, что обезьяны перестали стоять на четвереньках. Все питомники, где велись эти работы, охранялись рабами.

Как и люди, самыры постоянно боролись за господство над миром, эта борьба шла как между колониями, так и внутри колоний. В истреблении друг друга они также превзошли всех. Обман, коварство и хитрость были их главным оружием. Как и у людей! Самыры поджигали жилища своих врагов, перекрывали выходы из пещер, пользовались даже ядом, применяли в своей борьбе ядовитых земноводных и насекомых, но самое мощное оружие они изобрели в самом конце своего существования. Самырские врачеватели обнаружили после долгих поисков вирус бешенства, которым заразили кошек. До этого они всегда жили дружно и кошки даже ели со стола самыров. Но на войне как на войне: этих зараженных кошек хитрые самыры подкинули своему противнику. Результат был ошеломляющий: многотысячные жители колоний за несколько дней истребили друг друга, даже их рабы были заражены этим вирусом, но, охваченные безумием, они бежали в леса. Вдохновленные своим успехом, победители повторили этот опыт, но они не долго торжествовали победу. Вирус бешенства был занесен и в их колонию. Это было страшное зрелище! Простой воин бросался на командира, командир убивал собрата; померкли даже родственные чувства: дети убивали родителей, родители — детей... Ужас охватил землю, рабы и обезьяны бежали кто куда, стада разбрелись... Все живое на земле почувствовало себя свободным: самыров, властвующих над ними много миллионов лет, больше не существовало...

Посмотрев на поникшего в скорби Кобека, Иван усмехнулся:

— Так-так! Потрясающая история. Особенно мне понравился рассказ о научных достижениях самыров. А мысль об обезьянах как-то скомкана — ее бы надо развить!.. И, что ни говори, не очень-то верится в перерождение

самыров. Ну, а про вирус — просто замечательно!.. — Иван погасил усмешку, но глаза его весело поблескивали.

— Да все это гипотезы, рабочая версия, — не очень-то веря в его искренность, проговорил Кобек.

— Нет-нет, твой рассказ — ничего! Ты это где-нибудь прочитал или это народное предание? Я, например, о таком никогда не слышал!

— У меня есть трактат о самырах, — и Кобек гордо вскинул голову.

Иван взял в руки рукопись и, пролистав несколько страниц, спросил:

— Это что же, на твоём языке? Буквы какие-то непонятные!

— В древности был такой язык. А автора этой рукописи уже, конечно, нет в живых, — соврал он.

— Тогда совсем другое дело, — и Иван облегченно вдохнул, обнаружив наконец искомую логику. — Придет же такое в голову! Цивилизация самыров! Опыты над обезьянами, вирус бешенства!

— Да, эти места мне самому кажутся слабыми. Но можно ведь допустить, что не вирус, а какая-то другая причина привела эту цивилизацию к гибели: самыры могли изобрести оружие и начать войну, в которой не могло быть победителей!

— Да, это тоже возможно, — рассмеялся Иван. — Но ты говоришь об этом так, как будто сам все написал!

— Нет, автор этого трактата не я, но мысли автора мне действительно близки. Я тоже думаю, что современные собаки были когда-то самырами...

— Да, это интересно, — подтвердил Иван, и невозможно было понять, говорит он серьёзно или шутит.

Кобек снова почувствовал себя уязвленным: неужели его гениальные мысли не дошли до собеседника!

— Я уже говорил, что самыры погибли, потому что, став всемогущими, они не смогли постичь смысла своего существования. Автор этого трактата подробно пишет о собаках, которые, по его мнению, являются прямыми потомками самыров. Разве мало у них качеств, свойственных разумным существам? Я уж не говорю о том, как они преданы человеку (повидимому, помня о дружбе с теми

обезьянами, они и не прерывают ее сегодня!), но ведь собаки обладают и недюжинной интуицией, способностью читать ваши мысли, угадывать настроения!.. А сколько неопределимых услуг они оказали людям! Никто не был так полезен человеку, как собака: вспомним собак — пожарных, разведчиков, санитаров... Медицинская наука многим обязана ей, и, будь люди внимательнее к собакам, пойми они их язык, мы бы уже излечились от многих болезней. И разве не собака первой полетела в космос?! А чем можно измерить ее доброту? Многие люди находят радость в общении с ней. На Западе, я слышал, все, что имеет человек, имеет и собака, для них даже делают специальные телевизионные программы. А собачьи бега, а собачий цирк! Современные собаки это разумные существа и достойны лучшей доли — вот главная мысль этого трактата...

Иван, казалось, был удивлен не столько содержанием этого разговора, сколько его формой: Кобек говорил как проповедник.

— Но послушайте, — Иван уже чувствовал себя оппонентом, — нельзя же проводить такие прямые параллели! Исследований о собаках предостаточно, и никто не отрицает, что у них есть интеллект. Но очеловечивать их до такой степени нельзя. В конце концов, по уровню развития они отстали даже от обезьян...

— А как, по-вашему, можно истолковать этот факт? — Кобек, как ему казалось, достал козырную карту: заметка о собаке—археологе должна была убедить этого скептика.

— Ну и что? — только и сказал Иван. — Наверное, собака что-то почуяла, нюх ведь у нее собачий! Все может быть!..

— Может быть действительно все! — согласился Кобек. — И разве мы не вправе предположить, что самыры — это пришельцы из космоса! Может такое быть?

— Бесспорно, может. Но нужны доказательства, объективные доказательства. Не исключено, что и люди — пришельцы с других планет, но доказательств этому нет; ученые только недавно выдвинули эту гипотезу...

— Вы читали «Бима — черное ухо»?

— Конечно, — удивился Иван.

— Там есть описание картины Бассано «Моисей иссекает воду из скалы». Автора интересует, что хотел сказать художник, поместив собаку на первый план. И вот что он думает по этому поводу: «Видимо, Бассано хотел сказать, что люди любили собак еще с глубокой древности, никогда их не покидали, даже в несчастье, даже на грани гибели народа собаки оставались преданными и верными, готовыми погибнуть вместе с человеком ...» Я помню эти строчки наизусть — книга-то ведь замечательная. Бассано пришел к этой мысли интуитивно: что ему, в сущности, Гекуба, и что ему этот пророк! Рядом с этим вопросом можно было бы поставить и еще один: почему ни лисица, ни медведь, ни тигр, ни какое другое животное не удостоилось такой чести? Да потому, я думаю, что человек и собака не могли жить друг без друга! И очень может быть, что память о самыре живет и в нашем — человеческом — сознании. И очеловечил он ее в тех самых культурных памятниках, о которых пишет автор... Мы ведь мало что знаем о нашем сознании! А о подсознании и того меньше. А о том, что такое сознание других живых существ? — Совсем ничего...

— Ты совсем запутал меня, Алимурат. Я не могу понять: откуда у автора такие фантазии? Но ты, как видно, разделяешь его взгляды. Поэтому ответь, как такое могло прийти в голову?

— Я только об этом и говорю. Интуиция движет людьми. Ей мы обязаны и научными открытиями, и великими творениями искусства — ей и еще вспышке исторической памяти. Не веди она нас, собака не стала бы археологом, не стала бы спасать утопающего, не пожертвовала бы своей жизнью...

— Удивляешь ты меня, Алимурат, как же можно так обобщать! По-моему, все это ересь! — и Иван сокрушенно покачал головой.

Как на что-то диковинное, а может, и несуразное, смотрел он на Кобека, и Кобек, в который уже раз, почувствовал раздражение: всезнайство Ивана было невыносимо!

— Автор трактата говорит еще и о том, я процитирую, что: «Человечество не воздаст должного четвероногим, которые, возможно, приведут их к истине. Единственный памятник люди воздвигли возле Парижа собаке Барри. Но она спасла сорок человек, а сорок первый ее убил. О жестоком обращении с собаками известно, а ведь это то же, что черная неблагодарность: людей может спасти только любовь к своим друзьям». «Любовь к себе подобным спасет мир! — это должно стать девизом всех» — процитировав свою работу, Кобек помахал ею в воздухе: читайте! завидуйте!

— Ну нет, Алимурат, это просто невозможно! Я устал! Этот анималистический бред кого хочешь выведет из себя. Науке многие бросали вызов, но это уже ни на что непохоже! Я не знаю, кто автор этого трактата, да и знать не хочу: не это главное. Сначала я думал, что это просто литература — какая-то пародия на человеческое общество. Но теперь понимаю, что это не так, такими выдумками земля полнится: то и дело слышишь о каких-то тарелках, инопланетянах, внеземных цивилизациях... Если у людей нет веры, невежество цветет пышным цветом! — Иван, как видно, рассердился не на шутку.

— А что если все это — истина? — с вызовом спросил Кобек.

— Если и так, пусть в нее верят другие, а я скорее поверю Библии! — Иван так раскипятился, что не мог попасть в рукава: какая уж там истина! — Я вообще удивляюсь тебе, Алимурат. Зачем нужно носиться с такими идеями? Я ведь уже понял, что автор трактата — ты!

— Нет! — испугался Кобек. — Нет!

— Странная у тебя жизнь, Алимурат! — И эти слова прозвучали как приговор.

— Напрасно вы так думаете: не я же пустил по миру легенды о самыре, не я изображал его где только можно: на всех этих вазах, клинках... Да и картина, о которой я говорил, принадлежит не мне, а Бассано!

— Должен тебе сказать, что не удивлюсь, если когда-нибудь ты составишь собачий словарь! — Потеряв всякое терпение, Иван ушел, не попрощавшись.

Кобеку от этих слов стало не по себе, ведь он уже слышал их от Юхана: собачий словарь... прочти... если не будешь – зарой...

«Ужас какой-то! – подумал Кобек. – Слова опережают сознание. Как будто кто-то играет мной как безмозглой куклой!»

Через открытую дверь доносился уличный шум, но Кобек, словно чувствуя чье-то присутствие, уже не мог оставаться спокойным: он забегал по комнате, опрокинул стопку, потом еще... Страхи не проходили. Оглядываясь по сторонам, он быстро собрал свои пожитки и выскочил за дверь... Свобода!

Часть пятая. *Вознесение*

Майор-Хани

Жизнь наша так беспорядочна, что все мы, занятые повседневными хлопотами, часто теряем ориентиры: кто-то на время, а кто — и навсегда. Казалось бы, только что я жил жизнью Мейлек-хан, потом в мое сознание вошла несчастная Мария, после нее — Янсурат. Все эти женщины были так бесправны, что не имели ни малейшей возможности распорядиться своей судьбой. В их воле было только лишить себя жизни. Глядя на эту безжизненную маску, я и не мог представить никого другого, ведь о женщинах тех далеких дней мы привыкли думать как о существах униженных и бесправных. Скорее всего, так оно и было. Вершить свою судьбу могли в те времена только мужчины — не случайно о них сложено столько песен и легенд... Они будоражат нашу память, возбуждают фантазию...

Я часто встречался с тем костяным ликом и всегда при виде его становился мистиком. «А нет ли в его появлении, думал я, какого-то сокровенного смысла?»

«Зачем ты пришел к живым? Зачем? — задавая этот вопрос, я, надо признаться, рассчитывал на ответ. А может, на тебе лежит какое-то проклятие?» — Глупо было так думать, но эти мысли приходили, и я их не гнал.

Мое материалистическое сознание допускало такие чудеса: а почему, спрашивается, им не быть?

«Чьи же это кости не нашли покоя в земле?» — Думая об этом, я не находил себе места: кто только ни предстал перед моими глазами: жестокие правительницы, блудницы, детоубийцы... Но все эти образы, как я понимал, были навеяны литературой... Среди этих женщин были Клеопатры и Антигоны, Катерины Измайловы и мадамы Бовари... Да мало ли... Но нет, та, что появилась перед нами буквально из-под земли, не могла быть похожа на них: ее жизненный путь был, по-видимому, не так ярок, а злодеяния, если они были, не столь царственны...

Когда душа взывает ответа, он приходит сам собой. Такое случилось со мной не раз и, по-видимому, не только со мной.

Умер один из моих старых родственников. Мне сообщили об этом, и я, не раздумывая, отправился на похороны.

Когда похоронная процессия оказалась на кладбище, богомольные старики принялись читать молитвы, а те, кто не умел или не привык молиться, стояли возле покойного в молчании... Много людей разбрелись по кладбищу: одни хотели навестить могилы близких, другие просто поглазеть на могильные камни. Я тоже, признаться, отошел от места погребения и слонялся по кладбищу, рассматривая надгробия. Мое внимание привлекли два кургана, возвышавшиеся в северо-восточной стороне. В центре большого кургана лежал камень, на другом камня не было. Я подошел к ним поближе и в нерешительности остановился: мне хотелось подняться, но можно или нельзя этого делать, я не знал. Мимо проходил горбоносый старик с темнокоричневым лицом. Я узнал его — это был Клыч-Гирей, бывший типографский рабочий, оттрубивший больше тридцати лет и давно вышедший на пенсию. Мы поздоровались. У него я и решил спросить, можно ли подняться на курган.

— Мне бы хотелось посмотреть камень, — объяснил я.

— А почему — нет? — ответил Клыч-Гирей. — Пойдем. Это курган последнего ногайского султана. Его именем и назывался раньше наш аул — Тохтамышевский.

И мы поднялись на курган. Я внимательно разглядывал четырехугольный столб, исписанный арабской вязью, но понять ничего не мог, ведь я не знал этого языка. Приглядевшись к боковой поверхности камня, я вдруг увидел еле различимые цифры и надпись, которую смог прочитать:

Смотри, что здесь написано: султан Азамат-Гирей, 1880—1914 годы...

— Да-да, — кивнул старик, — еще в детстве я слышал о том, что султан погиб в сражении и что здесь его могила. А в общем-то, он был не из этого аула. Его отец, еще при Майор-Хани, перебрался в Кисловодск и долгое время жил там. Свое имение, которое было в этих местах, он доверил верным людям, а когда Азамат-Гирей служил в армии, с ним были и люди из нашего аула, они-то и привезли сюда тело султана: такова была его воля.

— А здесь тоже кто-нибудь захоронен? — спросил я, показывая на соседний курган.

— Да, там похоронена та самая Майор-Хани, близкая родственница этого султана, — ответил Клыч-Гирей.

— Что за странное имя? Я где-то слышал его... — Это имя, и в самом деле, было мне знакомо, но разгадать эту загадку в тот момент я не мог и потому спросил: — А почему на кургане нет камня?

— Камень осел, от него — когда-то трехметрового — всего метр и остался. А имя действительно странное.

Я помню, как старые люди называли этим именем дерзких девчонок. Говорят, как мужчина, была властолюбивая и жестокая. — Клыч-Гирей посмотрел на меня с любопытством и, помолчав, добавил: — А камень, как видишь, в землю ушел. Как и память о Майор-Хани — теперь уже не услышишь ее имени...

— А кто, интересно, знает про нее хоть что-нибудь?

— Кто? — переспросил старик. Трудно сказать — кто. Все наши старики — почти мои ровесники и вряд ли что-нибудь помнят о Майор-Хани. А Ажатай, которому девяносто, память уже растерял. Спроси его вечером, что утром делал, не скажет. Вот разве что его старуха, Камбелек, что-то знает. К ней, правда, не подступишься, но память у нее цепкая.

Мы спустились с кургана, и я, оглянувшись, вспомнил поговорку: «В смерти все равны» — поэтому наврное, отпуская покойнику его грехи, ногайцы стараются бросить на могилу хотя бы горстку земли. «Сейчас и мне придется сделать это», — горестно подумал я и, вернувшись на место погребения, исполнил похоронный обряд.

После похорон я не смог попасть к старику Ажатаю: как назло, разыгралась непогода, подул восточный ветер, и, чтобы не искушать лишний раз судьбу, я сразу же поехал обратно.

Уже много лет я собираю архив: он часто помогает мне в делах. Вернувшись домой, я сразу же стал перебирать свои бумаги. Материалы, которые трудно было как-то классифицировать, я хранил в особой папке. Поэтому я легко обнаружил то, что мне было нужно. Этот документ, относившийся к прошлому веку, попал ко мне, когда я работал в музее, но в нем, по несчастью, не было ни начала, ни конца. Я понял только, что это какой-то судебный листок — и больше ничего, но именно в нем упоминалось это странное имя: Майор-Хани. Этот читанный-перечитанный листок я перечитал еще раз и опять мало что понял.

«...Просил их, чтобы они оную возвратили, потому как не имели на нее никаких прав, но они и слушать его не захотели, повезли в дом султана, в который вскоре прибыл и он с узденем Батыраем. Не успели они доехать до дома султана, как повстречавшийся с ними человек прискакал в свой аул и рассказал обо всем ее жениху Тембулату, правителю аула Мурат-Гирею, а также Темрюку и его сыну, Науврзу... Прослышавши об этом и другие ногайские правители, которые, зная о бесчинствах Али-мурзы Капланова, быстро собрались и приехали к султанскому дому, где собралось уже много народа. Был тут и пристав с казаками. Дело о похищении девки началось с переговоров. Сторонники Мурат-Гирея предложили Али-мурзе и Майор-Хани признать, что Абида претерпел от них незаслуженно, ибо их жалоба уже разбиралась духовным судом, но Али-мурза не захотел тому суду подчиниться; если же ту девку он не возвратит, духовный суд определит новое решение, а на время, пока будет идти разбирательство, девка должна быть отдана на поруки. Али-мурза на то не соглашался, но султан-

ша склонила его к тому, и девка была отдана на поруки узденю из того же аула. На разбирательство было положено три дня. Султанша и Али-мурза противились этому решению, и вскоре Али-мурза потребовал срока 5 дней. Все на то согласилось, но с тем условием, чтобы девка была в это время в доме поручителя, а не в султанском доме. После этого Али-мурза объявил, что не хочет иметь дело с ногайскими эфенди, а привезет из Кабарды тамошних судей. На это ему было сказано, что сие невозможно, потому как приставом издан указ о том, чтобы все их дела и споры разбирали ногайские эфенди. Султанша дала на это согласие, но Али-мурза, зная, что ему не уйти от наказания, не захотел принять сего решения, а стоял на своем, чтобы как можно дольше затянуть разбирательство и, завладев той девкой, отдать ее за своего служивого человека – Абида. Сделать сие ему не позволили. Али-мурза уговорам не поддавался и приказал девку у поручителя отнять и привести в свой дом, аульчани и ее жених Тембулат, услышав сие, ворвались в его дом и пытались отнять девку силой; многие почтенные люди и уздени разнимали забияк, но воспрепятствовать их намерениям не могли. Султанские люди тем временем начали по ним стрелять, и в этой стычке был убит правитель Навруз Биарсланов. Народ, увидев это, еще больше ожесточился: пришедшие в дом вместе с Тембулатом начали стрелять и бросаться на сабли. Добрые люди, присутствовавшие при сем, не смогли их удержать, и в этой стычке был убит Али-мурза Капланов. Чья пуля настигла его, неизвестно. Мурат-Гирей, пытавшийся, как и другие почтенные люди, удержать народ от кровопролития, горевал, узнав о том, что его почтенные родственники – Навруз и Али-мурза (хотя он и по собственной вине) лишились жизни. Султанша сказала, будто бы Али-мурзу ранил в ногу Мурат-Гирей, а потом, уже раненого, добил Хан-Гирей и, чтобы оправдаться, сговорилась с есаулом Кикневым и написала на имя Вашего Высокоблагородия жалобу, в которой во всем обвинила Хан-Гирея и его брата – Мурат-Гирея. Опровергнуть сей навет могут все, кто был свидетелем происшествия: правители, уздени и прочие почтенные люди. Стало известно и то, что султанша послала своих людей за Кубань сказать родственникам Али-мурзы, дабы они собрались и пришли отомстить за него, а Хан-Гирея с братом окончательно разорить. Представляя эти свои показания, просим Ваше Высокоблагородие это дело рассмотреть и признать вину Али-

мурзы Капланова, правительницы аула, известной под именем Майор-Хани, и есаула Кикнева...»

К кому было обращено это письмо, чем кончилось разбирательство, какова дальнейшая судьба правителя Мурат-Гирея и неизвестной девки, а главное, в чем состояла роль в этом деле Майор-Хани, было неизвестно. И что это за имя такое — ни у простых ногайцев, ни, тем более, у знати, такие имена не были в ходу. Вдобавок ко всему, в письме промелькнула какая-то вольность по отношению к знатной особе, ведь Майор-Хани, судя по всему, было не имя, а прозвище! Я уже представлял себе эту мужеподобную женщину большеглазую, с открытым лбом и волевым подбородком; в руках у нее всегда что-то было: то инкрустированные трещотки, то какая-то плетка, то шитый золотом кошелек — я просто не мог представить ее «безоружной».

Со старухой Камбелек я встретился тогда, когда приехал в аул следующий раз. Я пришел в дом и поприветствовал сидевшего на краю кровати старика: он был сед как лунь. Старик Ажатай взглянул на меня и, страдальчески улыбнувшись, отвернулся к окну; когда он вновь посмотрел на меня, взгляд его был рассеян — меня он как будто не замечал.

— Солнце уже заходит? — спросил он жену.

— Дождь идет, душа моя, дождь! — Старуха вздохнула и ласково взглянула на старика. — Вот так он всегда, несчастный: и слова забывает, и путает все... Дожили мы, нечего сказать... Разве думали когда, что такой день настанет!..

Старуха поставила передо мной сыпру, разлила чай, подвинула нарезанный ломтями домашний хлеб и полную пиалу с крутой сметаной.

— Поешь, сынок! — сказала она.

Я почувствовал какую-то неловкость: непонятно было, почему я один сажусь за стол.

— Он уже поел, а ты — наш гость. Ешь, родной, — сказала старуха, глядя свое истомленное лицо. — Сын, невестка, внук — все с утра уходят и только к вечеру возвращаются. Ну что это за жизнь! — пожаловалась старуха.

— А где же они работают? — спросил я.

— Сын — агрономом в совхозе, урожай растит, а невестка на заводе, вот уже двадцать лет в город ездит, хоть бы пожалела старуху, ведь все хозяйство на мне. Внук учителем в школе, только на него и надеюсь: женился бы уж поскорее, а то я и веник-то в руках не в силах держать. Ах-ах-ах, ну что это за жизнь? Все только о себе думают. У всех одно на уме: деньги, деньги... Копят без передышки, а зачем? Жить надо, хорошо жить, в согласии, в дружбе, друг о друге помнить. А мы, как бирюки, только своим домом живем, каждый о себе заботится. Невестка и во сне о работе говорит, сын — только о тракторах да комбайнах, а внук вообще запирается в своей комнате — пусть проклят будет его магнитофон! — сидит там один и трещотки слушает. Что я приготовлю, не едят, каждый сам себе готовит. Сын вообще дома не ест, невестка — только городское молоко, городской хлеб, а внук еще и колбасу приносит. Нет, чтобы жить как все люди: королю завести, уток, а они все чужим добром кормятся. Такой огород пустует, во дворе даже сарая нет...

Камбелек, не переставая, сетовала на жизнь, а я выпил чай и отставил чашку.

— Совсем ничего не поел, даже к сметане не притронулся! — говоря это, старуха не переставала вздыхать: Жизнь ведь и вправду никудышная, даже аппетит у людей пропал...

— Сыт я, Камбелек-абай. Честное слово, сыт. Пусть берекетом наполнится ваш дом! — поблагодарил я.

— А ты, я смотрю, обходительный! — похвалила меня старуха и прервала свой рассказ: говори, мол, теперь ты — с каким делом пожаловал!

— Вы прожили долгую жизнь, Камбелек-абай, — начал я без обиняков, — и я хотел попросить вас вспомнить кое-что.

— Спрашивай, спрашивай, свет моих очей, я многое видела, такую жизнь прожила, что не раз казалось, что все это мне во сне привиделось: ничего уж не осталось от той жизни. Спрашивай! Все, что знаю, расскажу.

— А лучше стала жизнь? — без такого отступления, подумал я, не обойтись: старому человеку нелегко по годам блуждать — настрой нужен...

— Как сказать, сынок. С одной стороны, вроде лучше — голода нет, войны не объявляют, страха в жизни стало поменьше... Но, с другой стороны: сегодняшние люди совсем уж черствые стали, только о себе и думают. Где уж тут доброго человека встретить! — они, может, и есть, да, как все, к телевизору бегут, на других время не тратят... А раньше люди друг к другу в гости ходили, вечера в беседах проводили, радостью делились, горем, а теперь, сам знаешь, даже родственники чужими стали. Нет, что ни говори, люди тогда теплее жили, ближе были друг другу. Да уж ладно... — махнула она рукой. — Спрашивай, чего хотел. А то я тебе сейчас наговорю...

— Я у вас об одной женщине хотел спросить, ее уж теперь мало кто помнит... — Подводя ее к этому разговору, я сделал паузу.

— Ну, так о ком же, если знаю — скажу! — улыбнулась старушка.

— Майор-Хани. Слышали вы про женщину с таким именем?

— А то как же, слышала. В детстве, если мы баловались или с мальчишками ссорились, дрались, старики нам часто говорили: смотри-ка, вольничают, прямо как Майор-Хани!

— А кто же она такая? — спросил я.

— Шут ее знает! Говорят, ни в чем мужчинам не уступала. Да что я! — как будто опомнилась старуха. — Эй, старик! Помнишь Майор-Хани?

Старик привстал с кровати и кивнул, будто спрашивая: о чем это ты?

— Майор-Хани помнишь? — прокричала старуха. — Ах, да чего у него спрашивать! Вечером не помнит, что утром делал!

Старик подозрительно посмотрел на меня и спросил:

— А это кто?, Доктор, что ли? Мне доктор не нужен, — и снова лег.

— Когда я попала в его дом, слышала от свекрови пусть в рай попадет, такая прекрасная была женщина! — слышала от нее, что ее покойный отец, эфенди, перед смертью проклинал эту самую Майор-Хани. Не помню уж, что точно сказал, но вроде бы все грозился: вот по-смотришь, Майор-Хани, покоя тебе не будет и после смерти! — что-то вроде этого говорил. Вроде как ее отец всю свою жизнь враждовал с этой Майор-Хани и не мог простить ей чего-то даже после смерти, подробностей я не знаю, но она рассказывала, что отец даже судился с ней, а потом и хоронил, даже мыл покойницу...

— Но ведь обмывать ее должны были женщины? — удивился я.

— Я точно не помню... По вечерам мы сидели со свекровью у очага: или пряли, или кукурузные початки рублили, работа по дому всегда найдется! — все в доме спят, а она мне рассказы рассказывает. Много чего порассказала — всего и не упомнишь. А вот про Майор-Хани не забыла. Хорошо помню, что она тогда говорила: отец ее будто бы хоронил эту самую Майор-Хани и тело мыл...

Это обстоятельство немало удивило меня, но Камбелек-абай не смогла удовлетворить моего любопытства.

Долгое время я собирал материалы об известном ногогайском военачальнике Ахлау Ахлове. Князь по рождению, штабс-капитан царской армии, он отличился в первой мировой войне, за отвагу и мужество отмечен многими наградами, после революции перешел на сторону Советской власти — по убеждению, а не по расчету; командовал знаменитой Башкирской дивизией, в трудное для страны время его дивизия приняла на себя главный удар, защищая Петроград, потом он был военкомом Башкирии, в нашей области был начальником НКВД, после этого — начальником НКВД Казахской республики, в 1937 году его арестовали и расстреляли.

Я копался в архивах, бывал там, где он служил, — впечатлений и документов набралось немало, я даже думал написать книгу об Ахлове, но не хватало биографического материала. Его близкие — жена и дети — давно умерли. Старые люди знали его только по делам, осведомлен-

ных в его личной жизни я так и не встретил. Да и нельзя уж теперь восстановить все детали — его жизнь давно превратилась в легенду. Отец Ахлау — Мусса — был полковником царской армии, влиятельным князем. Не знаю, правда это или нет. Старожилы утверждают, что правда. Рассказывают, что, когда шла гражданская война, Мусса Ахлов, не принявший новой власти, сидел однажды на скамейке возле своего дома и смотрел на противоположный берег Малого Зеленчука: там он заметил отряд вооруженных всадников. Мусса сразу понял, что это красные. А когда отряд стал переправляться, признал в командире своего любимого сына и, не выдержав потрясения, умер на том самом месте от разрыва сердца...

Рассказывали также и о встрече Ахлау с неким Джантемировым, бывшим царским офицером, знавшим его с самого детства. Говорят, что этот Джантемиров звал его эмигрировать в Турцию, но Ахлау отказался. Тогда Джантемиров сказал ему: «Ты им нужен до поры до времени, но придет час, когда ты вспомнишь мои слова. Те, за которых ты воюешь, никогда не простят тебе ни твоих погон, ни Георгиевских крестов!»

Вся его жизнь стала легендой. Мне не хватало живого Ахлау, чтобы написать о нем книгу. И вот, когда я уже не мог не думать о таинственной Майор-Хани, я услышал от местного историка, что из Азербайджана приехал его родной брат — Мирзабек Ахлов: восьмидесятилетний старик решил-таки вернуться на родину. Я не мог не обрадоваться этому известию и сразу же поехал в поселок, где теперь жил Мирзабек.

Увидев его, я не поверил, что он так стар: ему никто не дал бы больше шестидесяти. Его младшему сыну не было и двадцати, а старший совсем недавно пришел из армии. Неизлечимо старой показалась мне жена Мирзабека, хотя ей-то, конечно, было не восемьдесят, а гораздо меньше.

В Мирзабеке чувствовалась порода. На вид это был обыкновенный сельский житель, но благородная осанка и независимый взгляд отличали его от всех: он просто не мог не вызывать симпатии.

Наша беседа началась за чаем. Я расспрашивал Мирзабека про семью Ахловых, про его отца. Мирзабек многое помнил и рассказал мне немало интересного. Но от разговора он уставал. Учтивый человек, он тяжело опускал голову и поглаживал лоб, стараясь, чтобы я ничего не заметил, но силы его покидали — этого нельзя было не видеть. Я быстро записывал все, что считал необходимым, в блокнот, но вскоре прекратил расспросы: злоупотреблять его терпением было бы некрасиво. Старик, почуввав свободу, распорядился, чтобы жена подала чай. В это время пришла дочь Мирзабека, приехавшая к нему в гости, и, когда она села возле матери, мы разговорились. Она расспрашивала про жизнь в наших краях, я отвечал на ее вопросы и спрашивал, как живут у них — в Азербайджане. Беседа была интересна нам обоим. А может быть, и Мирзабеку: потягивая чай, он внимательно прислушивался к нашему разговору.

— Я всегда мечтала побывать на родине отца, — мечтательно сказала молодая женщина. — Мы часто говорили об этом. Отец пел ногайские песни, он знает их множество. А я всегда заслушивалась ими, когда мы бродили по лесу или ходили на охоту...

— Вы тоже охотились? — удивился я.

— Еще как! Поэтому-то отец и называл меня Майор-Хани! — засмеялась она.

Теперь, когда при мне назвали это имя, я затрепетал от восторга. И я моментально забыл о том, что Мирзабек устал от моих вопросов, и задал ему новый:

— А может, вы мне расскажете про Майор-Хани, я что-то слышал о ней, но так мало, что не понял даже, кто она!

— Майор-Хани? — переспросил старик и неожиданно воодушевился. — Майор-Хани! — мечтательно произнес он. — Был такой человек, был. Всякое о ней говорили, а где правда, где ложь, — кто знает! Мой дядя, старший брат моего отца, был женат на ней. Дядю-то я помню, а ее нет, она умерла еще до моего рождения. Баракай был лет на двадцать старше моего отца, и у них были разные матери, поэтому я и думаю, что вся эта история

произошла где-то в середине прошлого века или немногим позже. Рассказывали, что дядя Баракай был настоящий красавец. Отец решил женить его, когда Баракаю едва исполнилось двадцать. На то, видимо, были причины. Наша семья происходила из рода Тугановых. Ну, а Тугановы, как известно, ведут свой род от знаменитого Казыя, основателя Малой Ногайской орды, поначалу самостоятельной, а потом попавшей в зависимость от крымских ханов. Казый, и это тоже известно, был племянником Исмаил-бия, главы Большой Ногайской орды, но не поладил с ним. Он был самым непримиримым врагом Исмаила, хотя они были одной крови и одинаково чтили Эдиге основателя их рода. Казый, дороживший своей свободой, привлек на свою сторону детей Мансура потомков Эдиге, живших в Крыму, а сам женился на дочери влиятельного черкесского князя. Потомки Эдиге, так же как и он сам, враждовали с ханской фамилией. В народных преданиях говорится о вражде Эдиге с Тохтамышем, и это действительно так. Когда Ногайская орда распалась и Казый отошел от Исмаила, в его оппозицию вошли и султаны (ханские потомки) — Тохтамышевские. Война Казыем была проиграна, а сам он погиб в одном из походов. От Казыя пошел род Тугановых — самый сильный в ряду ногайской знати, а после его смерти утвердились среди ногайцев и султаны, не случайно главная резиденция до 1928 года называлась Тохтамышевской. Самое интересное, что наши певцы всегда воспевали Эдиге, а в султанских домах эти песни были в большом запрете, больше того султаны не признавали рода Тугановых и не рождались с ними, точно так же как с Мансуровыми, — вражда, продолжавшаяся долгие столетия, не проходила. Но времена менялись. Тугановы возвысились, получили большие чины, землю, а после образовалась и еще одна ветвь — Ахловых, и, увеличившись вдвое, они вдвое умножили свои земли. И вот наш дед, его звали Балта, решил породниться с султанским родом. Баракай к тому времени закончил кадетский корпус в России и был завидным женихом — конечно же, он мог рассчитывать на более почетную партию. Только вот

дети в наше время слушались своих отцов, и, как ни противился дядя воле отца, ему в конце концов пришлось жениться на дочери Тохтамышевского султана. Дед заплатил богатый калым, и вместо богатства в его доме появилась султанша Хани. Дородная такая девица, с рябым лицом и горбатым носом. Баракай был с ней только в брачную ночь, а на утро уже сидел в компании дружков. Отец грозился проклясть его, но сына это не пугало: месяцами Баракай разгуливал по разным аулам, а появляясь в доме, не устаивал жену и взглядом... Тогда-то, говорят, он и пристрастился к охоте. Так и жил: пиروвал с приятелями, охотился, а потом зачастил в Пятигорск, там он содержал квартиру, кутил... Отец пригрозил лишить его наследства, если он не будет жить с султаншей, но Баракай, когда у него кончались деньги, навещал родной дом, и мать, несмотря на запреты мужа, снабжала его деньгами; не скупилась и родственники по линии отца, да и черкесские князья — материнская родня. Жил Баракай легко, но ни в чем не знал меры — кутить так кутить, любить так любить... Рассказывали, что когда у него на квартире гостил один русский офицер — задира и фат, Баракай велел открыть сундук, полный денег, и на глазах того офицера денщик растопил пачкой кредиток самовар — так, будто это было обыкновенное дело. Баракай знал толк в хорошем оружии, породистых лошадях. Не знаю уж, сколько времени прожила султанша в доме деда, но султан разгневался на наш дом, и, хотя был не в состоянии вернуть калым, отдал сколько мог и забрал свою дочь. Шума это наделало немало, но на этом позор его не кончился: как только султанша покинула наш дом, дядя вернулся и превратился в добропорядочного хозяина. Все тотчас решили, что безумствовал он вовсе не от молодости, а от неудачной женитьбы. Судачили об этом на всех углах, и это, конечно, задевало самолюбие султана. Когда Баракай хотел жениться на дочери князя Дударуковых, которые приходились султану родственниками, он приложил немало усилий, чтобы этот брак не состоялся. Вскоре он умер от какой-то болезни. После смерти отца Хани осталась хозяйкой

в доме, брат ее служил тогда в армии. После этого о Хани и поползли странные слухи. — Мирзабек взглядом показал на дочь, давая понять, что при ней не стоит говорить откровенно и что речь идет о чем-то запретном. — В собственном ауле стали бояться ее. Для работы она часто нанимала девок — потом на этих девок находила порча и никто не брал их замуж, — старик заговорщически подмигнул мне и продолжил: — Судачили-то о ней неспроста. Вскоре она даже обличье сменила: нарядилась в кавказскую военную форму, надела папаху... Стала ездить на охоту, в мужских состязаниях участвовать, набрала себе свиту из дворовых людей. Даже в нашем поместье бесчинствовала: избивала наших слуг, позволяла грабить наших крестьян. Вот после этих геройств и пристала к ней эта кличка — Майор-Хани. Говорят, она сама ее и придумала. А дело вот как было.

Однажды она со своими головорезами угнала лошадей из нашего табуна. Баракай был как раз неподалеку и, узнав от табунщика о происшествии, погнался за разбойниками. Догнал он их у моста. Всадники Майор-Хани развернулись, чтобы принять бой. Уже и Баракай вытащил клинок, чтобы броситься на обидчиков, но, увидев свою жену в черкеске и мужской папахе, обомлел и опустил оружие.

— Нападай, Баракай! Чего трусишь? — крикнула Хани.

— Я не трушу, но воевать с женщинами джигиту не пристало! — Баракай усмехнулся. — Ты лучше верни коней. Совести у тебя нет, среди бела дня разбой учиняешь!

— А вот и не верну! Забери, если смелый!

— Зря только людей погубим. Да и что за нужда?! Лучше миром кончим дело!

— А мы людей губить не станем, что нам за их спины прятаться! Давай испытаем оружие! Хочешь, стрелами или пулей — у кого глаз вернее, а хочешь, саблей — кто сильнее.

— Опомнись! Не женское это дело — кровь проливать, — вспыхнул Баракай.

— А ты посмотри на меня внимательно. Ты хоть знаешь, как меня зовут?

— Султанша Хани, — хмыкнул Баракай.

— Нет, меня зовут Майор-Хани, и мой клинок острее твоего! — крикнула султанша и взмахнула саблей.

— А может, поборемся? — спросил Баракай в шутку.

— Можно и побороться. Слезай с коня, если поборешь — отдам твоих гнедых! — Она вложила клинок в ножны, соскочила с коня и, сняв пояс с оружием, вышла вперед.

Баракай тоже слез с коня, отдал своим людям оружие, но, как видно, не принял всерьез эту затею, смеясь, вышел навстречу.

— Начали! — крикнула султанша и, прыгнув как кошка, свалила с ног не успевшего опомниться Баракаю. Да еще под хохот своей свиты придавила к земле коленом. Баракай встал с земли сконфуженный, а Майор-Хани, надев пояс с оружием, вскочила на коня.

— Теперь ты понял, кто баба? — так, говорят, и сказала.

Мирзабек замолчал, но по его улыбке можно было понять, что рассказ не закончен.

— А я и не знала, кто такая эта Майор-Хани! — его дочь не могла прийти в себя от изумления.

— Я называл тебя так, потому что ты вечно просилась со мной на охоту, — проговорил старик и посмотрел на меня, понимая, что только разжег мое любопытство.

Мне давно пора было уходить, но что-то останавливало меня, и я, чтобы хоть чем-то заняться, стал перечитывать свои записи.

Дочь Мирзабека вместе с матерью ушла в дом, оставив незакрытой дверь летней кухни. Из предосторожности я выглянул во двор: женщины были уже на пороге дома.

— Ушли, — вздыхая, проговорил я.

— Разное говорили о Майор-Хани. Больше всего — о порче девок. В окрестных аулах, а в ее ауле тем паче, все боялись за своих подросших дочерей. Одна крестьянская девица, прожив в доме султанши всего неделю, с ума

сошла, другая была отвергнута женихом — и таких случаев не счесть. А если вдруг родители решались вступить за своих дочерей, у них начинались несчастья: то скот пропадет, то посевы вытопчут. Так что вскоре народ стал прятаться от глаз султанши. А она нарочно приходила туда, где игралась свадьба или проходило какое-нибудь торжество. Не ждала, когда ее пригласят на танец, а сама выводила в круг напуганных девиц. Все ее боялись, но никто не препятствовал ее проделкам: она ведь, что ни говори, султаншей была. Время, правда, было уже не то: и султан, и мурза имел какую-то власть только в случае, если был богат. В Тохтамышевском ауле от силы двадцать-тридцать домов принадлежали султану, а остальные жили вольно или были под властью какого-нибудь мурзы. Это раньше, лет пятьдесят назад, султанам принадлежали целые аулы. Но традиции крепко людей держат: у того, может, только и славы, что султан, а нос задирает — уважение-то к нему почти то же... — Сделав это юридическое отступление, старик замолк.

Этот экскурс в историю оборвал, как видно, нить его повествования. Я терпеливо ждал. Мирзабек, глядя в сторону, что-то припоминал и никак не мог припомнить. Тогда я подумал про тот отрывок судебного разбирательства и решил рассказать о нем Мирзабеку.

— В моем архиве есть документ, добытый в старых музейных папках, там встречается имя Майор-Хани, — сказал я.

— Ну-ну, это интересно! — повел головой Мирзабек.

— В этой бумаге говорится о том, что некий Али-мурза Капланов похитил девку из аула какого-то Мурат-Гирея. За похитителями была погоня, и в стычке у дома султанши были убиты двое, погибший Али-мурза был родственником султанши. Кто-то жалуется на нее. А что действительно случилось с той девкой и кто она такая — непонятно!

Мирзабек нахмурил брови и, после долгого раздумья, улыбнувшись, начал свой рассказ.

— Думаю, что это как раз тот случай. Написать-то что хочешь можно, тем более в те времена. Знаю только, что

в довершение своих подвигов Майор-Хани решила жениться. Смешно, но это так. И она объявила об этом. Да-да, так все и было! Майор-Хани похитила девку из Ураковского аула, принадлежавшего нашим родственникам, тому самому Мурат-Гирею, потом он стал промышленником и поставлял компаньонам овечью шерсть. Действительно, во время похищения был убит кто-то из князей Каплановых, они с султаншей долго враждовали, хотя кровь была смыта, а этот Капланов убил в том столкновении нашего родственника... Но вернемся к Майор-Хани. Когда она похитила ту девушку...

— Там говорится, что девушка была похищена для какого-то узденя, — решил уточнить я.

— Конечно, не будут же они писать, что девка предназначалась женщине! — усмехнулся Мирзабек.

— Но как же она могла жениться?! — удивился я.

— Ты слушай, — назидательно проговорил Мирзабек. — Значит, этот Капланов был из тех гуляк, что забавлялись в свите Майор-Хани. Похищенную девушку султанша держала в своем доме. Девушка эта была просватана за узденя из аула Мурат-Гирея. По обычаю Мурат-Гирей должен был защищать права своих подданных и потому решил вернуть девушку жениху. А Майор-Хани вздумалось узаконить свой брак. Ты знаешь, наверное, что такое — тауке? — спросил Мирзабек, стыдливо усмехаясь.

— Да. Это домашняя рабыня.

— Вот-вот. Чтобы стать тауке, девушка должна была сочетаться браком со своим хозяином. Теперь придется рассказать тебе о законах и обычаях той поры. В наших краях в то время существовало два права. Одно — адат, а другое — религиозное право, шариат. По адату все подчинялись князю, платили ему дань, в общем, содержали его, а князья обязаны были защищать своих подданных — для этого у них были свои воины, они их одевали и кормили. Князьям разрешалось иметь невольниц. Но, как только власть князей ослабла и они потеряли право содержать воинов, адат превратился в ни что. Князья этому противились, но народ требовал, чтобы исполня-

лись законы шариата: тогда ему уже не надо было содержать князей. Кроме того, тогда вышел закон, запрещающий рабство. Получалось, что государство взяло сторону шариата. Хотя были и исключения. Под видом работников князья по-прежнему держали рабов, содержали и тауке, но уже как наложниц, освящая этот союз у муллы. Но Майор-Хани не только не пожелала вернуть похищенную девушку муратгиреевскому узденю, но и решила узаконить этот брак. И тогда у нее началась тяжба с аульским муллой. Я застал этого муллу. Небольшого роста старичок, ходил в белой абе, с желтым посохом в руке. Рамазан—мулла, так его звали, если память мне не изменяет. Строптивый был человек. Ни деньги, ни уговоры — ничто на него не подействовало. Стал он противником этого брака. Рамазан—мулла рассказал обо всем главному кады, и ни один мулла ни за что бы не совершил этого неке. Не знаю, сколько времени прожила девка у Майор-Хани. Знаю, что Мурат-Гирей обратился за помощью к властям. Но жених, как это ни странно, стал вдруг отказываться от девушки и требовать обратно свой калым. Он говорил, что не женится, потому что его невеста — не девушка. Тогда суд постановил внести ясность в это дело: жених должен был переспать с невестой и, если она окажется девушкой, жениться на ней. Так, наверное, и сделали, но брак не состоялся и невеста была возвращена родителям. Тогда-то и поползли слухи о том, что Майор-Хани не женщина, а мужчина. Слухи эти шли от того самого жениха, который выпытал-таки правду у своей невесты. Когда в округе разразилась чума и люди стали покидать большие селения и жить в отдалении друг от друга — в шалашах и кибитках, Майор-Хани совершила набег на аул Мурат-Гирея и, в отместку за эти слухи, подожгла дом болтливого узденя. Во время пожара, как говорят, погибла его малолетняя сестра. Но и в этом злодеянии, как и во многих других, Майор-Хани не изобличили, она всегда мастерски использовала свой кошелек. Вот так-то, — закончил Мирзабек.

— А что же было потом? — не выдержал я.

— Сразу после того пожара она вернулась с охоты, зашла в свою комнату и больше не вышла из нее. Утром ее нашли мертвой. Одни говорили, что она была отравлена, другие — что задушена шнурком. Смерть ее осталась загадкой.

— А кем же в конце концов она была — мужчиной или женщиной? — этот вопрос не давал мне покоя.

— Коньсалы... — улыбаясь, ответил Мирзабек.

— Коньсалы? — переспросил я, даже не догадываясь, что может означать это слово.

— Да гермафродит по-русски.

— Вот это да! — я даже не усидел на стуле — так велико было мое удивление.

— Но и на этом история не заканчивается. На похороны съехались все представители султанского рода. Не приехал только ее брат, который был тогда в действующей армии. Из-за всех этих пересудов в дом, кроме родственников, никого не пускали. Сперва было решено хоронить Майор-Хани как женщину, но женщины, которые должны были совершать омовение, пробыли у тела покойной не более минуты — выскочив из комнаты, они с ужасом рассказали об увиденном. Тогда Рамазан-мулла привел своих учеников и велел им совершить омовение. Рамазан-мулла помог им в этом, а после категорически заявил, что хоронить на аульском кладбище создание шайтана он не разрешит. Он уже собирался объявить об этом толпе, ожидавшей выноса тела. Но родственники удержали его от этого. Кады, присутствовавший на похоронах, пошептался с муллой и при родственниках взял с него слово, что никто ничего не узнает. Затем вынесли тело, прочитали молитву, какую обычно читают покойнику, и после этого воздвигли курган. Обычай не был нарушен, и все успокоились. Но история Майор-Хани и на этом не кончается. Когда вернулся с фронта ее брат, он захотел разобраться в истинной причине сестриной смерти, он-то ведь считал ее сестрой. Из города прикатила комиссия, которая будто бы могла определить, от чего наступила смерть. Но когда разрыли курган, обнаружили, что в могиле никого нет.

— Куда же исчез труп? — вскрикнул я.
— Начали допрашивать аульчан и Рамазан—муллу. «Обиталище предков не приняло порождения шайтана!» — отвечал мулла, решив, что эта тайна умрет вместе с ним. И люди думали так ровно сорок лет. Я был совсем маленьким, когда умирал Рамазан—мулла — тогда уже девяностолетний старец. Перед смертью он признался, что сразу после того, как тело Майор-Хани предали земле, он вместе со своими учениками разрыл могилу и на арбе отвез тело за Кубань, где и закопал в безымянном кургане.

— Почему в кургане? — спросил я.

— Не знаю, наверное, потому, что она султанской крови...

— Но как же все-таки она умерла: та комиссия установила причину смерти?

— Этого я не знаю. — отвечал старик...

Я уезжал от Мирзабека с чувством первооткрывателя. Мне так и хотелось сказать ему, что я не впервые встречаюсь с Майор-Хани, что, спустя столько лет, я узнал ее, увидев в мастерской своего друга. Но старик бы, наверное, не понял меня, и я просто пообещал ему еще раз заехать, чтобы расспросить о жизни брата, и извинился за свою назойливость.

С тех пор я не расставался с Майор-Хани. У меня не было сомнений в том, что повествование о ней многим покажется излишне романтическим, а может, и надуманным, и лучше было бы, наверное, рассказать о том, как я узнал всю эту историю, но, побеждая свои сомнения, я все-таки написал эту повесть. Может, для того и появился на земле этот череп?!

Крылатый ангел

В ту ночь он проснулся, охваченный страхом, что часто случалось с ним в последнее время. Страх не проходил, и, в отчаянии обняв свою Филипповну, он вдруг понял, что никого роднее у него просто нет.

В ту ночь ему снилось, что он отправился в горы на поиски мумие. Заприметив в начале пути труднопроходимую пещеру, он вскарабкался по отлогому склону на плато, укрепил там веревку и стал спускаться... В том, что в пещере есть мумие, он был уверен. И вот, выбиваясь из сил, долго ища выступ для опоры, он уже добрался было до пещеры. У самого входа он отбил большой, весом с полкилограмма, кусок, заткнул молоток за пояс и потянулся к мумие, как вдруг на него со свистом упала летяга. Зверек по-тигриному напыжился и сердито шевельнул усами. «Не бери, это не твое!» — В голосе летяги ему послышалась угроза, и это напугало его больше, чем то, что летяга говорит по-человечьи. Внизу под Кобеком была пропасть метров в пятьдесят глубиной. Подняться наверх он уже не мог, летяга сидел в двух шагах от натянутой веревки и, судя по всему, готов был броситься на него. В ужасе Кобек отступил назад, нащупал ногой опору, и вдруг камень, на который он ступил, пополз из-под его ноги... Проснувшись, он все еще летел в пропасть...

— Не липни, Коля! Дай поспать! — буркнула Настасья Филипповна.

Этот тон неприятно удивил Кобека, ведь Филипповна, хотя и не отличалась особой воспитанностью, всегда была с ним ласкова. Кобек с обидой отпрянул от нее. И вдруг эта обида стала безграничной. Дело было не в тоне Филипповны и вообще не в ней. Кобек обижался на самого себя: как случилось, что он потерял всякое достоинство, пригрелся в постели старухи, расстался с любимой... Было невыносимо обидно, что его гениальные открытия оказались всего лишь детским лепетом, ведь из этого следовало, что как личность он не состоялся. «Считай, что свое семя я выкинул в пустоту!» — сказал когда-то отец. «А я и не хотел появляться на этот свет!» — ответил ему Кобек. Он почувствовал, что плачет. Слез не было, но ему казалось, что он плачет навзрыд и что вот-вот к нему бросится Филипповна и, так же как когда-то мать, начнет его успокаивать и жалеть. Но Филипповна, отвернувшись от него, сладко посапывала — и это, пожалуй, было всего обиднее.

«Уйду — и все! Сколько можно жить так! Неужели кроме этой алкоголички меня и полюбить некому? Кобек, Рауф, Коля! В кого ты превратился? А ведь молодой еще, здоровый, и диплом в кармане, и не урод! — Кобек вздохнул и, вытянувшись в кровати, стал мечтать о том, как повернется его жизнь. — Хорошо бы здесь затеряться, чтобы о тебе и не вспоминал никто — живи в свое удовольствие. Но сколько же времени пройдет, пока я получу квартиру? Постареть успею. А может, устроиться дворником? Им ее сразу дают. Только неловко как-то — не для того учился, чтобы дворы подметать. На завод пойти — тоже не выход: там лет двадцать за квартиру вкалывают. Самое лучшее — жениться, найти себе тихую женщину, пусть даже и некрасивую, чтобы врачом работала или библиотекарем... Но работать все-таки надо! Деньги на памятник уже на исходе. Найду, пожалуй, какую-нибудь временную работу! Где-нибудь на вокзале или на табачной фабрике — работал же там в студенческие годы!.. Решено — надо уходить отсюда. Поживу пока на квартире старика, а там видно будет...» — Сконструировав такую модель, Кобек вскочил с постели и, приведя себя в порядок, начал укладывать чемодан.

— Коль, а, Коль! — позвала его пробудившаяся ото сна Филипповна.

Кобек пошел на зов. Филипповна царственно возлежала на кровати, облокотившись на руку.

— Слушай, Коль, мы уж вон сколько вместе живем, а денежки у нас врозь. Нехорошо как-то. Я вот чего придумала. Раз уж мы вместе, давай в пустую комнату жильцов поселим!

— Поселяй кого хочешь! Я все равно ухожу! Мне до этого дела нет!

— Дурачок ты, Коля! Ну, куда ты пойдешь? Я ведь о твоём благе забочусь.

— А ты не заботься! И кончим этот разговор! Я найду, куда пойти! — Грубость Кобека только рассмешила Филипповну.

— Дурачок ты! — покачала она головой и, встав с постели, прикрыла руками грудь.

– Дурачок, потому что связался с тобой!

– Ну, и куда же ты денешься? В свое захолустье, что ли, вернешься? Здесь ведь столица, самый центр! Подумай лучше, горе ты луковое!

– Ты бы помолчала! – огрызнулся Кобек.

– Да оставь ты это, Коль! Здесь у тебя и угол есть, и крыша над головой. Живи – радуйся. А может, я тебе не подхожу? Да ведь все вроде бы при мне! – Убрав с груди руки, Филипповна оглядела себя сама и показала Кобеку.

– Боже ты мой! Да ведь ты уже старуха, тебе шестой десяток пошел, сын у тебя должен быть такой, как я. Совесть-то у тебя есть?

– Ну, знаешь, ты меня не совести! – Филипповна прошила его разбойничьим взглядом. – Если хочешь знать, я о тебе все наперед продумала.

– Ну, и что же ты надумала? – улыбнулся Кобек, пораженный тем, что разговор принимает такой оборот.

Настасья Филипповна подошла к Кобеку и, обняв его за шею, усадила на кровать.

– Дурачок ты мой, дурачок! Ну, кто тебя тут знает, кому какое дело до нас! Тебе хорошо – и ладно. И кому ты, скажи на милость, нужен? И кому я нужна? А годы что! Разве в них дело! – И Филипповна бодро тряхнула головой.

– Ладно, ладно, ты говори, что надумала? – поторопил ее Кобек.

– Ну, так вот, значит! Мы с тобой распишемся, и я тебя пропишу. У нас, как ты знаешь, за такие браки большие деньги дают, а я с тебя ничегошеньки не возьму. Будешь работать, деньги в семью носить, а захочешь развестись – я противиться не буду. Зато угол в столице имеешь. Правильно я говорю?

Кобек не знал, что и сказать: о таких светлых далях он никогда не мечтал.

– Это что же – мы с тобой и в загс пойдем? – усмехнулся он.

– Запишемся, а то как же? – Филипповне не было дела до его насмешек.

— А может, и свадьбу сыграем? — не унимался Кобек.
— Можно и свадьбу сыграть, а что? Только гостей звать не будем! Зачем нам гости!

— Ты извини, Филипповна, но мне это не подходит. Не так я плох, как ты думаешь! — Кобек взглянул на нее, как не признанный миром гений, и отправился упаковывать вещи.

— Пожалеешь, Коля! — кинулась вслед за ним престарелая Даная.

— Не пугай! — оборвал он ее и направился к выходу.

— Вот посмотришь, Коля! Ты все равно вернешься! Все равно!

— Не вернусь! Спасибо тебе за все! — с постыдным прошлым Кобек решил покончить навсегда.

По пути на свою новую квартиру он обдумывал предложение Филипповны. «Смотри-ка, замуж захотела! — Кобек был возмущен, хотя не мог не признать, что расчет Филипповны был точен. — Только очень уж стыдно! Очень!» — этим он и заключил свой иронический комментарий.

В квартире по-прежнему была сухая и гнетущая тишина. «В покинутых домах живут привидения. — Кобек знал не много примет, но эту запомнил. — Надо переспать тут с кем-нибудь, тогда и страхи пройдут!» — Эта перспектива показалась ему замечательной, и он успокоился. Первым делом, как всегда, он открыл балконную дверь.

Снег там уже растаял, и посередине цементного пола во впадине светлела лужа. На улице начиналась оттепель. Солнце грело по-весеннему, но было еще прохладно и люди по-прежнему ходили в пальто.

Кобек разложил свои вещи, взялся было за уборку, но почему-то бросил. «Нет, тут нужна женщина, только она может создать уют». — Мысль эта показалась ему на редкость верной и, чтобы унять свое разгулявшееся воображение, он вышел на балкон. Вороны в родном гнезде не было, но, чувствуя ее присутствие, Кобек взглянул вверх: на ветках высокого тополя он увидел свою черную соседку. Ворона устала на него, как будто хоте-

ла растерзать, и даже несколько раз потянулась к нему. Кобек сразу вспомнил, как во сне сорвался со скалы. «И даже наяву меня преследуют летающие тени! — подумал он и тут же поправил себя: — Нет, крылатые ангелы, и все как на подбор страшилы!»

— Карр-р! — пронзительно крикнула ворона.

— Ух, проклятая! — возмутился Кобек. — Я тебя не боюсь. Посмотрим, кто кого напугает! — Погрозив ей пальцем, он закрепил за собой право первооткрывателя, а за бедной птицей — ее новое имя — Крылатый ангел! — Кобек был просто поражен своим новым открытием.

К нему вдруг пришла мысль, которую он непременно захотел включить в свой трактат. Он быстро достал из портфеля рукопись и на последней странице начертил постскриптум:

«Крылатые ангелы, нашедшие отражение в мифологии и многих религиях, — это новейшая транскрипция доисторического самыра, отражение того времени, когда самыры покровительствовали человекообразным обезьянам: кормили их, приучали к каким-то разумным действиям, защищали от внешних врагов. Неблагодарная человеческая память не сохранила образ самого самыра, но рассказала нам о других крылатых помощниках. Даже шаманы, вспоминая своих далеких собратьев, прикрепляют крылья к своим ритуальным костюмам. Но, возможно, хотя в это и трудно поверить, что, придав самыру человеческий облик, люди хотели показать, что эти существа всегда были им близки».

Поставив точку, Кобек подумал, что одна эта мысль способна его прославить, и постарался представить свой разговор с Иваном. «Тысячелетия людей дурачили этими ангелами, и только я могу открыть им глаза: моя гипотеза это новая страница в естественной науке. Что ты скажешь по этому поводу?» Иван, как ему показалось, приуныл и явно не торопился с ответом. «Ага! — возликовал Кобек. — Нечего возразить! То-то же!»

Разбив своего оппонента, Кобек решился на новую встречу со своим крылатым ангелом.

— Старая карга! Не боюсь я тебя нисколько! — И после этого самовнушения страха у него действительно побавилось. — Как могу я, молодой и здоровый, бояться пустоты? Ни духов, ни джиннов нет — это ясно! Были только самыры, и верить надо только в них! — Прочитав эту молитву, он гордо расправил плечи.

Но, что ни говори, в этих стенах он чувствовал себя неуютно. «Ничего не поделаешь, без женщины не обойтись, только она сможет внести сюда жизнь. А может, повертеться возле студенческой общаги? Нет, лучше уж возле рабочей, разве мало там таких, кто устал от этой толкучной жизни! Да сколько хочешь!»

Кобек представил свою встречу с молодой и не избалованной жизнью девушкой: вот он подходит к ней, между ними сразу возникает взаимная симпатия, и, придя в этот дом, она наводит в нем порядок... Дни сменяются ночами, и ее любовь возрождает его, вдохновляет на новые подвиги... «Да нет! — заспорил с собой Кобек. — Так не бывает. Ни одна женщина не пойдет со мной по первому зову. На это рассчитывать нельзя. А ведь женщина нужна мне сегодня. Все равно, какая, лишь бы не оставаться тут одному! Немало ведь и таких, кто на все согласен; если у ресторана или кафе прогуляться — найду!» — И Кобек решил убедиться в этом.

Одевшись, он поехал в один из привокзальных ресторанов. Он не сомневался, что там-то уж встретит кого надо. Но у дверей ресторана он не обнаружил ни одной девицы. Он даже обошел на всякий случай здание и заглянул внутрь. Бежали во все концы груженные ящиками и коробками пассажиры. С криком «посторонись!» катили скрипучие тачки носильщики, за ними торопились владельцы чемоданов. Кобек даже стал приглядываться к пассажирам, сидевшим в зале ожидания. Он хотел, чтобы кто-нибудь откликнулся на его призывный взгляд, но вместо этого молодые женщины подозрительно оглядывали его и хватались за свои вещи. «За вора, что ли, принимают? — удивился Кобек. — Это, наверное, из-за бороды. В провинции к ним не привыкли! Объяснив себе этот момент, он трезво взглянул на свои действия и посчи-

тал их не совсем разумными. — Ну, разве так ищут!» — укорил он себя и направился к ресторану.

В ресторане было полным-полно народу, но Кобека это не остановило, и в поисках свободного места он прошелся через весь зал, заглядываясь на дамочек, девиц и даже пожилых матрон; оглядевшись, он с горечью отметил, что никто не обратил на него внимания.

Приметив разгуливавшего по залу Кобека, блондинка в темно-синем костюме направилась прямо к нему.

— Я дежурная по залу. Вы хотели бы у нас поужинать? — строго спросила она и, не дожидаясь ответа, проговорила: — Пойдемте, я вас посажу.

«Да я, собственно, по другому вопросу», — услышала бы она, если б умела читать чужие мысли.

Блондинка показала ему на стол, за которым сидели двое.

— Идите вон за тот столик. — Исполнив свой профессиональный долг, она отошла от Кобека.

— Меня к вам посадили, здравствуйте, — проговорил Кобек, вглядываясь в лица соседей.

— Пожалуйста, — сказал худощавый мужчина с маленькими голубыми глазками и светлой бородкой.

— Садись, земляк, — отозвался тот, что сидел напротив щуплого; он был смуглый, горбоносый, и акцент выдавал в нем южанина. Кобек решил, что он армянин.

Когда Кобек сел, смуглолицый посмотрел на него с любопытством.

— Везет мне на бородатых! — сказал он и, подвинув к Кобеку чистый фужер, налил в него сухого вина.

Щуплый от угощения отказался.

— Спасибо, спасибо. Я свое выпью. — И он показал на графинчик, наполненный, как видно, коньяком.

— А ты попробуй! Это, конечно, не наше домашнее, но все-таки цинацдали! — настаивал смуглолицый.

Светлородого южанин назвал Стефаном, Кобек запомнил это имя, а южанин, хваливший цинацдали, не мог быть армянином, потому что был грузин, и это Кобеку тоже стало ясно.

— Я, пожалуй, подожду своего заказа, — сказал он смуглолицему.

— Обижаешь, земляк! Твоего-моего здесь нет, наш стол общий. Важа платит! — Регулируя с трудом складывавшиеся отношения, смуглолицый размахивал руками, как постовой.

— Важа, ты что — миллионер? — улыбнулся Стефан.

— Почему — миллионер? Просто я вас уважаю! — удивился Важа.

— А сколько у тебя детей? — так же насмешливо спросил его Стефан.

— Пять! — Важа выставил всю пятерню и, умилившись, посмотрел на свою руку. — Из-за них сюда и приехал. Пальто, джинсы, кофты, туфли — все надо!

— Вот видишь, а ты хочешь на чужих людей тратиться! — назидательно проговорил Стефан.

— А-а! — махнул рукой Важа. — Не понимаешь ты ничего. Сегодня вы мои гости, завтра — я ваш гость: так жизнь устроена! — Потом он посмотрел на Кобека. — А как тебя зовут? Давай выпьем за дружбу!

Кобек не знал, как ему назваться. Скажешь Кобек, пойдут расспросы: какой ты национальности, да кто такие ногайцы, спросят, чего доброго, и про историю, и про веру... Рауф тоже не подходит — опять лекцию придется читать. Любое русское имя — и порядок: ему ведь с ними не детей крестить!

— Романом меня зовут, — сказал Кобек и прикинулся таким простачком.

Важа почему-то ухмыльнулся:

— А я — Важа! Давай, Роман, выпьем за знакомство, за дружбу. А его, между прочим, Стефаном зовут! — добавил смуглолицый.

Тост был не таким раскидистым, как ожидал Кобек, это его даже смутило.

Стефан налил себе коньяка и чокнулся с Важей и Кобеком.

«За дружбу! За знакомство!» — Важа подвинул Кобеку тарелку с овощами и закуской.

— Ешь, дорогой.

— Да я сейчас закажу, — стоял на своем Кобек.

— Обижаешь, земляк! Я ведь от души!

Кобек, прекратив сопротивление, принялся за закуску.
— Откуда приехал? — спросил Важа.
— Я местный, — ответил Кобек, не раздумывая, и решил, что он будет играть роль москвича.
— У тебя, что же, и квартира есть? — спросил Важа, внимательно глядя на Кобека.

— Есть и квартира.

— А дети?

— Детей нет.

— Значит, холостяк?

— Да, — нехотя ответил Кобек, обдумывая, что ему говорить, если Важа спросит, где он работает. Скажу, что в НИИ, — решил он.

Но Важа ни о чем больше расспрашивать не стал, а налил себе и Кобеку вина. В это время подошел официант, и Важа, сразу же взяв его на себя, спросил Кобека:

— Давай, Роман, заказывай, все у нас сегодня на один счет.

Растерявшись, Кобек посмотрел на Стефана, но поддержки не получил и повернулся к Важе:

— А в самом деле, зачем тебе такие затраты? Я ведь завтра не смогу тебя пригласить — таких денег у меня нет. — Кобек сказал то и так, что и как сказал бы Иван: ему вообще захотелось походить на него.

— Я ему то же самое говорил! — поддержал его Стефан.

— Да вы не волнуйтесь! — Важа поднял руки, отводя от себя все эти нелепые доводы, и повторил: — Говори, Роман, что ты хочешь?

Кобек покачал головой, показывая, что он, видимо, бессилен против таких уговоров: Важа, похоже, был таким же непробиваемым, как Дуче.

— Я не знаю, что заказывать, — сказал он.

— Тогда принесите ему то же, что мне, и еще... — немало подумав, он добавил: — и еще бутылку водки.

— Я могу обойтись и без водки, — поспешил сказать Кобек.

— Не надо! — и Важа снова замахал руками. — Что дадут, то и съедим. А пить я теперь буду с Романом. Водка так водка.

Когда официант ушел, Важа одобрительно посмотрел на Кобека и с подозрением — на Стефана.

— А сам-то ты кто? — спросил он.

— Я уже говорил, что я венгр, только родился на Западной Украине.

— Я не об этом. Кто ты по специальности?

— У меня редкая специальность, — усмехнулся Стефан.

И оба его соседа насторожились: Важа пригнулся — так было безопаснее; Кобек, в ожидании чего-то невероятного, широко раскрыл глаза.

— Я не люблю говорить об этом, но раз вы спрашиваете — отвечу. На Урале у меня свой приход. А еще я учусь в семинарии, в Загорске. — И Стефан взглянул на них в смиренном ожидании.

Кобека поразили его слова, ведь только сегодня он открыл для себя — а может, и для мира! — крылатых ангелов, и вот теперь ему встретился этот знающий человек. «Как будто кто-то послал его мне!» — подумал Кобек. Важа тоже был удивлен.

— Поп, значит? — спросил он.

— Значит, так, — улыбнулся Стефан.

— И вы действительно верите в бога? — Задав этот вопрос, Кобек сразу понял, насколько он бестактен.

— Верить надо всем. И ты веришь Роман. Как в писании сказано: «Мы же, братья, бывши разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем...»

Как и для многих, для Кобека это был — текст, и, чтобы понять, что за ним стоит, он спросил:

— Ну, тогда скажи мне, что такое вера?

Стефан внимательно посмотрел на него и серьезно ответил:

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом.»

— Значит, если что-то должно случиться, то и случится? Нужно просто ждать?

— «Верою познаем, что веки устроены словом Божиим так, что из невидимого произошло видимое». А еще в писании сказано: «Праведный верою жив будет, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа моя».

— Ну, это понятно. Ты мне лучше скажи, как поверить в него, ведь для этого надо его увидеть? — И Кобек с надеждой посмотрел на Стефана.

Тот был неколебим и ответил словами писания: — «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит господа».

— Не под силу мне это. Все вроде понятно, а сердце не принимает. Мир со всеми — хорошая вещь, но в мире с подонками жить невозможно, а их вон сколько. Ты можешь не объяснять мне, что такое святость, но как сохранить ее, если ты рожден в грехе и сам грешен? Только в пустыне можно быть святым!

— «Как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие».

— Это прекрасные слова! Но мир существует многие тысячи лет, а праведники, которые верили в его исцеление, так и не приблизились к цели. По-моему, несостоятельна сама идея — воскресения Христа и загробной жизни.

— Вон как ты говоришь, — нахмурился Стефан. «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. И если мы в этой только жизни надеемся на Христоса, то мы несчастнее всех человеков».

— Материалисту трудно поверить в это.

— Воистину: несчастнее всех человеков тот, кто верит лишь в земную жизнь. И хотя в послании к Титу сказано: «Еретика, после первого и второго вразумления отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден», — мне жаль тебя.

— Но что же делать, если мне постоянно хочется сказать кому-то, что я не хотел родиться и что я не хочу быть таким, каков я есть?

— Ну, так и не будь. Исправься — на все воля божья! — невозмутимо ответил Стефан.

Кобек был ошеломлен таким ответом. «Легко сказать, исправься!» — подумал он и задал совсем уж еретический вопрос:

— А если я стал таким по Его воле?

— Сатана совращает тебя такими вопросами. Ты ищешь не то, что угодно господу. В самом этом вопросе — наказание тебе за твое тщеславие. Все следует делать по смиренномудрию и почитать другого выше себя, и заботиться мы должны не о себе, а о других. «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе. Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; он уничижил себя самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеком и по виду став как человек, смирил себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной...»

— Понял, понял. — Кобеку даже почудилось, что эти слова становятся уже не просто словами, но... только почудилось. — Хочется верить, еще как хочется, но — не могу.

Подозвав официанта, Стефан расплатился и на прощание сказал Кобеку:

— А тебе, Роман, больше чем кому-либо надобно верить. Прощай, но, если захочешь, найди меня в семинарии. Спроси Стефана Сабо. Я буду в Загорске целый месяц.

— Посмотрю, — ответил Кобек и, прощаясь, подал Стефану обе руки.

Стефан заметил это, но говорить ничего не стал, и только поклонился обоим: — Прощайте.

Скучавший в их присутствии Важа холодно посмотрел на Кобека.

— Вон ты оказывается какой, а я-то хотел с тобой девочку найти! — и разлил па рюмкам остаток водки.

— И чем же я тебя не устраиваю? — насмешливо спросил Кобек: не объяснять же ему, что за этим он сюда и пришел.

В это время к ним подошел официант.

— Желаете еще чего-нибудь? — спросил он.

Важа поманил его пальцем и шепнул на ухо:

— Скажи, шеф, нет у тебя здесь каких-нибудь знакомых, с которыми можно было бы...

— Не понял, — проговорил официант.

— Ну, женщин, девочек нет у тебя? — рассердился Важа.

— Здесь это дорого, — ответил он, глядя в глаза Важи.

— Ну, сколько? — повеселел Важа.

— Не меньше стольника. Сто рублей, то есть.

Важа почесал затылок.

— Сто рублей! За эти деньги теленка можно купить, а откормить как следует, так и тысячу получишь...

— Дело ваше, сами разбирайтесь со своими деньгами, — официант собрался уйти.

— Да подожди ты, шеф. Сперва покажи, а я подумаю, — сказал ему Важа.

— Ну, думайте, думайте... — официант ушел.

— А где ты работаешь, Важа? — спросил Кобек.

— Я — в винодельческом совхозе.

Кобека это, в общем-то, не интересовало, и разговор на этом оборвался. Через минуту к ним подошел официант и, поправляя черную бабочку, сказал:

— Посмотрите вон на ту, в белом платье. Она сейчас пройдет по залу.

Гулко стуча высоченными каблуками, мимо них прошла стройная светловолосая девица, в конце зала она повернулась и пошла обратно, поровнявшись с их столиком, метнула обольстительный взгляд на Важу. Тот заерзал на стуле, улыбнулся в ответ и, повернувшись, проводил девицу взглядом до самого выхода.

— Что скажешь, Роман? — спросил он.

Официанту, так и не отошедшему от их стола, он сказал:

— Вот что: ты нам за стольник двух найди, да поприличнее, тогда еще сверху получишь.

Ничего не ответив, официант ушел.

Вскоре за их столик сели две девушки: одна брюнетка с короткой стрижкой, в платье, плотно облегавшем худое тело; другая — с пшеничного цвета волосами, высокой прической, пышная и грудастая...

— Меня зовут Рада, — сказала пшеничная.

— А меня — Ната, — прощобетала брюнетка.

Важа поцеловал Радины пальчики и торжественно представился: — А я — Важа, и я вас обожаю.

— Меня Романом зовут, — сказал Кобек, заглянув в глаза брюнетки.

— Ой, никогда еще не была знакома с Романами! — весело сказала Ната.

— А я — с Натами, — парировал Кобек.

И все повторилось: Важа заказал выпивку, закуски — гулять так гулять. Просидев в ресторане до самого закрытия, все направились к Кобеку. В мебельной стенке Кобек нашел матрац и бросил на пол. Важе и Раде он уступил диван. Пошептавшись с подругой, Рада призывно взглянула на мужчину, но, не дождавшись, чего хотела, прикрикнула:

— Ладно, мужики, не прикидывайтесь ваньками деньги вперед! Знаем мы вашего брата! — сказала она строго.

Всем стало как-то не по себе, а Ната даже закусила губу.

— Давайте, давайте, — повторила Рада.

Важа вытащил бумажник и начал отсчитывать хрустящие десятки: одна, две, три... Кобек тоже стал рыться в карманах, хотя и знал, что сотни у него никак не наберется... Важа остановил его.

— Не надо, Роман, я плачу, — и он кинул деньги на пол. — Это тебе, — сказал он Раде. — А это, — он подмигнул Нате, — это вам.

— Мог бы и в руки дать, — буркнула Рада и подобрала раскиданные купюры.

Ната наклонялась за каждой, внимательно рассматривала и, бережно разгладив, прятала в сумку.

Кобеку в этот момент стало совсем тошно и, открыв балконную дверь, он призвал в свидетели свою черную соседку: «Крылатый мой ангел! — ласково обратился он к вороне. — Вот и началась моя новая жизнь! Возвращаюсь к тому, с чего все началось: деньги — жизнь, время — деньги, кто не работает тот не ест, люди гибнут за металл... То ли они зло, то ли — избавление, неизвестно! Но теперь я тебя совсем не боюсь. Наступает новая жизнь!»

— Роман! — окликнула его Ната.

Кобек обернулся и увидел Нату, протягивавшую к нему руки.

— Иду, — деловито проговорил Кобек и, закрыв балконную дверь, прошел в комнату.

Важа поднялся, когда еще не рассвело. Кобек слышал, как они с Радой переговаривались, но открыть глаза не мог.

— Деловое свидание, надо успеть в другой конец города, — Важа разговаривал словно сам с собой. — Такая пьянка из колеи выбивает. Даже побриться некогда. — И еще тише спросил у Рады: — Ты дашь мне свой телефон?

— Да, только звони после работы — часиков в восемь.

— Хорошо, хорошо.

— Ната, ты не уходишь? — спросила Рада.

— Нет, — и она еще сильнее прижалась к Кобеку.

— Ну, а я пойду, мне на работу надо успеть, да и домой бы зайти неплохо.

— Да, дома ведь еще придется объясняться, — вздохнула Ната.

— Роман, я ухожу, — сказал Важа.

Кобеку пришлось встать.

— Роман! Дорогой! Будешь у нас — обязательно заезжай. Вот тебе адрес, — и Важа сунул ему бумажку.

— А ты приезжай ко мне, — отозвался Кобек.

— Спасибо тебе за гостеприимство, дорогой! — сказал Важа.

— Это тебе спасибо за все! Приезжай!..

— Хватит вам прощаться, мужики! — не выдержала Рада и, повернувшись к Натe, сказала: — Ты-то хоть позвони вечером!

— Позвоню, — вздохнула Ната.

Проводив гостей, Кобек снова разделся и лег в постель. Ната повернулась к нему и, не открывая глаз, обвила его шею руками.

Потом он смотрел на ее красивое лицо, целовал руки, глаза.

— Сколько тебе лет?

— Уже двадцать шесть.

— А выглядишь как девочка, — удивился Кобек.

— У меня и сын есть, — призналась Ната.

— А где же он? Неужели одного оставила?

— Зачем это? — удивилась она. — Он у матери, в деревне.

— Так ты потому и гуляешь?

— И опять не то! Я и при нем гуляю, и без него. Только вот к себе приводить не могу — я в коммуналке живу.

— А соседи не знают?

— Знают, конечно, но они без понятия: сказали, что, еще кого приведу, жалобу напишут. Вот я там не показываюсь.

— А к кому же ты водишь?

— Чего это ты все допрашиваешь меня? Находятся добрые люди.

— Наверное, к подругам? — не отставал Кобек.

— Вот пристал. Зачем тебе-то знать?

— Да просто так.

— Мне бы такую квартиру, как у тебя, я бы уж дел наделала.

— А мне бы такую девицу, как ты, да только не гуляющую.

— Заливаешь! Небось, и жена есть, и дети!

— Жена и дети тоже есть, только я с ними не живу.

Они в другом городе.

— Сам ушел или жена бросила?

— Сам.

— А я тоже сама ушла. Надоел, пьянчужка проклятый! Денег в дом не носил — только и славы, что муж, а так мы и не жили почти. Зато ревновал по-страшному...

— Ты ушла, и я ушел, так может вместе будем жить, — пошутил Кобек.

Ната задумалась:

— Это месяц протянется, от силы — два, а потом склоки пойдут, припомнишь мне все. Рада вон несколько раз так обжигалась. Лучше уж деньги делать, — и она с усмешкой взглянула на Кобека, — а ты молодой, другую себе найдешь.

— Так ты, наверное, и так уже богатая?

— Разбогатеешь тут!

— Ну, если в день по пятьдесят?

— По пятьдесят? Бывает, что и по сотне. Только одеваться надо; если никого нет, то и за стол в ресторане сама платишь, а к кому поведешь — тому десятку дать надо. Себе одна мелочовка остается...

— Ты приходи ко мне в эти дни. Одному очень тоскливо.

— Ах, мне бы такую квартиру! — мечтательно проговорила Ната. — А ты где работаешь? Тебе, может, уходить надо?

— Я временно не работаю. У меня даже прописки нет, — честно признался Кобек.

— Во даешь! А квартира эта не твоя, что ли? Ничего не понимаю!..

— Эта квартира моего деда. Дед уехал и сказал: живи сколько хочешь.

— А дед в деревню, что ли, уехал?

— Да, — ответил Кобек, — в деревню или еще куда-то, не все ли равно!

— На что же ты живешь?

— Подрабатываю где придется.

— А чем же ты вчера расплачивался? — Но она тут же вспомнила: — Ах, да, это грузин платил, он тебе кто — брат?

— Не брат и не сват, за столом познакомились.

— Ну и денежный мужик! — восхитилась Ната и неожиданно спросила: — А что, если я к тебе кого-нибудь приведу?

Кобек не знал, что и сказать, — только в ужасе посмотрел на Нату: ну и ну! Потом вдруг решил, что от нее ничего другого и ожидать нечего.

— Да я пошутила.

— Ничего себе шуточки! — возмутился Кобек.

— А если подумать: тебе-то что от этого, денег у тебя нет, а я бы тебе платила, как бандершам, — по десятке за ночь. Ты бы в это время в моей комнате пожил. А что? Тебя никто не знает, и меня — тоже. Кому до нас дело?

— Так-то оно так. Но долго так не проживешь. Всему конец приходит.

— Конец придет — расстанемся друзьями. А, Роман? Рада вон так живет, а ее бандерша, которая ее обучила всему, Кларой зовут, немка, всегда этим жила, а сейчас, хоть и старуха, по курортам разъезжает и все у нее есть...

— Ну что ты говоришь? Разве в деньгах счастье? — И Кобек начал разглагольствовать о морали, понимая, что Нату этим не проймешь. — Деньги в жизни не главное, было бы для кого жить! Для родного человека, для любимой женщины, для ребенка. А всем этим деньгам, ресторанный жизни быстро приходит конец. Сама подумай, много ли нам нужно? Голодными мы не бываем, давно уже не мерзнем, голыми не ходим, только и трудов, что определиться: для чего живем!.. Это самое главное!

— Да ты, я вижу, шизик! Ну тебя к черту! Ты думаешь, мне приятно, когда такая же, как я, девчонка, все в «Березке» покупает, а я на пальто сынку два месяца сэкономила, а сама черт знает в чем ходила! А каково смотреть на тех, кто в каракулях да в норках, да еще с бриллиантами в ушах? Тебе самому разве приятно, когда ты видишь такого же, как ты, в «Волге», а ведь есть и такие, что в «мерседесах» разъезжают! Нет, ты шизик. Я, деревенская девка, в институт не поступила потому только, что у меня денег нет. Вон дочка директора и дочка одного управляющего из нашего совхоза, мои одноклассницы, с первого раза попали. А я и училась лучше, и красивее их. А почему-то так, как они, не одеваюсь! — и Ната чуть не расплакалась.

Кобек подумал, что она права, но ответить ей надо бы было божьим словом, вроде того, что негоже зариться на чужое добро и что несчастливее всех человеков тот, кто погряз в суете... Обыкновенные слова были бы бессмысленными, и он ничего не стал объяснять.

— А я-то думал, что ты просто развратная девка, — спокойно сказал Кобек и улыбнулся.

— Ты извини, Роман. Но где ты найдешь сейчас таких, кто из любви жизнью жертвует? Нет сейчас настоящих-то мужиков! Кто-то, может, и добрый, но гол как сокол и тебя в нищету затащит. Другие деловые да обходительные — любят красиво пожить, деньги имеют, но тоже

эгоисты, на женщину смотрят как на забаву... А в общем, и те и другие только о себе думают. Никто никому не нужен, а на одной любви жизнь не построишь. В школе у нас мальчишки дружили с девчонками; все мы друг о друге только хорошее думали и были, наверное, хорошими. Я помню, как мы вскладчину купили бутылку вина, консервы какие-то и вшестером пошли в лес — вот это был праздник, гуляли, веселились, песни пели... Тогда и перецеловались все по первому разу со своими друзьями. И это на всю жизнь осталось как праздник, даже то вино паршивое сладко было. А сейчас чего я только не ем, чего не пью — а все мерзко. И любовь — не любовь, и еда — не еда, и жизнь с мужем — как каторга. Сынка вот только жалко! Как подумаешь, что и он таким же подлым вырастет — руки опускаются...

— Родная моя! — Кобеку стало вдруг нестерпимо жаль эту заблудшую душу. — А может, есть все-таки неплохие люди! Я встречал таких...

— Эти неплохие люди — только в книгах! — горестно вздохнула Ната.

— Но есть же семьи, где живут дружно, и детей воспитывают, и внуков нянчат...

— Вранье все это!

— Ну, а твоя мать?.. — осторожно спросил Кобек.

— Скажешь тоже — мать!.. Старые люди иначе жили: помогали друг другу, родственник — родственнику, всем миром — бедному. У них совесть была. У матери вот соседка есть, так они с ней всю жизнь враждовали, в молодости отец к ней хаживал, а теперь эта соперница материна больная совсем, даже дети к ней не приезжают, а мать каждый день у нее: то молока принесет, то супа, то чай приготовит. Я ей говорю: всю жизнь как кошка с собакой жили, а теперь что же? А она: совестно, говорит, перед людьми. А в нашей деревне всего пять домов и осталось, одни старухи! Весь рабочий люд в центральную усадьбу переехал, там квартиры дают... Где люди-то? Пять старух да сумасшедший Лешка, перед кем ей совестно, не пойму! Перед живыми? Перед мертвецами?..

— Это ты хорошо сказала: перед живыми мертвецами!

— Пусть уж извинят меня, но ведь им умирать скоро. — Боясь укора, Ната притихла. — А вообще-то, они как будто из космоса прилетели. Если бы мать узнала, чем я тут занимаюсь... Страх божий! Да ладно — все ерунда!

— А мне почему-то плакать хочется! — Кобек чувствовал в Нате что-то родственное, и ему хотелось выговориться. — По-моему, Ната, мы просто обманутые люди, нам говорили, что в жизни должен быть высокий смысл, цель какая-то, а надо было просто жить... Мир, в котором одни гении, — скучный мир!

— Куда это тебя понесло! Не надо об этом. Закурить у тебя есть? — перебила его Ната.

Сигареты были в пальто, и Кобек пошел за ними.

— Просто все очень запутано. Верили бы в бога, всего этого не было бы. Все можно делать, и никто с тебя не спросит, — сказала Ната.

— Бога растоптали, а чтобы его поднять, не знаю, что нужно. Да и можно ли поднять его из такой грязи!

— Конец света нужен, бомба какая-нибудь! — сказала она и, чему-то улыбнувшись, затаилась дымом. — А ты бы не умничал, к чему все это?

— Может, ты и права: зачем нам, маленьким людям, о боге рассуждать. В человека вообще не стоит вдавливать такие идеи. Постоянно думаем: есть бог или нет? А еще: кто я такой? Для чего живу? И никто толком не знает: есть бог или нет. Потому и определиться в жизни не можем. Сказали бы мне: ты — дитя природы и должен жить в согласии с миром. Но все мы много чего знаем и ни во что не верим! Живи я в согласии с миром, я бы и бога чтил, и себя не возносил бы до небес!

— Пуганик ты, Роман, — вздохнула Ната. — А выпить у тебя ничего нет?

— Нет, но я могу сбежать. Магазин ведь уже, наверное, открыт.

— Ты уж сбегай. На работу я все равно не пойду — ну ее к черту!

— А где ты работаешь? — спросил Кобек.

— На автомобильном заводе. Уже двенадцатый год. Сперва в общежитии жила, потом с мужем квартиру получили. А сейчас с постоянной пропиской можно и в ресторан пойти — официанткой или в какую-нибудь гостиницу, где заезжих побольше.

Из магазина Кобек вернулся быстро — купил водку, пиво, колбасу какую-то, сыр... Ната, встав с постели, даже не мылась — так и сидела неприбранная, закутавшись в простыню. Когда они выпили по второй, начала приходить в себя. Достав из сумки две красненькие, протянула Кобеку.

— Принеси еще, лишним не будет, а то после станем искать, а мне от тебя уходить не хочется.

Кобек еще раз сходил в магазин.

Ната опьянела уже после первой бутылки: ходила по комнате, пританцовывала... И колотила по полу босой ногой. Оттого, что она такая молодая и красивая, и оттого, что походка ее была шаткой, Кобеку казалось, что она ребенок, попавший в середину быстрой реки и вытягивавший из воды шею. А еще она была похожа на едва оперившегося цыпленка, попавшего в глубокую яму. Глядя на нее, Кобек заплакал и опустил голову. Весело напевая, она подошла к нему, села на колени, но Кобек так и не поднял головы: он стыдился своих слез. Ната замолчала.

— Милый ты мой! — жалостливо проговорила она. — Не думай ты ни о чем! Дай я тебя поцелую. — Увидев его слезы, Ната внимательно посмотрела ему в глаза. — Тебе, как видно, тоже нелегко! — И она поцеловала его в мокрые от слез глаза.

Взяв себя в руки, Кобек доверчиво взглянул на нее.

— А что, собственно говоря, случилось? Почему бы нам не пожить по-человечески? Кто нам мешает? Делай, что хочешь, — и мы будем счастливы!

— А я любовь люблю! — призналась ему Ната и потянулась к его губам.

Любовью и закончились эти философские беседы.

Ната проснулась среди ночи и, разбудив Кобека, предложила выпить. Они опрокинули по стаканчику, покурели, пьяно побеседовали непонятно о чем и снова легли. Наутро все повторилось. Кобек не хотел пить, но, видя, как Ната, не церемонясь, наливает себе в стакан, устыдился своей слабости и тоже выпил. На следующий день он встал с мыслью, что не возьмет в рот ни капли. Ната утром приняла душ и уже начала одеваться, чтобы идти на работу, но увидела на столе бутылки и, налив себе полстакана водки, выпила... Закурив, она и Кобеку предложила выпить. Он хотел было отобрать у нее водку, но Ната быстро налила себе еще и залпом выпила. Посидев немного, сказала, что хочет отдохнуть, и прилегла.

— Ната! — окликнул ее Кобек.

— Меня вовсе не Натой зовут, я Катя, а Раду зовут Ириной — это мы на всякий случай имена меняем. — Она закрыла глаза и сладко потянулась.

— И как же мне тебя называть? — спросил Кобек, подумав, что и он ведь не тот, за кого себя выдает.

— Зови, как хочешь!

— Ну, тогда, чтобы быть на равных, буду звать тебя, как и раньше, Натой. — Нате, как он понял, все это было абсолютно безразлично.

— Я хочу спать, — капризно сказала она, поворачиваясь на бок.

— Давай переложим постель, диван-то теперь свободен! — Простыни, на которых спали Важа и его подружка, он уже убрал.

Ната не поднялась. Тогда Кобек подошел к ней.

— Ну, вставай же! Давай постелим на диване, — и Кобек взял ее за руку.

— Ой, надоел! — вздохнула она и нехотя поднялась.

— И потом — разденься, а то все помнешь!

Ната стащила с себя свое зеленое платье и, оставшись в прозрачной сорочке, плюхнулась ничком на постель.

— Послушай, Ната! — окликнул Кобек.

— Ну, что еще?

— Я пойду работу искать. А тебя придется запереть — у меня только одни ключи.

— Я спать буду, запирай...

Кобек хотел захватить с собой паспорт, но не нашел его ни в карманах пальто, ни в пиджаке. В чемодане и сумке его тоже не было. Вдобавок ко всему, он не в состоянии был припомнить, когда видел его последний раз, вчера или позавчера...

— И куда он мог подеваться? — Устав от своих поисков, он спросил у Наты: — Ты не видела моего паспорта?

— Какой еще паспорт!

— Мой паспорт! Мои документы! — сердито проговорил Кобек, соображая, куда он мог их задевать.

— Не видела я никакого паспорта, — пьяно всхлипывала Ната.

«Неужели Важа унес? Но зачем ему? Теперь на кого угодно можно подумать!» — И он снова перерыл все свои вещи. Документов не было.

«Все равно вернешься», — вспомнил он. Значит, Филипповна взяла, чтобы держать его при себе. Но все это глупости. Мне же надо оформить развод, выписаться... А может, его просто украли! Если он у каких-нибудь уголовников, дело плохо — запятнают его доброе имя — шутка ли! И он решил поехать к Филипповне. Мысль о том, что кто-то порочит его доброе имя, была просто неотвязной: всю дорогу он думал только об этом.

— Я же говорила, что ты вернешься! — радостно вскрикнула Филипповна.

— Я ищу свои документы: паспорт, военный билет! Где они могут быть? — Кобеку не впервой было проводить дознание.

— Без документов не обойтись! Куда ты пойдешь без паспорта? Милиция сразу заберет...

— Я пришел за документами! — настойчиво проговорил Кобек.

— Но, Коленька, нет у меня твоего паспорта! — испуганно проговорила Филипповна.

Кобек перерыл все в своей бывшей комнате, осмотрел и комнату хозяйки. Ничего не обнаружив, метнул в нее прокурорским взглядом.

— Да не видела я его, ей богу! — клятвенно заверила его Филипповна. — А может, Коль, у тебя его и не было?

— Как это? — взревел Кобек. — Ты что же, думаешь, что я бич какой-нибудь! Ты лучше отдай, если взяла. Мне все равно домой надо ехать разводиться, выписываться... Паспорт мой никому не нужен. И тебе тоже.

— Да не брала я, Коленька! — Филипповна просто не знала, как отвести от себя подозрения. — Не брала я! Не брала!

— Но куда же он мог деться! — крикнул Кобек.

— А может, его действительно у тебя не было? — робко предположила Филипповна.

— Как же — не было! Тебе просто хочется этого! — И Кобек затосковал по решительным действиям: захотелось уйти, хлопнуть дверью, рассмеяться в лицо...

— Ну, куда же ты, Коля? — на плечо Кобека легла тяжелая рука Филипповны.

Кобек остановился и пристально взглянул на нее.

— Не уходи, Коля! Пропадешь ведь без паспорта! И крыши над головой у тебя нет! Трудно одному в большом городе, а мы с тобой как родные уже, — взмолилась Филипповна.

Но Кобек решительно отстранил ее и направился к выходу.

— Я буду ждать тебя, Коля! — крикнула хозяйка.

— Ладно, ладно, — пробурчал себе под нос Кобек, не понимая толком, что же означают эти слова: отказывается он от Филипповны или разрешает ей ждать...

Но это дело десятое, а сейчас ему надо было подумать над своим положением: оно было нешуточное!

«А без паспорта тебя будто и вовсе нет! Ну, и силаща у бумажки! — удивился он. — Возможно, что скоро появится какой-то другой человек с фамилией Карамов, с именем Рауф, с отчеством Алимжанович. Да пусть себе появляется! Велика важность. Рауф Алимжанович Карамов — подумаешь!.. Ведь даже с паспортом он не умел удостоверить свою личность! Личность! Где она?..»

Целый год Кобек проболтался в столице, нарушив при этом множество указов, постановлений, законов, параграфов... Когда наступило безденежье, он подрядился вместе со студентами на поденную работу: разгружал грузовики, таскал ящики с бутылками — на пивзаводе, на молочном заводе... Во время случайной встречи с Нурадином Кобек пожаловался на свою жизнь, и Нурадин вспомнил, что Альтаю требуется помощник. Алтай, сказал он, платит наличными: десятку в день. Алтай договаривался в магазинах и на складах о дефицитных товарах, находил клиентов. А Кобек вывозил из магазинов парфюмерию, одежду, импортные унитазы и умывальники, керамические плитки, посуду — всего не перечесать! — и вручал клиентам Альтая. Денежные операции проводил сам глава фирмы — Алтай. Кобек не стыдился роли посыльного, послушно делал свое дело, брал десятку и, довольный заработком, уходил: он даже не представлял, как наживается на этих операциях Алтай. Ната уже не работала. Встречались они в середине недели и обыкновенно устраивали загулы на всю ночь. В воскресенье ей было не до него — приходилось зарабатывать. Кобек, используя свой морализаторский дар, втолковывал ей, что такая жизнь нехороша и что надо было бы позаботиться о своем будущем; но Нату нельзя было назвать благородной слушательницей: соглашаясь с Кобekom, она продолжала свое занятие.

Безумно занятый по средам, Кобек посещал Филипповну в остальные дни, и всегда — с бутылкой. В эти дни слушателем был Кобек. Филипповна считала своим долгом учить его уму-разуму. Она требовала от него постоянства, супружеской, а не какой-нибудь, верности, призывала думать о будущем... Кобек делал вид, что во всем с ней согласен, но продолжал жить своей жизнью. Ему уже ни о чем не хотелось думать. Своего поведения он не одобрял: надо бы было, конечно, поехать в родной город, развестись, найти какую-нибудь работу, подумать о детях... Надо, надо, надо... Своей связью с Филипповой он тяготился, Нату жалел, но осознавал, что она тяготится им...

«А в общем-то, какая разница! — успокаивал он себя. — Можно считать, что меня просто нет на этом свете. Кто-то ведь ходит сейчас с моим паспортом и живет за меня, и возможно, я теперь уже не я, а кто-то другой!»

Ни Нурадин, ни Алтай никуда его не приглашали. Они удивлялись его кротости и почитали за чудака.

Возможно, он так и жил бы еще долгие годы. Но Натю осудили, лишили материнства и отправили лечиться. Тогда он перебрался к Настасье Филипповне. Связь с Альтаем он потерял и, когда остался совсем без средств, направился к Нурадину. От Нурадина он узнал, что Алтай погорел: за спекуляцию он схлопотал десять лет.

— Что же дальше-то, Коля, так и будем жить? Квартиранты тебя боятся, даже участковый недавно приходил. Смотри, как бы повестку тебе не прислали! — Учить его уму-разуму Филипповна перестала, это было бесполезно.

— Дай мне денег, я съезжу домой, разведусь и вернусь к тебе, — сказал Кобек.

— Денег я тебе не дам, потому что с тебя потом не получишь. Как бы тебя вообще не посадили, не работаешь ведь, да и алименты не платишь!..

На следующий день ему и впрямь пришла повестка. Из милиции Филипповна прибежала сама не своя.

— Давай, Коля, чеши отсюда. Соседи пожаловались. А если найдут тебя здесь, посадят обязательно, да и меня оштрафуют!

Кобек быстро собрал вещи и выскочил за дверь. Он хотел было поехать к старику, но передумал и отправился на вокзал. Там он совсем задешево продал цыганам свое зимнее пальто, чемодан и костюм, из вещей оставил только то, что могло втиснуться в портфель.

Курган Славы

В тот же день он прибыл в Рязань. На автовокзале посмотрел на карту и остановил свой выбор на Касимове. В Касимове, переночевав на автовокзале, оглядел бли-

жайшие улицы и решил, что цель его поездки — Казань. Но в Казани тоже не задержался: повертелся вокруг Кремля, оглядел башню Сююмбийке, потоптался на тротуаре, вглядываясь в лица прохожих, но, не найдя родственной души, отправился на речной вокзал и сел на пароход. В Волгограде он сразу же поехал к Мамаеву кургану, оттуда вернулся в город и, найдя автостанцию, подался в село Царево. Выйдя из автобуса, он, ни у кого не спрашивая, оказался на проселочной дороге и, как добрый молодец из сказки, увидел камень, на котором было написано, что здесь стоял когда-то город Сарай-Берке. Кобек где-то читал, что Сарай нельзя было объехать из конца в конец. Ему хотелось представить себе голубые минареты, роскошные дворцы знати, лавки оружейников и ювелиров, торговцев сладостями и мясом, самые большие на востоке караван-сарай, но при виде пустыря, заросшего пропыленной пылью и высохшими кустами прошлогоднего курая, вообразить что-либо было немислимо. Он даже не стал осматривать пустырь и с отчаянным безразличием пошел обратно. «А на что я рассчитывал? — спрашивал он себя. — Как после ядерной войны», — мелькнула у него мысль, но тут же погасла...

К концу лета он оказался в Астрахани. Добирался на перекладных, а кое-где и пешком. Ночевал в каких-то селах, и иногда и в степи. Случилось побывать и возле села Селитренного, где когда-то стояла другая столица — Сарай-Бату. Для ночлега он выбрал один из давних раскопов. «Вроде ничего здесь и не было никогда. После того можно поверить, что семя людей могли завести на землю в пробирках!» — эта мысль, так же как и весь выросший бурьяном Сарай-Бату, была не из веселых.

В астраханском порту он попробовал подработать, но его погнали грузчики, которые давно уже сколотили здесь свой дружный коллектив. На городском базаре пристроился к подросткам, которые сгружали с машин арбузы. Частники платили подросткам за работу арбузами. Он был согласен и на это, заработанные арбузы сбывал тут же на базаре по госцене, и этого ему хватало на пропитание. Ночевал он в эти дни в домах, назначенных под

снос. Он дал себе зарок не пить и старался быть аккуратным, даже белье свое стирал, но бороду запустил и стал похож на древних русских мужиков, знакомых по каким-то историческим фильмам. Когда он однажды пришел в свое обычное время на базар, одна из торговок, по виду корейка, которая, как видно, давно заметила его, показала ему ножницы и, отозвав его к своему прилавку за железной сеткой, дала зеркало, и он постриг бороду... Потом она угостила его чаем, расспросила о том о сем, и он привычно рассказал свою придуманную историю о пропаже документов и о том, что не может вернуться домой. В ту ночь Вера, так звали торговку, оставила его ночевать в своем углу. Спали они на матрасе, постеленном на солому, среди груд арбузов. Базарная жизнь ему понравилась, и он не заметил, как пролетело время. До самых холодов он помогал Вере торговать, выбирал и подавал арбузы, иногда она ставила его и за прилавок, исполнял он и другие поручения. Расставанье их было совсем обычным. Вера на прощанье подарила ему новые крепкие ботинки, отдала свой ношенный полушубок, а когда он надел все это, она, прикусив губу, посмотрела на него с улыбкой и, как любила это делать по ночам, пощипала его за бороду на виду у всех своих соплеменников, подтрунивавших над ними все время, пока они были вместе... Потом она достала пятидесятирублевую бумажку, сунула ему в кулак и, показав рукой на выход, приказала убираться. Так они и простились. Вера должна была поехать к своей дочери в город Ростов-на-Дону. Они не обменялись адресами, распрощались, не оставив себе никакой надежды на встречу. Ему это было все равно, душевного расположения к ней у него не было, и, хорошо понимая, что нужен ей как помощник, а не как мужчина, он взял свой портфель и спокойно побрел с базара.

В тот же день он отправился на автостанцию и продолжил свое путешествие. Его потянуло в Казахстан. Он долго скитался по его западной части. Подрабатывал где попало и как попало, просился на ночлег к сердобольным казахам, приходилось спать и на автостанциях, и в

теплых подвалах высотных домов. В Сарайчиковском районе, в самом райцентре Сарайчиковском, ему повезло. Сперва к нему, как к бичу, пристал молодой казах-милиционер, а увидев среди его вещей рукопись, вырезки из газет и портрет Фейруз, понял, что тут что-то неладное, стал мягче, подумав, как видно, что он не тот, за кого его принимают, и даже спросил, не корреспондент ли он, выдающий себя за бича. Милиционер совсем удивился, когда он заговорил с ним на родном языке и сам предложил помощь. Он попросил у казаха хоть какую-то временную работу, объяснил, что ему нужны деньги для возвращения домой, сказал, что едет с заработков и так случилось, что его обокрали. Милиционер посочувствовал ему, оставил ночевать в отделении, а на следующий день отвез к приятелю — директору одного из близлежащих совхозов. Там бичи строили кошару, выполняли и другие работы, за труд директор платил им поденно по пять рублей на брата, чтобы хватало на бутылку. Жить он пристроился у одинокого старика — казаха. Амантай, так звали старика, видя, что жилец его тихий и непылющий, да еще говорящий на его родном языке, Отнесся к нему с любовью, платы за жилье не требовал, делился пищей. Жилец помогал старику по хозяйству, смотрел за его овцами, привозил для них корм, готовил еду. Со стариком они подружились чуть не родными стали, и весной, когда он засобирался уезжать, старик страшно опечалился, просил остаться насовсем, обещал за двух барашков сделать ему документ, даже дать свою фамилию — усыновить то есть. Но, как ни горько было прощаться с Амантаем, он решился на это в одно прекрасное утро. Старик просил его хотя бы написать, а при случае приехать в гости. Уезжал он из Сарайчиковского района при деньгах и приодетый. Проезжая райцентр, усмехался в бороду, ведь это селение с неказистыми домами было когда-то столицей Ногайской орды. Он хотел представить себе крепостные стены, дворец верховного бия и всех заносчивых правителей, от Эдиге до Ормамбет-бия, но вместо них перед его глазами возникал машущий ему платком старик Амантай.

Летом он опять был в Астрахани. Свою знакомую он не застал на базаре, потому как арбузы к тому времени еще не поспели. Несколько дней он бесцельно слонялся по раскаленному городу, без всякого интереса разглядывал кремль и его окрестности, даже побывал на мусульманских кладбищах, где, по примеру других посетителей, оставил на гробницах шейхов все карманное серебро. Побывал и в музее, увидел репродукцию из книги Олеария, на которой была изображена средневековая Астрахань: «Астрахань ин Ногая» — так там было написано. На железнодорожном вокзале он пристал к шабашникам из Армении и вместе с ними уехал работать в Сальские степи. Узнав, что он без документов, шабашники платили ему только половину заработанного, он числился у них подсобным рабочим и выполнял самую черную работу. Бригада сдала под ключ десять двухквартирных домиков за один сезон. И хотя он получал только половину заработанного, ему выдали на руки около двух тысяч — таких денег он еще никогда не держал в руках.

С деньгами ездить было веселее. Теперь он ночевал на частных квартирах, а случалось, и в гостиницах. Побывал в Харькове, Киеве, специально съездил в Приморск, что на Азовском море, который еще совсем недавно именовался Ногайском, оттуда подался в Буджакскую степь, что в Молдавии. Здесь у него кончились деньги, и он устроился работать в виноградарский совхоз. Все лето он собирал тут виноград, платили неплохо, и даже подружился с бригадиром по имени Серафим. Бригадир уговорил его поехать с ним в Тюменскую область продавать совхозные яблоки и вино. Серафим все устроил сам: получил командировочные, а сверх того и деньги, билеты и прочие расходы, он же выправил в районной милиции справку о том, что на днях у его напарника пропал паспорт. В Тюменской области они жили в городе Тобольске, снимали «люкс» в центральной гостинице, питались только в ресторане. Хотя он и зарекся не брать в рот, за компанию с Серафимом вынужден был выпить несколько стаканчиков вина. Бригадиру нравилось шиковать, собирать вокруг себя народ, был он не-

утомимый бабник, так что их номер никогда не пустовал.

В одном из таких вечеров они познакомились с местной татаркой Альфией, работающей директором овощного магазина. Альфия пришла с подругой блондинкой, голубоглазой и рослой, и Серафим, хотя и был ей по плечо, принялся ухаживать за ней, а Альфия, естественно, досталась ему. Он сразу, как только Альфия вошла, был поражен ее сходством со своей бывшей женой и тут же захотел назвать ее Кунбийке; вдобавок ко всему, он уже ночью увидел, что глаза она не закрывает, точно так же, как Кунбийке. После жарких объятий он признался ей, что она похожа на его бывшую жену. Узнав, что он ногаец, она удивилась и сказала, что и сама ногайка, хотя в ее паспорте, как и в паспортах всех ногайцев, живущих в Тюменской области, записано — татарка. То, что они — родня по крови, и это сходство с женой поразили его гораздо больше, чем известие о том, что в Тюменской области, так же как и в Астраханской, и еще где-то в Узбекистане ногайцы не признаются ногайцами... Все время, пока он жил в Тобольске, Альфия приходила к нему в гостиницу. Если бы он только захотел, Альфия согласилась бы выйти за него замуж, она даже намекала на это, но он сделал вид, что не понимает этих намеков.

Самым тягостным было прощание в аэропорту, куда Альфия приехала как бы по делу. Она смотрела на него с надеждой, что он хоть что-нибудь скажет. Но даже тогда, когда в ее глазах блеснули слезы, он только поцеловал ее в щеку и поспешил за Серафимом. Стоявшая за контрольным пунктом Альфия невольно напомнила старика Амантая. «Но что я могу поделать? Не разорваться же! Меня и на самого себя не хватает!» — думал он в самолете, вознесшем его в заоблачную высь.

Когда он вернулся из Тобольска, ему вручили заработанные им деньги — целую тысячу. Серафим уговаривал его остаться, но он, поблагодарив за предложение, подался в Крым.

Сначала проехал степной Крым: небольшие совхозы и захолустные железнодорожные станции; потом по-

пал в курортные города, ночевал в крохотных местечках на побережье, снимал комнату на одну или две ночи. В Бахчисарае он пробыл больше недели. Ему хотелось посетить ханский дворец, и он, придя туда, походил по комнатам, вместе с туристами повздыхал у фонтана слез, усмехнулся в дворцовом саду над нарочито чопорными могильными камнями ханов. «Доигрались, бедолаги!» — подумал он, прощаясь с Бахчисарайским дворцом. В другой раз посетил вместе с группой туристов Чуфут-кале. С полным равнодушием глядел на руины, карабкался без всякого желания по подземному лабиринту, и единственное, что удивило его, это чудом сохранившийся мавзолей Джаныке-ханум, дочери Тохтамыш-хана. Возле городских ворот экскурсовод рассказал им историю захвата и разграбления города Ногаем в тринадцатом веке. От тех ворот остались только каменные столбы. Он поотстал от группы и вышел за эти ворота. Посмотрев на горные окрестности, представил, как он входил в город, — Ногай из него получился на славу. «Широко раскрыл ворота, — посмеялся он над тем, что считалось историческим фактом, — и без труда вошел в этот каменный мешок...» «Бессмыслица все это,» — подумал он и начал спускаться по каменистой тропе...

В Старом Крыму он снял комнату в доме, который стоял неподалеку от развалин мечети, построенной еще в четырнадцатом веке ханом Узбеком. Сосед по комнате, которого звали Витя, туберкулезник, приехавший из Мурманска подлечиться, во время прогулок ленился ходить в туалет и облегчался прямо под сводами этой мечети. Он ему ничего не говорил, чтобы не забивать себе голову какими-то нравственными проблемами: кощунственно—некощунственно, какая разница! Витя мочился в каком-нибудь углу, а он с некоторым любопытством разглядывал арабскую вязь и керамику из глазури, о которой кто-то писал, что современные ученые не могут разгадать ее тайны, отчего и не реставрируют архитектурные шедевры Самарканда. «А какая, в сущности, разница, вся наша земля состоит из нечистот», — думал он, дожидаясь приятеля.

Как-то они с Витей привезли к себе двух заезжих девиц. Девушки остались у них, едва рассвело, ушли, а через какое-то время мужики обнаружили, что остались без денег, и срочно принялись за поиски. Девушки, ясное дело, и след простыл. Витя остался ждать перевода из дома, а он, заплативший за жилье наперед, не стал испытывать судьбу и в тот же день двинулся пешком из Старого Крыма в сторону Феодосии. Голодный, изможденный трудным переходом, он еле добрался до некогда славного города Кафы, который назывался теперь Феодосией. Напившись из-под крана, так и не поев, он уснул в при вокзальном парке. Утром он попробовал продать кое-что из своих вещей, но заевшиеся торговки не позарились на ношеное; не получилось и с заработком: избалованным курортным жителям, жившим только сдачей комнат, рабочая сила, да еще в зимний сезон, не требовалась. Болтаясь по набережной, он увидел возле скамеек пустые бутылки, собрав с десятков, сдал их в приемный пункт, вырученных денег хватило на обед, и пошло-поехало: все последующие дни он упорно собирал пустые бутылки. Ночью оставался на вокзале, утром бесцельно бродил по городу, а находя бутылку, быстро совал в портфель. Дней пять он прожил спокойно, а на шестой попался на глаза милиционерам, и они спросили у него документы. Он показал справку, которую когда-то достал ему гагауз Серафим. Справка была недействительной, и ее порвали на его глазах, потом отвели в отделение, осмотрели вещи, начали выяснять — личность, но, поняв, что с ним хлопот не оберешься, посоветовали убраться из города в течение суток. На следующий день он был уже в Керчи. Здесь тоже пришлось собирать бутылки. В Керчи он пробыл долго. То ли страшился перебраться на противоположный, родной берег, то ли ему понравился городок, только он без устали слонялся по улицам и собирал бутылки, сдавал их в приемный пункт, где-нибудь перекусывал и шел к высокому обрыву, на котором высились остатки старой крепости. Там он садился на камень и долго смотрел на пролив, на противоположный берег, на паром, двигавшийся по зеленым волнам, на

чаек, преследовавших его, иногда видел выпрыгивавших из воды дельфинов. Думать о чем-то ему не хотелось, ведь будущего, которого он не представлял, не могло существовать, так же как и прошлого, о котором он научился забывать. «Что будет», то будет» — говорил он себе по утрам, не загадывая, где он будет сегодня ночевать и что есть.

В один из теплых дней, сидя на остатках крепостной стены, он вдруг увидел на воде сотни, а может, и тысячи людей: мужчины в черных шепкенах, женщины в разноцветных одеждах, многие в белых тастарах, кто-то в красных шапочках, матери с грудными детьми, множество ребятни, сновавшей под ногами взрослых, около этой людской толпы метался скот — лошади, верблюды. Среди людей было великое смятение: мужчины что-то кричали, женщины и дети жались друг к другу, ревел скот, ржали лошади, трубили верблюды. Что это было за видение и наяву ли все это происходило, он не знал, но, удивившись этому, вспомнил: когда-то давно он читал о том, что ногайцы во время переселения переплывали море из Керчи и многие из переселенцев тогда погибли, возможно, этот эпизод, отложившийся в сознании, и приобрел сейчас такие реальные черты, но думать об этом не хотелось. С некоторых пор он полагал, что никакой истории вообще не было, как не было и будущего, в которое он перестал верить. Но это видение потрясло его: «Я, как Иисус Христос, не только людей, но и скотину научил ходить по морю, как и по сушу», — мелькнула в его голове какая-то пространная, но бессвязная мысль.

За время своих скитаний он изучил повадки бичей и находил их удобными всюду — и на улице и, особенно, на вокзале. Там он выбирал себе место поукромнее, смешивался с толпой простых людей, а людей богато разодетых сторонился, и не только из-за укоряющих взглядов — на них он не обращал внимания, потому что знал: среди них его легче будет обнаружить милиции. Обходил он и вокзальных воров, которых, в общем-то, научился распознавать, избегал разбитных молодых людей и девиц легкого поведения, которые тоже обраца-

ли на себя внимание. До самой полуночи он сидел смиренно, ни с кем не вступая в разговор и держа под постоянным контролем все входы и выходы в зал ожидания; при виде милиционеров с места не срывался, а незаметно наблюдал за ними, а если они проходили совсем близко, смотрел под ноги и принимал вид весьма озабоченного человека. Если они все же подходили к нему и спрашивали документы, он сначала делал вид, что не понимает вопроса, а потом начинал долго рыться в карманах. Ничего там не обнаружив, Кобек печально сообщал, что, по-видимому, паспорт он потерял вместе с бумажником еще вчера, и говорил о том, что оказался в крайне затруднительном положении и не может добраться до дома. Одни милиционеры уводили его в отделение, другие отделывались устным предупреждением, но и те и другие старались от него отвязаться: хлопотливое это дело отправлять бича в спецприемник. После полуночи, когда милиции уже можно было не бояться, он подкладывал под голову портфель и ложился спать, просыпался всегда вместе со всеми — на рассвете, остальное досыпал, сидя здесь же, а если было тепло, то и на улице в каком-нибудь укромном местечке. К этой жизни он давно уже привык, и ему казалось, что никакой другой у него и не было.

В Керчи с ним приключилась неприятная история. Двое забулдыг, собиравших, как и он, бутылки в городском парке, захотели отнять у него добычу. Один — рослый, в белом плаще, с почерневшим лицом, кучерявый и задиристый, даже уже протянул руку к его портфелю. Он сперва растерялся, но, когда тот дернул его за ворот куртки, опустил портфель на землю и, схватив обидчика за руки, стукнул кулаком в нос — стукнул так, что у того брызнула кровь. Все же противник не унимался, кидался вновь и вновь, хотя все время натывался на кулаки. Пока он расправлялся с обидчиком, его товарищ — худой, среднего роста, остроносый, рыжий, с залысинами и таким же почерневшим лицом — выхватил из его рук портфель и побежал из парка в сторону порта. Увидев пустившегося наутек вора, Кобек, не долго думая, ударил изо всех сил рослого мужика ногой в живот. Мужик закричал страшно и, как убитый, рухнул на землю.

Тогда он побежал за худым, но возле порта потерял его из виду, долго блуждал по петлявшим переулкам, обшарил весь порт, наконец отчаялся и прекратил поиски. Очень сожалел, что не сдал сразу те несколько бутылок, которые были у него в портфеле. Больше всего его беспокоила пропажа рукописи и портрет Фейруз на деревянной дощечке. Он позеленел от обиды. Надо было смириться с мыслью, что он навсегда потерял свои последние ценности; он уже представлял, как листки с тайнописью летят по ветру в разных концах города, как драгоценный портрет валяется в грязи или как плывет по морским волнам неведомо куда. Что же делать? Как предотвратить все это? Пожаловаться в милицию? Нанять частных детективов? «Ужас! Я ничего не могу предпринять!» — В отчаянии он готов был биться головой о бетонные плиты, в беспорядке разбросанные по берегу.

Слоняясь по городу, он оказался в том же парке, где столкнулся с забулдыгами, и вдруг увидел под пирамидальной тучей их обоих, сидевших на скамейке и разглядывавших его вещи. Из портфеля было вывернуто его грязное белье, пара сорочек забулдыги с большим интересом глядели на портрет Фейруз.

— Икона! — послышался восторженный возглас худого.

— Дорогая, наверное? — держась за живот, цокал языком длинный.

Он незаметно подкрался сзади и, прыгнув как кошка, схватил худого за волосы. Тот вскрикнул, а длинный едва успел отскочить в сторону.

— Говорил же я, что он каратист! — взвизгнул тот, кто уже отведал его угощения.

— Отпусти! — Глотая воздух, худой схватился за горло, и портрет выпал из его рук.

Он поднял худого за волосы и, поставив на ноги, дал пинка под зад.

Забулдыги бросились бежать.

Он аккуратно собрал вещи, завернул портрет с рукописью и вырезками в целлофан и положил вместе с бельем и сорочками в портфель.

Из Керчи его выдворила милиция.

Богатый Краснодарский край встретил его неприветливо. Здесь-то он и узнал, что такое настоящий голод. Даже бутылки не попадались в здешних станицах, хозяйственные сельчане не бросались тем, что еще могло как-то послужить; обозленные друг на друга, а уж на таких, как он, тем более, они никого не пускали на ночлег, все работали на своих приусадебных участках, выращивали в парниках тюльпаны, которые потом сбывали в близлежащих и дальних городах, многие торговали овощами и фруктами все были заняты только собой. Не заметить этого было нельзя, изменить что-либо — тем более, и он решил перебиваться зеленью с совхозных полей. Иногда перепадали и случайные заработки: перекапывая одиноким старухам огороды, он получал на бутылку, случалось, что выгружал вагоны на каких-нибудь маленьких станциях. Здесь же он выучился удить рыбу на лиманах, долгое время питался и существовал за счет выручки от продажи свежельвленной рыбы. Очутившись на Кубани, он долго прожил на берегу реки в шалаше. Рыба, ягоды, фрукты из совхозных садов были единственным пропитанием. «Ничего удивительного, что самыры, деградировав, стали собаками, я и сам превращаюсь в четвероного», — мелькнула у него мысль, когда он, изможденный и голодный, варил порядком надоевшую уху возле своего шалаша...

* * *

В самые тяжелые минуты он спрашивал себя: «А нужен ли мне кто-нибудь?» Обманывать себя он уже не мог, и это горькое «нет», бывшее, как удар хлыста, гнал его дальше. Глядя однажды в ночное небо, он прочитал на нем — или в себе самом? — что и он никому не нужен, и ему стало обидно. Это ощущение испугало его, как будто он определил загадку смерти. Он вдруг ясно понял, что смерть приходит к человеку тогда, когда он никому не нужен. И, хотя ему уже давно не было ни до кого дела,

умирать все же не хотелось, и он, быть может, по привычке, все еще боялся попасть под нож бандюги, или под машину, или под поезд. Дожив до того черного дня, когда окончательно убедился в своей никчемности, он, едва дождавшись рассвета, прихватил свой портфель и двинулся к людям — в сторону какого-нибудь поселка.

В родной город он попал каким-то чудом. Такое могло произойти только благодаря роковой случайности. «Случайность или предопределение?» — спросил бы он себя совсем недавно, но теперь ему было не до пустых фантазий. Он выбрался из горевшего дома, но спина его полыхала.

В Армавире, это около ста пятидесяти километров от родного города, милиция чистила город и в машине набралось больше десятка разномастных бродяг. Среди этого сбора оказался и он, заросший бородой и не похожий на всех. Выделялась среди других и одна молодая беззубая особа с редкими светлыми волосами. Она без конца приставала к попутчикам, прося закурить, хотя молоденький милиционер, сидевший за сеткой в передней части машины, с самого начала строго предупредил, что в машине не курят... На его запрет ей было наплевать, но никто не давал ей желанную сигарету.

— Гражданин начальник, а куда нас везут? — раздавался время от времени чей-нибудь осипший голос.

— Привезут — увидишь! — кидал в ответ милиционер, и на этом переговоры заканчивались.

Кобек сидел в углу, опустив кепку на глаза, и ни с кем не разговаривал.

— И батюшку с нами взяли! — ляпнула, глядя на него, косоглазая бабка.

Народ хохотнул, все стали оглядываться, но он демонстративно отвернулся. Веселье утихло.

— Некомпанейский! — охарактеризовал его бритоголовый мужичок с заросшим лицом.

— Ты, бородач! Дай закурить! — дотронулась до его руки беззубая молодка.

Он молча отшвырнул ее руку. Все поняли, что он шуток не любит, и больше к нему не обращались.

Везли их очень долго; было похоже, что их хотят отправить в спецприемник, и этому очень удивлялись, потому что знали: таких, как они, давно туда не отправляют. Запах мочи и винного перегара бил ему в нос. «Вот и попался, — думал он, закрывая глаза и брезгливо поеживаясь. — Теперь уж буду совсем как они, хотя и так уже такой!..» — Придя к такому заключению, он не стал гревать или ужасаться.

«Что будет, то будет! — привычно подумал он, не утруждая себя глупыми предположениями. — А ведь не сказал, что на все воля Аллаха!» — усмехнулся он, вспомнив о своих давних нападках на религию.

Часа через три машина остановилась прямо на дороге. Где-то впереди светились огни какого-то города.

Милиционер открыл боковую дверь:

— Ну, вот что, профессора! Забудьте навсегда о нашем городе! Отдаем вам на растерзание другой, такой же симпатичный! Идите, празднуйте!

Бродяги, высыпав из машины, ничего не могли понять, и все спрашивали, куда это их привезли. Но милиционер не удостоил их ответом, и машина помчалась в обратном направлении. Одни «профессора» предпочли остаться на дороге, другие побрели на свет незнакомых огней.

Наутро перед ним, как в сказке, предстал родной городок: сначала он узнал очертания его окрестностей, потом — улицы и дома. В первую минуту он удивился и даже почувствовал что-то вроде радости, но, вспомнив о том, каким он был тогда, и представив свой нынешний вид, пожалел о случившемся. Хотя от него — прежнего — мало что осталось, он боялся быть узнанным. Страшно было подумать о встрече с близкими. «Надо было остаться с теми, кто подался обратно в Армавир», — стряхнув с себя все эти страхи, он пришел к выводу, что сделать это еще не поздно.

На голове у него была посеревшая от пыли зеленая кепка, немного лучше выглядели солдатские брюки и

ботинки, которые вручил ему демобилизованный солдат на армавирском вокзале; ватник он распахнул, потому что стояла жара, портфель, который он протаскал все пять лет странствий, из коричневого стал белым, во многих местах прохудился, на месте замка была скрученная проволока. Огромная выцветшая борода и морщины делали его намного старше — он казался почти стариком. На него заглядывались: одни, удовлетворив любопытство, спешили отвернуться, стыдясь, как видно, его убогой внешности; другие хотели казаться сострадающими, третьи — кривились... Он уже привык к таким взглядам. «Каждый живет как может», — другого ответа он не признавал. И все же ему бы очень не хотелось встретиться с кем-нибудь из знакомых или близких: ни с Кунбийке, ни с детьми, ни с Фейруз, ни с братом... Поэтому он, опасливо озираясь, начал обход города с безлюдных окраин. Ноги сами принесли его на Зеленый остров. Здесь он почувствовал себя вольнее, на какое-то мгновение освободился от своих страхов, а обнаружив вокруг стадиона множество пустых бутылок, так просто обрадовался. Загоревшись желанием подзаработать, он стал собирать бутылки, сразу же в кустах соорудил нечто вроде склада и осторожно помещал туда свое богатство. Он даже не мог вспомнить, когда ему так везло. По приблизительным подсчетам, бутылок было около ста, и он уже прикидывал, на сколько это потянет, если сдать их в приемный пункт. На скамейке он заметил парочку: мужчину и женщину, сидевших перед разложенной на газете едой. Он долго ожидал, когда парочка, покончив с трапезой, уйдет, оставив ему заветную бутылку. Но мужчина с женщиной не торопились, и он, сев на камень, стал терпеливо ждать.

— Эй! — окликнул его мужчина, догадавшись, что ему надо. — Возьми!

Он встал и пошел на зов.

— Если поймаешь, бутылка твоя, а нет так нет! — засмеялся мужчина.

Он остановился и, всмотревшись в незнакомцев, застыл, охваченный ужасом: метрах в десяти от него сто-

ял Адлес, а женщиной оказалась его бывшая сослуживица Хабиба. Он хотел было бежать, но, видя, что Адлес его не узнал, а Хабиба, таясь, сама отворачивала лицо, раздумал. Адлес кинул бутылку прямо ему в руки.

— Молодцом! — крикнул Адлес, а потом, взглядевшись в него, растерянно проговорил: — До чего же знакомое лицо!

Но он не стал испытывать судьбу. Еще не поняв, что произошло, он в смятении бросился к своему складу. Дойдя до кустов, где были спрятаны бутылки, отдышался, взгляд его невольно остановился на бутылке, врученной Адлесом, руки вспотели, бутылка казалась раскаленной и обжигала кожу, затем он перевел взгляд на свое сокровище. «Санитар общества! Побирושка!» — заклеил он себя. Вдруг он представил, как понесет сдавать эти бутылки через весь город. Почему-то подумал, что он тот самый человек, который жил в этом городе пять лет назад. «Какой позор!» — пристыдил его тот горожанин.

«Лучше повеситься!» — мелькнула у него мысль. Да мне ничего другого и не остается!» — гневно заключил он.

У него вдруг подкосились ноги, и он присел, бутылка по-прежнему жгла ему руки, и он, не сдержавшись, вскочил и швырнул ее в свой стеклянный дворец.

— Я — бродяга! — закричал он и начал бить его камнями. — Я — скотина! Ползучий гад! Тварь безмозглая! — кричал он в бешенстве и расстреливал кусты чем попадет.

Обессиленный, он упал на землю и, распластавшись, пролежал так до самого вечера.

Когда стемнело, он встал, скинул с себя ватник и бросил его на кучу стекла. Потом достал из портфеля целлофановый сверток, в котором лежали заветная рукопись и иконописный портрет, бросил портфель в бутылочный мусор и пошел в сторону города.

Стоя возле своего бывшего дома, он увидел дочек на балконе. Обе — почти неузнаваемые, черноволосые, в голубеньких платицах — опершись о перила и свесив головы, глядели во двор. Он стоял за газетным киоском, чтобы его никто не видел. «Мои родные дети!» — с вос-

торгом говорил он себе, узнавая родные черты.

«Ваш отец – бич: бывший интеллигентный человек, а может, бич божий? Мне стыдно перед вами, но уже ничего не изменишь! Я за вас отстрадал, теперь вы должны быть счастливы!» – Воздав по заслугам себе самому и умилившись своему родительскому чувству, он с нависшей на глаза слезой пошел от дома.

Когда он подошел к дому Фейруз, подул ураганный ветер, нагнал на небо тяжелые темно-синие тучи. Укрываясь от ветра за толстым кленом, он простоял, глядя на окна квартиры Фейруз, до первых капель. Начался дождь, и сразу же погас свет в ее окнах. Он пошел от дома, подгоняемый ветром и ливнем. Он не искал себе укрытия, шел, тяжело перебирая ногами в промокших брюках, волосы его расплзлись по лицу, по шее, сорочка прилипла к телу. Он шел и никого и ничего не видел: шел бездумно, куда глаза глядят. А между тем на черном небе запылали зарницы, треснули пушечные раскаты грома.

Ноги вынесли его к дому Риммы. Прижимаясь к стене соседнего дома, он пытался увидеть через завесу косяго дождя окна ее квартиры. Он знал, что в квартире должны теперь жить другие люди, но все равно обратился к едва заметным темным окнам. «Ты мое наказание за самомнение! Прости, что я потревожил твою ушедшую душу! Простите все! Я не способен на зло – в этом я теперь уверен!» – прошептал он дождю. В стороне блеснули огненные плети, раздался громкий треск, и он опять пошел, подгоняемый ливнем.

* * *

Мастерская была застеклена во всю длину стены, от пола до потолка. В ту ночь я дописывал повесть о Майор-Хани. Когда раздалась первая раската, я прервал работу. Мне стало не по себе.

Потушив свет, я уселся в кресло, которое стояло возле окна, и, истязая сам себя острыми ощущениями, на-

блюдал за бушующей стихией. Казалось, что в небе стелются какие-то громадные существа и из их ощеренных ртов изрыгаются огонь и оглушительный треск. Огни города померкли, вся его жизнь, казалось, была теперь подчинена тем чудищам, которые устроили превеликую бойню под небесным шатром.

Зарывшись в кресле, я совершенно ясно представил себе, как аульские священники выкапывают из кургана тело Майор-Хани. Именно в такую грозную ночь, чтобы никто не проведал об этом, можно было решиться на такое дело.

Огненные плети с каким-то зеленым блеском рассекли черные тучи над стоявшим километрах в трех отсюда двенадцатиэтажным домом. Я прислушался. Раздался раскатистый гром. Потом я услышал, как постучали в дверь. Я удивился: кто мог прийти сюда в такое позднее время? Я зажег свет. Стук повторился. Готовый ко всякой неожиданности, я пошел открывать. Когда отодвинул щеколду и приоткрыл дверь, увидел насквозь промокшего старика в ветхой одежде, расстрепанного и на вид совсем шального. Я хмуро посмотрел на него. А он, не поднимая головы, коротко проговорил:

— Пустите меня ночевать.

Его просьба удивила меня:

— С какой это стати? Я и сам здесь в гостях — хозяина сейчас нет...

Но он, словно не слыша моего ответа, проговорил, пряча лицо в косматую бороду:

— Я — Кобек Карамов.

Поверить его словам я не мог и начал внимательно приглядываться, стараясь найти в его чертах какую-то схожесть с Кобеком, а когда нашел, робко проговорил: заходи!.. И как еще я мог поступить? Ведь до этого я не встречал своего героя наяву!

Войдя в мастерскую, он неуверенно остановился у дверей, а почувствовав, что с его одежды течет, стал промокать ее платком.

— Ты разденься, — сказал я.

— Ничего, — устало ответил он.

— Сними, сними! Я дам тебе переодеться, здесь кое-что есть, — сказал я и стал рыться в шкафу друга — нашел там спортивные брюки и зеленую ковбойку.

— Иди в ванную, переоденься!

Вскоре он вышел из ванной и, босой, остановился у дверей. Я подал ему еще и тапочки. Он надел их.

— Проходи, садись, — я показал на стул. — Где ты пропадаешь так долго, Кобек? — спросил я и боязливо присел на край стула.

— Далеко, — неохотно ответил он и как-то надрывно закашлялся, потом, бросив на меня короткий взгляд, тихо спросил: — Поесть ничего нет? Я не ел уже двое суток!

Я достал хлеб, масло, сыр, пучок редиски — все, чем запасся на эту ночь.

— Ты что будешь пить — чай или кофе?

— Мне все равно. — Кобек взял обеими руками хлеб и, наклоняясь за ним то влево, то вправо, без суеты утолил голод.

— Может быть, сделаешь бутерброд — вон масло, сыр...

Кобек виновато улыбнулся, отломил кусок сыра и стал есть вприкуску с хлебом.

Когда я подал чай, он грыз редиску. Выпив чай, он закашлялся и встал.

— Я сильно простыл, — сказал он и показал рукой на угол. — Я посплю вон там? — голос его дрожал.

— Зачем же там? — удивился я. — Ложись на диване. Я все равно спать не собираюсь.

— Нет, я люблю угол, — проговорил он и, добредя до стены, уселся.

— Что ты? Ложись на диван! — возмутился я и, подойдя к нему, поднял за локоть.

— Тогда я еще приму ванну. Нет ли тут лезвия и куска мыла?

Я нашел пачку лезвий, бритвенный прибор и новый кусок мыла. Отдал ему.

— А ножницы найдутся? — виновато спросил он, показывая на свою бороду.

Я нашел и ножницы.

Кобека долго не было, а когда он вышел из ванной, его трудно было узнать. Обритые щеки белели на смуглом лице, резко обозначились выдававшиеся скулы и совсем как угли горели черные глаза.

— Совсем другое дело, сразу помолодел! — похвалил я.

Кобек кивнул головой и оглядел мастерскую. Сначала остановил взгляд на письменном столе, на моих бумагах, потом осмотрел полки. Я заметил, как долго он смотрел на череп.

— Я тебе помешал работать? — спросил он задумчиво.

— Нет, — ответил я.

— Как ты можешь работать, когда тут вот это? — Он не сводил глаз с моей истлевшей музыки.

— Я как раз пишу об этом.

— Хотя, в общем-то, здесь ничего необыкновенного нет. Считай, что это кусок камня или дерева, — сказал он словно самому себе.

— Я так не думаю. Мне как раз кажется, что жизнь еще не покинула его. От него исходит какая-то сила, хотя, возможно, мне это только кажется...

Я постелил на диван простыню и положил подушку.

Кобек молча лег, отвернулся к стене, но, тяжело закашлявшись, поднялся и, подойдя ко мне, сказал:

— Это какая-то аномалия. Я заберу отсюда череп.

— Зачем он тебе? — удивился я.

— Я закопаю его в землю.

— Может, это и правильно, но череп не мой, а друга.

— К нему он тоже попал случайно. Его место в земле.

И еще... — он пытался справиться с проклятым кашлем, — вы не можете мне достать документы? Я пять лет бродяжничал, меня могут посадить за это. К тому же алименты не платил... С женой я попробую договориться. А вы уладьте дела с документами! Преступлений за мной нет, только бродяжничество... Но я работаю, правда, без документов. Я должен начать новую жизнь, помогите мне, — проговорил он словно в бреду.

— Попробуем помочь. А интересно, куда ты пойдешь, где будешь жить?

— Хочу жить в отцовском доме... Я все искал чего-то, но, похоже, так и не нашел. Раньше мне казалось, что я живу в каком-то террариуме, где надо мной проводят опыты. Я хотел избавиться от этого ощущения, хотел забыть себя, но еще не знаю, удалось ли мне это.

— Странный ты человек, Кобек. Я это понял, как только увидел тебя, — неизвестно зачем сказал я.

— Причем тут это! — махнул он рукой. — Просто все мы — дети! — и, повалившись на диван, Кобек отвернулся.

* * *

В мастерской Кобек прожил почти месяц. За это время я уладил дела с его женой. Мы с другом поручились за него, даже заплатили штраф и получили его новые документы. Он снова стал Рауфом Алимжановичем Карамовым. Живя в мастерской, он целыми днями выскабливал на цинковых пластинках текст своего трактата, что-то дописывая и меняя. Я видел, как он мучается над каждой фразой. Когда он доскабливал последнюю пластинку — хотя откуда мне было знать, что она — последняя! — я спросил его:

— Очень уж любопытно, что ты там царапаешь! Прочти что-нибудь!

Он с ухмылкой посмотрел на меня:

— Пожалуйста! Трактат о любви я заканчиваю гениальными строчками Маяковского:

Пустите к зверю в сторожа.
Я люблю зверье.
Увидишь собачонку —
тут у булочной одна
сплошная плешь,
из себя и то готов достать печенку.
Мне не жалко, дорогая, ешь!

Я был страшно удивлен, но Кобек не стал ничего объяснять.

Заняв у меня денег, он вскоре уехал. Рукопись он оставил мне.

— Можешь взять на всякий случай: хоть какая-то память... У меня ведь больше ничего нет, — и, словно ставя точку в своем трактате, проговорил: — А череп я забирю. Тому, что должно покоиться в земле, не место среди живых! — Мне вдруг показалось, что даже голос его изменился: так нравоучительно и веско мог говорить только какой-нибудь мулла.

Мне было горько прощаться с моим давним спутником. Я был совершенно уверен, что это не кто иной, как Майор-Хани. Мне постоянно представлялось костистое лицо этой последней представительницы династии чингизидов. Я любовался ее гордой осанкой, видел, как она, подняв полы голубой черкески, лихо садится на коня и, неистово хохоча, кричит посрамленному мужу:

— Я мужчина, а не ты, Баракай! — и поднимает на дыбы своего вороного.

Слышалось мне и проклятие Рамазан-муллы:

— Не найдешь ты покоя, Майор-Хани, даже после смерти!

«Я уже никогда не расстанусь с ней», — думал я, а Кобек тем временем осторожно завернул в мягкую фольгу череп, затем цинковые пластинки и деревянный портрет женщины со щенком — и положил все это в новый чемодан.

— Спасибо вам! — серьезно проговорил он. — Деньги я скоро верну, — добавил он, когда мы вышли провожать его.

Вскоре от жителей аула я узнал о его делах. О том, что он человек ученый, аульчане знали, и поэтому им было странно, что он стал работать простым пастухом. К тому же у него не было сменщиков, а значит, он работал без выходных — таких пастухов сейчас не встретишь... У него была своя лошадь. Один механизатор, мой родственник, рассказал мне вот что... Аульчане часто видели его возле останков Ак-тау, в стороне Эдер-аула. Неподалеку от снесенной горы пасся скот, а он свозил на ручной тачке землю и ссыпал ее в одном месте. К концу лета над Ак-тау возвышался большой земляной курган. Местные жители дивились этому, считали, что от безде-

ля человек бесится: выроет яму, зарует, все без толку! — но все же нарекли тот курган его именем. Старое название — Ак-тау — забылось, и аульчане все чаще называли это место курганом беспечного Кобека.

Холодной осенью одетый как деревенский житель в длинный темно-синий плащ и сапоги в мастерскую заявился Кобек. У самого порога он захлебнулся в кашле, пройдя в мастерскую, виновато поглядел на нас, потом вытащил из кармана деньги и, отсчитав столько, сколько был должен, отдал.

— Заезжайте ко мне, буду рад! — сказал он и покинул мастерскую.

Потом настали перемены в стране. Громко заговорили о перестройке, о новшествах, стали предприниматься новые реформы, начали переоценивать дела минувших лет. Я вдохновенно включился в это, душа у меня болела — говоря правду об исчезновении народных обычаев, о грозившей народу деградации, мне становилось легче: впервые я почувствовал, что, занимаясь публицистикой, приношу кому-то пользу. Я и раньше писал публицистические статьи, но живший во мне внутренний редактор выправлял их, а еще чаще их выправляли другие. Опубликовав статью «Найти идеал», я получил массу писем: посылали их как в редакцию газеты, так и на мой домашний адрес. Многие поддерживали меня: писали о необходимости веры, советовали писать о том, что волнует каждого — о смысле жизни, о высокой любви; предлагали свои решения проблем, излагали даже религиозные учения... Почти каждое письмо было подписано, под каждым был адрес — мои корреспонденты, как видно, рассчитывали на ответ. И я даже ввязался в эту переписку. Тогда я чувствовал себя воистину нужным человеком: наставлял, учил, проповедовал... Благодарствовал я до тех пор, пока не получил анонимное письмо, в котором было всего несколько строк: «Ты поднял нужную тему! А как быть с теми, кто разуверился во всем? Равнодушие — страшная разрушительная сила... Как спастись от этого?!» Получив это письмо, я прежде всего подумал о том, кто бы мог его написать. Из обращения

— не на «вы», а на «ты»! — я понял, что писал кто-то из моих знакомых, но штемпель на конверте был размыт, и я не смог ничего разобрать. Не знаю почему, но мне пришло в голову сличить почерк автора письма с почерком Кобека. Я раскрыл его рукопись и обнаружил, что почерк — один и тот же!..

Позднее, поехав по своим делам в Эдерский район, я специально заехал в аул, где жил Кобек. Нашел его дом. Двор был пуст, а на двери, окрашенной голубой краской, висел замок. Соседи сказали мне, что Кобек уже больше трех месяцев лежит в туберкулезном диспансере.

Вернувшись, я пошел в больницу. У входа встретил молодую женщину: стройную, статную, с красивым лицом... Собака, которую она вела на поводке, показала-ся мне какой-то необычной — в наших местах такие не встречались. От женщины я не мог отвести глаз: и не только потому, что она была необычайно красива — ее заплаканное лицо показалось мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, где я мог его видеть. Когда я вошел в палату и увидел осунувшееся лицо Кобека, который он тотчас вспомнил портрет женщины со щенком, который он хранил у себя. Мой друг — художник восхищался этим портретом: это великая школа! — говорил он.

Кобек лежал в постели, подтянув одеяло до самой шеи, из-под одеяла выглядывала его худющая рука, к которой были прикреплены трубки от капельницы. Он от-решенно глядел в потолок и, когда я вошел, даже не по-смотрел в мою сторону. Зато трое его сопалатников с интересом наблюдали за мной. Кобек лежал, тяжело дыша, губы его были приоткрыты. Я подошел поближе и заглянул ему в глаза. Только тогда он взглядом дал по-нять, что узнал меня, но ничего не сказал и попытался повернуться на бок. Я замахал руками, прося его лежать спокойно, и сел на стул, стоявший возле кровати. Неко-торое время мы молчали.

— Я хочу жить, — услышал я его хриплый голос.

— Ты будешь жить, ты молод, — другого утешения я не нашел.

— Напиши о человеке, который хочет жить... — умо-ляюще проговорил он, но снова замолчал и сделал еще

одну попытку повернуться. — Жить — это великое благо, — прошептал он с таким видом, что я почувствовал обиду: на лице больного было написано: ничего-то ты не понимаешь и никогда не сможешь понять.

Я еще долго сидел возле него, он так и не открыл глаз.

И я бы так и ушел с этой обидой, если бы, выйдя из палаты, не спросил у лечащего врача о состоянии больного. Узнав, что я просто приятель, он доверительно сообщил мне о безнадежном состоянии своего пациента.

Я ушел из больницы подавленным — представить Кобека мертвым мне было уже легче, чем представить его живым. Но стоило мне отойти от больницы, как я не верил в его смерть, и тогда я с обидой вспомнил ту оскорбительную гримасу на его лице. «А я ведь ему не чужой, почему он так посмотрел на меня!» — думать о нем я не переставал, но посетить его еще раз не решился. Через несколько дней я заговорил о Кобеке со своим другом — художником.

Услышав о болезни Кобека, друг сказал, что обязательно навестит его. И он действительно пошел в больницу, но очень скоро вернулся.

— Умер, бедный! — сказал он, сам не веря тому, что говорит. — Утром отвезли хоронить в аул. Давай поедем и мы, может, успеем на похороны...

Нахлобучив шапки — без головного убора мужчина не должен появляться на похоронах, — мы поехали в аул, но на похороны опоздали: похоронная процессия к тому времени уже разошлась. У ворот мы увидели женщину, одетую в черное, возле нее крутилась аккуратно постриженная рыжая собака. Женщина держалась рукой за ограду, опухшие от слез глаза смотрели вдаль: на могильные камни. Собака окинула нас мимолетным взглядом и, сочувствуя хозяйке, горестно заскулила. Женщину я тотчас узнал, я встречал ее возле больницы. Но она даже не обратила на нас внимания. Мы прошли в ворота, дойдя до середины кладбища, увидели неподалеку от главной аллеи свеженасыпанный холм с двумя бетонными столбиками по краям. К тому, что находился у изголовья, была прибита дощечка с надписью:

Рауф Алимжанович Карамов.
1946–1985 гг.

Под надписью той же красной краской была выведена родовая тамга: / — прямая под углом в 75 градусов.

— Был человек, и нет его, — печально проговорил друг.

— Он хотел жить, — я повторил слова, которые услышал от Кобека в больнице. — Еще он сказал, что жизнь — это великое благо. Видимо, это понимаешь только тогда, когда покидаешь этот мир навсегда... А действительно, что может быть выше жизни!

— А где он подхватил эту болезнь? — Привыкший говорить сам с собой, друг не решался обременять меня вопросами.

Но я ответил: «Не знаю» — то ли ему, то ли самому себе.

— Эта болезнь, как я слышал, вполне излечима.

Но он, наверное, запустил ее. — И мне захотелось осмотреть могилу.

Недалеко от только что насыпанного холмика стоял сложенный из песчаника четырехугольный камень с дугообразным верхом, на котором была вырезана надпись на ногайском языке:

Печаль проходит,
И радость проходит.
И богатство уходит —
Лишь сожаление к нам приходит.

Ниже было написано: «Здесь покоится Карамов Алимжан».

Надпись продолжала родовая тамга, по бокам памятник был украшен арабской вязью, наверху светились голубой полумесяц и зеленая звездочка.

— Здесь похоронен его отец, — я не успел договорить, как...

— Похоже, что он сильно любил его, — мой друг сказал то, о чем я только что подумал.

— А у Кобека нет сына, — с сожалением проговорил я.
— Да... — вздохнул мой друг. — Дочери не поставят ему памятник.

— А ты знаешь, что он сам воздвиг себе курган? Курган славы! — зачем-то добавил я. — Он так и называется: курган беспечного Кобека.

— Почему — «беспечного»? — пожал плечами друг, но не стал дожидаться ответа. — А где этот курган?

— Возле Эдер-аула, на месте Ак-тау, ты помнишь, наверное, как он отстаивал пещеру с каким-то собачьим изображением?!

— Да-да, припоминаю, была статья о каком-то самыре, летающей собаке... — сказал друг и, взяв в руку горсть земли, кинул на холм.

Я сделал то же.

— Может, съездим туда? — спросил я.

Друг согласился.

Когда мы вышли за ворота кладбища, женщина по-прежнему стояла возле ограды.

Я решил подойти к ней.

— Вы знали Кобека Карамова?

— Да, я его жена. Что за обычаи такие! С близким человеком не попрощаешься! — глотая слезы, проговорила она.

— Что поделаешь! Нашим детям и женщинам не полагается заходить на кладбище, по-человечески это можно понять! — ответил я.

— Это дико! — отрезала она.

— А разве дома его не поминают? — вмешался в разговор друг. — Не знаю. Я не заходила в его дом. Там, наверное, родственники, его первая жена... Я не хочу, чтобы они меня видели. Кобек никогда не забывал о них... Но любил он меня! — с вызовом сказала она. — И я его любила, но нам пришлось расстаться... Он был добрый и совсем не приспособленный к жизни человек. — Женщина зарыдала.

— Успокойтесь! — попросил я. — Вы, кажется, живете в городе? Мы можем вас подвезти!

— Да-да... Если вам не трудно! — сказала она. Через полчаса мы подъехали к Ак-тау. Среди белых развалин одиноко высился курган, обросший редкой зеленой травой. Остановив машину, мы с другом отправились к кургану. Женщина не могла понять, куда и за чем мы идем.

— Этот курган, — объяснил я, — воздвиг Кобек.

— Зачем он, это сделал? — спросила женщина.

Мы не знали, что ей ответить. И тогда она помогла нам.

— Это, наверное, в честь самыра? Он много рассказывал мне об этой горе и о пещере, в котором был тот рисунок...

— Нет горы, и его уже нет, — печально проговорил мой друг, когда мы поднялись на курган.

— Сколько же земли нужно было принести сюда! — удивилась женщина.

Фокстерьер уже забыл о своей траурной миссии и, мечтая набегаться вволю, дергал поводок.

— Этот курган — как оазис среди пустыни! — сказал мой друг, переводя дыхание.

— Точнее, среди камней, — такой изобразительный ряд показался мне вернее.

— Он всегда хотел чего-то необычного! — вздохнула наша спутница.

Курган славы! Я вдруг подумал, что здесь же Кобек должен был похоронить и свои цинковые пластины, и портрет той женщины со щенком, и костяной лик Майор-Хани.

Вдруг фокстерьер залаял и отбежал в сторону.

— Тише, Миша! — прикрикнула на него женщина, но собака не унималась.

Посмотрев в ту сторону, мы увидели двух собак — черную и серую. Они остановились возле камня и настороженно смотрели на нас.

— А этот курган, как видно, почитается не только людьми, — усмехнулся я.

Друг присвистнул — и собаки пустились наутек...

Когда мы снова сели в машину, женщина вспомнила:

— У него была рукопись, какой-то труд о цивилизации самыров.

— Вы говорите, о цивилизации? Вот это да! — удивился я.

— Да. Он был уверен в существовании этой цивилизации.

— И как же он ее себе представлял? — спросил я.

— Не знаю, он никому не рассказывал об этом. Рукопись он мечтал издать. Интересно, где она?

— Рукопись у меня, но я не знаю, как ее прочитать — она зашифрована.

— Кобек говорил, что взял за основу какие-то родовые знаки ... — покачала головой наша спутница.

— Вон куда его занесло! Какая-то собачья цивилизация! — проговорил мой друг.

— Но разве это неинтересно! От сознания того, что до нас существовала какая-то другая цивилизация, на душе становится теплее! — защитил я Кобека.

После некоторого молчания женщина сказала:

— Он все хотел переделать мир на свой лад, воображал, чего не было. Наверное, от этого ему было так тяжело.

— Мне вообще кажется, что он не жил, а сопротивлялся жизни. — Оторвавшись от дороги, мой друг взгляделся в лицо женщины.

А я вдруг вспомнил лицо Кобека — я все еще не забыл той обиды, которую почувствовал тогда в его палате. «Он знал, что уходит непонятым, и ничего не мог сказать в свое оправдание — вот почему ему было обидно, и вот почему он обидел меня!»

Мы довезли женщину до дома, и это было единственное, чем мы могли ей помочь. Поблагодарив нас, она ушла, не оглянувшись. Мы поставили машину в гараж и отправились по домам.

— Что человек, что муха — все одно! Пометалась по тесной комнате, побилась о стекла — и нет ее! — сказал мой друг.

— Да, это так, — согласился я.

Перед тем как войти в свой дом, я вспомнил последние слова Кобека и его горящее обидой лицо: за что? «Похоже, что он и будет героем моего нового романа!» — подумал я.

Спустя месяц после смерти Кобека я зашел в мастерскую своего друга. Художник стоял у мольберта и делал, по-видимому, последние мазки — в руках его были кисти. Я подошел к нему и взглянул на картину. На ней была изображена корчившаяся от боли фигура человека — спина его была в огне. Лица его я не разобрал, оно едва угадывалось на темно-фиолетовом фоне. Вглядевшись в этот профиль — ярко зеленеющий во тьме, я узнал в нем черты покойного Кобека. Картина показалась мне слишком натуралистичной: огненные языки лизали спину несчастного страдальца.

— Зачем же так? — удивился я.

Друг ничего не ответил.

Человек, изображенный на холсте, озирался на огонь, на лице его был вопрос: за что? я не виноват!

Картина так потрясла меня, что я пошатнулся: мне самому стало больно!

— Куда он бежит? — спросил я, придя в себя.

— Не знаю. — Друг не отрывал взгляда от картины.

— По-твоему, он убегает от огня?

— Да, наверное.

— От огня скверны или очищения? — спросив об этом, я почему-то улыбнулся: смущение это было или чувство вины, не знаю.

— Вопросов и у меня немало, потому я и взялся за эту работу...

— На многие из них ты ответил! И все-таки не верится, что Кобек умер!..

— Да, но попробуем принять его веру, и жизнь его, возможно, продлится! — сказал мой друг и отложил кисти...

Содержание

СУЛЬДЕР (Книга отражений)

Роман. Перевод автора и Э. Сергеевой

<i>Часть первая. Скращение</i>	8
<i>Часть вторая. Квартира</i>	132
<i>Часть третья. Урна</i>	266
<i>Часть четвертая. Угол</i>	391
<i>Часть пятая. Вознесение</i>	530

Иса Суюнович Капаев

СУЛЬДЕР
(Книга отражений)

Роман

Редактор-корректор

И. С. Капаев

Оформление, художественное редактирование,
компьютерная графика и верстка —

А. Я. Алимовой

Технический редактор

А. Я. Унежова

Подписано в печать 16.07.18.
Формат 84x108 /₃₂ Бумага офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleСТТ». Печать офсетная.
Усл.- печ. л. 22,1. Усл. кр.-отт. 22,5. Уч-изд. л. 20,6.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых фотоформ
в ОАО «Издательско-полиграфическая фирма
«Ставрополье». 355035, г. Ставрополь,
ул. Спартака, 8.

К 20

Капаев И.С. Сульдер (Книга отражений). Москва. 2018 –608 с.

ISBN 978-5-7289-0254-6

«Роман «Сульдер. Книга отражений» – многоплановое художественное произведение, обобщающее идейно-стилевые искания автора, вобравшее в себя творческие накопления, открытия и обретения. Его содержание и форма – сложное, порой противоречивое переплетение истории и современности, реальности и ирреальности, сущего и желаемого, обусловленное потребностью воссоздания этно-национального мира». В 1989 и 1991 годах вышли в свет первая и вторая часть книги на ногайском языке. В 1996 году был опубликован перевод романа на русский язык. Данное второе издание доработано автором.

К $\frac{4802490100}{9П1(03) - 2018}$ без объявл.

84 (Ног) 7 – 4

